

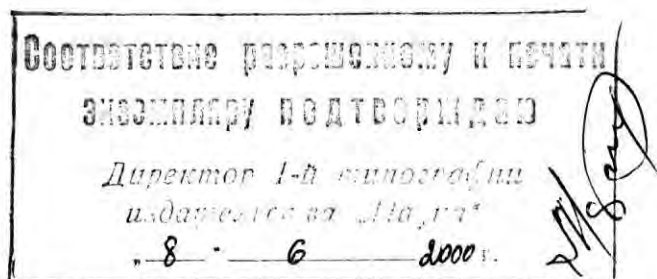
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ФИЛИАЛ

Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин

Сергей Юльевич
ВИТТЕ

и его время

ДБ

С.-ПЕТЕРБУРГ

2000

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
согласно проекту № 99-01-16089д*

ISBN 5-86007-180-9

© Б. В. Ананьич, Р. Ш. Ганелин,
2000
© «Дмитрий Буланин», 2000

ОТ АВТОРОВ

Эта книга была задумана как политическая биография С. Ю. Витте, но очень скоро стало очевидно, что понять эволюцию взглядов Витте и мотивы его поведения как гражданина и государственного деятеля — а в этом авторы прежде всего и видели свою главную задачу — невозможно без характеристики, пусть даже самой поверхностной, исторических событий, происходивших в России в царствование Александра III и Николая II. Так появилось новое название книги: «Сергей Юльевич Витте и его время». И все-таки эта книга — о жизни Витте, его бюрократической карьере, проектах государственного переустройства, его влиянии на развитие российской экономики, определение курса внутренней и внешней политики. В то же время это своеобразный комментарий к его «Воспоминаниям». Их выход в свет в трех томах в начале 1920-х годов был воспринят как откровение и сразу привлек внимание историков. Однако одним из немногих, а может быть единственным, кто по достоинству оценил значение «Воспоминаний» как источника, был Б. А. Романов. Он был и первым, кто приступил к систематической научной критике этого источника, посвятив два крупных монографических исследования дипломатической истории русско-японской войны.* В них Б. А. Романов дал яркий и исторически точный литературный портрет Витте и подверг критическому анализу версию о его роли в дальневосточной экспансии России. Именно в работах Б. А. Романова для нас открылись впервые как во многих отношениях замечательные, так и не всегда привлекательные черты Витте-политика.

В 1960 г. директор Института истории АН СССР профессор А. Л. Сидоров задумал и осуществил второе советское издание «Воспоминаний» и пригласил нас написать комментарий к первому тому. Эта работа стала для нас роковой. Сказалась притягательная сила Витте как исторической личности. Комментиро-

* Романов Б. А. 1) Россия в Маньчжурии (1892—1906): Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма. Л., 1928; 2) Очерки дипломатической истории русско-японской войны: 1895—1907. М.: Л., 1947; 2 изд., испр. и доп. М., Л., 1955.

вание мемуаров Витте спровоцировало интерес к разным сторонам его жизни, и в результате за минувшие тридцать с лишним лет мы опубликовали серию статей о государственной и публицистической деятельности Витте. Настоящая книга представляет собой попытку свести воедино накопленный материал и выстроить его в хронологической последовательности.

При подготовке второго издания «Воспоминаний» естественно возник вопрос о местонахождении рукописи. Ответить на него стало возможным только после 1965 г., когда истек пятидесятилетний срок со времени кончины С. Ю. Витте и Бахметьевский архив при рукописном отделе библиотеки Колумбийского университета в Нью-Йорке открыл для читателей доступ к коллекции документов, приобретенных им у приемной дочери Витте Веры Сергеевны Нарышкиной-Витте. В этой коллекции наряду с документами, которые Витте хранил за границей, оказалась и рукопись его «Воспоминаний». Коллекция Бахметьевского архива представляет несомненную ценность, а вместе с бумагами Витте в Российском государственном историческом архиве С.-Петербурга, образует довольно значительное собрание документов о его жизни и государственной деятельности.

Авторы благодарны сотрудникам РГИА и Бахметьевского архива за оказанную помощь в розыске материалов о Витте. Доступ читателям из России в Бахметьевский архив и копирование его материалов далеко не сразу оказались возможными, и авторы чрезвычайно признательны американским коллегам, которые способствовали открытию этого архива для российских читателей: Роберту и Рут Рузам, к сожалению, теперь уже покойным, а также профессорам Леопольду Хеймсону и Ричарду Уортману.

Благодаря В. Е. Кельнеру, который обнаружил в Институте исследований по истории евреев в Нью-Йорке (Yivo-Institute for Jewish Research) и помог скопировать письма и воспоминания некоторых из сотрудничавших с Витте журналистов, нам удалось пополнить наши представления о публицистической деятельности Витте.

Неоценимую помощь авторам оказал профессор Теренсе Эммонс, создав условия для занятий в архиве и рукописном отделе Гуверовского института в Стенфорде.

Летом 1997 г. Б. В. Ананьич получил возможность работать над биографией С. Ю. Витте в архивах и библиотеках США по приглашению Центра Вудро Вильсона и Института имени Дж. Кеннана. Авторы признательны сотрудникам этих учреждений, и особенно директору Института доктору Блэру Рублу.

Время Витте — это конец XIX—начало XX в., период, исследованием которого в течение многих лет занимаются наши петербургские и московские коллеги. В их среде и под их влиянием написана эта книга.

Часть I

**В ПОИСКАХ
НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕИ**

Глава I

МОЛОДЫЕ ГОДЫ. ТИФЛИС И ОДЕССА. НА СЛУЖБЕ В ОБЩЕСТВЕ ЮГО-ЗАПАДНЫХ ЖЕЛЕЗНЫХ ДОРОГ

Когда 28 февраля 1915 г.* в Петрограде умер С. Ю. Витте, министр финансов в 1892—1903 гг. и председатель Совета Министров в октябре 1905—апреле 1906 г., уже восемь лет находившийся не у дел, факт этот, несмотря на события первого года мировой войны, оказался в центре внимания русской печати всех направлений. Имя Витте в течение нескольких дней не сходило со страниц как столичных, так и провинциальных газет. Снова и снова перечислялись заслуги опального министра и премьера: денежная реформа и винная монополия, Портсмутский мир и манифест 17 октября. Некоторые из петербургских газет выходили в эти дни даже с большими цензурными лакунами в статьях, посвященных Витте, а черносотенные листки очень скоро подняли шум о «весьма нездоровой и нежелательной популяризации» его имени. «Одним вредным для России человеком стало меньше», — так откликнулось на смерть Витте «Русское знамя», выразив чувства самого Николая II.¹ «Я уезжаю с таким спокойствием на душе, — писал царь в этот день жене, — что даже сам удивляюсь. Оттого ли это происходит, что я беседовал с нашим Другом (Распутиным. — Б. А., Р. Г.) вчера вечером, или же от газеты, которую Бьюкенен дал мне, от смерти Витте, а может быть, от чувства, что на войне случится что-то хорошее, — я не могу сказать, но в сердце моем царит истинно пасхальный мир».²

Как государственный деятель Витте отличался редким для представителей русской бюрократии качеством — он был прагматиком и обладал удивительной способностью радикальным образом изменять свои взгляды в зависимости от обстоятельств. Его прагматизм, граничивший с политиканством, часто шокировал

* Даты приводятся по старому стилю, за исключением связанных с событиями и актами международного характера, которые обозначаются по старому и новому стилю. Датировка номеров газет воспроизводит их собственную.

современников. Однако никто не пытался объяснить эволюцию его взглядов или рассмотреть их с учетом изменений, которые происходили в русской общественной жизни. И поныне читатель, заинтересованный в том, чтобы получить представление о взглядах С. Ю. Витте не только как государственного деятеля, но и как человека, неизбежно обращается к его «Воспоминаниям». Они остаются наиболее полным описанием его жизненного пути, хотя, разумеется, С. Ю. Витте и предстает на страницах своих «Воспоминаний» таким, каким он хотел бы, чтобы его видели потомки.

С. Ю. Витте был человеком своего времени — времени больших перемен в жизни русского общества. Реформы 1860-х годов всколыхнули Россию, вывели на политическую сцену новое поколение государственных деятелей. Именно они должны были определять будущее империи. С. Ю. Витте принадлежал к их числу.

Сергей Юльевич Витте родился в Тифлисе 17 июня 1849 г. и воспитывался в семье своего деда А. М. Фадеева, тайного советника, бывшего в 1841—1846 гг. саратовским губернатором, а затем членом совета управления Кавказского наместника и управляющим экспедицией государственных имуществ Закавказского края. Если обратиться к воспоминаниям Витте, то привлекает внимание одна деталь: рассказывая о своей родословной и детстве, он всего в нескольких строках говорит об отце и ничего не пишет о его родственниках. Сказано лишь, что Юлий Федорович Витте, директор Департамента государственных имуществ на Кавказе, был дворянином Псковской губернии, лютеранином, принявшим православие, а предки его, выходцы из Голландии, приехали в «балтийские губернии», когда те еще принадлежали шведам. Умолчав о предках со стороны отца, Витте многие страницы воспоминаний посвятил семье Фадеевых: своей бабке Елене Павловне Долгорукой, ее дальнему предку Михаилу Черниговскому, замученному в татарской Орде и причисленному к лику святых, наконец, своему дяде — известному генералу и публицисту Ростиславу Андреевичу Фадееву. «Вся моя семья, — подчеркивал Витте, — была в высокой степени монархической семьей, и эта сторона характера осталась и у меня по наследству».³

Когда Витте за три-четыре года до смерти писал воспоминания, в его распоряжении был обширный домашний архив, содержащий и личные документы отца. При желании мемуарист мог сообщить читателю, что дед его со стороны отца Иоганн-Фридрих-Вильгельм Витте, именовавшийся в официальных русских документах «Фридрих Федоров Витте», в 1804 г. начал службу лесным землемером в Лифляндской губернии, дослужился до титулярного советника и в 1844 г. за 35-летнюю службу в офицерских чинах был награжден орденом Св. Владимира 4-й степени. Фридрих Витте умер в 1846 г., а лет десять спустя его сыновья получили потомственное дворянство за заслуги отца. Родители С. Ю. Витте венчались 7 января 1844 г., а почти через двенадцать лет псковское дворянское депутатское собрание слушало дело о причислении Христофа-Генриха-Георга Юлиуса Витте с женой

Екатериной Андреевной и сыновьями Александром, Борисом и Сергеем к дворянскому сословию.⁴

Отец С. Ю. Витте Юлий Федорович (Христоф-Генрих-Георг-Юлиус) получил образование в Дерптском университете и Петербургском Форст-Институте, изучал сельское хозяйство и горное дело в Пруссии, а в начале 1840-х годов как специалист по сельскому хозяйству был направлен в Саратовскую губернию. В Саратове он познакомился с дочерью губернатора Екатериной Андреевной Фадеевой. Здесь в 1844 г. состоялось их бракосочетание, а два года спустя они вместе с семьей Фадеевых переехали на Кавказ.

А. М. Фадеев был приглашен на службу в Тифлис его покровителем наместником Кавказа князем Михаилом Семеновичем Воронцовым. В Тифлисе супруги Витте поселились в большом барском доме Фадеевых, где одной только дворни из крепостных Елены Павловны Долгорукой было более восьмидесяти человек. В 1856 г. наместником Кавказа стал князь Александр Иванович Барятинский. Семья Фадеевых пользовалась его полным расположением, а Ростислав Андреевич Фадеев состоял при нем адъютантом и был близким ему человеком. Это не могло не способствовать бюрократической карьере Ю. Ф. Витте. В апреле 1849 г., незадолго до рождения его третьего сына Сергея, Ю. Ф. Витте был произведен из надворных советников в коллежские, а в 1850 г. уже как статский советник возглавлял Отделение экспедиции государственных имуществ и был награжден орденом Св. Анны второй степени. В августе 1860 г. действительный статский советник Ю. Ф. Витте как директор Департамента государственных имуществ Главного управления наместника Кавказа был награжден орденом Св. князя Владимира третьей степени, а в 1862 г. по ходатайству А. И. Барятинского стал кавалером Станислава I степени.⁵ Дальнейшую карьеру Ю. Ф. Витте оборвала ранняя смерть.

С. Ю. Витте-мемуарист хотел убедить потомков, что он и по отцовской линии происходил не из малоизвестных обрусевших немцев, а родился в семье дворянина, к моменту его рождения принявшего православие и с годами под влиянием семьи Фадеевых сделавшегося «и по духу... вполне православным».⁶ Витте позаботился, чтобы эти сведения о его родословной попали в солидные справочные издания. В результате в 1911 г. в словаре Гранат появилась статья П. Н. Милюкова о Витте, написанная по материалам, предоставленным им автору. В словаре Брокгауза и Ефрона статью о Витте написал один из давних его сотрудников, Н. Н. Кутлер. Естественно, что обе статьи не расходятся с соответствующими разделами «Воспоминаний». По-видимому, не без участия Витте в том же томе была напечатана краткая, но курьезная для энциклопедии такого ранга статья: «Витте — старинные курляндские дворяне, предки которых первоначально жили в Чехии, Пруссии, Голландии. Потомки их, переселившись в Россию, утверждены почти все по личным заслугам».⁷ Столь ревнивое отношение Витте к своему дворянскому происхождению и преданность православию легко понять, зная атмосферу духовной

жизни воспитывавшей его семьи Фадеевых, где вечной занозой сидели и лютеранское прошлое, и родословная его отца. Позднейшими генеалогическими разысканиями установлено, что среди предков Витте по линии Долгоруких была дочь сподвижника Петра I П. П. Шафирова Марфа Петровна. Она вышла замуж за Сергея Григорьевича Долгорукова. Известно также, что по отцовской линии бабкой Витте была Мария-Елена-Луиза, урожденная Крамер.⁸

Ранние годы Витте прошли в Тифлисе и Одессе, где в 1870 г. он кончил курс наук в Новороссийском университете по математическому факультету со степенью кандидата, написав диссертацию «О бесконечно малых величинах».

Духовный мир молодого человека складывался под влиянием его дяди. Генерал, участник покорения Кавказа, военный публицист, Р. А. Фадеев с начала 1860-х годов верно служил своим пером наместнику Кавказа А. И. Барятинскому и его группе, пользовавшейся сочувствием наследника престола великого князя Александра Александровича, будущего Александра III. Вдохновляемые князем Барятинским и шефом жандармов графом П. А. Шуваловым, Фадеев и его единомышленники в середине 1870-х годов выступили с программой преобразований, направленных против либеральных реформ 1860-х годов. Эту программу Фадеев развивал в книге «Русское общество в настоящем и будущем. Чем нам быть?» (СПб., 1874). Он обвинял Петра I в заимствовании западных идей, не прижившихся на русской почве. В русском дворянстве автор видел единственную силу («культурный слой»), способную противостоять наступлению нигилизма. Дворянство должно было стать полным хозяином и в системе местного управления, возглавив всесословную волость и взяв целиком в свои руки земство.⁹ Находя, что реформы Александра II способствовали возрождению общественной жизни, Фадеев, однако, видел их недостаток в отходе от принципа строго сословной политики.

В сочинениях Р. А. Фадеева, посвященных Кавказской войне, в частности в его знаменитых «Письмах из Кавказа М. Н. Каткову» (1865 г.), много внимания было также уделено национальному вопросу. Фадеев отдавал должное колониальному опыту западных стран, но считал, что именно Россия «обладает прирожденной способностью царствовать над Азией».¹⁰

Современникам было хорошо известно, что за программой Р. А. Фадеева стояли А. И. Барятинский и П. А. Шувалов, представители «аристократической партии». Они черпали «свои идеалы из европейской истории, преимущественно английской», агитировали за создание «русского лордства», с ненавистью относились к бюрократии и реформам 60-х годов.¹¹ Программа «лордов» встретила резкие возражения со стороны славянофилов. Ю. Ф. Самарин в брошюре «Революционный консерватизм» высмеял идеи Фадеева как мнимо охранительные и обвинил его в попытке запугать правительство и подтолкнуть его на путь ломки сделанного в эпоху реформ.¹² Брошюра «Революционный консерватизм» была опубликована в Берлине в 1875 г., однако еще до

этого в рукописи стала известна в Петербурге и, видимо, произвела в «сферах» невыгодное для Фадеева впечатление.

Потерпев поражение в полемике с Ю. Ф. Самариным, Фадеев уехал в Египет. По ироничному замечанию А. С. Суворина, «поражение его было настолько полное, что он даже в Африку съездил, чтобы проветриться и забыть все удары».¹³ В соответствии со своими панславистскими планами Фадеев рассчитывал, что одновременно с восстанием славян египетский хедив выступит против Турции, и занял с помощью посла в Константинополе графа Н. П. Игнатьева пост руководителя армии хедива.

Молодой Витте намеревался остаться при университете для подготовки к профессорскому званию. Но против ученой карьеры Витте восстали его мать и дядя, заявив, что «это не дворянское дело».¹⁴ К тому же увлечение актрисой Соколовой отвлекло его от научных занятий и подготовки очередной диссертации по астрономии.

В результате Витте остался при Новороссийском университете для подготовки к ученой деятельности, но одновременно был причислен к канцелярии Новороссийского и Бессарабского генерал-губернатора. С 1 июля 1871 г. Витте стал чиновником этой канцелярии и в апреле 1872 г. был утвержден в чине коллежского секретаря, а через два года назначен помощником столоначальника. Реально Витте никакой службы как канцелярский чиновник не нес, но благодаря своему положению виделся с генерал-губернатором графом Г. Е. Коцебу. С университетом все-таки пришлось расстаться, и Витте начал службу в управлении Одесской железной дороги. И в этом случае протекция дяди и особое положение семьи Фадеевых способствовали карьере молодого Витте.

В 1870 г. Одесская железная дорога была передана казной Российскому обществу пароходства и торговли (РОПИТ), осуществлявшему пароходное сообщение между черноморскими и иностранными портами. Таким образом, она оказалась в подчинении директора РОПИТ, капитана первого ранга флигель-адъютанта Николая Матвеевича Чихачева. Именно к нему и обратился в начале 1871 г. князь А. И. Барятинский с просьбой способствовать продвижению по службе племянника своего сподвижника Р. А. Фадеева.

После 1862 г. А. И. Барятинский уже находился в отставке, подолгу жил в своем имении в Скерневицах, но оставался членом Государственного совета и продолжал пользоваться в правительственных сферах большим влиянием. «На службе железных дорог, состоящих под вашим управлением, — писал А. И. Барятинский Н. М. Чихачеву 28 января 1871 г., — находится кандидат математического факультета Сергей Витте, в судьбе которого я принимаю близкое участие. Дед его Фадеев и отец его были, один за другим, под моим начальством директорами Кавказского департамента государственных имуществ и оставили по себе прекрасную память в крае; дядя его Фадеев был при мне адъютантом; я знал его мать. Семейство это пользовалось на Кавказе общим уважением. Я слышал, что молодой Витте вышел первым из уни-

верситета и считаю долгом, относительно к его семейству, обратиться Ваше внимание на этого молодого человека и просить Вас дать ему ход по службе, если он оправдывает доверие, как можно надеяться».¹⁵ Н. М. Чихачев ответил незамедлительно. Он сочувственно отнесся к рекомендации А. И. Барятинского, выделял Витте как одного «из самых способных, трудолюбивых и многообещающих молодых людей» и готов был «воспользоваться первым случаем, чтоб улучшить его положение».¹⁶ Переписка А. И. Барятинского с Н. М. Чихачевым не осталась секретом для Витте. Копии писем обоих его покровителей оказались каким-то образом в его личном архиве. Впрочем, Витте не считал нужным упомянуть о них в воспоминаниях, а свое назначение на важный для карьеры пост начальника движения Одесской железной дороги объяснил неприязненным отношением Н. М. Чихачева к занимавшему этот пост до Витте Федору Моисеевичу Штерну. «Хотя он был человеком довольно знающим, — писал Витте о Штерне, — человеком вполне достойным и, в сущности, очень хорошим..., но имел один недостаток, свойственный его расе; скажу, может быть, резкое слово: известное нахальство. Конечно, было очень странно, что начальником движения на казенной железной дороге был совершенный еврей, еврей, который несколько не скрывал своей национальности... Когда во главе дела стал Н. М. Чихачев, то он сразу отрицательно отнесся к Федору Моисеевичу Штерну, отчасти именно вследствие присущего ему arrogantного способа разговаривать, поэтому Штерн должен был оставить службу, и Чихачев предложил мне занять должность начальника движения Одесской железной дороги».¹⁷

В управлении Одесской железной дороги Витте на практике изучил железнодорожное дело. Он начал с самых низших ступеней, побывал в роли конторщика грузовой службы и даже помощника машиниста, а заняв должность начальника движения, превратился в крупного железнодорожного предпринимателя и очень скоро приобрел широкую известность благодаря своим выступлениям как представитель Одесской железной дороги на железнодорожных съездах.¹⁸

В 1874 г. с упразднением Новороссийского и Бессарабского генерал-губернаторства Витте был «оставлен за штатом на общем основании», после чего состоял при Департаменте общих дел Министерства путей сообщения и в 1875 г. был произведен в титулярные советники. Однако в апреле 1877 г. он подал прошение об увольнении с государственной службы.¹⁹

В июне 1876 г. Сербия и Черногория объявили войну Турции. Борьба славянских народов на Балканах за свое освобождение находила живейший отклик в самых различных слоях русского общества. Активную деятельность по вербовке добровольцев в сербскую армию развращали славянские благотворительные общества во многих городах России. В 1870 г. было образовано Одесское славянское благотворительное общество имени Кирилла и Мефодия. Витте принял в нем самое деятельное участие и даже занял пост товарища председателя. Он обеспечивал переправку добровольцев, оружия и других грузов на театр военных

действий. «Управляющий движением Одесской железной дороги С. Ю. Витте, наш сочлен по обществу, одушевлен сердечным участием в судьбе славян и на своем посту постоянно оказывает обществу громадные услуги, — писали в Славянский благотворительный комитет в Москве представители Одесского благотворительного общества в октябре 1876 г. — Из разговора с Витте мы вынесли убеждение, что если бы он знал каждый раз о подъезде груза к Жмеринке ранее его отправления на Одесскую железную дорогу, он устроил бы по всей бесплатное движение».²⁰ Деятельность Витте в Одесском славянском благотворительном обществе сблизила его с руководящими кругами славянского движения, в частности с И. С. Аксаковым и М. Н. Катковым.

В апреле 1877 г. началась русско-турецкая война. Одесская железная дорога ввиду ее особого положения попала в подчинение главнокомандующего действующей армией великого князя Николая Николаевича, Витте же, «в сущности, сделался главой Одесской железной дороги» и руководил военными перевозками в течение всего периода военных действий,²¹ за что дважды, в 1876 и 1879 гг., был удостоен «высочайшей благодарности».²²

После окончания русско-турецкой войны 1877—1878 гг. принадлежавшая казне Одесская железная дорога вошла в частное Общество Юго-Западных железных дорог. Его возглавлял известный владелец крупной банкирской конторы в Варшаве И. С. Блюх. Он начал свою карьеру мелким железнодорожным подрядчиком, был откупщиком, разбогател и превратился в крупного железнодорожного дельца. И. С. Блюх жил преимущественно в Варшаве, а делами общества фактически руководил вице-председатель правления, директор Петербургского технологического института, известный математик Иван Александрович Вышнеградский. Он, по выражению Витте, был как бы «поверенным Блюха в Петербурге» или «его приказчиком».²³

В Обществе Юго-Западных железных дорог Витте получил место начальника эксплуатационного отдела при правлении в Петербурге. Новое назначение потребовало переезда в столицу. Здесь Витте поселился на Троицкой улице, неподалеку от Невского проспекта.

Вскоре после приезда в Петербург Витте венчался во Владимирском соборе с Н. А. Спиридоновой, дочерью черниговского помещика и предводителя дворянства Иваненко. Рассказ об этом эпизоде в воспоминаниях Витте предельно лаконичен, а несколько строк, посвященных первой женитьбе, и вовсе вырезаны из оригинала рукописи. Витте познакомился с Н. А. Спиридоновой в Одессе, где она жила с дочерью, оставив своего, по выражению Витте, «бесконечно беспутного» мужа.²⁴ Н. А. Спиридонова страдала болезнью сердца и рано умерла, а приемную дочь Витте выдал замуж за вице-директора Особенной канцелярии по кредитной части М. Ф. Меринга.

В Петербурге Витте принял участие в работе комиссии Э. Т. Баранова. Она была создана в 1876 г. и должна была выяснить недостатки и их причины в строительстве и эксплуатации железных дорог. Единственным значительным результатом дея-

тельности комиссии была выработка общего железнодорожного устава. Именно Витте подготовил его проект. Витте прожил в Петербурге около двух лет. В связи с тем, что дела на Юго-Западных железных дорогах «не клеились», дороги приносили убытки, правление решило послать его в Киев, поручив ему реорганизацию управления Обществом.²⁵

От Витте зависело обеспечение выгодных для Общества условий перевозки грузов к портам и западной границе России. Падение хлебных цен в начале 80-х годов способствовало обострению конкурентной борьбы между железными дорогами — перевозчиками хлебных грузов. Вместе с председателем правления Общества И. А. Вышнеградским Витте занимался разрешением конфликтов и заключением деловых соглашений с представителями дорог-конкурентов. С начальником тарифного отделения Общества А. Шабуневичем он разработал предложения о тарифах для 130 видов грузов.²⁶

Витте начал публиковать на страницах издававшегося Н. А. Демчинским журнала «Инженер» статьи о тарифной политике и вступил в полемику с редактором газеты «Киевлянин» Д. И. Пихно. Витте считал преждевременным выкуп частных дорог в казну, а Пихно отдавал предпочтение казенной их эксплуатации.²⁷ В 1883 г. Витте напечатал эти статьи в Киеве в виде книги «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов». Книга имела успех, и уже в 1884 г. вышло ее второе издание.

Витте обладал удивительной способностью находить и вовлекать в свои дела одаренных людей. Уже в Киеве в его окружении выделялись В. В. Максимов, специалист по тарифам и ближайший помощник Витте в осуществлении тарифной политики на железных дорогах, и поляк Б. Ф. Малешевский. «Гениальный математик, — как писал о нем известный петербургский публицист И. И. Колышко, близкий к кн. В. П. Мещерскому, — сложил свой гений к ногам Витте еще в Киеве, помогая ему управлять Юго-Западными железными дорогами... Фанатик долга, виртуоз дифференциалов и интегралов, скромный, тихий, честный Малешевский нес на своих плечах весь шквал денежных реформ Витте, всю кутерьму затеянного „насаждения промышленности“ и грюндерства».²⁸ Б. Ф. Малешевский приобрел широкую известность благодаря тому, что разработал проект общего устава эмеритальных касс русских железных дорог, за что был удостоен премии Академии наук, чина действительного статского советника, награжден орденом Св. Владимира.²⁹

В обществе Юго-Западных железных дорог Витте сблизился с И. А. Вышнеградским и связал с ним свою карьеру.

¹ Русское знамя. 1915. 14 марта.

² Переписка Николая и Александра Романовых. М.; Пг., 1923. Т. 3. С. 116.

³ *Bumme C. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 13, 49.

⁴ РГИА. Ф. 1343. Оп. 18. Д. 2687. Л. 2, 4.

⁵ Там же. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1020. Л. 1—5, 14, 16.

⁶ *Bumme C. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 13.

- ⁷ См. также: Любимов С. В. С. Ю. Витте // Русский евгенический журнал. 1928. Т. 6. Вып. 2.
 - ⁸ Дудаков С. Ю. Петр Шафиров. Иерусалим, 1989. С. 70—71, 75—76.
 - ⁹ Чернуха В. Г. Борьба в верхах по вопросам внутренней политики царизма (середина 70-х годов XIX в.) // ИЗ. М., 1988. Т. 116.
 - ¹⁰ Кузнецов О. В. Национальный вопрос в публицистике Р. А. Фадеева // Вестник Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Философия. 1977. Вып. 2. С. 16.
 - ¹¹ Незнакомец [А. С. Суворин]. Письма к другу: XIV—XVI // Новое время. 1884. 3(15), 4(16) янв. № 2819, 2820. «Партия лордства, — писал А. С. Суворин, — выступала, как само собою разумеется, под знаменем консерватизма, хотя этот консерватизм вовсе не исключал некоторого парламентаризма».
 - ¹² Самарин Ю. Письмо к Р. Фадееву по поводу его книги «Русское общество в настоящем и будущем (чем нам быть?)» // Самарин Ю. и Дмитриев Ф. Революционный консерватизм. Berlin, 1875. И. С. Аксаков писал Фадееву по поводу «Чем нам быть?», что он «со многим не согласен», но признает верность фадеевской критики и «многих, даже основных положений» книги (РГИА. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 36). Фадеев отвечал, что видит в создании предлагаемого им «культурного сословия государственных избирателей» средство сосредоточить общественную деятельность «в руках культурных людей» (Р. А. Фадеев—И. С. Аксакову 15 ноября 1874 г.: ОР ИРЛИ. Ф. 3. Оп. 4. Д. 639. Л. 4—5).
- В 1918—1919 гг. Б. Э. Нольде, сын одного из ближайших сотрудников Витте-премьера Э. Ю. Нольде, работая в России над книгой о Ю. Самарине, рукопись которой он получил в эмиграции лишь через несколько лет и издал в 1926 г., остановился в ней на характеристике Фадеева. Ссылаясь на «Чем нам быть?», Нольде видел в Фадееве «деятеля, впервые появившегося в ту минуту в рядах защитников русской конституционной формулы, необыкновенно даровитого и глубокого политического мыслителя той эпохи». Нольде писал, что не знает книг о восточной политике России, «равных по силе и широте исторического горизонта фадеевской „Кавказской войне“ и его „Письмам с Кавказа“».

И «славянская внешняя программа России», писал Нольде. «Конечно», «никогда не излагалась глубже и зреее, чем в его „Мнении о восточном вопросе“». Наконец, «Чем нам быть?» он считал «лучшим выражением идей русского конституционализма эпохи Александра II».

Нольде отмечал призыв Фадеева к немедленной организации русского общества, к созданию «связанности» вместо «бессвязности», «нации» вместо «расы». Единственным путем для Фадеева была, по мнению Нольде, конституционная реформа, хотя по цензурным условиям он не произносил этих слов. Отмечая в фадеевской программе роль дворянства как исторического слоя, призванного «организовать Россию и создать русское общество», Нольде считал вместе с тем, что в этой программе отсутствует «всякий след аристократизма», а само дворянство у Фадеева «народно и не аристократично» (Нольде Б. Э., бар. Юрий Самарин и его время. 2 изд. Paris, 1978. С. 225—229).

- ¹³ Новое время. 1881. 7/19 июня. № 1893.
- ¹⁴ Bumme С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 84.
- ¹⁵ А. И. Бярятинский — Н. П. Чихачеву. 28 января 1871 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 398. Л. 1.
- ¹⁶ Н. П. Чихачев — А. И. Бярятинскому. 19 февраля 1871 г.: Там же. Л. 2.
- ¹⁷ Bumme С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 88—89.
- ¹⁸ Слепнев И. Н. С. Ю. Витте и железнодорожная тарифная реформа 8 марта 1889 года (К вопросу о балансе предпринимательских интересов и экономической политики) // Отечественная история. 1998. № 5. С. 21.
- ¹⁹ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 86. Л. 76—96.
- ²⁰ М. Вучетич, В. Орлов — в Славянский благотворительный комитет в Москве 23 октября 1876 г.: ОР РГБ. Ф. 14 (И. С. Аксаков). Д. 440. Л. 146—147.
- ²¹ Bumme С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 91.
- ²² РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 86. Л. 76—96.
- ²³ Bumme С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 118.
- ²⁴ Там же. С. 116.
- ²⁵ Там же. С. 127.

- ²⁶ Слепнев И. Н. С. Ю. Витте и железнодорожная тарифная реформа... С. 22—23.
- ²⁷ Там же.
- ²⁸ Баян. Великий распад. Ныне отпускаеши... Глава XIV. № 9. С. 5—6.

Архив Гуверовского института Войны, Революции и Мира. Коллекция Николаевского. Вох 193—197.

²⁹ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 359.

Глава 2

ВИТТЕ В «СВЯТОЙ ДРУЖИНЕ»: «АНТИХРИСТ», «ВОЛЬТМАН», «СВОБОДНЫЙ МЫСЛИТЕЛЬ»?

К началу 1880-х годов Витте — начальник эксплуатации в Обществе Юго-Западных железных дорог, видное и влиятельное в Киеве и на юге России лицо. Он имел опыт службы и на казенных, и на частных железных дорогах, около двух лет провел в Петербурге и установил в столице некоторые связи политического характера, по-видимому, благодаря тому, что одновременно с племянником в Петербурге оказался и вернувшийся из Египта Р. А. Фадеев. После русско-турецкой войны обстоятельства позволили Фадееву опять появиться на столичной политической сцене, и он принял участие в «охранительных» исканиях конца 70-х и начала 80-х годов. В скромном номере гостиницы «Франция» почти под аркой Главного штаба он неустанно разрабатывал свою программу. 11 апреля 1879 г. он обратился к Александру II с письмом, содержавшим предложения о государственном переустройстве.¹ Они были развиты и уточнены в приложении из трех частей (I. Смысл революционного движения в России. II. К чему все идет в России. III. Единственный исход) к письму от 11 апреля,² в письме графу Д. А. Милютину от 25 октября 1879 г.³ и, наконец, в так называемой «дополнительной записке» от 19 декабря 1879 г.⁴

Опираясь на эти документы, Р. А. Фадеев вместе с генерал-адъютантом И. И. Воронцовым-Дашковым подготовил рукопись книги «Письма о современном состоянии России». Из этих писем одно, десятое, целиком принадлежало перу И. И. Воронцова-Дашкова.

В «Письмах» программа преобразований И. И. Воронцова-Дашкова и Р. А. Фадеева обрела законченный и готовый для печати вид.⁵

Смысл предлагавшихся Фадеевым преобразований состоял в укреплении самодержавия путем приискания ему надежной поли-

тической опоры. Он исходил при этом из того, что «единственной и исключительной» формой общественного устройства было в России «развитие бюрократической опеки до крайнего предела». Между тем, утверждал он, после реформы 1861 г. «крупное поместное дворянство, бывшее действительным продолжением правительства, улетучилось неизвестно куда», а «непомерно громадный бюрократический механизм» заражен «нигилизмом» и вообще чуть ли не «красный».⁶ Непосредственную опасность строю Фадеев видел в слабости его охранительных институтов, неспособных привлечь себе на помощь в борьбе с «нигилизмом» «благонамеренные» общественные силы. «Наше правительство своих не знает, — утверждал он, — ...русский человек, без казенного предписания, имеет только номинальное право, но не имеет возможности присмотреть за чем-нибудь».⁷ Фадеев критиковал «бюрократические меры» «воздействия на печать» — «произвольную полукарательную опеку Главного управления по делам печати», преследование «не столько вредного, сколько неприятного». Нигилистская печать пользовалась, по словам Фадеева, снисхождением, научившись «сказать все желаемое в полслова», славянофилы же были вынуждены печататься за границей.⁸

Способ укрепления самодержавия Фадеев видел в развитии организованного земства, всецело отданного в руки «цензового дворянства» и тесно связанного с правительством. Такое земство он считал силой, способной не только осуществить все местное управление, но и воплотить идею «единения царя с народом». Фадеев рассуждал при этом о «живом народном самодержавии» и «земском царе». Он всячески стремился доказать, что его программа («наша родная конституция») чужда западного конституционализма, что она признает «царя царем, а не главой исполнительной власти».⁹ Но наряду с этим он подчеркивал, что самодержавие не может далее вести подданных к «таинственным целям» «бессознательно» для них самих. Выход он видел в восстановлении допетровских государственных форм, в частности земских соборов.¹⁰

Ближайшей мерой для развития земского дела он считал активизацию деятельности губернских комитетов, предлагая предоставить им право выработать план областного управления, основанный на сочетании административных и земских учреждений. Земским учреждениям надлежало, по мысли Фадеева, заниматься улучшением народного быта, переселением, проблемами сословной волости, круговой поруки. Эта несколько измененная и усовершенствованная по сравнению с «Чем нам быть?» программа получила одобрение И. С. Аксакова. Как отмечал вскоре после смерти Фадеева Витте, «Письма о современном состоянии России» «сблизили покойного с воззрениями Хомякова, Самарина, Достоевского». «Впрочем, этот кружок, — писал Витте, — несмотря на разногласия, всегда относился к нему с уважением».¹¹ Впоследствии Витте стремился представить свою государственную деятельность как не чуждую славянофильских идеалов, противопоставляя свое к ним уважение обвинениям в западничестве. Ссылался он при этом и на программу Фадеева, называя себя его

учеником. Однако Витте не только учился у Фадеева, но и оказался благодаря этому причастным к политической жизни 1881—1882 гг., причем к наиболее сокроуенной ее стороне.

Причисленный к лорис-меликовской Верховной распорядительной комиссии Фадеев добивался опубликования «Писем». В июле 1880 г. Милютин, Лорис-Меликов и Гирс рассмотрели «Письма» по поручению царя и высказались за издание их за границей.¹²

Между тем политическая борьба в верхах крайне обострилась, и судьба фадеевских замыслов оказалась в зависимости от ее исхода. Встретившись однажды с Фадеевым в Царскосельском парке, Александр II спросил его: «А ты все пишешь?». Снисходительный с оттенком пренебрежения тон вопроса объяснялся, по-видимому, тем, что Фадеев примыкал к той придворной группировке, которая образовалась вокруг наследника престола и вела ожесточенную в пределах возможного в тех обстоятельствах борьбу против Александра II, обвенчавшегося тайным образом через полтора месяца после кончины императрицы с Е. Долгорукой, с которой много лет состоял в гражданском браке. В связи с этим он подписал акт в Сенате о своем вступлении с княжной Долгорукой в морганатический брак и о предоставлении ей титула Светлости и имени княгини Юрьевской. То же имя и титул получили их дети, сын Георгий восьми лет и дочери — Ольга семи и Екатерина двух лет.

Наследник престола, его жена и очень многие из наиболее влиятельных придворных в предвидении подготавливавшегося ее коронования активизировали свое сопротивление императору. Витте отмечал в своих воспоминаниях инкриминировавшееся тогда Е. Долгорукой участие в устройстве железнодорожных концессий и других денежных делах.¹³

О том, насколько серьезной угрозой для себя считало в возможную коронацию Юрьевской окружение наследника престола, видно из письма Фадеева Витте 14 марта 1881 г. «Событие 1 марта опозорило Россию. Во всем остальном приходится только сказать: пути божии неисповедимы. Я спрашивал у людей, самых близких покойному государю, — писал Фадеев, — постигают ли они продление прошлого царствования на 10 лет и что из нас вышло бы в таком случае? Они ответили в один голос, что не постигают. Доходило до того, что люди, сросшиеся с покойным, — Адлерберг, Милютин и Вердер, — хотели отшатнуться, оставить места вследствие домашних интриг и новых людей, вылезавших из щелей женской половины Зимнего дворца. В августе было назначено ее коронование, и главное влияние утвердилось бы в совершенно невозможных руках. Об этом не нужно говорить, чтобы не ослабить сокрушающего впечатления, которое может в текущее время объединить и скрепить нравственно Россию, но там свыше, где управляют участью земною, лучше знают, что и для чего делается».¹⁴

Неудивительно, что окружение ставшего императором наследника было заинтересовано в том, чтобы акт 1 марта получил широкое общественное признание как революционно-терро-

ристический. Этой цели как нельзя более отвечало конспиративное аристократическое сообщество для борьбы с революционерами, существовавшее под названием «Святая дружина» в 1881—1882 гг. Она получила мрачную репутацию благодаря таинственности и ритуальной обрядности, с которыми было связано членство в ней. Ее продолжателем считали впоследствии Союз русского народа. Неуклюжая старательность ее действий вызывала насмешки («взволнованными лоботрясами» назвал «дружинников» М. Е. Салтыков-Щедрин). Существовавшая под эгидой самых высокопоставленных сановников, она была вскоре распущена Александром III. Однако среди лиц, сделавших с течением времени сколько-нибудь значительную служебную карьеру, оказалось много бывших «дружинников».

Витте оказался причастным к созданию «Дружины». В известном уже читателю письме Фадеева Витте от 14 марта 1881 г. отмечалось: «Сегодня письмо твое будет в руках государя. Вероятно, проект твой осуществится самым тайным образом, средства будут даны, и организация, если до нее дойдет, свяжется с верховною властью в лице Воронцова-Дашкова (он стал министром двора при новом императоре. — Б. А., Р. Г.). Ты понимаешь, что я говорю тебе не о решении каком-либо, до которого не успели еще дойти, а о предположении нас двух — Воронцова и меня. Но уговор пуще денег. Я готов поддерживать эти виды всеми силами, но с неприменным и единственным условием: чтобы, устраивая эту организацию, ты ни в коем случае не становился бы ее исполнителем и остался бы тайным ее центром, не двигаясь с места и ничем не рискуя собою. Это непреложное мое условие, и я стану действовать в таком лишь случае, когда заручусь твоим *честным словом* в этом отношении. Я слишком люблю тебя, чтобы согласиться подводить тебя под опасность лично. Мое содействие на этом условии.

Нигилизм действующий надо прижать к полу, иначе он не даст нам жить и сделать шаг». На сохранившейся в архиве Витте в РГИА копии письма есть его помета: «По поводу моего письма об революции. Основание Св. Дружины».¹⁵ Влиятельное с воцарением Александра III положение Фадеева делало его подходящим адресатом не дошедшего до нас письма Витте. Из ответа Фадеева следует, что Витте принадлежала и самая мысль о создании «Дружины». Однако уже в «Письмах» наряду с расширением прав земств и образованием в будущем всероссийского совещательного земского собора предполагалось создать пока добровольное «охранительное общество» для борьбы с «нигилистами». Не была ли мысль о «Дружине» подсказана племяннику дядей?

Сведения об инициативе Витте в создании этой организации появились в печати в 1913 г. в разгар полемики, для которой предоставили свои страницы важнейшие «толстые» журналы тех лет («Русская мысль», «Современник», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Современный мир»). Poleмика велась вокруг деятельности «Дружины» в сфере литературной провокации, в частности по поводу характера издававшейся «Дружиной» в Женеве газеты «Вольное слово» (провокационное происхождение

другого женевского издания, носившего название «Правда», было тогда уже несомненно).¹⁶

Неясными представлялись два вопроса: имел ли известный деятель украинского национального движения эмигрант М. П. Драгоманов, сначала фактический, а затем и официальный редактор «Вольного слова», истинное представление об этом издании и существовал ли в действительности Земский союз, органом которого оно себя объявляло. Оба эти вопроса были тесно связаны между собой: если Земский союз на самом деле существовал и «Вольное слово» было его органом, то позиция Драгоманова не нуждалась в оправданиях. Если же Земский союз признавался фиктивным, то поведение Драгоманова могло быть оправдано лишь его добросовестным заблуждением. В полемике высказывалось даже предположение, что Земский союз был связан с «Дружиной» через существовавшее в ней, по мнению некоторых, конституционалистское течение, которое возглавлял один из ее руководителей П. П. Шувалов. Эта версия приводилась в оправдание установленной в литературе на основании свидетельств очевидцев связей Драгоманова с Шуваловым и человеком по кличке Антихрист, посещавшим Драгоманова в Женеве и финансировавшим издание «Вольного слова». Высказывалось мнение, что эта кличка принадлежала самому Шувалову.¹⁷ На самом же деле этой кличкой пользовались несколько человек. Первый официальный редактор «Вольного слова» А. П. Мальшинский (его полицейские связи не были тайной) писал Драгоманову: «Когда Вы получите это письмо, то, вероятно, уже будете видеться с кем-либо из антихристов».¹⁸

По какой причине Витте решил принять участие в этой полемике, в которой имя его в связи с «Дружиной» никем никогда не упоминалось, не совсем ясно. Впрочем, это был один из приемов, с помощью которых он при содействии своих литературных агентов предавал гласности под их именами содержание отдельных частей своих воспоминаний. На сей раз Витте хотел предстать инициатором создания «Дружины» как средства ограждения монархии от угрожавшей ей опасности. Статья «„Священная дружина“ и газета „Правда“, появившаяся в «Русском слове» 20 июня 1913 г. за подписью «А. Р-ов», была основана, по словам автора, на не изданных еще материалах. Речь в статье шла о виттевской инициативе в создании «Дружины» и его деятельности в ней. После смерти Витте в этой же газете 1 марта 1915 г. появилась статья примерно такого же содержания, как и первая, с указанием на то, что сведения исходят от самого Витте. Подписал эту статью на сей раз своим полным именем А. В. Руманов, петербургский корреспондент «Русского слова», услугами которого Витте неоднократно пользовался для помещения различных инспирированных статей. Руманов, по-видимому, имел в своем распоряжении тот раздел «стенографических диктантов» виттевских воспоминаний, который носил название «О сообществе Святая дружина и моем участии в нем».

Всячески афишируя в нем свою инициативу в создании «Дружины», Витте рассматривал там вопрос о ее организации вне вся-

кой связи с борьбой в придворных кругах накануне 1 марта 1881 г. и с их реакцией на убийство Александра II, ограничившись нарочито отвлеченными рассуждениями о княгине Юрьевской в связи с 1 марта.¹⁹ Предостережение Фадеева («Об этом не нужно говорить») он помнил и много лет спустя, оказавшись едва ли не единственным из нескольких сотен участников «Дружины», сообщившим о ней в своих мемуарах.²⁰

Рассказ о своей деятельности в уже организованной «Дружине» Витте, в сущности, сводит к поездке в Париж для убийства по ее заданию народовольца Гартмана, да и этот эпизод изложен с сомнительной достоверностью. Между тем деятельность Витте была значительно шире и многообразнее. Являясь в «Дружине» главным по Киевскому району, Витте числился «братом» под № 113 и возглавлял «пятерку» «братьев» под № 146—150. В бумагах сохранилась копия присяги со следующими записями: «Воронцов 110. Мой № 113. Вяземский-111, Зограф-112. Моя пятерка №№ 146—150-5, последующая 311—355-25, 1136—1260-125, 5259—5883».²¹ О своей агентурной деятельности в Киеве Витте доносил «набольшему» «Дружины» И. И. Воронцову-Дашкову. Одно из донесений Витте от 25 августа 1881 г., сохранившееся в архиве «Дружины», полностью привел в своей оставшейся неизданной книге о «Святой дружине» известный публикатор и исследователь М. К. Лемке. Витте сообщал агентурные сведения об общем политическом положении на юге России, описывая происходившие там события в таком духе, в котором позже выступали черносотенцы. Сделав донос на газету «Одесский листок» («в ней между строк пропагандировались нигилистические воззрения»), Витте сообщал о своих неудачах в вербовке «дружинников» ввиду того, что существование тайного общества получило довольно широкую огласку. В частности, разразился скандал, вызванный дружинником — содержанием конторы в Киеве, пытавшимся заставить в «Дружину» киевского полицмейстера.²²

Но одна из сторон деятельности Витте в «Дружине», судя по всему, наиболее существенная, не получила отражения в скудном, впрочем, документальном наследии «Дружины». И в мемуарах Витте умолчал о ней, намеренно сведя действия этой добровольной общественной организации к дублированию сыскных действий официальной полиции. Получалось так, что ни он сам, ни «Дружина» в целом литературно-провокационной деятельностью не занимались. Между тем Витте, обладавший связями в литературных и общественных кругах Одессы и Киева, известный на юге своим участием в славянском движении, оказался, как мы сейчас увидим, одной из центральных фигур в издательской деятельности «Дружины». Поскольку он не выступал на страницах ее изданий, по крайней мере под собственным именем, Витте был уверен в невозможности для кого бы то ни было обнаружить его роль в этом деле. Действительно, М. К. Лемке, работая над своей книгой о «Дружине», поначалу не нашел никаких следов участия Витте в издательской деятельности дружинников. Завершив работу над рукописью о «Дружине», Лемке выступил в Доме книги в Петрограде (очевидно, в 1920 или 1921 г.) с авторефератом на

эту тему. Один из слушателей, Я. И. Пашковский, предложил ему для ознакомления собрание писем различных лиц к С. Ю. Витте. Это была, по словам Лемке, «большая толстая тетрадь», купленная на толкучем рынке в Петрограде в начале 1919 г. На ее корешке стояли инициалы С. В. и цифра 17.²³ Среди прочих писем в этой тетради находилось письмо М. П. Драгоманова к Витте от 15 мая 1882 г., которое мы приводим полностью по копии, снятой М. К. Лемке собственноручно, с раскрытыми им сокращениями.²⁴

«Глубокоуважаемый Сергей Юлиевич, Вы довольно настойчиво бомбардируете меня последнее время Вашими, как всегда, интересными письмами,²⁵ а я довольно неучтиво отмалчиваюсь — видно, Вы думаете; нет, просто не успеваю так присесть, чтобы никто не помешал. В нашем деле личные друзья, получившие право неожиданно приходить на дом, не очень-то способствуют спокойной деловой корреспонденции.

Сегодня отпечатан первый полностью мною редактируемый №, — событие в жизни др. (Дружины. — *М. Л.*), моей личной и А. П. (Мальшинский. — *М. Л.*). Конечно, что не то важно, что я отдал себя еще и этому предприятию, а то, что теперь следует быть постоянно и без перерыва настороже, надо всю свою память и даже частью личную жизнь перестраивать или — как бы это сказать — подгонять к постоянной „роли“, не переборщить, не недоговорить с людьми и здешними и нападающими на Женеву, как горная тучка. З. С. (Земский союз. — *М. Л.*) может быть ширмой очень прочной и надежной, только при такой же подгонке (не найду слова!) и со стороны А. П., Вашей и П. П. (Шувалов. — *М. Л.*), главное же — и вот это-то больше всего меня сверлит — наибольшего (звание Воронцова-Дашкова в Св. Дружине. — *М. Л.*). Извините мне мою откровенность: я не слишком уверен в его способности молчать в разных сложных положениях, создаваемых ежечасно его официальным положением.

Вести журнал мне нетрудно — травленный волк, привык, ведь и доньше ни одна строка не печаталась без моего согласия. Воздаю дань глубокой признательности А. П.: он ни одной мною забракованной строчки (даже самого П. П.) не тиснул, ни одного нарушения наших соглашений за все время не позволил себе. Дело не [в] трудности редактирования и не в ответственности, а в той „роли“, которая теперь будет ко многому обязывать, многому мешать. Один наш (чигиринский) клоповник чего стоит! Прощай теперь и моя научная работа — публицист, газетчик иначе ко всему подходит, иначе все оценивает.

Я знаю, Вы повторите Ваше успокоение: „... и во многом облегчит, устраняя нерешительность, двойственность, очень нежелательную именно теперь, когда правит[ельство] нуждается в общей атаке“. Я понимаю, что др. взяла на себя тяжелое бремя, готов быть всячески полезным, но пусть поймут же и меня, а затем внушат это понимание П. П.

Сам человек очень ловкий, практичный, он не понимает, что прочим при меньшей от природы ловкости надо все время напрягаться и опять, как сказал, подгоняться.

3. С. касательно правдоподобности меня не беспокоит — уж Вы-то там сумеете его раздуть, но, между прочим, и здесь случиться могут неожиданные осложнения. Представить только, что я скажу южанам, которые сами хитры, как бесы. Давайте побольше начинки, тогда пирог можно подать к столу, не краснея. В. С. («Вольное Слово». — М. Л.) должно быть за П. П., как за стеной. Правда — ложь во спасение, но до тех пор, пока она имеет все шансы походить на правду.

Пишу, а сам все еще бросаюсь по шкафам и столам и вот уже второй день ищу затерявшийся куда-то шифр. Из дома не выходил, спокоен, но, однако, я и жена обили все руки, а найти его не можем.

Ну, значит, кое-что принужден отложить пока — так писать не рискую.

Сейчас принял решение: это письмо Вам доставит N (? — М. Л.). Если бы я даже потом нашел шифр, то все-таки пользоваться им больше не буду и жду от Вас другой, не очень только мудреный. Прошу Вас верной оказией уведомить о том и П. П.

А. П. имеет шифр, но я ему ничего не скажу — по своей пугливости он создаст большой переполох. Да теперь нам и неудобно писать по одному рецепту.

Пишу, а сам все прислушиваюсь. Ведь, кроме А. П., так доныне *никто* и не догадывается, что я делаю... Вот судьба, о которой так любит философствовать Ю. М. (? — М. Л.), что она откалывает! А сам вижу, что „наше место свято“, что наше дело государственно важно, славянски велико, что истина никогда не бывает ясна многим, постоянно оставаясь в умах немногих. Позвольте на этом пока поставить точку. Я знаю, что Вы уже улыбаетесь, Вы — милейший из реалистов нашего времени. Примите же за это мой поклон.

Искренно Ваш Михманов.²⁶

P. S. небольшой, мужской: N получает не шифр, а „фотографию какую-то“, которую, впрочем, можно при надобности перегнуть пополам (сак небольшой). Вы для N то лицо, которое значится на конверте. Чтобы не сбиться, сохраните последний до выезда N. Главнейше не забудьте, что на этот раз Вы не „Антихрист“, а именно „Вольтман“».

Итак, одним из таинственных «антихристов» был, оказывается, Витте, который, если судить по его воспоминаниям, занимался в это время за границей сочинением своей книги о теории железнодорожных тарифов, публиковавшейся в течение 1883 г. в киевском журнале «Инженер».

Прошло, однако, 45 лет, прежде чем письмо это, включенное Лемке в уже законченную рукопись, увидело свет. Книга Лемке осталась неизданной, как и сборник документов о «Дружине», составленный С. П. Мельгуновым в 1918 г. под эгидой московской комиссии общественных деятелей.

Лишь в 1964 г. авторы этих строк воспроизвели копию письма Драгоманова к Витте из рукописи Лемке в статье «С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и „Вольное слово“». ²⁷ Статья эта вызвала критические замечания А. Дейча, который счел письмо подделкой. ²⁸ Такую же точку зрения отстаивала группа украинских ученых в статье «Чия це фальшивка?» ²⁹ Рассмотрению доказательств подложности письма Драгоманова, приведенных нашими оппонентами в «Вітчизне», мы посвятили свой ответ на их статью, однако редакция журнала отказалась его опубликовать. ³⁰ Наши оппоненты оберегали репутацию Драгоманова.

Доказывая подложность его письма к Витте, они ссылались на то, что знакомство между ними не установлено, да и вряд ли было возможно. Между тем Витте, проживший много лет в Одессе и в Киеве, имел там широкий круг знакомых в самых различных слоях общества. К числу общих знакомых Витте и Драгоманова относился И. Я. Рудченко (Билик), украинский писатель и фольклорист, специалист в области финансов, которого Витте назначил позже директором департамента. И Витте, и Драгоманов были связаны с окружением киевского генерал-губернатора А. Р. Дрентельна, который в бытность управляющим III отделением поручил А. П. Мальшинскому составление обзора революционного движения.

Издававшаяся Мальшинским в 1896—1900 гг. в Петербурге газета «Народ» регулярно получала от Витте — министра финансов скрытые субсидии. Это разоблачил в своем журнале «Русский труд» С. Ф. Шарапов, ³¹ который был связан с Витте со времени их совместного сотрудничества у Аксакова в «Руси», был взят Витте на службу в Министерство финансов, но затем, уйдя со службы, выступал против политики Витте в издававшемся им «Русском труде» после того, как Витте отказал ему в субсидировании. Мальшинский же в своей газете, наоборот, отстаивал политику Витте как «верную и чисто русскую». ³²

Но каковы были те обстоятельства, которые привели Витте-дружинника к связям именно с «Вольным словом»? Почему «милейший из реалистов нашего времени», как называл Драгоманов Витте, так подходил для роли одного из опекунов «Вольного слова»?

Дело было не только в якобы земском характере «Вольного слова», но и в том, что оно в соответствии с этим играло специфическую роль в идеологической кампании приближенных Александра III, которую они развернули в начале его царствования и одним из руководителей которой оказался Фадеев. Новый царь подтвердил разрешение своего отца на издание «Писем» за границей. Они были изданы анонимно в Лейпциге, и Воронцов-Дашков рекомендовал их К. П. Победоносцеву, игравшему в то время большую роль, как «единственную программу, могущую вывести русское правительство на каменную дорогу из того болота, в котором оно завязло». Он советовал Победоносцеву познакомиться с Фадеевым как ее автором. ³³ Однако Победоносцев и М. Н. Катков, на которого Фадеев возлагал особую надежду («Катков, — писал он Воронцову, — есть *directeur de conscience*

Победоносцева и влияет на ум самого Владыки»³⁴), не оказали ему поддержки. До некоторой степени поддерживали Фадеева аксаковская «Русь», поместившая пересказ «Писем», и суворинское «Новое время», в котором сам А. С. Суворин отмечал, что Фадеев (Суворин давал понять, что автор «Писем» именно Фадеев) переменял свои взгляды и теперь видит распорядителя судеб России не в некоем культурном кружке, как раньше, а в верховной власти, действующей в связи со всем обществом.³⁵ В эти же дни Фадеев, состоявший «по армейской пехоте», был откомандирован в распоряжение министра внутренних дел с поручением ему присутствовать на правах члена в Совете Главного управления по делам печати и иметь высшее наблюдение за газетой «Правительственный вестник».³⁶

Программа Фадеева и Воронцова имела успех, хотя и временный. «Лето 1881 года и последующая зима 1881—1882 года, — писал в своих воспоминаниях А. Н. Куломзин, — были краткою эпохою осуществления графом Игнатьевым, при содействии Островского и Бунге, программы, нашедшей себе выражение в письмах известного славянофила Фадеева. Были созваны эксперты по крестьянскому делу, которые разработали совместно с тремя министрами облегчение населению в выкупных платежах. Создан был Крестьянский банк для облегчения крестьянам в приобретении законным способом необходимой им земли. Представлено на очередь переселенческое дело. К величайшему несчастью, среди этой программы находилась дичайшая мысль созыва Всероссийского земского собора».³⁷

Куломзин, возможно, преувеличил значение фадеевской программы. Однако само перечисление названных им ее исполнителей — министров внутренних дел Н. П. Игнатьева, государственных имуществ М. Н. Островского и финансов Н. Х. Бунге — было знаменательным: в их компетенцию входили важнейшие вопросы государственной жизни, отраженные в фадеевских «Письмах».

В августе 1881 г. влияние Фадеева было так значительно, что он вступал в противоречия с самим И. И. Воронцовым-Дашковым по вопросу о «Дружине». «В последние дни, — писал Фадеев Воронцову 5 августа 1881 г., — ко мне приходили некоторые серьезные люди и высказывали полное удовольствие по поводу Священной дружины, кладущей, наконец, основание взаимной связи между благонамеренными людьми, связи, которая доселе существовала только между термитами, подтачивающими государство. Мне легко было согласиться с ними, так как с этой стороны я дружину никогда не оспаривал, я был, да и есмь против формы тайного общества, ставшего явным».³⁸

Однако истинный характер учрежденного в эти августовские дни в Женеве «Вольного слова» явным отнюдь не был. Во втором номере «Вольного слова» сообщалось, что «Письма» принадлежат Фадееву, а в корреспонденции из Петербурга без подписи говорилось о его служебном назначении и появлении его книги, хотя и запрещенной к ввозу в Россию, но распространяемой стараниями «начальств». Книга Фадеева, говорилось в «Вольном

слове», «нечто вроде откровения, показывающего, куда и как жа-дают плыть наши заправители». Но тут же указывалось, что в России с «жадностью» «набросились на эту книжку — в одно и то же время плод запрещенный и дозволенный». «Книжка действительно занимательна и поучительна», — добавлял корреспондент. Хотя в корреспонденции и содержались некоторые выпады против Фадеева (довольно, впрочем, невинные, которые в издании якобы революционного характера были необходимы), она, в сущности, рекламировала его книгу.

Учредители «Вольного слова» А. П. Мальшинский и Г. С. Веселитский-Божидарович придавали фадеевской теме немалое значение. «Я часто вижусь с Аркадием Павловичем М[альшинским], который до некоторой степени осуществил идею „совершенно независимого органа, — писал Веселитский 3 (15) августа 1881 г. из Женевы в Петербург Ю. М. Богушевичу. — ...Издание за границей, конечно, принимает другую форму и тон изложения, но я могу уверить Вас, что редакция нисколько не изменила своим строго консервативным, монархическим русским убеждениям. А. П., с свойственной ему осторожностью, заручился в П[етербурге] такими связями, которые действительно обеспечивают его свободу действий. Для газеты было бы не только очень полезно, но и чрезвычайно важно, если бы Вы потрудились присылать корреспонденции, специальные и общеполитические статьи, напр., хотя бы в ответ на „Письма о современном состоянии России“». ³⁹

Ю. М. Богушевич — журналист, принадлежавший к тому же кругу, что и Веселитский-Божидарович и Мальшинский, еще с 60-х годов имел репутацию связанного с полицией. ⁴⁰ Не он ли в письме Драгоманова к Витте тот Ю. М., которого не разгадал Лемке? В те самые дни, когда Веселитский обратился к нему со своим предложением, а Фадеев занял свой пост в Главном управлении по делам печати с «высшим наблюдением» над «Правительственным вестником», Богушевич был назначен редактором только что основанной со специальными целями при «Правительственном вестнике» «газеты для народа» под названием «Сельский вестник». Богушевич, разумеется, отдавал себе полный отчет в том, что собой представляет «Вольное слово», ибо хорошо был осведомлен о вырабатывавшейся летом 1881 г. в Управлении по делам печати программе идеологического противодействия распространению революционного влияния, предусматривавшей издание брошюр и специальных газет для народа. А между «казенной» и «дружинной» пропагандой была, разумеется, тесная связь, олицетворявшаяся, в частности, Фадеевым.

Александр III еще в бытность наследником возглавил в 1878 г. Особое совещание по поводу издания «дешевых книг для чтения народа с целью ограждения его от злонамеренной пропаганды». Издавать их было решено «под высшим наблюдением министров внутренних дел, народного просвещения и шефа жандармов при участии лиц, вполне знающих быт и объем понятий народа и хорошо владеющих народным языком». ⁴¹ На расходы для этой цели было ассигновано 5000 руб. в год. Затем в 1879 г. дело было поручено В. В. Кардо-Сысоеву и назначено пособие в 6000 руб. в год

в течение 6 лет, «если направление издания в продолжение того времени будет заслуживать одобрения правительства». ⁴² В 1880 г. была предпринята попытка заведения субсидируемой официозной газеты общего типа под названием «Берег». Ее издателем и редактором стал профессор финансового права П. П. Цитович, перу которого принадлежала, в частности, брошюра «Что делали в романе „Что делать?“». Несмотря на значительные субсидии, «Берег» не просуществовал и года. ⁴³ После покушения С. Халтурина в феврале 1880 г. известный уральский заводчик П. П. Демидов кн. Сан-Донато основал газету «Россия» под редакцией Л. А. Спичакова. ⁴⁴ В ней велась борьба не только с революционной идеологией, но и с «разными либерал-бреднями». Мальшинский, перед тем как стать учредителем «Вольного слова», сотрудничал в обеих этих газетах, хотя между ними и велась полемика.

После 1 марта 1881 г. вся эта система мер для воздействия на общественное мнение была возобновлена и усилена.

Богушевич уже 7 марта составил оказавшуюся в бумагах Воронцова записку, в которой утверждал, что «ужас» и «негодование» большинства газет по поводу убийства Александра II лицемерны, и выдвинул в тесной связи друг с другом общеполитические и пропагандистские задачи. «Корень зла» он видел в крестьянской реформе, осуществленной вопреки интересам дворянства. Не одобрял он развития промышленности, которая держалась, по его словам, «грубою эксплуатацией народа и общества». «Центр тяжести государства истинно народного, понятие которого отождествляется с „землею“», он хотел перенести в деревню.

Улучшение дворянского быта, щедрую помощь хозяйствам помещиков он предлагал сопровождать привлечением их к безвозмездным административным обязанностям в уезде, всесословной волости и церковном приходе при сокращении бюрократии. ⁴⁵ Для «разъяснения и разработки» этой программы, во многом соответствовавшей фадеевско-воронцовской, Богушевич предлагал учреждение сельскохозяйственной земской и политической газеты, которой и оказался подчинявшийся Фадееву «Сельский вестник». В его первом же номере «ближайшая цель издания» была определена как противодействие «возмутительным листкам и книжкам», распространяющим «в народе смуту», и сообщение всего, что «необходимо знать каждому русскому человеку и верноподданному своего государя». ⁴⁶ Редакция обличала «безобразие в крестьянском самоуправлении», «проделки кулаков-мироедов» и защищала «крестьянскую невежественную массу» от «деревенской аристократии, деревенских капиталистов». ⁴⁷

В течение первой половины 1881 г. круги охранителей были охвачены настоящим литературно-учредительским зудом. Таково было наследство, полученное Фадеевым при его назначении. Официально-ведомственная и шуваловская дружинная программа были весьма близки друг к другу. Дяде и племяннику нетрудно было вместе стоять между ними.

Видя «причину нынешней смуты» в том, что после Николая I «царь становится все менее властным в своем государстве», ⁴⁸ Фа-

деев придавал своим предложениям всеобъемлющий характер. Именно поэтому их осуществление было связано с большими трудностями. Его проект военной реформы потерпел поражение к концу 1881 г. Он продолжал, однако, хлопотать о созыве Земского собора, в котором И. С. Аксаков видел «выход из положения, способный посрамить все конструкции в мире, нечто шире и либеральнее их и в то же время удерживающее Россию на ее исторической, политической и национальной основе». ⁴⁹

Но Победоносцев и Катков были против Земского собора. Воронцов выступил против того соборного проекта, который готовил Игнатъев. Фадеев должен был стать на сторону Воронцова. Он уговаривал Аксакова поддержать программу «Писем», которые были подготовлены к четвертому изданию. Влияние Фадеева шло на убыль, и развернуть кампанию в печати в поддержку «Писем» ему не удалось. «Вольное слово» еще до выхода четвертого издания «Писем» поместило о них статью с разбором приписки к ним, сделанной Фадеевым в качестве компромисса при переговорах с Игнатъевым. В Женеву из Петербурга был, по-видимому, прислан ее рукописный или корректурный вариант. Из этой приписки в «Вольном слове» были приведены следующие пункты:

«1) Замена местных государственных функций, хозяйственных и политических (за исключением высшего суда и политической полиции), деятельностью земства, избирающего на место исправника особый исполнительный орган.

2) Признание за земством права распоряжаться распределением, взысканием и невступным расходом всех прямых податей и налогов, оставляя заведование и пользование косвенными налогами за государственным казначейством.

3) Распределение прямых налогов сообразно имущественной состоятельности каждого.

4) Избавление крестьянских общин от уплаты выкупных платежей за негодную или заброшенную ими землю и наделение землею действительно в ней нуждающихся при помощи либо дешевого (3 %) кредита, либо иных способов полюбовного или обязательного отчуждения части государственных или помещичьих земель». ⁵⁰

Воспроизведение этих пунктов, составлявших самую суть фадеевской программы и на протяжении многих лет затем бывших в центре внимания как Витте, так и других высших правительственных лиц, сопровождалось провокационной легендой. Смысл ее состоял в том, что «Дружина», возглавляемая якобы Победоносцевым, борется с существующей будто бы «Добровольной охраной», претендующей «на значение политической партии, имеющей свою особую программу». «Катехизисом добровольцев» и была объявлена фадеевская приписка.

Но «год Фадеева» (мы пользуемся выражением Куломзина) кончился уже к весне 1882 г., хотя в течение некоторого времени он не складывал оружия и предпринимал отчаянные усилия осуществить, как писал он Воронцову, «нашу попытку спасения и обновления государственного порядка». ⁵¹ Пора предприимчивых и инициативных добровольцев, охранительных исканий в идео-

логической и чисто политической сферах кончилась. «Дружина» была распущена, один из ее вдохновителей П. П. Шувалов («Бобби») впал в немилость и психически заболел. Во второй половине 1883 г. заболевший Фадеев сошел с политической сцены и в конце года умер. Витте считал себя душеприказчиком Фадеева. В январе 1884 г. А. С. Суворин в двух номерах своей газеты опубликовал большую статью о Фадееве.⁵² Витте сразу же откликнулся на нее письмом Суворину. Он сообщал, что в его распоряжении находятся все бумаги покойного и он мог бы предложить для «Нового времени» статью о Фадееве.⁵³ Однако Витте пришлось прибегнуть к услугам другой газеты. 8 и 10 января 1884 г. в двух номерах «Киевлянина» появилась статья под названием «Несколько слов о Фадееве». Статья не была подписана, но в ней были текстуальные совпадения с письмом Витте Суворину. Она была посвящена полемике с «Новым временем». Суворин изображал Фадеева человеком, всю жизнь сочинявшим по заказу и склонным к авантюризму. Витте готов был согласиться с тем, что вышедшая в 1874 г. книга Фадеева «Русское общество в настоящем и будущем» написана «под влиянием находившейся тогда у кормила правления партии, олицетворявшей собою разбитые освобождением крестьян дворянские традиции». Но Витте решительно возражал против суворинской оценки «Писем о современном состоянии России». Витте настаивал на том, что Фадеев в последние годы жизни совершенно пересмотрел программу, изложенную в книге «Русское общество в настоящем и будущем». По его словам, в начале публицистической карьеры Фадеева «традиционная дворянская жилка» мешала ему «мириться с реальными фактами, явившимися как следствие освобождения крестьян», но с годами эта черта «скорее характера, нежели мышления» Фадеева стала сглаживаться, и к 80-м годам Фадеев вовсе от нее освободился. В результате в «Письмах» Фадеев выступил уже «совершенно солидарным с воззрениями Самарина, Аксакова, Кошелева». «Нам даже кажется, что в этих письмах, — писал Витте о Фадееве, — он является более реальным и определенным, нежели эти последние замечательные деятели русской мысли». Из статьи Суворина можно было понять, что влиятельные покровители Фадеева бесцеремонно обошлись с его последним сочинением (письма «смягчили, изменили, сделали из них докладную записку, потом в переработанном виде они явились в печати»). Витте не упустил случая показать свою осведомленность, заметив, что для печати Фадеев в рукописи «собственноручно сделал те изменения, которые оказались нужными, и изменения эти известны».

Всегда очень высоко ставя Фадеева как мыслителя, Витте очень многого о его роли в начале 1880-х годов не договаривал, как и о своих действиях под влиянием дяди. После того как мы опубликовали письмо Витте Драгоманову, включенное М. К. Лемке в его рукопись о «Дружине», его дочь В. М. Лемке любезно ознакомила нас с хранившимся у нее отрывком, написанным рукой М. К. Лемке на той же бумаге, что и рукопись «Дружины», и к ней относящимся. Отрывок этот относился к вышедшей в конце 1882 г. в Берлине брошюре «Современные приемы политиче-

ской борьбы в России», подписанной псевдонимом «Свободный мыслитель» и помеченной: «Киев, август 20-го 1882 г.». ⁵⁴ Брошюра была посвящена истории русского революционного движения, программе и деятельности «Народной воли». В ней доказывались обреченность «Народной воли» и гибельность террористического пути борьбы. «Свободный мыслитель» не высказывал скольконбудь определенно собственных политических взглядов, но брошюра была проникнута либеральным духом (в ней даже критиковались сочинения Цитовича). В 1913 г. в связи с интересом, проявленным в печати к деятельности «Дружины», в «Русской молве» появилась подписанная псевдонимом «Нез» статья, проливающая свет на происхождение брошюры. ⁵⁵ Автор статьи, в прошлом полицейский чиновник, сообщал, что два больших ящика с экземплярами брошюры были им найдены спустя 20 лет после ее издания в архиве Московского охранного отделения. По его словам, С. В. Зубатов распорядился «сжечь это добровольческое д...». А затем Нез узнал, что это «нелегальное» издание было прислано «Дружиной» в Московское секретное отделение для распространения, однако осталось лежать без движения, так как управлявший тогда этим отделением А. С. Скандраков отрицательно относился к «Святой дружине» и «пошлым» методам дружинников.

Сообщив о происхождении брошюры, Нез высказывал предположения о возможных ее авторах. «У Священной Дружины, — писал он, — было несколько услужливых перьев: штатный „писатель“ (доносов, главным образом) К. А. Бороздин, а затем бывший сотрудник газет „Новости“ и „Русский еврей“, а впоследствии — начальник секретного отделения Священной Дружины П. И. Рачковский (ныне покойный), он же Леонард, наконец, многоталантливый следователь-сыщик Владимир Воронович, он же Марченко и Савченко, изображавший киевскую „инспекцию“ добровольцев. Но вероятнее, что автором „Современных приемов“ был составитель полуофициального обзора социально-революционного движения в России... Мальшинский». ⁵⁶

Как удалось узнать В. Я. Богучарскому, псевдонимом Нез воспользовался А. Меньщиков, охранник, оставивший службу в полиции и ставший впоследствии разоблачителем ее тайн. ⁵⁷ Предположения Меньщикова относительно авторства брошюры Богучарский отверг, заявив, что имеются основания считать автором «Современных приемов политической борьбы» Н. Я. Стечкина, который в конце 90-х годов редактировал издававшуюся Мальшинским в Петербурге при субсидиях Витте газету «Народ» ⁵⁸ и, по мнению Богучарского, пользовался в ней псевдонимом «Свободный мыслитель». На этом основании Богучарский был склонен приписывать брошюру «Современные приемы политической борьбы» Стечкину.

Лемке же располагал письмом П. П. Шувалова, одного из руководителей «Дружины», возглавлявшего в ней всю литературно-провокационную часть, к Р. А. Фадееву, на основании которого утверждал, что автором «Современных приемов политической борьбы» был С. Ю. Витте. В подтверждение Лемке приводил из

этого письма, не указывая (в дошедшем до нас отрывке) ни его даты, ни его местонахождения, следующую фразу Шувалова: «Ваш симпатичный „Свободный мыслитель“ достоин своего дяди. Его книга не менее блестяща, чем Ваши „Письма“. Я очень доволен ею».⁵⁹

Но находка Лемке оставляла нерешенным вопрос о том, каким образом псевдоним «Свободный мыслитель» мог быть позже использован в «Народе» Стечкиным. Лемке высказывал по этому поводу предположение, что «по всей обстановке отношений Витте к „Народу“ и по содержанию статей „Свободного мыслителя“ они могли принадлежать все тому же Сергею Юльевичу».

Независимо от решения вопроса об авторстве статей, помещенных в газете «Народ», находка Лемке, несомненно, представляет большой интерес. Если полагаться на достоверность сведений, которыми он располагал, их следует рассматривать как свидетельство деятельного участия Витте в литературно-провокационной кампании «Дружины». Хотя Шувалов так лестно отзывался о сочинении Витте, ставя его на одну доску с «Письмами» Фадеева, в конечном итоге брошюра «Свободного мыслителя» не оставила сколько-нибудь заметного следа в общественной жизни начала 80-х годов. Впрочем, и роль фадеевских «Писем» в политической борьбе того времени оказалась далеко не столь значительной, как на то рассчитывал их автор.

Но, с другой стороны, и влияние Фадеева, и участие в политической жизни начала 80-х годов не только оказали несомненное влияние на формирование взглядов будущего министра финансов и председателя Совета министров, но и дали как бы первый толчок его карьере на государственном поприще. Как уже говорилось, участие в «Дружине» для многих ее «братьев» оказалось подспорьем в карьере, а то и необходимым ее условием. Витте взлетел выше их всех.⁶⁰ По-видимому, это соответствовало той закулисной, но важной роли, которая принадлежала ему не только в создании и деятельности этой организации, но и в той политической борьбе, которая предшествовала выработке окончательного политического курса царствования Александра III. Роль эта, царю, конечно, известная, пришлось ему, судя по всему, по вкусу, несмотря на немилость, в которую впал Фадеев, и киевлянин Витте, появившись в Петербурге во второй раз в 1889 г., стал влиятельнейшей фигурой второй половины этого короткого царствования.

В сентябре 1884 г. Витте напомнил о себе министру двора Воронцову-Дашкову письмом сугубо личного характера. «После смерти Ростислава Андреевича, — писал Витте, — у его сестер и нас, его племянников и племянниц, явилось желание, основанное на родственном, а вместе с тем на русском чувстве, чтобы к немецкой фамилии нашей Витте, было разрешено присоединить русскую фамилию Фадеевых, то есть чтобы наша фамилия Витте была переименована в фамилию Витте-Фадеевы. Желание это было желанием Ростислава Андреевича, но он не успел осуществить его».⁶¹ Ожидалось, разумеется, что об этом национальном порыве будет доложено императору. Однако пыл Витте поостыл, когда

он получил холодный казенный ответ, предлагавший просителю обращаться на высочайшее имя в установленном порядке.

После смерти Фадеева Витте обратился также с письмом к И. С. Аксакову, в котором причислял себя к его сторонникам. Аксаков отвечал 18 сентября 1884 г.: «Вы представляете для меня редкое утешительное явление: самостоятельного (вне личных влияний) последователя того направления, которому служу».⁶² К середине 90-х годов взгляды Витте претерпели значительные изменения. Как будет показано, в последние годы века он даже выступил против земства, уверяя, что органов государственного управления в стране вполне достаточно. Однако земская тема была представлена во всех планах политических преобразований, когда бы Витте ни приходилось ими заниматься. Школа Фадеева не прошла для Витте даром во всех отношениях.

- ¹ Всеподданнейшее письмо Р. А. Фадеева 11 апреля 1879 г.: ГАРФ. Ф. 677. Оп. 1. Д. 512. Л. 1—10.
- ² Приложение к всеподданнейшему письму 11 апреля 1879 г.: Там же. Д. 514. Л. 40—47.
- ³ Особое приложение к всеподданнейшему письму. Письмо графу Д. А. Милютину подано 25 октября 1879 г. (Там же. Д. 514). Помимо этого, «гласного», существовал и другой вариант письма Милютину (Там же. Д. 511. Л. 17—18).
- ⁴ «Дополнительная записка» от 19 декабря 1879 г.: Там же. Д. 512. Л. 11—16.
- ⁵ Характеристику взглядов Фадеева и поданных им в это время записок см.: *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия на рубеже 1870—1880-х годов. М., 1964. С. 194—197.
- ⁶ Письма о современном состоянии России. Изд. 3. СПб. 1881. С. 5, 9, 29.
- ⁷ Там же. С. 5, 13.
- ⁸ Там же. С. 40—43.
- ⁹ Там же. С. 12.
- ¹⁰ Там же. С. 68, 126, 143.
- ¹¹ С. Ю. Витте—А. С. Суворину. Б. д.: РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 719. Л. 54.
- ¹² Р. А. Фадеев—И. С. Аксакову [1881 г.]: ОР ИРЛИ. Архив Аксакова. Ф. 3. Оп. 4. Д. 639. Л. 8—9.
- ¹³ *Bumme С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 124, 317.
- ¹⁴ Там же. С. 521—522. Коммент. 28. А. В. Адлерберг — министр императорского двора, Д. А. Милютин — военный министр, Б. Вердер — германский военный атташе. Ср.: «Некоторые высказывали прямо, что в событии 1 марта видят руку прови-

дения: оно возвеличило императора Александра, послав ему мученическую кончину, но вместе с тем послужило спасением для России от страшных бедствий, угрожавших ей, если бы еще несколько лет оставался на престоле несчастный монарх, который давно уже утратил всякую руководящую нить для своих действий, а в последнее время очутился в рабском подчинении княгини Юрьевской» (Воспоминания Е. М. Феоктистова: За кулисами политики и литературы. 1848—1898. М., 1991. С. 195—196).

¹⁵ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 389.

¹⁶ Представление о планах «Дружины» в издательской сфере дает черновая запись одного из ее руководителей, П. П. Шувалова, о способах влияния на общественное мнение. «Переходя засим к вопросу о практическом осуществлении предполагаемого воздействия на настроение общества с помощью журналистики, — писал Шувалов, — необходимо установить предварительно следующие несомненные начала:

1) что газета, пользующаяся славою официального органа правительства (хотя бы в положении „Нового времени“ по отношению к гр. Игнатьеву), тем самым лишена всякого влияния;

2) что газета, хотя и не пользующаяся таковою славою, но издающаяся по программе, вполне совпадающей с политической программой правительства, не в состоянии оказать требуемого давления на общественное мнение;

3) что газета, робко и неопределенно подтачивающаяся под увлечение большинства, ищущая и популярности и благоволения начальства или же уснащенная канцелярскими издельями благонамеренно-либерального оттенка, не только не принесет пользы, но, напротив того, послужит к умалению обаяния правительства, и без того достаточно затронутого двумя последними министрами внутренних дел;

4) что одна газета, даже весьма умело издаваемая честными, убежденными и безбоязненными людьми, может влиять лишь на некоторую часть общества, склонную и без того думать в духе означенной газеты. Иными словами, для действительного воздействия на общественное мнение требуется целая система газет, из коих одна служила бы к сплочению охранителей, а прочие к разъединению противоправительственных партий. Понятно, что при умелом ведении дела нетрудно поднять первую газету рядом удачных литературных побед над последними» (Лемке М. К. Рукопись «Святая дружина»: ИРЛИ. Ф. 661. Оп. 1. Д. 16. С. 594. Л. 628).

17 Богучарский В. Земский союз или Священная дружина? // Русская мысль. 1912. № 9. С. 85—86.

18 РГАЛИ. Ф. 1065. Оп. 4. Д. 5. Л. 128.

19 Bumte С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 93.

20 И. В. Гессен отмечал, что в «деловой беседе» с ним Витте, когда речь зашла о «Дружине», проявил «странную уклончивость при полной словоохотливости на другие темы» (см. запись В. Я. Богучарского: РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 169. Выписки из книг, черновые заметки, отрывки статей к работе В. Я. Богучарского «Св. дружина». Л. 186). Графиня Клейнмихель записала тем не менее рассказ Витте о его участии в «Дружине», в сущности, совпадающий с соответствующим разделом его воспоминаний (Клейнмихель М. Из потонувшего мира: Мемуары. Пг.: М., 1923. С. 12—18). Откликаясь на воспоминания С. Ю. Витте, известный юрист О. О. Грузенберг написал в своих мемуарах: «Витте похвалится: это он, мол, создал „Священную дружину“... Радетель и основатель аристократического террористического общества..., он не подозревал, что общество это сменится впоследствии „Союзом русского народа“»,

который станет за ним охотиться — и притом с неослабным усердием» (Грузенберг О. О. Вчерашнее: Воспоминания. Париж, 1938. С. 130).

Сведений, подтверждающих версию Витте о его роли в образовании «Дружины», почти нет. Лишь в дневнике А. С. Суворина встречаем следующую запись 28 февраля 1893 г.: «Витте принадлежит идея пресловутой дружины против нигилистов. Он приезжал тогда из Киева и высказал это Вор[онцову]-Д[ашкову]. Идея незуткая...» (Суворин А. Дневник. М., 1992. С. 27). Не встречается и сведений, которые опровергали бы версию Витте. Попытка поставить ее под сомнение была сделана П. А. Садиковым. Исходя из того, что «Дружина» начала свою деятельность 12 марта 1881 г., он высказал предположение о том, что Витте «к 12 марта едва ли мог уже дать в Петербург сведения через Фадеева из Киева о своих замыслах, успеть съездить туда, повидаться с гр. Воронцовым-Дашковым и гр. Шуваловым и вернуться в Киев уполномоченным „Священной дружины“» (см. вводную статью П. А. Садикова к его публикации: Общество «Священной дружины» // Красный архив. 1927. Т. 1(20). С. 200—203). Для решения вопроса о возможности инициативы Витте в создании «Дружины» имеет значение лишь одно из упоминаемых П. А. Садиковым обстоятельств: мог ли Витте успеть до 12 марта дать знать о своем предложении из Киева в Петербург? В воспоминаниях он утверждал, что письмо было написано им в самый день 1 марта. Что же касается поездки в Петербург, то она описана в них как совершенная уже после организации «Дружины» («Шувалов... предложил мне принести присягу в верности сообществу, которое было уже организовано по этому моему письму»).

21 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 461.

22 Лемке М. К. Рукопись «Святая дружина». С. 255 и сл.; донесение Витте см.: ГАРФ. Ф. 1766. Оп. 1. Д. 1. Л. 38—40. Описание этого эпизода дает возможность понять смысл двух совершенно неясных упоминаний о нем, содержащихся в «Воспоминаниях» Витте (Т. 1. С. 130, 134).

23 Я. И. Пашковский сообщил Лемке, что он намерен продать свое приобретение в польский музей в Рапперсвиле (Швейцария). Музей этот,

перевезенный в конце 20-х годов в Польшу, погиб во время Второй мировой войны. При обработке в 1924 г. поступившего в Центрархив личного фонда С. Ю. Витте среди прочих единиц хранения, содержащих преимущественно документы служебного или официального характера («папка», «картон», «дело»), были отмечены два «регистратора» — № 3 (Письма Витте жене и ей же от других лиц) и № 5 (Письма к Витте), а также специальное дело с копиями писем из «регистратора» № 6 (Опись фонда С. Ю. Витте в РГИА). Не представляла ли собой «тетрадь» Пашковского один из отсутствующих в фонде Витте в РГИА «регистраторов»? Письма Драгоманова не удалось обнаружить ни в одном из фондов Витте — в РГИА и в Бахметьевском архиве Колумбийского университета в Нью-Йорке.

24 *Лемке М. К.* Рукопись «Святая дружина». Л. 882—885. В примечании к письму Лемке отметил: «Почерк Драгоманова вне всяких сомнений».

25 По свидетельству болгарского литературоведа и историка Шишманова, который был затем Драгоманов и унаследовал его архив, большое количество документов этих лет было уничтожено самим Драгомановым (*Шишманов И. Д.* Конституционная записка графа Шувалова // *Вестник Европы*. 1913. Кн. 8. С. 137). В дошедших до нас частях этого архива (РГАЛИ, ОР РГБ) писем Витте не обнаружено. Судьба бумаг Драгоманова, попавших в 1930 г. в Варшаву (Архив М. Драгоманова. Варшава, 1938. Т. 1), неизвестна.

26 Михманов — имя искусственное, составное: Михаил Драгоманов (примечание М. К. Лемке); после «Р. С.» в копии, очевидно, пропущено слово «сак».

27 Исследования по отечественному источниковедению. Л., 1964. С. 163—178.

28 Вопросы литературы. 1965. № 5. С. 200—201.

29 Витчина. 1965. № 8. С. 167—174.

30 Чтобы решить вопрос о достоверности письма, мы предприняли попытку выяснить роль Драгоманова в «Вольном слове» независимо от этого документа, а затем рассмотреть его в сопоставлении с некоторыми другими, бесспорно принадлежавшими перу Драгоманова (*Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* О достоверности одного документа из

архива М. К. Лемке: М. П. Драгоманов в «Вольном слове» // *ВИД*. Л., 1970. Вып. 3. С. 290—321).

31 См. изложение этого дела в газ. «Народ» 17(29) октября 1899 г.

32 Народ. 1899. 1(13) июля.

33 И. И. Воронцов-Дашков — К. П. Победоносцеву. 24 мая 1881 г. // К. П. Победоносцев и его корреспонденты. М., 1923. Т. 1. Полутом 1. С. 160.

34 Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову. 29 мая [1881 г.] // *ОР РГБ*. Ф. 58. Оп. 1. Ч. II. Папка 51. Д. 3.

35 Русь. 1881. 11 июля. № 35. С. 10—11; 18 июля. № 36. С. 5—6; *Незнакомец*. Отрывки и впечатления // *Новое время*. 1881. 7(19) июня. № 1893; 16(28) июня. № 1902.

36 РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 367.

37 ОР РГБ. Собр. Музея. Ф. 178. Картон 9803. Д. 5: Выписки из воспоминаний А. Н. Куломзина.

38 Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову. 5 августа [1881 г.]: *ОР РГБ*. Ф. 58. Оп. 1. Ч. II. Папка 51. Д. 3.

39 РО РНБ. Ф. 85. Д. 42.

40 Русское слово. 1906. № 10. С. 131—133.

41 Представление в Государственный совет министра внутренних дел гр. Толстого 26 марта 1883 г. Об ассигновании пособия на издание газеты «Сельский вестник» в размере 11 000 руб. из Гос. казначейства: РГИА. Ф. 776. Оп. 3. Д. 18. Л. 161—171.

42 Там же; *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия... С. 172—173.

43 *Дьяков А.* (*Незлобин-Житель*). Как утопили Берег // *Новое время*. 1881. № 1753.

44 О происхождении и направлении «России» Спичаков писал 19 июня 1882 г. Александру III (РГИА. Ф. 776. Оп. 20. Д. 450. Л. 163).

45 ОР РГБ. Ф. Воронцова-Дашкова. Раздел II. Папка 50. Д. 12.

46 Сельский вестник. 1881. 1 сент.

47 Т. Р. Первая русская народная газета // *Исторический вестник*. 1889. Май.

48 Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову. 11 сентября 1881 г.: *ОР РГБ*. Ф. 58. Оп. 1. Ч. II. Папка 51. Д. 3.

49 *Зайончковский П. А.* Кризис самодержавия... С. 452.

50 Вольное слово. 1882. 1 июля.

51 Р. А. Фадеев — И. И. Воронцову-Дашкову. 22 апреля 1883 г.: *ОР РГБ*. Ф. 58. Оп. 1. Ч. I. Папка 79. Д. 27.

- ⁵² *Незнакомец*. Письма к другу. XLV—XLVI // Новое время. 1884. 3(15), 4(16) янв.
- ⁵³ С. Ю. Витте — А. С. Суворину. Б. д.: РГАЛИ. Ф. 457. Оп. 1. Д. 719. Л. 54.
- ⁵⁴ В. М. Лемке передала этот отрывок в ОР ИРЛИ, как и некоторые другие хранившиеся у нее бумаги М. К. Лемке. Среди них перечень из 10 пунктов, озаглавленный «Необходимые справки к Св. Дружине». Под № 6 в нем указано «„Свободный мыслитель“ (особо лежит записка)».
- ⁵⁵ Из дел давно минувших дней. Правда о «Правде» (Письмо из Америки) // Русская молва. 1913. 5(18) мая. № 141.
- ⁵⁶ Там же.
- ⁵⁷ В бумагах Богучарского сохранилась копия письма А. Меншикова в редакцию «Речи» 14 ноября 1912 г. с приложением статьи «Правда о Правде». См.: РГАЛИ, Ф. 1696. Оп. 1. Д. 169. Л. 198. Авторство Меншикова было известно и корреспондентке Богучарского А. В. Гольштейн, имевшей отношение к изданию в 1881—1883 гг. «Вольного слова». Она писала о своем «отвратительном» впечатлении от статьи Меншикова — «официальный полицейский, который и теперь все еще борется с добровольной полицией» (А. В. Гольштейн — Э. В. Богучарской. 28 мая 1913 г.: РГАЛИ. Ф. 1696. Оп. 1. Д. 224).
- ⁵⁸ *Богучарский В.* 1) Из минувшего // Киевская мысль. 1913. 31 окт. № 301; 2) «Земский Союз» конца 70-х и начала 80-х годов XIX века // Юбилейный земский сборник. СПб., 1914. С. 237.
- ⁵⁹ К сожалению, найти письмо Шувалова, бывшее у Лемке, нам не удалось.
- ⁶⁰ См.: *Сенчакова Д. Т.* «Священная дружина» и ее состав (Общество тайной сыскальной службы в России 80-х гг. XIX в.) // Вестник Моск. гос. ун-та. История. 1967. № 2.
- ⁶¹ РГИА. Ф. 472. Оп. 38. Д. 53. Л. 103—104.
- ⁶² Там же. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 394. Л. 1—3.

Глава 3

И. А. ВЫШНЕГРАДСКИЙ, С. Ю. ВИТТЕ И НОВЫЙ КУРС В ПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ПОЛИТИКЕ. КОНЕЦ 1880-х годов

Взрывы на Екатерининском канале в Петербурге 1 марта 1881 г. ознаменовали собой поворот в государственной жизни России. Александр II был смертельно ранен и несколько часов спустя скончался в Зимнем дворце. На престол вступил Александр III. Эпоха великих реформ отошла в прошлое. Новый император провозгласил националистически окрашенный правительственный курс. Особая роль в его подготовке принадлежала К. П. Победоносцеву, воспитателю императора в бытность того наследником. Благодаря Победоносцеву великий князь «стал проявлять интерес к московским славянофилам и сблизился с ними».¹

Победоносцев не сочувствовал преобразованиям Александра II, отзывался о нем как о человеке ничтожном и ни на что не способном и без стеснения воспитывал своего ученика в духе открыто враждебного отношения к политике его царствовавшего отца.

В то время как влияние Победоносцева на наследника возрастало, в его отношениях с отцом росло недоверие. Этому способствовал роман Александра II с Е. М. Долгорукой. К концу 1860-х годов письма наследника стали подвергаться перлюстрации. Победоносцев чувствовал, что царь стал относиться к нему с подозрением. Однако это не отразилось на его связях с наследником. Победоносцев не изменил свою линию поведения и продолжал подогревать оппозиционные императору настроения у самого наследника и его окружения.

Вокруг наследника постепенно объединилась значительная группа недовольных реформаторским курсом Александра II. К ней, как уже отмечалось, примыкали и авторы «Писем о современном состоянии России» генерал Р. А. Фадеев и генерал-адъютант И. И. Воронцов-Дашков — противники западного конституционализма.

Впрочем, развитие семейного конфликта не отразилось на участии наследника в обсуждении разрабатывавшихся министром внутренних дел М. Т. Лорис-Меликовым проектов государственных преобразований. Наследник был одним из инициаторов учреждения Верховной распорядительной комиссии и с одобрением относился ко многим начинаниям Лорис-Меликова, особенно связанным с обузданием революционного движения. В начале 1881 г. он мирился или вынужден был мириться с проектом создания Лорис-Меликовым подготовительных комиссий, хотя его отношения с ним заметно ухудшились.

После 1 марта положение резко изменилось. Окружение бывшего наследника, ставшего отныне императором Александром III, пришло к власти и начало действовать. Наступила пора, когда Победоносцев мог пожинать результаты своей многолетней педагогической деятельности. 8 марта 1881 г. состоялось заседание Совета министров для обсуждения исправленного Лорис-Меликовым текста правительственного сообщения о созыве подготовительных комиссий. Решающее значение на этом заседании имело выступление обер-прокурора Синода Победоносцева. Он произнес программную речь, заявив о полной несостоятельности проводившейся политики реформ и об угрозе введения в России конституции «по иномезному образцу» «вроде французских Генеральных штатов», называя реформаторов 60-х годов болтунами, а новые учреждения говорильнями: «В такое ужасное время, государь, надо думать не об учреждении новой говорильни, в которой произносились бы новые растлевающие речи, а о деле. Нужно действовать»,² — поучал Победоносцев.

К 26 апреля 1881 г. он подготовил и отправил царю проект манифеста, провозглашавшего намерения правительства не идти ни на какие уступки обществу и придерживаться твердого режима. В эти дни Победоносцев получил поддержку графа Н. П. Игнатьева, графа С. Г. Строганова и М. Н. Каткова. 29 апреля манифест был опубликован и получил «в публике» ироническое название «ананасного» из-за фразы: «А на нас возложить священный долг самодержавного правления».³

Александр III понадобилось всего два с небольшим года, чтобы придать самодержавию новое обличье.

К 15 мая 1883 г., когда, наконец, после длительной отсрочки состоялась коронация Александра III, правительственный курс принял уже достаточно четкие очертания. Теория «народного самодержавия» как самобытная, присущая именно России форма государственного управления, окончательно получила официальное признание. В основе этой теории лежала мысль о единении царя с народом, а не с «землей» или земством, как учили братья Аксаковы, считавшие высшим проявлением такого единения Земский собор. Российское дворянство должно было стать «живым звеном между царем и народом». 21 апреля 1885 г., в связи со столетием со дня издания Екатериной II Жалованной грамоты дворянству, был напечатан подготовленный Победоносцевым рескрипт, обещавший дворянству новые экономические привилегии, в том числе создание Дворянского земельного банка для под-

держки помещичьих хозяйств. В «Московских ведомостях» 22 апреля Катков приветствовал появление рескрипта как «праздник» и «начало новой эпохи». «Из долгих блужданий, — писал он, — мы наконец возвращаемся в нашу родную, православную, самодержавную Русь. Призраки бледнеют и исчезают. Мы чувствуем пробуждение».⁴ Тема представительного учреждения в любой его форме на многие годы исчезла со страниц российских газет. Она появится вновь только в условиях революционного кризиса в канун 1905 г. Пока же, в начале 1880-х годов, Катков, почти как Н. М. Карамзин в начале столетия, писал, что «русскому царю дано особое отличие от других властителей мира» и «он не только государь своей страны и вождь своего народа», но и «богом поставленный блюстителем и охранителем православной церкви... он преемник кесарей». Либерал и англоман на рубеже 1850-х—1860-х годов, Катков в своих публицистических выступлениях в 1880-е годы вторил Победоносцеву и восхвалял самодержавие как самую совершенную и передовую форму государственного управления, заявлял, что Россия стала «западной самой западной страны в Европе».⁵

Влияние Каткова на Александра III и правительственную политику 1880-х годов было столь значительным, что в бюрократических кругах не без основания рассматривали Каткова, Победоносцева и их единомышленников как второе правительство, существовавшее рядом с законным.⁶ Выступая с критикой программы либеральных реформ минувшего царствования, партия Каткова—Победоносцева опиралась на определенные идеологические принципы, разработала реальную политическую программу самобытного развития России, в частности укрепление самодержавной власти с помощью развития национальной промышленности. Экономическая программа Каткова—Победоносцева предусматривала различные меры поощрения тех отраслей промышленности, в которых было заинтересовано правительство: протекционизм, сохранение бумажноденежного обращения, строгий контроль над биржевыми операциями и частным предпринимательством, использование государственной монополии (винная, табачная) как средства налогообложения, экономическую поддержку помещичьего хозяйства (с помощью Дворянского и Крестьянского банков). Развитие национальной промышленности должно было сочетаться с укреплением общинного землевладения в деревне. Взгляды Каткова претерпели изменения после русско-турецкой войны 1877—1878 гг. В 1860-е годы Катков еще печатал в «Русском вестнике» статьи Бунге в поддержку металлического денежного обращения и в защиту принципа свободной торговли, однако в конце 1870-х годов уже прочно связал себя с публицистами и экономистами славянофильского направления Н. Я. Данилевским, Н. Х. Весселем, Н. А. Новосельским, а также со сторонниками бумажноденежного обращения А. Антоновичем, Н. Мецем и др.⁷ Идеология нового царствования оказала влияние и на внешнеполитическую доктрину. Ее основу составляли укрепление русского влияния в Азии и экспансия на

окраинах империи, панславизм и поддержка освободительного движения славян, сближение с Францией.

Эта программа находила свое отражение как в записках, подававшихся непосредственно императору, так и на страницах «Московских ведомостей» и других изданий Каткова, в сочинениях проводника его экономических и внешнеполитических идей И. Ф. Циона, в полемических выступлениях товарища обер-прокурора Синода Н. П. Смирнова против Н. Х. Бунге, провоцируемых Победоносцевым. Так, например, в сентябре 1885 г. была опубликована в количестве 48 экземпляров и роздана видным государственным деятелям брошюра Смирнова «Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства». Бунге ответил на этот выпад⁸ и вызвал тем самым появление второй брошюры Смирнова, изданной уже в количестве 300—400 экземпляров.⁹ Смирнов утверждал, что банковская реформа 1860-х годов лишила дворянское сословие дешевого государственного кредита, способствовала разорению населения, обогащению новой денежной аристократии, и настаивал на выдаче из Государственного банка дешевых ссуд дворянам, на отказе от иностранных займов, введении винной монополии, передаче железных дорог в казну.¹⁰

Программа самобытного развития России 1880—1890-х годов вовсе не исключала признания теорий западных политиков и философов. Победоносцев охотно опирался на сочинения Т. Карлейля и М. Нордау, критикуя западноевропейскую систему парламентаризма,¹¹ а Катков следовал примеру Бисмарка в борьбе с рабочим и социалистическим движением.¹²

В начале 1880-х годов партия Каткова—Победоносцева при поддержке скандально известного редактора газеты «Гражданин» кн. Мещерского начала кампанию против еще оставшихся в правительстве сторонников либеральных реформ: министра народного просвещения А. П. Николаи, министра юстиции Д. Н. Набокова и министра финансов Н. Х. Бунге. В марте 1882 г. был уволен министр просвещения А. П. Николаи, а на его место назначен И. Д. Делянов. Это открыло возможность правительству заняться пересмотром университетского устава 1863 г. По новому уставу, принятому в августе 1884 г., была упразднена университетская автономия. Значительно сократились права Ученых советов. Назначение ректоров и замещение профессорских вакансий осуществлялось отныне министром просвещения, а деканов — попечителями учебных округов. Возросла роль инспекторов студентов, был ликвидирован университетский суд.¹³ В ноябре 1885 г. министр юстиции Д. Н. Набоков был заменен Н. А. Манасеиным. Началась атака на судебные уставы. В ней приняли участие Мещерский, Катков и Победоносцев. Последний подготовил в 1885 г. проект новой судебной реформы. Противники судебных уставов 1864 г. выступали против суда присяжных, гласности судопроизводства, адвокатуры, несменяемости судей.¹⁴

Осенью 1885 г. Победоносцев и Катков открыли в печати кампанию против Бунге. Они причисляли его к партии, потерпевшей поражение в день 29 апреля 1881 г.¹⁵ Парадокс состоял в том, что

Н. Х. Бунге стал министром финансов именно в результате издания манифеста 29 апреля 1881 г. и выхода в связи с этим в отставку А. А. Абазы. Бунге был назначен товарищем Абазы в августе 1880 г. и, конечно, разделял взгляды сторонников реформ 1860-х годов. В то же время он показал себя человеком, склонным к компромиссам, и, став министром, поддержал программу Фадеева и Воронцова-Дашкова, а когда она была провалена Победоносцевым и Катковым, сумел сохранить за собой министерский пост. Возможно, этому способствовало то, что программа Победоносцева—Каткова предусматривала развитие национальной промышленности.

Еще в сентябре 1880 г. Бунге в записке, поданной Александру II, высказался за принятие мер общего характера для поднятия народного хозяйства России. «Для содействия обрабатывающей промышленности, — писал Бунге, — заводским и торговым предприятиям от правительства требуется... не столько материальная поддержка, сколько установление лучшего порядка посредством издания законов, примененных к современному развитию хозяйства. Россия отстала от всей Западной Европы в этом отношении на полстолетия». Промышленное развитие России «сдерживалось» из-за «отсутствия в стране современного фабрично-заводского законодательства».¹⁶

В начале 1880-х годов Бунге выступил с программой фабрично-заводского законодательства. 1 июня 1882 г. был принят закон, запрещавший труд малолетних на фабриках.¹⁷ Для подростков от 12 до 15 лет должен был быть установлен 8-часовой рабочий день. В 1882 г. была образована при Министерстве финансов фабричная инспекция как орган надзора за исполнением фабричного законодательства. По закону 12 июня 1884 г. губернии, находившиеся под надзором фабричной инспекции, были разделены на 9 округов — Петербургский, Московский, Владимирский, Казанский, Воронежский, Харьковский, Киевский, Виленский и Варшавский.¹⁸ Соответственно штат фабричной инспекции состоял из одного главного инспектора, 9 окружных и 10 помощников. 3 июня 1886 г. был опубликован подготовленный комиссией под председательством товарища министра внутренних дел В. К. Плеве закон, регулировавший отношения между фабрикантами и рабочими. Контроль за соблюдением этого закона возлагался на фабричную инспекцию. При обсуждении проекта закона в Государственном совете были высказаны предложения о передаче фабричной инспекции по примеру Англии в ведение Министерства внутренних дел. Однако Государственный совет отклонил это предложение.¹⁹

Закон 3 июня 1886 г. устанавливал правила найма и увольнения рабочих, условия оплаты труда, запрещал натуральную форму расчетов, вычеты из жалованья на медицинское обслуживание, устанавливал контроль над штрафами. В то же время закон предусматривал целый ряд карательных мер за участие в стачках и подстрекательство к ним, угрозы в адрес администрации и отказ от работы.²⁰ В подготовленных Бунге законах «московская консервативная печать» увидела «едва ли не социализм», Бунге за

них «подвергся обвинениям в непонимании условий русской жизни, доктринерстве, увлечении тлетворными западноевропейскими теориями».²¹ Казалось бы, фабричное законодательство 80-х годов было выдержано в духе «попечительства», положенного в основу рабочей политики Каткова и Победоносцева, однако оно было сочтено ими слишком радикальным. Действительно, Бунге считал необходимым создать условия для развития крестьянского землевладения на основе частной собственности в сельском хозяйстве, а в промышленности ввести современное фабричное законодательство для обеспечения «более тесной связи между интересами рабочих и фабрикантов».²²

Бунге исходил из того, что «сила и влияние господствующих классов могут быть прочно основаны лишь на благосостоянии рабочего сословия». Он считал необходимым, чтобы фабриканты, общества или земства, или государство взяли на себя устройство жилищ для рабочих и улучшение их быта. С его точки зрения, следовало подумать и о привлечении рабочих к участию в прибылях. «Доля участия в прибылях, — писал Н. Х. Бунге в середине 90-х годов, — составляет один из лучших способов если не упразднения социального вопроса, то по крайней мере для устранения из него всякой жгучести».²³ Обосновывая свои взгляды на рабочий вопрос, Бунге ссылался на западные образцы: политику швейцарского правительства, организовавшего в Берне постройку специальных помещений для рабочих с учетом их требований, приводил в качестве примера красивые заведения Лекларка в Англии.²⁴

Эти взгляды не могли вызвать сочувствия у Каткова и его единомышленников. Они не признавали существования рабочего сословия в России и видели в фабричном рабочем мужика, отправившегося на заработки.²⁵

Поданная Бунге в сентябре 1880 г. Александру II всеподданнейшая записка предусматривала также преобразование налоговой системы России с целью ликвидации бюджетного дефицита. В первую очередь намечались отмена соляного налога и понижение выкупных платежей. Одной из самых важных налоговых реформ Бунге стала отмена подушной подати. Решение об этом Бунге успел провести через Государственный совет в мае 1882 г. вопреки сопротивлению Победоносцева и некоторых его единомышленников. Большинство членов Государственного совета поддержало реформу, 18 мая 1882 г. Александр III утвердил мнение большинства.²⁶ Отмена подушной подати затянулась до 1886 г. «Можно ожидать, что с отменой подушной подати, — писал Бунге в 1884 г., — с одной стороны, прекратится накопление крупных недоимок, а с другой — возвысится благосостояние всего земледельческого населения, и оно уплатит свободно, по своим средствам, в виде косвенных налогов, акцизов с вина, пива, сахара, табака, таможенных пошлин с чая и других предметов значительную долю того, что взыскивается принудительно в виде подушной подати».²⁷ Отмена подушной подати была важным шагом на пути замены сословного налогообложения налогами по имущественному признаку. В начале 1885 г. Бунге ввел дополнитель-

ные сборы к промысловому налогу: 3%-й с доходов обязанных публичной ответственностью акционерных предприятий и раскладочный с предприятий гильдейских. В конце 1885 г. был введен 5%-й сбор с доходов от денежных капиталов.²⁸ 12 июня 1886 г. императором был утвержден закон о переводе государственных крестьян с оброка на выкупные платежи. Перед ними открывалась перспектива превращения в полных земельных собственников.²⁹ Бунге выступал решительным противником как существовавшей круговой поруки, так и паспортной системы, так как они затрудняли свободное передвижение крестьян.³⁰ В январе 1886 г. он обратился к министру внутренних дел Д. А. Толстому с предложением «рассмотреть особо» изменения в уставе о паспортах. В феврале 1886 г. при Министерстве финансов была образована подготовительная паспортная комиссия под председательством директора Общей канцелярии министра Г. М. Раевского. Комиссии было поручено подготовить для внесения в законы о паспортах такого рода изменения, которые облегчили бы «передвижение населения», но в то же время не отразились бы на интересах полицейского сыска и размере годового «паспортного дохода», достигавшего 3,5 млн. руб.³¹ Комиссия Раевского признала существовавшую паспортную систему «безусловно вредной» для народного благосостояния, препятствовавшей «не только правильному распределению труда», но и «развитию платежных сил населения» и особенно «стеснительной» для мещан и крестьян.³²

Комиссия закончила свою работу в августе 1886 г., после чего подготовленный ею проект был передан на рассмотрение учрежденной при Министерстве финансов общей паспортной комиссии под председательством товарища министра финансов П. Н. Николаева. Однако в связи с отставкой Бунге 31 декабря 1886 г. работа затянулась, члены комиссии не могли прийти к единому мнению. Спор разгорелся вокруг основного вопроса об отношении к общине и круговой поруке. Паспортная реформа застряла в бюрократических путах до начала 1890-х годов.³³

В отличие от Каткова и Победоносцева, сторонников бумажного денежного обращения, выступавших даже за увеличение денежной массы, Н. Х. Бунге, вслед за М. Х. Рейтерном, настаивал на необходимости извлечения из обращения избыточного количества бумажных денег, укрепления рубля и внедрения звонкой монеты. Политика Бунге в этой области была направлена на подготовку введения золотого стандарта. 26 июня 1881 г. была возобновлена прекращенная в 1876 г. чеканка серебряной монеты, в сентябре 1882 г. Бунге представил Александру III специальную записку по поводу необходимости упрочения курса рубля, а в декабре 1882 г. внес это предложение в Комитет финансов. Однако политика Бунге в области денежного обращения была встречена в штыки на страницах «Московских ведомостей» и «Гражданина».³⁴

Неурожаи 1883 и 1885 гг. подорвали и без того непрочное финансовое положение в стране. Попытки Бунге избавиться от бюджетного дефицита потерпели неудачу. Этим воспользовался Кат-

ков, чтобы не только подвергнуть критике бюджетный дефицит и слабые стороны экономической политики Бунге, но еще раз придать своим обвинениям политический характер. «Сложилось странное положение, — писал Катков, настаивая на отставке Бунге, — оппозиция правительству не вне его, а в нем самом, чего не бывает, по крайней мере не должно быть, ни в каком государстве ни при каком образе правления».³⁵

В январе 1887 г. Бунге был уволен с поста министра финансов и назначен на почетный, но менее влиятельный пост председателя Комитета министров. Министром финансов стал связанный с Катковым И. А. Вышнеградский, хорошо известный также в предпринимательском мире как один из главных деятелей Петербургского водопроводного общества и вице-председатель правления Юго-Западных железных дорог. Катков поставил перед собой цель добиться отставки не только Бунге, но и министра иностранных дел Н. К. Гирса и заменить этих двух «немцев» своими ставленниками, соответственно И. А. Вышнеградским и И. А. Зиновьевым. Однако Каткову не удалось осуществить задуманный им план полностью: летом 1887 г. влиятельный редактор «Московских ведомостей» скончался.

И. А. Вышнеградский связал себя с партией «Московских ведомостей» задолго до своего назначения на министерский пост. По крайней мере в конце 1883—начале 1884 г. он уже выступал как лицо, близкое к Каткову, на страницах его газеты. Вышнеградский активно поддерживал нападки Каткова на Бунге. В середине 1885 г. к кампании против Бунге присоединился и С. Ю. Витте.

Еще в мае 1886 г. Витте опубликовал в киевской газете «Заря» заметку по поводу назначения Вышнеградского членом Государственного совета и в связи с распространившимися слухами, что это просто переходная ступень «к назначению на более деятельный пост». Причислив Вышнеградского «к наиболее даровитым и образованным русским людям» с «обширным промышленным, финансовым и административно-практическим опытом», Витте выступил против тех, кто позволял себе усомниться в заслугах Вышнеградского. Заметка была напечатана за подписью «Х»,³⁶ но для Вышнеградского авторство ее не было секретом. Витте отправил Вышнеградскому не только эту, но и другую заметку на ту же тему, не опубликованную только потому, что ее де «исполосовал редактор».³⁷ Ответ Вышнеградского на письма Витте свидетельствует о том, что между ними к 1886 г. существовали уже довольно тесные деловые отношения и Витте поручалось произвести оценку распоряжений Железнодорожного совета по тарифным делам.³⁸

С вступлением Вышнеградского в руководство Министерством финансов Витте разработал проект создания при этом министерстве Департамента железнодорожных дел специально для контроля за тарифами. После того как проект Витте был принят, Вышнеградский предложил ему возглавить новый департамент. В своих «Воспоминаниях» Витте позднее писал, что отклонил предложение министра финансов, но вынужден был уступить на-

стоянию Александра III, заметившего Витте как дерзкого предсказателя катастрофы императорского поезда и заявившего, что он «прочит» его «на дальнейшую службу».³⁹ Витте писал, что сопровождал императорский поезд и распорядился снизить его скорость во время одной из поездок Александра III по Юго-Западным железным дорогам. Это вызвало недовольство императора и министра путей сообщения, но Витте настоял на своем, заявив, что рано или поздно движение императорского поезда с повышенной скоростью приведет к катастрофе. В ноябре того же 1888 г. императорский поезд сошел с рельсов у станции Борки, неподалеку от Харькова. Александр III оценил предостережение Витте и настоял на его переходе на государственную службу. Так как Витте на посту управляющего частным Обществом Юго-Западных железных дорог получал более 50 тыс. руб. в год, а на казенной службе жалование директора департамента составляло всего 8 тыс., император согласился доплачивать Витте еще 8 тыс. «из своего кошелька». «Таким образом, — утверждал Витте, — вопреки моему желанию я начал новую карьеру».⁴⁰

Если бы Витте действительно не очень-то был заинтересован в бюрократической карьере, как это следует из «Воспоминаний», то едва ли ему стоило прибегать к помощи «Московских ведомостей» для рекламы предстоявшего своего назначения на пост директора Департамента железнодорожных дел. Между тем 16 декабря 1888 г. «Московские ведомости» поместили пространную заметку, специально посвященную этой теме. С. Ю. Витте был представлен читателю как «знаток» железнодорожного, «в особенности тарифного, дела», автор «Общего устава российских железных дорог». «С. Ю. Витте пользуется репутацией человека, решительно со вполне сложившимися убеждениями и искренно преданного интересам России, — рекламировала газета управляющего Юго-Западными железными дорогами. — И. А. Вышнеградский без сомнения найдет в С. Ю. Витте деятельного и опытного помощника в урегулировании столь трудного дела, каким является вопрос о наших железнодорожных тарифах, от которых зависит в значительной мере все экономическое благосостояние России».⁴¹

Причастность Витте к появлению этой заметки не вызывает сомнений. Если Витте и не был ее автором, то она, по крайней мере, была написана с его слов. Стоило «Киевлянину» откликнуться иронической репликой на «дифирамб» «Московских ведомостей» и высмеять их попытку представить Витте «вторым Сперанским» для железнодорожного законодательства,⁴² как Витте поспешил заверить их редактора С. А. Петровского, что все напечатанное в «Московских ведомостях» «неоспоримо точно».⁴³ В выступлении «Киевлянина» Витте увидел происки своего постоянного киевского оппонента Д. И. Пихно и просил Петровского «опровергнуть возражение этой собачки», опасаясь, что «найдутся друзья» и перепечатают его «в столичных газетах».⁴⁴ 25 декабря «Московские ведомости» ответили на реплику «Киевлянина» кратким опровержением, составленным в соответствии с рекомендациями Витте.⁴⁵

10 марта 1889 г. Высочайшим приказом по Министерству финансов за № 5 Витте был «определен» директором Департамента железнодорожных дел с производством в действительные статские советники.

Став министром финансов, Вышнеградский после представления императору первый визит нанес одному из своих главных покровителей князю В. П. Мещерскому. У Мещерского на Мойке по средам собирался сановный Петербург. В одну из таких «сред», вскоре после назначения на пост директора Департамента железнодорожных дел Министерства финансов, в салоне Мещерского появился и Витте. Он сразу привлек к себе общее внимание. «Витте говорил о разнузданности путейцев, об оторванности Петербурга от России, о глупости и тупости тех, кто не верил в Россию, о Новом Завете русской экономики, которую только такой царь, как Александр III, и такой министр, как Вышнеградский, могли подарить погрязшей в рутине стране. Говорил он много и хорошо, — писал позднее об этой первой встрече с Витте И. И. Колышко, — чуть в нос с хрипотцой, с неуклюжими жестами, но с чарующей убежденностью и юным задором». «Когда сановники разошлись, мы обменялись с Мещерским мнением о Витте. Оказалось, старик влюбился в него, как и я. „Его надо сделать министром“, — изрек он». «Витте унес мою ильковую шинель вместо своей. (Моя была без хвостов, его с хвостами). Наутро я ему ее вернул. Мы опять дружески поболтали, и он пошутил, что этот обмен шубами знаменует наши будущие хорошие отношения».⁴⁶

Знакомство с Мещерским и его интимным другом И. И. Колышко перешло в сотрудничество. И тому и другому суждено было сыграть в карьере Витте и его политической деятельности весьма значительную роль.

Департамент железнодорожных дел занимал два этажа над рестораном Кюба на Большой Морской, возле Кирпичного переулка. «Это был и географический и кутежный центр Петербурга». «Первый по гастрономии ресторан» отныне соседствовал с Департаментом, который на какое-то время затмил собой «все остальные правительственные учреждения». С его созданием Вышнеградскому и Витте удалось сосредоточить в своих руках финансовые и тарифные дела всего железнодорожного хозяйства страны. Теперь от них зависело предоставление новых концессий на железнодорожное строительство.

К началу 1880-х годов железнодорожная сеть охватила более 45 % территории Европейской России. Центром ее был Московский железнодорожный узел. Он объединял восемнадцать железнодорожных линий протяженностью до 3,5 тыс. км, Азово-Черноморский железнодорожный узел объединял пять линий протяженностью до 3,5 тыс. км, Прибалтийский — восемь линий, около 3 тыс. км, и Западный узел — тоже восемь, около 3,5 тыс. км. В России господствовала концессионная система. Однако правительство способствовало развитию железнодорожного строительства и активно в нем участвовало. Для этого в 1867 г. был создан правительством специальный железнодорожный фонд. Его

первоначальный капитал составили средства, полученные от продажи США Русской Аляски. Затем он пополнился за счет железнодорожных займов, гарантированных правительством. Они, как правило, заключались на европейских рынках.⁴⁷

Помимо того, что капиталы железнодорожных обществ были обычно гарантированы казной, она еще и оставляла за собой те облигации обществ, которые не удавалось разместить на рынке. Частные по форме железнодорожные предприятия действовали за счет казны. В таких условиях, когда правительственная гарантия обеспечивала прибыли и предотвращала убытки, когда благоволение власть имущих могло заменить концессионеру миллионные капиталы, фаворитизм и коррупция расцветали пышным цветом. Разбогатевшие концессионеры, железнодорожные «короли» П. Г. фон Дервиз, К. К. фон Мекк, С. С. Поляков, П. И. Губонин, В. А. Кокорев, Л. Л. Кроненберг, И. С. Блюх и другие вместе со своими высокопоставленными покровителями просто грабили казну, особенно в 1870-е годы. И. И. Колышко был одно время «правительственным директором» от казны в Привислинской группе железных дорог, принадлежавшей варшавскому банкиру Л. Л. Кроненбергу, и как хорошо знакомый с концессионной системой утверждал, что она создала «очаги такого финансового могущества, с которым могли спорить только прежние очаги откупов», а «выстроенные „концессионным“ путем дороги объединялись в группы и общества, со своими уставами и привилегиями, делавшими их государством в государстве».⁴⁸

Вышнеградский и Витте взяли курс на усиление государственного влияния в железнодорожном хозяйстве и сосредоточение в государственных руках доходов от железных дорог. С 1889 г. была введена система государственного регулирования хлебных тарифов, были установлены дифференциальные тарифы. Стоимость провоза товаров по железным дорогам ставилась в зависимость от расстояния. Она была тем меньше, если не абсолютно, то относительно, чем больше было расстояние. Эта политика привела к унифицированию тарифной системы, открыла возможности для экономического развития окраин, вывоза за границу дешевых продуктов, часто, впрочем, в ущерб центру. «По головам голодавшего русского центра, — писал И. И. Колышко, испытывший на себе как рязанский помещик влияние новой тарифной политики, — неслись к Риге, Либаве, Одессе поезда с сибирским маслом, яйцами, птицей, мясом, а великоросс, провожая их, только облизывался в заботе, как и куда выпустить куренка. Русским сахаром откармливала Англия своих свиней, на вывоз сахара в Персию, Турцию, на Балканы давались вывозные премии, а великоросс пил чай вприглядку. В Берлине в дни привоза русского мороженого мяса и птицы немцы обжирались им до отвала, а великоросс ел мясо лишь по двенадцатым праздникам».⁴⁹

Естественно, что новая тарифная политика встретила сопротивление со стороны и земельных собственников центральных и западных губерний, и владельцев железнодорожных обществ. Но энергичными действиями Витте оно было сломлено. Один из лидеров делового мира России В. В. Жуковский оценивал результат

политики Витте на посту директора Департамента железнодорожных дел как «один из самых любопытных примеров в истории экономических отношений», когда человек, «обладающий замечательными познаниями специально в области железнодорожной», подчинил государственным интересам «влиятельную промышленную группу». Это не означало, что, заняв государственный пост, Витте стал противником всякого частного железнодорожного строительства. Он продолжал поддерживать и целый ряд частных компаний, однако поставил их в строгую зависимость от казны.⁵⁰ Результаты новой тарифной политики сказались не сразу. С 1883 по 1894 г. по сведениям, представленным Витте в декабре 1902 г. в Государственный совет, эксплуатация казенных железных дорог и участие в доходах и издержках линий, состоявших в частном владении, требовали ежегодных значительных государственных дотаций. Максимальный расход за это время казны на нужды железнодорожного хозяйства достиг в 1886 г. 63,2 млн. руб. Затем в результате выкупа ряда частных железных дорог в казну и мероприятий по упорядочению железнодорожного хозяйства на протяжении пяти лет (с 1895 по 1899 г.) казна получала прибыль от железных дорог. Максимальный годовой размер этой прибыли достиг в 1896 г. 11 млн. руб., но затем с 1900 г. железнодорожное хозяйство опять потребовало приплат казны в быстро возраставшем размере. В 1900 г. приплата составила 2 млн. руб., в 1901 г. — 32 млн. с лишним, в 1902 г. — около 45 млн. руб.⁵¹

В проведении своей железнодорожной политики в конце 1880-х—начале 1890-х годов Витте и Вышнеградский опирались на поддержку «Московских ведомостей». И после кончины М. Н. Каткова газета, переданная в аренду С. А. Петровскому, все еще сохраняла свое влияние.

Заняв пост директора Департамента железнодорожных дел, Витте взял на себя сношение с «Московскими ведомостями» в пределах всего круга финансовой политики. Вышнеградским это было ему, по-видимому, поручено, и Витте вел дело в пользу министра финансов, не забывая, впрочем, с самого начала выделять значение и роль своего детища — тарифных учреждений. Вышнеградский и Витте, в недавнем прошлом сами в качестве руководителей Юго-Западных частных дорог испытывавшие правительственные стеснения деятельности железнодорожных обществ, добивались теперь их «обуздания». «Кто бы мог думать лет пять тому назад, — восклицал Витте, — что Ив[ану] Алекс[ее]вичу и мне придется вести ожесточенную борьбу против ж[елезно]дор[ожной] конституции с высшими правительственными учреждениями!»⁵² Наиболее строптивой оказалась Курско-Киевская дорога, среди акционеров которой было много сановников («Акции Курско-Киевской дороги недаром называют акциями Государственного совета и Сената», — писал Витте). Общее собрание акционеров этой дороги отказалось подчиниться решению тарифного комитета о хлебных вывозных тарифах, которым устанавливался порядок распределения платы за перевозки по нескольким дорогам. Тогда Витте решил отомстить этой дороге самым

коварным образом: для нее было сделано исключение из нового порядка, но на практике оно вело к сокращению перевозок по ее линиям. Обо всем этом с издевкой над акционерами рассказывалось в статье «Московских ведомостей», «набросок» которой прислал Петровскому Витте.⁵³

В декабре того же 1889 г. «Московские ведомости» поместили большую редакционную статью, открыто поносившую деятельность Бунге. «Несостоятельность режима школьной финансовой доктрины», «заботы о восстановлении бюджетного равновесия хотя бы ценой усвоения внешнею политикой девиза „тише воды, ниже травы“», — такие крайние характеристики политики Бунге предшествовали восхвалению успехов нового руководства финансового ведомства, которое, добившись бюджетных излишков, обратило их на выкуп долга Государственного казначейства Государственному банку по кредитным билетам войны 1877—1878 гг. и обязательств Государственного казначейства (ренты и серий).⁵⁴

29 декабря 1889 г. Витте курьерским поездом отправил Петровскому всеподданнейший доклад о росписи доходов и расходов на 1890 г. вместе с текстом передовой статьи по этому поводу. «Если успеете написать лучшую, то будем очень рады», — заметил Витте в сопроводительном письме, но успеть было вряд ли возможно, ибо вслед за письмом и всеподданнейшим докладом Витте телеграфировал: «Печатайте в воскресенье в завтрашнем номере 31 числа». Чтобы Петровский не пропустил срока, Витте предупреждал его в письме: «Мы хотим, чтобы у Вас появилось ранее... Пожалуйста, чтобы в сем отношении не вышло недоразумения».⁵⁵ По замыслу Витте и Вышнеградского, «Московские ведомости» должны были выступить первыми, задать тон обсуждению в печати нового бюджета. Присланная Витте передовая этой цели, разумеется, как нельзя более отвечала. Она состояла из фраз, которые были одна другой хвалебней. «Написать лучшую», т. е. более лестную для министерства Вышнеградского, статью вряд ли было вообще возможно. «Не можем забыть той благоприятной для доверия точности в исполнении росписей, к которой русская публика уже приучена нынешним финансовым управлением»; «отрадное чувство удовлетворения охватывает русского человека по внимательном прочтении всеподданнейшего доклада министра финансов»; «устойчивость почвы и верность пути, избранных нашим финансовым управлением» — такие восторги расточало в свой собственный адрес с помощью «Московских ведомостей» Министерство финансов. Речь шла о документе, посвященном отнюдь не итогам прошедшего, а видам на будущее. Чтобы извлечь из него политический барыш, Витте прибегнул к неуклюжему и беззастенчивому приему. Похвалив доклад за отсутствие «показного характера», «который так часто встречается в официальных бюджетных отчетах (!?) других государств», за «твердую уверенность», которой от него «веет», и за «вполне ясное» освещение предмета, автор передовой без обиняков заявлял: «В данном случае эта ясность равносильна фактическому осуществлению и оправданию всех предположений доклада».⁵⁶

В отстаивании и рекламировании «Московскими ведомостями» финансовой политики Вышнеградского часто присутствовали политические мотивы. Так, когда «Вестник Европы» подверг критике бюджет, порицая Вышнеградского в противоположность его предшественнику Бунге, «Московские ведомости» обвинили «Вестник Европы» в либерализме и восхваляли политику Вышнеградского, критикуя Бунге за иностранные займы как противоречащие национальным интересам России.⁵⁷ О Бунге, и называя его прямо, и не называя, «Московские ведомости» писали с неизменным порицанием, всякий раз противопоставляя ему систему Вышнеградского, со ссылкой даже на собственное разочарование Бунге в своих мероприятиях. «Словно камень свалился с сердца русских людей, — писали „Московские ведомости“, — когда они убедились, что с водворением в 1887 году нового финансового управления поставлен могильный крест над господствовавшей дотоле quasi-научной финансовой системой, приведшей страну чуть не на край пропасти государственного банкротства — над системой, вызвавшей официальный вопль отчаяния у последнего могикинина этой мнимой финансово-экономической „научности“». ⁵⁸

Смушало ли «Московские ведомости» отсутствие принципиальной разницы между действиями Бунге и Вышнеградского в подготовке к введению металлического денежного обращения и к связанной с этим девальвацией рубля? Еще в начале 1888 г., когда в газетах появились сведения о внесении в Государственный совет предложения о металлическом обращении, «Московские ведомости» выступили против этой меры, перепечатав статьи Каткова, опубликованные в газете в 1881—1882 гг., после того как Бунге, став товарищем министра финансов, впервые ее предложил.⁵⁹ А теперь, в конце 1890 г., они пытались поставить под сомнение линию Вышнеградского на девальвацию рубля в целях его стабилизации. Сделано это было в лестной для Вышнеградского форме: слухи об этом были представлены как интрига против министра с заключением о том, что до смены Бунге Вышнеградским, когда в финансах существовал беспорядок, можно было говорить о девальвации, теперь же для этого нет оснований.⁶⁰

Известное смущение, ощущавшееся в этой статье, было преодолено, очевидно, с участием Витте, которому предстояло довершить в Министерстве финансов начинания Бунге, продолженные Вышнеградским, и пожать их плоды. К вышеупомянутой статье он отнесся вполне одобрительно, хоть и с некоторой осторожностью. («Статья Ваша была решительная и, по моему мнению, основательная. Соображений своих высказывать считаю неудобным. Когда свидимся, переговорим».)⁶¹ Но следующие две статьи, составлявшие продолжение первой, вызвали у Витте иную реакцию. В них доказывалось, что девальвация с фиксацией курса не может гарантировать сельское хозяйство от понижения хлебных цен в результате колебаний курса, что поместное дворянство не пойдет ради своих выгод на такую меру, которая потрясла бы

весь русский кредит, и т. п.⁶² Вместо этого, писали «Московские ведомости», надо улучшать дело хлебной торговли.⁶³

Сотрудничество Витте в «Московских ведомостях» не составляло секрета, и статьи эти бюрократический Петербург («в особенности, мои доброжелатели», — язвительно подчеркивал рассерженный Витте) сейчас же приписал именно ему. А он, хотя и был к ним, несомненно, причастен, по его словам, советовал Петровскому «до тех пор, пока сего вопроса не станет на очередь, ничего об этом не писать».⁶⁴ Помимо всего прочего, Витте оказался, по-видимому, в неловком положении перед Вышнеградским, которому статьи «Московских ведомостей» потому и должны были быть неприятны, что в них мера, им проводимая, подавалась как недостойная его и его финансовой системы. Допустил ли здесь Витте промах, «не зная хорошо программы, которая была принята, не зная вообще мыслей Вышнеградского» (так заявлял он в «Воспоминаниях» в своем рассказе о пари с министром по поводу понижения курса рубля, имеющем непосредственное отношение к интересующему нас эпизоду),⁶⁵ или дело было в чем-то ином, но так или иначе эти выступления газеты по общефинансовым вопросам Витте не удалось.

Витте больше занимали пока вопрос о железнодорожных тарифах и связанные с ними противоречия между министерствами финансов и путей сообщения, а также протекционистский таможенный тариф, отстаиваемый Вышнеградским.

Одновременно с протекционистской линией Витте вел в «Московских ведомостях» кампанию восхваления деятельности своего департамента, используя каждую возможность для того, чтобы уколоть министра путей сообщения Гюббенета. 1 декабря 1890 г. он отправил Петровскому «забавный циркуляр министра путей сообщения», выразив желание, чтобы циркуляр этот был разобран в одном из ближайших номеров газеты.⁶⁶

Вскоре Витте пришлось связаться в почти открытую войну с Гюббенетом, и тут он потребовал от Петровского возмещения убытков, нанесенных ему газетой в вопросе о девальвации. 27 декабря 1890 г. в «St. Petersburger Zeitung» появилась статья «По поводу наших новых тарифных порядков», в которой утверждалось, что новые железнодорожные тарифы означают насилие над хозяйственными интересами Прибалтийского края. К этому-то моменту и относится, по нашему мнению, недатированное письмо, гласившее: «За все те неприятности, которые Вы наделали Вашими статьями о девальвации, я настоятельно прошу Вас напечатать от редакции прилагаемые статьи, которые по своей основной мысли могут быть удобнее всего напечатаны в „Московских ведомостях“. Усердно прошу напечатать поскорее».⁶⁷ 1 января 1891 г. «Московские ведомости» ответили «St. Petersburger Zeitung» статьей «Почему „остзейцы“ недовольны железнодорожными тарифами?». «Для нас совершенно понятно, — говорилось в статье, — почему остзейцы недовольны тем, что железнодорожные тарифы сосредоточены вот уже скоро два года в Министерстве финансов... прежде собирались разные комиссии, подкомиссии, из одной комиссии дело переходило в другую; была

и известная комиссия под председательством статс-секретаря фон Гюббенета, и все же дело не двинулось, и остзейцы прекрасно возили свои товары по дешевым тарифам, наводняя ими внутренние наши рынки. Но как только тарифы были сосредоточены в Министерстве финансов, дело сейчас же приняло другой оборот...».

«Основная мысль» статьи заключалась в том, что Гюббенет мирволил остзейцам из-за своего происхождения. И Витте действительно так ее выразил, чтобы она «удобнее всего» выглядела на страницах «Московских ведомостей», постоянно нападавших на прибалтийских и финляндских «сепаратистов».

Витте, по-видимому, удалось одержать верх над Гюббенетом в этом вопросе, и, посылая Петровскому еще одну статью, он многозначительно заметил: «Не сомневайтесь в исполнении сей моей просьбы». А заключительную статью сопровождал торжествующей фразой: «Статьи эти в известном смысле желательны и не представляют никаких серьезных препятствий».⁶⁸

Конфликт между Вышнеградским и Витте, с одной стороны, и Гюббенетом — с другой, по словам Витте, весной 1891 г. «обострился до крайности и взволновал весь чиновный Петербург». Гюббенет обвинял своих противников в попытке «водворить железнодорожную вакханалию... чтобы затем в мутной воде ловить рыбу». Они обвиняли его в том же. Борьба шла вокруг инициативы в железнодорожно-строительных проектах. Чтобы вести свою линию в печати, Гюббенет взял на службу в свое министерство сотрудника «Нового времени» Петерсона, «дал ему 3000 р. в год, не дав никаких занятий».⁶⁹ Витте, со своей стороны, по обыкновению, прибег к Петровскому. «Очень будет хорошо, если Ваша почтенная газета, — писал он ему, — вмешается в эту интригу и со свойственной ей энергией назовет все это дело соответствующим словом».⁷⁰ В результате борьбы Вышнеградского и Витте с «немецкой спесью Г[юббенета]», как выразился Витте, в «Московских ведомостях» появилось несколько присланных им статей.⁷¹

Борьба Вышнеградского и Витте с Гюббенетом соприкасалась со сферой большой политики, а «Московские ведомости» оказывались в центре событий. Статьи против Гюббенета и остзейцев, постоянные выступления по финляндскому и прибалтийскому вопросам с крайних русификаторских позиций и медвежья услуга, оказанная Вышнеградскому статьями о девальвации, — все это обернулось для газеты серьезными неприятностями. В. А. Грингмут, один из наиболее ярых приверженцев и последователей Каткова в редакции «Московских ведомостей», ставший впоследствии их редактором и одним из организаторов «Союза русского народа», отправился в Петербург. Здесь он застал крайне тревожную для газеты ситуацию. Начальник Главного управления по делам печати Е. М. Феоктистов собирался в отставку, не желая применять против газеты карательных мер. Оказалось, что Гюббенет и курляндский губернатор Д. С. Сипягин жаловались на статьи «Московских ведомостей», и министр внутренних дел И. Н. Дурново принял их сторону. Грингмут усмотрел наличие

при дворе объединенной немецкой и финляндской «партии императрицы», члены которой «ужасно боятся государя». «Московские ведомости», по словам Грингмута, являлись предметом ненависти Марии Федоровны. Судя по инициалам, которыми Грингмут обозначал влиятельных лиц, с которыми он встретился, к числу сторонников «Московских ведомостей» относились министры просвещения И. Д. Делянов и государственных имуществ М. Н. Островский. Гюббенет сам по себе был как будто не страшен. «И[ван] А[лексеевич] его совершенно затер», — писал Грингмут. Но Вышнеградский и сам был сердит на «Московские ведомости» из-за статей о девальвации. «Даже подушка его не знает его мыслей, а мы хотим их знать... У него есть проект, но вовсе не такой, и раньше, чем через два года, он его не обнародует», — излагает Грингмут полученный от Вышнеградского выговор.⁷² Однако Вышнеградский, да и другие влиятельные петербургские сторонники «Московских ведомостей», по-видимому, устранили нависшую было над газетой угрозу, и Витте продолжал с ней свое сотрудничество.

В какой мере корреспонденции Витте соответствовали направлению «Московских ведомостей»? То обстоятельство, что Витте старался преодолеть несоответствие убеждений, устраивая Петровскому контракты с различными железными дорогами, очень, по-видимому, выгодные и весьма многочисленные,⁷³ не уменьшает важности этого вопроса. Между направлением газеты, с одной стороны, и взглядами и практическими шагами Витте этих лет — с другой, не было непреодолимых расхождений. Витте, начиная государственную карьеру, на словах, по крайней мере, придерживался своих ранних взглядов славянофильско-фадеевского толка.⁷⁴ Это относилось не только к экономической сфере, в которой он заявил себя статьей в аксаковской «Руси» в 1885 г. ярким противником капиталистического развития,⁷⁵ но и к вопросам политического характера. Он с похвалой отзывался о националистической агитации «Московских ведомостей» в финляндском вопросе и отмечал сочувственные отклики, которые она встречала в петербургских влиятельных кругах.⁷⁶ Дворянская идея отстаивалась им на страницах «Московских ведомостей» с позиций сохранения дворянства как «передового служилого сословия». Весной 1891 г. в Государственный совет был внесен законопроект о неотчуждаемости крестьянских наделов в виде временной меры до пересмотра всех законов о крестьянском наделе. По этому проекту крестьяне могли продавать свой надел только лицам крестьянского сословия. Витте сейчас же прислал Петровскому письмо для напечатания «на более видном месте».

В письме, появившемся за подписью «Г-й», ставился вопрос о «государственной важности» применения такой же меры по отношению к дворянским имениям. В письме подчеркивалось, что «связующим звеном» между народом и центральной властью должно быть дворянство.⁷⁷

Письмо за подписью «Г-й» было напечатано в газете в те самые дни, когда Витте сообщал Петровскому о крайнем обострении конфликта между Вышнеградским и Гюббенетом. «Весь Пе-

тербург и вся Россия следили за титанической борьбой между ведомствами финансов и путей сообщения... Столица поделилась на виттистов и антивиттистов. К первым принадлежали дельцы во главе с братьями Скальковскими, ко вторым почти весь бюрократический и аристократический Петербург».⁷⁸ Репутация Витте оказалась под угрозой, кроме всего прочего, из-за его романа. А. А. Скальковский познакомил Витте с пользовавшейся громкой известностью среди петербургской золотой молодежи Матильдой Ивановной Лисаневич. Витте влюбился. Роман получил огласку. Предстоял развод М. И. Лисаневич с ее мужем Д. С. Лисаневичем. «В Петербурге образовалась Лига защиты добрых нравов». Она «послала Александру III донос, обличавший Витте во взяточничестве».⁷⁹

Казалось, бюрократическая карьера Витте начала клониться к закату. На одном из «политических четвергов» в салоне сенатора А. А. Татищева на Малой Морской Витте публично заявил о своей предстоявшей отставке и о полученном от директора С.-Петербургского Учетно-ссудного банка Я. И. Утина приглашении занять место председателя правления с фантастическим окладом в 200 тыс. руб.⁸⁰ Однако недоброжелатели Витте потерпели поражение. Он не утратил доверия Александра III и не только не был уволен в отставку, но при поддержке Мещерского 15 февраля 1892 г. был назначен на более высокий пост управляющего Министерством путей сообщения. Баталия между Министерствами финансов и путей сообщения завершилась окончательной победой Вышнеградского и Витте. Теперь в их руках оказались все нити управления экономикой, финансами и транспортом. Исключение составляло сельское хозяйство, находившееся в ведении Министерства внутренних дел.

К 1892 г., когда Витте получил назначение на пост министра путей сообщения, стали уже очевидными результаты проводившегося Вышнеградским при поддержке и помощи Витте нового экономического курса. Упорядочение тарифной системы было важной, но только одной его частью. Уже в первой своей программной записке, представленной Александру III, Вышнеградский заявил, что главной целью его политики будет ликвидация бюджетного дефицита и защита отечественной промышленности. Он собирался достичь превышения доходов над расходами прежде всего за счет введения винной и табачной монополий и повышения железнодорожных тарифов.⁸¹ Однако проекты введения винной и табачной монополий Вышнеградскому осуществить не удалось. Что же касается табачной монополии, то Вышнеградский довольно скоро пришел к выводу вообще о нереальности ее введения в российских условиях и в апреле 1889 г. сообщил об этом Государственному совету.⁸² В 1888 г. Вышнеградский продолжал повышать косвенные налоги и установил новые налоги на спички и керосин.

В 1889 и 1890 гг. были повышены пошлины на ввозимые товары, а в 1891 г. введен новый таможенный тариф, носивший строго протекционистский характер и оказавший влияние на развитие отечественной промышленности.⁸³ Таможенные доходы

стали неуклонно возрастать и увеличились к 1903 г. на 170 %.⁸⁴ С приходом к власти Вышнеградского и Витте очевидным стало резкое усиление государственного вмешательства в экономическую жизнь страны.

Непосредственное участие правительства в делах промышленности и финансов усилилось еще при Бунге: были учреждены Крестьянский поземельный (1882 г.) и Государственный Дворянский земельный (1885 г.) банки, было выкуплено в казну 7 тыс. верст железных дорог, принадлежавших частным обществам. Начало 1880-х годов стало важным этапом в усилении влияния Особенной канцелярии по кредитной части на банковские структуры России. В 1883 г. в связи с банкротством некоторых городских банков было пересмотрено банковское Положение 1862 г. Государственному надзору были подчинены городские и общественные банки. В 1884 г. был принят закон о порядке ликвидации кредитных учреждений. По этому закону министр финансов получил право создавать ликвидационные комиссии, а надзор за их деятельностью должна была осуществлять Кредитная канцелярия.⁸⁵

Вышнеградский подверг пересмотру рабочее законодательство своего предшественника. Отставка Бунге дала повод министру внутренних дел Д. А. Толстому возбудить вопрос о передаче фабричной инспекции в ведение его министерства. Вышнеградский хотя и относился скептически к институту фабричных инспекторов, но в 1888 г. он отказался от этой мысли, отчасти под давлением промышленников, опасавшихся, что с передачей в Министерство внутренних дел фабричная инспекция окажется для них еще более опасным институтом. Комиссия Плеве на этот раз предложила внести некоторые изменения в закон 3 июня 1886 г., отразившиеся на правовом положении рабочих.⁸⁶ Из состава фабричной инспекции были удалены лица, вызывавшие наибольшее раздражение предпринимателей. 24 апреля 1890 г. фабричной инспекции было дано право допускать работу малолетних в воскресные и праздничные дни, а губернским по фабричным делам присутствиям или губернаторам — разрешать ночной труд женщин и подростков. Кроме того, в стекольной промышленности было отменено запрещение ночного труда, а с позволения министров финансов и внутренних дел допускался на определенный срок и в определенные производства наем детей в возрасте 10—12 лет.⁸⁷

В результате этих изменений фабричная инспекция, созданная Бунге как орган контроля за соблюдением фабричных законов, в какой-то мере утрачивала свою роль. Попытка Вышнеградского приспособить экономическую политику к общеполитической доктрине царствования Александра III находила свое выражение и в усилении государственного вмешательства в экономическую жизнь страны, и в ужесточении рабочего законодательства, и в поддержке консервативных начал в аграрной политике, нацеленной на укрепление общины и дворянского контроля над органами крестьянского общественного самоуправления. В 1886 г. был принят закон, ограничивавший право семейных разделов у крестьян-

общинников, а в 1889 г. введен институт земских начальников. Им передавались функции мировых судей. Земские начальники утверждали должностных лиц в сельских и волостных управлениях, а также волостных судей.⁸⁸

Впрочем, Вышнеградский не придерживался слепо экономической программы Каткова—Победоносцева. Он отказался поддерживать бумажноденежное обращение. Однако экономическая политика Вышнеградского способствовала решению одной из важнейших задач их внешнеполитической программы — сближению с Францией. В 1889—1891 гг. на парижской бирже была произведена конверсия русских процентных бумаг на сумму в 1,7 млрд. руб. В результате был заложен экономический фундамент под здание политического и военного союза России и Франции. В августе 1891 г. было заключено общеполитическое соглашение между двумя странами, а в августе 1892 г. генералы Н. Н. Обручев и Р. Буадефр подписали военную конвенцию. Окончательно оформленный к 1894 г. франко-русский союз не только стал решающим фактором во внешней политике России на ближайшие десятилетия, но и оказал огромное влияние на ее внутреннюю, и в частности экономическую, политику.

Общественное мнение самодержавной России было подготовлено к союзу с республиканской Францией во многом благодаря усилиям, как это ни парадоксально, печати консервативного направления. Немалая заслуга в этом отношении принадлежала Каткову и его «Московским ведомостям».⁸⁹ Именно эту часть своей внешнеполитической программы сторонникам нового курса удалось осуществить полностью. Национальные интересы обладали над политическими предрассудками, хотя противоположенный с точки зрения этих предрассудков характер союза был очевиден. «Боже царя храни и Марсельеза — это Христос Воскрес, распеваемый в синагоге, — писал Витте в сентябре 1899 г. Мещерскому. — Для всякого француза наше самодержавие есть варварство, а наш царь есть деспот. Для нас их пресловутое *egalité, fraternité* и прочее есть реклама банкира Блока, печатаемая ежедневно во всех русских газетах. Французский парламент есть кошунство над здравым смыслом и колоссальнейший самообман».⁹⁰

Итак, даже после отставки Бунге противникам реформ 1860-х—1870-х годов не удалось в полной мере осуществить свою программу экономических преобразований. Аналогичную ситуацию мы наблюдаем и при попытке пересмотра в Министерстве внутренних дел в конце 1885 г. основных положений земской, судебной и городской реформ. Главными действующими лицами были А. Д. Пазухин и Д. А. Толстой. Пазухин стал одной из центральных фигур в созданном для этой цели Особом совещании. Оно работало в сентябре—ноябре 1886 г. 18 декабря Толстой представил Александру III всеподданнейший доклад. В нем излагалась программа пересмотра реформ, проведенных в царствование Александра II. Она состояла из шести пунктов. Предусматривалось создание административных органов управления крестьянскими делами, сведение к минимуму роли «общественного само-

управления» в земских и городских учреждениях, усиление власти министра внутренних дел «по надзору за земскими, городскими и крестьянскими учреждениями», ограничение выборного начала «при замещении должностей по местному управлению» и замена его «системою правительственного назначения», предоставление дворянству большего участия в делах местного управления и передача дел по маловажным поступкам «от судебных установлений» в ведение учреждений, «находящихся в непосредственной связи с административной властью».⁹¹

Первым реальным результатом этой программы стало введение института земских начальников 12 июля 1889 г.⁹² Им была передана вся полнота судебной и административной власти в крестьянском управлении. Мировые суды в уездах были упразднены. Подлежавшие их рассмотрению дела отныне должны были рассматриваться земскими начальниками или в волостных судах, находившихся в подчинении у земских начальников. Обсуждение в январе 1887 г. в Государственном совете законопроекта о земских начальниках «вызвало противодействие со стороны большинства его членов».⁹³

Законопроект о пересмотре Земского положения 1864 г. был представлен в Государственный совет в самом начале 1888 г. Его обсуждение состоялось только в марте—апреле 1890 г. Новое Земское положение было принято 12 июня 1890 г. Тем временем многие из влиятельных сторонников возврата к дореформенным порядкам сошли с политической сцены. В 1889 г. умер Д. А. Толстой. Министром внутренних дел был назначен И. Н. Дурново. Утратил влияние Пазухин, пошатнулось могущество Победоносцева. Все это отразилось на содержании Положения 12 июня 1890 г. При его обсуждении в Государственном совете раздавались голоса в пользу того, чтобы ограничиться лишь частными поправками к Положению 1864 г.⁹⁴ Упразднение земства, как того добивались Толстой и Пазухин, не состоялось. Положение 12 июня 1890 г. должно было, по замыслу его авторов, приостановить процесс нараставшей оппозиционности правительству в земских учреждениях. Однако оно существенным образом не повлияло на эти настроения. В органы земского самоуправления чаще всего приходили «не Пазухины и ему подобные, а земцы-либералы».⁹⁵

Не удалось правительству коренным образом изменить и природу городского самоуправления с помощью введения нового Городового положения 11 июня 1892 г., хотя правительство добилось в результате пересмотра Городового положения 1870 г. значительного сокращения состава городских дум и ограничения их прав. Отныне ни одно решение городской думы не могло быть проведено в жизнь без разрешения губернского начальства. Повысился избирательный ценз: из числа избирателей были исключены мелкие торговцы и приказчики.⁹⁶

Сторонникам нового курса не удалась в полной мере также попытка сокрушить судебные уставы 1864 г. Кампания против них развернулась на страницах «Гражданина» Мещерского и катковских «Московских ведомостей» уже в 1884 г. Объектом кри-

тики стали суд присяжных, несменяемость судей, гласность судопроизводства. Эта критика получила развитие в записке Победоносцева от 30 октября 1885 г., содержавшей программу постепенных преобразований судебной системы.⁹⁷ Однако программа эта увязла в разного рода комиссиях.⁹⁸ 7 апреля 1894 г. была образована комиссия под председательством министра юстиции Н. В. Муравьева для подготовки нового судебного законодательства, но она не справилась с поставленной перед нею задачей и 5 июня 1899 г. была закрыта. Подготовленные ею проекты новой редакции судебных уставов были переданы в Государственный совет. Их обсуждение началось только в конце 1902 г. В составе Государственного совета было образовано Особое совещание под председательством И. Л. Горемыкина, но его работа была прервана начавшейся в России революцией.⁹⁹

Реальные результаты пересмотра судебных уставов свелись к изменению в 1887 г. ценза для присяжных заседателей в пользу представителей дворянского сословия, а также изъятию в 1889 г. части дел из ведения суда присяжных.

К 1892 г. серия государственных преобразований, связанных с пересмотром реформ 1860-х—1870-х годов, фактически была завершена. Закон о земских начальниках 12 июля 1889 г., Земское положение 12 июня 1890 г. и Городовое положение 11 июня 1892 г. объединены в отечественной историографии общим понятием — контрреформы. Современники иногда называли политику 1880-х—начала 1890-х годов «попятным движением». Новый курс, провозглашенный с вступлением на престол Александра III, привел к тому, что Россия сошла с пути, обозначенного «великими реформами». Однако их корректировка и попытка приспособить к политической доктрине «народного самоуправления» также не удалась в полной мере. Власть не хотела проводить реформы, вместе с тем не могла их не проводить и неспособна была их возглавить. Отсутствие четко обозначенного курса вело к хаосу и кризису. Он не замедлил отразиться в трагических событиях неурожайных лет начала 1890-х годов.

Осенью 1890 г. из-за засушливого лета с большим опозданием и на меньших, чем обычно, площадях прошел сев озимых. Ранняя весна 1891 г. с заморозками, погубившими всходы, сменилась страшной жарой. Были выжжены не только посевы, но луга и степи, засыхали и гибли деревья.¹⁰⁰ От неурожая пострадали 29 из 97 губерний и областей России.¹⁰¹ От голода и сопутствовавшей ему холеры умерло более 500 тыс. человек.¹⁰²

Неурожайные и голодные годы периодически повторялись в России и не были явлением чрезвычайным. Однако необычные размеры бедствия в огромной империи (19 млн. квадратных верст) с многомиллионным населением свидетельствовали о серьезных социальных причинах разыгравшейся трагедии. Ее спровоцировала фискальная политика Вышнеградского, отличавшаяся предельной жесткостью. С отменой подушной подати Бунге считал естественным отказаться и от получения недоимок с крестьян по уже не существующему налогу. Вышнеградский придерживался другой точки зрения и в 1887—1888 гг. сумел

взыскать эти недоимки в размере свыше 16 млн. руб. В результате такой политики с 1888 по 1891 г. перевыручки по бюджету достигли значительной суммы в 209,4 млн. руб. Однако в следующие 1891 и 1892 голодные годы правительство вынуждено было истратить на помощь голодающему населению 162,5 млн. руб.¹⁰³ «Меркантилистическая система Вышнеградского, сводившаяся к скоплению возможно большого количества золота, развивалась всецело за счет сельского хозяйства... Голодные 1891 и 1892 годы с их разрушительными последствиями явились тяжелой расплатой за тот односторонний и суровый фискализм, которым была проникнута финансовая политика восьмидесятых годов. Ужасы голода сломили „систему“». ¹⁰⁴

В 1892 г. Вышнеградский по состоянию здоровья покинул свой пост. Министерство финансов возглавил Витте.

Причина столь сказочной карьеры Витте крылась не только в его талантах, поддержке влиятельных сторонников нового курса, но прежде всего в том, что он сумел за короткий срок своего пребывания на государственной службе завоевать расположение Александра III. Решение Витте вступить в брак с М. И. Лисаневич, несмотря на осуждение петербургского общества, не отразилось на отношениях с императором. Заявляя о готовности пожертвовать карьерой, он одновременно обратился за помощью к шефу жандармов И. Н. Дурново и воспитателю Александра III, генерал-адъютанту О. Б. Рихтеру. Их посредничество способствовало благоприятному исходу дела. Витте получил высочайшее разрешение на брак, а вскоре и новое назначение. Последние два года царствования Александра III Витте вершил свои дела, пользуясь почти неограниченным доверием императора. Александр III был, в представлении Витте, человеком «совершенно обыденного ума, можно сказать, ниже среднего ума, ниже средних способностей и ниже среднего образования», но в то же время имел «громадный характер, прекрасное сердце, благодушие, справедливость и вместе с тем твердость». ¹⁰⁵ Эти качества императора, поскольку тот благоволил к Витте, отнюдь не мешали министру финансов решительно проводить в жизнь и по мере надобности корректировать свою программу государственных преобразований.

Голод 1891—1892 гг. стал как бы выразительным итогом внутренней политики царствования Александра III. Александр III активно участвовал в принятии важных политических решений, и новый курс Каткова—Победоносцева нес на себе отчетливый отпечаток его личной причастности. «Конституция? Чтобы русский царь присягал каким-то скотам?» — это лаконичное заявление Александра III, сделанное с присущей ему прямоотой еще в 1881 г., как нельзя лучше отражало его общее отношение и к существу власти монарха, как он ее понимал, и к своим подданным. ¹⁰⁶

Как и поражение в Крымской войне, голод 1891—1892 гг. еще раз напомнил миру об отсталости России, о необходимости радикальных преобразований не только в сфере экономики, но и в системе государственного управления. Он всколыхнул русское об-

шество и оказал несомненное влияние на развитие как революционного, так и реформаторского движения.

Очевидные неудачи политики 1880-х годов не обескуражили Витте. Он принял новое назначение восторженно. Он верил в свою судьбу и свою удачу. «В России тот пан, у которого в руках финансы, — говорил Витте Колышко накануне своего назначения. — Этого до сих пор не понимали. Даже Вышнеградский. Но я их научу. Пути сообщения? И они будут в моей власти... Как и все. Кроме министра финансов, в России есть еще только власть министра внутренних дел. Я бы не отказался и от нее. Но это еще рано. Надо дать в руки власти аппарат денег... С деньгами я прекращу любое революционное движение. Этого тоже не понимают. Тюрьмы, виселицы — ерунда. Тех, кто делает революцию в России, нашего разночинца, — надо купить. И я куплю его. У меня целый план. И я его проведу, хотя бы все лопнуло кругом».¹⁰⁷

¹ См.: Готье Ю. В. Победоносцев и наследник Александр Александрович: 1865—1881 // Публичная библиотека СССР имени В. И. Ленина. М., 1928. Сб. 2. С. 115.

² Готье Ю. В. Борьба правительственных группировок и манифест 29 апреля 1881 года // ИЗ. М., 1938. № 2. С. 266—267.

³ ПСЗП. Т. 1. № 118; Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш., Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 305. Впрочем, манифест был встречен с одобрением теми из русских либералов, которые, как, например, Б. Н. Чичерин, были озабочены неустойчивым положением в стране и возлагали надежды на установление «твердой власти». См.: Твардовская В. А. «Конституция» М. Т. Лорис-Меликова и Александр III // Annali sezione Storico-Politico-Sociale. 1989—1990. Napoli, 1994. N XI—XII. P. 174—175.

⁴ Цит. по: Соловьев Ю. Б. Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 179.

⁵ Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия: (М. Н. Катков и его издания). М., 1978. С. 225, 230, 235.

⁶ Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш., И. А. Вышнеградский и С. Ю. Витте — корреспонденты «Московских ведомостей» // Проблемы общест-

венной мысли и экономическая политика России XIX—XX веков. Л., 1971. С. 12.

⁷ Канда Акинори. Экономическая программа дворянской реакции и политика И. А. Вышнеградского // The Journal of Asahikawa University. March 1977. N 5. P. 198.

⁸ Бунге Н. Х. Замечания министра финансов на записку тайного советника Смирнова. СПб., 1886.

⁹ Смирнов Н. П. Объяснения тайного советника Смирнова на замечания господина министра финансов, сделанные по поводу записки «Современное состояние наших финансов, причины упадка их и средства к улучшению нашего государственного хозяйства». СПб., 1886.

¹⁰ О полемике между Бунге и Смирновым см.: Канда Акинори. Экономическая программа дворянской реакции и политика И. А. Вышнеградского. С. 199—201.

¹¹ Ведерников В. В. Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895—1902 гг.) // Вестник ЛГУ. 1981. № 8. Вып. 2. С. 104.

¹² Твардовская В. А. Идеология пореформенного самодержавия... С. 231.

¹³ ПСЗП. Т. 4. № 2404; Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия: (Политическая реакция 80-х—начала 90-х годов). М., 1970. С. 328—330. См. также: Щетинина Г. И. Университеты в России и устав 1884 года. М., 1976. С. 150—153.

- 14 *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 234—236.
- 15 *Катков М. Н.* Собрание передовых статей «Московских ведомостей» за 1886 год. М., 1989. С. 117.
- 16 *Записка Н. Х. Бунге* Александру II была опубликована; см.: *Погребинский А. П.* Финансовая политика царизма в 70—80-х годах XIX в. // ИА. 1960. № 2. С. 135—136. См. также: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века. Л., 1986. С. 138—139.
- 17 ПСЗIII. Т. 2. № 931.
- 18 Там же. Т. 4. № 2316.
- 19 *Лаверычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972. С. 70.
- 20 Там же. С. 71; ПСЗIII. Т. 6. № 3769.
- 21 *Туган-Барановский М.* Русская фабрика в прошлом и настоящем. СПб., 1907. С. 416.
- 22 *Шепелев Л. Е.* Копартнершип и русская буржуазия // Рабочий класс и рабочее движение в России: 1861—1917. М., 1966. С. 288—289.
- 23 *Записка, найденная в бумагах Н. Х. Бунге.* 1881—1894 гг.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 721. Л. 58 об. — 59.
- 24 Там же.
- 25 О взглядах Каткова на рабочий вопрос см.: *Твардовская В. А.* Идеология пореформенного самодержавия... С. 91—102.
- 26 *Ананьич Н. И.* К истории отмены подушной подати в России // ИЗ. 1974. Т. 94. С. 193.
- 27 Там же. С. 197.
- 28 ПСЗIII. Т. 5. № 2961.
- 29 *Ананьич Н. И.* К истории отмены подушной подати в России. С. 201.
- 30 О связи этих двух явлений в правительственной политике 80—90-х годов XIX в. см.: *Симонова М. С.* Отмена круговой поруки // ИЗ. 1969. Т. 83. С. 159—195.
- 31 РГИА. Ф. 1405. Оп. 542. Д. 70. Л. 2 об. См. также: *Ананьич Б. В.* Из истории законодательства о крестьянах (вторая половина XIX в.) // Вопросы истории России XIX—начала XX века. Л., 1983. С. 34—37.
- 32 *Ананьич Б. В.* Из истории законодательства о крестьянах... С. 36.
- 33 Там же. С. 37.
- 34 См.: *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 135—150; *Степанов В. Л.* От крушения системы Канкрин к новой реформе // Русский рубль: Два века истории. XIX—XX вв. М., 1994. С. 90—100.
- 35 *Московские ведомости.* 1886. 26 февр. См. также: *Неведенский С. Катков и его время.* СПб., 1888. С. 556—557.
- 36 *Заря.* 1886. 8 мая.
- 37 *И. А. Вышнеградский* — С. Ю. Витте. Б. д.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 402. Л. 1—2.
- 38 Там же.
- 39 *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 207.
- 40 Там же. С. 208.
- 41 *Московские ведомости.* 1888. 16 дек.
- 42 *Киевлянин.* 1888. 18 дек.
- 43 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому [не ранее 18 декабря 1888 г.] (Витте ошибочно датировал письмо 17 ноября): ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24.
- 44 Там же.
- 45 *Московские ведомости.* 1888. 25 дек.
- 46 *Баян. Великий распад.* Ныне отпущаеши... Глава XIV. № 1. С. 7—8. Архив Гугеровского института Войны, Революции и Мира. Коллекция Б. И. Николаевского. Вох 193—197.
- 47 *Соловьева А. М.* Промышленная революция в России в XIX в. М., 1990. С. 137—138, 142. См. также: *Соловьева А. М.* Железнодорожные «жоры» России П. Г. фон Дервиз и С. С. Поляков // Предпринимательство и предприниматели России от истоков до начала XX века. М., 1997. С. 266—285.
- 48 *Баян. Великий распад...* Глава XIV. № 1. С. 14.
- 49 Там же.
- 50 РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 146. Л. 5—6.
- 51 См.: *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал: 1897—1914. Л., 1970. С. 95—96.
- 52 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 13 августа 1889 г.: ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 4.
- 53 Там же; *Московские ведомости.* 1889. 18 авг.
- 54 *Московские ведомости.* 1889. 13 дек.
- 55 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 29 [декабря 1889 г.], телеграмма того же тому же, 30 декабря [1889 г.]: ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24.
- 56 *Московские ведомости.* 1889. 31 дек.
- 57 Там же. 1890. 4 дек.
- 58 Там же. 13 дек.
- 59 Там же. 1888. 7 февр.
- 60 Там же. 1890. 13 дек.
- 61 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 1890. 14 декабря: ОР РГБ.

- Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24.
- 62 Московские ведомости. 1890. 15 и 25 дек.
- 63 См. статью «Некоторые сведения о хлебной торговле» (Московские ведомости. 1890. 25 дек.), написанную по присланному Витте материалам (С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 4 декабря 1890 г.): ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24).
- 64 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. Б. д.: ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24.
- 65 *Vitte S. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. 219—222.
- 66 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 1 декабря 1890 г.: ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24.
- 67 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. Б. д.: Там же.
- 68 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 11 и 26 января 1891 г.: Там же; Московские ведомости. 1891. 16 и 29 янв.
- 69 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 19 марта 1891 г.: ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24.
- 70 Там же.
- 71 См. статью, отстаивавшую постройку Казанской железной дороги силами Общества Московско-Рязанской дороги против сторонников исключительно казенного строительства (Московские ведомости. 1891. 26 февр.; С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 20 февраля 1891 г.: ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24). Аналогичная статья была посвящена поддержке защищаемого Д. И. Менделеевым проекта постройки линии Рязань—Саратов силами Общества Рязано-Козловской дороги (Московские ведомости. 1891. 9 нояб.; С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 5 ноября 1891 г.: ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24). Можно предположить, что не без участия Витте появились и статьи, посвященные новой системе дополнительных сборов, железнодорожным катастрофам и грузовым залежам на дорогах (Московские ведомости. 1891. 24 мая, 19 июня и 2 нояб.).
- 72 См. два письма В. А. Грингмута С. А. Петровскому, не ранее января 1891 г.: ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 39/1—3.
- 73 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 16 апреля, 28 апреля, 4 мая, 5 ноября 1891 г.: Там же. Д. 24.
- 74 См. нашу статью: Р. А. Фадеев, С. Ю. Витте и идеологические искания «охранителей» в 1881—1883 гг. // Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971. С. 299—326.
- 75 *Vitte S.* Мануфактурное крепостничество // Русь. 1885. № 3.
- 76 «Финляндскими статьями очень интересуются, и я нахожу, что они полезны», — писал он Петровскому 28 апреля [1891 г.] (ОР РГБ. Ф. С. А. Петровского. Папка 1. Д. 24).
- 77 С. Ю. Витте — С. А. Петровскому. 16 марта [1891 г.]: Там же; Московские ведомости. 1891. 20 марта.
- 78 *Баян.* Великий распад... Глава XIV. № 2. С. 344.
- 79 Там же. См. Приложение.
- 80 Там же. С. 57.
- 81 *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства (1861—1892 годы). М., 1960. С. 62.
- 82 *Канда Акинори.* Экономическая программа дворянской реакции и политика И. А. Вышнеградского. С. 207. ПСЗIII. Т. 11. № 7811.
- 83 *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века... С. 169.
- 84 РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1054. Л. 29.
- 85 *Лаврычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972. С. 81—82.
- 86 Там же.
- 87 *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 257.
- 88 О роли М. Н. Каткова, И. Ф. Циона, участвовавшего в организации конверсионного займа во Франции, и связанных с ними французских публицистов в подготовке франко-русского сближения см.: *Манфред А. З.* Образование русско-французского союза. М., 1975. С. 228—230. См. также: *Kennan George Frost.* The decline of Bismarck's European order: Franco-Russian Relations, 1875—1890. Princeton, N.-Jersey, 1979. P. 170—185.
- 90 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1018. Л. 150 об.
- 91 *Зайончковский П. А.* Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 369—370.
- 92 ПСЗIII. Т. 9. № 6196.
- 93 *Захарова Л. Г.* Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 117.
- 94 Там же. С. 139—143; ПСЗIII. Т. 10. № 6927.

- ⁹⁵ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 434.
- ⁹⁶ ПСЗIII. Т. 11. № 8708. См. также: Нардова В. А. Городское самоуправление в России 60-х—начала 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 244—248.
- ⁹⁷ Зайончковский П. А. Российское самодержавие в конце XIX столетия... С. 236—239. Зайончковский считает, что эта записка была «единственной позитивной программой, написанной Победоносцевым» (там же). См. также: Корнева Н. М. Политика самодержавия в области судостроительства и судопроизводства (1861—1905 гг.): Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1990. С. 12—13.
- ⁹⁸ Корнева Н. М. Политика самодержавия в области судостроительства... С. 14—15.
- ⁹⁹ Там же. С. 15.
- ¹⁰⁰ Ермолов А. С. Наши неурожаи и продовольственный вопрос. СПб., 1909. Ч. 1. С. 98—100.
- ¹⁰¹ В административном отношении Россия была разделена на 97 губерний и областей: 50 губерний и областей в Европейской России, 8 — в Финляндии, 10 — в Привислинском крае, 11 — в Предкавказье и Закавказье, 9 — в Сибири Восточной и Западной, 9 — в степных, среднеазиатских и закаспийских владениях.
- ¹⁰² Анфимов А. М. Продовольственные долги как показатель экономического положения крестьянства дореволюционной России (конец XIX—начало XX века) // Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1960. Т. 4. С. 294; Першин П. Н. Аграрная революция в России. М., 1956. Т. 1. С. 58. По подсчетам американского историка Р. Робинса, число умерших от голода составляло от 375 до 400 тыс. (см.: Robbins R. G. Jr. Famine in Russia 1891—1892. New York; London, 1975. P. 171).
- ¹⁰³ Шванебах П. X. Наше податное дело. СПб., 1903. С. 14.
- ¹⁰⁴ Витчевский В. Торговая, таможенная и промышленная политика России со времен Петра Великого до наших дней. СПб., 1909. С. 231.
- ¹⁰⁵ Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 1. С. 189.
- ¹⁰⁶ Суворин А. С. Дневник. М.; Пг., 1923. С. 166; Чернуха В. Г. Александр III // ВИ. 1992. № 11—12. С. 62—63.
- ¹⁰⁷ Баян. Великий распад... Глава XIV. № 2. С. 11.

Часть II

МИНИСТР ФИНАНСОВ

Глава I

ПЕРВЫЕ ШАГИ НА ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. СТРОИТЕЛЬСТВО СИБИРСКОЙ МАГИСТРАЛИ

Вступив на пост министра финансов, Витте пытался придерживаться курса, провозглашенного Катковым—Победоносцевым. Однако очень скоро начал отступать от этого курса по соображениям чисто прагматическим.

Как известно, на Витте большое влияние оказало учение известного немецкого экономиста, сторонника протекционизма Фридриха Листа. До середины 80-х годов Витте смотрел на будущее русской экономики глазами убежденного славянофила. Его тревожила даже самая мысль о возможности развития капитализма в России по западноевропейскому образцу, ломка «исконного строя» и «обращение хотя бы части русского народа в фабричных автоматов, несчастных рабов капитала и машин».¹

Учение Ф. Листа привлекло внимание Витте в конце 80-х годов. В 1889 г. он издал в Киеве небольшую брошюру «Национальная экономия и Фридрих Лист», посвященную изложению взглядов немецкого экономиста. Он постепенно расстается со славянофильскими иллюзиями и берет на вооружение идеи «национальной экономии» в трактовке Фридриха Листа. «Мы, русские, в области политической экономии, конечно, шли на буксире Запада, — писал Витте в своей книге о Листе, — а потому при царствовавшем в России в последние десятилетия беспочвенном космополитизме нет ничего удивительного, что у нас значение законов политической экономии и житейское их понимание приняли самое нелепое направление. Наши экономисты возымели мысль кроить экономическую жизнь Российской империи по рецептам космополитической экономии. Результаты этой кройки налицо». Космополитической, в понимании Витте, политической экономии он противопоставил учение Ф. Листа, пророка «настоящего величия Германии, созданного князем Бисмарком по началам его доктрины».²

Став министром финансов, Витте позаботился о том, чтобы подобрать себе достойных помощников для осуществления задуманной им экономической программы. Среди них выделялся В. И. Ковалевский. «Чрезвычайно талантливый и чрезвычайно работоспособный»,³ он был приглашен Витте еще в Департамент железнодорожных дел членом тарифного комитета, а теперь был назначен директором Департамента торговли и мануфактур и принял участие в разработке программы развития национальной промышленности. В качестве постоянного консультанта по экономическим вопросам Витте часто привлекал Д. И. Менделеева. Он участвовал в подготовке таможенного тарифа 1891 г. и был назначен И. А. Вышнеградским на пост начальника Палаты мер и весов, которая находилась в ведении Министерства финансов. При Витте Менделеев продолжал пользоваться неизменным расположением министра и оказал значительное влияние на подготовленную к концу октября 1893 г. в департаменте В. И. Ковалевского программу развития промышленности и торговли России.⁴

Она предусматривала защиту отечественного производства от «соперничества иноземных товаров на русских рынках» с помощью покровительства таможенного тарифа, выгодных для государства торговых трактатов и надлежащей системы железнодорожных тарифов. Кроме того, программа должна была обеспечить руководство «развитием промышленности и торговли со стороны правительства», его содействие и помощь нравственную и материальную частным предпринимателям в тех случаях, когда «частный почин» был «или невозможен, или слишком слаб». В программе подчеркивалось, что, в отличие от западноевропейских государств, где «обрабатывающая промышленность развивалась медленно и постепенно», а отдельные предприниматели всегда находили помощь в цеховых учреждениях, корпорациях..., русская промышленность поставлена в гораздо более трудные условия» и «в своем развитии должна пропустить несколько исторических ступеней».⁵ Витте утверждал, что без государственной поддержки это было бы ей не по силам.

Программа экономических преобразований была оформлена не в виде самостоятельного документа, а как часть представления в Государственный совет от 30 октября 1893 г. «Об изменении штатов Департамента торговли и мануфактур».⁶ Витте добивался увеличения в полтора раза числа чиновников департамента в надежде превратить его в активный орган для осуществления своих планов. Его надежды оправдались. В ноябре 1893 г. Государственный совет одобрил представленный Витте документ, и Департамент торговли и мануфактур превратился в один из активно действующих проводников провозглашенной Министерством финансов политики прямой поддержки промышленных предприятий.⁷

Итак, уже в самом начале своего пребывания на посту министра финансов Витте объявил об использовании государственно-го вмешательства в экономическую жизнь страны как верного средства для преодоления ее отсталости.

После Крымской войны в российском Министерстве финансов была сделана попытка поощрения частного предпринимательства. В 1866—1870 гг. министр финансов М. Х. Рейтерн выступал за развитие биржевых операций и «отстаивал не только частную инициативу в учреждении банков, но и полезность конкуренции между банками».⁸ Переход основных европейских стран в 60-е годы от разрешительной к явочной системе учредительства послужил толчком для разработки в России законопроекта о предоставлении частной инициативе большего простора в учреждении акционерных компаний. Но он не был осуществлен. В 1874 г. Рейтерн, очевидно под влиянием биржевого краха 1873 г., распорядился оставить законопроект «без дальнейшего движения» и высказался за ограничение акционерного учредительства.⁹ В 1877 г. М. Х. Рейтерн использовал государственные средства для борьбы с биржевой спекуляцией, регулирования курса рубля и ценных бумаг и тем самым предложил в качестве меры правительственной политики «искусственное сдерживание свободной конкуренции». На этой основе возникла практика поддержки «солидных» предприятий и банков, в том числе за счет выдачи из Государственного банка неуставных ссуд.¹⁰ Таким образом, уже в 70-е годы были выработаны некоторые меры государственного вмешательства в экономическую жизнь страны, определилось отношение правительства к проблеме частного предпринимательства, наметился поворот в правительственной политике к строгому протекционизму.¹¹

Однако ни один из министров финансов пореформенной поры не пользовался так широко средствами государственного воздействия на экономику, как Витте. Пройдя школу частного предпринимательства, Витте, конечно, понимал не только интересы представителей промышленного класса, но и значение частной инициативы и опыта в промышленном развитии империи. Поэтому с самого начала своей министерской деятельности, преодолевая препятствия существовавшей в России системы чинопроизводства, Витте привлекал в аппарат Министерства финансов лиц из сферы частного хозяйства, но с целью сделать еще более эффективным вмешательство государственных учреждений в экономическую жизнь страны. «В России, — писал по этому поводу Витте Николаю II в начале 1895 г., — по условиям жизни нашей страны, потребовалось государственное вмешательство в самые разнообразные стороны общественной жизни, что коренным образом отличало ее от Англии, например, где все предоставлено частному почину и личной предприимчивости и где государство только регулирует частную деятельность... Таким образом, функции государственной жизни в этих двух странах совершенно различны, а в зависимости от сего должны быть различны и требования, предъявляемые в них к лицам, стоящим на государственной службе, т. е. к чиновникам. В Англии класс чиновников должен только направлять частную деятельность, в России же, кроме направления частной деятельности, он должен принимать непосредственное участие во многих отраслях общественно-хозяйственной деятельности».¹²

Защита национальной промышленности и ее поддержка государственными средствами были положены в основу политики Витте с самого начала его министерской деятельности. Реформа в связи с этим Департамента торговли и мануфактур была только первым шагом на пути к выработке обширной программы экономических преобразований. Превращение их в «систему», способную, как казалось Витте, обеспечить России переход в разряд промышленно развитых стран, потребовало от него не только времени, но и корректировки собственных взглядов.

Осенью 1892 г. Витте, например, еще не имел достаточно четкого представления о состоянии денежного обращения в России и не был посвящен в курс политики в этой области Вышнеградского и его предшественников. Вслед за М. Н. Катковым, он все еще оставался сторонником бумажноденежного обращения и инфляционной политики. Только этим можно объяснить попытку Витте осенью 1892 г. увеличить количество находившихся в обращении бумажных денег за счет специального выпуска «сибирских» рублей для покрытия расходов, связанных с постройкой Великого Сибирского пути.

Судя по воспоминаниям А. Н. Куломзина, занимавшего в эти годы пост управляющего делами Комитета министров, намерение Витте прибегнуть к печатному станку вызвало почти что панику среди сторонников введения золотого денежного обращения. Встревоженный намерениями нового министра Куломзин обратился за разъяснениями к агенту Министерства финансов в Париже А. Г. Рафаловичу, хорошо знавшему Витте и как раз оказавшемуся в это время в Петербурге. «Я ему выразил свое недоумение, скажу более, ужас по поводу сделавшегося мне известным предложения Витте о сибирских бумажках, — писал Куломзин. — Рафалович сказал мне: „Это совершенно верно, что это чудовищно, но Витте человек такого большого ума, что через шесть месяцев он все поймет и делается великолепным министром финансов“». «Этим обучением, — продолжал Куломзин, — занялся тогда Н. Х. Бунге, и большим козырем в руках его сделался предпринятый им при непосредственном содействии И. П. Шипова перевод книги Горна о системе Ло — книги, выставившей всю эфемерность бумажного обращения».¹³

Два года спустя Куломзин имел возможность убедиться, что уроки Бунге не прошли даром, ибо Витте при обсуждении в Сибирском комитете программы работ горных партий на 1894 г. высказался за «необходимость усиления добычи золота», заявив, что «устойчивое положение государственного хозяйства будет достигнуто лишь в то время, когда восстановлено будет металлическое обращение с золотою валютою».¹⁴

К 1894 г. Витте был уже безоговорочным сторонником введения золотого денежного обращения. Почва для проведения реформы была подготовлена его предшественниками в Министерстве финансов.

Во второй половине XIX столетия по мере развития капиталистических отношений в Европе, увеличения торговых и промышленных оборотов, размеров платежей роль золота в денеж-

ном обращении западноевропейских стран становилась все более значительной. Золотая монета начала вытеснять серебро. Этому способствовал и приток золота в Европу, вызванный открытием золотых россыпей в конце 40-х годов в Калифорнии, в начале 50-х годов в Австралии и, наконец, в 80-е годы в Африке.

Помимо Англии, где монометаллизм был введен официально в 1816 г., в начале 70-х годов к золотому денежному обращению перешли Германия, Швеция, Норвегия, Дания, Голландия, Франция, Италия, Бельгия и Греция.

Переход основных европейских стран к золотому денежному обращению не мог не подтолкнуть русское финансовое ведомство к более решительному проведению в жизнь намеченной программы укрепления валюты. В марте 1878 г. М. Х. Рейтерн внес в Комитет финансов представление о разрешении сделок на золото с условием платежа русской золотой монетой. По мнению Рейтерна, эта мера должна была способствовать и «упрочению» денежной системы, и «нормальному» приливу иностранных капиталов.¹⁵ Однако Комитет финансов отклонил представление М. Х. Рейтерна в связи с назревшим русско-турецким конфликтом. Начавшаяся в апреле 1878 г. война с Турцией вызвала расстройство денежного обращения и значительно задержала подготовку реформы. Вступивший в должность министра финансов в мае 1881 г. Н. Х. Бунге не только продолжал готовить введение в России золотое денежное обращение, но к 1887 г. в Министерстве финансов фактически уже был разработан проект реформы, рассмотренный уже, правда, при И. А. Вышнеградском. В июне 1887 г. Комитет финансов при участии бывших министров финансов М. Х. Рейтерна и Н. Х. Бунге принял решение о том, что «открытию размена должно предшествовать усиление разменного фонда и разрешение сделок на золотую валюту».¹⁶

При обсуждении же в 1887 г. проекта реформы было решено «стремиться не к восстановлению полной ценности кредитного рубля, а к упрочению его размена в отношении, близком к 1,5 руб. кредитного за 1 руб. металлический».¹⁷

Таким образом, при Вышнеградском в Министерстве финансов уже был в основном подготовлен проект денежной реформы, а необходимость ее проведения после накопления значительного золотого запаса не вызывала сомнений у министра. В 1889 г. Вышнеградский приступил к осуществлению разработанного еще при Н. Х. Бунге плана конверсии русских займов, предусматривавшего обмен имевших хождение на иностранных рынках 5 %-х и 6 %-х облигаций на займы с более низким процентом и более длительным сроком погашения.¹⁸ Это была попытка упорядочить государственные долги России и тем самым сделать еще один шаг по пути подготовки реформы.

После первого русского конверсионного займа 1889 г., которым И. А. Вышнеградский открыл целую серию конверсионных операций во Франции, финансы России оказались тесно связанными с парижской биржей. Основным результатом этих операций явился переход значительной части русских ценностей с немецкого на французский денежный рынок — переход, совершившийся

при самом активном участии французских банков и встреченный с энтузиазмом французскими держателями.¹⁹

Однако Вышнеградский не успел довести до конца план конверсии русских займов. Помешали болезнь и последовавшая за ней отставка. Прервалась и подготовка денежной реформы.

Осознав значение для развития экономики золотого денежного обращения, Витте взялся за осуществление реформы и добился успеха.

Еще в 1893 г. была прекращена свободная чеканка серебряной монеты. Тем самым был исключен возврат к серебряному монометаллизму. Вопрос о возможности ведения сделок на золотую валюту обсуждался в российском Министерстве финансов в 1877, 1883 и 1888 гг. Однако по разным обстоятельствам условия для введения золотого стандарта во всех случаях были признаны неблагоприятными. Только в 1895 г., в период промышленного подъема и благоприятной финансовой конъюнктуры, когда золотая наличность составила 678 млн. руб., русское правительство решилось приступить к проведению реформы. В 1894 и 1896 гг. Витте осуществил с помощью парижского Ротшильда два крупных государственных займа, позволивших ему подвести итог конверсионным операциям Вышнеградского, а также провел в 1894—1895 гг. ряд мер по стабилизации рубля и тем самым подготовил введение в России золотого денежного обращения. Реформа была проведена указом 29 августа 1897 г.²⁰

Золотое содержание рубля было уменьшено на одну треть. Кредитный рубль был приравнен к 66²/₃ коп. золотом. В результате реформы Государственный банк сделался эмиссионным учреждением. Ему было предоставлено право выпуска банкнот. Все кредитные билеты, выпускавшиеся в обращение сверх 300 млн. руб., должны были быть обеспечены золотом рубль за рубль. В России был установлен очень жесткий эмиссионный закон, требовавший постоянно большого запаса золота для обеспечения находившихся в обращении кредитных билетов.

В ноябре 1897 г. в обращении появилась 5-рублевая золотая монета, в 1898-м — 10-рублевая. 7 июня 1899 г. был утвержден новый монетный устав. Государственный банк стал эмиссионным, однако он не подвергся необходимому реформированию, сохранил свою зависимость от Министерства финансов и продолжал выполнять его поручения, несвойственные эмиссионным банкам. Кредитные билеты не превратились в банкноты, билеты государственного банка, а остались, по выражению известного русского экономиста М. В. Бернацкого, «в каком-то межеумочном состоянии... Витте дал России не чистую, а „прихрамывающую“ в сторону бумажных денег золотую валюту».²¹ Для того чтобы предотвратить отлив золота за границу и обеспечить стабильность рубля, необходимо было, чтобы активное сальдо торгового баланса составляло примерно 200 млн. руб. Однако в 1898—1900 гг. оно достигало всего 60,5 млн. руб. «В результате, — считал Бернацкий, — получалось (особенно у преемников Витте) как бы повторение старой политики „сами недоедать будем, а вывозить будем“; раньше это делалось для повышения курса

бумажного рубля, позже для удержания золотой валюты. Между тем вопрос должен был решаться работой внутри — подъемом национальных производительных сил». ²² Витте верил, что с введением золотой валюты ему удастся обеспечить условия для их развития. «Огромное значение золотой валюты заключается прежде всего в том, — писал он позднее, — что она представляет золотой мост, перекинутый из богатых стран в бедные; при ней ускоряется выход из бедности, тогда как при бумажной валюте он замедляется». ²³

Введение золотого стандарта способствовало стабилизации рубля и открывало возможности для привлечения в Россию иностранного капитала. В самом начале своей министерской карьеры Витте с известной осторожностью относился к иностранным капиталам и даже высказывал опасения, что «русская предприимчивость», несмотря на таможенное ограждение, «оказывается иногда не в силах одолеть у себя соперничества иностранной предприимчивости». ²⁴ Однако к концу 1890-х годов Витте стал выступать за неограниченное привлечение иностранных капиталов, несмотря на серьезную оппозицию во главе с вел. кн. Александром Михайловичем, сторонником ограничения доступа иностранных капиталов в Россию, в частности в нефтедобывающую промышленность.

19(31) мая 1898 г. вел. кн. Александр Михайлович и его окружение попытались провести через Комитет министров решение об ограничении права иностранных подданных на приобретение недвижимого имущества на Кавказе. Витте выступил против этого проекта и добился отклонения каких бы то ни было новых ограничительных мер для участия иностранцев в нефтяном деле. ²⁵

Но одержав победу летом 1898 г. над противником привлечения иностранных капиталов в Россию, Витте в конце того же года потерпел поражение в бюрократической стычке за осуществление другого не менее важного пункта своей экономической программы. Предпринятая им «робкая попытка... извлечь на обсуждение, пока только в недрах бюрократических канцелярий, крестьянский вопрос, в связи с необходимостью расширения внутреннего рынка посредством устранения одних только формально юридических пережитков феодализма, кончилась полной неудачей». ²⁶

Направленное Витте в октябре 1898 г. Николаю II специальное письмо по крестьянскому вопросу осталось без ответа, хотя Витте и поставил необходимость пересмотра положения крестьян в прямую связь с интересами государственного бюджета. ²⁷ Идею создания крестьянской комиссии провалили председатель Комитета министров И. Н. Дурново, товарищ министра внутренних дел В. К. Плеве и А. С. Стишинский. ²⁸

Между тем к весне 1899 г. в известной мере по инициативе главноначальствующего гражданской частью на Кавказе Г. С. Голицына ²⁹ был вновь возбужден вопрос о необходимости ограничить доступ иностранных капиталов в Россию, и в частности в нефтедобывающую промышленность. В связи с этим в первой половине марта 1899 г. намечено было созвать совещание министров «специально по нефтяному делу» под председательст-

вом статс-секретаря Д. М. Сольского,³⁰ а второе — под председательством царя, посвященное обсуждению политики в отношении иностранных капиталов вообще. Витте продолжал решительно отстаивать политику привлечения иностранных капиталов, заявив, что «ограничение» их доступа в Россию «не только едва ли удобно в политическом отношении, но еще вредно и в экономическом и финансовом отношениях».³¹

Совещание министров под председательством Николая II состоялось 17(29) марта 1899 г. Готовясь к нему, Витте еще в феврале представил всеподанный доклад «О необходимости установить и затем непреклонно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи», подробно изложив в нем свои взгляды на перспективы экономического развития России.³²

На этот раз Витте почти не коснулся крестьянского вопроса, ограничившись только общими рассуждениями о влиянии отмены крепостного права на развитие внутреннего рынка и всего «экономического строя» империи. Да и это был только повод напомнить, что пора «крепостного хозяйства, когда помещик со своей деревней составлял замкнутый экономический мирок, живший самостоятельной, почти независимой от рынка жизнью», миновала, «единая экономическая жизнь овладела всеми органами и отправлениями ... народного хозяйства», а потому страна нуждается в том, чтобы торгово-промышленная политика «проводилась по определенному плану, с строгой последовательностью и систематичностью».

Витте утверждал, что именно в результате «твердой» торгово-промышленной политики может быть решена «коренная не только экономическая, но и политическая задача» — создание «своей собственной» национальной промышленности, развивающейся «на почве освобождающегося от крепостных уз народного труда».³³ Что касается самого существа этой политики, то он сосредоточил внимание на двух важнейших ее сторонах — протекционизме и привлечении иностранных капиталов.

Витте не пытался отрицать, что протекционная система, основы которой были заложены введенным еще при Александре III таможенным тарифом 1891 г., требует значительных жертв от населения страны и «тяжелым бременем» ложится «на оскудевшие бюджеты землевладельцев». Бессмысленно было скрывать, да и противники протекционизма говорили об этом во весь голос, что русская обрабатывающая промышленность «еще не доросла до способности вполне удовлетворять внутреннему спросу», а населению приходится «покупать иностранные изделия по ценам, повышенным вследствие пошлин, и почти столько же приплачивать и за изделия внутреннего производства». В оправдание этого Витте мог заявить только одно — «великие задачи требуют и великих жертв».³⁴ Он, конечно, был за то, чтобы сократить эти жертвы, ускорив «процесс образования вполне независимой национальной промышленности». Однако для этого, по мнению Витте, нужны были «капиталы, знания и предприимчивость», но прежде всего капиталы, ибо без них «нет и знаний, нет и предприимчи-

вости».³⁵ Россия бедна капиталами — значит, надо искать их за границей. Так Витте самым тесным образом связал протекционизм с необходимостью привлечения иностранных капиталов.

В результате торгово-промышленная политика правительства за последние восемь лет была представлена царю как «последовательно продуманная система, все части коей неразрывно связаны одна с другой»,³⁶ и Николаю II предложено было решать: либо строго придерживаться этой системы, либо менять ее коренным образом. Витте же настаивал на сохранении, по крайней мере до 1904 г., таможенного тарифа 1891 г., а также на том, чтобы в течение этого времени не производилось никаких «стеснений притоку иностранных капиталов ни путем издания новых законов или распространительного толкования существующих, ни особенно путем административных распоряжений».³⁷

На совещании 17(29) марта Витте отстоял основы проводившейся им экономической политики, хотя и не добился полного торжества своих взглядов. В частности, в решении, принятом по докладу Витте и утвержденном царем, были сохранены упоминания о «нежелательности в политическом отношении сосредоточения» в руках иностранных компаний «обширных подземельных владений» и о правах «местной административной власти» давать им разрешение на приобретение недвижимой собственности.³⁸

Противники привлечения иностранных капиталов не сложили оружия и после мартовского совещания 1899 г., а полемика с ними не утратила своей остроты, и уже в самом начале 1900 г. Витте вновь поставил вопрос о необходимости покончить с ограничительными мерами, встречающимися на пути действующих в России иностранных капиталов. В представленном царю в феврале 1900 г. докладе³⁹ Витте призывал спешить с развитием промышленности, подчеркивая, что «бедность капиталами» его «задерживает» и Россия «очень отстала», хотя «по быстроте и силе» промышленного роста «стоит впереди всех иностранных экономически развитых государств».⁴⁰

Витте ссылался на пример Англии, Соединенных Штатов Америки и других государств, добившихся создания своей промышленности с помощью иностранных капиталов, и убеждал царя, что прилив «чужих сбережений» не отразится на национальном характере русской промышленности, ибо Россия как страна, обладающая «громадной политической силой и могуществом», способна будет их «кассимилировать».⁴¹ Витте предсказывал потерю Россией самостоятельности и положения великой державы в том случае, если в течение «ближайших десятилетий» русская промышленность окажется не в состоянии «своими продуктами покрыть» не только внутренние потребности, но и потребности азиатских стран, «которые находятся или должны находиться» под влиянием России. «Ведь владычество метрополий над колониями, — писал Витте, — укрепляется ныне всего более силою не оружия, а торговли, и слуге вашего величества неотрадно думать, что, может быть, медленный рост нашей промышленности затруднит выполнение великих политических задач монарха, что продолжающееся промышленное пленение русского народа

ослабляет его политическое могущество, что неполнота экономического развития может повлечь за собою и политическую, и культурную отсталость страны».⁴²

Таким образом, Витте связывал экономическое развитие России при помощи иностранных капиталов с активной империалистической борьбой за рынки сбыта на восточных окраинах России, рассчитывая, что в течение нескольких лет русская промышленность достигнет столь высокого уровня развития, что сумеет занять на них прочные позиции. А это сделало бы русские товары не только конкурентоспособными на международной арене, но и дало бы возможность «проценты на капиталы, полученные в Европе, выплачивать из выручки от вывоза в Азию».⁴³

Между тем на рубеже XX столетия, когда Витте только приступил к осуществлению своей экономической программы, заинтересованность русской промышленности во внешних рынках была, по его собственному мнению, весьма незначительной. Впрочем, не он один придерживался такой точки зрения. Русский военный министр А. Н. Куропаткин в представленном в марте 1900 г. Николаю II докладе о военных задачах России в XX в., объясняя причины русской экспансии на восточных окраинах страны, писал, что, в отличие от Англии или Германии, которые «не могут существовать без захватов новых рынков для настоящих поколений», Россия «втягивается» в борьбу за рынки «лишь для будущих поколений, расходуя силы и средства поколения живущего».⁴⁴ «Если Россия, — рассуждал Куропаткин, — лихорадочно развивая рост своей промышленности по примеру других держав, тоже достигнет перепроизводства разных продуктов, то, дабы найти им сбыт, может быть втянута в страшную борьбу за рынки».⁴⁵ Эти рассуждения, по-видимому, не противоречили взглядам Витте, и на полях хранившегося у него в копии доклада А. Н. Куропаткина по поводу возможности перепроизводства продуктов в России он заметил: «Долго ждать. Но было бы хорошо, если бы дождались».⁴⁶ А когда Куропаткин, увлекшись мыслью о возможности наступления в недалеком будущем такого момента, начал строить предположения, что в таком случае для «русской вооруженной силы» может настать «небывалый и чуждый ее истории период», так как «придется сражаться не за веру, царя и отечество, а в значительной степени за интересы крупных промышленных королей: сахарных, ситцевых, железнодорожных, мануфактурных и пр.», Витте только руками развел — «удивительный парадокс!».⁴⁷

Это был действительно парадокс, ибо Министерство финансов уже вело борьбу за экономические интересы промышленных королей и на Дальнем и на Среднем Востоке. Стремясь подготовить рынки для развивающейся русской индустрии, оно со второй половины 90-х годов приступило к осуществлению так называемого «мирного» экономического проникновения в Маньчжурию, Персию и Монголию. Причем решающая роль в проведении этой политики была отведена банкам — Учетно-ссудному банку Персии, являвшемуся фактическим филиалом Государственного банка, а также Русско-Китайскому банку, работавшему как на русских ка-

женных, так и на иностранных капиталах и находившемся под контролем царского правительства. С помощью казенных и «нейтральных» иностранных капиталов правительство и рассчитывало, не скупясь на затраты, сделать то, что было еще не по плечу слабой отечественной частной инициативе.

Огромную роль в развитии экспансии России на Дальнем Востоке сыграло сооружение Великого Сибирского пути. Еще 22 мая 1882 г. Александр III распорядился, чтобы были проведены необходимые для строительства дороги изыскания и Комитет министров обсудил бы ее возможное направление. 17 марта 1891 г. было объявлено о начале строительства Сибирской железной дороги, а 19 мая во Владивостоке состоялась ее торжественная закладка. Однако для строительства необходимы были средства, и дело сдвинулось с мертвой точки только тогда, когда за него взялся Витте. В декабре 1892 г. был образован специальный Комитет Сибирской железной дороги. Его возглавил наследник престола вел. кн. Николай Александрович, сохранявший за собой этот пост до завершения строительства дороги. Вице-председателем Комитета стал Н. Х. Бунге. Это назначение не было случайным. Бунге, убежденный сторонник активной переселенческой политики, считал, что новая магистраль обеспечит условия для переселения крестьян из центральных районов России в Сибирь.⁴⁸ Эту точку зрения разделяли и в Министерстве финансов. В составленной в 1891 г. записке «Соображения министра финансов о воспособлении сельскохозяйственной промышленности через посредство железных дорог», подписанной также Витте в качестве директора Департамента железных дорог, была сформулирована точка зрения И. А. Вышнеградского и С. Ю. Витте на отношение к государственной поддержке сельского хозяйства.⁴⁹ Они заявили себя противниками непосредственных государственных капиталовложений в сельское хозяйство и считали, что его развитию должны способствовать дешевый государственный кредит, развитие железнодорожной сети и других средств сообщения, а также отечественной промышленности, «которое создаст новые внутренние рынки для земледельческих продуктов и умножения капиталов».⁵⁰

Как и Бунге, Витте связывал с постройкой Великого Сибирского пути надежды на решение переселенческого вопроса.⁵¹ Но прежде всего его занимала мысль об огромном общеэкономическом и стратегическом значении дороги для России в ее движении на Восток. Это дало ему повод позднее писать в своих воспоминаниях, что когда началось строительство дороги, то кроме него мало кто из государственных деятелей России, включая и только что назначенного министром иностранных дел А. Б. Лобанова-Ростовского, имел «ясное представление о географическом положении Китая, Кореи, Японии». «Если бы его в то время спросили: что такое Маньчжурия? Где Мукден? где Гирин? — иронизировал Витте, — то его знания оказались бы знаниями гимназиста второго класса».⁵²

Став министром финансов, Витте обеспечил необходимое финансирование и ускоренное введение Сибирской железной дороги

в строй. По мере прокладки Сибирского пути возрастало влияние Витте в определении дальневосточной политики, и он постепенно выдвигался на роль первого лица при рассмотрении дел, находившихся вне компетенции Министерства финансов. Так, Витте «сыграл решающую роль в определении позиции России в отношении к Симоносекскому договору, навязанному Японией разгромленному Китаю 5(17) апреля 1895 г.»⁵³ В результате совместного демарша России, Франции и Германии Япония вынуждена была согласиться на изменение первоначальных условий Симоносекского договора и отказаться от Ляодунского полуострова. Успех этой дипломатической акции породил у Витте иллюзорное представление о возможности создания в Европе тройственного союза континентальных держав, и эта мысль не оставляла его до самых последних дней жизни.

Активная роль России в организации демарша против Японии была очевидна и не могла не отразиться на русско-японских отношениях. Противостояние двух держав в борьбе за Китай в 1895 г. обозначилось уже достаточно отчетливо. Между тем Витте это не очень-то беспокоило, и в том же 1895 г. он предпринял новые шаги к сближению с Китаем. В начале 1895 г. при участии С.-Петербургского международного коммерческого банка был образован франко-русский банковский синдикат для предоставления Китаю займа на 100 млн. руб. под гарантией русского правительства. Китай остро нуждался в деньгах: предстояла уплата огромной контрибуции Японии. После подписания договора о займе в Петербурге по инициативе Министерства финансов был учрежден Русско-Китайский банк, чтобы содействовать развитию экономических связей России со странами Дальнего Востока. В этой операции приняли участие С.-Петербургский международный коммерческий банк и группа французских банков. Русско-Китайский банк стал основным каналом для вывоза русских капиталов во всех его формах на Дальний Восток.⁵⁴

В конце 1895 г. Витте начал подготовку переговоров с китайским правительством о предоставлении России концессии на постройку через территорию Маньчжурии Китайско-Восточной железной дороги. Таким образом, именно благодаря Витте был окончательно решен вопрос о направлении Сибирской магистрали. В 1896 г. Витте лично провел в Петербурге и Москве переговоры с представителем китайского правительства на коронации Николая II Лихунчжаном и подписал с ним договор об оборонительном союзе России с Китаем, направленном против Японии, а также о предоставлении Русско-Китайскому банку концессии на постройку КВЖД. В декабре 1896 г. в Петербурге был утвержден устав Общества КВЖД и проведена подписка на акции Общества среди служащих банка, а также создан особый фонд на покрытие расходов, связанных с выдачей концессии. К началу 1897 г. была завершена дипломатическая, финансовая и организационная подготовка для дальнейшего ведения предпринятой Витте политики «мирного проникновения» не только в Маньчжурию, но и вообще «в страны Восточной Азии». Было создано, «по злобному выражению Плеве», «дальневосточное „государст-

во Витте“, костяком которого явилась КВЖД, протяжением около 2400 верст». ⁵⁵

Как писал другой недоброжелатель Витте, В. И. Гурко, «Витте выкроил себе на Дальнем Востоке целое царство, имеющее все атрибуты самостоятельного государства, как то собственное войско, именовавшееся Заамурской пограничной стражей и прозванное обывателями, по имени жены Витте, Матильдиной гвардией, собственный флот, а главное, собственные финансы, так как благодаря прикрепленной ко всем этим предприятиям маске частного дела государственными средствами, на которые они действуют, Витте распоряжается без соблюдения сметных и иных правил расходования казенных сумм». ⁵⁶

Для осуществления экономического проникновения России на рынки Дальнего и Среднего Востока с 1894 по 1897 г. Витте учредил три банка: Русско-Китайский, Русско-Корейский ⁵⁷ и Учетно-ссудный банк Персии. ⁵⁸ Несмотря на некоторые особенности, присущие каждому из них, по своей природе они были родственны друг другу, и прежде всего потому, что основным источником кредитования их являлось государство.

Несмотря на сильную оппозицию, Витте настойчиво проводил в жизнь свою программу, стараясь не только поставить под свой контроль все области экономической жизни империи, но и придать этому законный характер. Под предлогом того, что страна «нуждается в ... объединенном и твердом руководстве в области промышленно-торговой политики», Витте в феврале 1900 г. предложил Николаю II сосредоточить в руках министра финансов все управление экономической страны, поставив его в равное положение с министрами иностранных и внутренних дел. ⁵⁹

¹ *Витте С. Ю.* Мануфактурное крепостничество // *Русь*. 1885. № 3. 19 янв.; ср.: *Laue Th. H. von. Sergei Witte and the Industrialization of Russia*. New York; London, 1963.

² *Витте С. Ю.* Национальная экономия и Фридрих Лист. Киев, 1889. Цит. по: *Корелин А., Степанов С. С. Ю. Витте — финансист, политик, дипломат*. М., 1998. С. 314 (приложение).

³ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 211.

⁴ *Шепелев Л. Е.* Царизм и буржуазия во второй половине XIX века: Проблемы торгово-промышленной политики. Л., 1981. С. 204—205.

⁵ Там же. С. 206—207.

⁶ Там же. С. 208.

⁷ Там же. С. 210—211.

⁸ *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского

правительства (1861—1892 годы). М., 1960. С. 45.

⁹ *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 112, 116.

¹⁰ *Гиндин И. Ф.* Государственный банк и экономическая политика царского правительства... С. 46—47.

¹¹ Там же. С. 47—48.

¹² *Дубенцов Б. Б.* Попытки преобразования организации государственной службы в конце XIX в. (Из практики Министерства финансов) // *Проблемы отечественной истории*. М.; Л., 1976. Ч. 1. С. 216—217.

¹³ *Куломзин А. Н.* Воспоминания: ОР РГБ. Ф. 178. Картон 9803. Д. 7. Л. 54—56.

¹⁴ Там же. Достоверность этого свидетельства Куломзина подтверждается и другими источниками. О попытке Витте в начале своей министерской деятельности выпустить «сибирские рубли» рассказал в марте 1915 г.

корреспонденту газеты «День» бывший директор Департамента железнодорожных дел В. В. Максимов. Он утверждал, что Витте составил записку о постройке на эти деньги Сибирской железной дороги, но затем «принял меры к уничтожению» всех экземпляров этого документа (День. 1915. 7 марта.; см. также: *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. I. С. 544, комм. 85). Упоминание о возражениях Н. Х. Бунге, И. А. Вышнеградского и Н. М. Чихачева против намерения Витте строить Сибирскую магистраль на «вновь выпущенные бумажные деньги» встречается в дневнике А. А. Половцова (запись 28 ноября 1892 г.). Издатель и комментатор «Дневника» П. А. Зайончковский отнес этот факт к заседанию Особого совещания о постройке Сибирской железной дороги, проходившего 21 ноября 1892 г., и сопоставил его с докладными записками Витте от 6 и 13 ноября 1892 г. о порядке и способах сооружения Сибирского пути (Дневник государственного секретаря А. А. Половцова: 1887—1892. М., 1966. Т. II. С. 460, 517—518). Судя по докладу Витте 6 ноября 1892 г. «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении совещания для обсуждения сего дела», «сибирские кредитные билеты в отличие от находившихся в обращении кредитных билетов были бы выпущены на определенный срок по строго определенному плану, и сверх того, они имели бы специальное обеспечение — предприятие Челябинско-Иркутской дороги с ветвью к Екатеринбург и линии Владивосток—Графская». Из этого же доклада Витте видно, что, хотя строительство Сибирской магистрали он собирался вести за счет специального выпуска кредитных билетов, он с самого начала своей деятельности возлагал большие надежды на займы как источник удовлетворения общегосударственных потребностей и завершения конверсионных операций (РГИА. Ф. 1273. Оп. I. Д. I. Л. 33—34). Позднее в «Воспоминаниях» Витте не отрицал своего увлечения бумажными деньгами в самом начале министерской карьеры и того факта, что именно Бунге отвратил его от попытки резко увеличить число находившихся в обращении денежных знаков. Однако этот эпизод Витте связывал не со строительством Сибирской магистрали, а с необходимостью изыскать средства для выплаты содер-

жания чиновникам и войскам в трудный период после неурожая 1891 г. (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. I. С. 362—365).

- 15 См.: Материалы по денежной реформе 1895—1897 гг. / Под ред. А. И. Буковецкого. Пг.; М., 1922. Вып. I. С. 88—89.

16 Там же. С. 153.

17 Там же.

- 18 О конверсионных операциях И. А. Вышнеградского см.: *Сидоров А. Л.* Конверсии внешних займов России в 1888—1890 гг. // ИА. 1959. № 3. С. 99—125.

19 *Манфред А. З.* Внешняя политика Франции: 1871—1891. М., 1952. С. 83—84; см. также: *Грюнвальд К.* Франко-русские союзы: 1887—1968; *Жиро Р.* Финансы и политика во франко-русских отношениях 1887—1889 годов // Французский ежегодник (1967). М., 1968. С. 136—158. Р. Жиро приводит интересные сведения об отношении парижской биржи и французских держателей к русским ценностям, извлеченные им из архивов Лионского кредита и французского Министерства финансов.

20 ПСЗIII. Т. 17. № 14504.

- 21 *Бернацкий М.* Денежная реформа С. Ю. Витте: Выступление на собрании Императорского Русского технического общества 14 марта 1915 г.: РГИА. Ф. 32. Оп. I. Д. 146. Л. 13—20.

22 Там же.

- 23 *Ананьич Б. В.* Россия и международный капитал: 1897—1914. Л., 1970. С. 257.

24 РГИА. Ф. 1152. Оп. XI, 1893. Д. 447. Л. 14 об.

- 25 См.: *Гейфтер М. Я., Шепелев Л. Е.* О проникновении английского капитала в нефтяную промышленность России (1898—1902 гг.) // ИА. 1960. № 6. С. 76—104; *Соловьев Ю. Б.* Франко-русский союз в его финансовом аспекте (1895—1900 гг.) // Французский ежегодник (1961). М., 1962. С. 188; *Фурсенко А. А.* Нефтяные тресты и мировая политика: 1880-е годы—1918 г. М.; Л., 1965. С. 112—114.

26 *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны: 1895—1907. Изд. 2-е, испр. и доп. М.; Л., 1955. С. 107.

- 27 «Ваше величество имеет 130 млн. подданных, — писал Витте. — Из них едва ли много более половины живут, а остальные прозябают.

- Наш бюджет до освобождения крестьян был 350 млн. руб., освобождение дало возможность довести его до 1400 млн. руб. Но уже теперь тяжесть обложения дает себя чувствовать. Между тем бюджет Франции при 38 млн. жителей составляет 1260 млн. руб.; бюджет Австрии при народонаселении в 43 млн. составляет 1100 млн. руб. Если бы благосостояние наших плательщиков было равносильно благосостоянию плательщиков Франции, то наш бюджет мог бы достигнуть 4200 млн. руб. вместо 1400 млн. руб., а сравнительно с Австрией мог бы достигнуть 3300 млн. вместо 1400 млн. руб. Почему же у нас такая налоговоспособность? Главным образом от неустройства крестьян» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 523).
- 28 *Романов Б. А.* Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 108.
- 29 *См.: С. Ю. Витте — С. С. Татищеву, не ранее 13(25) марта 1899 г.: РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 188. Л. 32.*
- 30 *См. помету С. Ю. Витте на письме М. Н. Муравьева 13(25) марта 1899 г.: Там же. Л. 29а—29б.*
- 31 *Там же. Сторонником политики привлечения иностранных капиталов выступил также Д. И. Менделеев, написавший по просьбе Витте в ее защиту еще в 1897—1898 гг. два письма Николаю II (см.: Менделеев Д. И. Соч. Л.; М., 1952. Т. 25. С. 775).*
- 32 *Совещание 17(29) марта, на котором обсуждался этот доклад, было описано Б. А. Романовым (Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 106—108) по опубликованному в «Красном архиве» (1931. № 3) дневнику А. А. Половцова. Однако самый доклад был обнаружен впервые американским историком Теодором фон Лауэ и напечатан им в переводе на английский язык (Journal of Modern History. Vol. XXVI. № 1. March 1954. P. 64—74). На русском языке опубликован И. Ф. Гиндиным с обстоятельным предисловием и рядом сопутствующих ему документов (Гиндин И. Ф. Об основах экономической политики царского правительства в конце XIX—начале XX в. // Материалы по истории СССР. М., 1959. Т. 6. С. 159—222).*
- 33 *Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О необходимости установить и затем непреклонно придерживаться определенной программы торгово-промышленной политики империи», не позднее февраля 1899 г. // Материалы по истории СССР. Т. 6. С. 173—174, 177.*
- 34 *Там же. С. 178—180. Витте, разумеется, при этом обращал внимание на то, что покровительственная система уже начала приносить свои плоды. Как результат ее он рассматривал увеличение до 30 тыс. с лишним числа фабрик и заводов «с годовой производительностью, превышающей 2 млрд. руб.», возросшую втрое за последнее десятилетие выплавку чугуна, развитие хлопчатобумажной промышленности.*
- 35 *Там же. С. 181—182.*
- 36 *Там же. С. 193.*
- 37 *Там же. С. 195.*
- 38 *Гиндин И. Ф. Об основах экономической политики... С. 170, 207.*
- 39 *Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О положении нашей промышленности», февраль 1900 г. // Историк-марксист. 1935. Т. 2-3 (42-43). С. 130—139.*
- 40 *Там же. С. 131—135. Витте признавал, что в этих странах «промышленность не развивается так быстро ... потому, что она уже достигла там уровня гораздо более высокого», чем в России. Он указывал на значительное отставание русской добывающей и обрабатывающей промышленности в производстве на душу населения. Так, по приведенным им данным за 1898 г., выплавка чугуна на одного жителя составляла в Великобритании 13,1 пуда, Соединенных Штатах Америки — 9,8, Бельгии — 9,0, Германии — 8,1, Франции — 3,96, России — 1,04 пуда; добыча каменного угля в Великобритании — 311,7 пуда, Бельгии — 204, Соединенных Штатах — 162,4, Германии — 143,8, Франции — 50,7, России — 5,8 пуда. Отставание в сфере производства соответственно отражалось на потреблении и торговле. Внешнеторговый оборот России, составлявший в 1897 г. 1286 млн. руб., более чем в два раза уступал торговому обороту Бельгии. Витте особенно подчеркивал бедность России капиталами. По его сведениям, в России «общий итог капиталов, привлеченных не только в ... акционерное, промышленное и торговое дело, но и на потребности государственного, городского, банковского и земельного кредита» состав-*

- для 11 млрд. руб., «из коих около половины притекли из-за границы», в то время как в Германии и Франции «итог движимых ценностей» превышал 30 млрд. руб., а в Англии — 60 млрд. руб.
- 41 Там же. С. 136.
- 42 Там же. С. 133.
- 43 Гиндин И. Ф. Об основах экономической политики... С. 167—168.
- 44 Всеподданнейший доклад А. Н. Куропаткина 14(27) марта 1900 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 269. Л. 80.
- 45 Там же. Л. 66.
- 46 Там же. Л. 66. Интересно отметить, что вскоре Витте несколько изменил свою точку зрения. В 1903 г. к нему поступила из Департамента железнодорожных дел записка о русской дорожной политике в Персии, автор которой заявлял, что русская обрабатывающая промышленность «едва может удовлетворять даже внутреннему спросу» и поэтому не заинтересована в освоении персидских рынков. Автор записки высказывал, в сущности, то же, что и Куропаткин в 1900 г. Но два года спустя эта мысль встретила возражения Витте, пометившего на полях, что так было «до последних лет, но теперь многие отрасли требуют вывоза» (РГИА. Ф. 268. Оп. 3. Д. 875. Л. 114).
- 47 Всеподданнейший доклад А. Н. Куропаткина 14(27) марта 1900 г. Л. 80.
- 48 Степанов В. А. Н. Х. Бунге. Судьба реформатора. М., 1998. С. 259.
- 49 Дякин В. С. Деньги для сельского хозяйства: 1892—1914 гг. СПб., 1997. С. 16—17. Эта книга дает наиболее полное представление о взглядах С. Ю. Витте как министра финансов на развитие сельского хозяйства в России.
- 50 Там же. С. 17.
- 51 Bumme C. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 511.
- 52 Там же. С. 44. См. также: Marks Steven. Road to Power: The Trans-Siberian Railroad and the Colonization of Asian Russia. 1850—1917. New York, 1991.
- 53 Романов Б. А. Витте как дипломат (1895—1903 гг.) // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1945. № 4-5. С. 153.
- 54 Подробно о возникновении Русско-Китайского банка и его роли в политике России на Дальнем Востоке см.: Романов Б. А. Россия в Маньчжурии (1892—1906). Л., 1928. С. 13—14, 90—94; Нарочницкий А. Л. Колониальная политика капиталистических держав на Дальнем Востоке: 1860—1895. М., 1956. С. 791—792.
- 55 Романов Б. А. Витте как дипломат (1895—1903 гг.). С. 152, 157.
- 56 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. Часть третья. Глава первая. Что породило русско-японскую войну. С. 16: Архив Гуверовского института Войны, Революции и Мира. Коллекция Гурко. Вых. 1.
- 57 Подробнее см.: Доклю Чой. Россия в Корее: 1893—1905 гг. (Политика Министерства финансов и Морского министерства). СПб., 1996.
- 58 Подробнее см.: Ананьич Б. В. Российское самодержавие и вывоз капиталов: 1895—1914 гг. (По материалам учетно-судного банка Персии). Л., 1975.
- 59 Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О положении нашей промышленности». С. 139.

Глава 2

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО КАК ОСНОВА УКРЕПЛЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ. «СИСТЕМА» С. Ю. ВИТТЕ

К 1900 г. влияние Министерства финансов простиралось далеко за пределы отведенной ему сферы деятельности, а Витте уверенно выдвигался на первое место в российском бюрократическом аппарате, и от него во многом зависело определение направления не только внутренней, но и внешней политики.

К этому времени Витте располагал уже и весьма разветвленной сетью своих постоянных представителей в столицах крупнейших стран мира.

Институт коммерческих агентов русского Министерства финансов за границей был учрежден еще в 1848 г., после чего в разное время были назначены агенты в Лондон, Париж и Берлин. Сразу же после вступления на пост министра финансов Витте принялся за реорганизацию этого института, влачившего до того жалкое существование. В декабре 1893 г. Витте получил право определять необходимое число агентов и устанавливать их «местопребывание и район деятельности».¹ В том же году, помимо Парижа, Лондона и Берлина, было открыто агентство в Вашингтоне «в целях наибольшего развития торговых отношений» с Соединенными Штатами и наблюдения за развитием торговли и промышленности в этой стране.² Вслед за тем были учреждены агентства в Константинополе, Брюсселе, Иокогаме, а позднее и ряде других городов. В октябре 1898 г. коммерческие агенты были переименованы в агентов Министерства финансов и причислены к составу русских посольств и миссий с распространением на них всех тех прав и преимуществ, которыми пользовались за границей военные и морские агенты.³

На должности агентов Витте назначил лиц, пользовавшихся его полным доверием и, как правило, имевших связи в промышленных или финансовых кругах тех стран, где им предстояло

работать. Наиболее ответственный пост в Париже занял А. Г. Рафалович, с конца 1889 г. «безвозмездно, по собственному желанию» исполнявший там обязанности агента и получивший официальное назначение только в декабре 1894 г.⁴ К этому моменту он уже был хорошо известен во Франции как специалист по финансовым и экономическим вопросам. В Лондон был направлен известный русский дипломат, публицист и историк С. С. Татищев, в Берлин — В. И. Тимирязев, занявший затем, в 1902 г., пост товарища министра финансов, а еще позднее пост министра торговли и промышленности. В Вашингтоне в течение десяти лет с момента открытия агентства его возглавлял путейский инженер М. В. Рутковский, прежде бывший там же техническим агентом Министерства путей сообщения.⁵

К 1898 г. в Министерство финансов начала поступать регулярная информация не только о настроениях на всех крупнейших западноевропейских биржах, но и об основных событиях экономической и политической жизни крупнейших стран мира.⁶ Но главная задача агентов Министерства финансов состояла в подготовке новых русских финансовых операций за границей, так необходимых для осуществления большой экономической программы Витте. Развитие промышленности, строительство железных дорог, покровительственная система, наконец, активная экономическая политика на Востоке требовали огромных затрат. Их русское Министерство финансов надеялось и могло покрыть только с помощью европейской биржи. Хотя в своих всеподданнейших записках 1898, 1899 и 1900 гг. Витте не ставил специально вопрос об иностранных займах как предпочтительной форме привлечения иностранных капиталов, именно им была отведена значительная, если не решающая роль в осуществлении намеченной программы. А поскольку Витте необходимы были крупные суммы и занимать предстояло много, постольку он был заинтересован в широком использовании не одного лишь французского, а всего международного денежного рынка. Попытки выйти на этот рынок Витте и стал предпринимать в 1898—1899 гг., избрав в качестве объектов в первую очередь Соединенные Штаты Америки и Англию.

Итак, денежная реформа способствовала стабилизации рубля и открыла дорогу в Россию иностранным капиталам. Иностранные инвестиции и займы стали важным источником для развития национальной промышленности и железнодорожного строительства. Независимо от этого Витте принял целый ряд мер для аккумуляции внутренних ресурсов, увеличения доходов казны в самой России прежде всего за счет усиления налогообложения. Сразу же после вступления на пост министра финансов Витте занялся пересмотром существовавшей системы промыслового налогообложения. В октябре 1892 г. с этой целью была образована специальная комиссия под председательством директора Департамента торговли и мануфактур В. И. Ковалевского.

После реформы 1861 г. промысловый налог регулировался положением о пошлинах за право торговли и промыслов, изданным 9 февраля 1865 г. Оно предусматривало обложение предприятий

по чисто внешним признакам, независимо от размеров вложенных в них капиталов и получаемой чистой прибыли. В начале 1885 г. были введены дополнительные сборы к промысловому налогу: 3 % с доходов обязанных публичной ответственностью акционерных предприятий и раскладочный с предприятий гильдейских. С 1889 г. к платежу дополнительного раскладочного сбора были привлечены негильдейские предприятия, а с 1893 г. — акцизные фабрики и заводы, к этому времени 3 %-й сбор был повышен до 5 %, а общая сумма раскладочного — до 25 %. В конце 1885 г. был введен 5 %-й сбор с доходов от денежных капиталов.⁷

В результате всех этих мероприятий сумма промысловых сборов к 1883 г. возросла вдвое по сравнению с 1884 г. и достигла 40 475 тыс. руб.⁸

Положение о новом промысловом налоге было утверждено царем 8 июня 1898 г. Налог состоял, как и прежде, из основного и дополнительного. Основной налог выплачивался предпринимателями посредством приобретения промысловых свидетельств, причем размер оклада определялся в зависимости от размера предприятия, а не от положения владельца (принадлежность к той или иной гильдии), как это предусматривалось предшествовавшим законодательством. Для определения размера оклада страна разделялась на пять классов (в зависимости от уровня промышленного развития), а промышленные предприятия по их видам и размерам — на разряды. Дополнительный налог с акционерных предприятий, обязанных публичной отчетностью, разделялся на налог с капитала и процентный сбор с прибыли. Процентный сбор с прибыли взимался лишь в том случае, если она превышала 3 % на основной капитал, и устанавливался на началах умеренной прогрессивности. Дополнительный налог с предприятий, не обязанных публичной ответственностью, разделялся на раскладочный и процентный сбор с прибыли. Размер обложения определялся из расчета некой средней прибыли для разного типа предприятий.

Таким образом, значительная часть промыслового налога была основана на архаичном и примитивном раскладочном принципе обложения, что в значительной степени явилось результатом плохого состояния отчетности предприятий и слабым еще развитием акционерного дела, чему препятствовало существовавшее в России акционерное законодательство, основанное на разрешительной системе. В 1894 г. С. Ю. Витте образовал специальную комиссию под председательством П. П. Цитовича, подготовившую к 1898 г. проект нового акционерного закона. Он предусматривал введение уже широко распространенного в западных странах явочного принципа акционерного учредительства. Однако проект комиссии Цитовича так и не был проведен в жизнь.⁹

Новый промысловый налог увеличил доходы казны,¹⁰ но решающее значение и в покрытии бюджетных дефицитов, и в накоплении средств приобрели все-таки косвенные налоги, резко возросшие при Вышнеградском и Витте.

Как читателю уже известно, водочная и табачная монополии были мечтой И. А. Вышнеградского еще до призыва на минис-

терский пост,¹¹ а фискальная политика Вышнеградского отличалась предельной жесткостью. Трагедия голода 1891—1892 гг., казалось, должна была отрезвляюще подействовать на сторонников повышения косвенного обложения, несомненно, отдававших себе отчет в том, что эти налоги прежде всего затрагивают крестьянское население. Тем не менее Витте уже во всеподданнейшем докладе по росписи 1893 г. высказался за то, чтобы не останавливаться «даже перед некоторым временным напряжением платежных сил страны» в целях развития отечественной промышленности,¹² и в последующие годы продолжал наращивать именно косвенное обложение.

За двадцать лет с 1880 по 1901 г. прямые налоги дали прирост всего в 50 млн. руб. Доход от них увеличился с 172,9 до 220,9 млн. руб. За это же время доход от косвенного обложения возрос на 108 % — с 393 до 819,6 млн. руб. Причем особенно значительный их рост падает на период министерства Витте, ибо с 1880 по 1892 г. доход от косвенного обложения увеличился на 37 %, а с 1892 по 1901 г. — на 50 %.¹³

Одним из самых эффективных средств выкачивания денег из народного кармана сделалась установленная Витте монополия на водку. Винокурение оставалось в частных руках, однако сырой спирт приобретался казной. Очистка спирта и изготовление водки производились на частных заводах только по заказам казны и под наблюдением акцизного надзора. Продажа спирта, вина и водочных изделий составляла исключительное право государства. Реформа не касалась изготовления пива, портера, браги и виноградного вина. В городах водочные изделия продавали с 7 час. утра до 10 час. вечера, в селениях в летние и весенние (апрель—август) месяцы до 10, а в зимние до 8 час. вечера. Торговля запрещалась во время крестных ходов, а в воскресные и табельные дни до окончания литургии.¹⁴ Монополия использовалась Министерством финансов как один из основных источников покрытия бюджетных дефицитов.¹⁵

Провозглашенная Витте программа ускоренного развития национальной промышленности за счет мобилизации внутренних ресурсов, привлечения иностранных капиталов в виде займов и инвестиций, таможенной защиты отечественной промышленности от западных конкурентов и поощрения вывоза товаров из России принесла свои плоды. В российской экономике произошли значительные сдвиги, особенно в железнодорожном строительстве. С 1895 по 1899 г. в России ежегодно строилось в среднем около 3064 км.¹⁶ В области финансовой для России начала XX в. характерен чрезвычайно быстрый рост государственного бюджета. По росписи 1867 г. обыкновенные доходы составляли всего 415 млн. руб. Прошло 30 лет, и они увеличились на 1 млрд. руб. Для накопления второго миллиарда по этой статье государственного бюджета понадобилось 11 лет, а третьего — 5. Громадный рост бюджета в этот период, однако, не соответствовал росту национального дохода и, по подсчету Ю. Н. Шебалдина, превышал его в 2,4 раза. Рост актива бюджета во многом зависел от доходов от винной монополии.¹⁷ В 90-е годы в России шел процесс кон-

центрации банковских капиталов, сращивания банков с промышленностью, укрепления межбанковских связей. В совместном финансировании промышленных предприятий начинают выступать Русский для внешней торговли, Петербургский международный, Петербургский учетный и ссудный, Русский торгово-промышленный банки. Девяностые годы — период зарождения российского финансового капитала.¹⁸

При Витте чрезвычайно возрос правительственный контроль над частными банками. Он осуществлялся через Государственный банк и Особенную канцелярию по кредитной части Министерства финансов. Роль этого подразделения Министерства финансов резко возросла еще в конце 1880-х годов с образованием Иностранного отделения Кредитной канцелярии. Оно начало готовить материалы для выпуска займов. Там следили за положением международного денежного рынка, финансовой и политической прессой. Объем обязанностей Кредитной канцелярии особенно возрос в последнее десятилетие XIX в., когда Россия стала активно привлекать иностранный капитал для модернизации промышленности. Функции Кредитной канцелярии постепенно расширялись, и она превратилась в «совершенно своеобразное учреждение», совмещавшее в себе «не только административные, но и чисто операционные функции». «Наряду с административными задачами государственного управления в области денежного хозяйства и кредита» в канцелярии оказалась сосредоточенной «определенная деятельность по выпуску займов, покупке валюты и заграничным расчетам не только правительства, но и многочисленных общественных учреждений». Объем производившихся Кредитной канцелярией операций превышал сотни миллионов рублей, т. е. превосходил объем операций любого банковского учреждения.¹⁹

В 1900 г. благодаря усилиям Витте на Санкт-Петербургской бирже был открыт Фондовый отдел. В состав совета отдела, решавшего вопрос о допуске к котировке ценных бумаг, вошел представитель Кредитной канцелярии.

В 1882 г. в России был учрежден Крестьянский поземельный банк, а в 1885 г. — Государственный дворянский земельный банк. Управление этими банками было поручено одному лицу. В первой половине 1890-х годов были изданы новые уставы этих банков. Им была предоставлена большая самостоятельность по отношению к Государственному банку и вместе с тем возможность осуществлять свою деятельность непосредственно под руководством министра финансов.

В 1901 г. от Государственного банка отделилось и стало самостоятельным Управление государственными сберегательными кассами. Представитель Кредитной канцелярии был введен в состав одного из подразделений этого Управления. Но наиболее важные вопросы деятельности сберегательных касс по-прежнему обсуждались в Совете Государственного банка с участием представителя Кредитной канцелярии. Директор Кредитной канцелярии и управляющий Государственным банком совместно представляли министру финансов доклады относительно размещения

средств сберегательных касс. При Витте Кредитная канцелярия совместно с Государственным банком стали осуществлять целый ряд важных финансовых операций. В частности, они совместно занимались регулированием денежного обращения, валютной и дисконтной политики. Кредитная канцелярия, по мнению В. Н. Коковцова, занимавшего пост министра финансов в 1906—1914 гг., к началу XX в. стала играть роль своеобразного «связующего звена» между Государственным банком, Крестьянским и Дворянским банками, с одной стороны, и частными банками — с другой.²⁰ Во главе Кредитной канцелярии Витте поставил лиц, пользовавшихся его абсолютным доверием. М. Ф. Меринг, замуж за которого Витте отдал дочь своей первой жены Н. А. Спиридоновой, был секретарем Витте — министра путей сообщения, а в 1893 г. был назначен вице-директором Особенной канцелярии по кредитной части и оставался на этом посту до 1895 г. На ответственный пост директора Кредитной канцелярии Витте назначил Б. Ф. Малешевского, принимавшего активное участие не только в разработке новой тарифной системы, но и в проведении денежной реформы.

С приходом в Министерство финансов Витте привлек в качестве своего советника по финансовым вопросам профессора политэкономии и полицейского права Киевского университета А. Я. Антоновича. Именно он начал разрабатывать проект инфляционной политики. Однако, когда Витте утвердился в необходимости введения золотого стандарта, из Берлина был выписан А. Ю. Ротштейн для управления С.-Петербургским международным коммерческим банком. «Уродливой внешности, наглогрубый в обращении, он был гением банковского дела»²¹ и на многие годы стал правой рукой Витте в осуществлении международных финансовых операций и в проведении финансовой политики России на Дальнем Востоке. «Русские банки времен Витте, — писал Колышко о ситуации в Петербурге, — из объектов истории стали субъектами ее. Они оперировали почти целиком на средства Государственного банка. Администрация этих банков, при фикции выборности, состояла по существу из чиновников Министерства финансов. А так как биржу составляли именно они, то ясно, что биржа, с ее взмахами вверх и вниз, с ее аппаратом обогащения и разорения, была филиалом Министерства финансов».²²

В результате экономического подъема 90-х годов Россия приблизилась к уровню промышленно развитых стран, однако не достигла их, как это планировал Витте.

В конце 1898 г. на европейском денежном рынке появились первые симптомы финансового кризиса, разросшегося в 1899 г. в общеевропейский. В 1900 г. наступил мировой экономический кризис. Он в полной мере дал знать о себе и в России. Кризис стал неожиданным препятствием на пути осуществления экономической программы Министерства финансов. Под угрозой краха оказались многочисленные предприятия, в том числе и обязанные своим существованием иностранным капиталам. Приток их в промышленность стал сокращаться и сменился отливом, осо-

бенно краткосрочных капиталовложений. В первую очередь пострадала от кризиса тяжелая промышленность. Сократилось производство и упали цены в металлургической, металлообрабатывающей, железнорудной отраслях.²³ Кризис способствовал обострению социальных противоречий и росту рабочего движения.

В начале своего царствования Николай II был увлечен мыслью о занятии Босфора и даже Дарданелл.²⁴ Проект занятия Босфора обсуждался на особых совещаниях в начале и в конце 1896 г. Среди активных сторонников захвата Босфора были генерал А. Н. Куропаткин, ставший в 1898 г. военным министром, и посол России в Константинополе А. И. Нелидов. С. Ю. Витте решительно выступил противником занятия Босфора и обратился за поддержкой к Победоносцеву.²⁵ Николаю II пришлось отказаться от соблазнительной мысли о захвате проливов, и центр тяжести во внешней политике России окончательно переместился на Дальний Восток.

До экономического кризиса внешнеполитической части программы Витте, казалось, сопутствовал успех. Россия уверенно занимала позиции на рынках Дальнего Востока, тесня там своих соперников. Однако это было сопряжено со значительными расходами за счет российского налогоплательщика и способствовало обострению русско-английских и русско-японских противоречий. Россия вынуждена была защищать свою экономическую экспансию на Дальнем и Среднем Востоке. Возникла проблема создания достаточно мощного Тихоокеанского флота. Россия втягивалась в гонку вооружений. Призрак надвигавшейся войны приобретал все более отчетливые контуры и вызвал беспокойство в правящих кругах России. Тревожные предчувствия одолевали и Витте. В сентябре 1899 г. он проводил свой отпуск в Сочи. «Черноморский берег представляет собой (как и многие местности Кавказа) такие природные богатства, которым нет сравнения в Европе, — писал Витте из Сочи в Петербург князю В. П. Мещерскому. — В наших руках это все в запустении, если бы это было в руках иностранцев, то уже давно местность эта давала бы большие доходы и кишела бы туристами. Но куда нам! Для этого нужны капиталы и капиталы, наше же назначение капиталов это война. Мы не можем просидеть и 25 лет без войны, и все народные сбережения идут в жертву войнам. Мы оставляем в запустении богатейшие края, завоеванные нашими предками, а в душе все стремимся к новым и новым завоеваниям оружием и хитростью. О каком благосостоянии можно при таком положении вещей серьезно говорить!»²⁶

Экономическая политика Витте была глубоко противоречива, ибо для промышленного развития страны он использовал средства и условия, порожденные феодальной природой существовавшей в России власти. Консерватизм «системы» Витте состоял в том, что она должна была способствовать укреплению экономического могущества отжившего самодержавного режима. Не случайно в либеральных кругах русского общества «система» Витте воспринималась как «грандиозная экономическая диверсия само-

державия», отвлекавшая внимание различных слоев населения от социально-экономических и культурно-политических реформ.²⁷

Проводившееся Витте государственное вмешательство в экономику часто оправдывалось необходимостью поддержки не окрепшей еще частной инициативы, однако в действительности оно далеко выходило за эти пределы и препятствовало естественному развитию капиталистических отношений в стране. Широко используя государственное хозяйство не только для решения внутриполитических задач, но и в борьбе за внешние рынки (где государство порою выступало как предприниматель, конкурировавший с русскими же частными торговыми фирмами), Витте так и не провел или не сумел провести реформы общего характера, которые создали бы условия для более свободного развития частной инициативы. Так, ему не удалось изменить коренным образом существовавшую систему акционерного законодательства. Поощряя частную инициативу и предприимчивость, Витте вместе с тем стремился держать ее под строгим контролем, поэтому в представительных организациях буржуазии он хотел видеть прежде всего консультативные органы. Показательны в этом отношении подготовка и проведение Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. Съезд проводился по решению Министерства финансов, подготовка его велась в Департаменте торговли и мануфактур, разработавшем заранее перечень вопросов, подлежащих обсуждению. При открытии съезда его председатель член Совета министра финансов Д. Ф. Кобеко, обращаясь к участникам, заявил, что «съезд создан по непосредственному распоряжению правительства, а не по усмотрению частных обществ, как то происходило доньше...», что в Министерстве финансов разрабатываются некоторые предположения относительно условий, которыми регулируется торгово-промышленная жизнь страны. Предварительно, однако, Министерство финансов признало нужным ознакомиться со взглядами представителей торгово-промышленного класса по вопросам, наиболее их интересующим». Созыв съезда был представлен как доказательство «живого общения», установившегося «между Министерством финансов и торгующим сословием».²⁸ Вместе с тем Министерство финансов без особенного энтузиазма отнеслось к возникновению одной из крупнейших представительных организаций — Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, процедура оформления которого затянулась почти на три года.

И вместе с тем Витте был одним из первых среди русских министров финансов, кто обратил внимание на развитие предпринимательских организаций и продемонстрировал готовность сотрудничества с ними, хотя и после реформ Витте Россия оставалась страной, в которой не было подлинной свободы частного предпринимательства.

Поощрение промышленного развития проводилось при известной консервации феодальных пережитков в сельском хозяйстве. «Система» Витте не предусматривала коренной аграрной реформы. Крестьянское законодательство традиционно оставалось в ведении Министерства внутренних дел, которое после голода

1891—1892 гг. было занято подготовительными работами для пересмотра законодательства о крестьянах. Из текущих вопросов, оставшихся нерешенными после реформы 1861 г. либо застрявших в разного рода комиссиях еще с 70—80-х годов, оно вынуждено было приступить к рассмотрению переселенческого и паспортного законодательства, ибо они сковывали передвижение крестьян в пределах губерний и препятствовали заселению окраинных районов империи.

Переселенческое дело к середине 90-х годов приобрело особую остроту в связи с усилившимся после голода 1891—1892 гг. самовольным движением за Урал крестьян из центральных губерний России.²⁹ До 1896 г. переселение сельских обывателей и мещан на казенные земли регулировалось на основании закона 13 июля 1889 г.³⁰ После реформы 1861 г. правительство стремилось ограничить и затруднить переселенческое движение, опасаясь, что центральные губернии окажутся без рабочей силы, а поселение на казенных землях даст повод крестьянам надеяться на дополнительное наделение землей. Начиная с 1894 г. правительство пыталось внести какие-то усовершенствования в организацию переселения: нуждавшимся переселенцам была увеличена выдача путевых пособий, созданы новые врачебно-строительные и межевые партии с целью заготовки участков для переселенцев. 15 апреля 1896 г. Николай II утвердил мнение Государственного совета о предоставлении крестьянам, получившим разрешение на переселение, права посылать в Сибирь ходоков для осмотра земель и «зачисления их за однообщественниками на двухлетний срок».³¹ 7 декабря Комитет Сибирской железной дороги, ведавший переселенческими делами, принял решение допустить ходоков даже от отдельных семей. В декабре 1896 г. было создано специальное Переселенческое управление при Министерстве внутренних дел.

20 января 1897 г. Министерство внутренних дел издало циркуляр, разъяснявший правительственную политику в отношении переселенцев. Губернаторам было разослано специальное справочное издание «Сибирь». 1 марта 1898 г. был введен льготный железнодорожный переселенческий тариф.³²

В результате проведенных правительством мер сократились смертность среди переселенцев, число самовольно переселившихся и возвращавшихся обратно переселенцев-неудачников. По данным Министерства внутренних дел, в 1898 г. из 193 129 переселенцев (в том числе 50 192 ходоков) обратно возвратилось 14 645 душ, или 12 %. В 1896 г. для губерний нечерноземной полосы доля самовольного переселения составила 90 %, в 1897 г. она упала до 43 %, а в 1898 г. — до 11 %.³³

Помимо переселения в Сибирь, Министерство внутренних дел наметило к 1898 г. целый ряд районов страны, в заселении которых правительство было заинтересовано. Это Южно-Уссурийский край, Кавказ, Тургайская область, район Пермь-Котласской железной дороги, Мурман. Правительство было готово способствовать переселенческому движению в эти окраинные районы страны. В то же время оно намерено было относиться с «крайней

осторожностью» к переселенцам в пределах Европейской России (Самарская, Пермская, Вологодская губернии, а также Челябинский уезд Оренбургской губ.) и допускать устройство на этих землях только безземельных или малоземельных крестьян, не имевших средств переселиться на окраины империи и неспособных приобрести земли через Крестьянский поземельный банк.

Для переселения в пределах Европейской России порядок, установленный законом 13 июля 1889 г., по существу сохранял свою силу. Вместе с тем правительство намерено было противодействовать неоправданному, с его точки зрения, переселению с помощью кредитов Крестьянского банка «стесненным в земельном отношении крестьянам» для приобретения участков «на родине или в ближайших губерниях». С этой целью в 1898 г. начальник Переселенческого управления был введен в состав Крестьянского банка и Соединенного присутствия советов Крестьянского и Дворянского банков.³⁴

Итак, правительственная политика в переселенческом деле не подверглась коренному изменению в 90-е годы. Принятые правительством меры для облегчения переселения на окраины империи не решали переселенческую проблему в целом. Она находилась в прямой зависимости от общекрестьянского законодательства. Передвижение крестьян по-прежнему было сковано паспортным уставом, общинной системой землевладения и круговой порукой.

9 марта 1893 г. С. Ю. Витте и министр внутренних дел И. Н. Дурново внесли в Государственный совет совместный проект паспортного закона. Объявив существовавшую паспортную систему пережитком крепостничества, Витте и Дурново высказались за распространение проектируемых паспортных правил на все сословия и классы, за исключением военных и духовенства. Однако подготовленный ими проект находился в соответствии с общим направлением правительственной политики в крестьянском вопросе, предусматривавшим укрепление общинного землевладения, и уже только поэтому не мог носить радикального характера. С 19 февраля по 19 марта 1894 г. проект министров обсуждался на нескольких заседаниях Соединенных департаментов Законов, Государственной экономии, Гражданских и духовных дел Государственного совета и подвергся некоторым изменениям в духе еще более умеренных преобразований.³⁵ Государственный совет не собиравшись ни отменять податное значение паспорта, ни посягать на круговую поруку и считал нужным лишь точно определить законом, в каких случаях общества имели право запрещать своим членам отлучку. Мнение Государственного совета было утверждено царем 3 июня 1894 г.³⁶ Новые паспортные правила вводились с 1 января 1895 г. по всей империи, за исключением Царства Польского и Финляндии. Они не распространялись на лиц, состоявших на действительной военной и морской службе, лиц войскового сословия казачьих войск, «иногородцев», лиц римско-католического духовенства и ряд категорий неполноправного населения. Появление нового паспортного законодательства не изменило положения еврейского населения.

Вновь выдававшиеся паспортные документы под общим наименованием «видов на жительство» должны были служить «для всех состояний удостоверением их личности», а для лиц, передвижение которых зависело от разрешения обществ и учреждений, еще и удостоверением «права на отлучку».³⁷

В основе паспортной реформы лежало разделение населения империи на две части: привилегированную и податную. Дворяне, чиновники, почетные граждане, купцы и разночинцы не были ограничены в выборе постоянного места жительства. В ином положении находились мещане, ремесленники и крестьяне, приписанные к своим обществам.

Любое лицо в месте своего постоянного жительства не обязано было иметь паспорт, если только речь не шла о городах и районах, находившихся на особом положении.

Для дворян, чиновников, духовенства, почетных граждан, купцов и разночинцев вводились не десятилетние, как предлагали министры финансов и внутренних дел, а бессрочные паспортные книжки.³⁸

Для мещан, ремесленников и «сельских обывателей» видами на жительство могли служить паспортные книжки, паспорта и бесплатные билеты на отлучку. Податной части населения паспортные книжки выдавались на пять лет, паспорта — на один год, полгода и три месяца, бесплатные билеты на отлучку, как правило, на срок до одного года. При получении бессрочной паспортной книжки ее владелец платил 50 коп., срочной — 25; кроме того, взимался годовой сбор в размере 1 руб. Годовые паспорта стоили 1 руб., полугодовые — 50 коп. и трехмесячные — 15 коп.³⁹

Паспортная реформа несколько облегчила свободу передвижения мещан, крестьян и ремесленников. По старому законодательству существовали полугодовые, годовые, двухгодовые и трехгодовые паспорта. Теперь пятилетняя паспортная книжка давала возможность ее владельцу в течение более длительного срока находиться вне места своего постоянного жительства. По новому законодательству паспортные книжки выдавались и тем мещанам, крестьянам и ремесленникам, за которыми числились недоимки по общественным сборам, но только с согласия общества.⁴⁰ При выдаче паспортных книжек в них отмечался размер годовых сборов, причитавшихся по последней раскладке с лица, получившего документ. В целом ряде случаев паспортные книжки, выданные крестьянам, мещанам или ремесленникам, могли быть отобраны по приговору местных обществ, утвержденным вышестоящей администрацией.

В поступившем в Государственный совет проекте предусматривалось разрешать передвижение крестьян без паспорта в уезде или за его пределами, но не далее 50 верст от места жительства и на срок не более 14 дней. Государственный совет принял решение расширить срок льготных отлучек до 6 месяцев.⁴¹ Отлучки «без вида» и без ограничения срока отныне разрешались при найме на сельскохозяйственные работы в своем уезде и в смежных с ним волостях. Витте и Дурново выступили в Государственном совете против распространения этой льготы на лиц, принимавших

ся на фабрики и заводы. Они настаивали на том, чтобы все поступавшие на фабрики и заводы, как «в пределах льготного в паспортном отношении района, так и в месте постоянного жительства», непременно имели паспорта.⁴² Разумеется, эта мера была принята Государственным советом, который счел, однако, достаточным «ограничиться применением ее собственно к местам, отличающимся значительным развитием фабрично-заводской промышленности».⁴³

Новые паспортные правила, вводившиеся ради предоставления крестьянству возможности более свободного передвижения, должны были, казалось, подорвать принцип круговой поруки. Однако на деле устав 1894 г. закрепил и права общества по отношению к недоимщикам, и права домохозяина по отношению к членам семьи.⁴⁴ Паспорт сохранил и податное, и фискальное значение, упраздненное лишь законом 7 апреля 1897 г. об отмене сборов, взимавшихся в казну с видов на жительство. Готовившаяся в течение столь длительного времени реформа не решила основной стоявшей перед ней задачи — не обеспечила условий для абсолютно свободного передвижения крестьянского населения.

Обсуждение нового паспортного законодательства лишь вынесло на поверхность противоречия во взглядах представителей правящих кругов России на общину вообще и на круговую поруку в частности. Давно назревший вопрос о ее отмене продолжал оставаться объектом полемики и после выработки нового паспортного устава.

Точка зрения Министерства внутренних дел строго соответствовала официальной правительственной политике укрепления общины.

В 80-е годы в правительственных кругах раздавались голоса за отмену ст. 165 Положения 19 февраля 1861 г., допускавшей выход крестьян из общины или с согласия «мира», или при досрочном погашении выкупного долга. В результате длившегося почти десять лет по этому поводу спора были приняты два закона, укреплявших общинную систему землевладения. Первый — 8 июня 1893 г. — об ограничении права земельных переделов. Он устанавливал наименьший срок для переделов в 12 лет и непрерывный контроль земских начальников над переделами. Второй — 14 декабря 1893 г. — о запрещении выхода из общины без согласия «мира» даже при досрочном погашении выкупного долга, а также о запрещении продажи, передачи в дар или залога земельных наделов.⁴⁵

Сторонники сохранения и консервации общинных отношений видели в них средство спасти русское крестьянство от пролетариации, а Россию — от социальной революции. Эта точка зрения была прежде всего обоснована в сочинениях Победоносцева. Он оправдывал необходимость существования общины преобладанием «первобытной» формы «землевладельческого хозяйства в России», нищетой и отсталостью крестьянского населения, заинтересованного прежде всего в том, чтобы «добыть хлеб насущный».⁴⁶ Противники общины считали процесс ее разложения неизбежным

и видели путь к спасению от пролетаризации крестьянства в создании мелких индивидуальных хозяйств. Противоположные точки зрения на общину были высказаны еще в начале 1893 г. при обсуждении в Государственном совете проекта закона об ограничении 12-летним сроком земельных переделов. В отзывах на законопроект выступили против общинного землевладения председатель Комитета министров Н. Х. Бунге и министр императорского двора и уделов И. И. Воронцов-Дашков.⁴⁷

В 1893 г. Витте оставался на позициях самого правоверного защитника общины, хотя одновременно выступал за отмену круговой поруки и проведение паспортной реформы.⁴⁸ Перелом во взглядах Витте на общину произошел, очевидно, к 1896 г. Во всяком случае, в объяснительной записке к росписи доходов и расходов на 1897 г. Витте выделил «особую группу зажиточных крестьян» как силу, способную преодолеть «неблагоприятные условия сельской жизни», и подчеркивал неизбежность того, что она будет идти по пути капиталистического развития.⁴⁹

В конце 1896 г. министерства финансов и внутренних дел начали готовить совместный законопроект об отмене круговой поруки. Это отнюдь не означало единомыслия в двух важнейших министерствах империи по вопросам аграрной политики. В эти же годы она становится объектом постоянной полемики между В. К. Плеве (независимо от занимаемых им постов) и Витте. В 1897 г. они — главные оппоненты в Особом совещании о нуждах дворянского сословия. Витте предрекал в этом совещании неизбежный уход дворянства с политической сцены. «Не пройдет 50 лет, — заявлял он, — как выступит у нас на первый план другой богатый класс, подобный тому, который вершит судьбы Франции, — буржуазия. А дворянство окончательно оскудеет». Плеве же придерживался противоположного взгляда, он надеялся, что «Россия будет избавлена от гнета капитала и буржуазии и борьбы сословий» ввиду своей самобытности.⁵⁰ В 1898 г. Плеве при поддержке Победоносцева и Дурново сорвал в Комитете министров предпринятую Витте попытку общего пересмотра «аграрного курса правительства».⁵¹ Подготовка проекта об отмене круговой поруки была завершена только к весне 1899 г. Полярные взгляды на круговую поруку в министерствах финансов и внутренних дел сказались на характере подготовленной реформы. Они нашли свое отражение и в законе 23 июня 1899 г.⁵² о порядке взыскания окладных сборов, когда была признана возможной лишь частичная отмена круговой поруки для крестьян в мелких селениях с числом ревизских душ до 60, а также для подворных владельцев. До этого податной надзор в деревне осуществлялся в основном земскими начальниками или уездными по крестьянским делам управлениями. Теперь по настоянию Витте были созданы уездные податные управления и усилено влияние податной инспекции. Однако за земскими начальниками оставалось право контроля над своевременным взысканием окладных сборов.⁵³ Вместе с тем закон 23 июня 1899 г. предопределил судьбу круговой поруки: в Министерстве финансов начали готовить проект окончательной ее отмены. Работа над ним была заверше-

на к концу 1901 г. 17 ноября 1901 г. Витте отправил проект на заключение в Министерство земледелия и государственных имуществ.

Итак, в начале царствования Николая II основные преобразования не только во внутренней, но и во внешней политике связаны с именем Витте. Реформы Витте были подчинены решению одной из главных задач программы Каткова—Победоносцева: созданию мощной национальной промышленности. Впрочем, при решении этой задачи Витте во многом отошел от принципов провозглашенного в начале 1880-х годов нового курса и даже выступил против сохранения общинного землевладения. Если бы ему было позволено с этих позиций приступить в конце 1890-х годов к реформированию сельского хозяйства, то это могло бы повлечь за собой радикальные изменения в экономическом строе России. Однако в этом случае Витте не получил необходимой поддержки со стороны Николая II, и проекту аграрной реформы министра финансов был поставлен заслон в Министерстве внутренних дел. По мере проведения своих экономических преобразований Витте все дальше отходил от мысли об особом, самобытном пути развития России и заимствовал многое из экономической программы Н. Х. Бунге. В целом же программа Витте существенно отличалась от программы государственных преобразований Бунге. Несмотря на расположенность Николая II к председателю Комитета министров, царь отдал все-таки предпочтение программе Витте, ибо она обещала развитие национальной экономики без каких бы то ни было перемен в системе государственного управления, не затрагивала основ самодержавной власти.

В условиях мирового экономического кризиса проявились в полной мере и слабые стороны «системы» Витте. Рост государственных расходов и сопутствовавший ему рост налогового обложения приняли настолько угрожающий характер, что в декабре 1902 г. в связи с составлением бюджета на 1903 г. создавшееся положение стало предметом специального обсуждения в Государственном совете.

Выступая в общем собрании Государственного совета, министр финансов подчеркнул, что «обложение населения прямыми и косвенными налогами достигло крайнего предела своей напряженности... Дальнейшее обременение податных сил явилось бы мерою не только не производительною, но едва ли даже вообще допустимою при существующем экономическом положении страны».⁵⁴

Равновесие русского бюджета к концу 1902 г. уже находилось под угрозой. В 1900 г. в связи с «политическими осложнениями» на Дальнем Востоке, потребовавшими «экстренного» усиления средств Государственного казначейства, были повышены некоторые акцизы и таможенные пошлины. В результате Казначейство получило около 39 млн. руб. в год «добавочного дохода». Первоначально новые налоги рассматривались как временные, однако правительство так и не решилось их отменить, ибо при составлении бюджета на 1903 г. обнаружилось, что это приведет к бюджетному дефициту (около 23 млн. руб.). Сопоставление рос-

писей 1893 и 1903 гг. (с учетом тех перемен, которые произошли в классификации расходов и доходов в соответствии с законами 4 июня 1894 г. и 22 мая 1900 г.),⁵⁵ свидетельствовало о росте обыкновенных расходов за десятилетие примерно на 42,5 %, т. е. в среднем около 4 % в год. В то же время рост обыкновенных доходов несколько отставал от этой цифры и составлял в период с 1897 по 1901 г. около 3,6 % в год. И это при крайнем напряжении налогового обложения.

Ради сохранения бюджетного равновесия Государственный совет постановил «принять настоятельные меры к сдерживанию государственных расходов на уровне, отвечающем нормальному возрастанию обыкновенных государственных расходов».⁵⁶

Кризис показал неприспособленность к конкурентной борьбе предприятий, находившихся в сфере государственного хозяйства. Правительство, следуя установившейся еще с 70-х годов традиции, пыталось бороться с кризисом. Оно поддерживало отдельные предприятия и банки, находившиеся в бедственном положении, проводило «биржевые интервенции» с помощью созданного для этой цели специального синдиката коммерческих банков и банкирских домов во главе с Государственным банком.⁵⁷ Однако эти меры были бессильны перед стихией кризиса. Под его воздействием правительство вынуждено было отступить от практики неограниченного государственного вмешательства в одну из важных сфер экономической политики. 13 августа 1903 г., за три дня до того, как Витте под натиском своих политических противников покинул пост министра финансов, последовало «высочайшее предуказание» о сокращении с 1905 г. расходов на казенное железнодорожное строительство.⁵⁸

¹ Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О причислении агентов Министерства финансов к императорским посольствам и миссиям», 22 октября (3 ноября) 1898 г.: РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 50. Л. 153—165 об.

² Там же; см. также: Д. 45. Л. 152—153. Витте подумывал уже в это время о сближении с Соединенными Штатами. «С проведением Сибирской дороги до Тихого океана, — писал он в конце 1892 г., — Россия получит полную возможность стать в более непосредственные отношения с Северо-Американскими Штатами, которые хотя являются в Европе нашими конкурентами по хлебной торговле, но по солидарности других, и в особенности политических, интересов питают искренние симпатии к России» (доклад С. Ю. Витте «О способах сооружения Великого Сибирского железнодорожного пути и о назначении совещания для обсуждения сего де-

ла», 6(18) ноября 1892 г.: РГИА. Ф. 1273. Оп. 1. Д. 1. Л. 29).

³ Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте «О причислении агентов Министерства финансов к императорским посольствам и миссиям». Л. 153—165 об.

⁴ Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте 16(28) декабря 1894 г.: РГИА. Ф. 40. Оп. 1. Д. 46. Л. 195.

⁵ Там же. Д. 45. Л. 152—153. В 1904 г. М. В. Рутковский был переведен в Лондон вместо покинувшего Лондон С. С. Татищева, а агентом в Вашингтон был назначен Г. А. Виленкин, зять одного из крупнейших американских банкиров Зелигмана.

⁶ Должности агентов Министерства финансов были упразднены только в 1911 г. Вместо них учредили должности агентов Министерства торговли и промышленности. В качестве исключения сохранили пост агента Министерства финансов в Париже,

- так и оставшийся за А. Г. Рафаловичем. Опальному же к тому времени Витте была поставлена в вину попытка завести личных дипломатических представителей за границей. По этому поводу в суворинском «Новом времени» еще в апреле 1910 г. появилась специальная заметка о торговых агентах. В ней, в частности, отмечалось, что в результате политики Витте «Министерство финансов оказалось ... государством в государстве. Оно командовало собственным войском, имело свой собственный флот под особым флагом, свои железные дороги за пределами империи, своих дипломатических представителей. Под скромным наименованием коммерческих или финансовых агентов Министерство финансов, начиная с 1893 г., держало за границей своих собственных посланников» (Новое время. 1910. 24 апр.).
- 7 ПСЗIII. Т. 7. № 4469. 19 мая 1887 г.; Т. 9. № 5719. 18 января 1889 г.; Т. 12. № 9181. 21 декабря 1892 г.
 - 8 Министерство финансов: 1802—1902. СПб., 1902. Ч. 2. С. 640.
 - 9 См.: *Шепелев Л. Е.* Акционерные компании в России. Л., 1973. С. 168—179.
 - 10 В 1898 г. сборы с торговли и промыслов составляли 48,2 млн. руб., а в 1899 г., после введения нового промыслового налога, — 61,1 млн. руб. (*Витте С. Ю.* Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912. С. 485).
 - 11 См.: *Шванебах П. Х.* Наше податное дело. СПб., 1903. С. 11.
 - 12 Там же. С. 16.
 - 13 Там же. С. 31.
 - 14 Торгово-промышленная Россия: Справочная книга для купцов и фабрикантов А. А. Блау. СПб., 1899. С. 96—106.
 - 15 По росписи на 1901 г. более половины всех бюджетных ресурсов давали: питейный доход (с причислением чистого дохода монополии) — 351,3 млн. руб.; сахар — 71,8; керосин — 28,7; чай — 52,1; хлопок — 37,4, а всего 541,3 млн. руб. (*Шванебах П. Х.* Наше податное дело. С. 44, 56).
 - 16 Вестник финансов, промышленности и торговли. 1916. № 28. С. 54.
 - 17 *Шебалин Ю. Н.* Государственный бюджет царской России в начале XX в. (до Первой мировой войны) // ИЗ. 1959. Т. 65. С. 165.
 - 18 *Бовыкин В. И.* Зарождение финансового капитала в России. М., 1967. С. 40, 49, 277, 284.
 - 19 РГИА. Ф. 583. Оп. 3. Д. 1054. Л. 6—7.
 - 20 *Баян. Великий распад.* Ныне отпускаеши... Глава XIV. № 5. Л. 1—2. Архив Гуверовского института Войны, Революции и Мира. Вох 193—197.
 - 21 Там же. Л. 7.
 - 22 Там же.
 - 23 *Яковлев А. Ф.* Экономические кризисы в России. М., 1955. С. 305.
 - 24 См. запись в дневнике А. Н. Куропаткина 27 августа 1898 г. // *Николай II. Воспоминания.* Дневники. СПб., 1994. С. 61—62.
 - 25 См.: *Рыбаченок И. С.* Союз с Францией во внешней политике России в конце XIX в. М., 1993. С. 109, 124—125.
 - 26 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1018. Л. 148.
 - 27 Освобождение. 1903. № 2. С. 24.
 - 28 Труды высочайше учрежденного Всероссийского торгово-промышленного съезда 1896 г. в Нижнем Новгороде. СПб., 1896. Т. 1. С. 2.
 - 29 См.: *Скляр Л. Ф.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962. С. 66.
 - 30 ПСЗIII. Т. 9. № 6189.
 - 31 Там же. Т. 16. № 12777.
 - 32 Всеподданнейший доклад И. Л. Горемыкина за 1896—1898 гг. 21 января 1899 г.: РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 30. Л. 10—15.
 - 33 Там же. Л. 15.
 - 34 Там же. Л. 17—18.
 - 35 Журнал Государственного совета, в Соединенных департаментах Законов, Государственной экономики, Гражданских и духовных дел 19 и 21 февраля, 5, 12 и 19 марта 1894 г.: О преобразованиях действующей паспортной системы: РГИА. Ф. 1405. Оп. 51. Д. 70. Л. 398—444.
 - 36 ПСЗIII. Т. 14. № 10709.
 - 37 РГИА. Ф. 1405. Оп. 51. Д. 70. Л. 406 об.
 - 38 Из представителей привилегированных сословий паспорта на срок выдавались лишь членам семей (женам, несовершеннолетним детям), передвижение которых зависело от главы семейства.
 - 39 ПСЗIII. Т. 14. № 10709.
 - 40 Там же.
 - 41 РГИА. Ф. 1405. Оп. 51. Д. 70. Л. 411.
 - 42 Там же. Л. 411—412.
 - 43 Там же. См. также: ПСЗIII. Т. 14. № 10709.

- ⁴⁴ *Симонова М. С.* Отмена круговой поруки // *ИЗ.* 1969. Т. 83. С. 177—178.
- ⁴⁵ *ПСЗIII.* Т. 13. № 9754; № 10151; *Чернышев И. В.* Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918. С. 228—229.
- ⁴⁶ *Победоносцев К. П.* Курс гражданского права. СПб., 1896. Ч. 1. С. 556—557.
- ⁴⁷ См.: Мнение члена Государственного совета Н. Х. Бунге по проекту правила о земельных переделах 14 апреля 1893 г.; РГИА. Ф. 1449. Оп. XI. 1899. Д. 47. Л. 68; Записка министра двора и уделов графа Воронцова-Дашкова об уничтожении крестьянской общины и возражение на нее министра внутренних дел И. Н. Дурново / Изд. М. И. Элпидина. Женева, 1894. С. 7.
- ⁴⁸ *Симонова М. С.* Отмена круговой поруки. С. 170.
- ⁴⁹ *Чернышев И. В.* Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. С. 259.
- ⁵⁰ См.: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в конце XIX века. Л., 1973. С. 293—295.
- ⁵¹ *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики самодержавия накануне первой русской революции // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. 1962. Минск, 1964. С. 479.
- ⁵² *ПСЗIII.* Т. 19. № 17286.
- ⁵³ *Симонова М. С.* Отмена круговой поруки. С. 182—184.
- ⁵⁴ Журнал общего собрания Государственного совета 30 декабря 1902 г.—12 января 1903 г.; ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 291. Л. 12—14.
- ⁵⁵ *ПСЗIII.* Т. 14. № 10749; т. 20. № 18637.
- ⁵⁶ Журнал общего собрания Государственного совета 30 декабря 1902 г.—12 янв. 1903 г.
- ⁵⁷ *Гиндин И. Ф.* Антикризисное финансирование предприятий тяжелой промышленности (конец XIX—начало XX в.). // *ИЗ.* 1980. Т. 105. С. 105—149.
- ⁵⁸ 10 июня 1905 г. был принят закон «О мерах к привлечению частных капиталов в деле железнодорожного строительства в России». Это был крутой поворот в правительственной политике, ибо после 1884 г., когда было образовано частное Общество Ивангорода-Домбровской железной дороги, новые дороги «строились либо казной, либо преобразовавшимися в большие компании старыми железными дорогами» (Совет съездов представителей промышленности и торговли. Промышленность и торговля в законодательных учреждениях 1907—1912 гг. СПб., 1912. Кн. 1. С. 238—241).

Глава 3

КОНФЛИКТ С И. Л. ГОРЕМЫКИНЫМ. САМОДЕРЖАВИЕ И ЗЕМСТВО. ОСОБОЕ СОВЕЩАНИЕ О НУЖДАХ СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ

Успешное проведение реформ и промышленный подъем 90-х годов придали С. Ю. Витте уверенность в том, что его политика использования государственного регулирования и самодержавной власти имеет для России универсальное значение и применима не только в сфере экономики, но может быть противопоставлена местному самоуправлению. В результате, в конце 90-х годов Витте оказался наряду с К. П. Победоносцевым в числе активных противников продолжения земской реформы и расширения прав земства.

Между тем децентрализация и развитие местного самоуправления рассматривались некоторыми представителями русской бюрократии как средство сохранить в неизменном виде власть самодержавия и в то же время удовлетворить претензии оппозиционно настроенных кругов русского общества. Этим взглядам придерживался, в частности, председатель Комитета министров Н. Х. Бунге. Убеденным сторонником земства был военный министр А. Н. Куропаткин. И. Л. Горемыкин, сменивший в октябре 1895 г. на посту министра внутренних дел И. Н. Дурново, также не намерен был противиться проектам продолжения земской реформы.

Проект земской реформы 1864 г. предусматривал введение земств в 44 губерниях, управлявшихся «по общему учреждению». Однако Положение о земских учреждениях 1 января 1864 г. было введено лишь в 34 губерниях. Земская реформа не коснулась девяти западных губерний: Виленской, Витебской, Ковенской, Гродненской, Минской, Могилевской, Киевской, Подольской и Волынской. Правительство отказалось также от распространения Положения 1864 г. на ряд окраинных губерний, сравнительно мало населенных, со слабо развитым помещичьим землевладением:

к числу таких были отнесены, в частности, Архангельская и Астраханская. Земские учреждения не были введены также в Оренбургской губ., где значительную часть населения составляли казаки и башкиры. Однако на протяжении 70-х—80-х годов вопрос о необходимости введения земских учреждений в тех или иных губерниях, не охваченных реформой, не раз ставился по инициативе губернских властей или местного дворянства.

Поворот самодержавия к реакции в 1880-е годы нашел свое отражение и в его политике по отношению к земству. Новое Положение, введенное 12 июня 1890 г. в 34 земских губерниях, предусматривало значительные изменения в избирательной системе: наряду с имущественным цензом были введены еще и сословные курии. Гласные от крестьян назначались губернатором из числа кандидатов, выдвинутых на волостных сходах. Новый закон способствовал усилению влияния дворян в земском управлении и одновременно правительственного контроля над ним.¹ Для этой цели были созданы, в частности, губернские по земским делам присутствия.

Введение Положения 12 июня 1890 г. никак не отразилось на ходатайствах о реформе хозяйственного управления в неземских губерниях. В 1894 г. киевский губернатор Л. П. Томара в своем всеподданнейшем отчете самым решительным образом поставил вопрос о необходимости введения в губернии земских учреждений. Губернатор жаловался на трудности управления хозяйством империи без хорошо организованных земских учреждений. Николай II отнесся с достаточным пониманием к жалобам киевского губернатора. «На все эти вопросы представить мне соображения», — распорядился царь. «Это верно, — согласился он с замечанием губернатора, — что при отсутствии земских учреждений губернская администрация не имеет органов, которые могли бы выполнять сложную работу раскладки земского сбора».²

Николай II оставил также сочувственную отметку: «Мне кажется, он прав, представить разъяснения» — на отчете волынского губернатора Ф. Ф. Трепова за 1894 г., писавшего о необходимости введения в губернии земских учреждений и института земских начальников.³

В связи с «высочайшими отметками» Государственный совет 15 февраля 1896 г. поручил министру внутренних дел до истечения срока действия земских смет на трехлетие с 1896 по 1898 г. подготовить и представить в Государственный совет соображения «по вопросу о преобразовании учреждений, ведающих дела о земских повинностях в губерниях, где не введены земские учреждения, и о мерах, кои могли бы способствовать правильной постановке земского хозяйства».⁴

К концу 1896 г. реформа земского хозяйства в окраинных губерниях стала оживленно обсуждаться в печати, причем враждебную по отношению к земским учреждениям позицию заняли «Московские ведомости». 13 июля 1897 г. газета обвинила земство в том, что «оно не замедлило вырождаться в какое-то антиправительственное установление, около которого с жадностью сгруппировались... доморожденные конституционалисты». Голос

«Московских ведомостей» должен был прозвучать как серьезное предостережение для министра внутренних дел. И после смерти М. Н. Каткова в 1887 г. за газетой стояли влиятельные силы, она была связана с Министерством финансов и пользовалась его поддержкой.

В связи с противоречивым отношением на местах и в правительственных сферах к введению земств в Западном крае Горемыкин распорядился составить проект реформы так, чтобы он носил компромиссный характер и, с одной стороны, не отличался «в существенных чертах от устройства, какое дано земскому управлению во внутренних губерниях», а с другой — обеспечил бы в Западном крае «утверждение начал... русской гражданственности». По этому проекту «применительно к общим началам Положения 12 июня 1890 г.» в западных губерниях должны были быть образованы губернские земские собрания и губернские и уездные земские управы.⁵ Проект введения земских учреждений в Западном крае был составлен так, чтобы ограничить в них представительство польских помещиков. Для этой цели Горемыкин предлагал отказаться от установленного Положением 1890 г. порядка выборов по сословиям, а использовать Положение о земских учреждениях 1864 г., которое предусматривало выборы гласных на съездах: уездных землевладельцев, городских избирателей, а также выборных от сельских обществ.⁶

Горемыкин надеялся провести разработанный им проект реформы в жизнь. Однако эта надежда не оправдалась. Проект был провален при обсуждении в министерствах. Безоговорочную поддержку он получил только в Министерстве земледелия и государственных имуществ. Категорически против реформы земско-хозяйственного управления в неземских губерниях, как основанной на выборных началах, выступило ведомство православного вероисповедания. «Наше население не подготовлено к самоуправлению», — заявил обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев.⁷ Решающее значение для провала проекта Горемыкина имела позиция министра финансов Витте, в общем совпадавшая с позицией Победоносцева.

22 апреля 1898 г. Горемыкин послал Витте для заключения проект представления в Государственный совет о введении земских учреждений в Архангельской губернии. С нее Горемыкин собирался начать проведение своей реформы. Витте ответил только 9 декабря, заявив, что «реформа не может привести к улучшению в состоянии земского хозяйства Архангельской губернии».⁸

Два дня спустя, 11 декабря, в следующем письме Витте высказал «принципиальные соображения о нежелательности территориального распространения земских учреждений, находя и самый способ осуществления реформы... неудобным во многих отношениях». Сосредоточение всего земского хозяйства в губернских организациях должно было, по заявлению Витте, создать «почву для нежелательной и вредной борьбы в губернском земском собрании представителей отдельных районов». Не избрание (как это было предусмотрено Положением 1890 г.), а назначение правительственной властью членов и председателей земских управ, свидетель-

ствующее о «недоверии правительства к политической благонадежности населения», могло только «возбудить» у него «враждебное чувство к земскому управлению вообще и к исполнительным его органам в особенности». Витте пытался доказать, что «стоймость земского управления должна значительно возрасти» с проведением горемыкинского проекта в жизнь, и предлагал просто «упорядочить ход местного управления и хозяйства», а для этой цели создать при Министерстве финансов особую комиссию.⁹ Однако Витте повел критику проекта Горемыкина главным образом с позиций «принципиальных» соображений.

14 декабря 1898 г. Витте подготовил специальную печатную записку — «Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений», размножив ее в большом числе экземпляров.¹⁰ В записке доказывалось, что «самоуправление не соответствует самодержавному строю государства» и «строю русского государственного управления, до введения земских учреждений, были чужды начала самоуправления».

Таким образом, Витте, как и Победоносцев, поставил свои возражения Горемыкину сразу же на политическую почву, представив в историческом разрезе борьбу сторонников и противников самоуправления. Важным этапом этой борьбы Витте назвал 1880 г., когда «вопросом дня» стали пути развития местного самоуправления, а в правительственных сферах, «в печати и в обществе» «высказывались два противоположных взгляда» на этот вопрос. Одни (к ним Витте относил либеральные органы печати и большинство членов Особой комиссии для составления проектов местного управления под председательством М. С. Каханова), «указывая на незаконченность» земской реформы, требовали более широкой постановки местного самоуправления. Другие (консервативные органы печати и меньшинство кахановской комиссии) указывали на «раздвоение власти» в местном управлении, на то, что земства заняли положение «государства в государстве», и в итоге требовали подчинения земств органам правительства.

Сочувствие Витте сторонникам этого направления не могло вызывать сомнения, ибо в заключительной части записки министр финансов четко сформулировал свое отношение к земской реформе: «1. На те губернии, в коих не введено еще Положение о земских учреждениях, действие такового не распространять. 2. Преобразовать местное управление, как тех губерний, в коих введено Положение о земских учреждениях, так равно и тех, в коих оно не введено: причем в этих последних для заведования хозяйственной частью образовать особые правительственные органы, с привлечением к участию в них представителей населения».¹¹

Таким образом, Витте не только отклонял проект Горемыкина, но и призывал к пересмотру управления земским хозяйством и в тех губерниях, где уже действовало Положение 1890 г. Он доказывал, что «земство не может считаться образцовым учреждением для местного хозяйства и вовсе не представляется единст-

венной целесообразной формой» его ведения, а с успехом может быть заменено особыми правительственными органами. «По моему убеждению, — писал Витте, — то ходячее мнение, что нельзя вести хозяйства посредством чиновников, есть устаревший афоризм... еще 20 лет тому назад никто не предполагал возможности ведения казною такого сложного хозяйства, как хозяйство железнодорожное, никто не допускал мысли о введении винной монополии... В руках самодержавного монарха нет недостатка в средствах, чтобы привлечь на службу государству лучшие силы страны, с сохранением того порядка управления, который соответствует политической идее, лежащей в основе самодержавия, и потому вовсе нет необходимости прибегать к формам управления, существующим при других политических условиях и им соответствующим».¹² Предлагая подменить земскую систему управления хорошо организованным бюрократическим аппаратом, министр финансов стремился распространить общие принципы своей экономической политики на управление местным хозяйством в губерниях и одновременно рекламировал ее как верное средство для укрепления экономического могущества самодержавия, не затрагивавшее в то же время его политических основ. Своей запиской министр финансов втягивал министра внутренних дел в полемику на общеполитическую тему.¹³

К февралю 1899 г. в Хозяйственном департаменте Министерства внутренних дел была подготовлена новая записка для Горемыкина. Она не имела общего названия, но уже заглавие первого раздела «Местное самоуправление как основание государственной администрации России» свидетельствовало и о ее направленности и о том, что это ответ министру финансов. Впрочем, автор записки отмечал, что термин «самоуправление» «не имеет юридической определенности» и толковал его весьма расширительно. Он упрекал министра финансов в том, что тот ограничивал «понятие самоуправления распространением его только на земские и городские учреждения» и исключал из этой категории «самоуправление крестьянское и казачье, которым в отношении суда и полиции подчиняются и лица других состояний, но также и другие чисто сословные союзы: дворянские, мещанские и ремесленные общества».¹⁴

Посвятив специальный раздел своей записки соображениям министра финансов о несовместимости местного самоуправления с государственным строем России, Горемыкин обвинил Витте в попытке представить земскую реформу 1864 г. как результат «молчаливого заговора... сторонников конституционного режима — против оснований государственного строя России». «Местное самоуправление не стоит в противоречии с началом самодержавной монархии, — возражал министру финансов Горемыкин, — какова бы ни была форма устройства... государства... Органы местного самоуправления получают свои полномочия в конечном выводе из того же источника, как и органы бюрократические, т. е. от закона и центральной власти».¹⁵ Горемыкин далее писал, что Витте рассматривает самодержавную монархию через «конституционные очки», смешивает местное самоуправление, относящееся

к области «верховного правления», и «народное представительство», что в основу составленной в Министерстве финансов записки положена книга некоего Свешникова «Основы и пределы самоуправления» (СПб., 1892), книга сомнительных с точки зрения науки достоинств и не допущенная к защите в качестве магистерской диссертации юридическими факультетами обоих столичных университетов.

Полемизируя с Витте, Горемыкин ссылался на авторитеты Б. Н. Чичерина, А. Д. Градовского и даже К. Маркса, процитировав как «справедливое замечание» отрывок из его письма к Н. К. Михайловскому о том, что «события поразительно аналогичные, но происходящие в среде исторически различной, приводят к результатам совершенно несходным».¹⁶ Ералаш из цитат служил одной цели: доказать самобытность русского самодержавия, укоренившегося «на глубоких нравственно-религиозных основах». Самобытность эту Горемыкин усматривал в том, что с конца XV в. исчезли «последние признаки политической обособленности северно-русских народоправств — Новгородского и Псковского, а с тем вместе и идея властного участия народа в делах верховного управления. С той поры... цари и великие князья московские и императоры всероссийские ни с кем не разделяли уже полноты своей власти. Россия не знала ни феодализма, ни сословий, в смысле политических сил — не было в ней и быть не могло той борьбы их между собою и своим государем, которая создала на Западе Европы конституционный режим. Духовная власть никогда не соперничала... со светской, и церковь... не имела, подобно западной, политических притязаний».¹⁷

От рассуждений, что «русская история не знает ни одного восстания против власти в пользу народных политических прав», а знает только «бессильные поползновения ограничить царскую власть в пользу боярства при Иоанне IV, при Михаиле Федоровиче, при восшествии на престол Анны Иоанновны», и, наконец, «была безумная попытка, поддержанная обманутыми солдатами, при восшествии на престол Николая I», Горемыкин приходил к заключению, заимствованному из письма К. С. Аксакова 1855 г. Александру II: «...русский народ есть народ не государственный, т. е. не стремящийся к государственной власти, не желающий для себя политических прав, не имеющий в себе даже зародыша народного властолюбия».

Один из разделов записки Горемыкина представлял собой исторический очерк, построенный на тезисе, что «строю русского государственного управления всегда присущи были начала местного самоуправления». Причем «первоначальной по времени формой» местного самоуправления в России были названы «губные» учреждения XVI столетия. Опираясь опять-таки на славянофилов — братьев И. С. и К. С. Аксаковых, А. С. Хомякова и Ю. Ф. Самарина, Горемыкин делал вывод, что, за исключением «небольшого промежутка переходного времени в половине XVIII века», местное самоуправление было характерной чертой государственной жизни России.¹⁸

Освобождение крестьян привело к учреждению земства, однако с самого начала не были выработаны общие уставы, «определяющие собою содержание, цели и способы земской деятельности». «Материальная незавершенность созданных в 1864 году законоположений о земстве, — писал Горемыкин, — и является ключом к правильному пониманию и надлежащей оценке как административной, так и чисто хозяйственной деятельности земств». Именно «отсутствие общих руководящих начал в деятельности земских учреждений» побудило самих земцев к стремлению учредить печатные органы «для разработки важнейших вопросов земского дела» и ходатайствовать с этой же целью «о разрешении съездов представителей земств разных губерний для совместного их обсуждения».¹⁹ Горемыкин не писал об этом прямо, но у читателя должно было создаться впечатление, что «отсутствие руководящих начал в деятельности земских учреждений» как раз подталкивало их к политической деятельности, а попытки Министерства внутренних дел «упорядочить» земское хозяйство препятствовали этому. Но меры Министерства внутренних дел, «принимавшиеся последние годы к упорядочению местного управления, не встречали... сочувствия со стороны финансового ведомства».²⁰ Теоретические рассуждения о преимуществах казенного (чиновного) или земского (общественного) управления на местах перемежались в записке с жалобами на Министерство финансов, свидетельствовавшими о затянувшейся распре между министрами.

Отстаивая развитие земского хозяйства на местах, Горемыкин находил неубедительными ссылки Витте на практику казенного железнодорожного хозяйства и винную монополию как на примеры успешного решения крупных экономических проблем исключительно средствами государственного вмешательства. Министр внутренних дел ставил под сомнение бесспорный успех и того и другого эксперимента, твердя одно, что «каковы бы ни были... предположения о возможных успехах деятельности казенных управлений в области хозяйственной, ...деятельность эта, где ей приходилось конкурировать на одинаковых условиях с деятельностью органов земского или городского самоуправления, по результатам своим стояла ниже последнего». Горемыкин, конечно, не мог отказать себе в удовольствии привести в поддержку этой своей точки зрения высказывания Витте двенадцатилетней давности, когда тот преуспевал на ниве частного предпринимательства в Обществе Юго-Западных железных дорог и отстаивал идею эксплуатации железных дорог не казной, а «частными обществами под деятельным контролем правительства». Горемыкин ссылался теперь на эти суждения Витте как на справедливые и свидетельствовавшие о том, что «причина нестроения» местного хозяйства, равно как и государственного, кроется «в отсутствии надлежащего опыта и твердо установившихся административных и финансовых традиций».²¹ Так, опираясь на прежние высказывания Витте, Горемыкин пытался опровергнуть один из направленных против реформы тезисов министра финансов о хозяйственной несостоятельности земств, доказанной опытом 60—70-х

годов, и еще раз призывал не откладывать реформу на основании имеющихся недостатков в практике деятельности земств или несовершенства «действующих законоположений» о них.

Заключительная часть записки была посвящена политическому значению введения земских учреждений в Западном крае и государственному значению вопроса о местном самоуправлении. Политическое значение реформы Горемыкин видел в сближении Западного края, «колыбели русской народности, русской государственности, языка и веры», с внутренними губерниями. «Когда говорят о политическом значении проектируемого мероприятия, — писал он, — в смысле опасений, вызываемых возможностью усиления через посредство его польского в крае влияния, то обыкновенно упускают из виду другую политическую же его сторону — укрепление им русского в крае влияния и сплочение этого края через посредство земских учреждений с коренными местностями России... Поднять низшие классы русского населения из векового экономического и нравственного принижения, поставить их на равноправную ногу с господствовавшим дотоле враждебным нам элементом и оживить в массе народа сознание неразрывной связи с общим отечеством — вот те цели, которые уже тридцать с лишним лет являются предметом неусыпных забот правительства».

Наконец, Горемыкин отстаивал государственное значение самоуправления, подчеркивая, что «основой действительной силы всякого государства, какова бы ни была его форма, есть развитая и укрепшая в самодеятельности личность».²²

На этот раз Витте ответил Горемыкину пространным литературным сочинением «Объяснения министра финансов на записку министра внутренних дел о политическом значении земских учреждений», составленным при участии ближайших своих помощников А. И. Путилова, Н. Н. Кутлера и П. П. Цитовича, отпечатанным типографским способом и с грифом «Совершенно секретно».²³

Витте выступил с теми же идеями, что и прежде, однако новая записка носила двусмысленный характер, нападки на земские учреждения потонули в ней в обилии рассуждений и цитат, часто заимствованных из произведений либерального толка. Уже одно это обстоятельство и непомерно большой объем записки свидетельствовали о том, что это документ не рабочего характера и предназначен скорее для публики, несмотря на объявленную его конфиденциальность. После того как в правящих сферах Горемыкин был уже выставлен защитником земства и либералом, Витте должен был позаботиться о том, чтобы в «обществе», куда проникли слухи о «принципиальном разногласии» министров, не приобрести репутацию сторонника полного упразднения земства и замены его «строгими бюрократическими учреждениями». Поэтому он спешил теперь объявить своему читателю, что «ни упразднения земских учреждений, ни какой-либо ломки существующего порядка он не предлагал и не предлагает», а считает необходимым «реформировать лишь то, что признается устаревшим и предназначено к реформе, именно... правительственную админи-

страцию и управление хозяйственной частью в губерниях неземских».²⁴

Впрочем, такой осведомленный и проницательный свидетель литературного поединка Горемыкина и Витте, как Куломзин, допускал, что к составлению записки против Горемыкина Витте мог вполне «подстрекнуть» и сам Николай II, «любивший ссорить своих министров и считавший этот прием верхом дипломатического искусства». Однако Куломзин признавал, что ему до конца не ясны мотивы, побудившие Витте в компании с Победоносцевым и Дурново выступить против земской реформы Горемыкина.²⁵

В известной мере ответ на этот вопрос можно найти в переписке Витте с Победоносцевым в самый разгар их совместной войны против министра внутренних дел. Антигоремыкинская записка Витте получила одобрительный отзыв Победоносцева. Однако он находил недостаточно категоричными выводы, сделанные в записке, и считал, что Витте, разобрав «по косточкам земские учреждения» и «показав всю их несостоятельность», имел основания заявить о необходимости «не только остановить дальнейшее территориальное развитие такого учреждения», как земство, но «исправить его и поставить на верную почву».²⁶ От Витте ждали не только критики горемыкинского проекта, но и программы ликвидации существовавших земских учреждений. И Витте предложил ее. Он соглашался с Победоносцевым, что «терпеть нынешнее земство нельзя», но «не вводить земства ... нетрудно», а «искоренение земства там, где оно существует..., дело потруднее», и «тут нужна не борьба с земством, а твердая программа действий, которая в результате делала бы земство излишним». «Нужно прежде всего заняться устройством провинциальной администрации, — пояснял Витте Победоносцеву свой план действий. — Покуда не будет организовано связное административное управление губернией и уездом, ничего серьезного с земством не поделаешь. Для того, чтобы его уничтожить, нужно его чем-либо заменить, — нельзя же его заменить екатерининскими провинциальными учреждениями. Попутно с этой задачей нужно организовать, не на допотопных началах, хозяйство в неземских губерниях. Если бы этим делом с умом и характером занялись и устроили бы, соответственно современным задачам, провинциальное правительственное управление вообще, и в частности в неземских губерниях, то тогда будет легко уничтожить земство, ибо вместо него будет что поставить». Витте считал, что в два-три года можно было создать в неземских губерниях более совершенную хозяйственную организацию, чем в земских. Витте утверждал, что «на Западе» самоуправление «побороло единовластие главным образом потому, что правительство не сумело держать организацию своей администрации на высоте современных нужд». «Жизнь шла вперед, а администрация не совершенствовалась... У нас делается нечто подобное, — резюмировал Витте свои рассуждения».²⁷

«Совершенно секретная» записка Витте приобрела широкую известность. В мае 1901 г. она была напечатана в Штутгарте

научно-популярным журналом «Заря», издававшимся редакцией «Искры», с предисловием П. Б. Струве, скрывшимся под псевдонимом Р. Н. С.²⁸

К тому времени, когда записка Витте сделалась объектом общественного внимания, поединок министров уже стал достоянием истории. Витте «ссадил Горемыкина» еще в октябре 1899 г., рассказав царю о сношениях того с «сэром Джаксоном, английским капиталистом, поддерживавшим взятками проведение петербургского метрополитена». В действительности Витте и сам был замешан в небескорыстных связях с английскими капиталистами через секретную агентуру Департамента полиции.²⁹

20 октября 1899 г. министром внутренних дел был назначен Д. С. Сипягин. Он сразу же противопоставил проваленному проекту земской реформы, подготовленный совместно с Министерством финансов и предусматривавший сохранение управления земскими делами в Архангельской, Астраханской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Оренбургской, Подольской, Ставропольской губерниях за правительственными учреждениями. Однако их устройство должно было быть коренным образом изменено, а в их состав привлечены представители местного населения. Управление земским хозяйством должно было быть сосредоточено в Губернском земском комитете, уездных земских комитетах, губернской земской управе и осуществляться земскими уполномоченными в уездах.

Компетенция всех этих земских комитетов и управ не была строго определена, однако предполагалось «в видах децентрализации земского управления» расширить ее до пределов, предоставленных административным органам, действовавшим «на основании положения о земских учреждениях».³⁰

Д. С. Сипягин и С. Ю. Витте были солидарны и заявили в Государственном совете, что введение в этих 13 губерниях «выборного начала» недопустимо и было бы «политической ошибкой».³¹ Министр финансов воспользовался обсуждением сипягинского проекта для того, чтобы пропагандировать государственное начало в экономической политике. «В настоящее время правительство вполне успешно эксплуатирует свыше 30 тыс. верст железных дорог, — заявил Витте в декабре 1901 г. в Государственном совете, — производит громадные операции по казенной продаже питей, и этим, кажется, доказана возможность производить самые сложные хозяйственные операции правительственными органами».³²

Несмотря на то что на этот раз проект земской реформы проводился единодушными усилиями двух самых влиятельных министров, он не встретил безоговорочной поддержки в Государственном совете. Против проекта Сипягина выступили 16 членов Совета (Н. М. Чихачев, А. Н. Куропаткин, Д. Ф. Кобеко, Н. В. Шидловский и др.) — сторонников распространения на 13 губерний Положения о земских учреждениях 1890 г. «с некоторыми, обусловленными местными особенностями, изменениями, но без нарушения главных его начал».³³ Окончательное решение от-

носителю проекта Сипягина было отложено до обсуждения в Общем собрании Государственного совета.

С вступлением Сипягина в должность министра внутренних дел наступил короткий период согласованных действий между его министерством и Министерством финансов, хотя политика Сипягина и отличалась известной самостоятельностью.

Между министерствами внутренних дел и финансов установился своеобразный союз, и Витте умело использовал Сипягина в своих целях. «Небезынтересно было наблюдать, — вспоминал уже в эмиграции В. И. Гурко, — как Витте, взявши Сипягина под руку, расхаживал с ним по залам Мариинского дворца во время перерывов заседаний Государственного совета. Менее схожих между собой людей трудно было себе представить. Благообразный, невзирая на несколько баранье выражение лица, родовитый барин Сипягин, с тщательно расчесанной бородой и в прекрасно сидящем на нем вицмундире и небрежный во всем своем внешнем виде, плебей по наружности, но заведомо умный Витте, казалось, не могли иметь ничего общего между собой. Не надо было обладать особой проницательностью, чтобы определить, что Витте пользуется свободной минутой, чтобы обработать по какому-нибудь делу своего далеко не бесхитростного коллегу. Тем не менее в известной мере это ему часто удавалось».³⁴ Со своей стороны, Витте готов был оплачивать маленькие прихоти Сипягина. Он отпустил значительные суммы на роскошную отделку дома бывшего шефа жандармов на Фонтанке у Цепного моста, где помещалось Министерство внутренних дел. Сипягин сам следил за перестройкой здания. «По его указаниям в доме была устроена особая, сводчатая, расписанная в старинном русском стиле роскошная столовая палата». На ее стенах «были изображены целые художественно исполненные картины, из которых одна представляла призвание Михаила Федоровича Романова на царство... На стульях этой палаты, а именно на их кожаной обивке, были вышиты вензеля самого Сипягина».³⁵

Витте и Сипягин проводили достаточно согласованную политику в рабочем вопросе.

Подъем рабочего движения на рубеже 1900-х годов привлек внимание правительственных кругов к рассуждениям Н. Х. Бунге о методах борьбы с социалистическими идеями. В результате в целом ряде правительственных проектов по поводу рабочей политики, появившихся в 1901—1902 гг., причудливо переплеталась уже пустившая корни при покровительстве московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича «зубатовщина» с теориями коопартнершипа или превращения, как писал Д. С. Сипягин, «капиталистического производства в кооперативное, при котором сами рабочие имели бы долю в видах предприятия».³⁶

Сипягин не только признавал быстрый рост в России класса рабочих, но и существование «большого разряда» потомственных рабочих. Для борьбы с революционным движением министр внутренних дел считал необходимым «в среде самого рабочего класса создать устойчивые и консервативные элементы, которые явились бы опорой существующего общественного строя... созна-

тельно, в силу ясно понимаемой и повседневно ощущаемой тесной связи личных своих интересов с интересами порядка и спокойствия в области промышленной жизни». Ради достижения этой цели Сипягин предлагал целый ряд мер для улучшения материального положения рабочих и создания в их среде «более или менее значительного числа мелких собственников». Речь шла о страховании рабочих, создании ссудо-сберегательных касс, расширении прав фабричной инспекции, передаче ей права рассматривать гражданские претензии рабочих к хозяевам.³⁷ В то же время Сипягин настаивал на подчинении фабричной инспекции губернскому начальству. Министр внутренних дел был также озабочен усовершенствованием полицейского надзора за рабочими.

Между тем в Москве все большее распространение приобретала политика «полицейского социализма» и росло влияние ее вдохновителя обер-полицмейстера и начальника Московского охранного отделения С. В. Зубатова. В мае 1901 г. в Москве была образована первая зубатовская организация «Общество взаимного вспомоществования рабочих в механическом производстве». К концу 1901 г. оформилась и Еврейская независимая рабочая партия, проповедовавшая зубатовскую идеологию среди рабочих Северо-Западного края. В начале 1902 г. Зубатов решил на устроителе невиданной по размаху «патриотической манифестации» в Кремле перед памятником Александру II. Она состоялась 19 февраля и была приурочена к 41-й годовщине отмены крепостного права. Деятельность Зубатова уже весной 1902 г. фактически вышла из-под контроля Министерства внутренних дел. Витте и Сипягин делали попытки общими усилиями несколько обуздать зашедшего, по их мнению, слишком далеко в своих экспериментах начальника Московского охранного отделения, но тщетно. Позднее в своих воспоминаниях Витте поставил Сипягину в заслугу то, что тот, сделавшись министром внутренних дел, «начал бороться с „зубатовщиной“, но все, что мог достигнуть, это — локализовать „зубатовщину“ в Москве».³⁸

Некоторые разногласия между Витте и Сипягиным обнаружились при обсуждении вопроса о круговой поруке. Подготовленный в Министерстве финансов в ноябре 1901 г. и подписанный Витте и директором департамента окладных сборов Н. Н. Кутлером проект о ее отмене встретил безоговорочную поддержку министра земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолова. Что же касается Сипягина, то он согласился с предложением Витте «сложить» все отсроченные до конца выкупной операции недоимки выкупного долга, но выступил за сохранение круговой поруки.

Проект Министерства финансов встретил такое противодействие в Министерстве внутренних дел потому, что Сипягин увидел в нем посягательство на общину, а значит — и на один из устоев государственного порядка.

Несмотря на остроту конфликта между Витте и Сипягиным из-за отношения к общине, конфликт этот все-таки носил скорее академический характер.

Именно при Сипягине Витте впервые удалось, хотя и ненадолго, перехватить у Министерства внутренних дел инициативу в разработке крестьянского вопроса. За сравнительно короткий срок взгляды Витте на крестьянский вопрос претерпели удивительную эволюцию. Еще в 1893 г., при обсуждении в Государственном совете проекта закона об ограничении 12-летним сроком земельных переделов, Витте, полемизируя с противниками общинного землевладения И. И. Воронцовым-Дашковым и Н. Х. Бунге, представил пространную записку в защиту общинного землевладения, обильно нашпигованную разного рода данными и ссылками на авторитеты. В записке приводились высказывания ученых и политических деятелей — от Бисмарка, заявлявшего, что «вся сила России в общинном землевладении», до К. Д. Кавелина, видевшего в общине «страховое учреждение от безземелья и бездомности».

Сам Витте называл общину «оплотом» против социализма, а русское крестьянство — «консервативной силой» и «главной опорой порядка».³⁹

Если Бунге приводил французскую систему земледелия как пример, достойный подражания, то Витте доказывал, что опыт французской истории должен служить серьезным предостережением для России. «Во время первой французской революции, — писал Витте, — была провозглашена и осуществлена мысль — осчастливить народ единственной панацеей, мелкой участковой собственностью. Для осуществления этой идеи было пролито много крови и учинено много горя и несчастия, но прошло столетие и перед западноевропейскими государствами новое грозное явление — пролетариат, обезземеление и обездоленность народных масс. Кровь была пролита напрасно, и этот кровавый урок истории не должен быть забываем. Следование в области земельной политики началам „экономической свободы“ породит в России „свободу нищенства“».⁴⁰ Витте выступал против выхода крестьян из общины без согласия мира и путем досрочного выкупа. В связи с подготовкой закона 14 декабря 1893 г. Витте писал, что «сельская община представляет собой наиболее яркое, живое и типичное выражение массовых способностей, массового творчества в среде внутренних, бытовых отношений крестьянского мира». «Такое учреждение русской крестьянской жизни, — урезонивал Витте противников общинного землевладения, — заслуживает самого осторожного к нему отношения, здесь есть нечто бытовое, стихийное и никакими искусственными построениями и теориями нельзя опровергнуть того, что с полной очевидностью явствует из каждой страницы русской истории, что, наконец, всенародно чувствуется».⁴¹

Таким образом, заявляя себя сторонником отмены круговой поруки и проведения паспортной реформы — мер, подтачивавших систему общинного землевладения, Витте в то же время оставался на позициях самого правоверного защитника общины и активно участвовал в проведении законодательных актов, способствовавших ее укреплению. Чем объяснить эту двойственность в поведении Витте? Быть может, какие-то определенные сообра-

жения момента побудили его с таким пафосом отстаивать общину? Или в своих взглядах на общину Витте все еще отдавал дань постепенно улетающей из его сознания идеологии Каткова—Победоносцева? Во всяком случае, как подметил И. В. Чернышев, признаки отказа Витте от этих взглядов на общину можно видеть только в его объяснительной записке к росписи доходов и расходов на 1897 г., где он выделил «особую группу зажиточных крестьян» как силу, способную преодолеть «неблагоприятные условия сельской жизни», и подчеркивал неизбежность того, что она будет идти по пути капиталистического развития.⁴²

После того как в 1898 г. В. К. Плеве, К. П. Победоносцев и И. Н. Дурново провалили в Комитете министров предпринятую Витте попытку «пересмотра аграрного курса правительства», он не оставил своих намерений образовать именно в Министерстве финансов центр для разработки крестьянского вопроса.⁴³ Но только при содействии Сипягина и по его инициативе Витте удалось снова поднять вопрос об образовании крестьянской комиссии. И пока шли дебаты о судьбах круговой поруки, Витте 22 января 1902 г. возглавил Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, взяв, казалось бы, на этот раз к себе в Министерство финансов общую разработку крестьянского вопроса. В январе же были учреждены губернские и уездные сельскохозяйственные комитеты. Но прошло два с небольшим месяца, и на пути Витте, как это бывало уже не раз, встала фигура его давнего противника — В. К. Плеве. «Когда сельскохозяйственное совещание, — писал десять лет спустя в своих воспоминаниях Витте, — вооруженное всеми материалами, приступило к суждениям и решениям по существу, то уже честный Сипягин был убит, а его место занял карьерист полицейский Плеве».⁴⁴ Выстрел эсера С. В. Балмашева 2 апреля в Мариинском дворце, оборвавший деятельность «честного» Сипягина, предопределил и судьбу только что родившегося Особого совещания во главе с Витте, хотя оно и влачило свое существование вплоть до 30 марта 1905 г. Заняв 4 апреля 1902 г. долгожданный пост, Плеве всерьез и вплотную взялся за крестьянский вопрос.

Полемика между министерствами финансов и внутренних дел о политике в деревне вступила в новую стадию, и водоразделом послужил здесь, конечно, не выстрел Балмашева, а крестьянское восстание в Полтавской и Харьковской губерниях в марте—первых числах апреля 1902 г. Движение поражало своей массовостью. Число участвовавших в разгромах экономий и помещичьих усадеб достигало 5 тыс. После жестокого подавления восстания суду было предано более тысячи крестьян.⁴⁵ Разумеется, что только под углом зрения этих событий, оказавших большое влияние на подъем крестьянского движения в 1903 и 1904 гг., и можно рассматривать окончательное решение вопроса о круговой поруке и политический курс Плеве.

Официальное назначение В. К. Плеве состоялось 4 апреля 1902 г., а 10-го, оставив управление министерством на П. Н. Дурново, Плеве выехал в Полтаву и Харьков.

20 апреля Плеве вернулся в Петербург. Здесь шла подготовка заседания Соединенных департаментов Государственного совета. Сказалось ли влияние крестьянских волнений на Юге России, или тому были другие причины, но во всяком случае в эти апрельские дни 1902 г. не осталось следов активного противодействия со стороны Плеве завершению дела с отменой круговой поруки. 25 апреля на заседании Соединенных департаментов Государственного совета Витте заявил, что намечаемая реформа не подрывает общинное землевладение. Это утверждение послужило основой для объединения противников и сторонников общины, подписавших журнал Соединенных департаментов Государственного совета об отмене круговой поруки.⁴⁶ Одновременно Государственный совет обсуждал вопрос о новых способах взыскания платежей и ликвидации недоимок.⁴⁷ Может создаться впечатление, что Плеве оказался более уступчивым оппонентом Витте по сравнению с Сипягиным. Однако новый министр решительно взял курс на то, чтобы блокировать работу возглавлявшегося Витте Особого совещания по делам сельскохозяйственной промышленности.

В июне 1902 г. при Министерстве внутренних дел была создана редакционная комиссия по пересмотру законодательства о крестьянах под председательством товарища министра внутренних дел А. С. Стишинского, на глазах превращавшаяся «в монополярный центр разработки аграрной политики».⁴⁸

Материалы для редакционной комиссии готовили сотрудники Земского отдела Министерства внутренних дел, в частности его глава В. И. Гурко. В отличие от Стишинского Гурко был известен как противник круговой поруки и общинной системы землевладения вообще.⁴⁹ Тем не менее именно ему Плеве поручил разработку проекта нового крестьянского законодательства.

Обсуждение проекта затянулось до октября 1903 г. В то время как готовился пересмотр крестьянского законодательства, Плеве пытался провести в жизнь меры экономического характера. Они наряду с законодательными должны были изменить положение в деревне. Плеве рассматривал Крестьянский поземельный банк и переселенческую политику «как самые сильные рычаги в руках государства» для разрешения аграрной проблемы.⁵⁰ Он делает попытки влиять на политику банка, находившегося в ведении Министерства финансов.

Еще в декабре 1902 г. Витте в связи с работой Особого совещания по делам сельскохозяйственной промышленности и, видимо, надеясь усилить значение Совещания, обратился к царю за разрешением образовать Комиссию для обсуждения вопросов экономического положения сельского населения, имевших отношение к деятельности Крестьянского банка. В частности, речь должна была пойти об «упорядочении переселения и расселения крестьян». Николай II обусловил свое согласие на учреждение комиссии тем, что Витте будет «действовать в полном единомыслии с Плеве».⁵¹ Председателем комиссии был назначен товарищ министра финансов А. Д. Оболенский, в состав ее вошли представители трех министерств: финансов, внутренних дел, земледелия и государственных имуществ. Для работы в комиссии Витте при-

влек «особенно ценимых им сотрудников» — директора Департамента Государственного казначейства И. П. Шипова, директора Департамента окладных сборов Н. Н. Кутлера и управляющего канцелярией Министерства финансов А. И. Путилова. «Эти три Аякса, — как писал о них В. И. Гурко, — ... выступали всегда общим дружным фронтом, хотя Шипов был сторонником общины, а Путилов личного землевладения и, разумеется, голосовали как один. Наибольшее участие в прениях принимал Кутлер, который, по-видимому, являлся наиболее точным выразителем взглядов самого Витте. Общий тон всех трех был неизменно либеральный, а в вопросах, касающихся крестьянства, они определенно отстаивали взгляды, господствовавшие в передовых земских кругах».⁵²

Для наблюдения за деятельностью совещания Плеве назначил в его состав бывшего екатеринославского губернского предводителя дворянства А. П. Струкова, известного своими консервативными взглядами, бывшего управляющего Ставропольской казенной палатой И. Л. Мордвинова, директора Департамента полиции А. А. Лопухина и В. И. Гурко. Плеве распорядился, чтобы они держали его в курсе занятий комиссии и без его согласия не присоединялись ни к каким решениям.⁵³

Комиссия занялась рассмотрением возможных путей улучшения крестьянского землевладения за счет расселения крупных сел, уничтожения чересполосицы, перехода крестьян к хуторскому хозяйству.

Первое заседание комиссии состоялось 23 января 1903 г., а всего пять дней спустя Плеве обратился к Витте со специальным письмом по поводу работы комиссии. Плеве назвал банк «могучим фактором в деле распределения земельных богатств между разными сословиями империи» и настаивал, чтобы комиссия обеспечила «согласование» его деятельности с «общими задачами государства в области аграрной политики».⁵⁴ С точки зрения министра внутренних дел, комиссия прежде всего должна была ответить на вопрос: «Насколько допустимо впредь повсеместное приобретение крестьянами, при содействии банка, земель, принадлежащих другим сословиям, без нарушения правильного соотношения между частновладельческой и крестьянской земельной собственностью».⁵⁵ Плеве жаловался, что сокращение дворянского землевладения и «контингента поместного сословия» отражается на составе крестьянских и земских учреждений и противоречит интересам правительственной политики на местах. Он считал, что с помощью Крестьянского банка правительство должно было способствовать расширению землевладения «истинно русских крестьян» в губерниях с нерусским населением и слабо заселенных районах.

Кроме того, по мнению Плеве, необходимо было решать: «Должен ли Крестьянский банк содействовать приобретению земли сравнительно зажиточными крестьянами с целью образования в крестьянской среде мелких крестьянских хозяйств фермерского типа» и «повысить существовавшую предельную норму ссуд на покупку земли отдельными крестьянами». Плеве назвал веским соображением в пользу такого решения «желательность создания

посредствующего звена» между помещичьим и крестьянским надельным землевладением.⁵⁶ Плеве считал возможным принятие и другого решения, а именно: содействовать малоземельным крестьянам в приобретении земельных владений в пределах, «которые обеспечили бы безбедное существование средней крестьянской семьи». В этом случае размеры ссуд должны были быть понижены и изменен способ содействия малоземельным крестьянам в приобретении земли. Плеве предлагал не требовать от них приплаты к выдаваемой ссуде до покупной стоимости приобретаемой земли. Но так как «по политическим соображениям увеличение земельных владений крестьян без всякого с их стороны материального участия» было нежелательно, то Плеве рекомендовал засчитывать в качестве такой доплаты стоимость состоявших в их пользовании наделов, с тем чтобы «такие наделы возможно было бы предоставлять остальным членам сельского общества».⁵⁷ Таким способом, по мнению министра внутренних дел, можно было бы несколько смягчить земельную нужду в общинах, часть членов которых переселялась на новые, приобретенные с помощью банка земли.

Витте не счел нужным вступать в прямую полемику с министром внутренних дел,⁵⁸ и содержание письма Плеве стало предметом обсуждения комиссии А. Д. Оболенского. В ее работе отразились противоречия во взглядах на крестьянский вопрос между министерствами финансов и внутренних дел. Судя по журналу комиссии, ее участники были настроены против общинной формы землевладения и в пользу образования на приобретаемых крестьянами при содействии банка землях «подворно-участковых владений, приспособленных к ведению самостоятельного хуторского хозяйства».⁵⁹ Однако спор разгорелся о том, какую категорию крестьян должен поддерживать банк. Семь членов комиссии, в том числе представители Министерства внутренних дел А. П. Струков, Н. Л. Мордвинов, В. И. Гурко, А. В. Кривошеин, высказались за поддержку банком малоземельных крестьян. «Хотя наличность хозяйств фермерского типа, — заявляли они, — и является желательною в экономическом отношении, но содействие к образованию их в ущерб земельному обеспечению наиболее нуждающейся массы крестьян не может входить в задачи государства». Вопреки этой позиции Оболенский и десять членов комиссии, включая таких влиятельных представителей Министерства финансов, как И. П. Шипов и Н. Н. Кутлер, настояли на том, чтобы предельный размер земли, приобретаемой при содействии банка, определялся, как и прежде, в зависимости от возможностей покупателя и членов его семьи обработать эту землю своими силами.⁶⁰

Плеве, видимо, был недоволен ходом работы комиссии Оболенского. Министр внутренних дел настаивал на пересмотре устава банка и разработке нового переселенческого закона. Он представил в комиссию специальную записку с требованием решительно изменить политику Крестьянского банка.⁶¹ Плеве возлагал на банк ответственность за рост цен на землю, «обезземливание дворянского сословия в некоторых местностях», выдачу

ссуд «только крестьянам, обладающим известным достатком и, следовательно, наименее нуждающимся в помощи». Он требовал, чтобы банк боролся с земельной спекуляцией и ростом цен, оказывая поддержку в первую очередь не столько преуспевающим крестьянам, скупающим дворянские земли, сколько бедным крестьянам-переселенцам. Плеве заявлял, что правительству должно быть безразлично, в чьи руки при его содействии переходит ежегодно 800 тыс. десятин земли. Министр внутренних дел хотел, чтобы банк действовал не просто как кредитное учреждение, а по заранее определенному плану: не выдавал бы просто ссуды крестьянам под приобретенные у частных владельцев земли, а покупал бы имения «за счет собственного капитала», а затем регулировал бы процесс мобилизации земли, определив заранее, с одной стороны, «те губернии и уезды, в которых сельское население действительно нуждается в увеличении своего землепользования, а с другой — те местности, где дальнейший переход частновладельческой земли в руки крестьян, по соображениям политическим или сельскохозяйственным, представляется нежелательным». Плеве считал, что банк должен препятствовать созданию «крупных крестьянских хозяйств, приближающихся к фермерскому типу». По мнению министра, следовало ограничить размер наибольшего количества земли, которое разрешалось приобретать крестьянам, чтобы воспрепятствовать сосредоточению в одних руках участков свыше 150 десятин. Переселенческая политика должна была, по замыслу Плеве, не только решить проблему малоземелья, но и способствовать освоению окраин. Плеве попытался прибрать к рукам и сам банк. Он предложил, чтобы программа деятельности банка ежегодно утверждалась по соглашению между министерствами финансов и внутренних дел, а представитель Министерства внутренних дел в совете банка получил право задерживать осуществление тех или иных решений до рассмотрения их министрами, чтобы Министерство внутренних дел контролировало выдачу специальных кредитов домохозяевам.

Натиск министра внутренних дел не остался бесследным. Уже после того, как был составлен и подписан журнал комиссии, состоялись еще два ее заседания: 22 и 26 апреля 1903 г. Их итоги свидетельствовали о том, что Министерство внутренних дел значительно усилило контроль над Крестьянским банком. Представители Министерства внутренних дел требовали в целях «охранения частного землевладения» («при этом особенному охранению» подлежали «мелкие и средние дворянские землевладельцы») прекратить покупку крестьянами при помощи банка помещичьих имений почти в 30 губерниях империи.⁶² Однако министерства внутренних дел и финансов так и не выработали общую программу деятельности для Крестьянского поземельного банка. К концу 1903 г. ее обсуждение было перенесено в образованный по указу 11 июля 1903 г. Особый комитет по делам земельного кредита под председательством Д. М. Сольского,⁶³ а также в Комиссию по вопросам, касающимся деятельности Государственного дворянского и Крестьянского поземельного банков, работавшую на

протяжении всего 1904 г. под председательством того же А. Д. Оболенского.⁶⁴

Плеве в гораздо большей степени преуспел в разработке переселенческого законодательства. Вместо «осужденной опытом переселенческого дела» системы «запретительных мер и искусственных стеснений» он предлагал установить порядок свободного переселения, но при условии, что правительственная помощь оказывалась бы переселенцам только в тех случаях, когда переселение, с точки зрения правительства, было «желательным в интересах землеустроительного дела во внутренних губерниях или же колонизации окраин».

Эти принципы и легли в основу утвержденного царем по представлению Государственного совета 6 июня 1904 г. нового переселенческого закона.⁶⁵

Между тем в октябре 1903 г. закончила работу редакционная комиссия Министерства внутренних дел, опубликовавшая в пяти томах итоги своего реформаторского творчества.⁶⁶ В разработанном ею проекте аграрная политика Плеве нашла свое окончательное обоснование.

В основу проекта были положены принципы сословной обособленности крестьянства, неотчуждаемости наделных земель и сохранения существовавших форм крестьянского землевладения.⁶⁷ Он представлял собой попытку привести в соответствие выработанное после реформы 1861 г. законодательство с социальной эволюцией деревни.

Редакционная комиссия не только признала закономерным характер происходившего в деревне процесса расслоения крестьянства, но и осудила традиционно существовавший в правительственных сферах взгляд на зажиточное крестьянство как на «худший и наиболее вредный элемент населения», заклеянный «названием кулаков, мироедов». Теперь зажиточное крестьянство, как «непосредственно заинтересованное в охране принципа собственности», было признано «надежнейшим оплотом существующего порядка». Это отнюдь не означало, что Министерство внутренних дел намерено было в деревне сделать всю ставку на зажиточного мужика, ибо в проекте комиссии защита бедных крестьян от «натиска на них людей, одаренных большей энергией, а иногда и большей неразборчивостью к достижению намеченных целей», была признана одной из главных государственных задач.⁶⁸

Попытка сохранить основные принципы аграрной политики 80—90-х годов придавала проекту редакционной комиссии глубоко противоречивый характер. Это проявилось и в оценке общинного землевладения. Именно община рассматривалась как институт, способный защитить интересы беднейшего крестьянства, предотвратить процесс его пролетаризации и отвечавший современному уровню ведения крестьянского хозяйства. Но более совершенной формой ведения хозяйства, имевшей большое будущее, был признан хутор. Проект предусматривал снятие некоторых ограничений, препятствовавших выходу из общины. Так, с отменой круговой поруки утратило смысл правило, согласно ко-

торому для выхода из общины надо было погасить не менее половины выкупного долга, в то время как за остальную часть должен был поручиться мир.⁶⁹ С другой стороны, лицо, заявившее о выходе из общины, должно было отказаться безвозмездно от права на свой надел. Таким образом, авторы проекта намерены были способствовать разрешению проблемы малоземелья и ограничить выход крестьян из общины. Прославляя хуторскую систему хозяйства, они вместе с тем выступали противниками индивидуальной крестьянской собственности на землю, отдавая предпочтение коллективной — семейной или общинной формам собственности. Основные положения проекта дали повод для резкого его осуждения даже в правящих сферах и обвинения Плеве в попытке своим законодательством, как заявил министр юстиции Муравьев, «окончательно закрепостить крестьян, окончательно отдалить и уединить их от прочих сословий».⁷⁰ Против проекта выступили Витте и его единомышленники из Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности.

Осенью 1903 г. Особое совещание, ссылаясь на требования местных комитетов создать условия для более свободного передвижения крестьян, вернулось к обсуждению паспортного законодательства. На заседаниях Совещания 1, 8 и 22 ноября 1903 г. было признано, что с отменой круговой поруки паспорта должны утратить свое податное и сохранить «исключительно полицейское значение документов, служащих удостоверением личности». Участники Совещания ссылались на закон 10 июня 1902 г., распространивший положение 1894 г. на Царство Польское, где введены были бессрочные паспорта именно потому, что там не было круговой поруки.⁷¹

17 декабря 1903 г. Николай II дал согласие на образование при Министерстве внутренних дел Особой комиссии под председательством товарища министра внутренних дел П. Н. Дурново для пересмотра паспортного устава 1894 г.

Проект, разработанный комиссией Дурново, вносил существенные перемены в действовавшее законодательство. Отныне не требовался «вид на жительство ни в месте своего пребывания, ни при переезде из одного места в другое». Бессрочная паспортная книжка должна была служить только удостоверением личности. Новые правила не распространялись на евреев вне черты оседлости, лиц, находившихся под надзором полиции, и иностранцев.⁷²

Однако затея Витте с новым паспортным законодательством потерпела неудачу. Проект комиссии Дурново стал жертвой бюрократической волокиты и застрял при обсуждении в различных ведомствах до самой весны 1905 г.⁷³

Активность местных комитетов Особого совещания побудила и Плеве искать поддержку на местах аграрному проекту Министерства внутренних дел. Чтобы подготовленный редакционной комиссией документ не носил чисто ведомственного характера, Плеве в начале 1904 г. распорядился передать его для обсуждения в губернские совещания, образованные из «достоинейших деятелей, доверием общественным облеченных».⁷⁴ В них вошли мест-

ные чиновники, земцы и землевладельцы. Что же касается крестьян, то их представители могли быть заслушаны в подкомиссиях совещания.⁷⁵

Появление и деятельность губернских совещаний параллельно с работой местных комитетов как органов Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности дает образчик сознательного допущения правительством Николая II соперничества двух политик в выработке нового крестьянского законодательства, причем не только в пределах строго бюрократических сфер, но и на местах, с втягиванием в это соперничество «представителей общественности». Витте пытался препятствовать созданию губернских совещаний, однако потерпел поражение, и они были санкционированы царским указом 8 января 1904 г.⁷⁶

В манифесте 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию государственного порядка» комиссия Министерства внутренних дел и Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности рассматривались как два учреждения, выполнявшие одно общее дело. С появлением манифеста их работа должна была быть прекращена. Однако 31 декабря 1904 г. последовало распоряжение возобновить работы губернских совещаний. И только в условиях наступившей революции окончательно заглохло обсуждение на местах подготовленного в Министерстве внутренних дел проекта крестьянской реформы. Что касается Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, то его деятельность была приостановлена царским указом Сенату 30 марта 1905 г., а дела переданы вновь образованному Особому совещанию по вопросам о мерах к укреплению крестьянского землевладения под председательством Горемыкина. Разработка аграрной политики опять слилась в единое русло, направление которого теперь во многом определялось уже ходом первой русской революции 1905—1907 гг.

С приходом в 1902 г. к власти В. К. Плеве не только значительно возросла роль Министерства внутренних дел в определении общеполитического курса страны, но и в самой высокой сфере государственного управления занял место опытный полицейский и расчетливый политик. Усилившееся за минувшее десятилетие влияние Министерства финансов и его главы С. Ю. Витте начало падать. Политическому курсу Витте Николай II мог теперь противопоставить иную систему взглядов, по духу ему гораздо более близкую.

Разница в понимании внутреннего положения в стране и задач правительственной политики достаточно ясно проявилась в споре двух министров в неофициальной обстановке, за обедом, в Ялте в октябре 1902 г. Витте считал, что общественное движение достигло такого уровня, что его невозможно остановить «репрессиями и мерами полицейского воздействия». Корни этого явления министр финансов видел в незавершенности реформ Александра II: «Здание построено, а купол остался нетронутым». Эта формула была распространена среди сторонников созыва Земского собора в самом конце 70-х—начале 80-х годов. И теперь не упоминая прямо о Земском соборе, Витте говорил, что ему «понятно

стремление к увенчанию здания. Понятно желание свобод, самоуправлений, участия общества в законодательстве и управлении». Избежать революции правительство, по мнению Витте, могло, только дав выход «этому чувству легальными путями», пойдя «навстречу движению», встав «во главе его, овладев им». Невозможно в настоящее время не считаться с общественным мнением; правительству необходимо опереться на образованные классы. «Иначе на кого же правительству опереться? — на народ? Но ведь это только фраза, диалектика Константина Петровича Победоносцева, графа Алексея Павловича Игнатьева, сенатора Александра Алексеевича Нарышкина», — подводил Витте итог своим рассуждениям.⁷⁷

Иронизируя по поводу «диалектики» К. П. Победоносцева и его единомышленников, Витте теперь ставил под сомнение основы правительственной политики, провозглашенной в начале царствования Александра III, и призывал вернуться к обсуждению проблемы представительства, которое велось в правящих кругах до издания манифеста 29 апреля 1881 г. и провозглашения «нового» курса.

В отличие от министра финансов В. К. Плеве строго придерживался официальной идеологии: «крепок в народе престиж царской власти, и есть у государя верная армия». Источник революционной угрозы Плеве видел как раз в силах, представленных «так называемыми образованными классами, общественными элементами, интеллигенцией», и поэтому считал, что если в России и будет революция, то «искусственная», а не такая, как «на Западе, где ее делали восставший народ или войско». Министр внутренних дел стоял на том, что «всякая игра в конституцию должна быть в корне пресекаема», а реформы, призванные «обновить Россию, по плечу только исторически сложившемуся у нас самодержавию. Еще Пушкин сказал: „В России правительство всегда было впереди народа“».⁷⁸ Витте ясно дано было понять, что уж если кто и будет проводить реформы, то это он, Плеве, через вверенное ему Министерство внутренних дел.

Плеве, несомненно, отдавал себе отчет в том, что существовавшая в стране политическая система переживала кризис и нуждалась по меньшей мере в обновлении. В отличие от Витте Плеве не ставил вопрос о незавершенности реформ Александра II. Однако в письме к известному славянофилу отставному генералу А. А. Кирееву 31 августа 1903 г. признавал, что «быстро развернувшаяся» в России за минувшие 50 лет «социальная эволюция опередила работу государства по упорядочению вновь возникших отношений», «запросы жизни уже перерастают существующие способы религиозно-нравственного и умственного воспитания» и, наконец, «самые способы управления обветшали и нуждаются в значительном улучшении».⁷⁹

Ради укрепления самодержавной власти министр внутренних дел намерен был не только посвятить всего себя борьбе с революционным движением, но и заняться преобразовательской деятельностью. По свидетельству кн. В. Н. Орлова, Плеве «готовил план реформ», предусматривавших, в частности, учреждение Го-

сударственной Думы, но смерть помешала ему закончить эту работу. План был известен Николаю II, сохранившему у себя его отрывки.⁸⁰

- ¹ В начале 90-х годов число гласных дворян в уездных собраниях составляло более 55 %, а в губернских — 89,5 %, крестьянских гласных — соответственно, 31 и 1,8 % (*Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968. С. 152—153*).
- ² РГИА. Ф. 1287. Оп. 10. Д. 877. Л. 20, 23 об., 24, 139.
- ³ Там же. Л. 24.
- ⁴ Там же. Л. 27—27 об.
- ⁵ Записка «О применении Положения о земских учреждениях 12 июня 1890 г. к губерниям западным: Киевской, Подольской, Волынской, Виленской, Ковенской, Гродненской, Витебской, Минской и Могилевской»: Библиотека РГИА: Коллекция печатных записок (в переплете под общим названием «Земская реформа 1898—1903 гг. Т. 1: Проект И. Л. Горемыкина». С. 7.
- ⁶ Подробнее о проекте Горемыкина см.: Кризис самодержавия в России: 1895—1917. Л., 1984. С. 93—120.
- ⁷ РГИА. Ф. 1287. Оп. 10. Д. 890. Л. 40 об.
- ⁸ Там же. Д. 892. Л. 208—212.
- ⁹ Там же. Л. 41.
- ¹⁰ См.: Библиотека РГИА.... Печатная записка № 219.
- ¹¹ Там же. С. 1—27.
- ¹² Там же. С. 43—47.
- ¹³ Кроме того, Витте высказался против введения земских учреждений по проекту Горемыкина в западных губерниях, а также в Астраханской, Оренбургской и Ставропольской губерниях в своих отзывах от 17 декабря 1898 г. и 24 сентября 1899 г. (РГИА. Ф. 1287. Оп. 10. Д. 890. Л. 344 и 347).
- ¹⁴ Земская реформа 1898—1903 гг. Т. 1: Записка И. Л. Горемыкина по Хозяйственному департаменту. Февраль 1899 г. С. 1—2.
- ¹⁵ Там же. С. 6.
- ¹⁶ Там же. С. 19. Горемыкин цитировал письмо К. Маркса по публикации в «Юридическом вестнике» (1888. № 10). В современном переводе эта фраза звучит так: «...события поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам» (*Маркс К. Письмо в редакцию «Отечественных записок» // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 19. С. 121*).
- ¹⁷ Записка И. Л. Горемыкина по хозяйственному департаменту... С. 21—22.
- ¹⁸ Там же. С. 34.
- ¹⁹ Там же. С. 56.
- ²⁰ Там же. С. 64.
- ²¹ Записка И. Л. Горемыкина по Хозяйственному департаменту... С. 68—70. Горемыкин имел в виду книгу С. Ю. Витте «Принципы железнодорожных тарифов» (Киев, 1883).
- ²² Там же. С. 73—76.
- ²³ Библиотека РГИА. Печатная записка № 219. См. также: *Ананьич Б. В., Гачеван Р. Ш. С. Ю. Витте, М. П. Драгоманов и «Вольное слово» // Исследования по отечественному источниковедению. М.; Л., 1964. С. 176—177*.
- ²⁴ *Витте С. Ю. Самодержавие и земство. СПб., 1908. С. 1*.
- ²⁵ *Куломзин А. Н. Пережитое: РГИА. Ф. 1642. Оп. 1. Д. 200. Л. 7—8*.
- ²⁶ К. П. Победоносцев — С. Ю. Витте [без даты] // Красный архив. 1928. Т. 5. С. 103.
- ²⁷ Там же. С. 104—105. См. также: *Захарова Л. Г. Кризис самодержавия накануне революции 1905 года // ВИ. 1972. № 8. С. 136—137*.
- ²⁸ Самодержавие и земство. Конфиденциальная записка министра финансов статс-секретаря *С. Ю. Витте* (1899) с предисловием и примечаниями Р. Н. С. Печатано «Зарей». Stuttgart, 1901. В ноябре 1899 г. Витте передал один из экземпляров Д. Н. Шипову. Существует предположение, что через Шипова записка и попала к П. Б. Струве (см.: *Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 128; Миროнова И. А., Юхт А. И. К истории работы В. И. Ленина «Гонители земства и Аннибалы либерализма» // История и историки. М., 1972. С. 128*).
- ²⁹ *Обнинский В. Последний самодержец: Очерк жизни и царствования императора России Николая II. Бер-*

- лин, 1911. С. 52. См. также: *Ганелин Р. Ш.* «Битва документов» в среде царской бюрократии: 1899—1901 // *ВИД. Л.*, 1985. Т. 17. С. 230—232.
- 30 Земская реформа 1898—1903 гг. Т. 3: Положение 2 апреля 1903 г. Журнал Государственного совета в Соединенных департаментах Законов, Гражданских и духовных дел, Государственной экономики, Промышленности, наук и торговли 1, 8, 15 и 22 декабря 1901 г. и 12, 14 и 26 января и 9 февраля 1902 г. Л. 202.
- 31 Там же. Л. 323, 328 об.
- 32 Земская реформа 1898—1903 гг. Т. 3: Краткий отчет о заседании Соединенных департаментов Государственного совета 1 декабря 1901 г. Л. 326.
- 33 Там же. Л. 203—206.
- 34 *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современников. Часть первая. Глава шестая. С. 105—106 // *Архив Губерновского института Войны, Революции и Мира. Коллекция Гурко. Вох I.*
- 35 Там же. С. 107.
- 36 *Шепелев Л. Е.* Копартнершип и русская буржуазия // *Рабочий класс и рабочее движение в России 1861—1917 гг.* М., 1966. С. 291.
- 37 *Лаврычев В. Я.* Царизм и рабочий вопрос в России (1861—1917 гг.). М., 1972. С. 145—150.
- 38 *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 217—218.
- 39 *Чернышев И. В.* Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. Пг., 1918. С. 256.
- 40 Там же. С. 257.
- 41 Соображения министра финансов по поводу суждений, высказанных по вопросу о мерах к предупреждению отчуждения крестьянских земель: РГИА. Ф. 560. Оп. 43. Д. 4. Л. 23.
- 42 *Чернышев И. В.* Аграрно-крестьянская политика России за 150 лет. С. 259.
- 43 *Симонова М. С.* Отмена круговой поруки // *ИЗ.* 1969. Т. 83. С. 170.
- 44 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 531.
- 45 *Емелях Л. И.* Крестьянское движение в Полтавской и Харьковской губерниях в 1902 г. // *ИЗ.* 1951. Т. 38. С. 168—169, 172.
- 46 *Симонова М. С.* Отмена круговой поруки. С. 188—189. Решение Соединенных департаментов было утверждено на общем собрании Государственного совета только 10 марта 1903 г. и 12 марта стало законом (ПСЗIII. Т. 23. № 22629).
- 47 Результатом этого явился манифест 11 августа 1904 г. о снятии недоимок не только с сельских обществ, но и с отдельных домохозяев (ПСЗIII. Т. 24. № 25014).
- 48 *Симонова М. С.* Кризис аграрной политики самодержавия накануне первой русской революции // *Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы.* 1962. Минск, 1964. С. 474.
- 49 См.: *Гурко В. И.* Устои народного хозяйства России. Аграрно-экономические этюды. СПб., 1902.
- 50 *Симонова М. С.* Политика царизма в крестьянском вопросе накануне революции 1905—1907 гг. // *ИЗ.* 1965. Т. 75. С. 216. Как отмечает М. С. Симонова, Витте в отличие от Плеве «еще в 90-х годах... отвергал значение экономических мероприятий для помощи крестьянскому хозяйству, рассматривая их при отсутствии общей правовой реформы исключительно как „паллиативы“».
- 51 Всеподданнейший доклад С. Ю. Витте об учреждении Особой комиссии для предварительного обсуждения некоторых вопросов, имеющих отношение к деятельности Крестьянского поземельного банка и подлежащих к рассмотрению в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности 4 дек. 1902 г.: РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 3. Л. 29—29 об.
- 52 *Гурко В. И.* Черты и силуэты прошлого... Часть вторая. Глава четвертая. С. 201.
- 53 Там же. С. 200—206.
- 54 В. К. Плеве — С. Ю. Витте. 28 января 1903 г.: РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 452. Л. 26—28.
- 55 Там же.
- 56 Там же. Л. 29—30.
- 57 Там же. Л. 30—30 об.
- 58 См.: С. Ю. Витте — В. К. Плеве. 29 января 1903 г.: Там же. Л. 25.
- 59 Журнал учрежденной с высочайшего соизволения Особой комиссии для рассмотрения вопросов, относящихся к деятельности Крестьянского поземельного банка и подлежащих обсуждению в Особом совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности 23 января, 10 и 24 февраля., 6, 14, 27 и 28 марта 1903 г.: Там же. Ф. 592. Оп. 44. Д. 422. Л. 67 об.
- 60 Там же. Л. 79—81.
- 61 Здесь и далее см.: Записка В. К. Плеве о реформе Крестьянского бан-

- ка // Освобождение. 1903. № 20/21. 18 апр. С. 349—352.
- 62 Заключительные пункты по заседаниям комиссии 22 и 26 апреля 1903 г.: РГИА. Ф. 592. Оп. 44. Д. 422. Л. 62—63.
- 63 До конца 1904 г. комитет не принял никаких существенных решений и лишь поручил Государственной канцелярии подготовку статистических и иных материалов о состоянии земельного кредита в России (см.: Журнал высочайше учрежденного Особого комитета по делам земельного кредита. 1904. № 2: РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 452. Л. 1—4).
- 64 К началу 1905 г. комиссия подготовила несколько записок о финансовом положении и задачах в области земельной политики Крестьянского и Дворянского банков (РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 452. Л. 247).
- 65 Там же. Ф. 565. Оп. 13. Д. 1570. Л. 146—146 об.
- 66 Министерство внутренних дел. Труды редакционной комиссии по пересмотру законоположений о крестьянах. СПб., 1903—1904. Т. 1—5.
- 67 Симонова М. С. Политика царизма в крестьянском вопросе... С. 217—219.
- 68 Министерство внутренних дел. Труды редакционной комиссии... Т. 1. С. 14—15; Т. 5. С. 451; Симонова М. С. Политика царизма в крестьянском вопросе... С. 218.
- 69 Там же. С. 218—219.
- 70 Там же. С. 220.
- 71 Записка, составленная в Департаменте полиции «По проекту нового Устава о паспортах» 22 апр. 1905 г.: Библиотека РГИА... Печатная записка № 3079. С. 25—27.
- 72 Там же. С. 40—41.
- 73 В апреле 1905 г. он получил наконец окончательное одобрение, однако, поскольку проект «в корне» изменял существовавший порядок, министр внутренних дел А. Г. Булыгин высказался за то, чтобы отложить его введение в действие до начала 1906 г.: Библиотека РГИА... Печатная записка № 3079. С. 92—93.
- 74 Чернышев И. В. Аграрно-крестьянская политика... С. 268.
- 75 Симонова М. С. Политика царизма в крестьянском вопросе... С. 223.
- 76 Там же. С. 221.
- 77 Отрывки из воспоминаний Д. Н. Любимова (1902—1904 гг.) // ИА. 1962. № 6. С. 81—82.
- 78 Там же. С. 83.
- 79 В. К. Плеве — А. А. Кирееву. 31 августа 1903 г. // Красный архив. 1926. Т. 5 (18). С. 201—203. (Подг. Е. В. Тарле).
- 80 Из дневника князя В. Орлова // Былое. 1919. № 4. С. 57.

Часть III

**ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
КОМИТЕТА
МИНИСТРОВ**

Глава I

ОТСТАВКА С ПОСТА МИНИСТРА ФИНАНСОВ. УКАЗ 12 ДЕКАБРЯ 1904 г.

Дальневосточная политика России с конца 1890-х годов разрабатывалась и осуществлялась двумя организационными центрами в Петербурге. Оба они опирались на силу и влияние верховной власти и вели между собой отчаянную борьбу за ее расположение. Экспансия России в зарубежных районах Дальнего Востока имела причины государственно-политического характера, обычно определяемые как великодержавные. Территориальная консолидация российского Дальнего Востока в пределах империи требовала, по господствовавшему в кругах высшей администрации, военного и морского командования мнению, того, чтобы Россия «твердой ногой» стала на Тихом океане, обеспечив прилегающие к нему российские территории и приняв роль великой тихоокеанской державы.

Одним из этих двух центров, осуществлявших дальневосточную политику, имевших при этом чисто официальный характер, было возглавлявшееся Витте Министерство финансов, которое, как читатель знает, ведало наряду с финансами промышленностью и торговлей. Но экономическое содержание политики Министерства финансов на Дальнем Востоке, как и в других сопредельных с дальними российскими окраинами странах, например в Персии, состояло лишь в том, что коммерческие по форме, но организованные и существовавшие на казенные деньги предприятия использовались как инструменты мирной экспансии в Маньчжурии и Корее. Цели при этом ставились чисто политические, хотя имелось, разумеется, в виду, что со временем вовлеченные таким образом в орбиту российского влияния территории станут ареной настоящего, а не фиктивного капиталистического предпринимательства. Пока же хозяйственное освоение Сибири и российского Дальнего Востока было бременем для казны, а значит, и для крестьянина Европейской России. В самой полной мере это относилось и к осуществлявшейся с помощью экономических

приемов и якобы частнопредпринимательских форм, но целиком за казенный счет зарубежной дальневосточной политике.

Была ли такая система внешней экспансии новым и чисто русским явлением?

Не забудем роли правительства в создании и деятельности Российско-американской компании и политических целей, перед ней стоявших, о привилегированных компаниях (*chartered companies*) как орудиях мировой политики европейских держав. Фигура авантюриста, рыцаря колониальной наживы, была как бы эмблемой их ранней колониальной политики, развившейся в систему экономической эксплуатации колоний. Однако проведение колониальной политики дорого стоило государственной казне стран-метрополий. «Колонии — мельничные жернова на шее Англии», — говорили там. Да и в истории США основополагающие девизы-принципы их политики территориального расширения — «очевидная судьба (*manifest destiny*)», «движущаяся граница (*moving frontier*)», как и доктрина Монро, вряд ли имели в своей основе лишь стремление к расширению рынков сбыта или иные пути содействия частнокапиталистическому предпринимательству. Витте выступал, таким образом, в этой сфере как наследник опыта колониальной политики великих держав.

В разгар этой его деятельности в 1898 г. начал складываться соперничавший с ним так называемый «безобразовский кружок» из близких ко двору лиц, не занимавших официальных постов в правительственных ведомствах. В него входили статс-секретарь А. М. Безобразов, свиты его величества контр-адмирал А. М. Абаза и гвардейский полковник В. М. Вонлярлярский. Организованные «безобразовцами», или «безобразовской кликой» (оба эти названия пустил в ход Витте) торгово-промышленные предприятия на Дальнем Востоке существовали там наряду с государственными предприятиями Министерства финансов и носили такой же якобы коммерческий характер, как и виттевские. Основным из безобразовских предприятий была лесопромышленная концессия на р. Ялу в Корее. Когда в 1905—1906 гг. безобразовцы, чтобы опровергнуть обвинения в том, что их предприятия явились причиной войны с Японией, добивались официального признания отсутствия в их концессиях каких-либо частных интересов, Абаза, отвечая на вопросы назначенной царем комиссии об одном из таких предприятий — «Русском лесном товариществе», писал: «На самом деле такого товарищества иначе как в проекте никогда не существовало. Была лишь юридическая фикция „Товарищества“, необходимая для дачи доверенностей и проч. и для замаскирования государственного дела под личиной частного предприятия. Для осуществления этой юридической фикции несколько лиц согласились считаться „учредителями“ будущего Товарищества, если таковое состоится. Все эти лица ни в расходах, ни в доходах не участвовали и никакие деньги через их руки не прошли».¹

«На словах» Абаза объяснил, — и это было отмечено в специальной записке, — что «ему невозможно отвечать на поставленные 8 вопросных пунктов, так как они затрагивают интересы 3-х

лиц», но вопреки письменному своему утверждению о том, что никакие деньги через руки безобразовцев не проходили, признал, что до 2 млн. руб. было получено Безобразовым и передано одному из участников безобразовских предприятий И. П. Балашову.² Ясно, что упомянутые Абазой третьи лица были лица весьма высокопоставленные. Добиться от верховной власти признания того, что в концессиях на Ялу частных интересов не было, а «под личиной» частных лиц действовала она сама, безобразовцам не удалось.

Как видно из объяснений комиссии, представленных царю 24 мая 1906 г. в ответ на возражения безобразовцев против ее заключения, она прекрасно понимала, что «главный смысл» безобразовских предприятий «был не коммерческий, а политический», но отдавала себе отчет и в том, что безобразовцы добиваются своего оправдания «перед общественными слухами и печатными обличениями», а это «клонилось бы к омрачению ведомственной деятельности», чего допускать не следовало.³ Но все это было много позже и стояло в связи с вопросом о виновниках несчастной войны с Японией.

Что же касается «омрачения ведомственной деятельности» Витте, безобразовцы занялись этим с самого начала, когда министр финансов был еще в большой силе. В 1898 г. В. М. Вонлярлярский и дипломатический представитель России в Сеуле Н. Г. Матюнин составили проект Восточно-Азиатской компании для экономической деятельности в Корее. Компания эта должна была действовать при государственной поддержке в противовес Русско-Китайскому банку как инструменту виттевской политики. Душой предприятия был Вонлярлярский, едва ли не наиболее активный и суетливый в безобразовском кружке (он имел явные авантюристические черты и даже обвинялся в подделке завещания кн. Огинского).

После нескольких встреч с министром иностранных дел М. Н. Муравьевым Вонлярлярский убедился, что поддержку своим предприятиям он должен искать за пределами финансового ведомства, тем более что с Витте еще за несколько лет до того у него возникли острые противоречия по вопросам внутренней политики. Владея большой долей участия в Митрофаниевской и Новосампсониевской мануфактурах в Петербурге, Вонлярлярский стал, по его собственным словам, одним из инициаторов создания Петербургского общества заводчиков и фабрикантов, а затем и «нелегальным» его председателем.⁴ Во время петербургской рабочей забастовки 1896 г. Вонлярлярский вступил в конфликт с учрежденной Витте и подчинявшейся Министерству финансов фабричной инспекцией.

Заявив, что Витте «обострил» забастовку своим предложением директорам и управляющим фабрик пойти на уступки, которое стало известно рабочим, Вонлярлярский через петербургского градоначальника ген. Клейгельса, своего давнего знакомого, подал министру внутренних дел И. Л. Горемыкину записку о необходимости изъять фабричную инспекцию из ведения министра финансов и подчинить ее министру внутренних дел.

Противоречия между министерствами финансов и внутренних дел относительно правительственной политики по рабочему вопросу постоянно разворачивались в форме спора вокруг ведомственной подчиненности фабричной инспекции. Эпизод 1896 г. стал темой для многих сочинений Вонлярлярского, в которых Витте неизменно обвинялся в том, что своей политикой способствовал развитию революционного движения.

В сущности, беседы с Муравьевым служили Вонлярлярскому лишь подтверждением того, что с Витте ему не по пути. И 26 февраля 1898 г. составленная Вонлярлярским записка с проектом Восточно-Азиатской компании была передана царю гр. И. И. Воронцовым-Дашковым, которого сумел заинтересовать в деле Безобразов. Вполне возможно, что старые «дружинные» связи сыграли в этом какую-то роль. Записка представляла собой первый представленный царю программный документ безобразовского кружка. Изложенные в нем начала предлагавшейся политики в Корее мало отличались от виттевской программы действий в Маньчжурии. Однако дальневосточные предприятия Министерства финансов — Русско-Китайский и Русско-Корейский банки — были объявлены в записке совершенно непригодными. В докладе, поданном царю через вел. кн. Александра Михайловича 30 мая 1898 г., Вонлярлярский утверждал, что Витте оперирует иностранными и еврейскими капиталами, а это не только несовместимо с «реальными русскими интересами» на Дальнем Востоке, но и угрожает российскому «исконному государственному строю и порядкам».³

Дальневосточный вопрос был тем флангом, с которого безобразовцы атаковали Витте в общем строю с противниками всей его программы. Их заклинания против иностранного капитала в виттевских предприятиях на Дальнем Востоке по духу своему — именно по духу, так как по существу дела это был государственный капитал — совершенно соответствовали той кампании, которая развернулась в 1899 г. под предводительством вел. кн. Александра Михайловича против виттевской политики промышленного развития страны путем привлечения иностранного капитала. То обстоятельство, что безобразовцы и зять царя вел. кн. Александр Михайлович опирались друг на друга, было само по себе неопровержимым и знаменательным признаком казенного происхождения «безобразовщины» (и это название употреблял Витте). Александр Михайлович в своих мемуарах прямо написал, что «принял предложение встать во главе дела по эксплуатации лесной концессии на Ялу» только по просьбе самого Николая II. Но не только это признание Александра Михайловича свидетельствовало о том, что государственная политика на Дальнем Востоке осуществлялась как через предприятия, организованные министром финансов, так и через те, которые были созданы в обход его. С неменьшей выразительностью он подчеркнул, что, когда в 1902 г., сложив с себя «полномочия по руководству делом концессии на Ялу» и убедившись, что из-за «бестактности» и «авантюры» русской дипломатии назревает военный конфликт, предсказал «в ближайшем будущем войну с Японией», то этот его

поступок сохранялся в тайне, чтобы «разногласие с царем» не возымело «неблагоприятного влияния на ход дела на Дальнем Востоке».

Впрочем, когда война разразилась, секретность эта обернулась крайне неприятными и для царя, и для Александра Михайловича утверждениями о том, что виновник случившегося — царский зять с его «авантюрой на Ялу».⁶

В своей критике дальневосточной политики Витте безобразовцы с самого начала усматривали в ней революционную угрозу, подразумевая, что к их политике это не относится. Составленный Вонлярлярским «Отчет об экспедиции в Северную Корею», датированный 1 августа 1899 г., был предварен письмом Безобразова вел. кн. Александру Михайловичу от 15 июля 1899 г., явно рассчитанным на передачу «хозяину», как называл Безобразов царя. Витте был в этом письме не только обвинен в чреватых бедами действиях на Дальнем Востоке, но и представлен как создатель «системы, которая и в мирное время не шла, тяжело ложилась на производительные силы страны, породила массу недовольных и обездоленных». На случай же войны, предупреждал Безобразов, эта система угрожает государственным банкротством.⁷

Критика политики Витте была предназначена для того, чтобы воздействовать на царя. Этого не меняла вышедшая в свет в 1902 г. книга Вонлярлярского «Забытая окраина», отпечатанная в типографии А. С. Суворина и обращенная к широкой аудитории. Безобразовцы не только предъявляли Николаю II свои аргументы, но и обвиняли Витте в дезинформации царя, объясняя ее ведомственными возможностями.

Однако подчеркивая свою вневедомственную беспристрастность, безобразовцы добивались выделения Управления Добровольного фонда в самостоятельное государственное ведомство во главе с вел. кн. Александром Михайловичем с тем, чтобы, как видно из «Отчета об экспедиции в Северную Корею», «образовать отдельный коммерческий отдел Добровольного фонда и под прикрытием его развить деятельность своей Восточно-Азиатской компании».⁸ Глубокий и серьезный конфликт по этому поводу с Александром Михайловичем был для положения Витте, разумеется, очень вреден. В своей активной кампании против министра финансов безобразовцы добились того, что их записки передавались царю через одного из его камердинеров денщиком Вонлярлярского, который по специальной инструкции дворцового коменданта получил право прохода во дворец без обыска.⁹ Самые опасные для Витте и не подтвержденные фактами обвинения против него безобразовцы предпочитали сообщать в устной форме. 12 февраля 1903 г. Вонлярлярский подал царю очередную жалобу на действия Витте.¹⁰ Он намеревался вслед за тем сообщить о связях Витте с масонами. Не получив, однако, разрешения на это, он 1 апреля 1903 г. подал Плеве записку «для памяти», в которой прямо заявил о необходимости смены министра финансов. В последовавших с этих пор частных беседах с Плеве Вонлярлярский развивал тему о «существовании тайного масонского правительства, направляющего всемирную политику», и роли Витте «во

всем этом деле».¹¹ «Деятельность министра финансов ведет к революции», — так позднее резюмировал Вонлярлярский свои речи перед Плеве. Он утверждал, что советовал Плеве заняться сбором фактов против «всесильного временщика Витте», послав за границу «способного жандармского офицера». По его предположению, Плеве выполнил этот совет и в день своей смерти вез царю доклад с собранными сведениями, который затем попал в руки Витте.¹²

Ареной открытой борьбы между безобразовцами и Витте явилось Особое совещание министров по дальневосточным делам. На первом его заседании 26 марта 1903 г. верх одержал Витте, он был душой дела и ведал составлением журнала, который отказался подписать Абаза.¹³ Второй раз Совещание собралось 7 мая 1903 г. с участием царя. На нем вспыхнул острый конфликт между Витте и министром иностранных дел В. Н. Ламздорфом, с одной стороны, и Безобразовым — с другой. Результатом этого совещания была победа безобразовского курса, выразившаяся, в частности, в создании Особого комитета по делам Дальнего Востока. Витте и Ламздорф отказались подписать составленный Безобразовым журнал совещания, заявив, что его содержание не соответствует действительности.¹⁴

16 августа 1903 г. Витте получил отставку, которой не ждал. Перед очередной поездкой к царю он был извещен его запиской о том, чтобы привез с собой управляющего Государственным банком Э. Д. Плеске. По дороге оба они недоумевали по поводу причин этого. После продолжительной беседы по деловым вопросам Николай II сообщил Витте, что назначает Плеске министром финансов.

После отставки Витте занял почетный, но лишенный влияния пост председателя Комитета министров. «Витте упал кверху», — иронизировали в Петербурге.

В Комитете министров традиционно большая роль отводилась управляющему делами. С 1883 г. этот пост занимал А. Н. Куломзин, а его ближайшим помощником был молодой и одаренный правовед Николай Иванович Вуич. Он был женат на единственной дочери В. К. Плеве. Вуичу прочили блестящую карьеру. В 1903 г. А. Н. Куломзин был назначен членом Государственного совета. Он оставил пост управляющего делами Комитета и намерен был передать его Вуичу. Однако Николай II отклонил кандидатуру Вуича, сославшись на то, что Вуич «слишком молод для такой ответственной должности». В канцелярии Комитета министров это событие было воспринято как результат вмешательства Витте, опасавшегося, что его ближайшим сотрудником в Комитете министров окажется зять В. К. Плеве. Управляющим Комитета министров стал барон Эммануил Юльевич Нольде.¹⁵

Служащие канцелярии Комитета министров довольно прохладно встретили нового председателя: «слишком резко он отличался от обычного типа сановников», признавали его ум и талантливость, но открыто говорили о его «фальшивости, беспринципности, двоедушии».¹⁶ Однако когда Витте приступил к ведению дел, отношение к нему служащих канцелярии начало ме-

няться. Как признавал один из чиновников канцелярии, П. П. Менделеев, первое впечатление, которое производил Витте, было невыгодным для него. «Огромного роста, нескладно скроенный, некрасивый мужчина, со странно приплюснутой переносицей, с хитрым, даже плутоватым выражением глаз. Какой-то совсем особый говор с неожиданными, совершенно простонародными интонациями. Исключительная простота в обращении. Никакой помпезности, театральности. Ничего от облика столичного бюрократа... Красотой, плавностью речь его не отличалась. Говорил без всяких ораторских приемов, просто, большей частью спокойно, несколько даже скрипуче, иногда подыскивая слова, порою нескладно, словно переворачивая тяжелые жернова. Нередко попадались у него грубоватые, не совсем культурные выражения». ¹⁷ Однако очень скоро речь Витте, «всегда содержательная, чуждая общих мест, захватывала слушателей глубиной, оригинальностью мысли, яркостью образов, неотразимостью доводов». «Нисколько не увлекаясь, скажу, — писал уже на склоне лет в эмиграции П. П. Менделеев, — что более выдающегося по своим природным способностям человека среди русских государственных деятелей я не встречал. Широта кругозора, практическая сметка, своеобразный, не укладывающийся в общие рамки ход мышления, быстрое схватывание самой сущности вопроса, способность найти в нем такие стороны, которые оставались до того никем не замеченными. Продуманность большей части принимаемых решений. Упорная настойчивость и смелость в проведении их в жизнь. Исклучительная трудоспособность, неудержимое стремление к творческой, созидательной работе в самом широком масштабе. Неисчерпаемый родник новых мыслей, планов, предложений. Готовность отказаться от тех из них, нецелесообразность или неисполнимость которых ему будет доказана. Чуткое внимание к чужим мнениям, ко всему, что покажется ему интересным у других». ¹⁸

Витте отличался независимостью суждений. Однако в этот период на него оказывали известное влияние два близких ему человека: Алексей Дмитриевич Оболенский и Михаил Александрович Стахович.

Как писал В. И. Гурко, «для Витте кн. Оболенский и Стахович были в течение нескольких лет нимфами Егериями, истолкователями внутреннего строя русской жизни, обладателями дара распознавания смысла и сущности господствующих в стране общественных течений. Происходило это, разумеется, оттого, что сам Витте не был вовсе знаком с русской провинциальной жизнью и вообще с бытовыми условиями страны, что и не дало ему возможности в течение нескольких лет распознать, что ни Оболенский, ни Стахович не обладали государственным пониманием вещей, а были типичными представителями русских провинциальных мыслителей, обладающих лишь скудными положительными знаниями при определенно дилетантском отношении к самым сложным вопросам народной жизни». ¹⁹

А. Д. Оболенский и М. А. Стахович оба окончили училище правоведения, были крупными землевладельцами и земскими де-

ятелями. А. Д. Оболенский сделал блестящую карьеру. Он начал свою общественную деятельность на посту уездного предводителя дворянства в Козельске Калужской губернии. В самом начале царствования Николая II А. Д. Оболенский появился в Петербурге. Министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов назначил его инспектором сельского хозяйства. Но уже через короткий промежуток времени он стал товарищем министра земледелия, а затем при И. Л. Горемыкине товарищем министра внутренних дел. А. Д. Оболенский возглавлял Дворянский и Крестьянский поземельные банки, был товарищем министра финансов в 1902—1905 гг., а в ноябре 1905 г. получил в кабинете Витте пост обер-прокурора Святейшего Синода. А. Д. Оболенский имел репутацию человека, «способного разглагольствовать по всякому поводу», и в Петербурге говорили, что К. П. Победоносцев, узнав о назначении Оболенского обер-прокурором, воскликнул: «Помилуйте, ведь у Алексея Дмитриевича в голове петухи поют».²⁰ А. Д. Оболенский отличался склонностью к мистицизму, он был горячим поклонником философии Вл. Соловьева и даже основал кружок, занимавшийся изучением его произведений.²¹ Карьере А. Д. Оболенского чрезвычайно способствовал его младший брат Николай Дмитриевич (Котик) Оболенский, конногвардеец, флигель-адъютант Александра III и человек, близкий к Николаю II, управлявший Кабинетом императора. А. Д. Оболенский имел обыкновение шутить, что «семья Оболенских живет котиковыми промыслами».²² Н. Д. Оболенский был большим другом семьи Витте и удостоился на страницах мемуаров самой высокой и редкой аттестации как «человек замечательной порядочности и нравственной чистоты».²³

В отличие от А. Д. Оболенского М. А. Стахович не занимал бюрократических постов, но был широко известен в дворянских и земских кругах Орловской губернии, был избран в первую Государственную Думу и представлял в Государственном совете Орловское земство. «Он был свой человек и в высшем Петербургском обществе, и в мире художников и артистов... С гр. Толстым он ходил на богомолье, а с художественной богемой проводил бессонные ночи, осушая не одну бутылку вина».²⁴ Он слыл человеком передовых взглядов, остроумным, с широкой барской натурой, но поверхностным дилетантом. А. Д. Оболенский и М. А. Стахович оказались в центре политических событий кануна и начала революции, связанных с именем С. Ю. Витте.

По свидетельству служащих канцелярии Комитета министров, Витте был «олицетворением неустанной кипучей работы». Без нее «он не мог спокойно жить», и для него «должность председателя Комитета министров была скучна и малоинтересна», «негде было развернуться» и «применить творческие силы».

Что борьба между Витте и его противниками независимо от их положения велась не на жизнь, а на смерть не только в переносном, но и в буквальном смысле, подтверждается рассказом тогдашнего директора Департамента полиции А. А. Лопухина о том, что новый председатель Комитета министров обратился к нему с предложением, смысл которого передан Лопухиным так:

«У директора Департамента полиции ведь, в сущности, находится в руках жизнь и смерть всякого, в том числе и царя, — так нельзя дать какой-нибудь террористической организации возможность покончить с ним; престол достанется его брату (тогда еще сына у Николая II не было), у которого я, С. Ю. Витте, пользуясь фавором и перед которым могу оказать протекцию и тебе».²⁵

В какой мере противоречия с безобразовцами, поддержанными царем, послужили причиной отставки Витте? Вероятно, мера эта была довольно существенной, особенно если принять во внимание, что они придавали своим обвинениям по делам Дальнего Востока общеполитический смысл, подогревая этим борьбу между Витте и Плеве. Однако она и без того была ожесточенной донельзя, причем заключалась она не только в стараниях Плеве устранить Витте с поста министра финансов, но и в попытках Витте стать министром внутренних дел, хотя в мемуарах он объявлял этот пост для себя неподобающим.

По словам директора Департамента полиции А. А. Лопухина, основывавшегося на рассказах самих Витте и Плеве, а также чиновников Министерства внутренних дел, происшедшее весной 1903 г. охлаждение отношений между Мещерским и Плеве превратилось в течение лета в форменный заговор Мещерского, С. В. Зубатова и Витте, имевший целью назначение последнего министром внутренних дел. Лопухин утверждал, что Зубатов составил фальшивое письмо одного верноподданного к другому, в котором доказывалось, что только Витте может оградить Николая II от бед и прославить его царствование. Используя письмо под видом перлюстрированного в качестве «голоса народа», Мещерский должен был уговорить царя согласиться на назначение Витте, но Зубатов был предан своим другом, известным провокатором М. И. Гуровичем, которому он доверился и который представил Плеве копию сфабрикованного письма. Плеве доложил обо всем царю, и на следующий день Витте, дня за два до того добившийся от Николая обещания уволить Плеве,²⁶ получил отставку. Устранен был и Зубатов, причем, как рассказал Плеве Лопухину, во избежание огласки и скандала в качестве причины увольнения была выставлена его политика в рабочем вопросе.²⁷ Кстати сказать, вопреки утверждениям Витте-мемуариста о том, что он был противником зубатовщины, Колышко писал: «А когда Плеве хотел Вас скушать, не Вы ли, бывший граф, благословили зубатовщину?»²⁸

Нельзя, разумеется, не учитывать и вышеописанной острой борьбы между Витте и Плеве вокруг аграрной политики.

Победу над Витте безобразовцы и другие его политические противники стремились представить как перемещение центра тяжести во всей системе управления страной. Во вновь созданном Комитете Дальнего Востока председательствование в отсутствие царя было возложено на Плеве. Считалось, что это ставило Плеве в положение первого министра, которым Витте, председатель Комитета министров, не пользовался. Впрочем, Плеве и без председательствования в Комитете Дальнего Востока с уходом Витте с поста министра финансов, несомненно, стал наиболее влиятель-

ным сановником империи. Как уже знает читатель, в отсутствие объединенного правительства с министром-председателем во главе в неофициальном положении «первого среди равных» часто оказывались министры финансов или внутренних дел. Устранение Витте с поста министра финансов открывало возможность быть «первым среди равных» для Плеве, и он провел в этом положении последний год своей жизни. Но опасения, что Витте, не довольствуясь председательствованием в Комитете министров, добьется поста министра внутренних дел, не оставляли Плеве и тогда. За несколько месяцев до его смерти Витте даже явился к нему для объяснений. «Плеве думал, что я хочу занять его место, вследствие сего я хотел его убедить, чтобы он оставил эти опасения», — вспоминал Витте, но убедить Плеве, уверенного, что его посетитель дважды помешал ему стать министром, было невозможно. «Конечно, этот разговор на него мало подействовал», — так завершил Витте свой рассказ об этой встрече.²⁹

Успешно обвинив перед царем своих противников в использовании поддельных, якобы перлюстрированных писем, Плеве действовал против них тем же оружием. Среди оставшихся после его смерти бумаг оказались представлявшие царю копии письма Витте с резкой критикой политики Плеве и писем верноподданных друг к другу, в которых Витте на все лады поносился как чуть ли не революционер и враг царя. По словам Лопухина, на собственноручной записке Плеве Николаю II стояла царская резолюция, которую Лопухин назвал «сентенцией о том, как тяжело разочаровываться в своих министрах».³⁰ П. Н. Дурново, разбиравший бумаги Плеве, рассказывал, «что он разбирает кабинет третьего министра и что нельзя себе представить, что было у Плеве: все полно перлюстраций и доносами на разных людей, в особенности на Витте, а что доклад, который он вез, когда был убит, был весь наполнен такого рода сведениями».³¹ Сам Витте утверждал, что находившееся в бумагах Плеве компрометирующее его, Витте, письмо исходило от женщины-агента секретной полиции, содержало сообщение о его участии в подготовке покушения на царя и, как он впоследствии выяснил, было ей продиктовано.³²

Перед тем как погнубить от рук боевиков Е. Азефа, Плеве успел, очевидно, поразить своего противника в борьбе за кресло министра внутренних дел. Но Витте не знал этого, как не знал, вероятно, и о записанном А. С. Сувориным разговоре, который имел с царем на второй или третий день после убийства Плеве министр юстиции Н. В. Муравьев. Начав с того, что «положение России» «отчаянное», Муравьев сказал: «Нельзя управлять без общества, нельзя управлять через министров при их очных докладах и при том обычае, когда министры выпрашивают у царя его самодержавную подпись и это является законом». «Что же вы хотите, чтоб я кабинет учредил с г. Витте?» — раздраженно парировал царь. «Не кабинет, а у нас есть Совет министров, который совсем не собирается», — пытался настаивать на своем Муравьев. Но раздражение царя нарастало: «Значит, по моей вине? Как мне председательствовать по всяким пустякам?» Когда же Муравьев напомнил об указываемой законом возможности («Ва-

ше величество могли бы назначить особое лицо от себя»), последовала гневная отповедь: «Управлять при помощи Петрункевича, это преступник, место которого в ссылке?»³³

Как видим, объединенное правительство оставалось для Николая II устрашающим подобием европейского кабинета, несоместимым с его самодержавной властью, фатальным образом связанным с приходом к власти Витте, вдруг превратившегося в царской речи в преступника Петрункевича, которого следовало держать в ссылке и после смерти Плеве. Между тем Витте, записав Суворин далее, считает, что «его шансы будто бы быть первым министром вырастают, ... он якобы уже приготовил программу. А Столыпин (А. А., сотрудник «Нового времени», брат П. А. — Б. А., Р. Г.), обедавший вчера с братом своим, губернатором, говорил, что, напротив, Витте им никогда не будет, что он раздражает государя бравадами о Плеве, о том, что так ему и следовало, и т. п. — то же самое, что и мне он говорил».³⁴ Но наиболее доступным для себя Витте считал в тот момент пост министра внутренних дел. «Убили Плеве. Я никогда не видел Вас счастливее. Торжество так и лучилось из Вас. Вы решили сами стать министром внутренних дел, — так писал, обращаясь к уже покойному Витте, Колышко, взбешенный тем, что в вышедших виттевских мемуарах содержался подчеркнутый как бы деликатно стыдливый многоточиями прозрачный намек на характер отношений между Мещерским и его молодыми друзьями. — Вы метались от Мещерского к Сольскому, от Шервасидзе к Оболенскому, подстегивая всех работать на Вас. Работали. Но Мещерский тут впервые Вам изменил, и в министры попал кн. Мирский».³⁵ Что Витте, поговорив с Колышко «о реформах», решил сделать его посредником в переговорах с Мещерским о помощи, записал в своем дневнике Суворин.³⁶ Это хотя и косвенное, но довольно веское подтверждение достоверности повествования Колышко.

«Мучительная» неделя борьбы Витте за министерское кресло или пост главы правительства, о которой писал Колышко, продолжалась около полутора месяцев. Казалось, день 15 июля 1904 г., когда был убит Плеве, ознаменовался и другими выгодными для Витте событиями. Ему удалось в этот день добиться при подписании русско-германского торгового договора письменного разрешения германского правительства на русский заем, который был очень нужен Петербургу. Тогда же японский посол в Лондоне искал встречи с находившимся в Берлине Витте для обсуждения условий мира.³⁷ Но все это, и даже телеграмма Вильгельма II Николаю II об удачном выборе Витте для переговоров с Германией,³⁸ не пошло ему на пользу. «Когда я вернулся, в Петербурге шла речь о том, кого назначить вместо Плеве. Государь меня холодно поблагодарил за заключение торгового договора, но ни о чем, ни о внутренних, ни о внешних делах не говорил», — писал Витте в своих воспоминаниях.³⁹ Но он не сложил оружия, хотя и понял, как позже вспоминал, что не вышел из «первой» своей «опалы». В сочетании с его утверждениями о том, что министром внутренних дел он стать не собирался, приведенная фраза была косвенным указанием на то, что он ждал именно пре-

мьерства. Как свидетельствовал редактор «Правда» И. В. Гессен, он настаивал на том, что «для излечения болезни» необходимо объединение министров с ним самим в качестве премьера, но не желал вникать в основы конституционного устройства, которые Гессен тщетно пытался ему растолковать. Может быть, в этом был и элемент демонстративности, так как в поздравительной телеграмме Николаю II по случаю рождения сына он пожелал царю передать наследнику «российскую державу в той ее неприкосновенной сущности, в коей Вы ее получили, т. е. самодержавною». ⁴⁰ Лишь в конце августа, после назначения на пост министра внутренних дел кн. П. Д. Святополк-Мирского, который считал естественным претендентом Витте, а получив назначение, намеревался пользоваться его советами, ⁴¹ председатель Комитета министров принялся за изучение государственного права. Курс его он взял с собой в Сочи и, по словам Гессена, «по возвращении был ориентирован во всех основных вопросах», хотя до того не отличал пассивного избирательного права от активного. ⁴²

Мирский после его назначения изложил Николаю II программу реформ, упомянув веротерпимость, расширение самоуправления, признание политическими преступниками лишь террористов, изменение политики по отношению к окраинам и предоставление больших прав печати. Вокруг нового политического курса, получившего название «весны Святополк-Мирского», возникла острая политическая борьба. Уже его первая речь перед чинами министерства с нашумевшими словами о необходимости доверия к общественным и сословным учреждениям, воспринятая как близкая по тону к записке И. Л. Горемыкина 1899 г., в которой тот, как уже известно читателю, ссылаясь в полемике с Витте на самобытность российского самодержавия, доказывал его совместимость с местным самоуправлением, вызвала неодобрение влиятельных бюрократических сфер. Д. Ф. Трепов, московский обер-полицмейстер, правая рука московского генерал-губернатора вел. кн. Сергея Александровича, назвал «эрой попустительства» то, в чем московские земцы, как и другие группы заметно оживившейся либеральной оппозиции, видели «эру доверия к общественным силам». ⁴³

По словам такого осведомленного наблюдателя, как В. И. Гурко, когда назначение Святополк-Мирского на министерский пост состоялось, Витте, взяв курс на то, чтобы превратиться в главу правительства, стал заигрывать с либерализмом, поскольку опора на престол ему не помогла. ⁴⁴ «Затаив злобу, Вы тотчас же приспособились и приветствовали пресловутое доверие», — писал по этому поводу, обращаясь к Витте, И. Колышко. ⁴⁵ Председатель Комитета министров с первых же шагов нового министра решил, что ему «не сдобровать», но демонстративно поддерживал его, противопоставляя Плеве и окружив, по словам В. Н. Коковцова, «льстивыми, подчас совершенно ненужными проявлениями покровительства в заседаниях Комитета министров». В глазах придворных и правительственных сфер Святополк-Мирский оказался «ставленником» Витте, а затем «все

стали говорить в один голос, что фактическим министром является теперь не кто другой, как тот же С. Ю. Витте». ⁴⁶

Как выразилась в своем дневнике жена Святополк-Мирского кн. Е. А. Святополк-Мирская, Витте играл по отношению к министру внутренних дел «очень двусмысленную роль». В тех кругах, где разделялись реформаторские идеи, он говорил, что он «все уговаривает» Мирского «настоять на введении представительства», но тот «не хочет и не будет в состоянии это сделать, а что он, Витте, это со временем сделает, подразумевая, что без него не обойдутся». Одновременно в официальных верхах он горячо ратовал против представительства. Витте — «почти единственный человек из тех, которых П. [Святополк-Мирский] видал, который говорил очень сильно против этого; между прочим, как аргумент против представительства сказал, что если наследник будет гениальный человек, то он гораздо больше может сделать для России, если будет свободен, чем если будет связан представительством», — записала Е. А. Святополк-Мирская рассказ мужа. ⁴⁷ Мирский узнал об этих проделках Витте несколько позже, да и тогда не поверил, что тот «умышленно двойную роль играет».

Несомненно, однако, что в создании неблагоприятной для нового курса обстановки, ощущавшейся Мирским уже в конце октября, значительная роль принадлежала Витте. Через Гессена он пригласил к себе И. И. Петрункевича и других общественников. Приняв их «как частный человек, а не председатель Комитета министров, роль которого он сам определил как „министра не у дел“», Витте категорически отвергал возможность конституционалистских уступок со стороны правительства, ссылаясь на то, что царь относится к самодержавию как к догмату веры, а «общество» не настолько сильно, чтобы вступать в борьбу с самодержавием. Сам Витте всячески подчеркивал свою преданность самодержавию, но, вероятно, в речах его был скрытый смысл, состоявший в том, что «общественникам» без него не обойтись. Петрункевич пришел к выводу, что Витте как министр «не у дел» «будировал против правительства», т. е. интриговал против Мирского. ⁴⁸

Как известно, к концу ноября Мирский представил всеподданнейший доклад с программой преобразования внутреннего строя империи. В докладе, в частности, предлагалось введение в Государственный совет некоторого числа выборных представителей населения. Именно это оказалось для царя наиболее болезненным, хоть Витте и отмечал, что царь к этому времени «далеко ушел в своем политическом мировоззрении». ⁴⁹ Закулисные интриги перед обсуждением сановниками под председательством царя подготовленного Мирским проекта указа были поручены Мещерскому. Накануне совещания сановников Витте явился к нему, «чтобы разнюхать, как все обстоит». Мещерский сначала делал вид, будто ему ничего о предстоявшем совещании неизвестно, но в конце концов показал письмо царя: «Милый друг, помоги мне». Самого Витте царь приглашать не хотел как «франк-масона», который «ничего определенного не скажет». Мирский уговорил ца-

ря согласиться на приглашение председателя Комитета министров, понимая, что Витте будет действовать исключительно в собственных интересах, но надеясь, что осуществление намеченных преобразований окажется для него при этом неизбежным.⁵⁰

Совещание проходило в течение трех дней — 2, 6 и 8 декабря (Витте считал, что оно собиралось всего однажды, а Д. Н. Шипов и А. А. Лопухин — дважды). По словам Витте, царь, «ввиду того революционного направления, которое с каждым днем все более и более усиливается в России», предложил «обсудить, какие меры надлежит принять в смысле удовлетворения желаний умеренного и благоразумного общества, причем сперва был поставлен вопрос: нужно ли идти навстречу этому обществу или надо продолжать прежнюю реакционную политику Плеве, которая привела к последовательному убиению двух министров внутренних дел — Сипягина и Плеве». Выступив первым, продолжал Витте, он заявил, что «прежняя политика реакции» приводит «к гибели», и тем самым при поддержке других участников совещания направил царя на путь реформ, хотя и предупреждал его при этом, что участие выборных в законодательстве означает в конечном счете переход к конституции. Николаю II «благоугодно было» поручить составление указа именно Витте как председателю Комитета министров.⁵¹

По более обстоятельным и достоверным сведениям, исходящим от Мирского, большинство участников совещания сразу же после его открытия обрушилось на все реформаторские требования и предложения. Ему пришлось согласиться с опубликованием правительственного сообщения, которое запугивало бы население. Он надеялся дать этим «некоторое удовлетворение представителям реакции», а в обществе парализовать недовольство от сообщения одновременным объявлением о призыве выборных к законодательству. Но когда речь зашла о представительстве и Победоносцев именем Бога запретил царю ограничивать самодержавие, именно Витте вместе с Коковцовым заявил, что представительство и самодержавие несовместимы (в одном из своих рассказов Мирский заявил, что Витте «вилял»). Николай II заговорил о том, «что власть должна быть тверда».⁵² Д. М. Сольский, Э. В. Фриш, А. С. Ермолов, П. П. Гессе и О. Б. Рихтер не видели в представительстве опасности для самодержавия и соглашались с Мирским, что его можно ввести, «не впадая в конституцию». При этом Фриш и Сольский считали возможным составить из выборных особый совет, названный ими первой инстанцией, очевидно, во избежание употребления слов «нижняя палата». Сольский даже предлагал избрание представителей населением, а не губернскими земскими собраниями и городскими думами, как предлагал Мирский. Царь согласился было с созданием особого представительного учреждения с тем, однако, чтобы в его состав вошли представители земств и городов. Некоторым участникам совещания казалось, что Мирский одержал хоть и «бледный», но успех.⁵³ Сам он считал иначе. Витте же добился своего. Он предложил, чтобы составление текста указа обо всех намечаемых преобразованиях было поручено барону Э. Ю. Нольде, управляюще-

му делами Комитета министров. Царь, по словам Мирского, «сказал ни то ни се», а Витте истолковал это как поручение Комитету министров разработать осуществление указа и возможность взять дело в свои руки. Мирский лишь выпросил право на представление своего проекта. Из рассказа министра С. Е. Крыжановскому «было ясно, что Витте его просто затоптал и отшиб от дела».⁵⁴

Впрочем, 5 декабря у Мирского появился «луч надежды»: Витте привез ему свой проект указа. Мирский нашел его «более расплавчатым», чем его собственный проект. В виттевском проекте был и пункт об участии выборных в Государственном совете, составленный так, что его можно было «растолковать по желанию в смысле конституции и так, что ничего не хотят изменить». Но все-таки, решил Мирский, это лучше, чем ничего. На завтра, 6 декабря, когда все члены совещания опять собрались в Царском Селе и раскололись на группы все из-за того же пункта об участии выборных в Государственном совете, Витте как будто даже спасал злополучный пункт. Он обратился к царю и, когда тот заявил: «Если вышло разногласие, то лучше не писать», — возразил, что это невозможно. «Еще это хорошо, что Витте не дал государю увильнуть», — заметил Мирский.⁵⁵

К третьему заседанию, назначенному на 8 декабря, Витте, уже взявший дело в свои руки, 6-го разослал проект царского указа Комитету министров, в котором пункт о представительстве, получивший третий номер, был изложен в двух редакциях. Первая, отмеченная в проекте как предложенная Витте, гласила: «Установить способы привлечения местных учреждений [и их представителей] к участию в первоначальной разработке законодательных предначертаний наших». Вторая редакция, исправленная Сольским, выглядела следующим образом: «Установить способы привлечения выборных представителей населения к участию в первоначальной разработке законодательных предначертаний наших до внесения их в Государственный совет».⁵⁶

Как видим, виттевская редакция совершенно оправдывала характеристику Мирского: участие в деятельности Государственного совета выделенных местными учреждениями представителей действительно мало что изменило бы, а если бы они этими учреждениями избирались, дело обстояло бы иначе. Сольский же не только настоял на своем предложении о создании особого выборного представительства со статусом нижней палаты, с которым Николай II на первом заседании 2 декабря как будто согласился, но и позволил себе, в сущности, возразить царю, хотевшему вместо выборного органа ограничиться собранием выделенных представителей земств и городов. Пометив на полях: «Важно», Витте своей рукой внес в сохранившийся в бумагах Нольде экземпляр проекта правку Сольского, против которой тот написал: «Мои исправления».

Возможно, Витте был не прочь таким образом радикализировать злополучный пункт о представительстве, чтобы еще больше насторожить царя. В заседании 8 декабря с участием, кроме присутствовавших в прежние дни, великих князей Владимира, Алексея, Михаила и Сергея Александровичей, когда Сергей Александр-

рович и Н. В. Муравьев заявили, что действующие основные законы не дают царю права изменить государственный строй, Ковцов и Витте высказались за привлечение «назначенных сведущих людей», зная, вероятно, о том, что царь сводил разговоры о представительстве именно к тому, чтобы «назначать хороших людей». Спор разгорелся вокруг представительства, другие пункты проекта указа сомнений как будто не вызывали. За введение выборных в Государственный совет были Мирский, Ермолов и Фриш. Сольский по-прежнему высказывался за создание из выборных особого собрания, которое обсуждало бы законы до Государственного совета. Вслед за вел. кн. Владимиром Александровичем Сольского поддержал царь. Правда, слова о выборных представителях населения, вписанные в п. 3 Сольским, а вслед за ним Витте, больше в нем не фигурировали. Пункт этот звучал теперь так: «Установить способы привлечения местных общественных учреждений и выбранных ими из своей среды лиц к участию в разработке законодательных предначертаний наших до рассмотрения их Государственным советом».⁵⁷

Мирскому удалось настоять на том, чтобы указ был дан не Комитету министров, а Сенату, хотя разработка предусмотренных указом мер должна была проводиться Комитетом под руководством Витте. У присутствовавших создалось впечатление торжества реформаторского начала. Но Алексей Д. Оболенский, о близости которого к Витте уже говорилось (незадолго до своей отставки с поста министра финансов Витте сделал его товарищем министра), испытывал сомнение в приверженности председателя Комитета министров этому началу.

Когда виттевский проект указа был уже одобрен совещанием, Витте получил от него письмо с решительным протестом против своих действий. Письмо это было настоящим криком души. Оболенский считал, что от виттевского проекта «можно ожидать лишь больших несчастий для государя и России», так как нужны не обещания и предложения об обсуждении реформ, а немедленные меры — установление законности, восстановление прав Сената, обязательность проведения всего предлагаемого министрами на усмотрение царя через Государственный совет, который должен быть обновлен путем введения в него не сведущих людей, а выборных.⁵⁸

Оболенский отвергал сокровенный замысел Витте — взять подготовку реформ в свои руки путем передачи ее в Комитет министров. «Во-первых, думать некогда, а во-вторых, в составе Комитета министров и думать некому», — писал Оболенский. Мало того. Он обвинил Витте в том, что тот своей «недоброй памяти запиской о несовместимости самодержавия с земством» дал «идейное основание», с одной стороны, «реакционной политике», а с другой — конституционалистам, которые со ссылкой на авторитет Витте утверждали: «Вот это что за штука самодержавие — оно и с земством несовместимо!»

Оболенский ссылаясь при этом на свое письмо Витте 14 октября 1899 г. Он был тогда товарищем министра внутренних дел Горемыкина, против записки которого по земскому вопросу, как

известно, выступал в своей записке Витте. В этом письме Оболенский возражал против усмотренного им в виттевской записке тезиса о несовместимости самодержавия с самоуправлением. Признавая, что все государства Европы перешли к самоуправлению и в некоторых из них принятию конституции предшествовало развитие учреждений самоуправления, Оболенский отказывался считать, «что именно эти учреждения самоуправления подточили абсолютную власть». Он уличал Витте в непоследовательности, поскольку тот находил совместимой с самодержавием любую форму личной и общественной самодеятельности, кроме самоуправления. В противовес этому Оболенский утверждал, что самодержавие — специфически русская государственная форма, для которой «местное самоуправление не только не опасно, но прямо необходимо» как противовес чиновничеству.⁵⁹

Теперь Оболенский требовал, чтобы самодержавие нашло «корректив против бюрократического абсолютизма» в земском представительстве, и бил тревогу. «Вы думаете, быть может, — писал он Витте, — что Вам удастся чего-либо достигнуть силой? Мечты! К несчастью для нас, современников, и, вероятно, для наших детей, но, быть может, к счастью для будущего России — Вы ее в Испанию не превратите. Филипп II и католичество съели Испанию, наши бюрократические бредни Россию не раздавят, но, конечно, вызовут нечто такое, от чего нам тяжело придется». Он предостерегал против «близорукого взгляда», по которому «общественное движение чуждо народу».

«Плотину прорвало, потока Вы не остановите, — угрожал Оболенский, — но в русло его направить можно и должно». Сделать это он предлагал с помощью того проекта указа, который составил министр внутренних дел, противопоставляя его виттевскому. «Но Мирский не деятель без поддержки и опоры, — продолжал Оболенский. — Вы можете и должны ему ее дать! Вы можете спасти государя и Россию. Мирский в сторону государя — может если не все, то очень многое, но в спорах и практическом проведении своей мысли в заседаниях — он не в силах. Нужды нет, что в совещании сказали одно, а выйдет другое. Было совещание не брать Порт-Артура, а его взяли. Было решение Государственного совета, а Д. А. Толстой продиктовал императору Александру III такую резолюцию, которая повергнула в лужу все законодательство России на двадцать лет, да и теперь мы не можем от этого отделаться. Отчего же для дурного и вредного пути находятся, отчего же для явного блага, для правды и света путей нет? Но я уверен, что они есть, и, конечно, Вы, если будете заодно с Мирским, их найдете. О правительственном сообщении я слышал, что оно имеет в виду не только уличные беспорядки, но и земские и городские заявления. Если это так, то, конечно, не о чем больше рассуждать, а лучше прямо готовиться ко всему худшему». «На Вас надежда!» — так кончил Оболенский свое опоздавшее письмо.⁶⁰ Между тем он был совершенно прав, видя в виттевской записке 1899 г. причину упорства царя. «Мирский мне говорил, что государь против земства, ибо у него засела в голове записка Витте против земства», — записал Суворин 9 декабря

1904 г. Витте же сказал Суворину, что Мирский должен подать в отставку. Общее политическое положение он считал безвыходным, заявив об этом одному из великих князей, пришедшему к нему за советом. «То, что в субботу будет опубликовано, удовлетворило бы публику 3 месяца тому назад, а теперь нет», — сказал он.⁶¹ Намерения Витте понимали многие, а А. В. Богданович добавляла, что он «крепко захватит власть в руки».⁶²

Для Мирского, представившего свой проект указа и ждавшего царской подписи, предзнаменования были неблагоприятны. 9-го в ответ на жалобу Мирского на недостаток сил для обязанностей министра («Вы видели, ведь я с Витте и Коковцовым бороться не могу, они меня всегда переговаривают») царь не без юмора заметил: «Да, мы все в том же положении, где же нам с Витте или Победоносцевым спорить».

11-го декабря Мария Федоровна заявила Мирскому, что все в указе ей нравится, кроме пункта о выборных, которым она очень встревожена. Витте, заранее знавший, что вдовствующая императрица скажет Мирскому «неприятности», оповестил его, что он вызван к царю к 6 часам вечера.⁶³ Сергей Александрович сказал Мирскому о своем уходе с поста московского генерал-губернатора, а Трепов — с поста московского обер-полицмейстера, причем Трепов добавил: «Да ведь и ты недолго останешься». Наконец, вечером Витте сообщил, что Николай II вычеркнул пункт о представительстве. На следующий день, 12-го, Витте изложил Мирскому свою версию происшедшего, в целом соответствовавшую следам царской правки представленного 9 декабря проекта указа, в первую фразу которого были вставлены слова: «при непременном сохранении незыблемости основных законов империи». В присутствии Сергея Александровича царь заявил, что его смущает пункт о выборных. Витте предложил, чтобы их рассмотрению подлежали лишь те вопросы, которые укажет царь. Рукой царя слово «наших» в фразе об участии выбранных общественными учреждениями представителей в «разработке законодательных предначертаний наших» было заменено словами: «по делам, нами указываемым».⁶⁴ Но Николая II продолжали смущать слова: «общественные учреждения», и «потом», добавил он, по рассказу Витте, «лучше не выборные, а по назначению». Тут Витте предложил вовсе исключить пункт о представительстве. «Да, это самое лучшее будет», — сказал царь и при одобрении Сергея Александровича зачеркнул пункт целиком. В воспоминаниях Витте представил себя объективным экспертом либерального толка. Заявив царю, что он как составитель проекта указа считает введение представительства своевременным, он тут же предупредил его, что это — первый шаг к «представительному образу правления», т. е. к конституции. Если царь готов со временем на это пойти, тогда пункт о представительстве должен остаться, если же нет — его следует вычеркнуть. Царь благодарил Витте, заявив, что на «представительный образ правления» никогда не согласится.⁶⁵

Не исключено, что судьба п. 3 была решена еще 9-го, когда виттевский проект указа был готов к подписанию (в тот день встречались царь, вдовствующая императрица и Сергей Алек-

сандрович). А Мирского, все ждавшего решения судьбы своего собственного проекта указа, на всякий случай водили за нос почти до самого подписания виттевского проекта. Александр Михайлович и Михаил Александрович, узнав, что п. 3 вычеркнут, успели съездить к царю, чтобы просить о восстановлении, но успеха не добились. Указ был подписан 12 декабря, а на следующий день, согласившись на отставку Мирского через месяц, царь предложил ему пост наместника Кавказа («Ведь это не понижение... Так хорошо, и конвой есть»), а о Витте продолжал твердить, что тот масон.⁶⁶

14 декабря А. А. Бобринский записал в дневнике: «Сегодня в Правительственном вестнике два документа: жидкий, вычурный, старательный указ Сенату и короткое энергическое правительственное сообщение. Первое на тему реформ. Второе: „quos ego“ («Я вас»). Все реформы поручены Комитету министров, иначе — его председателю Витте, которого в городе уже называют „Serge Premier“».⁶⁷

Роль Витте, добившегося исключения пункта о представительстве, не была секретом для либералов, но оценивалась ими двойственно. Хоть он и совершил этим, по мнению либералов, предательство, они считали, что оно «только поддаст воды на мельницу», и рассчитывали, что Витте в интересах своей карьеры сыграет им на руку. В правительственном сообщении С. Трубецкой усматривал со стороны Витте сознательную провокацию, «брандер, опасный для порядка, для власти». Да и надежды на указ связывал с тем, что исполнять его будет Витте, «жулик, правда, но умный и безмерно честолюбивый, не останавливающийся ни перед чем».⁶⁸ «Освобождение» утверждало, что Витте лишь «притворялся сторонником самодержавия, чтобы вернуть себе власть», что он и пункт о представительстве исключил для того, чтобы активизировать оппозицию, а затем «сорвать зрелый плод власти».⁶⁹

В. О. Ключевский в день появления указа назвал его «указом Витте быть Симеоном Бекбулатовичем». Витте и сам видел себя в такой роли и спешил завоевать доверие к себе как со стороны самодержавия, так и со стороны оппозиционных кругов. Зареккомендовав себя перед царем спасителем самодержавного принципа, он сейчас же обратился в сторону либералов, приняв роль министра-преобразователя. Когда П. Трубецкой, услышавший от Муравьева умиленно восторженный отзыв о не опубликованном еще указе, попросил Витте высказать свое мнение, тот «пустил воздух сквозь зубы» и заявил: «В прошлом году цена была бы миллион, а теперь — рубль».⁷⁰ Перед Гессеном в день опубликования указа и сообщения Витте разыграл маленький спектакль. Вопрос, куда делся пункт о представительстве, несколько смутил его, но он стал доказывать, что «сущность же не в нем, а в тех коренных реформах, которые фактически преобразуют весь государственный строй». «Для того же вы и домогались народного представительства, чтобы реформы провести», — заявил он. А когда Гессен предположил, что обещанные в указе меры не будут осуществлены, Витте с ненавистью в глазах, стукнув кулаком по

столу, в нарочитом гневе заявил: «Ну уже нет-с, извините-с. Я теперь им (!) так законопачу, что уж назад не придется вытащить». Но вопрос, что же означают тогда угрозы в правительственном сообщении, опять смутил Витте. Сначала он дал понять, что к сообщению непричастен, но вдруг воскликнул: «Да ведь теперь таких сборищ больше и не нужно!»⁷¹

Витте и в мемуарах пытался создать впечатление, будто он «употреблял все усилия», чтобы осуществить указ «возможно полнее и спешно», но «по обыкновению» «интриги» и «недоверие» царя «ко всем реформам, намеченным указом», испортили дело.⁷²

Разумеется, идея сохранения неограниченного самодержавия продолжала существовать, хотя принц П. А. Ольденбургский, великие князья Михаил Александрович и Александр Михайлович, Сольский и несколько членов Комитета министров заявляли себя сторонниками реформ. Витте между тем стремился использовать громко звучавшее «дело государственных преобразований» для усиления своего влияния. Он стал делать это вместе с Коковцовым на заседании Комитета уже в день опубликования указа, и государственный секретарь И. А. Икскуль фон Гильденбанд съезжил насчет наступающего «правления двух Сергеев», имея в виду Витте и Сергея Александровича.⁷³

В этом заседании Витте постарался всемерно расширить ту роль, которая была его стараниями отведена в указе Комитету министров. Комитет объявил своей задачей не только обсуждение всех пунктов указа, каждого в отдельности, но и определение порядка рассмотрения возникающих вопросов. При этом он относил к своим правам и поручения министрам, и образование особых вневедомственных совещаний. И то и другое предполагалось делать без царских разрешений. Правда, председателей совещаний должен был назначать царь. Царское разрешение требовалось и для передачи некоторых вопросов для предварительного обсуждения на местах.⁷⁴ Комитет объявлял своей обязанностью «установить направление предстоящих работ», беря на себя рассмотрение и тех вопросов, которые могли решаться лишь в законодательном порядке. В журнале заседания доказывалось, что это не стеснит прав Государственного совета и приведет к установлению единства взглядов руководителей ведомств. Таким образом, налицо была попытка приступить к созданию из Комитета министров «объединенного правительства», которая с необходимостью предполагала и рост влияния председателя Комитета. Если идея «объединенного правительства» традиционно рассматривалась как ставящая под вопрос абсолютный характер самодержавной царской власти, то появление специальной фигуры председательствующего в таком учреждении придавало ему видимость правительственного кабинета европейского образца и представлялось соответствующим не самодержавной, а представительной форме правления. При всей своей порочности в чисто деловом отношении система всеподданнейших докладов, при которой царь решал дело с глазу на глаз с тем или иным министром, а остальные были, в сущности, лишены возможности высказать

свое мнение, либо даже оставались неосведомленными, с наибольшей эффективностью обеспечивала самодержавную прерогативу, исключая объединенное противостояние министров воле или мнению царя. С другой стороны, эта система открывала министрам привлекательный путь проведения дел в обход руководителей других заинтересованных ведомств.

В одном из первых после указа 12 декабря заседаний Комитета министров на это обратил внимание Победоносцев. Речь шла там о необходимости соблюдения прав Государственного совета, но самый характер деятельности Комитета министров во второй половине декабря и ее интенсивность означали, что Комитет сделал шаг в направлении к «объединенному министерству». Порядок рассмотрения пунктов царского указа был определен Витте с учетом их политического звучания. Деятельности Комитета была придана максимальная публичность путем систематического «возможно широкого оглашения в печати» его журналов.

Сначала был подвергнут обсуждению первый пункт указа об «охранении полной силы закона». Обсуждению этого вопроса придавался характер демонстративного стремления к установлению если не правовых начал, то хотя бы известной юридической правильности, поскольку закон трактовался в указе 12 декабря 1904 г. как «важнейшая в самодержавном государстве опора престола». Таким образом, и для удовлетворения общественности, и для демонстрации верноподданнической лояльности выгодно было начать именно с пункта 1.

Витте предложил обсудить: 1) не следует ли ходатайствовать перед царем, чтобы он подтвердил недопустимость для министров добиваться царских повелений по законодательным делам всеподданнейшими докладами помимо Государственного совета, как и внесения таких дел в Комитет министров; 2) вопрос о преобразовании административной юстиции в духе судебной реформы 60-х годов, относившейся лишь к гражданской и уголовной юстиции, для чего требовались «коренной пересмотр» статуса Сената с «возвращением подобающего ему значения „хранителя законов“». Витте предлагал также допустить применение общих правил уголовного преследования к чиновникам с отменой увольнения их без объяснения причин.⁷⁵

Вопрос «о недопущении отступлений в порядке издания законов» оказался довольно запутанным. С одной стороны, Основные законы (ст. 47 и 50) требовали рассмотрения законопроектов в Государственном совете с последующим их утверждением царем, с другой стороны, вследствие «некоторой взаимной несогласованности» статей Основных законов ст. 53 признавала силу закона за утвержденными царем всеподданнейшими докладами министров. Предложенная Комитетом отмена законодательной функции всеподданнейших докладов так или иначе означала расширение компетенции Комитета министров, за которым было право в исключительных случаях рассматривать по царскому повелению законодательные вопросы и представлять на подписание царю проекты именных указов, обладавших, так же как и утвержденные царем мнения Государственного совета, силой закона.⁷⁶

«Отрицательное отношение к настроению Комитета» проявил Победоносцев.⁷⁷ Отмеченное им «слишком широкое пользование со стороны министров всеподданнейшими докладами» он считал произволом и трактовал как «отклонение» от закона, менять же его, по-видимому, не хотел.⁷⁸

Затем рассматривалось преобразование Сената как высшего органа, осуществляющего надзор над законностью. Для восстановления «законоохранительного» значения Сената, потерянного со времени его основания при Петре I,⁷⁹ Витте предложил обеспечить его самостоятельность и независимость решений от министра юстиции и других министров, расширить круг распоряжений органов управления, подлежащих обжалованию в Сенат, предоставить ему право обращения к царю по административным делам, требующим царского разрешения, и несколько расширить принадлежащее Сенату право законодательного почина. Министр юстиции Муравьев, председатель Департамента законов Государственного совета Фриш поставили поднимавшийся уже в печати вопрос об отказе от соединения в одном лице обязанностей министра юстиции и генерал-прокурора Сената. Учреждение особой должности генерал-прокурора Сената, указывалось при этом, подняло бы значение Сената в целом, а существовавшая система соединения должностей рассматривалась как «тягостная» для остальных министров и означала «как бы их подчинение мнению министра юстиции». (Покидавший свой пост Муравьев не был заинтересован в сохранении пределов власти министра юстиции.) Таким образом, министры как бы вознаграждались за попытку лишения законодательной силы всеподданнейших докладов.

Возник вопрос и о создании подчиняющейся Сенату системы административной юстиции с «устройством местных административных судов, призванных отменять незаконные распоряжения низших властей». Как отмечал Лопухин в поданной в Комитет министров 28 декабря записке, административная высылка получила столь широкое распространение, что высланных под негласный надзор полиции даже не регистрируют. «Озлобляя население, — писал он, — административная ссылка разбрасывала революционное движение по лицу земли русской, и в настоящее время уже известны случаи имевшей успех противоправительственной пропаганды в Якутской области и Киргизской степи».⁸⁰

Комитет министров имел в виду организацию судебно-административных инстанций, смешанных по составу и функционирующих в форме судебного разбирательства, типа существовавших губернских присутствий по податным, земским и городским делам.

Выработку нового учреждения Сената Комитет министров предлагал поручить особому совещанию, но на «главных основаниях», уже установленных самим Комитетом.⁸¹

Первый пункт указа предусматривал обеспечение юридической ответственности должностных лиц за допущенный ими произвол и облегчение потерпевшим «способов достижения правосудия». Речь шла об одном из самых животрепещущих вопросов

российской политической действительности. Беспомощное и бесправное положение обывателя перед лицом всесилия и всевластия чиновничества, крупного и мелкого, было, как известно, постоянной темой либеральной публицистики. Она была представлена и в построениях идеологов консервативно-охранительного направления, обличавших чиновничество как разъединяющее царя с народом. Чиновничий произвол рассматривался при этом как зло, которое может быть — с большим или меньшим трудом — искоренено. На деле он был органически присущ самодержавному строю. Злоупотребление властью со стороны чиновников оказывалось производным неограниченности царской власти.

Гарантия безнаказанного произвола (относительная, разумеется) была облечена в юридическую форму, носила название «административной гарантии» и заключалась в том, что для привлечения должностного лица к уголовной ответственности необходимо было разрешение его начальства. Прокурорский надзор был, в сущности, устранен от возбуждения уголовного преследования против служащих. «Невзирая на попытки в практике Правительствующего сената, в интересах общественных, ввести некоторые смягчения в это положение, опыт последних десятилетий свидетельствует о трудности для частных лиц возбудить и довести до конца уголовное преследование против должностных лиц; сравнительно немногие дела доходят до судебного разбирательства, и притом они в большей части случаев касаются второстепенных и низших служащих. Крайняя медлительность производства ведет к запоздалости приговоров; дела доходят до суда столь выцветшими, что суду нелегко отыскать в них жизненную правду», — такое признание содержалось в журнале Комитета министров.⁸² Но «пойти так далеко», по выражению министра юстиции, чтобы отменить «административную гарантию», Комитет министров не решался, боясь этим «серьезно стеснить уверенное выполнение» чиновничеством своих обязанностей и исходя из того, что осуществление власти само по себе вызывает «неудовольствие». Комитет ограничился поддержкой тех предложений, которые содержались в ранее выработанном комиссией для пересмотра законоположений по судебной части проекте новой редакции Устава уголовного судопроизводства и сводились к незначительному расширению прав потерпевших и прокурорского надзора при уголовном преследовании должностных лиц. Предложения эти встретили со стороны ведомств возражения и уже подверглись изменениям. Теперь Комитет счел нужным их поддержать, считая, что «каждое служебное преступление» «подрывает доверие к правительственной власти и роняет ее в общественном мнении», а выгораживание начальством должностных лиц «может вызывать в населении представление о бессилии закона и безнаказанности его нарушителей» и вообще «постоянные недоумения».⁸³ Впрочем, дело было не только в юридических способах попустительства произволу начальства, а во всем строе жизни. Ни юридическими мерами, ни «поднятием нравственного сознания служебного долга в чиновничестве наряду с улучшением материального его положения», на что рассчитывал Комитет ми-

нистов, нельзя было положить конец беззаконию в практике государственного управления. Злоупотребление властью не так уж далеко отстояло от других, считавшихся вполне законными, форм ее употребления. Понимание этого было довольно широко распространено в обывательской массе и весьма своеобразно проявлялось в нежелании обращаться к помощи правосудия даже в тех случаях, когда закон давал такую возможность. Так обстояло, в частности, дело с существовавшим правом иска об убытках, причиненных незаконными действиями и распоряжениями должностных лиц. Поскольку должностные преступления чаще всего именно такой характер и носили, Комитет министров видел в гражданской ответственности служащих «едва ли даже не более надежное средство обеспечения законности управления, чем самые суровые уголовные кары». Но несмотря на то что порядок предъявления таких исков был, по словам министра юстиции, «сравнительно прост» и «доступен для каждого», он должен был признать, что «число исков, предъявляемых к администрации, было и осталось невелико».⁸⁴ Он объяснял это «непривычкой населения к подобному рода искам», но «непривычка» эта отражала тот несомненный факт, что, хотя возбуждение судебного дела против представителя власти и было разрешено законом, оно представлялось еще более опасным, чем жалоба на него по начальству. С другой стороны, и чиновники сплошь и рядом оказывались жертвами произвола, и Комитет министров ставил вопрос об «ограждении их самих от ничем не стесненного усмотрения начальства». Констатируя положение вещей в этих областях, Комитет никаких решений, в сущности, не принял.

Уже 24 декабря, в день второго заседания по пункту 1 (о законности), был рассмотрен и пункт 4 указа — о введении государственного страхования рабочих, объявленный «вопросом первостепенной государственной важности», «не только вопросом права, но и задачей социальной политики».⁸⁵ Хотя в журнале Комитета министров содержалась ссылка на западноевропейский опыт, в частности на германское законодательство, патерналистская, попечительная политика царизма в рабочем вопросе была традиционной. Сформулировавший ее цели Н. Х. Бунге видел смысл этой политики в распространении в рабочей среде идей преданности монархии. Продолжавший эту политику Витте в 1903 г. провел закон, обязывающий предпринимателей выплачивать рабочим вознаграждение за увечье. Тогда же было решено в течение пяти лет, начиная с 1904 г., ввести обязательное страхование рабочих и служащих, потерявших трудоспособность. Теперь для ослабления недовольства рабочих и предотвращения конфликтов, связанных с выплатой фабрикантами вознаграждений за увечья, решено было прибегнуть к государственной системе страхования. Не рассматривая дела по существу, Комитет предложил создать при Министерстве финансов особую комиссию в составе представителей ведомств и всех существовавших предпринимательских организаций (их было более 20). Необходимость участия промышленников в выработке закона была специально подчеркнута Комитетом, и в комиссию их должно было

войти около 40 человек. Рабочее представительство допускалось лишь от пяти существовавших обществ взаимного страхования рабочих от несчастных случаев.

Следующее заседание, 28 декабря, было посвящено последнему, 8-му пункту указа, предусматривавшему устранение «излишних стеснений» печати. Стремясь поскорее расположить к себе издателей и редакторов, чтобы использовать газеты в кампании в пользу возвышения Комитета министров и своего собственного как председателя Комитета, Витте поторопился поднять вопрос о цензуре и не препятствовал обличению на заседании и в журнале «неправильных и бесцельно стеснительных порядков» в области контроля над печатью. Комитет утверждал, что «действующие законы о печати, создав немало стеснительных условий для проявления мысли в печатном слове, не предупредили появления и распространения вредных учений», а «изменчивые, смотря по лицам, условия административного усмотрения» привели к «развитию в большинстве органов печати сдерживаемого, но несоменного духа оппозиции и предубежденного, отрицательного отношения к мероприятиям и самым намерениям правительства». ⁸⁶ При этом критика действовавших правил о печати 1865 г., которые с различными дополнениями к ним фактически устранили судебный порядок преследования печати, «без сомнения менее удобный для органов административного за печатью надзора, предпочитающего принимать всецело от него зависящие и бесконтрольные меры воздействия», была рассчитана на сочувственный отклик в либеральных кругах.

Комитет министров опирался даже на представленное ему мнение соединенного собрания Отделения русского языка и разряда изящной словесности Академии наук о том, что существующие законы о печати отражаются «весьма невыгодным образом на развитии русской научной мысли».

«Административное усмотрение», от которого все зависело, осуществлялось Главным управлением по делам печати, подчиненным Министерству внутренних дел. Между тем министры этого ведомства, отмечал Комитет министров, ограждая в печати собственные интересы, либо попустительствовали критике других ведомств, главы которых находились с ними во враждебных отношениях, либо терпимо относились к выступлениям печати по тем или иным вопросам. Начальники же Главного управления по делам печати «не все отличались должным беспристрастием к разным литературным направлениям», поэтому издателям приходилось «всячески приспособляться» к их взглядам, отмечалось в журнале, и «даже приглашать, во избежание придиричивых стеснений, на хорошо оплачиваемые места угодных этим начальникам лиц». ⁸⁷ «Вынужденное молчание печати по вопросу, нередко действительно спорному и в интересах государственных нуждающемуся во всестороннем освещении», подчас было результатом просьбы «более нервного» министра «о принятии мер к обузданию печати».

«Еще менее нормальными» представлял Комитет условия существования провинциальных изданий, которым «приходилось

считаться не только с указанием центральных властей, но и с разнообразными вкусами и воззрениями местных представителей администрации». Губернатор или вице-губернатор в своей губернии могли запретить разрешенное в соседней.

Однако считая судебный порядок преследования по делам печати как бы предпочтительным, Комитет отнюдь не высказывался в пользу его последовательного применения.⁸⁸ Речь шла о том, чтобы, оставив цензуру в ведении Министерства внутренних дел, создать специальное учреждение из высших судебных и административных чинов, которое служило бы своего рода высшей цензурной инстанцией. Комитет высказался за общий пересмотр законов о печати в особом вневедомственном совещании. А пока было предложено сохранить за правительством «возможность предупреждать вредные для государственного и общественного порядка излишества печати» и карать за них, но избегать «чрезмерных и бесцельных в сем отношении строгостей». Они, как утверждал Витте, «возбуждая сильное недовольство среди общества, большею частью не достигают своей цели: мысль находит пути для обхода законов, распространяется среди публики и тем сильнее на нее действует, чем строже запреты».⁸⁹ Рекомендовались некоторое ограничение применения временного запрета выхода в свет повременных изданий, отмена и без того не применявшегося на практике права запрета на известный срок печатания частных объявлений. Затем предусматривалось отменить запрещение редакторам закрытых газет взамен выдавать подписчикам другие периодические издания или сборники (эта репрессивная мера приводила к комическим ситуациям, когда, пользуясь ею, аферисты, учредив газету, выпускали первые номера с нарочито противоправительственными статьями, а после запрещения попросту присваивали подписные деньги). Возник вопрос о праве министра внутренних дел запрещать розничную продажу периодических изданий, в которых появились нежелательные статьи. И хотя отмечались «существенные недостатки» этой меры, поскольку статья, «подвергнутая каре», обязательно вызовет «особый интерес в публике», Комитет не без влияния Победоносцева высказался за «практическую полезность запрещения широкой продажи отдельных номеров газет» вразнос и в публичных местах, допуская ее лишь в книжных магазинах и библиотеках. Право Комитета министров запрещать по представлению министра внутренних дел выпуск в свет книг было дополнено указанием на необходимость обращения в Академию наук для их оценки. Был поднят, но не решен вопрос об отмене существовавших ограничений в издании книг на украинском языке. В целом рассмотрение вопроса о печати на заседаниях 28 и 31 декабря 1905 г., как того Витте, по-видимому, и добивался, показывало плачевное положение печати, но не вело к его сколько-нибудь серьезным изменениям.

В тот же день, 31 декабря, приступили к обсуждению пункта 2 указа — о расширении круга деятельности земских и городских учреждений. Поскольку именно они составляли базу либеральной оппозиции, пункт этот, как все, что касалось ее отношений с пра-

вительственной властью, приобретал открыто политическое звучание. Пользуясь этим, Витте самый журнал Комитета по этому поводу использовал для того, чтобы опровергнуть репутацию врага представительных учреждений, которую создали ему интриги вокруг указа 12 декабря. Хотя в указе расширение функций земских и городских учреждений ограничивалось сферой местного благоустройства, Комитет высказался за обсуждение этого пункта при их участии, причем не в земских собраниях и городских думах, а в двух особых совещаниях, земском и городском, с участием избранных земскими и городскими учреждениями представителей. За этот способ высказался «прежде всего» Святополк-Мирский, увидевший в нем, как можно предположить, нечто похожее на свою загубленную Николаем II и Витте идею представительства (хотя совещания должны были быть собраны по специальному поводу, по своему составу и способу избрания они напоминали представительство, каким предлагал его Мирский). Созыв совещаний в Петербурге был предпочтен обсуждению на местах — чтобы избежать «дальнейшего разнесения смуты и возбуждения». «Судя по многим признакам, переживаемое нами время едва ли можно считать покойным, — говорилось в журнале Комитета (обсуждение этого пункта продолжалось 4-го и было завершено 25 января). — А при повсеместном умственном брожении, не остающемся без влияния на среду местных учреждений, возможно выразить сомнение в том, чтобы суждения не выходили из нормальных деловых пределов».⁹⁰ Комитет видел, с другой стороны, «возможность нежелательных отклонений и при обсуждении дела в совещаниях в Петербурге». Но тут надежда удержат совещания в установленных для них рамках возлагалась на «принятие некоторых предупредительных мер, на раздельное существование совещаний» и на их председателя, который был бы их единственной связью (предполагалось, что царь поручит председательствование в них одному и тому же лицу).⁹¹ Таким образом намеревались устранить возможность возникновения единого представительного учреждения. Комитет хотел бы свести деятельность совещаний к рассмотрению проектов новых земского и городского положений. Но Министерство внутренних дел не могло изготовить таких проектов в требовавшиеся короткие сроки, а отложить дело не позволяло «общественное настроение». Даже преподнести совещаниям разработанные основные начала земского и городского положений, хотя это и дало бы «движению дела необходимую устойчивость», Комитет «при нынешнем течении общественной мысли» не решался («Указанные главные начала могут встретить отрицательное к себе отношение со стороны выборного состава совещаний, и бороться дискреционной власти председателя с течением этим окажется не под силу»). Комитет остановился на том, чтобы совещания действовали «на основе доставленных Министерством внутренних дел материалов... в последовательном порядке поставленных председателем вопросов». «С политической точки зрения избираемый способ представляется, по-видимому, наиболее безопасным, ибо, хотя при нем не устраняется возможность нежелательных осложнений, но они, на-

до надеяться, не будут иметь острого характера», — говорилось в журнале Комитета.⁹²

По тем же «соображениям политическим» решено было, по предложению председателя Департамента законов Государственного совета Фриша, допустить к участию в выборах в состав совещаний не только губернские, но и уездные земские собрания — «дабы избежать однородного и сплоченного состава представителей губернских земств», которым делегаты уездных собраний «составят должный противовес».⁹³ Вопрос о «местном благоустройстве» перерастал, таким образом, в проблему, связанную с общими преобразованиями государства. Вообще толкование Комитетом министров первого и второго пунктов указа 12 декабря как бы воскрешало призрак вычеркнутого пункта третьего. С особой выразительностью это было показано в соображениях по пункту 2 указа 12 декабря, представленных Н. Н. Герардом и поддержанных Ермоловым. Отметив, что в губерниях за последнее время неоднократно созывались различные комитеты и совещания «не для обсуждения местных нужд и интересов, но для рассмотрения законопроектов, составленных в министерствах», Герард писал: «Практику эту нельзя не одобрить: в ней сказалось общее сознание, что законы по некоторым предметам не могут быть с пользой составляемы в министерствах, ежели подготовительная их разработка не будет соображена с мнениями представителей местного населения». Но отсутствие закона о таких комитетах, их функциях и порядке выбора их участников, пугал Герард, приводит не только к разному («в одних комитетах имеют численное преобладание правительственные, в других общественные элементы», «здесь дается особое значение мнению крестьян, там дворянству» и т. п.), но и к тому, что правительство как бы само толкает выборных к расширению их компетенции против их собственной воли. «Доходят слухи, — писал он, — что сами представители общественных учреждений тяготеют той ролью, которую им отводят в этих комитетах. Будучи избраны и уполномочены своими избирателями для определенной исполнительной деятельности, строго ограниченной законами, они ставятся правительством в другое совсем положение быть представителями своего общества в деятельности законодательной, на которую они уполномочены не были и от которой по закону устранены их избиратели».⁹⁴

Противостоять идее представительства, хотя и отвергнутой официально, но пропитывавшей политическую атмосферу этих недель, становилось все труднее. Оставалось гнать ее в дверь, закрывая (или не закрывая) глаза на то, что она проникнет в окно. Тем острее становилась политическая борьба в верхах. Разумеется, положение Святополк-Мирского было крайне осложнено активностью виттевского Комитета министров, как бы вырывавшего у него власть. Но и Витте, по словам Гурко, это не пошло на пользу.⁹⁵

Было бы упрощением считать, что все эти действия активизировавшегося вопреки обыкновению Комитета министров служили лишь усилению влияния этого органа и Витте как его предсе-

дателя. Несмотря на ограниченные возможности Комитета министров, Витте на посту его председателя взялся за дело «со свойственной ему неудержимой энергией и страстностью». Он проводил «чуть не ежедневные экстренные заседания Комитета» с участием «высочайших особ» и «приглашенных специалистов». Обычно на заседаниях присутствовали великие князья Михаил Александрович, Владимир Александрович, Александр Михайлович и Константин Константинович. Для участия в обсуждении церковных дел приезжал митрополит Петербургский Антоний. Результатом работы Комитета министров стали «горы подробных журналов» заседаний и «печатных к ним материалов». Они содержали множество проектов и предложений, но «за малым исключением» Комитет министров «не имел возможности» придать им «форму окончательных законопроектов».⁹⁶ Эта функция была возложена на высочайше утвержденные положением Комитета министров комиссии. Их возглавляли члены Государственного совета А. А. Сабуров (о водворении законности), А. П. Игнатьев (о веротерпимости), Д. Ф. Кобеко (о печати). Некоторые из подготовленных в Комитете министров проектов были реализованы помимо комиссий в порядке высочайших указов. Изданным 17 апреля 1905 г. указом о веротерпимости был разрешен переход из православия в другое христианское вероучение и отменен ряд ограничений для старообрядцев и сектантов. Не все действия Витте в этой сфере носили гласный характер. В начале 1905 г. он поручил чиновнику канцелярии Совета министров П. П. Менделееву составить «совершенно секретную» записку по еврейскому вопросу. Менделеев должен был «досконально выяснить все ограничительные относительно евреев правила». Это поручение потребовало от него «тщательной, внимательной, и, как всегда у Витте, молниеносной работы». С. Ю. Витте прочитал записку, обсудил с Менделеевым предложенные в ней меры для изменения положения еврейского населения в России и оставил записку у себя.⁹⁷

П. П. Менделеев не называет точного времени составления записки. Едва ли Витте заказывал этот документ в предвидении возможности своего участия в Портсмутской конференции. Скорее всего, председатель Комитета министров отдавал себе отчет в несомненной важности еврейского вопроса в условиях нараставшего в стране революционного движения.

Поручение Менделееву было, по всей вероятности, связано с действиями существовавшего тогда Бюро защиты евреев (впоследствии Союз полноправия). По словам одного из деятелей этой организации Л. М. Айзенберга, принятию на общеземском совещании 6—9 ноября 1904 г. в Петербурге резолюции об уравнивании в правах всех граждан предшествовало обсуждение и еврейского вопроса. Но в указе 12 декабря 1904 г. о положении евреев ничего сказано не было, и это, как утверждал Л. М. Айзенберг, «произвело гнетущее впечатление не только на евреев, но и на передовое русское общество». «Винили при этом Витте, которой всюду на словах заявлял себя сторонником постепенного уравнивания евреев

в правах, а теперь упустил такой удобный момент перейти от слов к делу», — писал Айзенберг.⁹⁸

В действительности при обсуждении проектов указа сановниками не было и речи о том, чтобы касаться в нем положения евреев, Айзенберг грешил здесь преувеличением значения еврейского вопроса. Но роль Витте, оттеснившего министра внутренних дел от подготовки указа, правильно представлял себе не только Айзенберг, но и другие. В Бюро защиты евреев возникло противоречие: одни были за обращение к правительству, другие, более радикальные, ссылались на то, что передовая часть русского общества считает ходатайства перед властью несовместимыми со своим достоинством, и когда для решения вопроса было созвано совещание Бюро и Союза освобождения, то рассматривалась возможность обращения именно к Витте. Ввиду исключительного положения евреев в России совещание признало это допустимым.

По словам Айзенберга, входившего в состав пришедшей к Витте делегации, но не датировавшего событий, Витте заявил, «что его нечего убеждать в том, что интересы России требуют уравнивания евреев в правах с остальным населением и что даже в высших сферах по этому поводу не замечается сомнений». На вопрос одного из делегатов, передавал Айзенберг содержание состоявшейся беседы, почему же еврейский вопрос продолжает оставаться на мертвой точке и обойден молчанием в указе 12 декабря, Витте сослался на своих «почтенных коллег по Государственному совету» (речь шла, по-видимому, о Комитете министров) и других сановников, которые, не зная ни евреев, ни черты еврейской оседлости, заявляют, что тамбовские мужики и так пухнут от голода, а если к ним пустить жидов, они совсем пропадут. «Не понимают они, — продолжал Витте, — что, пусть евреев, и мужики-то пухнуть перестанут». Необходимо, чтобы земская Россия высказалась, что она не боится наплыва евреев, иначе он не может двинуть еврейский вопрос, сказал Витте делегатам. На замечание одного из них, что, в сущности, земская Россия уже это сделала на ноябрьском совещании, Витте ответил, что это было выражено слишком неопределенно, а необходимо, чтобы было ясно указано, что речь идет о евреях, тогда и еврейский вопрос будет решен.⁹⁹

В конце концов, под руководством Витте была разработана обширная и разносторонняя программа преобразований, осуществлявшихся и им самим, и без него в последующие годы. Как и всеподданнейший доклад Святополк-Мирского, переданный царем впоследствии Столыпину, журналы Комитета министров, напечатанные для всеобщего сведения, представляли собой достоверное обоснование того, что сохранение в неприкосновенности существовавшего строя со всеми его порядками невозможно, и оказывали влияние на государственно-реформаторскую деятельность преемников Мирского и Витте.

Однако академические по их отражению в опубликованных журналах дебаты в Комитете министров при всей остроте, придававшейся им Витте и использованной оппозиционной печатью, были слабо связаны с событиями тех дней. Разработка всех об-

суждавшихся законодательных мер была рассчитана на длительные сроки, сколько бы ни говорили о ее ускорении. Между тем положение ухудшалось как в войне с Японией, так и во внутриполитической сфере.

Решения ноябрьского земского съезда 1904 г., воспринятые как покушение на прерогативы самодержавия, «банкетная кампания», только что стихнувшая борьба вокруг пункта о представительстве в проектах указа 12 декабря и провал Мирского с его умереннейшей идеей введения выборных в Государственный совет — все эти еще не успевшие уйти в прошлое события должны были вызвать особенную не только политическую, но и психологическую решимость правящих кругов не давать голоса «улице» в вопросе о характере государственного устройства. Настроение, царившее в канун нового, 1905, года в верхах по отношению к «обезумевшей толпе», как выражались К. П. Победоносцев и Витте в эпистолярной полемике друг с другом по поводу осуществления указа 12 декабря, нашло в их письмах полное отражение. Победоносцев, порицая Мирского как либерала («сидит теперь в Комитете без слов и без движения»), требовал «охранять самую идею и самый принцип власти». Витте же, хотя и заявлявший, что «ничего не делать во внутренних наших делах невозможно» и «нужно удовлетворить наболевшие потребности», тут же провозглашал: «Нужно, чтобы публика знала и чувствовала, что есть правительство, которое знает, что оно хочет, и обладает волею и кулаком, чтобы заставить всех поступать согласно своему желанию».¹⁰⁰

¹ РГИА. Ф. 1591. Оп. 1 (т. 16). Д. 1. Л. 28.

² Там же. Л. 88.

³ Там же. Л. 65.

⁴ *Вонлярлярский В. М.* Мои воспоминания: 1852—1939. Берлин, 1938. С. 108—111.

⁵ Там же. С. 128—130.

⁶ *Вел. кн. Александр Михайлович.* Книга воспоминаний. Париж, 1933. Т. 2. С. 208—210.

⁷ *Вонлярлярский В. М.* Мои воспоминания. С. 142.

⁸ РГИА. Ф. 917. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.

⁹ *Вонлярлярский В. М.* Мои воспоминания. С. 144, 150—151.

¹⁰ Там же. С. 148; *Вонлярлярский В. М.* Материалы для выяснения причин войны с Японией в 1904—1905 гг.: РГИА. Ф. 917. Оп. 1. Д. 7. Л. 56—58.

¹¹ *Вонлярлярский В. М.* Материалы... Л. 56—58.

¹² *Вонлярлярский В. М.* Мои воспоминания. С. 163.

¹³ *Романов Б. А.* Витте накануне русско-японской войны // *Россия и Запад*. Пг., 1993. Т. 1. С. 162—163.

¹⁴ Журнал Особого совещания в высочайшем присутствии 7 мая 1903 г. с примечаниями С. Ю. Витте: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 686. См. помету Витте на полях записки Безобразова (Там же. Д. 703. Л. 76). Витте хранил у себя специальный отчет о совещании, в котором были подробно изложены его собственные выступления и приведены некоторые высказывания царя, не вошедшие в текст журнала. Так, противопоставляя свои предприятия на Дальнем Востоке как «частные» безобразовским — «военно-политическим», Витте предостерегал: «Если в дело окажется замешанным частное общество, то это особой важности не представит... но если при столкновении будет убит Мадритов или кто-либо другой, то...». Мрачное предположение Витте относительно

- судьбы подполковника Мадритова, состоявшего на службе в безобразовском предприятии, не смутило царя, и он возразил, «что в 28 году был убит Грибоедов, а в текущем году Щербина, а из этого ничего не произошло» (Там же. Д. 685. Л. 5). А. С. Грибоедов был убит 30 января 1829 г. М. П. Щербина был правителем канцелярии Приамурского генерал-губернаторства.
- 15 Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни: Очерки воспоминаний (1864—1933). Тетрадь вторая. С. 52—53: Библиотека редкой книги и рукописей Колумбийского университета в Нью-Йорке (Бахметьевский архив). Коллекция П. П. Менделеева. Вых. 4.
 - 16 Там же.
 - 17 Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни... С. 63—64.
 - 18 Там же.
 - 19 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого: Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. Часть II. Глава IV. С. 192: Архив Губернского института Войны, Революции и Мира. Коллекция В. И. Гурко. См. также обстоятельный очерк об Александре и Алексее Оболенских Доминика Ливена: *Lieven Dominic. Russian's rulers under the old regime.* New Haven and London, 1989. P. 256—276.
 - 20 Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни... С. 65—66.
 - 21 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого... С. 195. В. И. Гурко подчеркивает прогерманские симпатии А. Д. Оболенского и то, что он, в частности, сочувственно отнесся к заключению Брест-Литовского мира и признавал его «отвечающим интересам цивилизации и человечества» (Там же).
 - 22 Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни... С. 66.
 - 23 Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 438.
 - 24 Гурко В. И. Черты и силуэты прошлого... С. 196.
 - 25 Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.; Пг., 1923. С. 73. Витте, как указывалось, преподавал вел. кн. Михаилу Александровичу.
 - 26 Клячко (Львов Л.). Повести прошлого. Л., 1930. С. 14.
 - 27 Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. С. 71 и сл. Отметим, что Витте изложил свою версию увольнения Зубатова, согласно которой Мещерский выдал его Плеве, сообщив тому об интригах его подчиненного. Витте также подавал зубатовскую политику в ра-
 - бочем вопросе лишь как повод к увольнению ее инициатора (В. П. Мещерский — С. Ю. Витте, 4 сентября 1906 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 439; Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 218—219, 285—286).
 - 28 Баян. Ложь Витте. «Ящик Пандоры». Берлин, 6. г. С. 17.
 - 29 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 206, 220—221.
 - 30 Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. С. 13—14. В. Н. Коковцов излагает этот эпизод таким же, в сущности, образом, лишь вместо царской резолюции у него фигурирует знак прочтения, с которым бумаги были возвращены Плеве (Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1. С. 46).
 - 31 Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. // ИЗ. М., 1965. Т. 77. С. 241.
 - 32 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 221.
 - 33 Суворин А. Дневник. М., 1992. С. 374—375.
 - 34 Там же. В разговоре после убийства Плеве, на который ссылается Суворин, Витте затронул вопрос о свободе печати. «Воображаю, какую свободу он даст! Будет подкупать, как подкупал он заграничную печать, которая его прославляла и называла гением», — записал Суворин (Там же. С. 372). См.: Ремнев А. В. Проблема объединенного правительства накануне первой российской революции // Новое о революции 1905 г. / Под ред. Ю. Д. Марголиса. Л., 1989. С. 90—98.
 - 35 Баян. Ложь Витте. С. 17.
 - 36 Суворин А. Дневник. С. 383.
 - 37 Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 320.
 - 38 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 39.
 - 39 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 318—319.
 - 40 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 38.
 - 41 Фрумкин Я. Г. Из истории еврейства (воспоминания, материалы, документы) // Книга о русском еврействе. New York, 1960. С. 52—54; П. Д. Святополк-Мирский — С. Ю. Витте. 7 сентября 1904 г.: Ф. 1622. Оп. 1. Д. 345.
 - 42 Гессен И. В. В двух веках: Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. Т. 22. С. 177—178.

- 43 *Маклаков В. А.* Власть и общественность на закате старой России. [Париж, 1936]. Т. 2. С. 322.
- 44 *Гурко В. И.* Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С. Ю. Витте // *Русская летопись* [Париж]. 1922. Кн. 2. С. 94—95, 99.
- 45 *Баян.* Ложь Витте. С. 17.
- 46 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 326; *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 1. С. 48.
- 47 *Дневник* кн. Е. А. Святополк-Мирской за 1904—1905 гг. С. 255. «А если он будет ограниченный человек, на что гораздо больше шансов?» — приписала она.
- 48 *Петрункевич И. И.* Из записок общественного деятеля // *Архив русской революции.* Берлин, 1931. Т. 21. С. 353—354.
- 49 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 328. «Ранее, когда мне приходилось, — писал Витте, — при докладе говорить: таково общественное мнение, то государь иногда с сердцем говорил: „А мне какое дело до общественного мнения“. Государь совершенно справедливо считал, что общественное мнение это есть мнение „интеллигентов“, а что касается его мнения об интеллигентах, то князь Мирский мне говорил, что когда государь ездил по западным губерниям и задолго до назначения его, Мирского, министром, он в качестве генерал-губернатора его сопровождал по вверенным ему губерниям, то раз за столом кто-то произнес слово „интеллигент“, на что государь заметил: „Как мне противно это слово“, — добавив, вероятно, саркастически, что следует приказать Академии наук вычеркнуть это слово из русского словаря».
- 50 *Шилов Д. Н.* Воспоминания и думы о былом. М., 1918. С. 287; *Дневник* кн. Е. А. Святополк-Мирской. С. 260—261; *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. Берлин. Б. д. С. 26.
- 51 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 331. Критику рассказа Витте см.: *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний. С. 48—49. *Коковцов* в своих воспоминаниях уклонился от сообщения каких-либо сведений по этому поводу, заявив, что не стоит повторять подробностей (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. С. 49).
- 52 Ср. записи в дневнике А. В. Богданович 7 и 8 декабря о решимости царя не допустить никаких уступок и сохранить самодержавие неприкосновенным для передачи наследнику (*Богданович А. В.* Три последних самодержца. М.; Л., 1924. С. 316).
- 53 *Шилов Д. Н.* Воспоминания и думы о былом. С. 288—289; *Дневник* кн. Е. А. Святополк-Мирской. С. 260—261; *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний. С. 50.
- 54 *Крыжановский С. Е.* Воспоминания. С. 26.
- 55 *Дневник* кн. Е. А. Святополк-Мирской. С. 261—262.
- 56 Библиотека РГИА: Коллекция печатных записок. № 2.
- 57 См. правку разосланного Витте 6 декабря проекта (там же).
- 58 А. Д. Оболенский — С. Ю. Витте. Б. д.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 454.
- 59 Там же. Л. 453.
- 60 Там же. Л. 454.
- 61 *Суворин А.* Дневник. С. 330.
- 62 *Богданович А. В.* Три последних самодержца. С. 318.
- 63 Ср. записку царя Витте 11 декабря: «Прошу Вас приехать ко мне в 6 час. по вопросу об установлении окончательной редакции известного Вам указа» (РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 41).
- 64 Там же. Ф. 727. Оп. 1. Д. 1. Л. 2—4.
- 65 Там же; см. также: *Дневник* кн. Е. А. Святополк-Мирской. С. 264—265. Таким образом, следует отвергнуть утверждение В. И. Гурко, считавшего виттевскую версию, согласно которой царь вычеркнул пункт о представительстве, «насквозь фальшивой». Гурко утверждал, что в виттевском проекте этого пункта и не было (*Gurko V.* Features and figures of the past. London, 1939. P. 317); см. также: *Bumme С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 334—335.
- 66 *Дневник* кн. Е. А. Святополк-Мирской. С. 266.
- 67 *Мурзанова М.* Дневник А. А. Бобринского // *Красный архив.* 1928. № 1 (26). С. 131.
- 68 *Трубецкая О. Н.* Из пережитого // *Современные записки* [Париж]. 1937. Т. 6. С. 295.
- 69 Освобождение. 1904. 18 дек.
- 70 *Трубецкая О. Н.* Из пережитого. С. 292, 295—297.
- 71 *Гессен И. В.* В двух веках... С. 187.
- 72 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 354—355. Заодно Витте упрекнул и отказавших ему в сотрудничестве Гессена и В. Д. Набокова, которых он пригласил к участию в работе по реализации указа как сотрудников журнала «Право», «так как в нем помещались многие серьезные статьи и

- в то время без революционных тенденций» (Там же. С. 373).
- 73 Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской. С. 267.
- 74 Журналы Комитета министров по исполнению указа 12 декабря 1904 г. СПб., 1905. С. 9—10.
- 75 РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 243. Л. 3.
- 76 Журналы Комитета министров... С. 16—25.
- 77 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 355.
- 78 Председатель Департамента гражданских и духовных дел Государственного совета Н. Н. Герард предложил, чтобы министры представили перечень временных правил, распоряжений и указов, испрошенных ими помимо Государственного совета и имеющих силу закона, а Комитет министров решил бы, подлежат ли они «немедленной отмене или же за ними следует сохранить временно, на определенный срок, обязательную силу». Какого значения могли быть законы, проведенные таким образом, показало возражение Коковцова, так записанное министром народного просвещения В. Г. Глазовым: «Закон обратной силы не имеет. Сослался на введение золотой валюты Витте» (РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 243. Л. 6).
- 79 Признавая «по указаниям практического опыта нашей государственной жизни», что Сенат это свое призвание далеко не всегда осуществляет, министр юстиции Муравьев в своей записке указывал, что изъятия из законов делаются через Комитет министров и Канцелярию прошений, на Высочайшее имя приносимых (Там же. Л. 4).
- 80 Освобождение. 1905. 20(7) мая. № 69—70. С. 326.
- 81 Высочайше утвержденный 17 января 1905 г. особый журнал Комитета министров 21 и 24 декабря 1904 г. и 4 января 1905 г. // Журналы Комитета министров... С. 25—35.
- 82 Журналы Комитета министров... С. 37.
- 83 Там же. С. 40—41.
- 84 Там же. С. 43—44.
- 85 Там же. С. 89—91.
- 86 Там же. С. 499, 495.
- 87 Там же. С. 498.
- 88 Витте еще до заседания писал, что переход к исключительно судебному порядку «представлялся бы хотя на первое время слишком резким и при практическом осуществлении едва ли выдержал бы требования жизни». «Мера гуманная, но едва ли приведет к обузданию неистовых редакторов», — добавил на полях Глазов (РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 243. Л. 236).
- 89 Журналы Комитета министров... С. 502.
- 90 Там же. С. 59.
- 91 Там же. С. 60—61.
- 92 Там же. С. 62—65.
- 93 Там же. С. 68.
- 94 РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 243. Л. 8, 24.
- 95 *Гурко В. И.* Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С. Ю. Витте? С. 109.
- 96 *Менделеев П. П.* Свет и тени в моей жизни... С. 69—72.
- 97 Там же. С. 80.
- 98 *Айзенберг Л. М.* На словах и на деле (по поводу мемуаров Витте и Лопухина) // Еврейская летопись. Л.; М., 1924. Сб. 3. С. 33.
- 99 Там же. С. 33—34.
- 100 Красный архив. 1928. Т. 5 (30). С. 108, 109.

Глава 2

ПОСЛЕ 9 ЯНВАРЯ 1905 г. НА ПОРТСМУТСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

9 января 1905 г. заставило Витте забыть о «кулаке» и развернуть кампанию с целью внушить всем, что под его руководством «удовлетворение наболевших потребностей» предотвратило бы «Кровавое воскресенье». Между тем вечером 8 января он отказал в содействии всем пытавшимся не допустить кровопролития. В 7 часов вечера с просьбой о вмешательстве к нему явился И. В. Гессен, но получил резкий отказ. Тем не менее*поздно вечером Гессен вновь посетил Витте в составе делегации, выделенной встревоженной назревавшей расправой над рабочими интеллигентской общественностью, собравшейся в редакции газеты «Наши дни». Делегация эта появилась у Витте, потерпев решительную неудачу у товарища министра внутренних дел ген. К. Н. Рыздзевского, который принял ее вместо уехавшего к царю Мирского. Витте снова заявил, что в его компетенцию дело это не входит, но, предвидя, что оно может принять трагический оборот, решил назвать в качестве ответственных лиц Коковцова, Мирского и самого царя, который, как сказал председатель Комитета министров, «должен быть осведомлен о положении и намерениях рабочих».

После «Кровавого воскресенья» Витте счел свои акции резко поднявшимися. Он, как и раньше, не собирался довольствоваться постом министра внутренних дел, а надеялся возглавить правительство в результате таких преобразований, которые создали бы пост его главы. «Из всего внутреннего хаоса выплывает ...хитрая, вероломная и умная фигура Витте», — писал в эти дни в своем дневнике А. А. Бобринский. Его матери жена Витте сделала сообщение, согласно которому «ее муж говорил государю, что скорее даст себе отсечь руку, чем подпишет конституцию».¹ Витте доказывал, что если бы царь прислушивался к его мнению, а Комитет министров под его председательством был органом реальной власти, то 9 января все обошлось бы мирно и благополучно,

чуть ли не ко всеобщему удовольствию. Взваливая ответственность на Мирского и шумно сердясь, он открыто заявлял в кругу высших сановников, что «стрелять совсем не нужно было».² По своему обыкновению, он принялся распространять сообщения в этом духе, лишь чисто формально скрывая, что инспирированы они им самим. Пригласив к себе одного из университетских приват-доцентов, он сообщил ему «для самой широкой огласки среди молодежи», что до субботнего вечера, когда к нему явилась депутация интеллигентов, стремившихся предотвратить кровопролитие, он ничего не знал о готовившейся расправе. Горячо опровергая обвинения в причастности к случившемуся, он заявил, что не мог ночью после приема депутации ехать в Царское Село, будить царя и «поставить себя в фальшивое положение», если оказалось бы, что «решили ничего не делать».³ Твердил он и о своей бесправности в Комитете министров, сравнивая его с тюрьмой и заверяя, что «всегда стоял за прогрессивные реформы», «был против суровых административных мер» и «боролся с усиленной охраной».

В «Эко де Пари» появилось короткое интервью ее петербургского корреспондента Дрю с Витте, в котором тот с нарочитой сухостью повторял лишь, что его накануне событий никто ни о чем не спрашивал, что он председатель не Совета, а Комитета министров, члены которого ему не подчинены.⁴ Здесь же, однако, было помещено пространное заявление некоего «бывшего министра», в котором нельзя было не узнать Витте.⁵ «Случилось именно то, что предвидел Витте», — не без злорадства провозглашал «бывший министр», доказывая, что Витте всегда был противником зубатовщины. Упомянув, что ни Совета, ни Комитета министров перед 9 января не собирали, Витте в образе таинственного анонима обвинял царя (избегая прямо его называть) в том, что рабочих «принялись дико, нелепо расстреливать», хотя, если уж царь сам не хотел к ним выйти, он мог послать кого-нибудь вместо себя. «Только авантюрист или дурак» может решиться теперь стать министром внутренних дел, заявлял «бывший министр». Ему было, конечно, совершенно точно известно, что «не соглашается принять этот пост и Витте, если только ему вместе с титулом канцлера не предоставят полной свободы применять свою программу».⁶

И когда царь, вызвавший его как будто бы по делам Комитета министров, заговорил о революционных событиях, Витте с показной прямоотой заявил, что, хотя, «наверно, все будут уговаривать» назначить министром внутренних дел именно его, «он советует государю этого не делать, так как если он будет министром внутренних дел, то он всех заберет в руки, что у него такой характер, что он иначе не может, а что это государю не понравится». По мнению Мирского и П. Н. Дурново, Витте в этом разговоре вынашивал «мысль фактически всем заправлять (оно и безопаснее), а министром сделать подставное лицо». В качестве такового он избрал Дурново, задав ему вопрос: «Что, если Вас назначат министром внутренних дел, Вы будете идти со мной рука об руку?»⁷

Хотя министром внутренних дел был назначен А. Г. Булыгин, ставленник вел. кн. Сергея Александровича и ген. Д. Ф. Трепова, ставшего петербургским генерал-губернатором и поселенного в Зимнем дворце, расчет Витте не был построен на песке. 17 января в ответ на вопрос царя «о настоящем положении дел» — тот же, что был задан Витте, министр земледелия и государственных имуществ А. С. Ермолов, действуя, по крайней мере, с ведома Витте, предпринял решительный демарш в пользу приступа к государственным преобразованиям. С необычной настойчивостью он требовал введения и объединенного правительства, и представительства. Николай II заявил, что решил образовать совещание министров и послал Ермолова к Витте передать повеление о его созыве в составе всех министров и председателей департаментов Государственного совета. Целью совещания Николай II поставил «обсуждение тех мероприятий государственной важности, которые вызываются событиями последнего времени», и выработку «мер, необходимых для успокоения страны». Царь предписывал Витте собирать такие совещания по вопросам высшего государственного управления и впредь как по его собственной инициативе, так и по вопросам, вносимым отдельными министрами. Назвав Витте председателем совещания, Николай, однако, упорно не желал вводить объединенное министерство, создавать пост главы правительства и выпускать председательствование в нем из своих рук. Он тут же заявил, что еще раньше хотел изменить порядок созыва Совета министров, с тем чтобы в исключительных случаях заседания Совета происходили под его личным председательствованием (допуская, по-видимому, возможность учреждения поста председателя для повседневной деятельности). Но об этом, добавил он, можно будет еще подумать, учитывая необходимость изменений в законе о Комитете министров. Пока же роль Совета министров царь отводил виттевскому совещанию, тем более что, как сейчас же заявил он, в «самом близком будущем» намеревается созвать это совещание «и под своим председательством».

Ермолову удалось добиться согласия царя на то, чтобы виттевское совещание рассмотрело и вопрос о реформах, сверх тех, которые были предусмотрены указом 12 декабря.⁸

Тут же, не покидая дворца, Ермолов составил текст царского повеления. Получив его в половине двенадцатого ночи, Витте на следующий же день собрал у себя совещание.

Представляется, что он располагал программой работы совещания, составленной Ермоловым из шести первоочередных вопросов: 1) обращение царя к населению с обещанием удовлетворить «законные» требования рабочих и помочь «пострадавшим семьям жертв кровавого столкновения 9 января», 2) рассмотрение рабочего вопроса в целом и «проектирование мер как к окончательному успокоению рабочих, так и к предупреждению возможного повторения подобных глубоко прискорбных явлений в будущем», 3) назначение царем верховной комиссии для установления «ответственности как тех лиц, которые виноваты в возбуждении сих беспорядков, так и тех, кои не приняли своевременно

надлежащих мер для их устранения», 4) рассмотрение адресов дворянских и земских собраний о призыве представителей населения, 5) «образование особой комиссии из назначаемых его величеством высших государственных чинов и выдающихся русских деятелей для проектирования того способа, коим могло бы осуществиться, когда то будет государем признано благовременным, призвание выборных представителей всех классов населения для обсуждения тех вопросов, которые государю императору угодно будет передать на их рассмотрение», 6) «обсуждение вопроса о способах и формах участия представителей населения в обсуждении важнейших законодательных мер и намеченных высочайшею волею государственных реформ».⁹

Витте ограничил круг обсуждавшихся вопросов характером непосредственной реакции правительства на события 9 января. Проблемы государственных преобразований он решил, очевидно, не касаться. Указание о разработке реформ «сверх» указа 12 декабря, среди которых главной, как и говорил царю Ермолов, было введение представительства, для Витте, добившегося в декабре исключения из указа именно пункта о представительстве, должно было прозвучать двусмысленно. Иначе, казалось бы, обстояло дело с вопросом об объединенном министерстве, во главе которого Витте видел себя. Но он и здесь проявил осторожность, с одной стороны, зная болезненное отношение Николая и к объединенному министерству, и к представительству, а с другой — сознавая связь между этими проблемами. Прочитав письмо Ермолова с царским повелением, Витте составил следующую заметку: «1) Можно ли допускать о всем говорить откровенно. Война. Представительство (зем[ские] соборы) ... Провинциальное устройство. Единение п[равитель]ства. Церковь. Учебные заведения. 2) Ответственность?».¹⁰

В исторгнутом Ермоловым у царя повелении Витте как бы не пожелал увидеть возможность обсуждать в совещании министров под своим председательством ни один сколько-нибудь важный политический вопрос, включая созыв представительства. А поставленное под вопрос слово «ответственность», по всей вероятности, означало, что объединенное министерство как ответственное перед представительством было немыслимо и могло в существовавшей обстановке действовать лишь на началах полного подчинения царю. На этих началах вопрос уже и без того разрабатывался под руководством Витте, как будет показано ниже. Но готовился он занять положение куда более важное. «Так как во всей этой сумятице мне приходится играть некоторую роль, а может быть, в ту ли, другую минуту придется дать решительный совет, то для блага России не напишете ли Вы мне, на что Вы рассчитываете?» — запросил он главнокомандующего А. Н. Куропаткина в «откровенном письме о положении русского дела».¹¹

Судя по черновой записи министра народного просвещения В. Г. Глазова,¹² на совещании, созванном 18-го, Витте потребовал «сегодня же» представить проект манифеста, объявив это «общим вопросом огромной важности». Не очень даже придерживаясь верноподданнической почтительности, он сказал, что уже 10 ян-

варя царь должен был выступить с обращением, но в результате различных советов и частного совещания у Д. М. Сольского это так и не было сделано, между тем ни Совет министров, ни Комитет министров собраны не были. По поводу характера царского обращения сразу же появились разногласия. Манифест вызвал сомнения, так как в нем невозможно было ограничиться рабочим вопросом, говорить же, по выражению В. Н. Коковцова, «о коренной ломке» было нельзя. Возникла мысль о рескрипте на имя будущего председателя суда, который должен был покарать виновных, об установлении ведомств, несущих ответственность за случившееся. Но образование комиссии для рассмотрения «причин бывших беспорядков» встретило решительные возражения С. Э. Фриша: «Комиссия должна коснуться неправильных действий высших органов управления и разоблачить неприятные стороны. Пожелает ли государь огласить эти результаты?». Тут же со слов вел. кн. Александра Михайловича и Коковцова выяснилось, что назавтра Трепов без ведома министров финансов и внутренних дел устроил прием рабочих царем. «Этот факт указывает на нашу дезорганизацию», — заявил Витте, тут же, впрочем, сведя единство правительства лишь к «общности взглядов» («нам надо уступить друг другу в деталях, иначе единства не будет ... В публике есть мнение, что правительство неспособно ничего сделать. Надо взаимную поддержку, особенно в смутное время») и отвергнув мысль о конституции.

Обсуждение носило довольно тревожный характер и, несмотря на произнесенную Коковцовым общую установку о «необходимости отделить царя милующего от правительства, от министра карающего», в прениях ощущалось, что «министры карающие» полностью отдают себе отчет в том, что «царь милующий» — легенда. Между Витте и Сольским произошел следующий диалог о проекте манифеста.

«В и т т е: Важно, чтобы в редакции было высказано две вещи: что государь существует и 2) скорбит; что это произошло не по его велению.

С о л ь с к и й: Да.

В и т т е: Надо царское слово, чтобы из него было видно, что он существует, а народ говорит, что только министры.

С о л ь с к и й: Нельзя допустить, что его в[ойска] действуют не по его велению.

В и т т е: Вчера Гриппенберг потерял 10 580 человек, ведь он действовал не по его велению. Надо знать, нужен ли манифест?

С о л ь с к и й: По-видимому, манифест не надо».¹³

14 голосами против 9 решено было высказаться за манифест и был принят его текст, так и не утвержденный Николаем II.¹⁴

19 января царь принял «депутацию» рабочих. Как и предсказывал накануне Витте, «делегатов» оказалось возможным «взять лишь нахрапом».¹⁵ По заранее намеченным спискам полиция и жандармы хватали наиболее благонадежных, обыскивали, переодевали. Окруженных сыщиками, запрещая переговариваться, их привезли в Царское Село, где царь в прочитанной по бумажке речи признал, что жизнь рабочего «не легка» и что «много надо

улучшить и упорядочить». Однако, продолжал он, «мятежную толпою заявлять мне о своих нуждах преступно», и в соответствии с ролью «царя милующего» заключил: «Я верю в честные чувства рабочих людей и в непоколебимую преданность их мне, а потому прощаю им вину их».¹⁶ Как записал Глазов на заседании Комитета министров, вся затея имела обратный эффект.¹⁷ Царский корреспондент и доверенный советчик А. А. Клопов писал царю, что прием «не принес ожидаемых результатов», так как представители рабочих были назначены, а не выбраны «благодаря бестактности администрации».¹⁸

В качестве председателя учрежденного царем 17 января совещания министров и председателей департаментов Государственного совета Витте продолжил разработку проекта объединения в Совете министров высшего государственного управления, исходя из того, что обстоятельства «переживаемой години», в частности рабочее и студенческое движение, требуют «единства в действиях правительства».¹⁹ Начало этому было положено несколько раньше. В составленном 16—17 января проекте всеподданнейшего доклада о преобразовании Комитета министров в Совет министров с царем в качестве председателя и с вице-председателем в отсутствие царя (на этом посту Витте, несомненно, видел себя) он прямо написал (хотя потом это было зачеркнуто), что, обсуждая мероприятия по указу 12 декабря, Комитет выполнял «одну из существеннейших обязанностей».²⁰ Доклад этот, по-видимому, не состоялся, но в нем уже появилась сакраментальная формула, с помощью которой Витте и в дальнейшем склонял Николая II к образованию объединенного правительства. Она гласила: «Не создавая отнюдь кабинета в западноевропейском значении этого слова и не присвояя никому из членов Совета преобладающего над сотоварищами его положения, не нужного у нас при непосредственном руководстве монарха в делах правительственных, предлагаемая мера как направленная к вящему укреплению единства в государственном управлении должна, казалось бы, удовлетворить всех благомыслящих людей независимо от оттенков их мнений».²¹

Самодержавный принцип казался царю поставленным под угрозу и без приступа к вопросу о представительстве, но советы с разных сторон были так настоятельны, что он не мог к ним не прислушаться. 31 января свой второй демарш перед царем совершил Ермолов. Скорейшего созыва представительства требовал постоянный царский советчик Клопов. Вероятно, наибольшее влияние возымела рекомендация Вильгельма II, передавшего ее 24 января. С одной стороны, предостерегал он, «сохрани Бог от какой-либо уступки бунтующей черни: малейший шаг в этом направлении должен иметь гибельные последствия». С другой — он уговаривал Николая ехать в Москву и там с большой торжественностью объявить, что после войны с участием «совета людей, облеченных высочайшим доверием, будут обсуждены вопросы о внутреннем благоустройении», причем приняты будут меры, которые он сочтет полезными. Особенно энергично предостерегал Вильгельм «от вверения внутреннего переустройства России»

Витте, считая его «весьма опасным» из-за «нанесенных его самолюбие уколов».²² Теперь, после 9 января, он рекомендовал собрание представителей земств, которое было бы «придано к Государственному совету» и подготовляло бы для него законопроекты. Это должно было, по мысли Вильгельма, дополняться приглашением по специальным вопросам компетентных людей, выбираемых из всех слоев населения, но обязательно «для каждого отдельного случая».²³ Это было нечто вроде отвергнутой накануне 12 декабря идеи Мирского. Вильгельм советовал Николаю II хотя бы «время от времени» самому председательствовать в этом собрании, ссылаясь на свой опыт 1890 г., когда он после крупной забастовки «председательствовал неделями» в комиссии для выработки рабочего законодательства. Это поможет царю, учил его кайзер, эффективнее контролировать и Государственный совет, и Комитет министров. «При таком порядке, — заключал Вильгельм, — исполнительная власть всегда будет в руках самодержавного царя, а не в руках руководящего министра с целым штатом беспомощных сотоварищей, слепо ему повинующихся».²⁴ Это должно было прозвучать для царя особенно веско, ибо разработка проекта «объединенного министерства» уже началась, опередив решение проблемы представительства, а на подступах к креслу «руководящего министра» находился Витте, который ободрялся лишь по поводу отношения к себе Вильгельма, но никак не Николая. Получалось, что при представительстве и Витте был бы не так страшен.

1 февраля Николай II распорядился созвать на 3 февраля Совет министров с участием С. Ю. Витте, Д. М. Сольского, вел. кн. Александра Михайловича, государственного контролера П. Л. Лобко, управляющего императорской канцелярией А. С. Танеева, главноуправляющего канцелярией прошений на высочайшее имя барона А. А. Будберга, а также управляющего делами Комитета министров барона Э. Ю. Нольде.²⁵ Витте на следующий день просил и получил у царя разрешение пригласить забытого председателя Департамента законов Государственного совета Э. В. Фриша.²⁶ Судя по всему, именно заседание 3 февраля было определено Витте в его воспоминаниях как «совет по вопросу о привлечении выборных к законодательству». По словам Витте, Ермолов, С. С. Манухин, преемник Н. В. Муравьева на посту министра юстиции, А. Г. Булыгин и В. Н. Коковцов поддерживали созыв выборных, причем Булыгин мотивировал это внутренним положением страны, а Коковцов — необходимостью новых заграничных займов. Сам Витте, по его словам, молчал. Он утверждал, что, хотя царь поручил Булыгину составить проект рескрипта на его имя с поручением разработать план привлечения выборных к законодательству, заседание ничем определенным не кончилось.²⁷

На «политическом вечере», состоявшемся сейчас же после заседания у товарища министра финансов А. Д. Оболенского, роль Витте излагалась иначе, как, впрочем, и результат заседания. Описав этот вечер с участием Ермолова, начальника Главного управления уделов В. С. Кочубея, петербургского губернатора

А. Д. Зиновьева, губернского предводителя дворянства В. В. Гудовича, посвященный чтению записок С. Н. Трубецкого, Ермолова и самого Оболенского в пользу немедленного созыва представительства, А. А. Бобринский заметил: «Сегодня состоялось в Царском Селе совещание министров, на коем, однако, не пришли к окончательному решению. Витте — против. Есть течение опубликовать манифест не в смысле призыва, но с нотой „циц“. Вот было бы безумие!».²⁸

Мы еще вернемся к позиции Витте на этом заседании и на двух последующих — 11 и 18 февраля. 4 февраля, на следующий день после первого заседания Совета министров, бомбой эсера-боевика И. П. Каляева в Москве был убит вел. кн. Сергей Александрович. 7 февраля на большой студенческой сходке в Петербургском университете — а движение петербургских студентов охватило к этому моменту даже Духовную академию — была принята социал-демократическая резолюция и под звуки революционных песен разорван царский портрет.²⁹ Случаи такого непочтительного отношения к царскому образу бывали и раньше, но на сей раз это было в непосредственной близости к дворцу, да и присутствовавшие солдаты выражали сочувствие происшедшему.³⁰

Сейчас же после истории в Петербургском университете царь в своем «уединении в Царском», как выразился кайзер (и эти слова должны были звучать для Николая II особенно горько, потому что по требованию охраны он лишился возможности всяких поездок), получил от Вильгельма подробный обзор того, что думает о событиях в России «так называемый цивилизованный мир», сопровождавшийся уточненным повторением прежних советов.³¹ Одновременно Вильгельм обратился и к «кузине» Марии Федоровне, чтобы через нее повлиять на Николая, заставить его пообещать «проведение каких-либо надлежащих реформ», так как «это произвело бы решительное умиротворяющее действие». Вильгельм все еще исходил из того, что царь накануне 12 декабря 1904 г. именно такие реформы и предполагал, но им, «к несчастью, воспротивился Витте».³² Кайзер советовал царю провозгласить программу самых скромных реформ, но сделать это самому, чтобы они не могли быть отнесены на счет министров.

Как же вел себя в этих обстоятельствах Витте на заседаниях Совета министров? Записи, которые делал на этих заседаниях Э. Ю. Нольде, при всей их неполноте и отрывочности (они носили черновой характер),³³ дают возможность установить, что, увидев колебания царя, повлиявшие на высказывания участников заседания даже из числа сторонников представительства, Витте стал «вилять», как, по словам Мирского, он это делал и на декабрьских совещаниях. Сначала он в свойственной ему манере заявил, что одно только провозглашение царской воли созвать представительство при оттяжке разработки закона о нем поставит оппозицию в тупик («Все передерутся. Дружный напор [будет] значительно ослаблен»). Но затем он принялся пугать царя, как он это всегда делал впоследствии, тем, что представительство не останется законосовещательным, а станет законодательным, пра-

вительству придется с ним считаться, а возможно, и конфликтовать. Противореча себе — это тоже стало весьма характерным для его поведения на последующих совещаниях в 1905—1906 гг., — он вдруг подал надежду на то, что удастся ограничиться введением выборных в состав Государственного совета.

На втором заседании, 11-го, царь ясно выразил свое намерение обратить против народа карательные меры, а удовлетворения либеральной оппозиции добиться с помощью рескрипта о созыве представительства. В его словах проскальзывала надежда на то, что представительства вообще удастся избежать, если заключение мира поможет в борьбе с революцией.

Николай II играл мячом, который ему кинул Витте, предупредивший об опасности агитации, которая связана с выборами представительства и может «поднять м[оре] петиций, сборища». «Имеет и выгоды, и невыгоды... Надо взвесить, что удобнее. В нормал[ьное] время готов бы присоединиться», — заявил Витте. «В спокойное время легче было бы», — подхватил царь. Видя это, Ермолов прямо выступил против Витте («и без этого находимся в фазисе агитации») с позиции сторонника созыва представительства для удовлетворения «благонамеренных». При этом он совмещал эту позицию с требованием «прежде усмирить [смуту]». Так же рассуждали и другие сторонники представительства. «Успокоение благоразумных людей... Разумные желания удовлетворить. Надо и твердость [проявить]. Насилие насилем уничтожить. Забастовок [не допускать]. Был бы водворен поряд[ок]. Не должно останавливать ход реформ», — говорил Фриш. «Живем в такое время, когда всюду смута, руководимая сотнями и тысячами [посреди] инертного миллионного моря», — добавлял Манухин.

Помимо поддержки карательной политики, сторонники представительства готовы были согласиться и на оттяжку его созыва, и на всемерное ограничение его состава и функций — иначе угоризить царя не было никаких надежд. Витте и на втором заседании с нарочитой прямоотой пугал Николая ролью конституционного монарха («права гос[ударя] в парламентах ограничиваются. Не угодно ли справиться?»), предсказывал, что конфликты с представительством и вокруг него могут принять даже вооруженный характер («Попробуйте несколько раз штыками на выборах»). Тут же он говорил, что «бояться нечего», «настало время», и предлагал не торопиться с карательным манифестом. Цель его словно состояла в том, чтобы заставить царя поверить, будто единственный, кто знает верный путь к выходу из трудностей, это он, Витте. Напомним, что под его председательством разрабатывался в эти дни проект объединенного министерства, и перед ним маячило премьерское кресло.

К заседанию 11 февраля Нольде было поручено составить проект рескрипта на имя Булыгина, в котором как бы главной темой должна была стать, хотя и запоздалая, благодарность дворянским собраниям за поздравления по случаю рождения наследника, сопровождаемая обещаниями преобразований с участием дворянства и других сословий. Нольде составил два проекта. На

заседании Витте вместе с другими поставил под сомнение сословный принцип организации представительства как могущий вызывать «осложнения», да и неосуществимый, поскольку различные группы населения «не строго приурочены к сословиям».

Исправляя проекты Нольде, Витте решил во фразе о царской благодарности распространить эту благодарность и на «некоторые» земские собрания.³⁴ Дело было здесь в том, что дворянские и земские адреса с требованиями созыва представительства при всем их верноподданническом характере вызывали у царя и других участников заседания тревожное чувство, ясно отраженное в записях. При том что подготовка рескрипта о представительстве была рассчитана на удовлетворение «благомыслящих», игнорировать земские адреса было невозможно. Ермолов ясно выразил это на заседании 11 февраля. Витте же добивался не только нейтрализации либералов, но и использования их как союзников «в борьбе со смутою», усматривая основания к этому в содержании большинства адресов.

Он пытался убрать из проекта рескрипта упоминания о сословном характере выборов в представительство и о закреплении прав верхней палаты за Государственным советом. Слова «выбираемых для сего сословиями лиц» в одном из вариантов он заменил словами «выбираемых для сего населением местных лиц», а указание на то, что выборное представительство рассматривает законопроекты «до рассмотрения их Государственным советом», заменил было формулой о рассмотрении представительством законопроектов «государственной важности». Этому последнему изменению воспротивился, однако, как явствует из памятной записки Нольде, вел. кн. Александр Михайлович. Булыгин предложил опустить фразу о переживаемых трудностях. Во втором из представленных царю проектов содержалось, однако, вставленное Сольским и одобренное Витте пометой «хорошо» упоминание о «трудных вопросах, требующих времени для обдуманного их решения».³⁵

9 февраля одновременно с представлением царю проектов рескрипта Нольде представил Витте проект положения о преобразовании Совета министров. Проект предусматривал, что председательствовать в обновленном Совете министров будет, как и раньше, сам царь, а в его отсутствие — особо им назначенное лицо. Витте исправил проект таким образом, чтобы председательствование поручалось лишь одному из постоянных членов Совета. В своей помете на подготовленных канцелярией Комитета министров «Соображениях об объединении в Совете министров высшего государственного управления» Витте чуть смягчил это предложение, предписав «основательно развить доводы за и против назначения председательствующего а) из числа постоянных членов Совета и главным образом министров и б) из числа других членов». «Но я склоняюсь к первой комбинации», — все же заключил он.³⁶ Самая возможность председательствования в Совете министров не царя, а другого лица, как и предположенное со ссылками на идеи Сперанского и на указ 12 декабря 1904 г. правило о том, чтобы Совет министров до царя рассматривал до-

клады министров по делам, превышающим их компетенцию, выходили, конечно, далеко за пределы ранее в этой области допускавшегося. «С принятием предложенного порядка по всем более важным законодательным и административным делам и запросам испрошение монарших указаний исходило бы от Совета, а не единолично от министров», — говорилось в «Соображениях». Царя хотели уверить в том, что создание кабинета по европейскому образцу ему не угрожает, непосредственное руководство правительством все равно останется за ним, а «благомыслящих» предлагаемая реформа удовлетворит.³⁷

Против утверждения об удовлетворении благомыслящих Витте написал: «Это можно и не говорить, так как, конечно, не удовлетворит», а слова о непосредственном руководстве монарха зачеркнул, вероятно, чтобы не раздражать царя, поскольку, как бы Витте ни осторожничал, prerogatives самодержца оказывались в его проекте задетыми. Можно предположить, что в своих возражениях против введения представительства он видел средство не допустить превращения объединенного правительства в кабинет западноевропейского типа и тем несколько успокоить Николая. Да и самому ему визират, как выражались во времена М. Т. Лорис-Меликова, импонировал гораздо больше, чем ампула главы европейского кабинета.³⁸

Иной была позиция Коковцова. Вынужденный добиваться представительства ради поддержания кредита на Западе, он выступил охранителем неприкосновенности царских prerogatives в связи с созданием объединенного правительства. Коковцовский проект предусматривал превращение в центр объединения Комитета министров без слияния его с Советом. Чтобы «вернуть Комитету министров утраченное им объединяющее значение», Коковцов предлагал, в частности, передать ему «функцию объединения законодательной инициативы министров, присвоенную ныне Совету министров, фактически не собирающемуся».³⁹ Основываясь на трудах русских правоведов А. С. Алексеева, А. Д. Градовского и Н. М. Коркунова, Коковцов развил теорию об особой роли Совета министров, непременно участии в нем царя и недопустимости «образования однородного министерства, т. е. кабинета министров с первым министром во главе». «Что Совет министров, — писал Коковцов, — имеет целью не столько установить гармонию в действиях министров, сколько служить органом, при посредстве которого государь обзревает направление министерского управления и осуществляет свое право законодательной инициативы, видно уже из того, что министры не собираются самопроизвольно в Совет и никогда не совещаются вне присутствия государя, который созывает Совет и всегда самолично председательствует в нем».⁴⁰ Этот-то наиболее «существенный признак» — председательствование царя, по мнению Коковцова, был бы утрачен в случае слияния с Комитетом из-за обилия дел. Что же касается «объединенного министерства», то Коковцов с помощью пространной цитаты из Градовского доказывал, что кабинет министров в конституционных государствах служит средством влияния палат на администрацию, установления ответ-

ственности исполнительной власти перед ними, а неограниченной монархии (это после рассмотрения вопроса о введении представительства на заседаниях 3 и 11 февраля!) «составление однородного министерства вряд ли принесло бы какую-нибудь пользу». ⁴¹ При этом давалось понять, что разъединенность министров удобнее для самодержца, чем их единство («В большинстве случаев оказывается крайне полезным разнообразие в мнениях и направлениях министров»). Но и «отдельность министров», цитировал Коковцов Градовского, «имеет свои пределы... Закон может потребовать, чтобы они не расходились в общих целях управления, не уклонялись бы от некоторых общих начал политики, принятой верховной властью». ⁴²

Коковцовская записка, проникнутая заботой о сохранении основ прежней структуры власти (утилитарное использование в ней трудов государствоведов, в частности Градовского, было подчинено именно этой цели), стала предметом рассмотрения, когда у царя лежал уже обсужденный 11 февраля проект рескрипта о представительстве, за созы которого высказывался в числе прочих и Коковцов. Но представительство мыслилось таким урезанным, что не должно было повлечь никаких изменений в функционировании правительства.

Собственным видам Витте, выступавшего в качестве противника созыва представительства, коковцовский проект не так уж противоречил. Пост председателя Комитета министров, который в коковцовской записке предлагалось превратить в орган, объединяющий министров, был за ним, а попытки отстранить царя от председательствования в Совете министров при его реформировании были слишком опасным делом. Как бы то ни было, коковцовский проект был для него выгодней, чем точка зрения К. П. Победоносцева, который выразил сомнение в целесообразности слияния обоих органов и предложил «оставить Комитет при его функциях присутственного места для решения некоторых дел, оживив рядом с сим Совет в качестве постоянного учреждения». ⁴³

Официальная полемика по поводу преобразования органов высшего управления отражала, хотя, может быть, и не с фотографической точностью, «борьбу партий» в верхах, которую, охарактеризовав ее как «хаос в правительстве», описал в своем дневнике применительно к этим дням Л. Тихомиров со слов В. А. Грингмута. «Невеселые вести петербургские» заключались в существовании двух партий. Первая из них, которую Тихомиров называл «придворной», «консервативной», группировалась вокруг дворцовых фигур — П. П. Гессе, М. С. Путятина, может быть, В. Б. Фредерикса, и к ней как будто была близка Мария Федоровна. («Мелкие деятели» этой партии все были друзьями Грингмута.) Придворным противостояли министры, среди которых была «деятельная часть конституционная» во главе с Ермолаем, как называли Ермолова «абсолютисты», видевшие в нем «смехотворное соломенное чучело» в руках ненавистного им Витте. Самого Витте они в соответствии с установившейся уже традицией его противников справа представляли врагом не только царя, но и

монархии, стремящимся лишь к собственному возвышению, вплоть до поста президента республики в случае свержения монархии. Заявляя себя перед царем «сторонником самодержавия — вполне абсолютного», он не только «руками Ермолова» добивался созыва представителей, но и якобы подстрекал «все смуты — от конституции до революции», подавал царю советы, «способные привести к хаосу», имея целью «довести дело до революции и затем явиться спасителем, захватив в свои руки всю власть». При всей нелепости этой версии в ней сквозила осведомленность о позициях Витте в вопросе о преобразовании Совета министров, и в частности о председательствовании в нем. Ему приписывалось намерение не только получить от царя диктаторские полномочия, но и разогнать министров и Государственный совет, назначив «однородных людей (т. е. его креатур)». «Это значит повторить старояпонскую систему. Императора — посадить в положение микадо; сам Витте — в шогуны», — записал Тихомиров со слов Грингмута.⁴⁴

Возведя перед царем все эти страшные обвинения на Витте, «патриотические абсолютисты» сами никаких планов не имели («Они стараются мешать Витте... и только»).

К заседанию 18 февраля царь, принимавший 15-го или 16-го Эд. Нецлина, представителя Парижско-Нидерландского банка, организатора французских кредитов России, который настаивал на сочетании уступок с карательными мерами, по секрету от министров и других сановников, ожидавших обсуждения и принятия рескрипта, приготовил два других документа — манифест и указ Сенату. Написанный, по словам Витте, «вероятно, одним из столпов черносотенцев», хотя царь говорил, что сам «набрасывал» его текст, и горячо одобренный Победоносцевым,⁴⁵ манифест предупреждал против «злоумышленных вождей мятежного движения», пытающихся «разрушить существующий государственный строй» и «учредить новое управление страной», требовал от властей усилить карательные меры и содержал призыв к «благочестивым людям» поддержать царскую власть в войне и «в разумном противодействии смуте внутренней». При условии «искоренения в земле нашей крамолы» манифест обещал выполнение царских предначертаний, в том числе и в «усовершенствовании государственного порядка».⁴⁶ Указ Сенату легализовал петиции на высочайшее имя, посвященные «общей пользе и нуждам государственным», возложив их рассмотрение на Совет министров.⁴⁷

Министры узнали о манифесте и указе утром 18 февраля в вагоне по дороге в Царское Село. Они восприняли его как совершенно не соответствовавший моменту и потому опасный акт, противоречивший указу 12 декабря. Однако в ответ на недоуменные вопросы министров до открытия заседания Николай II заявил, что он продолжает придерживаться указа 12 декабря и никаких противоречий между ним и новыми актами не видит. Как считал Витте, царь просто-напросто «благородно злорадствовал, так как он всегда любил неожиданностями озадачивать своих советчиков».⁴⁸ На заседании 18-го все министры действовали общим «единодушным напором», за исключением Витте, который, по

собственным его словам, «все время молчал», а по другим сведениям, был единственным высказывавшимся против представительства в какой бы то ни было форме и получил от других участников заседания такой отпор, что оказался, как выразился один из них, оплеванным. «Смута идет таким ходом» внушали царю, что без представительства, «хотя бы в форме совещательной», не обойтись.⁴⁹

По сообщению Коковцова в его воспоминаниях, появление рескрипта Булыгину было вызвано его, Коковцова, и Витте настояниями на том, что в Париже после приема Нецлина царем «просто не поймут» манифеста.⁵⁰ «Коковцов был против „представителей“, но пришлось доложить царю, что денег нет и занять нельзя будет, если остаться при манифесте. Пришлось согласиться на рескрипт», — рассказывал со ссылкой на «достоверный источник» И. И. Петрункевич.⁵¹

По утверждению Грингмута, отражавшему взгляды придворных «абсолютистов», царь «всеми мерами уклонялся от подписи рескрипта, а министры грозили революцией, финансами (Коковцов) и иностранными осложнениями». Грингут утверждал также, что царь подписал рескрипт «благодаря ловкости Витте». По его словам, «Булыгин вел себя слабо и двусмысленно, Сольский и Ермолов вели передовую атаку, а Витте ловко поддержал их, сказав, чтобы вписать в рескрипт слово „самодержавие“».⁵²

Как и на заседаниях 3 и 11 февраля, Нольде вел свою запись 18-го.⁵³ Обратимся к ней, с тем чтобы иметь возможность сопоставить ее сведения о позиции Витте с приведенными сообщениями об этой позиции. Нольде подробно записал аргументы Коковцова, ссылавшегося на Нецлина, на последние сведения о падении русского кредита на парижской бирже вследствие внутривнутриполитических событий в России и на то, что М. Рувье, французский премьер, и Т. Делькассе, министр иностранных дел, тратят деньги на печать, но вряд ли добьются результата. Что касается Витте, то он, вопреки своему утверждению в мемуарах, не молчал, а выступал. Запись Нольде показывает, что Витте высказался за подписание рескрипта, хотя, по-видимому, не так безоговорочно, как это представлено в мемуарах Коковцова. «От Рувье не м[ожет] зависеть расценка, — заявил Витте, как бы даже возражая кое в чем Коковцову. — Общественное мнение. На днях [рескрипт] надо издать. [В виде уступки] Нецлину едва ли удобно. Рескрипт надо подписать. От внутрен[них] собы[тий] и от воен[ных] событий зависит. Рескрипт м[ожет] помочь делу — но его нужно подписать». «В ужасное время живем, — заговорил он снова. — Спешить надо. Страна [в] опасности. Создается, где не чувствуешь. Авторитет потеряли — физическую силу. Военные традиции. Опереться на общество». «Главное — организовать секретную полицию», — записал Нольде еще одно высказывание Витте, а кончил Витте тем, что в самом конце заседания стал утешать царя возможностью подмены выборов представителей их назначением («М[ожет] б[ыть], выборов не будет». «Представители экспедиц[ионироваться]»).

Представляется, что записи Нольде дают основание видеть еще одну причину, побудившую царя согласиться на рескрипт. «Витте. Рассказ о Шидловском. — Участие прессы», — записал Нольде. Царь сейчас же откликнулся на сказанное Витте: «Это подсказано — заявил он. — Всех призвать обеспечить безопасность. Шидл[овский] — сегодняш[ний] день». Объяснение этих слов заключается в том, что 17 февраля общегородское собрание выборщиков от рабочих в комиссию Шидловского предъявило правительству требования, сформулированные Петербургским комитетом РСДРП, которые были властями отклонены. Страх перед революционным пролетариатом обнаружил не только сам царь, но и вел. кн. Алексей Александрович. Когда Булыгин, требуя рескрипта, сказал: «Ожидать [нельзя]. На будущей неделе будет поздно», — великий князь возразил ему: «Важно, чтоб[ы] не было исторгнуто». Но в конце заседания пожаловался на рабочих заводов возглавлявшегося им морского ведомства («Морские заводы. — Выбирайте вожakov [—] выбрали»).

Исполнять данный Булыгину рескрипт ни у царя, ни у Булыгина не было желания. Запись об этом со слов Грингмута сделал в своем дневнике Тихомиров.⁵⁴ Клопов также сомневался в готовности царя осуществить рескрипт, настаивая перед ним на том, что призыв выборных «должен быть осуществлен быстро, ясно, определенно и твердо».⁵⁵ В том же духе писал С. Н. Трубецкому А. Д. Оболенский. Сам по себе рескрипт «никого и ничего успокоить не может», — утверждал он и призывал оказывать давление на Булыгина, хотя подчеркивал, что надежд немного. «Но кто знает, — добавлял Оболенский. — Если одно слово „доверие“ Мирского доковыряли до указа 12 декабря, то неужели рескриптом нельзя воспользоваться и довести до настоящих свободных избранных представителей».⁵⁶ «Во всяком случае людям благоразумным, людям порядка нечего другого делать», — заключал он, объединяя своих единомышленников реформаторов-бюрократов с представителями либеральной оппозиции, у которых в следующем письме просил помощи. «Булыгина раскатать непомерно трудно. Одних ходатайств мало, надо депутации, которые прямо бы ломились в двери, — подстрекал Оболенский либералов. — Здесь имеются безумцы, в числе их С. Д. Ш[ереметьев], с пеной у рта доказывающий, что вся смута выдумана, даже в Петербурге, что Россия спокойна...». Кроме натиска либералов, Оболенский и те, кто за ним стоял, возлагали свои реформаторские надежды на военные неудачи самодержавия — в эти дни русская армия с большими потерями вынуждена была отступить у Мукдена. «Удары, нанесенные нашей армии, все же, кажется, делают свое дело, и мне сдается, что поворот на этих днях должен быть и наверху. Мы ходим в большом волнении, и состояние растерянности и меня начинает охватывать», — сообщал Оболенский.⁵⁷ Исходя из его упоминания о Витте («правильно, по-моему, смотрит на дело»), можно предположить, что призыв к либеральной оппозиции усилить натиск был известен председателю Комитета министров. Он и сам 28 февраля обратился со всеподданнейшим письмом, в котором требовал мира, чтобы выполнить рескрипт и тем «хотя

немного успокоить Россию». «Дальнейшие затраты совершенно расстроят финансовое и экономическое положение империи..., — писал он. — Бедность населения увеличится, и параллельно увеличится озлобление и помрачение духа. Россия потеряет кредит, и все заграничные держатели наших фондов (между прочим, вся французская буржуазия) сделаются нашими врагами. Новая мобилизация в широких размерах может быть сделана лишь при содействии силы. Таким образом, войны для Дальнего Востока начнут свое боевое поприще на месте их призыва. Если еще окажется слабый урожай и появление холеры, то аграрные беспорядки могут развиваться в ураган. Вообще по теперешнему времени войско нужно в самой России». Витте предсказывал дальнейшие военные неудачи и предлагал, хотя это и «ужасно больно», начать мирные переговоры, обставив их «условиями, охраняющими престиж царской власти». Он требовал смирения духа и покаяния, завершив письмо нравоучительной фразой: «При несчастье решимость есть первая ступень к спасению».⁵⁸

Не довольствуясь передачей письма, Витте считал нужным сообщить о нем секретарю английского посольства в Петербурге Спринг-Райсу. По словам Витте, сообщил Спринг-Райс, в переданном Николаю II письме он «употребил такой способ выражения, что, как он сказал, император должен либо принять его совет, либо уволить его». Явившись в английское посольство, Витте «умолял сказать королю, что легкий толчок (push) мог бы склонить императора к миру».⁵⁹

По словам С. Е. Крыжановского, рекомендованного Витте в состав узкого совещания, образованного для разработки проекта так и не созванной Булыгинской думы, Булыгин относился к этому делу с видимой неохотой.⁶⁰

В состав этого совещания вошли, кроме Крыжановского, ближайший сотрудник Витте директор общей канцелярии министра финансов А. И. Путилов, брат Д. Ф. Трепова помощник статс-секретаря А. Ф. Трепов, профессор государственного права А. Ф. Ивановский и Ф. Д. Самарин, стоявший на правом, славянофильском фланге земского движения и выступавший за сословное представительство.

Но совещание это действовало за кулисами, вся же официальная «преобразовательная» деятельность пока сосредоточивалась, как и до 18 февраля, вокруг вопроса об установлении единства высшего управления в совещании под председательством Витте, хотя в день подписания рескрипта 18 февраля царь поручил председательствование в Совете министров Сольскому.⁶¹ Не удалась и попытка сорвать работу виттевского совещания, предпринятая Треповым, который, по мнению советского исследователя Е. Д. Черменского, стоял за указом 18 февраля.⁶² Уже 19 февраля он представил всеподданнейший доклад с проектом правил, которые предлагал вследствие указа 18 февраля принять «в дополнение и изменение» статуса Совета министров. С их помощью Трепов пытался сохранить полную свободу действий по отношению к Совету министров за царем. Одновременно он предложил

пополнить состав Совета лицами, подобранными по принципу наибольшей консервативности.⁶³

Однако треповские проекты остались непринятыми, и виттеское совещание продолжало действовать и после рескрипта Булыгину. Коковцовский проект, основанный на идее представительства, теперь, после 18 февраля, естественно, получил преимущество перед «Соображениями», представленными канцелярией Комитета министров. Сочетая стремление сохранить старую систему высшего управления с необходимостью приспособить ее к провозглашенным 18 февраля изменениям, Коковцов сделал к своему проекту дополнения. Помимо включения в компетенцию Совета министров, как того требовал указ Сенату 18 февраля, обсуждения поступавших на царское имя предположений по вопросам государственного устройства, Коковцов предложил теперь предварительное обсуждение в Комитете министров не только законодательных предположений, но и представлений в Государственный совет, связанных с предметами разных ведомств (по действовавшему порядку предлагавший ту или иную меру министр сообщал о ней лишь заинтересованным в деле коллегам, и она вносилась в Государственный совет независимо от их мнения). Причем дела, решенные единогласно или большинством голосов, включавшим заинтересованных министров, Коковцов предлагал даже не вносить на рассмотрение царя.⁶⁴ Разумеется, такой проект, ставший основой дальнейшего обсуждения, не мог не привлекать Витте. Подыгрывавший ему Ермолов, как и постоянный союзник Витте Ламздорф, поддержал коковцовский проект, похвалив и первоначальные виттеские «Соображения».⁶⁵ Хотя дополненный коковцовский проект предлагал весьма отдаленное подобие кабинета, он все же несколько затрагивал прерогативы самодержца. Дальше Коковцова пошел в этом направлении А. Н. Куломзин, в течение многих лет бывший управляющим делами Комитета, специально приглашенный Витте к участию в совещании. Он предложил вообще не представлять царю обсуждаемые в Комитете министров и требующие законодательного разрешения дела, а вместо этого все их вносить в будущее законосовещательное учреждение, причем оставшиеся в меньшинстве министры, подчинившись большинству, могли бы лишь приложить свое особое мнение.⁶⁶ Куломзин объяснял свое предложение стремлением оградить авторитет царя от необходимости предрешения законодательных вопросов в фазе предварительного их обсуждения, обеспечить свободу мнений министрам и не стеснять будущего законосовещательного учреждения, которое он, вероятно не случайно, иногда называл и законодательным. При этом Куломзин подчеркивал, что и при новом порядке функционирования Комитета министров возможности царской власти в области высшего управления останутся достаточно большими. Он напоминал, что царь всегда может, создав Совет министров, «или привести членов Совета к единству, или повелеть министру подчиниться большинству, или же дать свои монаршие указания». Сохранение в коковцовском проекте отдельного существования Совета и Комитета министров оказывалось и с этой

стороны полезным в новых условиях, возникших после 18 февраля. Да и Комитет министров, как это отчетливо представляли себе его реформаторы, отнюдь не вышел бы из царского подчинения. «В памяти моей не изгладились и другие случаи, — писал Куломзин по поводу способа представления царю журналов Комитета, — когда по поручению Комитета председатель немедленно же испрашивал личную аудиенцию у его величества для получения монарших указаний без какого-либо журнала. В царствование же императора Александра II было установлено, что председатель Комитета мог являться к его величеству во всякое время без испрашения аудиенции; мне помнятся случаи, когда председатели прямо из заседания Комитета отправлялись к его величеству».⁶⁷ Так что и при самом резком расширении формальной самостоятельности Комитета министров практика его функционирования оставалась бы так же, как и раньше, подконтрольной царю через председателя Комитета, который мог на каждом шагу получать царские указания. Насколько неприемлемо, однако, было куломзинское развитие коковцовского проекта, стало ясно на следующий день, когда управляющий Министерством юстиции Манухин подверг критике самый этот проект. Не решаясь вовсе исключить голосование в Комитете, Манухин соглашался с непредставлением царю единогласно решенных дел, но возражал против распространения этого на дела, решенные по большинству голосов, включая заинтересованных министров. «Такое правило, — писал Манухин, — устанавливает, хотя и в ограниченном виде, начало разрешения дел в Комитете по большинству голосов. Между тем, начало это, отвечающее условиям деятельности кабинета министров в том виде, как он существует в некоторых государствах Западной Европы, не соответствует положению, которое занимают министры в условиях нашего строя».⁶⁸ Поставив против этих слов знак вопроса, Витте не стал возражать Манухину, очевидно, потому, что и сам выставлял себя противником кабинета по европейскому образцу, да и не видел в Министерстве юстиции конкурировавшего с Комитетом министров органа. Иначе отнесся он к мнению государственного секретаря Искуля, сделав на его письме следующую помету: «Общие соображения государственного секр[етаря] совершенно не разделяю. Он проводит начала не объединения, а разъединения министров. Все это происходит от чиновничьей боязни умалить свое положение как секретаря Государственного совета».⁶⁹ Действительно, Искуль возражал против обсуждения в Комитете министров законодательных предположений, не только отстаивая законосовещательные права Государственного совета, но и добиваясь в новых условиях «более обширного применения» его права возбуждать законодательные вопросы. Он осторожно сослался даже на то, что предстоящий созыв представительства может отразиться на постановлениях о праве законодательной инициативы.⁷⁰ Обсуждение законодательных предположений в Комитете министров до внесения их в Государственный совет устранил в нем «живой обмен мнений», так как министры будут там связаны решениями, принятыми в Комитете. С еще большей силой, чем против «стремле-

ния объединить деятельность в области подготовительной разработки законодательных вопросов», возражал Икскуль против коковцовского предложения вносить на царское разрешение дела, по которым заинтересованный министр остался в Комитете в меньшинстве. Позиция Икскуля совпадала здесь с позицией Куломзина с той лишь разницей, что Куломзин, по его словам, стремился обеспечить свободу от царского предreshения будущему законосовещательному учреждению и министрам, а государственный секретарь заботился о свободе суждений в Государственном совете.

Признавая «объединение деятельности министров в административной области безусловно желательным», Икскуль предостерегал против рекомендованного коковцовским проектом законодательного закрепления фактически существовавшего порядка, по которому министры обращались в Комитет лишь по делам межведомственного характера, а дела, касающиеся их ведомств, но превышающие их полномочия, сами представляли на решение царю. Таким образом, в этой сфере Икскуль готов был расширить права председателя Комитета министров, настаивая на том, что министры относятся по основным законам не к верховному, а к подчиненному управлению.

Вообще же, возражая против расширения компетенции Комитета министров за счет других высших органов государственного управления, государственный секретарь отмечал, что коковцовский проект возводит в «степень общего правила» обсуждение в Комитете министров законодательных мер, предусмотренное указом 12 декабря. Без сомнения, зная, что этого добился воспользовавшийся моментом Витте, Икскуль предлагал «обождать указаний опыта осуществления этого порядка, прежде чем меру, приносившую к особенностям переживаемых нами обстоятельств, узаконить для обычного течения государственной жизни».⁷¹

Итак, возражения против объединения высшего управления связывались с надеждой на изменение «переживаемых обстоятельств» — остановку в развитии революции, возвращение к «обычному течению государственной жизни». На такой позиции по отношению ко всей системе преобразовательных мер стоял, как мы скоро увидим, не один только государственный секретарь. Однако все яснее вырисовывались непреложные практические потребности в реформировании различных отраслей государственного управления. 2 апреля записку о «несовершенстве того государственного аппарата, который ведает нашу внешнюю политику», подал царю старый российский дипломат, посол в Берлине в 1879—1884 гг. П. А. Сабуров. В этом несовершенстве он видел «общую причину таким крупным неудачам, ослабляющим нас внутри и извне», как те, которые были связаны с тремя войнами последнего пятидесятилетия — Крымской, русско-турецкой и русско-японской, — возникшими «все три раза против воли ее государей». «Для всех других отраслей управления, — писал Сабуров, создан ряд совещательных учреждений, поверяющих и исправляющих действия отдельных ведомств. Финансовые меры об-

суждаются в Департаменте государственной экономии и в Комитете финансов, а поверяются Государственным контролем. Законопроекты по внутреннему управлению повергаются на высочайшее утверждение не иначе, как по предварительном рассмотрении в Департаменте, а засим в общем собрании Государственного совета. В настоящую минуту вырабатывается законопроект, возбращающий министрам испрашивать путем всеподданнейших докладов изменение или отмену существующих законов помимо общего порядка. Для военной и морской администрации существуют Военный совет и Адмиралтейств-совет. Наконец, для отправления правосудия учреждены разные инстанции, обеспечивающие правильное решение судебных дел.

В противоположность этому общему порядку, меры, принимаемые на почве иностранной политики, не исключая таких, которые могут вовлекать государство в положение, грозящее войной, — считаются делом, касающимся одного только ведомства, и не существует учреждения, в которое его величеству было бы возможно передать вопросы исключительной важности для всестороннего обсуждения. Если и собираются в критических моментах чрезвычайные советы, то это обыкновенно слишком поздно, когда ход событий уже не может быть остановлен.

Для крупных вопросов иностранной политики нет надобности в специальных дипломатических познаниях; важно то, чтобы государь имел возможность выслушать не одно только мнение министра иностранных дел, но и мнение лиц, испытанных в путях государственной мудрости и тем заслуживших монаршее доверие. При существующей у нас обособленности ведомств военного, морского, финансового и иностранных дел одному государю трудно, а иногда и совершенно невозможно взвесить все отдельные последствия, которые та или другая мера может повлечь за собой, и вот почему Россия может быть шаг за шагом вовлечена в войну, несмотря на миролюбие ее государей».⁷²

Было совершенно ясно, что Сабуров имеет в виду необходимость объединения министерского управления, пусть и в ограниченных формах. Хотя о представительстве в его записке не было и упоминания, общий смысл ее не оставлял сомнений в том, что времена меняются и будущее представительство не останется безучастным и к внешнеполитическим делам.

К 15 апреля Коковцов закончил обстоятельный ответ критикам своего проекта Иксулю, Куломзину и Манухину. Связь между объединением высшего управления и предстоящим созывом представительства была здесь выражена уже в предельно ясной форме. «Привлечение к участию в обсуждении проектов законов избранных населением лиц делает объединение министерской деятельности в области законодательных вопросов еще более необходимым и сообщает этой реформе характер неотложности. Было бы едва ли удобно по соображениям общей политики, если бы министры перед лицом собрания, в котором будут участвовать выборные от населения, выступали не в виде объединенного правительства, а в качестве представителей самостоятельных ведомств и занялись взаимной критикой», — предостерегал Ко-

ковцов.⁷³ Независимо от того, какую форму примет представительство, войдут ли выборные в состав Государственного совета или образуют особое собрание, развивал он далее свою мысль, «интересы сохранения престижа правительства потребуют, чтобы министры выступали перед выборными как одно целое, поддерживали и защищали перед ними вносимые на их обсуждение от лица правительства проекты, а не давали своими речами материала и повода для критики правительственных предположений и действий».⁷⁴ И Государственному совету, поучал Коковцов, придется смириться с этим, обойтись «без живого обмена мнений между представителями разных ведомств», о котором так заботился Икскуль, и искать «ручательства» достижения «истинной пользы обсуждаемых мероприятий» в «обширности государственных знаний и опыта» назначаемых в него сановников.

По той же причине (невозможности обнаруживать перед законодательным собранием «полный разлад в составе правительства») отвергал Коковцов предложение Куломзина о внесении в законодательное учреждение без царского предрешиения тех вопросов, по которым заинтересованные министры остались в меньшинстве. С другой стороны, он возражал Манухину, который, как мы знаем, требовал представления царю и дел, решенных большинством голосов министров. На угрозу образования кабинета по западному образцу, признак которого Манухин усматривал в решении по большинству голосов, Коковцов отвечал, что оно в какой-то мере предусматривалось и действовавшим порядком. «А засим необходимо иметь в виду, — назидательно замечал Коковцов, — что в последнее время в строе нашего государственного управления намечаются такие изменения в виде, например, привлечения к участию в обсуждении законодательных вопросов выборных от населения, которые могут существенно изменить и нынешнее положение в этом строе министров. И весьма вероятно, что последним в зависимости от указанных изменений придется образовать если не кабинет в западноевропейском смысле, то во всяком случае более сплоченное, чем ныне, единение, при котором и мнение большинства должно приобрести несколько больший вес».⁷⁵

Получалось так, что для ограждения царских прерогатив от действий будущего представительства неизбежно расширение прав министров, объединение их в подобие кабинета под предлогом противостояния представительству. Действительно, и Куломзин, и Икскуль, да и сам Коковцов в конечном счете своими предложениями вели дело к известным ограничениям самодержавия. И заверения Куломзина в том, что у царя останутся верные способы обеспечения своей власти, подкрепленные сентенцией Коковцова о переменной судьбе государственных учреждений при самодержавном строе («история наших учреждений показывает, с какой быстротой... расширяется и изменяется их компетенция в том направлении, какое представляется наиболее удобным для лиц, стоящих у власти»),⁷⁶ не очень-то меняли дело. И двух месяцев не прошло с тех пор, как царь 18 февраля 1905 г. согласился на созыв представительства, а министры уже готовились соста-

вить кабинет. Так ли рассуждал Николай, мы не знаем, но на следующий день после коковцовского ответа, 16 апреля, Витте получил царское повеление о прекращении деятельности совещания министров и председателей департаментов Государственного совета, которое всего два раза и успело собраться по поводу «объединения правительства». Витте просил у Николая II разрешения завершить рассмотрение коковцовской записки в Комитете министров, извратив и обезвредив, с точки зрения прерогатив монарха, ее содержание («Записка эта, сохраняя за Советом министров рассмотрение важнейших государственных вопросов, когда Ваше величество изволите признавать таковое нужным, имеет в виду привести деятельность Комитета министров в соответствие выяснившейся потребности большего единства в текущих делах управления»).

Царское распоряжение о закрытии виттевского совещания гласило: «С расширением ныне согласно указа моего 18 февраля круга деятельности Совета министров и во избежание направления в Совещание министров и председателей департаментов Государственного совета дел, которые я полагал бы полезным обсудить в Совете [министров], нахожу своевременным прекратить дальнейшую деятельность Совещания, предоставив министрам входить ко мне с соответствующими докладами о делах, подлежащих, по их мнению, рассмотрению в Совете [министров]». Замысел царя был ясен и заключался в том, чтобы предотвратить сколько-нибудь радикальную реформу Совета министров, совместив его функционирование в новых условиях со старой и надежной системой министерских всеподданнейших докладов.

Помимо отвращения царя к возможности создания кабинета, да еще такого, во главе которого мог оказаться Витте, существовали и особые причины, побудившие его закрыть виттевское совещание. Царское распоряжение представляло собой резолюцию на решении этого совещания, которое 18 и 19 марта рассматривало вопрос о мерах, «вызываемых возникшим в начале года и до настоящего времени продолжающимся прекращением занятий в высших учебных заведениях». Как ни опасались участники совещания, что бездействие правительства «может быть сочтено за его бессилие», они сознавали, что альтернативой могли быть только суровые карательные меры. «Привлечение же полицейской, а затем и военной силы, — рассуждали они, — всегда способно вызвать столкновения со всеми их тяжелыми, как дознано опытом, последствиями». Принимая во внимание, что учебный год шел к концу, а также страшась студенческой солидарности, совещание склонилось «к выжидательному и далее образу действий». Возобновление занятий решено было отложить на осень с увольнением тех студентов и профессоров, которые откажутся тогда приступить к занятиям. В соответствии с волей царя совещание рассмотрело предложение о лишении жалованья профессоров закрытых учебных заведений, многие из которых не содействовали властям, «поддавшись влиянию общественных течений, с особенною силою в последнее время проявившихся», и отнеслось к этому предложению «с большим сомнением». Как бы воз-

вращая его царю, совещание отметило, что осуществить такую меру мог бы только он, одновременно признав это «особенно нежелательным», поскольку «правительство будут обвинять, с одной стороны, в произволе, а с другой — в несправедливости», так как вместе со сторонниками прекращения занятий пострадают и противники. В довершение всего царю указывалось, что лишённые содержания профессора приобретут «среди студентов особый авторитет». Чтобы позолотить царю пилюлю министерского наказания, Витте добавил от руки: «Нужно сказать, что многие профессора от прекращения занятий лишились вознаграждения, которое получают от студентов (имелись в виду гонорары за лекции. — Б. А., Р. Г.), — таким образом содержание их значительно сокращено».⁸⁰ Так или иначе упрямое желание Николая II покарать профессуру было отклонено. Однако царь не остался в долгу. Вынужденный согласиться с решением совещания (резолуция начиналась словом: «Исполнить»), он закрыл его, увидев, что министры могут составить против него единый фронт и до реформирования Совета министров. К тому же 21 марта, через несколько дней после решений виттевского совещания о студенческих и профессорских делах, царь получил еще один предметный урок, когда на заседании Совета министров под председательством Сольского при рассмотрении доклада Булыгина о затруднениях, вызывавшихся царским указом 18 февраля, министры двинулись в атаку на этот указ как бы в отместку за то, что принятие его явилось для них сюрпризом. Ход этого заседания устанавливается благодаря наличию мемории, записей Глазова на полях справки к булыгинскому докладу,⁸¹ а также записи Нольде.⁸²

Царь оказался как бы повинным в уступке либеральным поветриям, а сановники демонстрировали, что они больше монархисты, чем он сам. Вдохновителем похода, хотя и не равнымся в первые ряды атакующих, был Витте. Если верить мемории, то он вообще на заседании не выступал. Однако это не так, что видно уже из записи Глазовым нескольких слов из виттевской речи. Записи Нольде показывают, что Витте, в сущности, начал обсуждение, выступив сейчас же вслед за Фришем, открывшим заседание юридической справкой о праве петиций в России, в то время как из мемории можно заключить, что первым выступал Булыгин. В первых же своих словах Витте представил Николая II инспирированным конституционализмом, а затем стал нагонять ужас, давая понять, что на основе царского указа можно обсуждать самые страшные для самодержавия вопросы — и как «принудит[ельно] отнять землю у частных собственников», и «наилучшее устройство конституции». В том же духе выступил и Коковцов. Однако сколько ни рассуждали министры о пользе строгости, новые карательных мер ни в практическом, ни в юридическом смысле выработать им не удалось. Дело кончилось царской резолюцией с требованием «самой энергичной и единодушной деятельности местных административных и судебных чинов».⁸³

Коллективное написание министров царю означало для него необходимость преподать им очередной урок и, разумеется, укрепляло его в неодобрительном отношении к их совместным дей-

ствиям. Витте вольно или невольно способствовал новой царской к себе немилости опубликованием в декабре 1904 г. «Записки по крестьянскому делу».⁸⁴ Читатель уже знаком со взглядами Витте на аграрный вопрос и знает, что Плеве удалось в 1902 г. нанести удар по виттевской аграрной программе. При Святополк-Мирском Витте решил предать гласности результаты деятельности возглавлявшегося им Совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. В напечатанной в типографии товарищества «Общественная польза» большим по тем временам для изданий такого рода тиражом (2 тыс. экз.) книге взгляды Витте на общину и индивидуальное крестьянское хозяйство были вполне ясно выражены и доведены до всеобщего сведения. «Местные комитеты настойчиво утверждают, — говорилось в «Записке», — что временность владения является неодолимым препятствием для улучшения земельной культуры..., воспитывает самые хищнические приемы эксплуатации земли: все сводится к тому, чтобы „спахать побольше, хотя и как-нибудь“; нерасчетливой распашкой уничтожаются кормовые угодья, а те, что остаются, лишены всякого ухода, и необходимое для успешного хозяйства соотношение площади кормовой и пахотной нарушается в угрожающей прогрессии. В результате хищнических приемов хозяйства в составе надела с каждым годом увеличивается пространство неудобных земель в виде заболоченных или заиленных лугов, истощенных и обратившихся в пустыри пашен, разъеденных оврагами склонов, балок, обнаженных пахотой песков, заросших порослью и мхом сенокосов и пастбищ и т. д.».⁸⁵

По мнению Витте, для крестьян община была «не источником выгоды, а источником споров, розни и экономической неурядицы». Вывод, к которому пришли комитеты, в частности, гласил: «Этот порядок землепользования убивает основной стимул всякой материальной культуры — сознание и уверенность, что результатом работы воспользуется сам трудившийся или близкие ему по крови и привязанностям лица; такой уверенности не может быть у общинников, вследствие временности владения... хозяйственный расчет, предприимчивость и энергия отдельных лиц бесцельны и в большинстве случаев даже неприложимы. Эти главнейшие двигатели всякой материальной культуры встречаются непреодолимое препятствие в условиях общинного строя».⁸⁶ Переделы общинной земли рассматривались при этом как мера, выгодная «тем, которые запустили хозяйство по неумению и нерадению... или являются послушным орудием в руках кулаков», стремятся «поживиться за счет более хозяйственных, пустив их наемные полосы в передел». А это, в свою очередь, вело к тому, что вообще «в крестьянской среде развивается апатичное и небрежное отношение к своему хозяйству».

Общность средств производства, указывал Витте вслед за Б. Н. Чичериным, давала общине сторонников из числа приверженцев «теоретических построений социализма и коммунизма». Но они были для Витте совершенно неприемлемы. «По моему убеждению, общественное устройство, проповедуемое этими учениями, совершенно несовместимо с гражданской и экономиче-

ской свободой и убило бы всякую хозяйственную самостоятельность и предприимчивость», — писал он. Решительно отвергал Витте взгляд на общину как на образование, прокладывающее путь к кооперации. «Кооперативные союзы возможны только на почве твердого личного права собственности и развитой гражданственности».⁸⁷

Отрицал он и то «указываемое теорией» преимущество общины, что она якобы способствует сохранению земли в руках мелких собственников и предотвращает образование латифундий. «Наоборот, — писал он, — по свидетельству местных комитетов, в общинной среде происходит дифференциация: большинство беднеет, а самая незначительная часть богатеет путем хищнической эксплуатации земли и своих однообщественников и сосредоточивает в одних руках значительную и лучшую часть надела».⁸⁸ Подворное же крестьянское владение в западных губерниях, «где капиталистическая энергия значительно выше», не имеет тенденции к неустойчивости и сосредоточению земли в одних руках. Мало того, успешно охранять мелкую крестьянскую собственность, рассуждал Витте, можно путем запрета как продажи земли за долги, так и покупки ее лицами из некрестьянских сословий, установлением предельной нормы сосредоточения земли в одних руках, организацией льготного сельскохозяйственного кредита.

В то же время, сокрушив аргументами уравнильное землепользование, он допускал, что община может быть и выгодна для крестьян — «при неистощенной почве, примитивной культуре и дешевизне сельскохозяйственных продуктов». И поэтому он предлагал предоставить право судить об этом самим крестьянам, которых «нельзя насильственно удерживать в условиях общинного землепользования». Им следовало предоставить право свободного выхода из общины с отводом надела в подворное пользование. Витте требовал, чтобы община была частноправовым союзом, утверждая, что «при современном положении она имеет многие черты публичноправовой организации, невольно напоминающие о военных поселениях».⁸⁹ Соответственно этому Витте и его Совещание настаивали на правовом уравнивании крестьян с другими сословиями.

Появление этой программы в печати использовали противники Витте. 15 февраля 1905 г. А. В. Кривошеин составил записку «Земельная политика и крестьянский вопрос», в которой высказался за ликвидацию не только общинного, но и подворного землепользования и замену их личным хуторским землевладением, однако признавал это «задачей нескольких поколений».⁹⁰ 30 марта 1905 г. Совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности было закрыто царем: по обыкновению, это было сделано совершенно неожиданно для его председателя. Витте считал, что это произошло вследствие интриг Горемыкина, Кривошеина и Трепова, изображавших Совещание «как революционный клуб». «Между тем если бы Совещанию дали окончить работу, то многое, что потом произошло, было бы устранено, — писал Витте в мемуарах. — Крестьянство, вероятно, не было бы так взбаламучено революцией, как оно оказалось. Были бы устране-

ны многие иллюминации (поджоги помещичьих имений. — Б. А., Р. Г.) и спасена жизнь многих людей».⁹¹

Впрочем, и Горемыкин узнал о создании взамен виттевского совещания комитета под его председательством 27 марта, в день, когда был назначен. «В Петербурге не улеглось еще волнение, вызванное упразднением Особого совещания о нуждах сельского хозяйства, — писал 6 апреля Святополк-Мирскому директор Департамента общих дел Министерства внутренних дел Э. Ватаци. — Городская молва приписывает Трепову инициативу этого дела и главную роль в крушении Сергея Юльевича».⁹²

В. И. Гурко объяснял закрытие виттевского сельскохозяйственного совещания тем, что под влиянием директора Департамента полиции А. А. Лопухина, вернувшегося из Москвы, куда он ездил для расследования убийства вел. кн. Сергея Александровича, в очень тревожном настроении по поводу назревавших аграрных беспорядков, Витте 23 марта заявил в сельскохозяйственном совещании: «Не пройдет и года, как мы в этом зале или в каком-либо ином будем говорить о переделе земли». Фраза эта, по словам Гурко, не вошла в протокол, но повредила репутации Витте при дворе вместе с теми откликами, которые имела деятельность Комитета министров по указу 12 декабря 1904 г.⁹³

Дневниковые записи А. А. Бобринского в конце марта — начале апреля отражали распространенные в придворных кругах сетования на нерешительность царя в деле государственных преобразований. Раздавались даже предложения «заставить» царя «подписать конституцию». Витте же, по словам Бобринского, безмолвствовал, «как приплюснутая жаба».⁹⁴ Однако так продолжалось недолго. Непреодолимым для властей обстоятельством оказывалось формирование многочисленных союзов лиц различных интеллигентских профессий. Товарищ председателя одного из них — профессорского Академического союза, сотрудник Витте по сельскохозяйственному совещанию А. С. Посников, посетил его вместе с А. А. Брандтом, Д. С. Зерновым и еще несколькими профессорами. Они говорили о необходимости законодательной Думы, а Брандт — о необходимости издания сразу полного текста конституции. «Меня тогда же поразило, — вспоминал он, — что С. Ю. Витте говорил как-то одновременно и о даровании конституции и о сохранении самодержавия. Мне даже помнится, что я старался поправить и указывал на то, что при конституции может быть сохранено только единодержавие, а не самодержавие».⁹⁵

Наращение революционных событий и до Цусимы, и особенно после нее препятствовало сохранению политической неподвижности.

23 мая, препровождая на рассмотрение Совета министров Булыгинский проект представительства,⁹⁶ Николай II присовокупил к нему и срочно подготовленные после Цусимы проекты манифестов и указов о немедленном созыве выборных для расширения вопроса о продолжении войны и других срочных дел, необходимых для подавления революции. Идея эта принадлежала Трепову. Речь шла о немедленном созыве представителей по типу Земского собора на короткий срок, но Совет министров сразу же усмотрел

«возможность попытки самовольного продления ими своих полномочий и занятий вне всякого контроля правительства, их собравшего». Министры восприняли это как идею созыва Земского собора и в большинстве своем были против нее. Витте к тому же истолковал предоставление собору права решать вопрос о продолжении войны как уступку происходившему в эти дни в Москве съезду земств и городов. К такой возможности, как и к самой соборной идее, он относился в зависимости от обстоятельств. Накануне указа 12 декабря 1904 г. он говорил царю, что «земские соборы это есть самая почтенная старина, которая при нынешнем положении неприменима»,⁹⁷ а в начале января 1905 г. настаивал на его созыве для решения вопроса о продолжении войны, имея в виду себя в качестве назначенного царем председателем.⁹⁸ Теперь он, судя по записи министра народного просвещения В. Г. Глазова, заявил: «Происхождение этих манифестов — суть „война и мир“, т. е. идеи московских съездов. Война и мир не могут быть представлены на собрание, ибо они стеснят решение государя».⁹⁹

Впрочем, немедленно стало ясно, что как бы ни относиться к Земскому собору и его решениям о войне или мире, ждать его созыва было невозможно, так как мирные переговоры откладывать не следовало. Созванное царем 24 мая военное совещание показало, что справиться и с войной, и с революцией одновременно не удастся. На 25-е была назначена аудиенция у царя американскому послу Дж. фон Лангерке Мейеру, просившему о ней по поручению президента США Т. Рузвельта (к посредничеству Рузвельта Николаю II советовал обратиться Вильгельм II). И после военного совещания, в тот же день 24 мая, у Сольского состоялось «совещание при Совете министров», которое наспех отвергло соборный план, не дожидаясь решения Совета министров, принятого по всей форме лишь через месяц, в течение которого Совет обсуждал булыгинский проект.

Официальный статус совещания — при «Совете министров» — был, по-видимому, обусловлен его неполным, по сравнению с Советом, составом, хотя и сам Совет существовал под председательством Сольского как бы на птичьих правах. Правда, заседания эти рассматривались как обычные заседания Совета министров и результаты их оформлялись в виде общепринятых меморий, представлявших на утверждение царю. Что же касается совещания 24 мая, то мемории его составлено, судя по всему, не было, и черновая карандашная запись Нольде с многочисленными пропусками слов и недописанными фразами является единственным источником сведений о нем. Попытаемся уяснить основное содержание этой записи.

Когда при открытии совещания, по-видимому Сольским, было заявлено, что план созыва Земского собора не отменяет необходимости в образовании Государственной думы, то Трепов, вероятно, уже зная о нападках на Земский собор в Царском Селе, пояснил, что имеется в виду лишь однократный его созыв («не о соборах, а о соборе»). По обыкновению, тон обсуждению задавал Витте. Он предупредил, что неизвестно еще, какой мирный договор удастся заключить министру иностранных дел при том, что

«дипломатическая партия проиграна», а рассчитывать на военные удачи нельзя («погром и с Линевицем, и с Владивостоком будет»), и заявил: «Как ни тяжелы обстоятельства, до решения вопроса вредно передавать выборным». Ему-то и принадлежало принятое впоследствии Советом министров предложение: когда мирный договор будет заключен, «позвать собор» из Сената, Государственного совета и в целях удовлетворения оппозиции «обставить формой» путем приглашения в состав собора губернских предводителей дворянства и председателей земских управ.

Одновременно Витте предлагал срочно созвать булыгинскую думу, тут же требуя отклонить ходатайства об участии представителей либеральной общественности в совещании по выработке ее положения и повторяя свои постоянные предостережения по поводу того, что законосовещательная дума непременно станет законодательной и «приведет к конституции». Нельзя не отметить, что в последовавших с 26 мая заседаниях Совета министров он, судя по мемории, этих предостережений больше не произносил. В. Н. Ламздорф и Коковцов поддерживали Витте, причем Коковцов сделал это с такой экспрессией, что применил к собору слово «декорации», и Сольский ему возразил. Трепов попытался было отстаивать свой соборный проект («убежден, что собор снимет неприемлемые меры») и даже свою репутацию («убежденно думаю, что война и мир — прерогатива самодержца»), объясняя, по-видимому, что собор мог бы лишь высказаться по поводу мира, а отнюдь не решать общий вопрос о его целесообразности.¹⁰⁰

В своих официальных заседаниях Совет министров признал, что решение вопроса о мире земским собором «представлялось бы совершенно невозможным и явно не соответствовало бы государственным пользам», но допускал предложенный Витте созыв расширенного собора «для вящего закрепления» условий мирного договора после его заключения. Все прочие дела, считал Совет министров, будут входить в компетенцию будущего представительства, проект которого, предложенный Булыгиным, был утвержден. Витте не был активен при обсуждении булыгинского проекта. Как сообщал С. Е. Крыжановский,¹⁰¹ по настоянию Витте вопреки Булыгину «по соображениям политической осторожности» было решено высказаться за предоставление права избирать и быть избранными евреям. Совет министров исходил при этом из того, что представители трудящихся евреев в Думу так или иначе не пройдут, а несколько представителей имущих слоев еврейского населения будут в Думе не опасны («С предложенным гофмейстером Булыгиным установлением ценза от участия в выборах будет фактически отстранена вся главная масса еврейства — его пролетариат. В Думу пройдут, может быть, несколько евреев, которые едва ли могут повлиять на мнения 400—500 ее членов»).

Обсуждение булыгинского проекта в Совете министров заняло весь июнь. Между тем политические затруднения, как внешние, так и внутренние, приобретали все более острый характер: последствия Цусимы сказывались все глубже в самых различных сферах. Неудивительно, что на протяжении июньских дней «без-

образовская шайка» теряла свои позиции. Газеты связывали причины войны с предприятиями «безобразовцев» на Дальнем Востоке. При этом подразумевалось участие в лесных концессиях и самого царя. Он приказал «безобразовцам» помалкивать. Между тем Витте не сидел сложа руки. Влияние «шайки» резко упало. Уже 2 июня вел. кн. Алексей Александрович, высокий ее покровитель, был уволен с поста главного начальника флота и морского ведомства, а 8-го — адмирал Алексеев с поста заместителя Дальнего Востока, в тот же день был упразднен Особый комитет по делам Дальнего Востока. Либеральная оппозиция использовала в своей агитации тему «несчастной войны» и ответственности за нее «прогневившего режима». ¹⁰³ Последовавшая 21 июня замена военного министра генерала В. В. Сахарова управляющим Министерством генералом А. Ф. Редигером, а 29-го — морского министра адмирала Ф. К. Авелана адмиралом А. А. Бирилевым, естественно, не могла не ставиться в связь с военными неудачами. И наконец, в тот же день, 29-го, принявшему решение о мирных переговорах Николаю II пришлось назначить втихомолку торжествовавшего Витте своим главноуполномоченным на этих переговорах.

Это была вынужденная капитуляция царя в остром конфликте, вспыхнувшем между ними в этом месяце. Он начался с того, что Витте отправил графу А. Ф. Гейдену, начальнику походной канцелярии его величества, статью из «Русских ведомостей», в которой доказывалась невозможность победы над Японией, ¹⁰³ «при самом кратком препроводительном письме», как написал потом Витте на ответе Гейдена. Несмотря на эту краткость, Витте, по видимому, с такой настойчивостью потребовал мира, что в письме Гейдена (он был, в сущности, лишь почтальоном в поединке царя с председателем Комитета министров) Витте получил грозную отповедь. «Армия желает, должна желать продолжения войны, — говорилось в этом письме от 12 июня 1905 г., — потому что возвращаться битую не приходится... Вы хотите мира во что бы то ни стало. Вы не правы. Окраины, Украина, инородцы, евреи („отчего не жида? Одним словом, не истинно русские люди“, — вставил Витте в скобках, цитируя эти слова в своем ответе) и вольные поволжане, не имеющие гражданского сознания и чувства принадлежности своей к государственному телу России, хотят мира, каков бы он ни был. Вся остальная Россия дорожит своим национальным достоинством и не поступится им». ¹⁰⁴ Витте не остался в долгу. «Армия наша не бита — это знает весь мир. Биты наши порядки», — писал он 17 июня Гейдену, сделав царю недвусмысленный упрек в желании «восстановить репутацию наших порядков» и «искупить свои прегрешения» с помощью сотен тысяч новых жертв. Напомнив о своих мрачных предсказаниях в связи с цусимским поражением, Витте писал, явно имея в виду просчеты самого царя: «За несколько часов до боя, напротив, утверждали, что Того обессилен и вся Япония в панике». Обращая свои стрелы в полемике с «безобразовцами» и к престолу, Витте обвинял Николая как в возникновении войны, так и в продолжении ее, несмотря на неудачи. А всего-то и надо было для пред-

отвращения бедствий слушаться его, Витте... «Я держался мнения, — говорилось в письме, — что нужно было принять условия, которые нам предлагала Япония (Курино их, между прочим, лично мне передал) в конце июля 1903 года. Условия эти были вполне соответствующие. Тогда бы не было войны. Я держался мнения, что нужно было заключить мир до взятия Порт-Артура. Тогда условия сравнительно с предложенными нам в июле 1903 г. были бы немного хуже. Я держался мнения, что нужно было заключить мир до Мукденского сражения. Тогда условия были бы сравнительно с условиями 1903 года еще хуже. Я держался мнения, что нужно заключить мир, когда Рождественский появился в Китайском море. Тогда условия были почти такие, как и после Мукденского боя. Наконец, я держусь мнения, что следует попытаться заключить мир до нового боя с армией Линевича ... Конечно, условия будут очень тягостны, — в одном я уверен, что после боя с Линевичем они будут еще тягостнее. После взятия Сахалина и Владивостока они будут еще тягостнее. Как старый преподаватель математики вывожу: тягость условий будет пропорциональна длительности военных действий».

С особой силой отвергал он доводы о желании мира любой ценой в среде жителей окраин и инородцев. «Во-первых, они оскомину набили, ибо ежедневно твердятся Грингмутами и людьми его закваски, а, во-вторых, откуда Вы знаете, что именно думают не истинно русские, а просто русские люди, которые подобно нам не живут телесно припеваючи, а которые проливают кровь, теряют близких, голодают и разоряются от этой ужасной войны», — писал он.¹⁰⁵

Начал он саркастической фразой о том, что в руках такого опытного дипломата, как намечавшийся для мирных переговоров с Японией посол в Париже А. И. Нелидов, и «вообще при руководстве делом такого компетентного учреждения, как Министерство иностранных дел, Япония в своих требованиях будет умеренна нашей прозорливостью и авторитетом». Нетрудно себе представить, чего стоило после этого Николаю II поручить переговоры с Японией Витте, который потребовал к тому же, чтобы царь сделал это непременно лично.¹⁰⁶

Роль С. Ю. Витте как главного уполномоченного российского правительства на мирной конференции в Портсмуте летом 1905 г. хорошо известна в исторической литературе благодаря, в первую очередь, исследованиям Б. А. Романова.¹⁰⁷ Именно он поддержал и документально обосновал версию самого Витте, что тот привез из Америки вполне приемлемый для России мир потому, что действовал, не считаясь с канонами официальной дипломатии. Б. А. Романов показал также, что Витте, хотя и любил подчеркивать, что он «не дипломат», еще в 1895—1903 гг., на посту министра финансов, оказывал большое влияние на внешнюю политику России, а с назначением в 1900 г. министром иностранных дел В. Н. Ламздорфа и вовсе стал «непререкаемым авторитетом по дальневосточным делам».¹⁰⁸ Мы преследуем более скромную цель — добавить лишь некоторые штрихи к портрету Витте — «не дипломата».

Отправляясь в Америку, Витте с самого начала понимал, как важно заручиться поддержкой прессы, американского общественного мнения, деловых кругов и, конечно, отдавал себе отчет в том, что положение евреев в России может осложнить стоявшие перед ним задачи. Витте сознавал также важность еврейского вопроса в условиях разраставшегося в России революционного движения.

Нет оснований предполагать, что Витте торопил Менделеева с составлением уже упомянутой записки по еврейскому вопросу в предвидении возможного своего участия в Портсмутской конференции. Однако она, несомненно, должна была послужить документальным подспорьем в разработанной Витте программе поведения в Америке, состоявшей из пяти пунктов: «1) ничем не показывать, что мы желаем мира, вести себя так, чтобы внести впечатление, что если государь согласился на переговоры, то только ввиду общего желания почти всех стран, чтобы война была прекращена; 2) держать себя так, как подобает представителю России, т. е. представителю величайшей империи, у которой приключилась маленькая неприятность; 3) имея в виду громадную роль прессы в Америке, держать себя особливо предупредительно и доступно ко всем ее представителям; 4) чтобы привлечь к себе население Америки, которое крайне демократично, держать себя с ним совершенно просто, без всякого чванства и совершенно демократично; 5) ввиду значительного влияния евреев, в особенности в Нью-Йорке, и американской прессы вообще не относиться к ним враждебно, что, впрочем, совершенно соответствовало моим взглядам на еврейский вопрос вообще».¹⁰⁹ Эту программу Витте окончательно сформулировал для себя, находясь на борту океанского лайнера «Кайзер Вильгельм Великий» по дороге из Шербура в Нью-Йорк. И сразу же приступил к ее выполнению, передав «из середины океана» впервые «со времени появления прессы» по «воздушному телеграфу» интервью с корреспондентом английской газеты «Дейли телеграф» Эмилем Диллоном.¹¹⁰

Витте совершал свое путешествие из Шербура в Нью-Йорк в окружении иностранных журналистов. На пароходе кресле Э. Диллона Витте сопровождали Дональд Макэнзи Уоллес и Жорж Смолей от газеты «Таймс», итальянец Кортэзи, представлявший Ассошиейтед пресс в Риме, Хэдман от «Матэн». С ними Витте проводил время «гуляя по палубе или сидя в кресле».¹¹¹ В этой группе иностранных корреспондентов особое место принадлежало Э. Диллону. Одаренный англичанин, связавший себя на всю жизнь с Россией, ориенталист, филолог и журналист, Э. Диллон великолепно знал российские порядки и жизнь, имел обширные связи на юге России и в столице. Он преподавал в Харьковском и Петербургском университетах, какое-то время сотрудничал в «Одесском вестнике» и «Одесских новостях», а в 1886 г. стал петербургским корреспондентом «Дейли телеграф». В круг его знакомых входили философы и писатели, художники и государственные деятели. Он был дружен с Владимиром Соловьевым, Николаем Лесковым, Николаем Ярошенко, Иваном Шишкиным, Ильей Репиным. Из государственных деятелей

Э. Диллон назвал своим другом только С. Ю. Витте.¹¹² Уже в 1890-е годы Э. Диллон выполнял литературные заказы Витте и печатал собственноручно правленные министром финансов статьи о нем самом и его финансовой политике. Со временем, по утверждению Э. Диллона, он стал «доверенным лицом и конфиденциальным советником Витте». После созыва Думы и отставки Витте Диллон продолжал безоговорочно поддерживать «своего друга», видел в нем крупного государственного деятеля среди ничтожных политиков и сохранил с Витте дружеские отношения до самой его смерти.¹¹³ По приглашению Витте Диллон и отправился в Портсмут, хотя и на деньги, предоставленные «Дейли телеграф». Перед отъездом в Портсмут Витте попросил Э. Диллона обратиться к японцам от имени русского правительства с просьбой назначить главой японской делегации в Портсмуте вместо графа Комуры маркиза Ито, давнего сторонника сближения с Россией, и подписать с Россией не просто мирный, а оборонительно-наступательный союзный договор. Диллон передал это предложение послу Японии в Лондоне Хаяси. Однако японская сторона оставила этот демарш без внимания, активность же Диллона дала повод Хаяси позднее, в своих воспоминаниях, аттестовать английского журналиста как человека, выполнявшего важные дипломатические поручения русского правительства и, в частности, во время портсмутских переговоров пытавшегося воздействовать на американскую печать в интересах Витте.¹¹⁴ Сам Диллон признавал, что в Портсмуте он все время работал с Витте, но немного и с президентом Рузвельтом.¹¹⁵ Из этого следует, что Диллон посредничал в отношениях между американским президентом и Витте. Другим важным посредником между Теодором Рузвельтом и Витте выступал американский журналист Герман Бернштейн, редактор и корреспондент некоторых еврейских изданий, в частности газеты «Дэй». Герман Бернштейн был активным сторонником предоставления равноправия еврейскому населению России, и это сблизило его с Витте. Хотя еврейский вопрос в программе поведения Витте в Портсмуте стоял пятым пунктом, по своему значению он отнюдь не занимал в ней последнее место, о чем свидетельствуют его собственные мемуарные заметки.

На другой день после прибытия в Нью-Йорк С. Ю. Витте в сопровождении Г. А. Виленкина, с 1904 г. агента Министерства финансов в Вашингтоне, имевшего хорошие связи с Уолл-Стритом через своего тестя банкира Исаака Зелигмана, посетил биржу. Здесь состоялась его встреча с маклерами и представителями делового мира, в частности с Джорджем Перкинсом, человеком близким к Джону Пирпонту Моргану.¹¹⁶ После посещения биржи Витте «взял... автомобиль и поехал на нем с одним чиновником посольства по еврейским кварталам», хотя был предупрежден послом о возможности на него покушения именно в еврейских кварталах.¹¹⁷ В Бостоне, откуда Витте должен был выехать поездом в Портсмут, приставленная к нему особая охрана сопровождала его до самого вагона. Ему не рекомендовали выходить на перрон. Но он вышел к толпе, вступил в разговоры с многочисленными ев-

реями, выходцами из России, о притеснениях на родине и жизни в Америке. Когда Витте вернулся в вагон и поезд тронулся, толпа проводила его криками «Ура».¹¹⁸ В Портсмуте, когда шпалеры войск в центре города в торжественной обстановке встречали русских и японских уполномоченных, Витте несколько раз слышал возгласы «здравия желаем вашему превосходительству» и видел солдат, отдававших честь. «Это были евреи в рядах американских войск».¹¹⁹

Витте не уклонялся от обсуждения еврейского вопроса не только с представителями прессы, но и с рядовыми американцами просто на улицах или в общественных местах, и это, конечно, способствовало росту его популярности. Однако Витте нуждался в поддержке со стороны влиятельных деловых кругов Америки, и в этом отношении, несомненно, важную роль сыграла организованная Г. А. Виленкиным 1(14) августа вечером встреча Витте с делегацией американских банкиров — кредиторов Японии. Оскар Штраус, Исаак Зелигман, Адольф Левинсон и Яков Шифф, «банкиры Японии», как называл их Витте, располагали огромными капиталами и пользовались большим влиянием. Они приехали из Нью-Йорка специально для обсуждения с Витте положения евреев в России.

Участие Г. А. Виленкина в организации этой встречи отнюдь не было чисто номинальным. За год до этого Виленкин пытался побудить главу одного из крупнейших американских банков «Кун Лэб и К°» Якова Шиффа, предоставившего в мае 1904 г. заем Японии, «взять на себя инициативу открытия американского и английского рынков для русских ценностей». В сентябре 1904 г. Виленкин выступил инициатором приглашения в Россию таких крупных английских и американских банкиров, как Ротшильд, Эрнест Кассель, Яков Шифф, Оскар Штраус и Исаак Зелигман, «под предлогом обсуждения предпринятых мер к улучшению быта еврейского пролетариата в связи с его эмиграцией в Англию и Соединенные Штаты». Затея Виленкина встретила поддержку русского посла в Вашингтоне А. П. Кассини. Однако этому проекту не суждено было осуществиться.¹²⁰ Теперь, в августе 1905 г., у Виленкина были все основания рассматривать состоявшуюся встречу с американскими банкирами как частичную реализацию давно задуманного проекта. Встреча прошла успешно. Гости «удалились около полуночи, весьма довольные беседой».¹²¹ По итогам этой встречи Яков Шифф составил проект довольно пространной памятной записки для Витте. 5(18) августа этот проект с сопроводительным письмом Шифф переслал президенту Рузвельту для согласования. «Мы обычно обращаемся к вам, дорогой президент, — писал Шифф, — за советами и указаниями по важным вопросам, к ним, в данном случае, относится вопрос о благополучии нашей расы, я не сомневаюсь, что вы проявите к этому интерес и ваше мнение и совет будут для нас чрезвычайно полезны».¹²²

Во время встречи с американскими банкирами Витте, естественно, выступал как сторонник отмены исключительного законодательства о евреях. Однако он заявлял, что «предоставление сра-

зу равноправия евреям может принести им более вреда, нежели пользы». Эта позиция Витте вызвала «резкие возражения Я. Шиффа, которые были сглажены более уравновешенными суждениями других членов делегации».¹²³ Но именно Шифф взял на себя составление памятной записки и постарался в ней опровергнуть утверждения Витте.

В подготовленной Шиффом записке прежде всего подчеркивалось, что положение евреев в России не может быть только ее внутренним делом. «Когда правительство или путем издания исключительных законов, или другими средствами побуждает множество своих подданных эмигрировать в другие страны в поисках лучшей жизни, — отмечалось в записке, — народы стран, которые дают убежище гонимым и угнетаемым, вправе критиковать условия, порождающие массовый приток беженцев в их страны... и даже настаивать на том, чтобы эти условия были изменены. Это относится ко всем американским гражданам. Кроме того, мы, евреи, в особенности заинтересованы в улучшении положения российских евреев, ибо нас связывают религиозные и расовые чувства, и мы считаем своей прямой обязанностью сделать все, что в наших силах, чтобы способствовать улучшению положения евреев в России».¹²⁴

В ответ на утверждение Витте, что евреи в России не готовы к предоставлению им полного равноправия и что, с другой стороны, акт этот мог бы вызвать беспорядки, Шифф ссылаясь на американский опыт. Он писал, что миллион с лишним российских евреев поселились в Америке, обрели политическую свободу и гражданские права, вышли из «глубокого мрака» на «яркий дневной свет», и это не отразилось на них пагубным образом, «они стали образцовыми гражданами». Шифф ссылаясь и на исторический опыт других стран: Наполеон в 1806 г., Германия несколько позже, Англия еще при Кромвеле предоставили полные права евреям. «Это неоспоримый факт, — подводил итог своему историческому экскурсу Шифф, — что в Америке евреи ревностные американцы, в Англии — хорошие англичане, во Франции — французские патриоты, а в Германии — добрые немцы».¹²⁵

Шифф обращал внимание Витте на то, что политическое влияние американских евреев в стране очень велико и число их продолжает расти в связи с эмиграцией из России, что общественное мнение в Соединенных Штатах под впечатлением таких ужасных событий, как кишиневский погром, настроено далеко не в пользу России, а изменить положение может только радикальное разрешение российским правительством еврейского вопроса.¹²⁶

Составленная Шиффом и подписанная остальными участниками встречи с Витте памятная записка, особенно после того, как она была согласована с президентом, приобрела характер официального документа, отражающего взгляды американского правительства. Несомненна и прямая связь между запиской американских банкиров и письмом президента Рузвельта Николаю II, переданным через Витте перед отъездом русской делегации из Соединенных Штатов. Рузвельт ознакомил Витте с его содержанием. «В письме говорилось, что американцы никогда не в состоя-

нии усвоить и примириться с той мыслью, что можно различать людей в отношении их благонадежности или в отношении их порядочности по принадлежности к тому или другому вероисповеданию». ¹²⁷ Президент Рузвельт просил Николая II отменить ставшее традиционным толкование одного из пунктов торгового договора 1832 г., согласно которому были установлены ограничения на въезд в Россию евреев, ставших американскими гражданами. ¹²⁸ Витте передал это письмо императору. ¹²⁹

Насколько известно, в переговорах с американскими банкирами — кредиторами Японии вопросы финансовых отношений с Россией специально не обсуждались. Однако Витте, отправляясь в Соединенные Штаты, надеялся использовать свою поездку и для осуществления заветной цели — открытия американского денежного рынка для русских займов. В этом Витте рассчитывал на содействие «самой солидной денежной силы в Америке» в лице Джона Пирпонта Моргана, который «во все время войны не принимал и не желал принимать никакого участия в делах Японии». ¹³⁰ С помощью Моргана и Джорджа Перкинса в конце 1890-х годов Витте удалось получить в Америке небольшой железнодорожный заем, однако это не повлекло за собой радикальных перемен в русско-американских финансовых отношениях. Дверь на американский рынок для русских ценностей оставалась для России закрытой, и Витте теперь решил еще раз в нее постучаться в надежде на успех.

С Перкинсом Витте встретился в первые же дни пребывания в Америке, однако «деловой разговор» с Морганом состоялся незадолго до отъезда русской делегации в Европу 26 августа (9 сентября) 1905 г. Казалось, блеснул луч надежды. Морган заявил о готовности принять участие в большом международном займе для России, и Витте немедленно сообщил об этом министру финансов В. Н. Коковцову. «Скоро Америка сделается главнейшим банкиром мира», — телеграфировал Витте в Петербург. «России необходимо водвориться на американском рынке, дабы приобрести большую свободу действий. Ранее мне это не удавалось; теперь наступило время, когда этого можно достигнуть». ¹³¹

В переговорах с Морганом речь шла о необходимости «приучить американскую публику к русским фондам». ¹³² Витте не мог не понимать, что такая задача могла быть решена только при условии расположенности к России американской общественности.

В историографии уже достаточно прочно утвердилось мнение, что избранная Витте тактика поведения в Портсмуте принесла ожидаемые плоды, американское общественное мнение стало склоняться в пользу России и президент Рузвельт вынужден был с этим считаться, хотя и продолжал сочувствовать Японии. ¹³³ Рузвельт не изменил своего отношения ни к России, ни к Витте. Известно, что уже при первых свиданиях Витте произвел на него большое впечатление и президент назвал Витте «блестящим малым». Однако впечатление это было двойственным, о чем Рузвельт писал своему другу Спринг-Райсу, первому секретарю английского посольства в Петербурге. Рузвельта поразили «воль-

ность», с которой Витте говорил о «неисправимой природе» российского абсолютизма, «отчетливое понимание» им «необходимости реформ в России», отсутствие в нем доктринерства. Но Витте казался Рузвельту человеком, заботившимся прежде всего о «собственном благополучии, а не о благополучии своего народа», «чрезвычайно циничным, неискренним и беспринципным». ¹³⁴ «Я и прежде был настроен прояпонски, — писал 20 августа 1905 г. Рузвельт, — но опыт общения с уполномоченными на мирной конференции сделал меня еще более прояпонски настроенным, чем прежде». ¹³⁵

Для Витте отношение к нему президента Рузвельта не было секретом ни в ходе конференции, ни тем более после нее. «Что г. Рузвельт во время нашего столкновения впредь до моего приезда в Америку гораздо больше симпатизировал и помогал (займы) Японии, нежели России — это несомненно, — писал Витте Герману Бернштейну 5(18) июля 1912 г. — Такое положение затрудняло и без того весьма трудную мою задачу. Но г. Рузвельта в этом я нисколько не виню. Президент Рузвельт выражал то настроение, в котором в то время находилась Америка. Америка снабжала Японию деньгами, и Америка более склонялась к Японии, нежели к России. Одной из причин такого положения дела был еврейский вопрос». ¹³⁶ «Во время переговоров моих ко мне относились корректно, а к Комуре дружески, — развивал эту же тему Витте в письме Бернштейну 10(23) июля 1913 г. — Меня были непрочь провести, если бы я был склонен заблуждаться... особой благодарности Америке со стороны Японии не видно». ¹³⁷

Эти упреки Витте в адрес Рузвельта стали лейтмотивом изданной в 1911 г. в типографии Сытина брошюры одного из литературных агентов Витте А. Морского (Вл. фон Штейна) «Разочарование в честном маклерстве. Рузвельт и Портсмутские совещания». ¹³⁸ На ее страницах Витте был представлен как более проницательный политик по сравнению с А. М. Горчаковым и П. А. Шуваловым. Они на Берлинском конгрессе стали жертвами интриг «честного маклера» Бисмарка, говорилось в брошюре, в то время как Витте в Портсмуте «сумел отстоять русские кровные интересы от лжетолкований Рузвельта». ¹³⁹

Появление брошюры А. Морского не прошло незамеченным. В «Нью-Йорк уорлд» появилось сообщение, что Витте написал памфлет о Рузвельте. Витте поспешил свалить все на интриги подкупленных Столыпиным газетчиков и обратился к Бернштейну с просьбой «заявить в газетах, так чтобы на это обратили внимание», что сообщение в «Нью-Йорк уорлд» «ложное». «Я никаких памфлетов не писал, — убеждал Витте Бернштейна, — и этим не занимаюсь, тем более я не мог писать памфлет о Рузвельте, о котором сохранил самую лучшую память и к которому питаю самое искреннее и глубокое уважение как к человеку, общественному деятелю и как к бывшему президенту великой и симпатичной американской нации... Вероятно, дело идет о брошюрке Морского, вам известной, но я узнал об этой брошюрке, когда она была напечатана». ¹⁴⁰

2(15) августа 1911 г. Бернштейн сообщил Теодору Рузвельту содержание письма Витте и сделал соответствующее заявление для печати.¹⁴¹ Инцидент был исчерпан. На отношениях между Витте и Бернштейном он никак не отразился. После 1908 г. они поддерживали постоянный контакт. Витте охотно принимал американского журналиста у себя на Каменноостровском в Петербурге, давал интервью, снабжал Бернштейна материалами из своего архива и делился впечатлениями о текущих политических событиях. Положение евреев в России было одной из основных тем в переписке Витте с Бернштейном. К 1908 г. еврейский вопрос в российско-американских отношениях приобрел известную остроту в связи с истечением срока договора 1832 г. и обсуждением будущего русско-американских торговых отношений.¹⁴² В июне 1908 г. в интервью Бернштейну Витте решительно высказался за немедленную отмену черты оседлости и предоставление евреям равных прав в сфере образования и государственной службы, но при условии запрещения евреям в течение длительного времени покупать землю.¹⁴³ В письмах Бернштейну Витте резко критиковал политику правительства П. А. Столыпина. «Что касается желания вашего знать мое мнение о положении еврейского вопроса в России, — писал Витте Бернштейну 23 августа (5 сентября) 1911 г., — то оно в настоящее время безнадежно. Не только нельзя рассчитывать на появление каких бы то ни было льгот, но напротив того, правительство Столыпина в угоду незначительной части людей, ныне находящихся в фаворе, изощряется в изыскании новых для еврейского населения стеснений и ограничений. Такое положение может измениться только вследствие каких-то внутренних или внешних катастроф, что, конечно, меня более всего пугает... Относительно вопроса о паспортах для евреев-иностранцев, то этот вопрос при известных настроениях, весьма колеблющихся, может получить благоприятное разрешение — в особенности если настояния американского правительства будут поддержаны правительствами и других стран... Нарушение трактата 1832 года вообще нежелательно, так как это еще более отдалит Россию от Америки и будет в руку Японии».¹⁴⁴

В начале 1913 г. Бернштейн издал в Нью-Йорке небольшую книгу своих интервью.¹⁴⁵ Тема Витте и Портсмутской конференции заняла в ней не последнее место. Пространным беседам с Витте в 1908 и 1911 г. Бернштейн предпослал осторожное введение. Витте был рекомендован как выдающийся русский государственный деятель. Внимание американского читателя должен был привлечь и помещенный в книге портрет Витте, выполненный художником Маркусом: никаких признаков имперского величия, простое, мужиковатое лицо озабоченного и усталого человека.¹⁴⁶

Портсмутской конференции была посвящена специальная глава книги. Бернштейн построил ее на интервью с М. М. Ковалевским и двух телеграммах Рузвельта американскому послу в Петербурге. На этот раз высоко оценивалось дипломатическое искусство не только Витте, но и Рузвельта, сделавшего все возможное для достижения мира.¹⁴⁷ Бернштейн, разумеется, поспешил переслать свое сочинение и тому и другому.¹⁴⁸

Отношения между Витте и Бернштейном принимали все более доверительный характер. Витте продолжал знакомить Бернштейна с материалами своего архива и обещал завещать ему право перевода своих мемуаров на английский язык.¹⁴⁹ Витте не прочь был вновь посетить Америку. «Завидую спокойствию, которым пользуется Ваша прекрасная страна».¹⁵⁰ «Конечно, я бы очень хотел побывать в Америке, — писал Витте Бернштейну, — но для этого нужен достаточный повод. Вот если бы в Портсмуте перед морским дворцом, где проходила конференция, вздумали бы устроить какой-либо памятник, или что-либо в этом роде в память Портсмутского мира, имевшего такое громадное влияние на мировые политические события, то это дало бы мне основания приехать».¹⁵¹

Оживленная переписка Витте с Бернштейном прервалась с началом Первой мировой войны. Портсмутские события отошли на задний план даже для Витте. Как увидим, им всецело овладела мысль о том, как остановить разразившуюся мировую катастрофу, и он предлагал правительству свои услуги для возобновления переговоров с Германией. Но его услугами не воспользовались, а в конце февраля 1915 г. смерть прервала его политическую деятельность.

В первых числах апреля 1915 г. Герман Бернштейн обратился к вдове покойного Витте со словами соболезнования. Он писал, что американская пресса повсеместно с большой теплотой отдала дань его памяти, что в Америке к Витте «относились как к государственному деятелю с передовыми взглядами и что его визит в Портсмут и его достижения в Портсмуте снискали ему уважение и любовь». «Евреи, — писал Бернштейн, — оплакивает его утрату, так как они отдают себе отчет в том, что, пожалуй, только он один среди высокопоставленных лиц в России понимал, что еврейский вопрос должен быть разрешен, если не ради евреев, то ради самой России».¹⁵²

¹ Мурзанова М. Дневник гр. А. А. Бобринского // Красный архив. 1928. Т. 1(26). С. 131.

² Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской // ИЗ. М., 1965. Т. 77. С. 278.

³ Авенар Э. Кровавое воскресенье. Харьков, 1925. С. 128.

⁴ Освобождение. 1905. 9 февр. (27 янв.). № 65. С. 243.

⁵ Содержание этого заявления во многом совпадает с соответствующим местом «Воспоминаний» С. Ю. Витте (Т. 2. С. 342).

⁶ Освобождение. 1905. 9 февр. (27 янв.). № 65. С. 243.

⁷ Дневник кн. Е. А. Святополк-Мирской. С. 278.

⁸ Записка А. С. Ермолова 17 января 1905 г. // Красный архив. 1925. Т. 1(8). С. 56—57.

⁹ РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 51. Л. 1.

¹⁰ Там же. Д. 4. Л. 2.

¹¹ Он отправил Куропаткину два письма 19 и 20 января, в которых объявлял войну «родом государственной авантюры», следствием «явного безумия». Витте угрожал ухудшением условий мира по мере затягивания войны и глубокими опасностями для царя и самодержавия внутри страны. Причина бедствий, внешних и внутренних, была одна — немилость, в которой пребывал он, Витте. Куропаткин, узнав в указе 12 декабря те мысли, которыми Витте с

- ним делился, откликнулся восторженным письмом, на которое Витте ответил: «Того, что там предначертано, я добился 10 лет. Все были глухи. Если бы на путь указа стали после Горемыкина — он бы принес много пользы, он бы укрепил самодержавный режим на 10 лет. После Сипягина тоже, он бы даже принес пользу после Плеве, а теперь, теперь немногого я от него ожидаю» (Красный архив. 1926. Т. 6(19). С. 73—75).
- 12 Там же. 1925. Т. 4-5 (11-12). С. 28—37.
- 13 Там же. Витте имел в виду неудачную операцию 2-й Маньчжурской армии, которой командовал ген. О.-Ф. К. Гриппенберг, под Сандепу 12—16 января 1905 г.
- 14 Царское обращение готовилось в трех вариантах, сохранились проекты рескрипта на имя Витте («справедливо ценя Ваше просвещенное содействие заботам моим о благе России и хорошо зная участливое отношение Ваше к интересам рабочего класса»), манифеста и указа Сенату, все три — с виттевской правкой. Любопытно, что, выступая перед газетными корреспондентами с порицанием стрельбы в рабочих, Витте старался сделать обращение к ним по возможности более строгим. В проекте манифеста вместо «вы поняли мои отеческие к вам слова» рукой Витте вставлено «вы осознали вашу ошибку». К словам проекта о том, что царь защитит рабочих, которым хозяева и начальники заводов желают только добра, Витте добавил: «Но для этого следовало прибегнуть к путям законным и обыденным, а не к образованию на улицах громадных скопищ». Чьей-то рукой к этому приписано: «опасных для общественного порядка уже по самой их численности» (РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 39. Л. 3—4).
- 15 Красный архив. 1925. Т. 4-5 (11-12). С. 31.
- 16 Начало первой русской революции. М.: Л., 1955. С. 816 (примечание); *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 613 (примечание). Ср. составленный Д. Ф. Треповым проект царской речи // Красный архив. 1927. Т. 4 (20). С. 240—242 (сообщение И. Татарова).
- 17 РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 255. Л. 4.
- 18 А. А. Клопов — Николаю II. 1 февраля 1905 г.: РГИА. Ф. 1009. Оп. 1. Д. 9. Л. 18.
- 19 Соображения об объединении в Совете министров высшего государственного управления. Не позднее 9 февраля 1905 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1. Л. 6—7.
- 20 РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 37. Л. 75.
- 21 Там же. Л. 74—75.
- 22 Красный архив. 1925. Т. 9. С. 69.
- 23 Переписка Вильгельма II с Николаем II. М., 1923. С. 91.
- 24 Там же.
- 25 Николай II — Э. Ю. Нольде. 1 февраля 1905 г.: РГИА. Ф. 727. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.
- 26 С. Ю. Витте — Николаю II. 2 февраля 1905 г.: Там же. Д. 5. Л. 1.
- 27 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 375.
- 28 *Мурзанова М.* Дневник гр. А. А. Бобринского. С. 131.
- 29 Начало первой русской революции. С. 718.
- 30 Там же. С. 856 (примечание).
- 31 Переписка Вильгельма II с Николаем II. С. 94—102.
- 32 Красный архив. 1925. Т. 9. С. 65.
- 34 РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 9.
- 35 Там же. Л. 4, 19а, 24, 26, 29—30.
- 36 Там же. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1. Л. 1—5.
- 37 Там же. Л. 10.
- 38 Для единства недостаточно «запрячь в карету рысака и осла и дать вожжи самому опытному кучеру», рассуждал он, и, чтобы сделать свои предложения более приемлемыми, представлял их лишь как «попытку к некоторому единению». Препятствие к осуществлению «твердого единения» он видел в «самом неудовлетворительном составе министров по их убеждениям и знаниям» (РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).
- 39 Записка министра финансов В. Н. Кокцовца 15 февраля 1905 г.: Там же. Л. 52.
- 40 Там же. Л. 47.
- 41 Там же. Л. 51.
- 42 Там же.
- 43 К. П. Победоносцев — Э. Ю. Нольде, 16 (в начале письма — 17) февраля 1905 г.: Там же. Л. 113.
- 44 25 лет назад: Из дневников Л. Тихомирова // Красный архив. 1930. Т. 2 (39). С. 66—67.
- 45 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 376. К. П. Победоносцев — Николаю II. 15 января 1905 г. // Красный архив. 1926. Т. 18. С. 203. 12 февраля царь писал Мещерскому: «Набросай мне проект манифеста в духе манифеста моего отца 29 апреля 1881 года. Следует в нем, помоему, упомянуть об убийстве вели-

- кого князя Сергея Александровича, о войне и о призыве к единению для подавления внутренней крамолы. Надеюсь на твой карамзинский слог, что заставит всех пошевелиться» (Бахметьевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке. Фонд С. Е. Крыжановского).
- 46 Собрание узаконений. № 30. 18 февраля 1905 г. С. 244.
- 47 Там же. С. 245.
- 48 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 377. Витте ошибочно датирует заседание в Царском Селе 17-м, а не 18-м февраля.
- 49 Там же. С. 378; Трубецкая О. Н. Из пережитого // Современные записки. 1937. Т. 64. С. 308; Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. М.: Пг., 1923. С. 59.
- 50 Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1. С. 64.
- 51 Трубецкая О. Н. Из пережитого. С. 308—309.
- 52 25 лет назад... С. 67. Запись 2 марта 1905 г. Представляется, что Витте был здесь изображен главным поборником рескрипта без достаточных оснований. Не говоря уже о том, что слова «самодержавие» в тексте рескрипта нет, Грингмут неточен и в другом: он утверждал, что Витте, Коковцов и Ермолов добились совещания, возмущенные манифестом. Между тем они прочитали его по пути на совещание.
- 53 Она воспроизведена в ст.: Ганелин Р. Ш. Петербургский университет и правительственная политика: Из истории студенческого движения // Очерки по истории Ленинградского университета. Л., 1989. Вып. 6. С. 125—128.
- 54 25 лет назад... С. 68.
- 55 А. А. Клопов — Николаю II. 25 февраля 1905 г.: РГИА. Ф. 1099. Оп. 1. Д. 9. Л. 27.
- 56 А. Д. Оболенский — С. Н. Трубецкому. 25 февраля 1905 г. // Трубецкая О. Н. Из пережитого. С. 309—310.
- 57 А. Д. Оболенский — С. Н. Трубецкому. 1 марта 1905 г. // Там же, Петербургский корреспондент «Echo de Paris» в номере 1 марта 1905 г. писал, что 10 марта (н. ст.), получив сообщение от А. Н. Куропаткина о том, что перед поражением у Мукдена его армия девять дней была без снабжения и подкреплений, а также доклады о начале крестьянских беспорядков в Витебской и Курской губерниях и революционных выступлений на Кавказе, царь пришел в ярость и стал обвинять министров в том, что они скрывают от него правду об истинном положении страны. Витте осмелился сказать, что при таком отношении царя министрам трудно оставаться на своих постах. «Вы увидите только тогда, когда я приму Вашу отставку!» — ответил Николай II. Затем он обратился к Булыгину и объявил, что тот не может быть ни председателем комиссии по созыву народного представительства, ни министром внутренних дел. Перед тем как успокоиться, царь сказал, что единственный человек, который служит ему верой и правдой, это Трепов (Освобождение. 1905. 18 (5) марта. № 67. С. 282).
- 58 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 295в. Л. 7—8. Частично цит.: Сидоров А. Л. Граф С. Ю. Витте и его воспоминания // Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. XLVI. Ср. с относящимся к этим дням вышеприведенным сообщением. «Echo de Paris». Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны: 1895—1907. М.; Л., 1955. С. 375. Ср. свидетельство И. В. Гессена: «Когда уже после первых неудач я выразил сомнение в благополучном исходе войны, Витте авторитетно сказал: „Ведь если бы крошечная Япония была у нас под боком, Вы не сомневались бы, что мы ее разгромим. Ну, а если она за 12 тыс. верст, то потребуются лишь больше времени, но результат останется тот же“» (Гессен И. В. В двух веках. Жизненный отчет // Архив русской революции. Берлин, 1937. С. 175).
- 60 Крыжановский С. Е. Воспоминания. Берлин, Б. д. С. 33.
- 61 РГИА. Ф. 472. Оп. 41 (505/2737). Д. 37.
- 62 Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. М., 1970. С. 57, 60.
- 63 Ганелин Р. Ш. Указ 18 февраля 1905 г. о петициях и правительственная политика // ВИД. Л., 1983. Вып. 15. С. 172—174.
- 64 В. Н. Коковцов — Э. Ю. Нольде. 2 марта 1905 г.: РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 1. Л. 116 и сл.
- 65 В. Н. Ламздорф — Н. И. Вуичу. 11 марта и А. С. Ермолов — Э. Ю. Нольде. 15 марта 1905 г.: Там же. Л. 136, 178. Ламздорф, впрочем, оговорился, что коковцовский проект не касался вопросов внешней политики, которые оставались в прежнем положении.

- 66 А. Н. Куломзин — Э. Ю. Нольде. 11 марта 1905 г.; Там же. Л. 137—139.
- 67 Там же. Л. 145.
- 68 Замечания управляющего Министерством юстиции сенатора Манухина на проект заключения к записке Коковцова... 12 марта 1905 г.; Там же. Л. 176.
- 69 Ю. А. Икскуль — С. Ю. Витте. 17 марта 1905 г.; Там же. Л. 179.
- 70 Там же. Л. 159.
- 71 Там же. Л. 160.
- 72 Там же. Д. 6. Л. 18—20.
- 73 В. Н. Коковцов — Э. Ю. Нольде. 15 апреля 1905 г.; Там же. Д. 1. Л. 210—211.
- 74 Там же. Л. 226.
- 75 Там же. Л. 244—245.
- 76 Там же. Л. 285.
- 77 С. Ю. Витте — Николаю II. 20 апреля 1905 г.; Там же. Л. 308.
- 78 Там же. Д. 51. Л. 454.
- 79 Там же. Л. 387—388.
- 80 Там же. Л. 389.
- 81 См.: Ганелин Р. Ш. Указ 18 февраля 1905 г. о петициях... С. 175—176.
- 82 РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 41. Л. 36—40.
- 83 Ганелин Р. Ш. Царский указ о петициях перед судом Совета министров // ВИД. СПб., 1994. Вып. 25. С. 167—176.
- 84 Список книг, вышедших в 1904 г. На титульном листе «Записки по крестьянскому делу» указан 1905 г.
- 85 Витте С. Ю. Записка по крестьянскому делу. СПб., 1905. С. 106—107.
- 86 Там же. С. 112—113.
- 87 Там же. С. 109, 110.
- 88 Там же. С. 111.
- 89 Там же. С. 115.
- 90 РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 45. Л. 15—16.
- 91 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 537.
- 92 ГАРФ. Ф. 1279. Оп. 1. Д. 503. Л. 57.
- 93 Гурко В. И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С. Ю. Витте // Русская летопись [Париж]. 1922. Кн. 2. С. 105.
- 94 Мурзанова М. Дневник гр. А. А. Бобринского. С. 129, 131.
- 95 Брандт А. А. Листья пожелтевшие: Передуманное и пережитое. Белград, 1930. С. 32.
- 96 Мемория Совета министров по делу о порядке осуществления выс. пред. указаний, возведенных в рескрипте 18 февраля 1905 г. // Материалы по учреждению Государственной думы 1905 г. [СПб., 1905]. С. 2.
- 97 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 334.
- 98 Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний. С. 56.
- 99 РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 251. Л. 1—4.
- 100 Ганелин Р. Ш. «Совещание при Совете министров» 24 мая 1905 г. // Монополии и экономическая политика царизма в конце XIX—начале XX в. Л., 1987. С. 127—142.
- 101 Крыжановский С. Е. Воспоминания. С. 40.
- 102 Материалы по учреждению Государственной думы... С. 27.
- 103 Статьи этой в нашем распоряжении не имеется. Представляется, что речь идет о статье без подписи «Отголоски и впечатления» (Русские ведомости. 1905. 20 мая. № 133). Она сходна по содержанию с откликом Витте на ответное письмо Гейдена. Само же письмо Гейдена выдержано в духе послесудисских статей Грингмута в «Московских ведомостях» (в частности, его статьи от 19 мая), с которыми полемизировали «Русские ведомости». Грингмут требовал продолжения войны и установления в стране военной диктатуры.

Витте коснулся этого эпизода в своих воспоминаниях, отнеся его явно по ошибке к послемукденским, а не послесудисским дням (см. также: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 376—377). «Как оказалось впоследствии, — писал Витте о статьях в «Русских ведомостях», — они принадлежали перу московского земского статистика, кажется, Михайловского» (Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 383). В. Г. Михайловский (1871—1926), заведующий статистическим отделом Московской городской управы, а после 1917 г. — сотрудник Центрального статистического управления, сотрудничал в «Русских ведомостях» в 1902—1905 гг. (Русские ведомости. 1863—1913: Сб. статей. М., 1913. С. 119). Однако царю запомнилась статья за подписью Гурьева. И когда в январе 1906 г. Витте сделал попытку восстановить в глазах царя репутацию А. Н. Гурьева, своего литературного агента, с тем чтобы впоследствии добиться его назначения редактором «Правительственного вестника», Николай II написал: «Если Гурьев был удален из Мин[истерства] финансов за бес-

- честный поступок и если статья, появившаяся в „Русских ведомостях“ после Цусимского боя за подписью Гурьев принадлежит его перу, то он и в будущем не может поступить на государственную службу» (Совет министров Российской империи в 1905—1906 гг.: Документы и материалы. Л., 1990. С. 210).
- 104 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 295в. Л. 9.
- 105 Там же. Л. 11—13. Частично цит.: Сидоров А. Л. Граф С. Ю. Витте и его «Воспоминания» // *Bumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 1. С. XLVII.
- 106 *Bumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 395.
- 107 Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны... С. 404—577.
- 108 Романов Б. А. Витте как дипломат (1895—1903 гг.) // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1946. № 4-5. С. 150—153.
- 109 *Bumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 415—416.
- 110 Там же.
- 111 Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны... С. 514.
- 112 *Dillon E.* Russia today and yesterday: An Imperial view of Soviet Russia. New York, 1930. P. 5—8.
- 113 Там же. С. 9.
- 114 *Dillon E.* The eclips of Russia. London; Toronto, 1918. P. 301—303.
- 115 *Dillon E.* Russia today and yesterday: An Imperial view of Soviet Russia. P. 8.
- 116 Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны... С. 515.
- 117 *Bumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 420.
- 118 Там же. С. 424.
- 119 Там же. С. 426.
- 120 Ананьич Б. В. Россия и международный капитал. 1897—1914. Л., 1970. С. 111—112.
- 121 Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны... С. 525.
- 122 Рукописный отдел Библиотеки Конгресса. Бумаги Теодора Рузвельта. Серия 1. 1905 г. 18 августа. Reel 58.
- 123 *Bumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 440.
- 124 Рукописный отдел Библиотеки Конгресса. Бумаги Теодора Рузвельта. Серия 1. 1905 г. 18 августа. Reel 58.
- 125 Там же.
- 126 Там же.
- 127 *Bumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 446—447.
- 128 Б. А. Романов обратил внимание на особый характер отношений между президентом Рузвельтом и Шиффом. В связи с подготовкой США осенью 1905 г. к участию в международно-конференции по марокканским делам 21 ноября 1905 г. Шифф обратился к государственному секретарю Э. Руту с просьбой «поставить на этой конференции вопрос о равноправии национальностей в Марокко в отношении магометан», а уже через неделю Рут дал соответствующее распоряжение уполномоченному США на Алхесиресской конференции со ссылкой на «желание президента». (Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны... С. 566—567).
- 129 Когда Витте стал председателем Совета министров, была образована комиссия для рассмотрения еврейского вопроса. Она завершила свою работу уже при П. А. Столыпине. В октябре—декабре 1906 г. правительство Столыпина предприняло попытку пересмотра законодательства о евреях. Столыпин ссылаясь на то, что даже Плеве «при всем его консерватизме» незадолго до смерти предпринял «некоторые меры к сближению с еврейским центром в Америке», но они были встречены довольно холодно «руководителем этого центра банкиром Шиффом». В октябре 1906 г. Совет министров подготовил решение об исключении из законодательства целого ряда существовавших ограничений. Однако Николай II отказался утвердить журнал Совета министров и в декабре 1906 г. вернул его Столыпину. «Внутренний голос все настойчивее твердит мне, чтобы я не брал этого решения на себя», — объяснил император причину своего отказа. См.: *Кокоев В. Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1. С. 238—239.
- 130 Красный архив. 1924. Т. 6. С. 46—47. См. также: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны... С. 576.
- 131 Красный архив. 1924. Т. 6. С. 46—47.
- 132 Там же.
- 133 См., например: *Beale K. Howard.* Theodore Roosevelt and the Rise of America to world Power. Baltimore, 1956. P. 310, 395. Впрочем, есть и противники такой точки зрения. См. *Thorson B.* Winston. American

- Public Opinion and the Portsmouth peace conference // *The American Historical Review*. Vol. LIII. N 3. April 1948. P. 439—464.
- ¹³⁴ *Beale K. Howard*. Theodore Roosevelt and the Rise of America... P. 310, 294.
- ¹³⁵ *Ibid.*
- ¹³⁶ YIVO. Institute for Jewish Research. New York. RG 713 (H. Bernstein) File 227. Далее: Коллекция Бернштейна. Авторы признательны В. Е. Кельнеру за неоценимую помощь в розыске переписки Г. Бернштейна с С. Ю. Витте и копировании материалов. Ряд писем Витте Бернштейн опубликовал в английском переводе. См.: *Bernstein Herman*. *Celebrities of our Time*. New York. 1968. P. 17—43.
- ¹³⁷ Коллекция Бернштейна.
- ¹³⁸ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994. С. 41—43.
- ¹³⁹ Там же. С. 42.
- ¹⁴⁰ Витте—Бернштейну. 20 июля (2 августа) 1911 г. Коллекция Бернштейна.
- ¹⁴¹ Рукописный отдел Библиотеки Конгресса. Бумаги Т. Рузвельта. Серия I. 1905 г. 15 августа. Reel 111.
- ¹⁴² Подробнее об этом см.: *Тудоряну Н. Л.* Отношения США и России в начале XX в. по российским архивным материалам // *Новая и новейшая история*. 1998. № 2. С. 42—65.
- ¹⁴³ *Bernstein Herman*. *Celebrities of our Time*. P. 24—25.
- ¹⁴⁴ Коллекция Бернштейна.
- ¹⁴⁵ *Bernstein Herman*. *With Master Minds*. New York, 1913.
- ¹⁴⁶ *Ibid.* P. 26—27.
- ¹⁴⁷ *Ibid.* P. 196—224.
- ¹⁴⁸ Рукописный отдел Библиотеки Конгресса. President Roosevelt Collection. Reel 177. June 1913.
- ¹⁴⁹ Г. Бернштейн—М. И. Витте 20 марта (2 апреля) 1915 г.: Коллекция Бернштейна.
- ¹⁵⁰ М. И. Витте — Г. Бернштейну. 28 января (10 февраля) 19[год нрзб.]: Коллекция Бернштейна.
- ¹⁵¹ М. И. Витте — Г. Бернштейну. 23 августа (5 сентября) 1911 г.: Коллекция Бернштейна.
- ¹⁵² Г. Бернштейн — М. И. Витте 20 марта (2 апреля) 1915 г.: Коллекция Бернштейна.

Глава 3

НА ПУТИ К 17 ОКТЯБРЯ 1905 г.

Вернемся к той политической обстановке, которую застал вернувшийся из Портсмута Витте в Петербурге. 6 августа 1905 г., в день опубликования манифеста о созыве Думы по булыгинскому проекту, окончательно согласованному на Совещаниях под председательством Николая II в Петергофе, царь распорядился, чтобы Особое совещание под председательством Д. М. Сольского занялось разработкой правил о применении статута Думы и выборов в нее. Однако главным предметом занятий этого совещания, в котором сосредоточилась теперь вся преобразовательная деятельность, стал вопрос об объединенном правительстве, с которым царь попытался было в апреле обойтись как с несуществующим. В самый день 6 августа у царя оказалась анонимная записка по этому поводу.¹ Он был, несомненно, задет или даже напуган этой запиской, весьма яркой по мысли и выразительно составленной. В ней, в частности, говорилось: «Нет сомнения, что в России есть партия, жаждущая ниспровержения существующего строя, которую никакие реформы не удовлетворят. Партия эта, в сущности незначительная, сильна тем, что живет и питается всеобщим недовольством против существующего строя». Упомянувшись в записке и пример Людовика XVI, предоставившего собранному представительству самому решать, что оно будет делать, и тем погубившего себя. Средство спасения, которое предлагалось в записке, состояло в создании сильного и единого правительства, хотя тут же содержались обычные для правых кругов рассуждения насчет визирата Аракчеева и предупреждения против возможного самовластья С. Ю. Витте.

Царя пугали тем, что, не учредив объединенного правительства, он придет к «великому бедствию» — сама царская власть окажется низведенной до вовлечения в борьбу партий. «Теперь есть еще время провести эту меру свыше обдуманно и спокойно..., а впоследствии она явится вынужденною как новая уступка среди политических осложнений... Необходимо, — говорилось в записке, — чтобы не только с открытием Думы, но и при неизбежной

агитации по поводу предстоящих выборов не были у нас возможны случаи, с какой бы точки зрения ни смотреть на события, одинаково недопустимые, — оппозиции правительству в его же рядах». В качестве средства к этому и предлагалось создание однородного правительства с единой программой, отменой отдельных министерских всеподданнейших докладов, сохранявшихся лишь за министрами двора, военным, морским и иностранных дел. Новый Совет министров должен был заменить собою не только старый, заседавший в редких случаях под председательством царя, но и Комитет министров.²

27 августа царь препроводил записку Сольскому с резолюцией, гласившей: «В ней очень много верного и полезного». Резолюция эта была наложена Николаем II на утвержденном им в этот же день всеподданнейшем докладе Сольского, содержавшем, в сущности, упрек царю в упразднении виттевского совещания. Отправляясь от неудобства в новых условиях прежнего порядка возбуждения законопроектов министрами и указывая, что Думе «едва ли может быть представлено положение инстанции, разрешающей пререкания между начальниками отдельных частей управления», Сольский добился от царя включения вопроса о будущем правительстве в повестку дня своего совещания.³

Уже 7 сентября товарищ государственного секретаря П. А. Харитонов, ведавший практической стороной осуществления преобразований, в одной из записок употребил слова «кабинет министров».⁴ С тех пор выражение это при всей его одиозности в глазах царя и сторонников полной неприкосновенности монархического принципа получило распространение в бюрократическом мире, и дело объединения министерств в течение первой половины сентября оживилось, как и связанные с преобразованиями другие законодательные дела.

15 сентября вернулся в Петербург после заключения Портсмутского мира Витте, получивший графский титул и, как считали в бюрократических верхах, нацелившийся на пост премьера в будущем кабинете.⁵

Как свидетельство своей лояльности он представил царю письмо, полученное им в Париже по пути в Америку от В. Л. Бурцева и представлявшее собой попытку зондажа со стороны тех кругов революционного лагеря, к которым Бурцев относился. Бурцев писал: «Человек ли Вы типа Лорис-Меликова, т. е. в глубине души своей стоите ли Вы за возможно скорое введение в России конституции, передающей серьезно власть в руки народа — или нет? Являются ли Ваши колебания, шаг в сторону или назад, вынужденными в интересах Вашей общей борьбы за конституцию? Делаете ли Вы эти отступления скрепя сердце, в угоду Николаю II и его клеветам, для того чтобы лучше дать развиваться конституционным элементам в России, — или... или... эти факты в Вашей деятельности, Ваше отношение к событиям 9 января и т. д. есть не более как результат Вашей непоследовательности и Ваших политических ошибок».

К сожалению, мы на эти вопросы не имеем достаточно точных ответов. Ваша вина, что этого мы не можем по совести уверенно

решить даже лично для себя, для руководства в своей деятельности». ⁶ Царь, по всей вероятности, не делал секрета из бурцевского письма, и противники Витте справа получили дополнительный аргумент в пользу того, что он связан с революционерами. Первый свой визит в Петербурге Витте нанес Сольскому, который еще 1 сентября получил разрешение царя на включение Витте в состав своего совещания, а 21-го, еще до того как Сольский сообщил ему об этом, ⁷ выступил на нем с грозной речью, утверждая, что «враги правительства сплочены и организованы, дело революции быстро продвигается». В духе обычных заклинаний своих противников справа он пугал «самозванными правительствами», которых «большое число по всей России», а одно из них действует в Москве, причем «все это подвигается быстро вперед, не встречая сколько-нибудь организованного со стороны правительства отпора». Спасение он видел в создании кабинета министров, которые должны назначаться царем по рекомендации председателя (или первого министра) из лиц, согласных «с господствующим мнением председателя».

При этом Витте высказался за сохранение Комитета министров, а в качестве второй неотложной меры — за преобразование Государственного совета. ⁸ Судя по газетному отчету, весьма полно отразившему ход заседания, Витте настойчиво требовал побыстрее покончить с вопросом о кабинете министров и представить дело царю не позднее 10 октября. ⁹ Витте знал, что говорил. 23 сентября Сольский записал: «Государю императору угодно, чтобы вопрос о С[овете] м[инистров] как органе объединения был выделен и представлен на решение его величества в скорейшем времени». ¹⁰

Некоторое сопротивление Витте оказал В. Н. Коковцов, предложивший ограничить объединение министерского управления присутствием председателя Комитета министров при личных всеподданнейших докладах министров, которые он предлагал сохранить в неприкосновенности. Но Витте получил чрезвычайно сильную поддержку со стороны Трепова, который повторил виттевские угрозы («революционные силы сплочены, организованы и успешно и быстро продвигаются вперед... нас ожидает, несомненно, кровопролитный переворот, которому одни полицейские силы, конечно, не могут противостоять»).

А. А. Сабуров, в сущности поддержавший Коковцова, опасался, что учреждаемый Совет министров станет «всесильным, безответственным и бесконтрольным», «полновластным и деспотичным». Он видел причину этого в отсутствии парламентской ответственности правительства, но речи его звучали как предостережение по поводу умаления царской власти. ¹¹

Однако помешать Витте было трудно. Он правил составившиеся один за другим в течение двадцатых чисел сентября варианты проекта положения о Совете министров. К принципам объединения министерского управления под председательством премьера с отменой министерских всеподданнейших докладов добавлено было право председателя получать нужные ему сведения и объяснения от начальников ведомств и отдельных частей. ¹² Осо-

бенно настаивал Витте на том, чтобы одновременно с созданием объединенного правительства упразднить не только учрежденный в 1861 г. Совет министров и Комитет Сибирской железной дороги, но и созданные царем в марте и мае 1905 г. под председательством И. Л. Горемыкина Совещание о мерах к укреплению крестьянского землевладения и Комитет по земельным делам. Оба эти учреждения были созданы, как читателю уже известно, в пику Витте, с упразднением состоявшего под его председательством сельскохозяйственного совещания. «Студенческие сходки и рабочие стачки ничтожны сравнительно с надвигающеюся на нас крестьянскою пугачевщиною», — продолжал Витте пугать синклит высших сановников, предлагая «для предотвращения ее» передать крестьянский вопрос Думе с материалами его, Витте, сельскохозяйственного совещания.

Но вообще он как бы не желал задерживаться на подробностях, согласился с Коковцовым по поводу неупразднения Комитета министров и даже сохранения для министров права всеподданнейших докладов с представлением копий Совету министров.¹³ По-видимому, он чувствовал себя поднявшимся на гребне волны государственных преобразований, поскольку при определении насущных задач власти преобразовательные и карательные меры были связаны воедино. 23 сентября Сольский велел самым малым тиражом и секретно напечатать полученную от царя записку бывшего министра юстиции Н. В. Муравьева «Ближайшие правительственные задачи», в которой первый пункт, гласивший: «Правительство должно относиться к новому учреждению Государственной думы вполне корректно, внимательно и уважительно», сочетался с требованием вести борьбу с революцией «без малейшего колебания». Во избежание «вялости и колебания» карательной политики он предлагал ее объединение в специальном ведомстве во главе с министром полиции — шефом жандармов. В качестве «лучшего исторического образца» он приводил деятельность М. Н. Муравьева (вешателя) в Северо-Западном крае в 1863—1864 гг. Вопрос о Совете министров был подан в муравьевской записке так, как это и требовалось Витте (председателем может быть и не министр, он представляет в Думе и Государственном совете всех министров, их представления туда рассматриваются в Совете министров и т. д.).¹⁴ Одновременно с передачей Сольскому муравьевской записки царь, желая, по-видимому, проявить известную корректность по отношению к будущей Думе, велел 23 сентября раздать по ведомствам находящиеся на рассмотрении Государственного совета малозначительные дела, а министрам «озаботиться, чтобы Государственная дума, как только она соберется, могла немедленно приступить к обсуждению и разработке законопроектов, имеющих общегосударственное значение».¹⁵

И Витте в эти дни «реформаторствовал» с известной нарочитостью, с легкостью делая уступки Коковцову, все еще считавшему, что о создании «объединенного кабинета министров с министром-премьером во главе... едва ли возможно думать в на-

стоящее время» и отказывавшемуся признавать предстоявшее превращение Государственного совета во вторую палату.¹⁶

3 октября обсуждалось срочное представление Булыгина о неизбежности мер «к устранению цензурных затруднений, стоящих в противоречии с общим смыслом учреждения Государственной думы», или, как попросту, по аналогии со «свободой собраний», выражались сановники, «дело об облегчении печати в течение выборного времени». Булыгин прямо писал, что имеется в виду предоставить печати свободу обсуждения избрания и предстоящей деятельности Думы «на время выборов», а затем предстояло либо вернуться к прежнему порядку, либо ожидать рекомендаций комиссии по печати, одной из созданных в осуществление указа 12 декабря 1904 г. под председательством Д. Ф. Кобеко.

Впрочем, и на предвыборный период решено было сохранить комплекс цензурных запретов, который давал возможность преследования «произведений словесности в тех случаях, когда в сих произведениях содержится что-либо, клонящееся к колебанию учения православной церкви, ее преданий и обрядов или вообще истин и догматов христианской веры, или что-либо, нарушающее неприкосновенность верховной самодержавной власти или уважение к императорскому дому, или противное коренным государственным установлениям; когда излагаются учения социализма и коммунизма, клонящиеся к потрясению или ниспровержению существующего порядка и к водворению анархии; когда возбуждается в них неприязнь одного сословия к другому или же когда в них заключаются насмешки над целыми сословиями или должностными лицами».¹⁷

Естественно, что любое политическое выступление в печати могло быть при такой постановке дела наказуемо. Поэтому требования К. П. Победоносцева, Коковцова и А. П. Игнатьева не допускать послаблений даже на выборное время звучали как тщетная предосторожность.¹⁸ Витте же выступил с пространной и чрезвычайно назидательной речью, которой Сольский собственноручной правкой мемории придал характер общего мнения совещания. Как бы в угоду Победоносцеву и другим Витте заклеил печать безотносительно к политическим направлениям в столь сильных выражениях, что они вызвали сомнения у Кобеко. Он утверждал, что печать в революционное время «в своих суждениях о правительственных лицах и действиях не только пользуется широкою свободою, но нередко переступает допустимые в сем отношении границы и доходит до полной распушенности». Но вину за это он возложил на правительственную политику в области печати, определяемую не «строгим определенными рамками закона», а «административным усмотрением», которое сводилось, по словам Витте, к «личным желаниям и воззрениям цензурного начальства и местной администрации». «Существующее ныне отношение правительства к печати приводит к тому, что люди, совершенно благонамеренные и готовые поддерживать благие начинания власти, переходят в ряды недовольных», — заключил Витте и предложил не только перед выборами «предоста-

вить печати известную долю закономерной свободы», но и продлить действие временных правил.

Витте предупреждал, что без этого «успокоительного действия на общество» не достичь, а совещание присоединилось к нему, предупредив, что отмена новых мер после выборов вызовет «нежелательные сомнения относительно намерений правительства».¹⁹

Все эти прения происходили в дни стремительного нарастания революционных событий. Сентябрьская стачка московских рабочих, ознаменовавшая вовлечение в революционную борьбу центра важнейшего промышленного района, в течение первых дней октября начала перерастать во всеобщую политическую стачку. Важнейшим этапом этого процесса явились революционные забастовочные выступления железнодорожников Московского узла. В течение этих дней, 4 и 5 октября, начались забастовки на крупнейших заводах Петербурга, остановили работу Главные мастерские Николаевской железной дороги.

В совещании Сольского Витте реагировал на это новой речью о том, что «нужно сильное правительство, чтобы бороться с анархией», и в то же время «необходимо внушить обществу уверенность, что правительство не будет продолжать давать одною рукою, а отнимать другою». Смысл сентенции состоял в требовании Витте, чтобы его влияние было безраздельным. Он ясно дал понять это, приведя в качестве примера ликвидации данных уступок принятое под его председательством постановление Комитета министров о свободе совести и сейчас же назначенную царем комиссию по этому вопросу под председательством Игнатьева, «убеждения коего, как всем известно, совершенно противоположны убеждениям Витте».

Дело было, разумеется, не в похвальбе Витте мнимой радикальностью своих убеждений, а в его выпаде против Победоносцева, стоявшего за решением царя об игнатьевской комиссии. Ужас в верхах перед революционными событиями поднял акции Витте, слухи о его стремлении установить «полный конституционный порядок», о его связях с революционерами, которыми обычно пытались повредить ему в глазах царя, теперь передавались с оттенком надежды. «Полный конституционный порядок» Витте понимал по-своему, добиваясь прежде всего полновластия первого министра. Подчеркивая необходимость в сильном правительстве для борьбы с революцией, он тут же заявлял до крайности перепуганным сановникам, что от объединения министерств в проектируемой форме можно ждать «лишь улучшения канцелярского делопроизводства», так как «кабинет будет организован далеко не так, как в западных конституционных государствах». По словам А. А. Половцова, в заседании 4 октября Витте намекал «на то, что первому министру не дается тех прав, кои должны бы были ему принадлежать, и что вообще сегодня трудно предугадать, какую появится Дума, а следовательно, и какие будут ее отношения к Совету министров».²⁰ В действительности Витте, не ограничиваясь намеками, сослался в этом заседании на приказ прусского короля 1852 г., которым прусским министрам

предписывалось входить к королю с докладами, не иначе как по указаниям министра-президента и с его согласия, и прочитал письмо Бисмарка, объяснившего свою отставку отменой Вильгельмом II этого порядка, без которого, как заявлял Бисмарк, невозможно управлять в конституционном государстве. Сопrotивление видевшему себя Бисмарком Витте оказал государственный контролер П. Л. Лобко, который с помощью подготовленных Государственной канцелярией материалов стал доказывать, что и Бисмарк был всего-навсего премьером при монархе. Лобко еще летом, возражая против объединения министерств, требовал для государственного контроля исключительного права выступления в законосовещательных учреждениях, независимо от правительственных ведомств, и финансового прежде всего. Он между прочим писал: «Если бы, например, деятельность некоторых органов правительства была направлена главным образом к насаждению у нас в настоящее время капитализма, и в частности к развитию фабрично-заводской промышленности за счет интересов промышленности сельскохозяйственной, государственный же контроль на основании имеющихся у него материалов мог бы представить убедительные и весьма веские доказательства односторонности и нецелесообразности такой финансовой политики, то при указанном объединении мнений всех ведомств государственный контроль был бы поставлен в необходимость умолкнуть и тем поддерживать перед высшими законосовещательными учреждениями взгляды, им не признаваемые». Коковцов, принявший это на свой счет, пригрозил Лобко превращением его ведомства в счетную палату. Хотя министр финансов в тот момент еще не допускал создания кабинета с премьером во главе, в упрек Лобко он написал: «Раз становится необходимым объединение ведомств в одно действующее согласно правительству, никаких изъятий от принимаемых им общих решений ни для одного из его членов быть не может и не должно».²¹

Теперь Лобко в пику Витте цитировал речь Бисмарка в рейхстаге в 1882 г., в которой тот говорил: «Я не даю, собственно говоря, никаких приказов моим товарищам, я все время прошу их или пишу им письма, которые, однако, их не всегда убеждают, что очень вредно и к чему поэтому не всегда прибегаю. Но когда я признаю что-нибудь необходимым, а между тем этого не могу достигнуть, то обращаюсь к истинному председателю Совета министров — его величеству королю и в тех случаях, когда я не встречаю у него сочувствия, отказываюсь от дела, в противном же случае издается королевский указ, приказывающий то или другое».²²

Сам Витте демонстрировал нарочитую умеренность, внося свою правку в проекты узаконения об объединении деятельности министерств и главных управлений. Проектов этих было поначалу три, в первом из них права председателя Совета министров были наиболее расширены. В нем, в частности, предусматривалось, что начальник ведомства всякую меру должен согласовать с председателем Совета министров, который либо передает дело на обсуждение объединенного правительства, либо представляет

его царю. Особая статья предоставляла председателю «высший надзор над всеми без изъятия частями управления», а в чрезвычайных и неотложных обстоятельствах — право обязательных для всех властей «непосредственных распоряжений» с ответственностью лишь перед царем. «Эту статью поддерживать не могу. Это — диктатура», — написал Витте в соответствии с той тактической линией, которую проводил в те дни по отношению к Николаю II.²³ Состояла она в том, что скованному ужасом перед революцией царю Витте с показной откровенностью и деланно грубоватой прямоотой предлагал выбор между военной диктатурой и собственными услугами в качестве премьера государства с конституционными атрибутами.

Как известно, революционные события в Москве и по всей стране, особенно забастовочное движение на железных дорогах, нарастали с каждым днем. 6 октября вследствие забастовки машинистов прекратились грузовые перевозки на Московско-Казанской дороге, а в ночь на 7-е Центральное бюро Всероссийского железнодорожного союза разослало по всем дорогам телеграмму о всеобщей железнодорожной забастовке. Описывая обстановку, в которой действовало совещание Сольского, начальник канцелярии Министерства двора генерал А. А. Мосолов писал: «Под влиянием непрерывных террористических актов и объявленной всеобщей забастовки растерянность в правительственных кругах достигла высшей точки». «Все признавали необходимость реформ, — добавлял он, — но почти никто не отдавал себе отчета в том, в чем они должны выразиться. Одни высказывались за введение либеральной конституции, другие за создание совещательного органа, третьи за диктатуру по назначению, и четвертые считали, что порядок и умиротворение должны быть водворены лично государем диктаторскими приемами».²⁴

6 октября Витте просил приема у Николая II. Инициаторами встречи, состоявшейся 9 октября, были, кроме Витте, Сольский и сам царь. В тот же день Витте поручил срочно составить всеподданнейший доклад о том, чтобы предоставить ему как председателю Комитета министров полномочия по объединению деятельности министров впредь до завершения рассмотрения этого вопроса в совещании Сольского.²⁵ 8 октября, после получения вызова царя, и 9-го утром готовилась записка, с помощью которой Витте хотел окончательно склонить Николая II к уступкам. В основу ее был положен текст, незадолго до того полученный Витте от деятеля городских и земских съездов генерала В. Д. Кузьмина-Караваева.²⁶ Со ссылкой на историю освободительного движения в России в записке доказывалась неизбежность победы революции, в случае если правительство не сумеет «взять его в руки». Угрожавшая «ужасами русского бунта» записка содержала горькие упреки правительству в непонимании роли либералов, которым «с каждым днем становится труднее сдерживать движение», вследствие чего ряды их редекот («Их положение особенно трудно потому, что им приходится бороться на два фронта: с теми, кто сознательно идет к насильственному перевороту, и с правительством, которое не отличает их от анархистов

и одинаково преследует»²⁷ Отметив растущую «с каждым днем злобу против правительства» в обществе, «не исключая консервативных слоев», и необходимость для правительства «написать на своем знамени» предоставление гражданских свобод, Витте посредством записки приучал Николая II к слову «конституция», которое, «хотя и не признано с высоты престола, никакой опасности в действительности не представляет». Действия совещания Сольского в вопросах о собраниях, печати, объединенном министерстве, реформе Государственного совета при всей половинчатости и ограниченности его решений означали на практике реальные шаги по пути государственных преобразований. Этим определялось содержание записки. В ней наряду с уверением в том, что полнота царской власти сохранится и при представительстве с законодательным правом, содержался весьма прозрачный намек на отсутствие непреодолимого различия между законосовещательным и законодательным представительствами. Кроме перехода к законодательному представительству с упоминанием о неизбежности введения в будущем всеобщего избирательного права, в записке указывалось еще в качестве срочно необходимых «мер положительного характера» создание объединенного министерства «из лиц, пользующихся общественным доверием», и преобразование Государственного совета.

В области рабочего вопроса предлагалось нормирование рабочего дня, государственное страхование рабочих, учреждение примирительных камер, а в области аграрной политики имелось в виду прибегнуть к «таким неиспользованным средствам, как казенные земли разных наименований и Крестьянский банк». С особенной осторожностью была высказана мысль о возможности выкупа крестьянами части помещичьих земель. Упоминалось предоставление крайне ограниченной автономии («в области удовлетворения исключительно местных польз и нужд») некоторым национальным окраинам.

Словесный радикализм записки был вызван отчасти тактическими соображениями, желанием усугубить страх царя, отчасти, вероятно, и собственным испугом Витте. Изложив царю вечером 9 октября содержание записки, Витте поставил Николая II перед выбором — либо назначить его, Витте, премьером, предоставив ему подбор министров даже из числа так называемых общественных деятелей, т. е. представителей либеральной оппозиции, и осуществлять изложенную конституционалистскую программу, либо силой «подавить смуту во всех ее проявлениях», не останавливаясь перед пролитием крови, для чего нужна диктатура «человека решительного и военного».²⁸ Этому своему тактическому приему Витте придавал особенное значение, всеми возможными способами сделав его через несколько лет достоянием гласности.²⁹ Расчет его был беспроигрышным, он лучше, чем кто бы то ни было, знал, что в идее военной диктатуры царь увидит прежде всего угрозу своей власти, тем более что сил для осуществления эффективной карательной политики не было. К тому же найти подходящего кандидата в военные диктаторы после проигранной войны было трудно. А изложенную на бумаге конституциона-

листскую программу Витте сопровождал устным комментарием. «Прежде всего, — заявил он царю, — постарайтесь водворить в лагере противника смуту. Бросьте кость, которая все пасти, на Вас устремленные, направит на себя. Тогда обнаружится течение, которое сможет Вас вынести на твердый берег».³⁰ При второй встрече, 10 октября, в присутствии царицы, Витте повторил сказанное накануне. Единственная, по его словам, реакция царя состояла в том, что, по-видимому, в ответ на требование Витте опубликовать представленный краткий вариант записки Николай II высказался за опубликование «основания записки» в виде манифеста. После аудиенции 9 октября распространился слух, что Витте посоветовал царю дать конституцию и брался провести это преобразование. По словам Мосолова, «у всех отлегло на душе». Но затем стала известна дилемма, которую Витте поставил перед царем, получил огласку вызов царем вел. кн. Николая Николаевича, находившегося у себя в имении в Орловской губернии. Правые стали с восторгом уповать на него как на диктатора. В. Б. Фредерикс рассчитывал, что Николай Николаевич отвертит царя от уступок, подавит революцию, после чего можно будет думать о конституции.³¹

Тем временем продолжала свою деятельность комиссия Сольского.

При дальнейшем движении проекта узаконения об объединении деятельности министерств и главных управлений исчез первый вариант, в котором, как мы уже говорили, права премьера были наиболее широкими. Едва ли не наибольшие превращения претерпела статья о судьбе тех дел, по которым в Совете министров не удалось бы достичь единогласного решения. В первом варианте проекта предусматривалось, что такие дела получают направление по распоряжению председателя. Во втором была допущена — вопреки обычным опасениям по этому поводу — возможность решений большинством голосов с полным согласием председателя. В случае недостижения такого большинства направление дела должен был решать царь. И наконец, в окончательном тексте исчез принцип большинства голосов и царю было предоставлено определять направление дел, по которым не было достигнуто единогласное решение.³²

Однако права председателя были предусмотрены в весьма значительном объеме. Была введена статья о том, что «никакая, имеющая общее значение, мера управления не может быть принята главными начальниками ведомств, помимо Совета министров», а председателю его они должны безотлагательно сообщать обо всех значительных событиях и вызванных ими своих распоряжениях, которые он имел право ставить на обсуждение. Но дела по министерствам двора и уделов, военному, морскому и иностранным дел могли быть поставлены на обсуждение лишь самим царем. Обсуждению Совета министров подлежало и замещение главных должностей высшего и местного управления, за исключением указанных ведомств. Министры должны были предварительно представить председателю всеподданнейшие доклады, которые либо вносились им на рассмотрение Совета мини-

стров, либо с его согласия делались соответствующим министром царю «в случае надобности» в присутствии председателя.³³

Неудивительно, что 10 октября Витте написал Сольскому, что не встречает препятствий к скорейшему рассмотрению проекта и представлению его царю.³⁴ Критический для самодержавия момент был звездным часом для Витте. Одновременно с его запиской царю 9 октября С. Е. Крыжановский подал, как представляется, согласованную с ней по основной своей направленности пространную записку «К преобразованию Государственного совета». Записка Крыжановского начиналась предупреждением о том, что будущая Дума при совещательном ее характере хоть «и не может быть приравнима к западноевропейским законодательным собраниям», но по «самому свойству ее занятий» станет практически нижней палатой, «пожелания и взгляды» которой, «по всей вероятности, будут иметь довольно долгое время характер несколько отвлеченный и стремительный, резко наклоняясь в том направлении, которое принято называть прогрессивным».

Как и виттевская записка 9 октября, записка Крыжановского должна была приучить царя к мысли о неизбежности исторического прогресса — может быть, не навсегда, но «на довольно долгое время» и в том понимании прогресса, которое объединяло сановников с царем. «Направление это представляется существенно необходимым, — продолжал Крыжановский, — для правильной жизни государства, ибо страна, в которой это начало не имеет проявления, осуждена неизбежно на застой, тем более гибельный для нее, чем быстрее развиваются и растут соседние государства». Итак, Думу предстояло терпеть как носительницу того неизбежного «направления, которое принято называть прогрессивным». «Но подобно тому, как маятник необходим, чтобы регулировать действие разворачивающейся пружины, так же точно и в государственных учреждениях это прогрессивное течение должно сдерживаться действием другого — умеряющего и упорядочивающего. Этим регулятором по отношению к Государственной думе и должен быть Государственный совет», — таково было спасительное средство против думской «прогрессивности», которое предлагалось царю.

В этих целях реформа Государственного совета должна была объединить в нем «консервативные силы страны», которые поддерживали бы царя против Думы. Дореформенный Государственный совет мало подходил для такой роли, так как «казался бы Государственной думе одним лишь советом чиновников, постановляющим свои заключения по указаниям высшего начальства».³⁵

Чтобы подсластить Николаю II пилюлю, Крыжановский утверждал, что «обаяние верховной власти в глазах большинства населения столь высоко», что она может вступать в несогласие с Думой, но тут же, давая понять, как это делал и Витте, что предоставление Думе «хотя и в ограниченной степени законодательного почина» выведет ее функции за чисто совещательные пределы,³⁶ предсказывал, что столкновения ее с царем будут многочисленны, и предостерегал, что это будет нежелательно и

даже опасно. Война и революция, заявлял он, особенно требуют «сохранения самодержавной власти государя на подобающей высоте и в отдалении от мелочей будничной жизни и взаимного столкновения общественных интересов». Но смысл записки состоял не только в том, чтобы новый Государственный совет ограждал царя и стал умерять «порывы» Думы, но и в том, чтобы царская власть могла использовать столкновения палат друг с другом, выбирая «между двумя мнениями» или проводя свое собственное решение. С преобразованием Государственного совета, обещал Крыжановский, откроется возможность не только найти «выход из многих затруднительных положений», но и «взять в руки общественное движение» и «уложить это движение в определенные рамки».

Как же предполагалось сформировать Государственный совет, помимо того что в него можно было провести тех представителей «приверженных порядку и устойчивых слоев общества», которые могут провалиться на выборах в Думу? Крыжановский отвергал предложение по особому выбору правительства «отсорттировать необходимое число лиц из состава Государственной думы и ввести их в Государственный совет», так как это привело бы к радикализации оставшегося состава думцев. Отклонял он и избрание членов Государственного совета земскими собраниями и городскими думами, чтобы не придавать «местным общественным учреждениям значение и свойство учреждений общегосударственных».³⁷

В записке предлагалось формировать Государственный совет из членов императорской фамилии по назначению царя и других назначаемых им лиц из представителей тех княжеских и дворянских родов, которым был бы предоставлен наследственный голос в лице старшего в роде, из нескольких высших иерархов православной церкви, из выборных представителей от профессоров Московского и Петербургского университетов, от биржевых комитетов, комитетов торговли и мануфактур и купеческих обществ, которым царь даст такое право, от дворянских обществ коренных русских губерний, а также представителей избираемых по одному от каждой из таких губерний избирателями, владеющими недвижимостью, не менее чем в 10 раз превышающей ценз, установленный для участия землевладельцев в избирательных съездах на выборах в Думу. При этом число выборных членов не должно было превышать число назначаемых.

Во время происходившего 11 октября у Сольского обсуждения записки Крыжановского Витте вдруг заявил, что, хотя, конечно, хорошо бы иметь в Государственном совете «представителей лучших высших стремлений», но время не терпит, и надо возложить избрание выборных членов Государственного совета на выборщиков в Думу. К. И. Пален и Н. М. Чихачев пришли в ужас и принялись, как записал в своем дневнике А. А. Половцов, настаивать «на необходимости военною силою прекратить беспорядки, прежде чем делать какие-либо реформы, являющиеся теперь уступками перед буйством толпы».³⁸

Витте, которому только того и надо было, сейчас же написал записку царю, смысл которой состоял в рекомендации Чихачева в диктаторы. Устно через Фредерикса он назвал в качестве «подходящего диктатора» А. П. Игнатьева.³⁹ Карикатурность обеих этих фигур в качестве кандидатов в военные диктаторы (Чихачев был известен по своему прошлому главным образом как председатель Российского общества пароходства и торговли, хотя и управлял в течение нескольких лет морским министерством, а карьера Игнатьева по большей части была связана с ведомством внутренних дел, так что ни адмирала, ни генерала никак нельзя было выдать за популярных полководцев) подрывала самую идею военной диктатуры. И Чихачев, вызванный Витте в Петергоф, услышал от Николая II, что тот «готов дать конституцию».

Игнатьев же продолжал борьбу против всяких преобразований и Витте как их поборника. 11 октября он вместе с А. С. Стишинским предпринял последнюю попытку сорвать объединение министров. Они подали свой проект создания в Совете министров постоянного присутствия, после которого рассмотренные им дела передавались бы царем на рассмотрение Совета министров в полном составе. На следующий день, 12 октября, в совещании Сольского они, объявив свой проект «достаточным», выступили против реформы Совета министров в целом. В обращении к царю особым мнением они ссылались на то, что его «верховное руководство высшим управлением государства» после реформы сомнительно, а «должности председателя Совета присваивается совершенно исключительное положение по размерам власти и полномочий».⁴⁰ «Гр. Игнатьев и Стишинский упорствуют в том, что первый министр будет у нас верховным визирем», — записал Половцов. Лобко протестовал против своего подчинения как государственного контролера первому министру, но Витте ответил ему «грозной речью». Дело было в том, что в начале заседания Сольский прочел записку царя с требованием возможно скорее решить вопрос об объединенном министерстве, а в конце заявил, что телеграфирует царю об исполнении его поручения.⁴¹

В этот же день был подписан указ о собраниях. Санкционированное царем присутствие на собраниях полиции с правом их закрытия до такой степени противоречило обстоятельствам момента, что уже 14 октября последовал циркуляр министра внутренних дел, которым разъяснялось, что закрывать собрание следует, «лишь исчерпав все меры предупреждения и в том случае, когда собрание уже действительно приняло характер мятежнического или шумного сблища, намеревающегося от слов перейти к каким-либо, в особенности насильственным, действиям».⁴² Циркуляр допускал возможность проведения собраний и без присутствия представителей власти и подчеркивал желательность назначения на собрания «взамен полицейских чинов чиновников особых поручений при губернаторе». С яростью делал Игнатьев пометы в мемории совещания по поводу правил для печати. Отвергая виттевское утверждение об «административном усмотрении», «личных желаниях и воззрениях цензурного начальства и местной администрации», он объявил их «клеветой на должност-

ных лиц» и написал: «В суждениях было прямо выяснено, что главную роль в разнузданности печати играет попустительство властей». «Неужели не убедились еще в том, что уступки до добра не доводят», — восклицал он и завершал свои пометы отчаянными словами о том, что, хотя заявления его не принимаются во внимание, он «правду выразить обязан».⁴³ Эти пометы Игнатьева были сделаны 13 октября.

Казалось, что ход революционных событий не оставляет места сомнениям в целесообразности преобразований. Москва после 10 октября бастовала почти целиком. Подъем революционной забастовочной волны наблюдался и в Петербурге. Как и в Московском университете, в актовом зале столичных высших учебных заведений происходили фактически непрерывно многолюдные митинги. Лозунги, под которыми бастовали рабочие, наряду с выдвигавшимися экономическими требованиями носили отчетливо выраженный политический характер. С каждым часом поступали сообщения о революционных выступлениях в различных городах. В течение 10 и 11 октября Екатеринослав, Харьков, Ярославль были фактически охвачены всеобщей стачкой. 12 октября петербургский железнодорожный узел оказался парализованным, как и московский. В сущности, железнодорожное движение прекратилось по всей стране.

При том, что события совершенно очевидно приобретали характер жизненной угрозы для режима, Витте еще представил Николаю II 12 октября доклад о совещании, которое он провел в этот день по его приказанию с Треповым и важнейшими министрами по поводу железнодорожной стачки. Удостоверив, что, по общему мнению министров, войск недостаточно даже для охраны дорог в случае перевода их на военное положение (не говоря уже о подавлении), Витте заявлял царю, что железнодорожная стачка «составляет грозную часть общего революционного движения в России» и, следовательно, может быть ликвидирована «общими мерами, которые могут служить для устранения общего революционного движения». В качестве «первой меры для борьбы со смутю» Витте называл, конечно же, «образование однородного правительства с определенной программой».⁴⁴ Идея диктатуры была поставлена при этом под вопрос ссылкой на недостаток военной силы, а в действительности имелась в виду как общая неблагонадежность солдатских масс с правительственной точки зрения, так и трудности с доставкой войск с Дальнего Востока в европейскую часть страны.

Витте не зря действовал не покладая рук. На 13 октября был вызван в Петергоф Горемыкин.⁴⁵ Осознав, что по условиям момента преобразования неизбежны, Николай II хотел попытаться возложить их осуществление на более «верного», чем Витте, человека или по крайней мере ввести Горемыкина в кабинет (как сейчас увидим, Николай и сам употреблял теперь это слово) в качестве министра внутренних дел.⁴⁶ Вызванный к 6 часам вечера Горемыкин с большим трудом добрался до Петергофа в карете (поезда не ходили, парохода морской министр дать не мог, по дороге рабочие-путиловцы бросали в карету камни). Он уговари-

вал царя «оказывать твердое сопротивление» и развивал фантастический план уничтожения «смертельным для толпы огнем» якобы готовившегося похода в Петергоф 60 тыс. «революционеров». Трепов же, получивший 12 октября в свое подчинение петербургский гарнизон и фактически диктаторские полномочия, «укорял» Горемыкина в авантюризме, хотя на следующий день, 14 октября, на улицах столицы было расклеено его извещение о получившем печальную известность приказе: «Холостых залпов не давать и патронов не жалеть».⁴⁷

Тогда же, 13-го в 8 часов вечера, Николай II дал по телефону поручение Витте «впредь до утверждения закона о кабинете» объединить деятельность министров, которым ставил «целью восстановить порядок повсеместно».⁴⁸ На следующее утро, 14 октября, Витте опять отправился к царю. Он плыл на пароход, попавшем в качку, рассуждая «о постыдности положения, при котором верноподданные должны добираться к своему государю чуть ли не вплавь», и заявляя, что не примет должности премьера, если не будет утвержден его всеподданнейший доклад, который он вез с собой. Доклад этот, составление которого было завершено накануне вечером, предназначался им к опубликованию после утверждения царем. В нем задачей правительства провозглашалось «стремление к осуществлению теперь же, впредь до законодательной санкции через Государственную думу», гражданских свобод.⁴⁹ Однако тут же подчеркивалось, что «устройство правового порядка» дело долгое. В докладе далее в качестве важнейших мер фигурировали объединение министерств и преобразование Государственного совета.

Царь опять настаивал на манифесте, Витте же доказывал, что «будет гораздо осторожнее» ограничиться утверждением его, Витте, программы, изложенной в докладе. Помимо того, что в этом случае ответственность ложилась бы на автора доклада (Витте непрестанно подчеркивал это), его программа была весьма умеренной. В докладе не упоминалось ни о необходимости предоставления Думе законодательных прав, ни о расширении круга избирателей. В нем была лишь повторена фраза из манифеста 6 августа о том, что положение о Думе может получить дальнейшее развитие.

Однако царь продолжал на протяжении двух совещаний настаивать на манифесте. И хотя в перерыве Витте сказал Н. И. Вуичу, что «мог настоять на немедленном утверждении доклада, но не захотел вырвать согласие», решение было отложено до следующего дня. Вечером 14 октября флигель-адъютант кн. В. Н. Орлов по телефону вызвал Витте на следующее утро, приказав приготовить проект манифеста, в котором все исходило бы от Николая II, а намеченные в виттевском докладе меры «были выведены из области обещаний в область государем даруемых фактов». Радикалистская решительность царя была вызвана стремлением политически обезвредить Витте, которого дворцовое окружение снова стало изображать рвущимся в президенты российской республики и потому стремящимся предстать изобретателем мер, способных «успокоить Россию». Но Витте был уве-

рен в своей незаменимости, и возросшее его влияние ощущалось окружающими. Совещание Сольского, собравшееся в 9 часов вечера 14 октября для продолжения обсуждения реформы Государственного совета, не стало обсуждать ничего важного из-за неявки Витте, не приславшего даже извинения.⁵⁰

Получив от Орлова новое приказание царя, Витте решил было предпослать своему докладу вступление, приписывающее предложения доклада царским повелениям и указаниям, но тут же поручил А. Д. Оболенскому за ночь составить проект манифеста. Проект этот обсуждался Витте, Фредериксом, самим Оболенским и Вуичем на пароходе по дороге в Петергоф утром 15 октября. В нем как царское поручение объединенному министерству фигурировали три пункта: выработка и предоставление царю в месячный срок правил о предоставлении гражданских прав, составление и внесение на рассмотрение Думы и Государственного совета предположений о предоставлении избирательных прав тем разрядам населения, которые были их лишены, рассмотрение и предоставление царю тех требований бастующих железнодорожников, которые могут быть удовлетворены.⁵¹

В результате обсуждения возник набросок, сделанный рукой Вуича, в котором после второго пункта было предусмотрено «непременное» участие Думы и Государственного совета в рассмотрении всех законодательных дел.

Положение было критическим. Петербург остался без уличного транспорта и железнодорожного сообщения даже с Петергофом, частично без освещения и телефонов. Бастовали аптеки, почта, типографии, в том числе и государственная, так что важнейшие правительственные документы нигде было напечатать; наконец, забастовал Государственный банк. 14 октября во дворе Академии художеств состоялся многотысячный революционный митинг. Трепов, считая, что у него в Петербурге достаточно войск для подавления вооруженного восстания, одновременно говорил об отсутствии «соответствующих частей» для восстановления железнодорожного сообщения с Петергофом. Военный министр генерал А. Ф. Редигер заявил, что находящиеся внутри страны войска ненадежны в целом. Плывший в Петергоф на пароходе вместе с Витте и Вуичем генерал-адъютант Бенкендорф, обер-гофмаршал двора, сокрушался по поводу многодетности царской семьи, что было бы препятствием на случай бегства морем из Петергофа. Сам Витте, начиная с этого дня, возвращался из Петергофа тайком, катер причаливал к Петропавловской крепости, в полуверсте от которой был его особняк. И тем не менее составители коллективно создававшегося на пароходе наброска на расширение прав Думы так и не решались. «Непременное» участие Думы и Государственного совета в обсуждении «всех» законодательных дел, о котором было сказано в наброске, мало изменило бы думскую компетенцию. Как известно, по булыгинскому закону законодательные предположения, отвергнутые двумя третями голосов Думы и Государственного совета, царь утвердить не мог, а мог лишь приказать заново внести их на рассмотрение. Это-то и имелось в виду, когда речь заходила об услов-

ности грани между законосовещательными и законодательными функциями Думы. Однако булыгинский закон ставил Думу в зависимость от Государственного совета, который мог не считаться с ее мнением. Между тем одно из главных требований либеральной оппозиции состояло в предоставлении решающего голоса в законодательстве именно нижней палате. Мало что значило для расширения пределов думских прав и намеченное обещание не принимать законов без их рассмотрения в Думе и Государственном совете: ведь и булыгинский закон содержал довольно обширный перечень предметов ведения Думы, который в сочетании с ее правом законодательной инициативы оставлял вне ее компетенции лишь вопросы государственного устройства, регулируемые основными законами.

Таким образом, намеченный на пароходе пункт об участии Думы и Государственного совета в обсуждении законодательных дел, в сущности, не расширил ее прав. Завершавшие его слова: «...лишь только после такого обсуждения могущих получить утверждение» — были зачеркнуты.⁵² Выработку текста манифеста пришлось прервать, поручив завершение ее Оболенскому и Вуичу, так как пароход подошел к Петергофу. Но когда он уже остановился, Витте продиктовал Вуичу «окончательно установленное содержание пунктов предполагавшегося манифеста».⁵³ Судя, впрочем, по содержавшимся в этой бессвязной и отрывочной записи словам: «Назначая Вас председателем Совета министров», Витте был не прочь получить рескрипт. Он продиктовал по существу те же три пункта, которые фигурировали в наброске, сделанном Вуичем в ходе обсуждения в пути, но пункт, посвященный правам Думы и Государственного совета, кончался теперь словами: «...никакой закон не может иметь силы, если не получил санкции Гос. Думы».⁵⁴

Придя во дворец, Витте сделал этот пункт одним из двух пунктов своей программы (второй заключался в предоставлении гражданских свобод). Причем держал он себя так, как если бы пункт о предоставлении Думе законодательных прав фигурировал в его всеподданнейшем докладе. У Николая II были вел. кн. Николай Николаевич, Фредерикс и генерал-адъютант О. Б. Рихтер. Вызванные раньше Горемыкин и барон А. А. Будберг, 13 октября отстаивавший перед царем необходимость конституционных перемен,⁵⁵ согласно последовавшему потом приказу царя, были доставлены в Петергоф на отдельном пароходе и до конца совещания спрятаны во дворце. Царь приказал Витте прочитать его всеподданнейший доклад. Николай Николаевич как командующий войсками гвардии и Петербургского военного округа и потому наиболее вероятный кандидат на малопривлекательную, чреватую неприятностями и опасностями роль диктатора, проявлял наибольшую активность, задавая Витте различные вопросы. Он еще до приезда к царю, узнав от Фредерикса, что его приезда ждали, чтобы назначить его диктатором, выхватив револьвер, закричал: «Если государь не примет программы Витте и захочет назначить меня диктатором, я застрелюсь у него на глазах из этого самого револьвера... Поддержи во что бы то ни стало Витте.

Это необходимо для блага нас и России». ⁵⁶ Витте, как и прежде, развивал свою мысль о двух путях борьбы с революцией, высказываясь за путь конституционный. Царь прервал заседание, приказав Витте после завтрака представить текст манифеста, несмотря на его настояния не издавать манифест, а ограничиться утверждением прочитанного доклада.

Витте пришел к Оболенскому и Вуичу, которые уже составили проект на основе «заметок, сделанных на пароходе». «При этом первоначальный проект князя А. Д. (Оболенского. — Б. А., Р. Г.) остался как-то в стороне», — вспоминал впоследствии Вуич. Однако угроза силой подавить революционные выступления, которая была в проекте Оболенского, но отсутствовала в «пароходных» текстах, снова оказалась в проекте Вуича—Оболенского. Между тем она-то с предельной выразительностью и характеризовала политический смысл манифеста.

Тремя пунктами (они и составляли «конституцию») царь возлагал «на обязанность министерства, объединенного под руководством председателя Комитета министров», выполнение своей воли, заключавшейся в том, чтобы «даровать» гражданские права, не откладывая выборов в Думу, привлечь к участию в них те слои населения, которые лишены избирательных прав, установить как незыблемое правило, чтобы никакой закон не мог получить силу без одобрения Думы и ей была предоставлена возможность надзора за действиями властей. Витте заколебался было, не ограничиться ли обещанием предоставления избирательных прав рабочим, но согласился с распространением их на всех лишенных. Затем, по воспоминаниям Вуича, возникли сомнения, не слишком ли решительны выражения пункта о законодательных правах Думы, но и его оставили без изменений, якобы в соответствии с духом всеподданнейшего доклада (в действительности в докладе, как мы знаем, ничего похожего не было).

По возобновлении совещания у царя Витте, продолжавший настаивать «на том, что о самодержавии больше не может быть и речи и что необходимо категорически дать конституцию», получил поддержку Николая Николаевича, который «сначала говорил за строгие меры», и Рихтера. С текстом манифеста все как будто согласились, но Витте по-прежнему предлагал заменить манифест докладом, мотивируя это необходимостью оградить царский авторитет и в этой связи предупреждая, что «успокоение может наступить не сразу». У Рихтера, требовавшего, чтобы реформы были возведены царем в форму манифеста, сложилось впечатление, что все требования Витте удовлетворены. ⁵⁷

Однако вслед за тем к царю были вызваны ожидавшие «в укрытии» Горемыкин и Будберг, которым была поручена правка виттевского проекта, при том, что Горемыкин был противником каких бы то ни было преобразований, а Будберг считал текст нуждающимся в редакционных улучшениях. Со стороны содержания он был с виттевским проектом согласен, и в заготовленном им собственном проекте к виттевским пунктам были добавлены политическая амнистия и отмена смертной казни. ⁵⁸ В течение ночи на 16 октября Будберг при участии Горемыкина и Орлова из-

готовил несколько вариантов проекта.⁵⁹ Конечный вариант по содержанию отличался от виттевского тем, что о законодательных правах Думы в нем не упоминалось, гражданские права даровались самим царем «ныне же», в то время как в виттевском проекте это поручалось царем объединенному министерству. Виттевский доклад при этом публиковать не собирались. Впрочем, доклад, судя по всему, предпочитали отставить и в случае принятия виттевского проекта манифеста.

Однако ночному петергофскому бумаготворчеству, с помощью которого хотели если не сорвать назначение Витте премьером, то подорвать его влияние в самом начале этой его карьеры, еще с вечера были противопоставлены «регулярные» действия совещания Сольского в Петербурге.

Сольский, с известной последовательностью проводивший курс на преобразования, устроивший встречу Витте с царем 9 октября, явно направляя дело объединения министерств в пользу Витте, сделал решительные и срочные шаги. 15 октября участникам совещания был разослан текст мемории с просьбой вернуть его к 2 часам следующего дня. Сделано это было с большой срочностью, по-видимому в конце дня, так как Коковцову текст был отправлен уже 16 октября, и он, пометив время 12¼ час. дня, написал: «Читал и замечаний по существу делать не считаю себя вправе».⁶⁰ Сольский и 27 членов совещания, включая Победоносцева, Трепова, Рихтера и Фредерикса, отклонили сделанное 11 октября предложение Стишинского и Игнатьева, которое сводило на нет все преобразования, не только реформу Совета министров, но и расширение прав Думы. Недаром Игнатьев в правке мемории подчеркнул: «По схеме 2-х членов, в Гос. Думе не предстоит „проводить дел“».⁶¹ Игнатьев и Стишинский остались в полной изоляции, как и другой противник Витте — Лобко, требовавший, чтобы государственный контролер был причислен к министрам двора, военному, морскому и иностранных дел, назначение которых должно было делаться царем без представления председателя Совета министров. Лобко поддержал было Победоносцев, но в целом мемория очерчивала довольно широкий круг прав председателя Совета министров. При том, что фактически эти обязанности с 13 октября исполнял Витте, а Комитет министров, председателем которого он состоял, в мемории предполагалось закрыть, оформление мемории, особенно в критических обстоятельствах момента, являлось своеобразным вотумом доверия ему со стороны всех высших сановников империи.

В таком свете следует рассматривать и отзыв Трепова о виттевских проектах доклада и манифеста, присланных ему вместе с паническим запросом Николая II, желавшего знать, «сколько дней, считая крайний срок», можно «удержать в Петербурге порядок без пролития крови» и возможно ли вообще «достичь водворения порядка без больших жертв». На этот вопрос Трепов ответил отрицательно («не могу ни теперь, ни в будущем дать в этом гарантию; крамола так разрослась, что вряд ли без этого суждено обойтись»). А виттевские проекты, хотя они и вызвали

у него ряд замечаний, в частности принцип неприкосновенности личности был для него неприемлем, он не отверг.

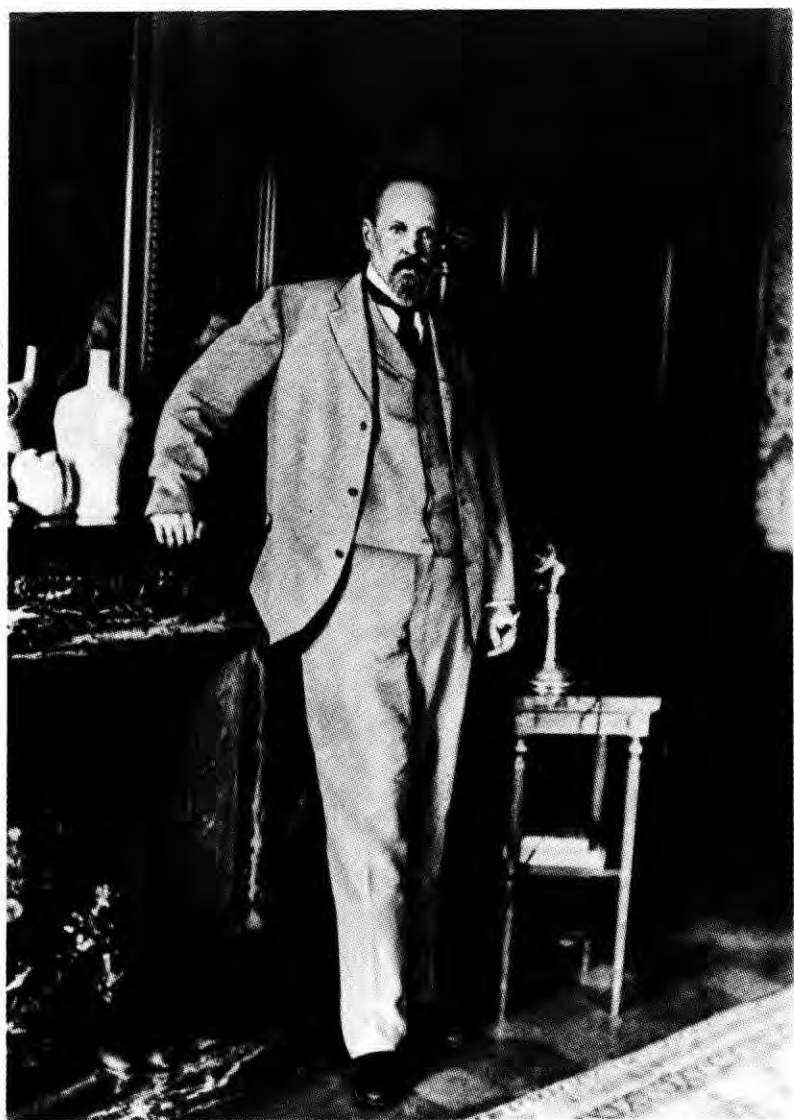
Причастность к решению совещания Сольского, несомненно, сыграла свою роль, Трепов упомянул о том, что «кабинет министров — вопрос уже предreshенный и проект готовится». Способствуя неизбежному — назначению Витте, — Трепов позаботился о собственном месте при новом государственном порядке, порекомендовав Николаю II создать одновременно личный кабинет, в котором несомненно рассчитывал занять ключевой пост.⁶²

Не будет неосторожным предположить, что именно после завершения подписания мемории (в 2 часа дня) Витте, как он сообщал, предъявил свой телефонный ультиматум царю, о котором с большой охотой писал впоследствии.⁶³ Он просил Фредерикса передать царю, что отказывается от назначения на пост главы правительства, если его проект манифеста будет изменен, хотя продолжает считать манифест «покуда» не нужным. Таким образом, требование опубликования доклада было опять повторено.

Царь, собиравшийся было подписать проект, представлявший собой конечный результат бдений Будберга и Горемыкина, а затем ознакомить с ним Витте, вынужден был отступить.⁶⁴ Следствием ультиматума был поздний приезд Фредерикса вместе с начальником его канцелярии, генералом Мосоловым. Итог их переговоров с будущим премьером, происходивших после полуночи с 16 на 17 октября, состоял в том, что Витте отклонил привезенный проект Горемыкина—Будберга, еще раз предложил ограничиться опубликованием своего доклада с уже сделанным к нему вступлением, относившим все его содержание к инициативе царя. Когда же Фредерикс сказал, что вопрос об издании манифеста пересмотру не подлежит, то Витте поставил условием своего согласия на назначение премьером принятие его проекта. Примечательно, что Витте явно надеялся на поддержку Трепова, осведомившись, знает ли тот о визите Фредерикса и Мосолова.⁶⁵

На следующий день, 17 октября, после того как Фредерикс доложил утром Николаю II о ночных переговорах и вел. кн. Николай Николаевич и Витте опять были вызваны к царю, оказалось, что Витте может прибыть только к половине пятого. Тем временем великий князь доказывал Фредериксу, что диктатура невозможна за недостатком войск. Решение «сдаться графу Витте», как выразился Фредерикс, т. е. не только принять его проект манифеста, но и утвердить и опубликовать его доклад, было принято в значительной мере под влиянием Николая Николаевича. А на его позицию в свою очередь повлиял рабочий-зубатовец М. А. Ушаков, направленный к нему известным придворным авантюристом кн. Андронниковым и внушивший ему, что без Витте не обойтись.⁶⁶ Эта мысль сделалась прямо-таки навязчивой при дворе, несмотря на все страхи перед кандидатом в премьеры. К тому же 17 октября было днем годовщины катастрофы, случившейся с поездом Александра III в Борках, которая, как считалось, произошла потому, что пренебрегли мнением Витте, тогда управляющего Юго-Западными железными дорогами.

Вел. кн. Николай Николаевич был, вероятно, действительно настойчив, но следует иметь в виду, что вопрос о «конституции» был решен царем еще накануне. 16 октября в своем ответе на трупповский отзыв о виттевском проекте манифеста царь писал: «Да, России даруется конституция. Немного нас было, которые боролись против нее. Но поддержки в этой борьбе ниоткуда не пришло, всякий день от нас отворачивалось все большее количество людей, и в конце концов случилось неизбежное. Тем не менее по совести я предпочитаю давать все сразу, нежели быть вынужденным в ближайшем будущем уступать по мелочам и все-таки прийти к тому же».⁶⁷ Эти слова знаменовали, по-видимому, начало отступления перед Витте. Эмигрантский историк С. С. Ольденбург свел воедино объяснение позиции Николая II, данное им в письме к матери 19 октября,⁶⁸ и мнения наиболее преданных самодержавному принципу газет, которые должны были иметь для царя значение. О днях накануне 17 октября царь писал матери: «Наступили грозные тихие дни, именно тихие, потому что на улицах был полный порядок, а каждый знал, что готовится что-то — войска ждали сигнала, а те не начинали. Чувство было, как бывает летом перед сильной грозой, нервы у всех были натянуты до невозможности, и, конечно, такое положение не могло долго продолжаться».⁶⁹ «Почти все, к кому я обращался с вопросом, отвечали мне так же, как Витте, и находили, что другого выхода нет», — писал также царь. Он называл свой шаг «страшным решением», которое он «тем не менее принял совершенно сознательно», и признавался: «Милая моя мама, сколько я перемучился до этого, ты себе представить не можешь!». «Представлялось избрать один из двух путей: назначить энергичного военного человека и всеми силами постараться раздавить крамолу, — вспоминал царь виттевский ультиматум, — затем была бы передышка, и снова пришлось бы через несколько месяцев действовать силой; но это стоило бы потоков крови и в конце концов привело бы к теперешнему положению, т. е. авторитет власти был бы показан, но результат оставался бы тот же самый и реформы вперед не могли осуществляться бы. Другой путь — предоставление гражданских прав населению — свободы слова, печати, собраний и союзов и неприкосновенности личности; кроме того, обязательство проводить всякий законопроект через Государственную Думу — это, в сущности, и есть конституция».⁷⁰ Об одной из причин своего страха перед диктатурой Николай, однако, умолчал. Но она была еще 10 октября названа В. П. Мещерским, который, возражая «Московским ведомостям», требовавшим военной диктатуры, заявил в «Гражданине», что диктатура — фактическое упразднение царской власти. При этом он придал делу неожиданный оборот, выразив опасение, что диктатор сам подпадет под влияние либерального напора. «Новое время» на следующий день, 11 октября, заявило, что «идея царской власти гораздо больше может быть потрясена репрессиями, чем узаконением свободы». А 14-го на его страницах А. А. Столыпин зывал: «Мы медлим... Вот она — началась революция».⁷¹

С. Ю. Витте

С. Ю. Витте с внуком

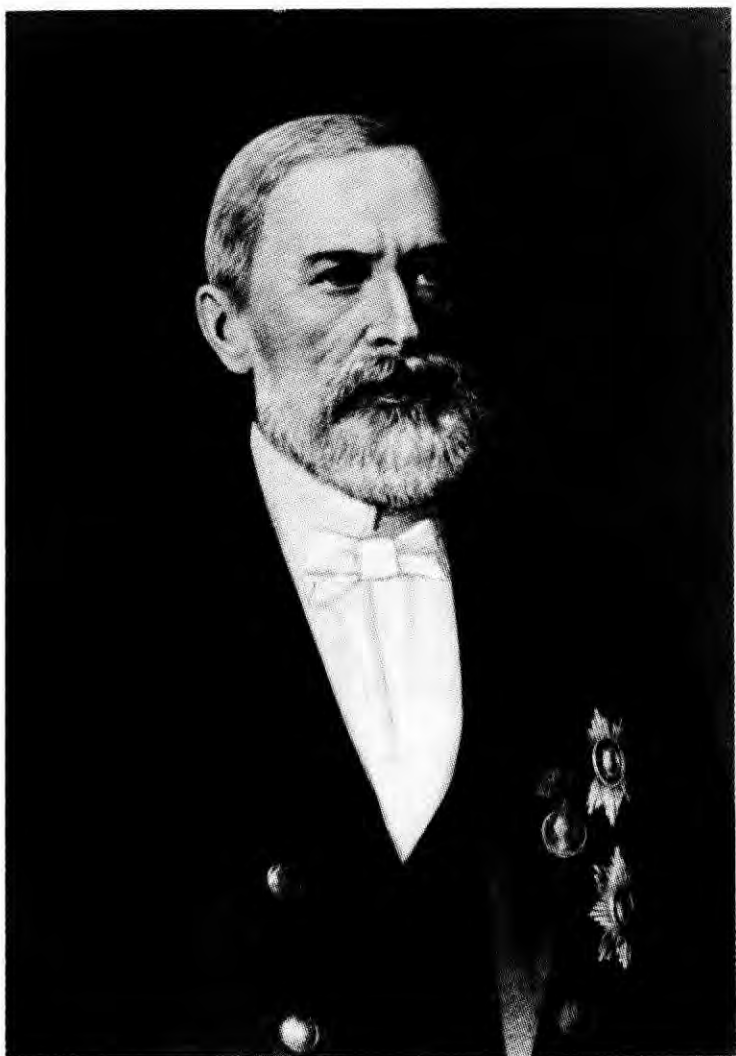
С. Ю. Витте. Рисунок Маркуса

Графиня М. И. Витте в своей гостиной.
(С фотографии А. К. Булла)

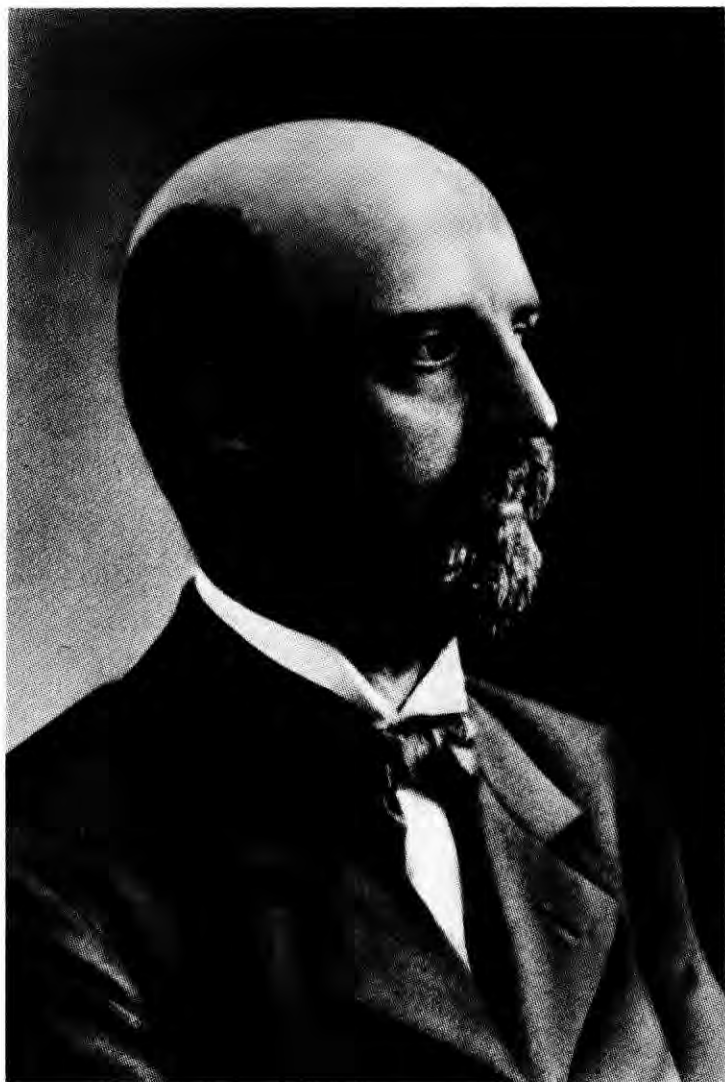
«Белый дом», особняк Витте на Каменноостровском пр. в Петербурге.
Современный вид.

Н. Х. Бунге. Министр финансов (06. 05. 1881—31.12.1886)

А. А. Абаза. Министр финансов (27.10.1880—06.05.1881)

Э. Д. Плесске. Министр финансов (16.08.1903—04.02.1904)

И. А. Вышнеградский. Министр финансов (01.01.1887—30.08.1892)

И. П. Шипов. Министр финансов (28.10.1905—24.04.1906)

В. Н. Коковцев, Министр финансов
(05.02.1904—24.10.1905 и 26.04.1906—30.01.1914)

П. Л. Барк. Министр финансов (30.01.1914—28.02.1917)

Во всех царских высказываниях, основанных на том, что решающее значение имел именно акт 17 октября, как бы не принималось во внимание, что совещание Сольского шаг за шагом, но неуклонно вело дело к принятию тех же преобразований. Впрочем, совещание Сольского действительно не успело замахнуться на предоставление Думе законодательных прав. Это-то требование, имевшее самое широкое распространение, царь и пытался до последней возможности отклонить, цепляясь за горемыкинский проект. Теперь приходилось уступить и в этом.

Как бы то ни было, однако на «конституцию» он решился, и теперь его следовало склонить к принятию требования Витте. И дело было не только в том, что к виттевским требованиям у Николая был особый подход независимо от их объема. Витте требовал утверждения своего программного доклада. А это было для царя нежелательно не только потому, что подчеркивало личное влияние Витте, хотя будущий премьер и приписал к своему докладу первую фразу, относящую составление всей программы к царской инициативе. Не менее важным недостатком доклада в глазах царя было то обстоятельство, что при минимальности меры обозначенных уступок в нем намечалась как бы перспектива преобразований. А придавать преобразовательной деятельности систематический характер Николай II как раз и не хотел.

Тут-то и появился перед ним в качестве сторонника преобразований Сольский. После того как 16 октября оформление мемории было завершено, для представления ее он приготовил 17-го всеподданнейший доклад. Обычно такие его доклады носили чисто формальный характер. На сей раз это было коллективное, что само по себе было из ряда вон выходящим, обращение к царю с настоятельным требованием «коренных широких реформ». От имени председателей департаментов Государственного совета и от своего имени Сольский заявил, что к реформаторским «ходатайствам нельзя относиться отрицательно». «Переживаемое Россией неслыханное в ее истории время является выражением широко распространенного среди широких слоев населения недовольства многими сторонами существующего строя, к изменению которого принимаются недостаточно решительные меры», — писал Сольский.⁷² Это было почти бунт, смягченный заявлением о том, что дарование «гарантий свободы в законных пределах... может еще привлечь на сторону правительства благонамеренные сферы». А «опираясь на них, только и можно вывести Россию из того крайне опасного положения, в котором она теперь находится». Объединенное правительство оказалось, таким образом, стержнем «конституции».

В шестом часу вечера Николай II подписал манифест в том его виде, как он был подготовлен Вунчем и Оболенским под руководством Витте, а также утвердил виттевский доклад. Так появились два связанных друг с другом акта, не соответствовавших друг другу по содержанию. В сущности, разница между мерами уступок, намеченных в докладе и содержавшихся в манифесте, определялась теми успехами, которые одержало революционное движение за неделю, прошедшую между 8 октября, когда было

начато составление доклада, и 15-м, когда был написан проект манифеста.

Поскольку манифест, по несколько субъективной оценке вел. кн. Александра Михайловича, «весь построенный на фразах, имевших двойной смысл»,⁷³ шел дальше доклада в области уступок и обещаний, система объявленных 17 октября преобразований стала связываться именно с ним, хотя в докладе и содержались косвенная критика предшествовавшего курса и заявление о том, что «Россия переросла форму существующего строя».

¹ Е. Д. Черменский на основании сообщения бывшего обычно весьма осведомленным журналиста Л. М. Клячко (Львова) считает автором записки А. В. Кривошеина (*Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции*. М., 1970. С. 135).

² РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 и сл.; *Мироненко К. Н. Совет министров по указу 19 октября 1905 г.* // Учен. зап. Ленингр. гос. ун-та, 1948. Сер. юридич. наук. Вып. 1. С. 354—355. В своей содержательной статье К. Н. Мироненко частично воспроизвел записку, считая ее докладом Сольского.

³ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 1 и сл.

⁴ Там же. Л. 134. С другой стороны, 10 сентября директор Департамента народного просвещения в замечаниях на записку 6 августа заявил, что ее автор «проектирует превращение Совета министров... как бы в боевой орган, имеющий вести в Государственной думе непрерывную войну с партией недовольных, мечтающих о полном переустройстве существующего в России порядка». «Очевидно, будет более целесообразно, — продолжал директор Департамента, — в корне изменить законоположения, нормирующие деятельность Государственной думы, чем приспособлять порядок высшего управления к законосовещательному органу столь опасного для государства состава». Он считал, что «достаточно лишь некоторого преобразования Совета министров» с назначением царем председателем из министров сроком на один год без права представлять кандидатов в министры. Такое право «есть уже посягательство на начало самодержавия верховной власти», — писал директор Департамента. Разъясняя опасность единства министров, он добавлял, что председа-

тельствующий «в целях более огласного действия может дать себя увлечь и рекомендовать иногда не столь способного, сколь особо послушного кандидата» (РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 253. Л. 4—6).

⁵ Дневник А. А. Половцова, запись 19 сентября. 1905 г. // Красный архив, 1923. Т. 1. С. 64. «Забавно видеть смятение разных здешних сфер по случаю скорого возвращения „Иуды“, увенчанного лаврами миротворца. Его менее, чем когда-либо, любят и более, чем когда-либо, опасаются, и в настоящую минуту придумываются и обсуждаются всякие меры к его „обезвреживанию“», — писал Святополк-Мирскому 29 августа Гирс (ГАРФ. Ф. 1729. Оп. 1. Д. 608. Л. 18). «Неожиданность, растерянность, внутренняя злость и показное удовольствие», — так характеризовал в частном письме 30 августа настроения при дворе известный нам И. И. Колышко. «Государь срывает злость на Витте, — говорилось в письме далее. — Он не поздравил его с окончанием переговоров, не поблагодарил, даже не ответил на телеграмму. Понятно, Витте оскорблен, опечален и, вероятно, по приезде в Петербург подает в отставку» (РГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 820. Л. 32). Витте, однако, поступил противоположным образом.

⁶ В. Л. Бурцев — С. Ю. Витте, 25 июля 1905 г. Копия с пометой Витте о представлении царю: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 306. Л. 1.

⁷ Там же. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 11; Д. 4. Л. 466.

⁸ Дневник А. А. Половцова, запись 21 сентября 1905 г. С. 65.

⁹ Л. Л. О кабинете министров // Русь. 1905. 26 сентября.

¹⁰ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 175.

- 11 Дневник А. А. Половцова. Записи 21 и 26 сентября 1905 г. С. 66—69.
- 12 РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 183—188.
- 13 Дневник А. А. Половцова. Записи 28 и 29 сентября 1905 г. С. 69—70.
- 14 РГИА. Библиотека. Коллекция печатных записок. № 7; РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 176.
- 15 Там же. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 61.
- 16 Там же. Д. 6. Л. 50—52.
- 17 Проект мемории Особого совещания для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной думе правил. Заседание 3 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 8. Л. 86.
- 18 Дневник А. А. Половцова. Запись 3 октября 1905 г. С. 72.
- 19 Проект мемории Особого совещания... Л. 87.
- 20 Дневник А. А. Половцова. Записи 4, 6 и 9 октября 1905 г. С. 73—75. 3 октября, судя по записи Глазова, по поводу объединенного правительства состоялся такой обмен мнениями:
«Гр[аф] Витте. Да, полезно, но едва ли оправдает все ожидания. Лобко. Необходимо даже и без Государственной думы. Сабуров. К этой мере сочувствен[но относятся]. Коковцов. Единение необходимо, и чем скорее, тем лучше [далее не разобрано]. Кн[язь] Хилков. Мех[аническая] связь обратится в нравственную. Гр[аф] Витте. Объедин[ение] механическое, польза будет» (РГИА. Ф. 922. Оп. 1. Д. 253. Л. 1).
- 21 РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 6. Л. 54—55.
- 22 П. Л. Лобко — Д. М. Сольскому. 5 октября 1905 г.; РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 243.
- 23 Там же. Л. 290.
- 24 Мосолов А. А. При дворе императора. Рига, б. д. С. 135.
- 25 Справка о манифесте 17 октября 1905 г., сост. С. Ю. Витте // Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 10 и сл.; Записка помощника управляющего делами Комитета министров Н. И. Вуича // Красный архив. 1925. Т. 4(5). С. 66 и сл.; Дневник кн. А. Д. Оболенского // Там же. С. 69 и сл.
- 26 См.: Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 140. С. С. Ольденбург считает ее автором И. Я. Гурлянда (Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Белград, 1939. Т. 1. С. 311).
- 27 Красный архив. 1925. Т. 4(5). С. 54—59.
- 28 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 11, 26.
- 29 Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — мемуарист. СПб., 1994. С. 55—56.
- 30 Там же.
- 31 Мосолов А. А. При дворе императора. С. 136.
- 32 РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 280, 284, 287, 297.
- 33 Там же; Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.) / Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1907. С. 236—237.
- 34 РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 303.
- 35 Там же. Д. 16. Л. 84—86.
- 36 «С большинством... Думы, как бы ни определились по букве закона права учреждения, на деле все же придется считаться», — предупреждал Крыжановский (Там же. Л. 90).
- 37 Там же. Л. 88—89.
- 38 Дневник А. А. Половцова. Запись 11 октября 1905 г. С. 75.
- 39 Там же. С. 76; Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 34.
- 40 РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 326—327, 332, 349.
- 41 Дневник А. А. Половцова. Запись 12 октября. 1905 г. С. 76.
- 42 РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 48в. Л. 16—17; Гос. ист. архив Латвии. Ф. 3. Оп. 1. Д. 17443. Л. 60.
- 43 РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 8. Л. 125—126.
- 44 Красный архив. 1925. Т. 4(5). С. 61. Правя проект мемории совещания Сольского 3, 4 и 12 октября, которое из-за Игнатьева и Стишинского так и не сумело прийти к единогласному решению по четырем вопросам — о новом учреждении Совета министров, полномочиях его председателя, порядке представления всеподданнейших докладов по отдельным ведомствам и назначения министров (по последнему вопросу Игнатьев и Стишинский заявляли: «Не следует упускать из виду, что основанием к всеобщему недовольству служит, между прочим, предположение о самовластии отдельных министров. Поэтому сосредоточение подобного самовластия в лице председателя самопополняющейся коллегии могло бы быть принято населением с еще большим недовольством»), Витте против мнения соглашавшегося на все его требования большинства о том, что Совет министров должен состоять из лиц

- «одинаковых политических убеждений» великодушно добавил: «по крайней мере в главнейших вопросах» (РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 351—352).
- 45 Дневник А. А. Половцова. Запись 27 апреля 1908 г. С. 126.
- 46 Там же; *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 12.
- 47 «В своем ли ты уме?» — спросил Трепова Мосолов, увидев у него черновик приказа. Трепов ответил, что он все обдумал и иначе поступить не может. «Войск перестали бояться, и они стали сами кинуть. Завтра же, вероятно, придется стрелять. А до сих пор я крови не проливал. Единственный способ отвить это несчастье и состоит в этой фразе» (Мосолов А. А. При дворе императора. С. 125).
- 48 Бахметьевский архив Колумбийского университета в США. Фонд С. Ю. Витте; *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 12.
- 49 Там же. С. 4—7; Красный архив. 1925. Т. 4(5). С. 62 и сл. Рукой Витте было добавлено, что сделано это должно быть «путем нормальной законодательной разработки».
- 50 Дневник А. А. Половцова. Запись 14 октября 1905 г. С. 76.
- 51 Красный архив. 1925. Т. 4(5). С. 86—87.
- 52 Там же. С. 88.
- 53 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 81. Л. 2.
- 54 Красный архив. 1925. Т. 4(5). С. 89.
- 55 *Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября 1905 г. // ВИД. 1981. Вып. 12. С. 176.*
- 56 *Мосолов А. А. При дворе императора. С. 137.*
- 57 *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 22, 28; Дневник А. А. Половцова. Запись 20 октября 1905 г. С. 79.
- 58 *Островский А. В., Сафонов М. М. Неизвестный проект манифеста 17 октября 1905 г. // Сов. архивы. 1979. № 2. С. 62—65.*
- 59 Обстоятельное их рассмотрение, как и вообще истории текста манифеста, предприняли А. В. Островский и М. М. Сафонов в указанной выше статье «Манифест 17 октября 1905 г.».
- 60 РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 5. Л. 388.
- 61 Там же. Л. 374.
- 62 Былое. 1919. № 14. С. 110—111.
- 63 *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 29, 39.
- 64 *Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября 1905 г. С. 184—185.*
- 65 *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 15—16, 40. Фредерикс и Мосолов приехали к Витте от Трепова, которому читали проекты манифеста. А. В. Островский и М. М. Сафонов, основываясь на воспоминаниях Мосолова, считают, что Витте были предложены поправки Трепова к его проекту и что в ходе переговоров он готов был их принять, но затем переменил свое решение на прежнее ультимативное (*Островский А. В., Сафонов М. М. Манифест 17 октября 1905 г. С. 185.*)
- 66 В. И. Гурко утверждал, впрочем, что Ушакова подослал к великому князю сам Витте (*Гурко В. И. Что есть и чего нет в «Воспоминаниях» графа С. Ю. Витте // Русская летопись. Париж, 1922. Кн. 2. С. 115.* См. также: *Островский А. В. С. Ю. Витте, М. А. Ушаков. К истории манифеста 17 октября 1905 г. // Проблемы социально-экономической и политической истории России XIX—XX веков. Сб-к статей памяти Валентина Семеновича Дякина и Юрия Борисовича Соловьева. СПб., 1999. С. 364—374.*
- 67 *Черменский Е. Д. Буржуазия и царизм в первой русской революции. С. 144.*
- 68 Красный архив. 1927. Т. 3(22). С. 167—168.
- 69 Там же. А. А. Кизеветтер, отметив симптомы того, что 16 октября всеобщая стачка стала выдыхаться, далее писал: «Но, с другой стороны, это было влияние столь неожиданное и необычное, что власть вдруг ощутила панику. Как никак, центральная власть вдруг оказалась оторванной от страны, изолированной во всех смыслах, и нельзя было понять, что там делается и что там таится в этой вдруг онемевшей и застывшей в жуткой неподвижности стране» (*Кизеветтер А. А. На рубеже двух столетий. Прага, 1929. С. 389.*)
- 70 Красный архив. 1927. Т. 3(22). С. 168.
- 71 *Ольденбург С. С. Царствование императора Николая II. Т. 1. С. 315—316.*
- 72 РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 22. Л. 68.
- 73 *Вел. кн. Александр Михайлович. Книга воспоминаний. Париж, б. д. Т. 2. С. 228.*

Часть IV

**ПЕРВЫЙ ПРЕДСЕДАТЕЛЬ
СОВЕТА МИНИСТРОВ
РОССИИ**

Глава I

РЕВОЛЮЦИЯ И РЕФОРМЫ. ПРЕМЬЕР, ЦАРЬ, КАБИНЕТ

Пост председателя Совета министров вводился указом 19 октября «О мерах к укреплению единства в деятельности министерств и главных управлений», которым Совет министров был реформирован. Указ возлагал на Совет министров направление деятельности ведомств и передавал ему из ведения сохранявшегося пока Комитета министров дела, относящиеся к общему спокойствию и безопасности. Совет оставался ответственным перед царем, за которым сохранялось право назначения министров и председателя. Председатель принимал участие в выборе кандидатов на министерские посты, за исключением постов министров императорского двора, иностранных дел, военного и морского. По усмотрению царя Совет собирался под его собственным председательством. Имеющие общее значение меры управления не могли приниматься отдельными министрами помимо Совета. Они должны были сообщать председателю обо всех выдающихся событиях, принятых мерах и распоряжениях, а также знакомить его со своими всеподданнейшими докладами до их представления царю. Дела, относящиеся к министерствам двора, иностранных дел, военному и морскому, были выделены из ведения Совета и могли вноситься в него только по указанию царя, по представлению министра, возглавлявшего одно из этих министерств, или в тех случаях, когда дело касалось и других ведомств. Об ответственности правительства перед Думой и его формировании из победивших на выборах партий, разумеется, не было и речи: это считалось главным признаком страшного западного конституционного строя. Образованное как часть новой системы государственного управления, которую следовало приспособить к сосуществованию с получившей законодательные права Думой, объединенное правительство до конца апреля 1906 г. действовало без нее, однако в той политической обстановке, которая характеризовалась существенными изменениями в государственном

строе и гражданскими свободами, провозглашенными манифестом 17 октября. Витте приступил к делу немедленно, не дожидаясь указа 19 октября. По словам В. Н. Коковцова, занимавшего пост министра финансов до прихода Витте на пост премьера, акты, связанные с преобразованием Совета министров и назначением его председателя, были подготовлены по поручению Витте его прежним сотрудником директором общей канцелярии министра финансов А. И. Путиловым по секрету от самого министра.¹

Граф И. И. Толстой, ставший в правительстве Витте министром народного просвещения, так характеризовал двойственность настроения Витте после 17 октября: «Избалованный успехами своей финансовой политики и удачею при недавнем заключении мира с Японией, сделавшими его одним из известнейших и отчасти популярнейших государственных деятелей всего образованного мира, он несомненно был убежден, что венчает свою карьеру инициативою в акте, который явится источником счастья и величия Родины и самого Государя». Но начало премьерства было для главы правительства отнюдь не триумфальным. «Витте, — продолжал И. И. Толстой, — был слишком умным человеком, чтобы воображать, что все пойдет гладко и что Манифест вызовет одни восторги и дружную работу всей страны в деле осуществления новых идей, но, конечно, не предчувствовал размеров скандалов и революционного озлобления, охвативших страну вслед за изданием актов, долженствовавших, как он думал, успокоить недоверие сознательных элементов населения».²

По словам чиновника канцелярии председателя Совета министров П. П. Менделеева, в первые дни после 17 октября в «белом доме», как называли тогда особняк С. Ю. Витте, дом № 5 в самом начале Каменноостровского проспекта, царила атмосфера «нервной напряженности и тревоги», сам Витте выглядел «осунувшимся и озабоченным».³ «Вы говорили с Сергеем Юльевичем; он кажется теперь немного спокойнее, а то раньше, все эти дни он совершенно изнервничался, на него было жаль смотреть», — сказал сам царь 30 октября И. И. Толстому.⁴

Сопrotивление политике Витте и осуществлению манифеста вспыхнуло и нарастало слева и справа. На следующий день после манифеста ЦК РСДРП в воззвании «К русскому народу» потребовал надежных гарантий, а не обещаний политических свобод — немедленного вооружения народа, снятия военного положения во всех местностях, созыва Учредительного собрания, отмены сословного строя, введения восьмичасового рабочего дня. При этом подчеркивалось, что подготовка вооруженного восстания остается первоочередной задачей пролетариата, что путь удовлетворения этих ближайших требований только один — свержение царизма и создание временного революционного правительства, которое созовет Учредительное собрание.⁵

С другой стороны, инспирируемые влиятельными противниками государственных преобразований и какой бы то ни было реформаторской деятельности воинствующие сторонники непри-

косновенности самодержавного строя начали устраивать погромы, вооруженные выступления и даже пожары в разных районах страны, преследуя, избивая и убивая представителей демократической общественности, студентов, евреев, всех причислявшихся к сторонникам манифеста. Многолюдные уличные митинги и демонстрации разгонялись и военно-полицейскими силами. В Петербурге солдаты Семеновского полка избили собравшихся у Технологического института, при этом удар по голове получил Е. В. Тарле, тогда приват-доцент университета. Перед этим Витте по просьбе директора института в телефонном разговоре с командиром полка Г. Мином просил не разгонять толпу. Мин в ответ предложил Витте самому прибыть на площадь и убедить толпу разойтись. Сведения об этом проникли в печать и расценивались как признак конфликта между Витте и Треповым, противоречий между правительством и военными властями. Витте распорядился опровергнуть в печати самый факт своего разговора с Мином, хотя впоследствии описал его в своих мемуарах.⁶

Правительственным сообщением 20 октября Витте объявил, что осуществление провозглашенных манифестом реформ требует времени для законодательной разработки, а пока должны действовать прежние законы.

Создававшиеся в качестве революционных форм организации масс в различных городах Советы начинали функционировать как органы власти. 18 октября Петербургский совет потребовал политической амнистии, а на следующий день постановил, чтобы все газеты столицы выходили без цензуры, а типографии подцензурных газет не печатали.⁷

Еще во время Октябрьской забастовки состоялось собрание представителей большинства петербургских газет по поводу активной борьбы с цензурой. Образовался «Союз в защиту свободы печати». 13 октября совещание делегатов редакций петербургских газет даже наметило систему мер для ее введения явочным порядком. Игнорирование требований цензуры должно было подкрепляться срочной однодневной забастовкой всех газет в случае, если выпуск одной из них будет задержан властями, организацией добровольной дружины газетных разносчиков для воспрепятствования попыткам запрета распространения тех или иных печатных органов, договоренностью об одновременном печатании тождественных сообщений о текущих событиях. Выборное бюро занялось обсуждением вопроса о противопоставлении цензурным карам круговой поруки редакций.

Приглашенные к Витте 18 октября редакторы петербургских газет выдвинули требования свободы печати и политической амнистии.

Требование амнистии поддержал и редактор «Нового времени» М. А. Суворин. Пришедшие ссылались на то, что теперь за амнистию выступает и «Гражданин» В. П. Мещерского. Наиболее радикальные редакторы требовали удаления Трепова, отмены военного положения и усиленной охраны, отвода войск и казаков из Петербурга и даже организации народной милиции. Витте, хотя и был несколько растерян и напуган, главным образом про-

должавшейся железнодорожной забастовкой, в сущности, отклонил все требования редакторов. «Увести войска? Нет, лучше остаться без газет и без электричества», — заявил он. «Не могу стать на вашу точку зрения. Вы упраздняете правительство», — возразил Витте на заявление о том, что Совет (его называли стачечным комитетом) ручается за поддержание порядка без войск. Лишь по поводу амнистии он сообщил, что дал поручение выяснить, «в каких размерах» она возможна. «Я сам возмущаюсь насилиями... Помогите мне, дайте несколько недель», — просил Витте, призывая редакторов не нарушать законов о цензуре и пообещав только устранить цензурные «недоразумения».⁸

В тот же день Витте пригласил к себе председателя Особого совещания для составления нового устава о печати Д. Ф. Кобеко и предложил ему в возможно скором времени составить проект правил о повременных изданиях, не касаясь книг, типографий и других предметов ведения Совещания. На первое же заседание Совета министров 29 октября его председатель внес этот вопрос, без обиняков назвав его — «о временных мерах к осуществлению свободы для периодической печати».⁹

21 октября была объявлена политическая амнистия. Часть осужденных за политические преступления, в том числе стачечников, освобождалась от наказаний, другой части, включая участников террористических актов, мера наказания смягчалась. Хотя Витте, по его собственному признанию, «в душе немного побаивался амнистии», он «считал ее необходимою», как и другие сановники, включая Трепова, устроившие заседание с таким расчетом, чтобы поменьше ездить по улицам.¹⁰ В тот же день появилось правительственное сообщение по поводу участия в революционном движении учащихся средних учебных заведений, а 24 октября — новое сообщение с призывом к прекращению беспорядков, в котором увещевания чередовались с угрозами применения военной силы.

Ту же цель, что и встреча с редакторами, преследовало, по видимому, официальное опровержение газетных сообщений, согласно которым Витте поставил осуществление манифеста под сомнение и объявил, что самодержавная власть продолжает существовать «без всякой перемены».¹¹ Премьер всячески старался проводить ту политическую программу, которую с наибольшей ясностью выразил за 36 часов до своего назначения в беседе с уже известным читателю руководителем европейского банковского синдиката французским банкиром Эд. Нецлином. Витте тогда передал через него премьер-министру Франции М. Рувье обещание верности франко-русскому союзу и настоятельную просьбу о политической помощи с рекомендацией того, как следует освещать происходящее в России во французской печати.¹²

С ведома царя Витте повел переговоры с общественными деятелями об их участии в его правительстве, чтобы не быть обвиненным в том, что председательствует в кабинете, состоящем из одних только сановников-бюрократов, назначенных царем. Широко обсуждавшиеся переговоры с «общественниками», как и слухи о подборе министров из числа либеральных чиновников, очень

помогли Витте в критические для него дни, когда всеобщая забастовка продолжалась (в Петербурге она пошла на убыль 27 октября, в тот день, когда переговоры прекратились).

Начав переговоры с Д. Н. Шипова как наиболее умеренного среди «общественников», Витте предложил ему пост государственного контролера, тот самый пост, подчинения которого председателю Совета министров Витте добивался за несколько дней до того. Пост министра народного просвещения был предложен проф. кн. Е. Н. Трубецкому, торговли и промышленности (хотя это министерство еще не было создано и существовало пока лишь в планах Витте) — А. И. Гучкову.¹³ Шипов же выдвинул требование предоставить «общественникам» портфели министров юстиции, внутренних дел и главноуправляющего землеустройством и земледелием, предложив трех кандидатов: в министры юстиции С. А. Муромцева, а на два других поста кн. Г. Е. Львова и И. И. Петрункевича с тем, чтобы Витте сам решил, кому из них какое министерство поручить. В ходе дальнейших переговоров принявшие в них участие члены бюро съездов земских и городских деятелей Ф. Ф. Кокошкин, Ф. А. Головин и Г. Е. Львов выдвинули требования созыва Учредительного собрания для выработки основного закона, немедленного осуществления возведенных манифестом свобод и полной политической амнистии. После этого Витте оставалось продолжать переговоры с Шиповым, М. А. Стаховичем и Трубецким, которые, как выразился Шипов, сознавали «необходимость сохранения и поддержания авторитета государственной власти».¹⁴ Камнем преткновения стала кандидатура П. Н. Дурново на пост министра внутренних дел. Самый пост этот «общественники» были готовы уступить «бюрократам», но кандидатуру Дурново решительно отвергали, поскольку газеты воспроизвели выразительную резолюцию Александра III по поводу того, что Дурново на посту директора Департамента полиции использовал секретную агентуру в своих романических похождениях. Обсуждались кандидатуры кн. С. Д. Урусова, П. А. Столыпина и самого Витте, которому советовал взять портфель министра внутренних дел А. Д. Оболенский. По словам И. И. Толстого, Витте отверг это предложение, ссылаясь на то, что ему необходимо сохранить за собой общее руководство политикой, и на недостаток времени. «Я думаю, — писал Толстой, — что он предвидел и другое, о чем не говорил: он знал, что реформы гладко не пройдут, что так или иначе, а придется прибегать к репрессиям, а поэтому принимать весь odium их непосредственно на себя».¹⁵

Впоследствии Витте утверждал, что последовательно отстаивал кандидатуру Дурново ввиду его полицейского опыта.¹⁶ Однако товарищ министра внутренних дел В. И. Гурко утверждал, что Витте сделал было ставку на Урусова, но затем снова представил царю кандидатуру Дурново, с таким, впрочем, отзывом, что она была отклонена. Тогда Дурново пригрозил премьеру какими-то документами, которые, если бы они были представлены царю, означали бы для Витте политическую гибель. Витте пришлось еще

раз просить за Дурново, и Николай II согласился ненадолго назначить его управляющим министерством.¹⁷

Вопрос о вступлении в кабинет Шипова, Гучкова и Трубецкого (после знакомства с последним Витте сказал: «Мне нужен министр, а мне прислали какого-то Гамлета»)¹⁸ отпал, Стахович заявил о своем намерении баллотироваться в Думу. Переговоры с «общественниками» прекратились, но Витте получил возможность опубликовать их письма, выражавшие политическую поддержку его программы. Витте и помимо переговоров о министерских портфелях встречался с различными представителями либеральных и радикальных кругов, чтобы доказать искренность своего конституционализма и продемонстрировать трудность своего положения между революционными массами и не допускающим конституции царем. Пришедшим к нему в ночь на 24 октября просить о неприменении силы против намечавшейся у Технологического института в Петербурге демонстрации редактору газеты «Право» И. В. Гессену и проф. Л. И. Петражицкому он пытался поручить составление проекта Основных законов. А П. Н. Милюков считал, что предоставить выработку конституции последовательно избираемым органам «чересчур рискованно», и предложил поэтому без долгих проволочек даровать ее. «Позовите кого-нибудь сегодня и велите перевести на русский язык бельгийскую или, еще лучше, болгарскую конституцию, завтра поднесите ее царю, а послезавтра опубликуйте», — «драматизируя и упрощая свою речь»,¹⁹ сказал Милюков. Так излагал Милюков эту беседу в своих воспоминаниях. Витте же заявил ему, что либеральную общественность данная сверху конституция не удовлетворит, народ конституции вообще не хочет, а царь отказывается ее дать. Милюков заверил Витте, что либеральная общественность, получив конституцию, «пошумит и успокоится», и заметил: «Выходило, что Витте радикальнее меня самого».²⁰

Не только Витте, но и самому Николаю II приходилось выслушивать самые непривычные для них до тех пор слова и при назначении министров из числа лиц, состоявших на государственной службе. Так, И. И. Толстой заявил и премьеру, и царю, что является противником проводившейся политической линии, в частности в еврейском вопросе. В ответ на слова Толстого о том, что он «намерен сразу дать новое направление деятельности министерства, так как убежден в совершенной неправильности существующего направления», Витте заявил: «Что же, с Богом, я должен Вам сказать, что отдельные министры пользуются полной самостоятельностью в своих ведомствах, и я себе предоставляю право вмешиваться только в вопросах, имеющих общеполитический характер». Когда же будущий министр народного просвещения объявил себя «решительным и убежденным сторонником» полного равноправия всех национальностей и «полного уравнивания» евреев, «этой преследуемой нации», «во всех правах с остальными гражданами России», «немедленной отмены процентных норм при поступлении в учебные заведения, разрешения евреям занимать преподавательские места и открывать собственные

учебные заведения», Витте ответил монологом, заслуживающим воспроизведения.

«Что же, я сам решительный сторонник еврейского равноправия..., — сказал он, — но думаю, что не следует ставить вопрос так резко, а главное, сомневаюсь, чтобы можно исполнить это сейчас. Впрочем, я совершенно согласен с Вами, что следует работать в намеченном Вами направлении, но окончательное решение всего еврейского вопроса следует предоставить Думе. Мы не имеем права предрешать вопроса, касающегося всего населения России накануне созыва представителей всей страны, которые одни и могут решить его в том или другом смысле, но я буду Вам очень благодарен за подготовку вопроса; я далеко не враг евреям и сам считаю, что половина наших бед происходит от несправедливого отношения к ним. Должен, однако, сказать, что я в последнее время сильно разочаровался в евреях: я считал их умнее и практичнее. Что они наделали, что они делают в последнее время. Вместо того, чтобы поддержать правительство в его благих намерениях, они все делают, чтобы напакостить ему, они стоят во главе революции, разжигают страсти, проповедуют черт знает что. Они сами дают аргументы против себя в руки своих врагов...» Толстой, однако, настаивал на решении вопроса о еврейском равноправии до созыва Думы.²¹

Пространную и решительную речь по «капитальнейшему» еврейскому вопросу произнес И. И. Толстой и перед царем, который ответил: «Теоретически Вы, я думаю, правы, но с практической точки зрения придется поработать над этим вопросом. Я не против равноправности евреев, но при решении вопроса необходимо оградить интересы русских людей». Свою «исповедь» Толстой начал словами: «Прежде всего я должен открыто сказать, что я решительный враг существующего правительственного режима, считая его вредным как для Вашего Величества, так и для России. Я не повторяю чужие слова, а выражаю свое искреннее убеждение, что бюрократический режим совершенно непригоден для России, что Россия им загублена, а Ваше Величество вводиться в заблуждение благодаря существующим у нас порядкам и всей системе управления государством». «Государь, — писал далее Толстой, — меня прервал словами: „Я совершенно с Вами согласен и лучшее доказательство этого то, что происходит здесь...“ и Государь показал в окошко на Кронштадт».²² Восстание моряков в Кронштадте, к которому присоединились и солдаты, являлось существенным элементом общеполитической обстановки в стране в конце октября. Прекращение 27-го всеобщей забастовки и восстановление железнодорожного сообщения лишь частично улучшили положение властей. Усиливались революционные выступления в деревне, особенно в Прибалтике. Рабочие Петербурга и других городов требовали введения 8-часового рабочего дня, росло число и влияние Советов. Петербургский совет объявил всеобщую забастовку в знак протеста против первых после манифеста карательных мер властей. Наблюдались случаи неповиновения в воинских частях. Войска, участвовавшие в войне с Японией, еще не успели вернуться в Европейскую Россию, нахо-

дившихся там сил было недостаточно для подавления беспорядков, к тому же они были ослаблены увольнением призванных во время войны запасных. Карательные действия войск вызывали нарекания в различных общественных кругах. Специальное правительственное сообщение было посвящено полемике с газетными статьями о роли армии в подавлении революции.

Фактическая свобода печати, появление сатирических журналов, высмеивавших царя, его окружение и Витте в том числе, манифест 17 октября, открыто подрывали престиж власти. Вопрос об отношении к ней был главным в процессе официального формирования политических партий, многие из которых, в сущности, сложились еще до 17 октября. Председатель Совета министров старался оказать на этот процесс свое влияние. Как известно, наиболее значительной была партия народной свободы, или конституционалистов-демократов (кадетов). «К взглядам этой партии» Витте, по его собственным словам, относился «симпатично» и готов был ее поддержать. В свою очередь, большинство кадетских лидеров были готовы к поддержке Витте, ставя ее условием выполнения обещаний манифеста. Однако когда в первые же дни после учредительного съезда партии Витте передал кадетским лидерам через И. В. Гессена требование открытого осуждения революции, оно принято не было.²³ По совету Витте Петербургское общество заводчиков и фабрикантов и другие предпринимательские организации пытались создать собственное политическое объединение, но план этот не осуществился.

Образовавшийся по инициативе Департамента полиции и под его присмотром, но, как и другие партии, на юридической базе манифеста 17 октября Союз русского народа тем не менее выступал, в сущности, против манифеста и развертывал травлю Витте как его творца. Угроза террористических актов существовала и слева и справа. По настоянию Департамента полиции Витте должен был переехать из своего особняка в запасной дом при Зимнем дворце, Дворцовая наб., 30. (Впоследствии, в 1930—1950-х гг. в занимавшемся Витте помещении была квартира академика Е. В. Тарле.) Необходимость переезда мотивировалась тем, что особняк Витте удален от министерств и центра, и это затрудняло охрану министров и сановников, которые должны были регулярно к нему ездить. Переезд состоялся, по словам Витте, около 27 октября.²⁴ Во всяком случае, именно в этот день И. И. Толстой был приглашен к нему на казенную квартиру, в которую Витте только что переехал. Здесь в швейцарской и на лестницах круглосуточно дежурил взвод солдат Преображенского полка.

Правительство приступило к делу еще до того, как «виттевский кабинет» был окончательно сформирован. Министры иностранных дел (гр. В. Н. Ламздорф), военный (ген. А. Ф. Редигер), морской (адм. А. А. Бирилев), юстиции (С. С. Манухин) и императорского двора (В. Б. Фредерикс) остались прежние. Управляющим Министерством внутренних дел остался, как уже знает читатель, Дурново. Должность обер-прокурора Синода занял известный читателю по своим отношениям с Витте А. Д. Оболенский. Государственным контролером вместо ожесточенного

оппонента Витте ген. П. Л. Лобко стал его товарищ Д. А. Фило-софов, министром народного просвещения, как было уже сказано, гр. И. И. Толстой, который отмечал, что остальные портфели были распределены между бывшими подчиненными Витте по Ми-нистерству финансов (министр путей сообщения К. С. Немешаев, финансов — И. П. Шипов, торговли и промышленности — В. И. Тимирязев, главноуправляющий землеустройством и земле-делием Н. Н. Кутлер).

В какой мере Витте пользовался властью и влиянием в воз-главлявшемся им правительстве? Сама новая государственно-правовая форма — с исключительным правом царя на назначение министров и ответственностью правительства перед ним, а не пе-ред законодательной Думой, созыв которой предстоял, — как бы препятствовала председателю Совета министров ощущать себя главой правительства. «Видимость главенства», — так выразился в одной из своих работ Б. А. Романов,²⁵ определяя те права, ко-торыми хотел ограничить компетенцию главы правительства царь.

Существует представляющаяся несколько утрированной оцен-ка положения Витте-премьера как чуть ли не совершенно бесправ-ного. Она принадлежит А. А. Спасскому-Одынцу, который, бу-дучи столоначальником в Московской казенной палате, подал Витте записку о том, что пока не будет созвана Дума, власть должна идти об руку с лучшими и передовыми силами страны. Этим, а также своими связями в кругах московской обществен-ности среди профессуры и будущих октябристов он обратил на себя внимание Витте и получил должность четвертого класса при председателе первого объединенного правительства. Впрочем, ут-верждал он в своих воспоминаниях, написанных в 1965 г. под влиянием второго советского издания мемуаров Витте, предпри-нятого в 1960 г., «С[ергей] Ю[льевич] абсолютно ничего не объ-единял, ничем не руководил и никого и никак не направлял. Со-вместные доклады у государя с тем или иным министром, как это в первые дни премьерства графа было заведено, скоро свелись к очень редким случаям».²⁶

В подтверждение смысла первой из приведенных фраз Спасский-Одынец ссылается на то, что московское и другие во-оруженные восстания «сделали правительственную власть пре-мьера иллюзорной до очевидности», так как командовавшие кар-ательными силами сами докладывали царю. «В общей картине исторически верно будет сказать, что все действия „карателей“ одобрялись государем там, где положительный результат был на-лицо», — писал Спасский.²⁷ Он утверждал, что Витте не мог вли-ять на назначение начальников карательных отрядов, произ-водившееся начальником гвардейского корпуса генералом Безобразовым по поручению главнокомандующего Петербург-ским военным округом вел. кн. Николая Николаевича. Instruc-ции же начальникам отрядов давались высшим начальством, не-посредственно подчиненным императору и от него получавшим указания, минуя не только главу правительства, но и министров военного и внутренних дел. В своем месте мы обратимся к рас-

смотрению роли Витте в руководстве карательными действиями. Пока же остановимся на сообщении Спасского о попытке Витте установить в первые дни премьерства свои совместные с министрами доклады царю. Еще при разработке реформы Совета министров в совещании Д. М. Сольского Витте, видевший себя на посту будущего главы правительства, добивался того, чтобы после осуществления реформы всеподданнейшие доклады министров делались ими в присутствии председателя Совета и предварительно им рассматривались и утверждались. В. Н. Коковцов, Сольский и другие считали достаточным проведение через Совет проектов тех докладов, которые имели общее значение и затрагивали компетенцию других ведомств. Между Коковцовым и Витте возникла яростная перепалка. Витте кончил ее словами: «пишите, что хотите, я же знаю, как я поступлю в том случае, если на меня выйдет удовольствие быть председателем будущего Совета министров. У меня будут министры — мои люди, и их отдельных всеподданнейших докладов я не побоюсь».²⁸

Указом 19 октября было предусмотрено, что имеющие общее значение меры управления не могли приниматься отдельными министрами помимо Совета министров. Они должны были сообщать председателю сведения обо всех выдающихся событиях, принятых мерах и распоряжениях, а также знакомить его со своими всеподданнейшими докладами до их представления царю. Витте было этого, по-видимому, недостаточно, да и сохранение состава правительства из своих людей, на что он надеялся, оказалось трудно осуществимым. Этим и объяснялась та его попытка изменить систему всеподданнейших докладов, о которой сообщает Спасский-Одынец.

Точку зрения Спасского следует, однако, сопоставить с наблюдениями В. И. Гурко, считавшего, что до известного времени Витте диктовал в своем кабинете. Министры финансов И. П. Шипов, путей сообщения К. С. Немешаев и главноуправляющий землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлер, писал Гурко, были «определенными клеветами Витте, не решавшимися даже ему возражать», а министры народного просвещения И. И. Толстой, торговли и промышленности В. И. Тимирязев, иностранных дел В. Н. Ламздорф (он, впрочем, редко бывал на заседаниях и обыкновенно молчал) и государственный контролер Д. А. Философов, хотя и имели свои взгляды, но примыкали к Витте. Лишь В. Б. Фредерикс, министр императорского двора, А. Ф. Редигер, военный министр, и А. А. Бирилев — морской, не зависели от премьера.²⁹

Как вспоминал И. И. Толстой, Фредерикс, Редигер, Ламздорф и Бирилев, если и присутствовали на заседаниях, то лишь голосовали, почти не участвуя в прениях. Дела, относящиеся к их министерствам, были выделены из ведения Совета министров и могли вноситься в него только по указанию царя, по представлению соответствующего министра или в тех случаях, когда дело касалось и других ведомств. Особое положение занимали также обер-прокурор Синода и государственный контролер. Оба они деятельно участвовали в заседаниях Совета министров, но своих дел в

него почти совсем не вносили. Не имея званий министров, но заседая на равных с ними правах в Совете, они отрицали его право вмешиваться в дела их ведомств. Оболенский был против подчинения деятельности господствующей церкви, представителем интересов которой он себя считал, взглядам светских сановников. Философов исходил из того, что государственный контроль призван наблюдать за теми ведомствами, руководители которых входили в Совет. «Таким образом, без всяких оговорок и в прямом смысле можно было считать членами Совета министров: внутренних дел, финансов, народного просвещения, юстиции, торговли и мануфактур и путей сообщения и главноуправляющего земледелием и государственными имуществами, хотя и не имевшего звания собственно министра, но вполне приравненного к ним», — заключал И. И. Толстой.³⁰

Особой канцелярии Совета министров образовано не было. Ее делами занималась часть канцелярии Комитета министров. Помощник управляющего делами Комитета министров Н. И. Вуич стал фактически управляющим делами Совета министров.³¹ Витте объяснял это своим желанием устранить от дел Совета министров управляющего делами Комитета министров Э. Ю. Нольде, которого считал «типом петербургского чиновника». Вести дела с Вуичем, помогавшим в подготовке Манифеста 17 октября, было для Витте удобнее, так как от Вуича он ожидал полного подчинения своим распоряжениям без ссылок на формальный порядок ведения дел. Однако Нольде не только не был отстранен от участия в деятельности Совета министров, но именно ему принадлежала, по-видимому, значительная роль в составлении большого числа документов Совета. Его рукой сделаны записи заседаний, проходивших под председательством царя. Им составлен также и ряд других документов.

Иногда заседания Совета министров проходили в Мариинском дворце после заседаний Комитета министров. Делался краткий перерыв, а затем Витте объявлял о начале заседания Совета министров. В дни, когда Комитет не заседал, министры обычно вечером собирались в квартире Витте. С 28 ноября были установлены заседания там для обсуждения текущих дел по вторникам и пятницам в 8½ час. вечера.³² 15 января 1906 г. было установлено, что заседания по пятницам будут начинаться в 1 час дня.³³ Заседания в квартире премьера проходили в максимально непринужденной обстановке. «Насколько по требованию характера самого дела и согласно обдуманно установленным условиям, работа Совета министров совершается в обстановке наименее по возможности формальной, настолько деятельность Комитета министров по необходимости, ввиду существа рассматриваемых им дел, протекает в условиях строго определенных и формах неизменно установленных», — таким образом Витте обосновал свою манеру работы.³⁴

Непринужденность поведения оказывалась подчас принудительной. «Когда я в первый раз явился в заседание Совета министров, — рассказывал И. И. Толстой, — я, не зная, в какой одежде следовало быть, надел мундирный фрак; Витте сейчас же, как

только увидел меня, спросил: „Чего это Вы так разрядились? Откуда Вы приехали?“ Оказалось, что в заседаниях Совета носили черные сюртуки, а иногда даже черные и серые пиджаки, иначе говоря, одевались совсем по-домашнему. Происходили заседания, как общее правило, в зале или, вернее, столовой при казенной квартире Витте, в доме придворного ведомства, рядом со зданием Эрмитажа, на Дворцовой набережной, во втором этаже. Комната была большая, но темная, с одним только окном на двор, в конце длинной стороны зала; поэтому, даже когда заседания происходили днем, зажигалось электричество. Посередине комнаты стоял длинный стол, покрытый зеленым сукном, за которым свободно помещалось человек двадцать-двадцать пять. Кроме нас, членов Совета, очень часто, можно сказать, даже на большинстве заседаний присутствовали лица, не входящие в наш состав, для дачи заключений, для доклада и для объяснений по представляемым министрами запискам: тот или другой товарищ министра, директора департаментов, петербургский градоначальник, начальники штабов, наконец разные сведущие люди, как-то общественные деятели, составители записок и т. д. ... Витте выходил к нам из своего кабинета всегда очень аккуратно в назначенное время, здоровался с присутствующими, обходя их, затем садился за стол и тотчас открывал заседание. Начиналось оно постоянно с изложения председателем главного предмета, подлежащего обсуждению, причем Витте обыкновенно говорил усталым и тихим голосом. Манера его резко изменялась с дальнейшим ходом заседания, и его тихий голос нередко переходил на настоящий крик, когда он вступал с кем-нибудь в спор; при этом он не задумывался над своими выражениями и слова вроде: „так могут думать только идиоты“ или „это черт знает, на что похоже“, „я в таком случае все брошу к черту“, „я попрошу Вас молчать и слушать, когда я говорю“ и т. п. были не редкостью. Особенно часто он сердился на Дурново и на князя Оболенского, но по совершенно разным причинам: с первым он вел совершенно очевидную борьбу чуть ли не с первого нашего совместного заседания до последнего; второй сердил его тем, что всегда запаздывал, как я уже говорил, на час, а то и больше, причем поверхностно узнавши о чем говорят, сразу вмешивался в прения и возражал против мнений, которых иногда никто не высказывал. Витте ценил его мнение и особенно знания его в земских вопросах, но почти каждый раз выходил из себя, сердясь на задержку, на то, что Оболенский, опоздав, не был в курсе вопроса, и ему приходилось объяснять то, что говорилось до его прихода, и таким образом терялось действительно драгоценное время. При этом у Оболенского, человека замечательно доброго и с широкими на многое взглядами, была манера говорить очень расплывчато и начиная всегда *ab ovo* (от яйца, с самого начала — лат. — *Б. А., Р. Г.*), подробно объясняя иногда такие вещи, которые всем были известны. Иногда Витте приходил от этого в такое бешенство, что сильно повышенным голосом обращался к Оболенскому: „Если Вам угодно говорить, то приходите вовремя, а теперь пришли поздно, не знаете, о чем говорили, и болтаете теперь без умолку, и совсем не к делу. Коли

опоздали, так сидите и молчите, а не мешайте нам дело делать". Оболенский иногда пожимал на это плечами и на время умолкал, но иногда, несмотря на все свое добродушие, обижался и говорил, что готов уйти, причем действительно бывало уходил до конца заседания, но обыкновенно принимал эти окрики весьма спокойно, вполголоса объясняя свою точку зрения своему соседу Философову, что в свою очередь вызывало резкое замечание Витте, просившего не вести между собою частных разговоров. Витте не обладал красноречием и выражался иногда даже грамматически неправильно, перевирая выражения, ища их и не находя, путая иногда слова, но речь его была всегда энергичная, убежденная и действовала поэтому замечательно сильно на слушателей.³⁵

Деловая атмосфера в Совете министров выглядела контрастом сохраненному и в годы революции традиционному церемониалу всеподданнейших докладов, который ждал министров в Царском Селе. Здесь мундирный фрак при белом галстуке и ленте, за который Витте обрушился на И. И. Толстого у себя дома, был обязательен для штатских, а для военных — скюртук. Докладчики отправлялись в специальном поезде в Царское Село, где их ожидали придворные двухместные кареты с ливрейными кучерами и лакеями. При входе в Александровский дворец их встречал младший швейцар. Он принимал у докладчика портфель, затем «в сенях встречали старший швейцар и скороход, который брал портфель и нес в приемную». После доклада министров отвозили в Большой дворец на завтрак, для чего каждому из них отводился особый апартамент из передней, гостиной, спальни и уборной с двумя лакеями. Завтрак был хотя и обильный, но «довольно простой», а некоторые блюда были «неважными» или «подавались подогретыми», вина — «достоинства среднего».³⁶

Витте был далек от того, чтобы следовать придворным традициям. Он и его жена держались «просто и приветливо». Впрочем, его новая резиденция отличалась удобством и роскошью. «Ковры, чудная дворцовая мебель, приемная, комната супруги премьера, утопающие в ландышах и белой сирени из дворцовых оранжерей», — так описывал ее П. П. Менделеев.³⁷ К кабинету председателя примыкали два смежных больших зала, в которых размещалась канцелярия. «Витте, видимо, любил хорошо пожить, — вспоминал Менделеев. — Меню его завтраков и обедов могло бы удовлетворить самых причудливых гастрономов. И вино было соответствующего достоинства. За каждым обедом и завтраком Витте выпивал по бокалу шампанского. Он утверждал, что это полезно для его нервной системы. К кофею подавали шоколадные конфеты... Общий разговор шел легко, непринужденно, большей частью касался светских, театральных, художественных, литературных новостей. Политика, деловые вопросы затрагивались в самых редких случаях. Обыкновенно Матильда Ивановна оживленно рассказывала о том, где была, кого видела, передавала светские сплетни. Витте ласково с любовью ее слушал, прерывая короткими замечаниями. Когда же бывал в хорошем настроении, подшучивал над нею; даже бывало, *horribile dictu* (страшно про-

изнести — лат. — *Б. А., Р. Г.*), бросал в нее хлебным шариком. В каждом слове, в каждом взгляде просвечивала глубокая его любовь к жене и ее близким. Как он был ласков и мил с 14-летней племянницей Матильды Ивановны Быховец, которая довольно часто у них обедала. С каким сердечным интересом говорил о тогда отсутствовавшей падчерице — Нарышкиной. Сама Матильда Ивановна, умная, интересная, чуждая всякой натянутости, приятная в общении, должна была очаровать многих». ³⁸

Впрочем, иногда за обеденным столом в присутствии чиновников канцелярии Совета министров (начальники ее отделений завтракали и обедали у Витте) он позволял себе высказываться довольно резко об известных государственных деятелях. Он не скрывал своего презрительного отношения к Коковцову как к самовлюбленному и тщеславному человеку, лишенному «широкой инициативы» и «полета мысли». Нелестными эпитетами награждал Витте и А. В. Кривошеина, называя его ходячей ленью, мастером интриги, место которому в дамском будуаре или клубе, а не в государственном учреждении. ³⁹

Положение премьера было, однако, далеко не безмятежным даже в пределах его собственной резиденции. Офицеры-преображенцы, находившиеся в карауле, отклонили приглашение Витте к обеденному столу. Тревожное, а то и паническое настроение владело многими. В. Д. Кузьмин-Караваев писал Витте 2 ноября: «Положение дел ужасное. Мы неудержимо катимся к анархии и пугачевщине ... Не военная диктатура страшна. Это будет бессильная попытка и больше ничего. Наступит минутное торжество всенивелирующей пугачевщины». ⁴⁰ Он требовал немедленного объявления о созыве Думы и угрожал Витте тем, что «через каких-нибудь десять дней» на Думе «придется поставить крест», так как окончательно победит идея созыва Учредительного собрания.

Трепов, Горемыкин, Будберг, сам царь искали способы умиротворения крестьянства. Инициатива первоначально исходила от Министерства финансов, которое в своем представлении в Государственный совет от 20 октября 1905 г. предложило частичное понижение выкупных платежей. ⁴¹ Будберг, наиболее ярый противник Витте, вынашивавший план убийства премьера, ⁴² и Горемыкин, составивший записку о том, что манифест 17 октября ничего не дал крестьянству, настаивали на отмене выкупных платежей. ⁴³ Трепов, который, по словам Витте, открыто говорил, что готов отдать половину своей собственной земли крестьянам, представил царю проект проф. П. П. Мигулина, основанный на идее принудительного отчуждения значительной части помещичьих земель в пользу крестьянства. Из 85 млн. десятин частновладельческих земель, включавших в себя 42 млн. десятин лесов, Мигулин предлагал немедленно выкупить 25 млн. для чего требовалось 2 млрд руб. Из этой суммы, считал он, весь ипотечный долг — а 43 млн. десятин частновладельческих земель было заложено в Дворянском и частных банках — целиком может быть переведен на крестьян, остальные же 500 млн. руб. могут быть выданы 5 %-ми выкупными свидетельствами (как это было в

1861 г.). Против мобилизации крестьянской земли он решительно возражал. «С отменой выкупных платежей, — писал Мигулин, — крестьянская земля становится отчуждаемой в посторонние руки, так сказать, поступает на рынок и может быть скуплена специалистами — эксплуататорами крестьянской бедноты, которых у нас особенно много».⁴⁴

По замыслу Мигулина, эту меру следовало осуществить немедленно самому царю. Однако царь передал мигулинский проект Витте для обсуждения в Совете министров. Как утверждал Витте в «Воспоминаниях», инициатива полной отмены выкупных платежей исходила от Совета министров, отвергнувшего мигулинский проект ввиду нежелательности принудительного отчуждения в пользу крестьян помещичьих земель.⁴⁵

На основании известных нам документов нельзя с полной достоверностью ни подтвердить, ни опровергнуть это утверждение. Ясно лишь, что не позднее 31 октября Николаю II были представлены сначала первый, а затем другие или другой проекты манифеста по поводу крестьянских беспорядков. В этот день он написал следующее: «31 окт[ября]. Я очень сожалею, что в Манифесте 17 октября не было упомянуто о крестьянах и мерах удовлетворения их нужд. Издание же второго манифеста сейчас, через две недели после первого, должно произвести впечатление спешно составленного, как бы запоздавшего акта, опубликованного вдогонку другому. Вопрос, конечно, первенствующей важности и, по-моему, несравненно существеннее, чем те гражданские свободы, которые на днях дарованы России. Правильное и постепенное устройство крестьянства на земле обеспечит России действительное спокойствие на много десятков лет. По переезде в Царское Село я намерен на этой же неделе собрать Совет министров и обсудить совместно вопрос о своевременности издания второго манифеста».⁴⁶

Письмо, судя по всему, было адресовано Витте, как и содержащийся в нем упрек по поводу манифеста 17 октября. Упрек этот не только заключался в том, что были забыты крестьяне, но и ощущался в намеке на малую пользу от предоставленных гражданских свобод и в сомнении по поводу целесообразности второго манифеста. По-видимому, под влиянием этого письма Витте в тот же день созвал Совет министров. Судя по его всеподданнейшему докладу от того же числа, Совет министров нашел необходимым вопреки сомнениям царя «без замедления издать манифест и сделать его известным всему сельскому населению». «Если бы правительство располагало нужным количеством войск, то можно было бы относиться к делу более спокойно, но войск нет, и именно потому аграрные беспорядки получили такое быстрое распространение», — таков был главный аргумент правительства в пользу «экстренных и решительных мер».⁴⁷ На протяжении всего своего пребывания на посту премьера именно на это обстоятельство ссылался Витте при определении аграрной политики своего правительства. Полного сложения выкупных платежей в манифесте обещано не было, по-видимому, в соответствии с позицией Министерства финансов, и это вызвало неудовольствие

царя. Его резолюция 1 ноября гласила: «Если в манифесте будет даровано сложение всех выкупных платежей, то он произведет желанное успокоение. Одними же обещаниями ничего достигнуто не будет».⁴⁸

3 ноября в Царском Селе, куда переехала накануне царская семья, состоялось под председательством царя заседание Совета министров. Судя по черновой записи Э. Ю. Нольде, Витте был основным оратором (как представляется, в нескольких случаях, когда в разговор вступал Дурново, Нольде не успевал отметить, что после него слово опять переходило к Витте). Запись открывается словами: «Выкупные платежи», после чего следует речь Витте, записанная следующим образом:

«Войск нет они в Азии.

Голос администрации подорван
Единствен[ный] авторитет царский
голос

Массу депеш от пред[водителей] дв[орянства] и помещ[иков]
Реальные блага. Разделяет Совет монаршее указание.

Читает проект манифеста

Россия разорена. Смута подорвала.

С векселями переводят деньги за границу. М[инистр] фин[ансов] признал тем не менее необходимо. Деньги дело наживное. Поправим, если справимся с революцией. Налоги пускай дума вводит новые».⁴⁹

Витте таким образом заявил о своей полной готовности, несмотря на все финансовые трудности, немедленно выполнить пожелание царя о полной отмене выкупных платежей. Но они являлись крупнейшей статьей прямых налогов, доля которых в бюджете составляла 7 %, и министр финансов И. П. Шипов соглашался лишь в 1906 г. уменьшить платежи вдвое, а отменить их полностью в 1907 г. Он должен был возразить главе правительства. Речь Шипова была записана так:

«Сразу прекратить нет

85 000 000 [руб.]. На 2 года м[ожно] разделить. Воен[ное] м[инистерство] 39 м[лн] МПС. низ[шим] служ[ащим]

9 м[лн] Мор[ское] больше обык[новенного] бюджета.

Роспись обык[новенных] расх[одов] в соответствии с обык[новенными] доход[ами]

16—17 [млн] увелич[ить] дох[од]
увелич[ить]

Гос[ударственный] поз[емельный] и [на] город[скую] недви[жимость] — безвозмезд[но]

Налог с закладных на час[тные] наконец

Все в совокупности 50 м[лн] —

Поступлений доходов

Кос[венный] сбор с табака — 7
увелич[ить]

Налог на порох — под вопрос.

Налог на писчую бумагу».⁵⁰

Шипов перечислил те налоговые тяготы, рост которых произойдет из-за сложения выкупных платежей. Увеличение доходов до 18 млн. руб. в год ожидалось в результате мер, уже рассматривавшихся ранее. Еще в январе 1905 г. Министерство финансов предполагало усилить ряд налогов для покрытия расходов на войну с Японией. По закону 13 апреля 1905 г. был увеличен акциз на пиво, дрожжи, нефтепродукты, спички, увеличена на 50 % безмездная пошлина, взимавшаяся при переходе имущества от одного лица к другому путем наследования или дарения, повышен пенсионный вычет в зависимости от размеров содержания. С 1906 г. были восстановлены пониженные в 1896 г. оклады государственного поземельного налога.⁵¹ С другой стороны, выкупные платежи были к тому времени в значительной части уже выплачены, а образовавшиеся недоимки взыскать вряд ли было возможно. Как бы то ни было, когда Витте говорил: «Деньги дело наживное», он в угоду царю несколько благодушествовал. Оба они заговорили как бы в унисон друг с другом. «Вывести Россию из революции, — говорил Витте, —

С городами еще справимся
Показать власть — войска нет.
Вокзалов не м[ожем] защитить
Авторитет голоса царского.
Выкупные платежи давно следовало
бы понизить.

Надо, чтоб деревня услышала
царя. Реальные блага.
Надо, чтоб деревня утихла».

Николай II, еще позавчера настаивавший на полном сложении выкупных платежей, но не шедший дальше этого, теперь поставил вопрос о наделении крестьян землей. «Минимум милостей сельск[ому] населению. Выкуп[ные] платежи не такая большая сторона, — сказал он. — Землю хочется иметь.

Гл[авное] уп[равление] зем[леустройства] и
з[емледелия] должно практически поставить.

Наряду с Крес[тьянским] банк[ом]
в будущем д[олжны] разрешить краеугольный вопрос рос-
сийск[ий]

Сложить нужно не 40, а все 85.

По-царски сделать».⁵²

Витте, по-видимому, даже испугался решительности царя. «Опасно. Земля, — сказал он. — Представление в Гос[ударствен-
ный] Сов[ет] о покупке земли Крест[ьянским] б[анком].

Обвинения, что социалисты».

По-видимому, Витте принадлежало и продолжение речи, записанное Нольде так:

«Центр тяжести в уезды надо перенести.

Люди перестали работать. Труд есть первейший фактор богатства.

Полиция.

Почтов[ое] ведом[ство] и низ[шие] служащ[ие]

На морс[кое] не дал бы.

Банку надо дать деньги

Записки

Подуш[ной] подати 17 м[лн] солян[ой] менее 10 м[лн]

Обратить внимание на покупку земель. — Центр тяжести в уезд Земцы ч[то]б участвовали.

Героическая мера.

Указ о Крест[ьянском] банке.

Помогает богатым, бедные не м[огут] приплачивать.

Помогал зажиточным Гос[ударственный] сов[ет] говорил так и следует

Две меры в совокупности значительно».

Одобренные на заседании под председательством царя меры предусматривали: первая — уменьшение выкупных платежей наполовину в 1906 и полную их отмену в 1907 г., вторая — расширение возможностей Крестьянского банка для покупки частновладельческих земель с целью перепродажи их малоземельным крестьянам и кредитования покупателей. Ранее он был ограничен в покупках размерами собственного капитала, теперь же получал право выпуска закладных листов.⁵³

И запись сказанного на заседании 3 ноября, и особенно изложение слов Витте в воспоминаниях И. И. Толстого подтверждают существование у царя и премьера общего намерения продолжить дело аграрных преобразований. По словам И. И. Толстого, «Витте произнес горячую речь о том, что всегда признавал крестьянский вопрос краеугольным камнем внутренней политики России, что, может быть, не было бы и революции, если б правительство своевременно приступило к его разрешению». «Между тем правительство, освободивши в 1861 г. крестьян от крепостной зависимости, в течение более сорока лет почти ничего не сделало в этой области. Витте говорил, что сам он не специалист в этом вопросе, а потому и боится что бы то ни было предлагать, но уверен, что знатоки крестьянских нужд не откажутся помочь в разрешении задачи; сам он может предложить пока одно: избавить наконец крестьян от выкупных платежей там, где эта операция еще не закончена. При этом Витте предложил текст Манифеста о сложении платежей, который был выработан в Совете накануне. Государь император тут же выразил согласие подписать Манифест, но заявил, что находит меру совершенно недостаточною: Его величество высказал весьма решительное мнение, что от обещаний и прекрасных слов следует перейти к крупным и осязаемым мерам по улучшению положения крестьян, не теряя времени, так, чтобы крестьянство убедилось, что о нем правительство фактически заботится, чтобы крестьяне действительно увидели и почувствовали улучшение своего положения. Для достижения такого результата Государь находил возможным не стесняться жертвами и не останавливаться перед самыми смелыми мерами. Витте подхватил слова Государя и сказал, что приложит все свои силы к тому, чтобы исполнить волю Его величества».⁵⁴

Единодушное стремление царя и Витте вырвать из-под влияния революции крестьянство вызывалось тяжелыми общеполити-

ческими обстоятельствами, о которых говорили на заседании 3 ноября Дурново и Трепов, объясняя их политикой уступок. А среди виновников этих уступок оказывались Витте и царь как ответственные за манифест 17 октября. «Без подготовки Манифест упал», — говорил Дурново. «Разбудили всю Рос[сию] Манифестом», — вторил ему Трепов. Дурново, продолжая свою мысль, говорил: «Временная отмена прав. Боялся бы предложить отмену Манифеста». Имея в виду «черную сотню», он говорил: «Следствий нельзя производить о народ[ных] волнениях».

Нельзя велеть стрелять в людей, мнущих революционеров». Сложность ситуации выразил Оболенский, словами которого завершается запись заседания: «Маниф[ест] вызвал контр-революц[ионное] движ[ение] — Прав[ительство] винить за погромы».

Серые миллионы, а не черные сотни». ⁵⁵

Трепов, заявлявший: «Печать. Зло», радовался («слава богу») тому, что в этот день, 3 ноября, не вышли петербургские газеты. Для Витте же начавшаяся накануне и продолжавшаяся до 7 ноября забастовка наборщиков петербургских типографий, из-за которой 3-го прекратился выход газет, была предметом первоочередного внимания и источником серьезного беспокойства. Как мы уже знаем, требование свободы для периодической печати было заявлено редакторами петербургских газет при встрече с Витте еще 19 октября, и вопрос этот он внес на рассмотрение Совета министров на первом же его заседании 29 октября. Новое требование заключалось в фактическом освобождении от цензуры всего издательского дела. В 10 час. вечера, вернувшись из Царского Села, Витте принял депутацию Союза владельцев печатных заведений в составе Р. А. Голике, В. Ф. Киршбаума, А. М. Лесмана. Депутация объявила, что типографии не смогут возобновить работу до провозглашения полной свободы печати, что Союз рабочих печатного дела, Союз книгоиздателей и Союз владельцев печатных заведений решили немедленно осуществить свободу печати и что в том же смысле состоялось постановление Совета рабочих депутатов. Беседа с Витте продолжалась в течение 35 мин., затем он направил депутацию к Кобеко, от которого типографы потребовали немедленного издания закона о свободе печати. Кобеко обещал утром переговорить с Витте. 4 ноября в 5 час. вечера депутация вновь была у Кобеко, сообщившего, что Витте согласен на распространение нового закона на всю печать. 5 ноября совет Союза владельцев печатных заведений представил Витте и Кобеко докладную записку, в которой говорилось, что типографии возобновят работу лишь при 1) полной отмене предварительной цензуры для периодической печати, книг, брошюр и т. п.; 2) полной отмене запретительной цензуры и замене ее ответственностью по суду; 3) упразднении Главного управления по делам печати и цензурных комитетов; 4) сосредоточении надзора за печатью (в судебном порядке) в ведомстве Министерства юстиции при судебных учреждениях. ⁵⁶ Выбора у Витте, в сущности, не было.

Мы скоро вернемся к стремительным действиям Витте в вопросе о печати, вошедшим в число всех его ноябрьских политических мер. Пока же отметим, что он безотлагательно приступил к разработке серьезной программы преобразования всего строя деревенской жизни. Сейчас же после актов 3 ноября он поручил главноуправляющему землеустройством и земледелием Н. Н. Кутлеру заняться вопросом об увеличении крестьянского землевладения, а министерствам внутренних дел и юстиции — разработать меры уравнивания крестьян в правах с другими сословиями и установления широких либеральных норм землепользования и крестьянского самоуправления. В отличие от второго поручения действия Кутлера носили срочный характер и встречали поначалу поддержку царя. Уже на следующем заседании Совета министров под своим председательством он сказал: «Говорил с Кутлером Пр[авительственное] сообщение» — разъяс[нит] манифест

3 ноября. — Местные совещания. — Подготовка

покупки имений Кр[естьянским] б[анком]

Зимою уже

видели бы реализацию манифеста

3 ноября»

Витте откликнулся словами: «Крупная мера. — Как ляжет на правл[ение] новое. — Какие дорожки.

Рыночная цена — или справедливая».⁵⁷

Премьер был между двух огней. Крестьяне требовали помещичьи земли без возмещения (Трепову, назвавшему в заседании 9 ноября Крестьянский союз революционной организацией, Витте возразил: «не чисто революционная более полугода»⁵⁸). Помещики же, как и их сторонники в правительственных кругах, требовали не допустить даже возмездного принудительного отчуждения земли, ссылались на принцип частной собственности, доказывали, что причины волнений крестьян не в их безземелье, которое все равно устранить невозможно, так как земли на всех не хватит, а в их природной склонности к захватам и низком уровне земледельческой культуры. Окончание 7 ноября всеобщей забастовки придавало духу противникам отчуждения и привело к тому, что сторонники его, несколько оправившиеся от страха перед революционным крестьянством, несмотря на значительный рост аграрных беспорядков в ноябре по сравнению с октябрём, опять стали держаться за землю.⁵⁹ Кутлеровский проект составлялся в самом срочном порядке членом кадетской партии профессором-экономистом А. А. Кауфманом при участии директора Департамента государственных имуществ Главного управления землеустройства и земледелия А. А. Риттиха.

Составители проекта исходили из того, что наделение крестьян из запасов государственных земель царем предreshено, но, по выражению И. И. Толстого, «передача даже всех казенных земель в руки крестьян» была бы лишь «каплею в море» крестьянской земельной нужды. Кутлер и Кауфман «решились разрубить гордиев узел» и предложили принудительное отчуждение в пользу крестьян и частновладельческих земель. Витте строго предупрежд-

дал Совет министров о соблюдении величайшей секретности при обсуждении вопроса о том, «допустима ли вообще насильственная экспроприация собственности более обеспеченных граждан государства в пользу малоимущих».

Всем членам Совета министров, включая и сторонников проекта, принцип, положенный в его основу, казался «чисто социалистическим».⁶⁰ Радикализм проекта смутил и служащих канцелярии, но не Вуича, который поручил Менделееву подготовить на основании записки журнал Совета министров в смысле поддержки проекта Кутлера. Менделеев «скрепя сердце» взялся за работу, но за завтраком высказал Витте свои сомнения относительно проекта. Витте возражал, но Менделееву показалось, что «без особой убежденности, которую можно было бы ожидать после горячих речей Вуича».⁶¹ Однако Витте пытался отстаивать проект Кутлера при обсуждении его в Совете министров. «На возражения Министерства внутренних дел и Министерства юстиции, что недопустимо колебать такой основной принцип юриспруденции, как право собственности» Витте «разгорячился и стал доказывать... что не признает вообще существования решительно никаких непреложных принципов». «Какие-то римляне когда-то сказали, что право собственности неприкосновенно, а мы это целых две тысячи лет повторяем, как попугаи, — заявил Витте, — все, по-моему, прикосновенно, когда это нужно для пользы общей; а что касается интересов помещиков-дворян, то я считаю, что они пожнут то, что сами посеяли: кто делает революцию? Я утверждаю, что делают революцию не крестьяне, не пахари, а дворяне, и что во главе их стоят все князья да графы, ну и черт с ними — пусть гибнут. Об их интересах, об интересах всех этих революционеров-дворян, графов и князей, я нахожу, правительству нечего заботиться и нечего поддерживать их разными римскими принципами, а нужно спокойно рассудить, полезна ли мера для России, или вредна, и только единственно с этой точки зрения я согласен допустить рассуждения, а не с точки зрения римских принципов и интересов отдельных личностей...»

Несмотря на секретность, по словам И. И. Толстого, переданного приведенный монолог Витте, «в Государственном совете и высшем обществе вскоре только и было речи о „революционно-социалистическом“ проекте Витте—Кутлера об ограблении помещиков в пользу крестьян».⁶² И. И. Толстой допускал, что сведения о проекте были намеренно разглашены противниками премьера в правительстве. П. П. Менделеев считал, что проект Кутлера подорвал положение Витте. Мы еще остановимся на этом. Пока же отметим, что как только стало известно о подготовке кутлеровского проекта, сейчас же, в середине ноября, появилась записка с резким протестом против этого, содержавшая требование ограничиться уже произведенным расширением функций Крестьянского банка.⁶³ Среди аргументов автора этой записки⁶⁴ был и тот, что власти следует опираться не на неимущие слои крестьянской среды, «хотя бы уже потому, что эти слои одновременно и наименее нравственно устойчивые, и наименее деятельные», а «на наиболее крепкую и надежную ее часть», на те

элементы, которым отчуждение части помещичьих земель невыгодно, поскольку они их арендуют. Наемный труд в помещичьем хозяйстве является источником денежных отношений в деревне, подчеркивал автор, пугая в качестве результата передачи земли крестьянам возвратом «от только что упрочивающегося денежного способа хозяйства к натуральному», уничтожением всего внутреннего рынка для промышленности, государственным банкротством и недовольством «рабочего класса, этого ныне наиболее опасного для государственного строя элемента».

Таким образом, каждая из сторон в полемике рассматривала «свой» путь капиталистического развития деревни в качестве главного средства консервации политического режима. Однако пока правительственные меры по преимуществу носили характер реакции на текущие революционные события, которые продолжали нарастать.

8 ноября «ввиду усиливающихся беспорядков в Лифляндской и Курляндской губерниях, а также существования серьезного брожения в населении Эстляндской губернии» царским указом было временно введено Прибалтийское генерал-губернаторство с подчинением генерал-губернатору расположенных там войск.⁶⁵

Середина ноября была занята вооруженной борьбой с восставшими черноморскими моряками и открытыми выступлениями солдатских масс в разных городах страны. 15 ноября началась почтово-телеграфная стачка по всей стране. Правительство объявило, что, несмотря на провозглашенную манифестом свободу союзов, чиновники без разрешения начальства образовывать их не могут, ибо это противоречит законам о службе гражданской. Витте отказался принять делегацию почтово-телеграфных служащих и отменить распоряжение МВД о запрете образования их союза. Одновременно он применял политические маневры, чередуя их с карательными мерами. Так, по поводу восстания в Севастополе он обратился к председателю происходившего в Москве ноябрьского земско-городского съезда Петрункевичу, апеллируя к патриотическим чувствам делегатов. Однако успеха это не принесло, съезд принял большинством голосов требование отмены исключительных положений и пожелание осуществления программы «органических» реформ как условия поддержки правительства, а также высказался за автономию Польши.

23 ноября появилось правительственное сообщение о том, что введение правового порядка требует времени и окончательное проведение в жизнь основ гражданской свободы может быть осуществлено лишь с законодательной санкции Думы. Тут же было сообщено, что выработаны временные правила о печати, разрабатывается новое положение о Государственном совете и готовится расширение прав на участие в выборах в Думу, которая будет созвана незамедлительно. 24 ноября была незначительно расширена черта еврейской оседлости — во входивших в эту черту губерниях было увеличено число населенных пунктов, где евреям разрешалось жить. В тот же день административным властям было предоставлено право карать за хранение и продажу огнестрельного оружия, а привоз его из-за границы и из Финлян-

дии был вовсе запрещен.⁶⁶ И, наконец, все в тот же день были приняты выработанные Советом министров и утвержденные Государственным советом временные правила о периодической печати,⁶⁷ вызвавшие с ее стороны острую критику. Правительственная попытка с помощью правил «ввести печать в берега» наталкивалась на установленную явочным порядком накануне и особенно после манифеста фактическую свободу печати. Еще во время Октябрьской забастовки состоялось собрание представителей большинства петербургских газет по поводу активной борьбы с цензурой. Образовался «Союз в защиту свободы печати». 13 октября совещание делегатов редакций петербургских газет даже наметило систему мер для осуществления фактической свободы печати. Игнорирование цензурных требований должно было подкрепляться срочной однодневной забастовкой всех газет в случае, если выпуск одной из них будет задержан властями, организацией добровольной дружины газетных разносчиков для воспрепятствования попыткам запрета распространения тех или иных печатных органов, договоренностью об одновременном печатании тождественных сообщений о текущих событиях. Выборное бюро занялось обсуждением вопроса о противопоставлении цензурным карам круговой поруки редакций. Решимость журналистов и редакторов подкреплялась принятым 19 октября постановлением Петербургского совета, предлагавшим типографским рабочим выпускать лишь те газеты, которые будут игнорировать цензуру. «Союз в защиту свободы печати», рассмотрев новые правила в тот же день, когда они были опубликованы, постановил «по-прежнему фактически осуществлять свободу печати». Правила не шли, в сущности, дальше той позиции, которую Министерство внутренних дел отстаивало еще в феврале 1905 г. в совещании по печати, образованном во исполнение указа 12 декабря 1904 г. Она состояла в том, чтобы, не отменяя вовсе предварительной цензуры, освободить от нее издания, выходящие в крупных городах.⁶⁸ Теперь предварительная цензура сохранялась лишь для изданий, выходивших вне городов. В городах преследование повременных изданий должно было производиться после попыток выпуска в свет тех их номеров, которые содержали подлежащие запрету статьи.

Как указывалось в составленной по поручению Витте записке о событиях этого времени, по его настоянию и «по собственному побуждению», полицейские власти пытались своими средствами прекратить антиправительственные выступления печати, «но ввиду недостаточности при переживаемых в то время обстоятельствах полицейской охраны благоприятные результаты были достигнуты не сразу».⁶⁹ Правила давали цензурным властям возможность ареста отдельных номеров газет и журналов с последующим утверждением его судом и вводили судебную ответственность редактора или издателя с штрафом или тюремным заключением, причем перечень «преступных деяний, учиненных посредством печати в повременных изданиях», был так обширен, что привлечь к ответственности любого редактора ничего не стоило.

Последние числа ноября были ознаменованы переходом правительственной власти в наступление. До того Витте несколько притормаживал карательные мероприятия. В мемуарах он постоянно ссылался на отсутствие достаточных воинских сил в Европейской России и специально — на необходимость дожидаться ослабления сил рабочих-забастовщиков в Петербурге и падения влияния руководства Совета в их среде. Еще циничнее объяснял он это в личных беседах. «Помню недоумение, которое долго возбуждало поведение Витте, — писал впоследствии В. А. Маклаков. — Он бездействовал, давал революции разрастаться. Правые уверяли, что это входило в его интересы, что он мечтал сам стать президентом Российской республики. Эта махровая глупость встречала доверие только в специальных кругах. Но многие думали, что и он растерялся. Позднее я не раз говорил с Витте об этом. Этих разговоров он не любил и раздражался. Иногда уверял, будто это делал сознательно, хотел покончить с революцией сразу, как когда-то Тьер покончил с Коммуной. Он рассказывал, будто поручил покойному В. П. Литвинову-Фалинскому следить за наступлением подходящего часа».⁷⁰ Но сам Маклаков видел разгадку поведения Витте в его надеждах на активную политическую поддержку со стороны либеральной оппозиции и упрекал ее лидеров в том, что Витте в своих надеждах обманулся.

Такая оценка совпадала со взглядом, существовавшим в окружении Витте, где считали, что «его сокровенным желанием было остаться главным исполнительным органом сильной, возможно менее ограниченной верховной власти и вместе с тем пользоваться доверчивой поддержкой русской общественности», и именно в этом была «его ошибка», ибо он «хотел примирить непримиримое».⁷¹

В середине двадцатых чисел ноября кабинет Витте резко усилил карательные действия. 26 ноября Витте распорядился арестовать председателя Петербургского Совета Г. С. Хрусталева-Носаря. 29-го был издан указ, предоставлявший местным гражданским и военным властям право в случаях забастовок на железных дорогах, почте или телеграфе объявлять исключительное или военное положение без ведома центральных властей.⁷² Он был опубликован 4 декабря, а еще до его опубликования, 2 декабря, новым указом, опубликованным на следующий день, было установлено тюремное заключение для участников забастовок на предприятиях государственного значения, в том числе на железных дорогах, а также в правительственных учреждениях. Участники «сообществ», организовывавших забастовки, подлежали заключению в крепости.⁷³ На этом основании Совет министров предписал не признавать на железных дорогах никаких организаций.⁷⁴ 1 декабря Витте ответил земско-городскому съезду после рассмотрения Советом министров записки съезда с уже известными нам требованиями. Ответ гласил, что расширение начал манифеста 17 октября недопустимо, отмена исключительных положений невозможна из-за продолжающейся «смуты», меры, которые задевали бы полномочия Думы, невозможны до ее созыва и т. д.⁷⁵ В действительности же правительство стремилось именно до со-

зывает Думу всесторонне ужесточить карательное законодательство.

После ареста Хрусталева-Носаря Витте распорядился арестовать весь состав Совета, но Дурново ждал, пока состоится общее собрание, чтобы удобнее было осуществить арест. 2 декабря восемь петербургских газет напечатали принятый Петербургским советом 22 ноября и подписанный РСДРП и другими партиями и организациями так называемый финансовый манифест, содержащий призыв изымать вклады из сберегательных касс, требовать заработной платы в звонкой монете, не платить податей. Все газеты (как напечатавшие манифест целиком, так и поместившие сведения о нем в отделе хроники) были конфискованы, редакторы отданы под суд, а издание газет приостановлено до суда. Одновременно цензура возбудила около ста уголовных преследований против газет и журналов. Впрочем, редакции приостановленных газет, пользуясь явочным порядком учреждения изданий, стали, не дожидаясь суда, выпускать их с тем же составом сотрудников и в том же оформлении, но под другими заголовками.⁷⁶

3 декабря был произведен арест членов Совета. Витте впоследствии ставил проведение этого акта, который считал государственным переворотом, в значительную заслугу своему правительству. Но, как утверждал В. И. Гурко, премьер узнал об этом по телефону. «С белым буквально лицом он в величайшем волнении сказал: „Все погибло. Дурново арестовал Совет рабочих депутатов“. Слова эти произвели впечатление разорвавшейся бомбы. Некоторые члены Совета [министров] даже вскочили со своих мест, а управляющий делами Совета Н. И. Вуич затрясся, как осиновый лист».⁷⁷ По словам Гурко, отчасти соответствовавшим сообщению Маклакова, Витте в ноябре-декабре был в растерянности и тем не менее иногда демонстрировал, что не сочувствует решительному образу действий, который сразу же был принят Дурново как управляющим Министерством внутренних дел, несмотря на то, что совещание из представителей воинских частей столичного гарнизона, за исключением ген. Г. А. Мина, высказалось в том смысле, что по настроению солдат их участие в подавлении массовых выступлений невозможно.

Дурново с самого начала затеял борьбу с министром юстиции. С. С. Манухиным. Ученый юрист и неуклонный поборник законности, Манухин, по словам И. И. Толстого, «не пропускал ни одного случая для протеста против произвольных мер Дурново и против предлагаемых им способов борьбы с революцией».⁷⁸ Победил Дурново, уверивший царя в том, что Манухин слишком мягок. 7 ноября Витте получил от царя записку о том, что на 9 ноября царь назначает заседание Совета министров под своим председательством, которое, как говорилось в записке, «начнется с личного доклада министра юстиции в присутствии Совета». По словам Витте, кроме Дурново, врагом Манухина был Трепов, считавший, что «вся беда заключается в бездействии юстиции и что при таком бездействии невозможно подавить революцию, а такое положение будто бы поддерживает Манухин». Манухин же,

наоборот, считал, что «полнейшая политическая невоспитанность и невежество» Трепова особенно вредны при его влиянии на царскую чету. Однако Витте Манухина отнюдь не поддерживал. «Юстиция продолжала относиться не только объективно к делу, — писал он, — но иногда и с некоторой снисходительностью к левым, не имеющей оправдания в законе и в иных случаях внушаемой страхом возмездия со стороны крайних левых».⁷⁹ Судя по дневнику А. А. Половцова, и в заседании с участием царя (обсуждение дела Манухина происходило главным образом не 9, а 18 ноября) Витте и Дурново не так уж и расходились. «Витте, — записал Половцов, — говорит довольно сдержанно, настаивая на том, что правительство не находит поддержки в судебной власти, которая освобождает политических преступников от всякого преследования. Он настаивает на том, что прокуратура сделалась бы более энергичною, если бы министр юстиции побуждал ее к этому. Министр внутренних дел Дурново говорит в том же смысле, но гораздо решительнее, резче».⁸⁰ Витте одобрил проект высочайшего повеления, которое последовало в результате заседания 18 ноября. Смысл его сводился к тому, что исполнение манифеста 17 октября значительно уменьшает область применения административных взысканий и соответственно расширяет деятельность судов. Повеление «в полном доверии к самостоятельности русского суда, необходимой для отправления истинного правосудия», предусматривало увеличение личного состава судов, принятие законодательных мер для ускорения «судебного рассмотрения дел об имеющих ныне особую важность государственных посягательствах, проступках печати и т. п.», в нем говорилось о желательности «для поднятия и усиления энергии судебных установлений» поставить во главе тех или других судебных палат сенаторов, которые «по своим способностям и качествам могли бы оказать полезное в этих видах воздействие на личный состав подлежащего судебного установления», а также содержался обращенный к прокурорскому надзору призыв «к неослабной деятельности» с разъяснением его чинам «всей государственной важности выпадающей ныне на суд патриотической задачи».⁸¹

Упоминавшаяся уже почтово-телеграфная забастовка также в какой-то мере поначалу сглаживала противоречия с Дурново, которые нарастали у Витте. Отсутствие связи со страной выводило премьера из себя, а Дурново «был крайне смущен забастовкою своих подчиненных» (почта и телеграф входили в ведение его министерства), но Витте предоставил ему полную свободу действий, полагаясь на его административную опытность. Когда же забастовка прекратилась «отчасти вследствие нелепости самой затеи», излагал эту историю И. И. Толстой, «результат был приписан главным образом умению Дурново и много содействовал укреплению его престижа в глазах консервативных элементов. Сам он довольно ловко воспользовался этим настроением для усиления своего влияния».⁸²

«Отношения между Витте и Дурново в ноябре и декабре 1905 г. были, на мой взгляд, странные, — писал И. И. Толстой. — Дурново возражал почти против каждого предложения

Витте, как бы принципиально не одобряя всю конституционную затею, находя ее преждевременною, не соответствующую характеру русского народа. Возражения делались, однако, редко прямо, а как-то обиняками, предупреждениями о могущих быть печальных последствиях. Это страшно, видимо, бесило Витте, и он, по обыкновению, не стеснялся в выражениях, бывал очень груб, доходя иногда фактически до крика. Тогда Дурново обыкновенно съеживался и говорил: „Да я, Ваше сиятельство, выражаю только свое мнение, дело Ваше — принять его или не принять, как Вы решите, так и будет...“ и т. п. Особенно часты были столкновения между ними по поводу назначения того или иного губернатора, а также по поводу введения в отдельных местностях усиленной или чрезвычайной охраны: в этих случаях Дурново говорил обыкновенно по часу подряд, что особенно выводило из себя нашего председателя; он кричал тогда, что это со стороны Дурново obstruction, что так мы ничего не успеем сделать и что совместная их служба, по его убеждению, становится невозможною. Доведши Витте до такого состояния, Дурново умолкал, прося извинить его, иногда уступая, иногда обещаясь представить новые данные к следующему заседанию. Несмотря на такие пререкания, принимавшие иногда весьма резкую форму, Витте постоянно в начале каждого почти заседания обращался за советом прежде всего именно к Дурново, как бы подчеркивая, что он необыкновенно высоко ставит его административный опыт и считает его советы особенно ценными; затем начиналась обычная история с криком и упреками, и на это уходила добрая половина заседания, а иногда и почти все заседание, так что остальные министры не имели даже возможности доложить о своих делах или принуждены были комкать свои доклады. До января 1906 г. взаимные отношения эти имели такой вид, что Витте держит Дурново в руках и что, пользуясь его полицейскою опытностью, он направляет ее в нужную ему сторону, а Дурново, хотя и брыкается, но, подчинившись более сильной воле, не решается идти прямо против председателя, и если и повертывает иногда дела по-своему, пользуясь своими частыми всеподданнейшими докладами, то делает это с оглядкой и считаясь с опасным для него политическим противником».⁸³

Убедившись, что Дурново «готов для своей карьеры подставлять мне ножки или вообще отречься от меня и сблизиться с Треповым, государь уже начал меньше стесняться с моими мнениями», — писал Витте в своих воспоминаниях. Он утверждал, что в отношениях с царем ему вредил Трепов, который после 17 октября лишился положения петербургского генерал-губернатора с особыми полномочиями, товарища министра внутренних дел, заведующего полицией и командующего отдельным корпусом жандармов, но получил весьма влиятельный благодаря повседневной близости к царю пост дворцового коменданта. Влияние Трепова на царя и после создания объединенного правительства было, по словам Витте, так велико, что собственноручные царские резолюции на журналах и мемориях Совета министров (речь могла идти только о мемориях) готовились Треповым при помощи

Н. П. Гарина, которого он летом назначил директором Департамента полиции, а после своего перехода, сделав сенатором, держал при себе.⁸⁴ Характер резолюций не подтверждает, как представляется, этого заявления Витте.

Мнение о том, что Трепов возглавлял противостоявшую Витте «звездную палату», было весьма распространено. Существует, однако, и свидетельство несколько иного свойства. По словам генерала А. В. Герасимова, возглавлявшего тогда Петербургское охранное отделение, Трепов и Витте с осени 1905 г. после возвращения последнего из Портсмута действовали рука об руку, и даже в назначении Витте председателем Совета министров сыграла роль рекомендация Трепова. Сам Трепов, покидая свой пост после образования правительства Витте, подал прошение об отставке 25 октября 1905 г. не на высочайшее имя, а на имя премьера. В нем он, как и накануне 17 октября, в сущности, поддерживал курс Витте и как бы самоустранялся, чтобы не мешать правительству. «При существующих обстоятельствах я чувствую себя выбитым из колеи, имя мое представляет знамя, которое для весьма многих общественных элементов является враждебным, и не без основания: все громче и громче раздаются голоса о том, что пребывание мое у власти препятствует умиротворению страны», — писал он.⁸⁵ По словам ген. А. В. Герасимова, Витте видел в Трепове «своего человека при дворе... у них были заранее распределены роли», и Трепов как союзник оказывал Витте серьезную поддержку до начала 1906 г., когда влияние его возросло и отношения с премьером испортились.⁸⁶

Конфликты с царем начались у Витте с самого начала его председательствования и без участия Трепова. Достаточно сослаться на то, что царь, как писал Витте, «желал действовать в нужных случаях с каждым министром в отдельности и стремился, чтобы министры не были в особом согласии с премьером».⁸⁷ Сам же премьер стал активнейшим образом менять министров, как бы не считаясь с тем, что их увольнение и назначение оставались царской прерогативой. Среди уволенных был и министр финансов В. Н. Коковцов. В своих мемуарах Витте утверждал, что он не имел в виду увольнять Коковцова, а лишь решил выделить из Министерства финансов Министерство торговли и промышленности, но тот сам подал в отставку, а затем со слезами просил Витте ходатайствовать перед царем, чтобы прошение об отставке было возвращено. Витте не согласился на это, так как Коковцов подал в отставку, не предупредив его. Он также воспротивился назначению Коковцова председателем Департамента экономики Государственного совета, потому что в своем прошении об отставке тот, как выразился Витте, инсинуировал против Манифеста 17 октября (царь не преминул прислать это прошение премьеру).⁸⁸ В специальном всеподданнейшем докладе 24 октября 1905 г. Витте заявлял, что он сам и, «вероятно, большинство министров» не будут посещать заседаний под председательством Коковцова, а станут посылать своих помощников, что «едва ли будет удобно».⁸⁹ Одновременно царь получил и доклад государственного секретаря барона Ю. А. Икскуль фон Гильденбандта о том, что

Витте в присутствии графа Д. М. Сольского как председателя Государственного совета сделал для передачи царю заявление такого же содержания с дополнительной угрозой уйти с поста председателя Комитета министров или не собирать этот орган, если Коковцов останется в его составе. «Я этого нахальства никогда не забуду», — написал царь на докладе Иксуля.⁹⁰ То же самое («...Меня заставили отказаться и уничтожить подпись. Я этого никогда не забуду...») сказал он Коковцову.⁹¹

Стремление кабинета Витте—Дурново пойти навстречу сторонникам ограничительного истолкования манифеста 17 октября и свести к необходимому минимуму вытекающие из него преобразовательные меры проявилось со всей полнотой в ходе обсуждения проекта нового избирательного закона. Поначалу, впрочем, дело обстояло иначе. Как утверждал В. И. Гурко, Витте вместе с Треповым и петербургским градоначальником генералом В. А. Дедюлиным некоторое время предавался беспочвенному ликованию по поводу манифеста 17 октября. Вызвав С. Е. Крыжановского, он до ночи беседовал с ним как с составителем положения о булыгинской Думе о его изменении в соответствии с манифестом.⁹² Но скоро дело стало меняться.

Привлеченные Витте к делу «общественники» привезли из Москвы в начале ноября проект бесцензового закона, основанный на предоставлении избирательных прав всем мужчинам, достигшим 25 лет, с двухстепенным голосованием по губерниям и областям. Витте выразил Шипову и Гучкову свое согласие с принципом всеобщего избирательного права. Но Крыжановский, которому была поручена доработка, заявил им, что он сомневается в искренности согласия Витте с принципом всеобщего избирательного права, да и в прочности положения самого председателя Совета министров. «Я боюсь, — заявил он, — как бы мне не пришлось, в случае падения графа Витте, составлять еще третий проект закона о выборах в Думу и, может быть, на началах еще более узких, чем положение 6 августа».⁹³

К назначенному на 19 ноября заседанию Совета министров было разработано три проекта избирательного закона. К уже известному нам проекту всеобщей подачи голосов было добавлено сохранение отдельных крестьянских выборов, как это предусматривалось по положению 6 августа. Из двух правительственных проектов первый предусматривал расширение установленных 6 августа разрядов избирателей с предоставлением рабочим права избрания членов Думы не прямым путем, а по ступеням, на основе группового представительства рабочих отдельных предприятий. Второй правительственный проект предусматривал еще большее расширение избирательного права по разрядам городских избирателей и землевладельцев, а также предоставление его всему рабочему населению, в том числе рабочим, занятым в ремесленных мастерских и объединенным в трудовые артели, с включением выборщиков от рабочих в губернские и городские избирательные собрания. Знакомясь со справкой, в которой были изложены эти проекты,⁹⁴ Шипов, Гучков и др. не могли не заключить, что Витте приказал составителям отдать предпочтение про-

екту всеобщей подачи голосов. В справке вопрос был изложен таким образом, что оба правительственных проекта оказывались поставленными под сомнение. Специально уменьшать рабочее представительство было боязно, а проведенное в соответствии с численностью рабочего населения оно составило бы 70—71 человек, т. е. больше, чем крестьянское, исчислявшееся в 51 человек. Предусматривавший это первый проект был страшен тем, что «обособление в отдельную группу представителей рабочих классов сводилось бы, в сущности, к установлению узаконенной стачечной организации», а второй пугал составителей результатами той многостепенности выборов для рабочих, которую они специально установили. Включенные в состав губернских и городских избирательных собраний наряду с избирателями по личному цензу уполномоченные от рабочих в силу ответственности перед избирателями, как теперь опасались, явились бы на выборы в полном составе, между тем как многие избиратели по личному цензу могли не явиться.

Вообще справка содержала сетования по поводу того, что представительство рабочих основывается на всеобщей подаче голосов, «тогда как представительство остальных, более консервативных классов, ограничено цензом», в результате чего «затемняется начало имущественной силы отдельных классов, положенное законом 6 августа в основание распределения выборщиков, и на вид выступает начало численности избирателей в различных съездах». Изменять же распределение выборщиков означало «в сущности сломать всю созданную положением 6 августа систему классового представительства». «При таких условиях, — говорилось в справке, — должен неизбежно возникнуть вопрос, не будет ли правильнее, если нельзя ограничиться незначительным лишь расширением существующей избирательной системы, прийти прямо к общей подаче голосов в возможно осторожной форме, тем более, что начало это в той или иной степени приходится во всяком случае применить к выборам от рабочих». Отдельное крестьянское представительство предполагалось при этом сохранить.

Неудивительно, что Шипов в заседании Совета министров 19 ноября, не сомневаясь в успехе, высказался за всеобщее избирательное право, подчеркнув, что его введение предрешено вторым пунктом манифеста 17 октября. Витте немедленно выступил с возражениями, энергично отрицая данное Шиповым толкование манифеста и отстаивая общие основы положения 6 августа. Витте поддержал Оболенский, а Дурново, не скрывая раздражения, вызванного речами «общественников», заявил, что вообще нечего обсуждать избирательные системы, ибо проводить выборы во время революции немислимо. По поводу необходимости для власти «доверия общества» он заявил, что правительству достаточно опоры на дворянство, а во время реплики Шипова о том, что «только общие выборы могут внести желательное умиротворение в среду так называемого третьего элемента», демонстративно ушел. Оболенский затем предъявил Шипову специальную записку с виттевским толкованием манифеста и даже с упомина-

нием о том, что именно манифест препятствует введению всеобщего избирательного права в обход устанавливаемого манифестом нового законодательного порядка.⁹⁵

Министры же сосредоточились на вопросе о рабочем представительстве. К прежним опасениям добавились новые, разделявшиеся, как явствует из мемории Совета министров, всеми его членами. Выделение рабочих в отдельную группу избирателей и предоставление им определенного числа мест в Думе пугало теперь еще и перспективой усиления классового чувства в пролетарских массах, невозможностью уменьшить рабочее представительство в будущем и, наоборот, неминуемо предстоявшей борьбой рабочих за «увеличение числа членов Думы от рабочих соответственно росту численности рабочих масс, что может затруднить правительство в переходе к более правильной системе выборов».⁹⁶ Как видим, виттевский кабинет, еще не осуществив обещаний манифеста 17 октября о расширении избирательного права, задумывался о его сокращении, ведь «более правильная система выборов» ничего другого означать не могла, причем необходимость соблюдать новый законодательный порядок на сей раз уже не вызывала озабоченности.

Включение выборщиков от рабочих в состав губернских и городских избирательных собраний рассматривалось теперь иначе, чем при подготовке проектов. Если тогда опасения вызывала перспектива фактического преобладания рабочих выборщиков в избирательных собраниях ввиду абсентеизма избирателей-цензовиков, то теперь, наоборот, пугала возможность неизбрания рабочих-депутатов по малочисленности выборщиков, в некоторых губерниях численность рабочих оставила бы их вовсе без представительства. Можно было предвидеть и «нарекания» по поводу того, что «за отсутствием достаточно определенных статистических данных о численности рабочего населения при системе этой придется основать исчисление количества выборщиков от рабочих на основаниях весьма шатких».

«Наиболее, наконец, существенным доводом против участия рабочих в выборах на началах совместного их с другими классами представительства, — говорилось в мемории, — является соображение о той агитации, которую они внесут в среду избирательных собраний, воздействуя на состав последних в духе усвоенных ими мнений крайних партий». Совет министров видел себя в вопросе о рабочем представительстве как бы между двух огней. «За последнее время, — единогласно констатировал виттевский кабинет, — рабочий класс, находящийся в весьма сильном брожении, идет впереди охватившего страну движения и проявляет его в едва ли не наиболее острой и опасной форме». Расчет министров состоял в том, чтобы с помощью предоставления мест в Думе рабочим привести их «к успокоению, так как в вопросе о выборах деятельность крайних революционной и социалистической партий лишится ныне столь для них благоприятной почвы». Поэтому решено было «остановиться на системе отдельного представительства рабочих ввиду обеспечиваемого ею успокоения ра-

бочего класса и охранения общих выборов от участия в них наиболее беспокойного и опасного элемента».

Но не был забыт и прежний страх перед «узаконенной стачечной организацией» из 70 рабочих представителей в Думе и поэтому число их решено было свести по шести фабрично-заводским округам Европейской России всего к 14-ти.⁹⁷

Некоторые из членов Совета министров, несмотря на позицию Витте и Дурново, все же выступали за всеобщую подачу голосов. Они подчеркивали, что «со времени издания закона 6 августа в общественной жизни России, несмотря на крайнюю краткость срока, произошли весьма существенные перемены», в результате которых лозунг всеобщего и равного избирательного права получил широкое распространение в различных общественных слоях «и почти повсеместно в рабочем населении». Это объяснялось не только «увлечением и влиянием агитации». «Весьма многое зависит и от самого общественного строя в России, — указывалось в мемории. — В силу особых исторических условий у нас не сложилось сколько-нибудь заметной и имевшей значение аристократии. За исключением немногих родов, дворянство наше — в подавляющем большинстве случаев недавнего и служилого происхождения — не имеет ни столь обширного значения, ни той степени материальной независимости и привычки к независимому образу действий, который является характерным условием консервативной аристократии. Равным образом нет у нас и сколько-нибудь прочно сложившегося класса, соответствующего понятию западноевропейской буржуазии, и самые крупные представители торгово-промышленного капитала во втором, самое большее в третьем поколении выделяются из низших слоев населения».

«Таким образом, по общественному своему строению Россия есть страна демократическая, а потому идеи равенства, и в частности равного и общего участия в выборах, не могут не находить в нашем обществе самой благоприятной почвы для своего развития». Это был взгляд некоторых министров, солидаризировавшихся с теми из приглашенных Витте земцев, которые хотя и считали себя противниками всеобщего избирательного права, тем не менее считали невозможным обойтись без него. Речь шла о всеобщих выборах в двухступенной форме.

Словно в документах либеральных оппозиционеров, звучала в устах министров этой группы критика правительственных мероприятий до создания виттевского кабинета, которые «не шли в уровень с ростом общественного сознания, и правительство вместо того, чтобы твердо взять в свои руки движение, ... шло позади общества, делая время от времени вынужденные уступки, которые, никого вполне не удовлетворяя, раздражали многих, как вообще всякая полумера». Предостерегая против промедления в деле уступок, они заявляли, что булыгинский закон на полгода раньше был бы принят как «желанное преобразование», а теперь, если вовремя не ввести общих и равных выборов, то в будущем придется встретиться с требованием прямых.⁹⁸

Критика правительственной политики предшествовавшего 17 октября времени была для Витте, конечно, чрезвычайно выгодна и приятна. Но сам он, демонстрируя свою приверженность консервативному принципу, возглавил лагерь противников всеобщих выборов. Аргументы его и его сторонников состояли в том, что надо заботиться не столько об «успокоении общественного настроения, которое есть состояние переходящее», сколько о будущем, о составе ближайшей и будущих дум. Ссылаясь на опыт Англии и отдельных германских государств, они утверждали, что отсутствие всеобщего избирательного права обеспечивает государственную жизнь «на самых прочных началах». В соответствии с распространенной в консервативной юридической литературе того времени теорией всеобщее избирательное право рассматривалось как благоприятствующее «проявлению деспотизма масс, этого наиболее тягостного из всех видов тираний». «Частные землевладельцы, вся крупная промышленность, наконец, все образованные классы», предсказывали противники всеобщего избирательного права, «растворятся» в общей массе голосов, да и вследствие неявки многих избирателей в состав голосующих «войдут крайние элементы в гораздо большем числе, чем при выборах классовых».

Новый избирательный закон обсуждался в особом совещании под председательством царя, проходившем 5, 7 и 11 декабря, в те самые дни, когда революционные события в Москве принимали все более грозный характер. Поэтому «москвичи», как назвал царь приглашенных «общественников» Шипова и Гучкова, открыли прения страстным призывом к принятию всеобщего голосования как наиболее действенного способа борьбы с революцией. К тому же до открытия заседания Витте объяснил Шипову свои возражения в Совете министров против всеобщего голосования единственно тем, что тот начал свою речь ссылкой на предержавность вопроса вторым пунктом манифеста 17 октября. «Всем известно, что автором этого манифеста был я, — заявил Витте Шипову, — и следовательно, если бы я согласился с вашей точкой зрения, то мои многочисленные недоброжелатели, из которых многие присутствовали в заседании, могли бы сказать, что я преднамеренно представил государю к подписи проект манифеста, которым предreshалось немедленное применение общего избирательного права».⁹⁹

Только ли опасения перед «многочисленными недоброжелателями» заставляли Витте всеми средствами противодействовать принятию всеобщего избирательного права, сказать трудно. (Один из главных его противников — А. А. Будберг выступал за всеобщую, но только не прямую подачу голосов, заявляя, что всеобщее избирательное право манифестом 17 октября предreshено). Во всяком случае, он был в этом энергичен и неутомим. Заметив, что охранительный антирабочий смысл, который придают своему проекту Шипов и Гучков, оказал влияние на царя, выразив им уверенность в принятии их проекта и поздравив их с успехом, Витте, твердо решивший всеобщего избирательного права не допускать, обратился за помощью к императрице.¹⁰⁰

На самом совещании Витте вилял, стремясь удовлетворить все группировки его участников. Он рекламировал свою карательную политику, дав понять, что осуществление карательных мер нуждается в сочувственном отношении со стороны буржуазных и обывательских слоев, и он использовал для этого их националистическую идеологию и страх перед погромами, изображавшимися как дело революционеров. Первый благоприятный для карательных целей поворот он связывал с решением московского съезда об автономии Польши («стали делить Россию»). «В настоящее время погромы произвели второй поворот в общественном мнении. Явилась возможность арестовать 236 человек Совета рабочих депутатов, и этому в душе все радуются», — заявил Витте как бы в ответ на яростные речи Шипова и Гучкова против революционного пролетариата.¹⁰¹

По вопросу о выборах Витте до некоторой степени солидаризировался с Дурново, выступавшим вообще против созыва Думы («Излечить смуту нельзя никакими выборами», «напрасно все думают, что созыв Государственной думы внесет немедленное успокоение»). Витте заявлял, что нельзя проводить выборов «там, где происходят беспорядки», причем подчеркивал, что «во многих местах все консервативные элементы бежали из деревни, и население всецело находится под влиянием революционеров». Затем он объявлял «революционные силы» немногочисленными и предлагал проводить выборы «почти везде», хотя и добавлял: «Никакой армии не хватит, чтобы обезопасить выборы».¹⁰²

Идеал Витте состоял, по его словам, в том, чтобы отсрочить созыв Думы и провести его по закону 6 августа, «может быть, и самому совершенному», в котором он хотел бы тем не менее сделать «некоторые поправки в еще более консервативном направлении». Но это было бы возможно, если бы дело происходило «вне пространства и времени». «Нельзя, однако, забывать, что в настоящее время в России происходит революция», — говорил он далее, доказывая, что «прекратить смуту силою» нельзя, ибо войска далеко и благонадежность их под сомнением. «Пока движение ... захватывает только высшие классы, правительство может с ним бороться, — с оттенком пренебрежения к либеральной оппозиции рассуждал Витте..., — в городах, конечно, можно наложить узду», но «приходится водворять порядок в народе» и тут войск не хватит, а потому нельзя не использовать «путь нравственного успокоения», как определял он созыв Думы.

Думу «нужно дать» такую, «которая не обратилась бы в Учредительное собрание», предостерегал он, требуя, впрочем, созвать ее «как можно скорее».¹⁰³ Но потом он опять переходил на позицию Дурново, объявляя «совершенно невозможным» предоставление избирательных прав рабочим, а с другой стороны — созыв «прочной» Думы без этого («надо собрать ее не с тем, чтобы потом защищать с оружием в руках»). Тут, однако, Витте встретил решительные возражения Сабурова, Таганцева и Фриша, заявивших, что отложить созыв Думы невозможно. («Какая

бы ни была Дума, защищать ее придется всегда», — заявил Сабуров). Но Витте громил рабочее представительство во всех его формах. Включение рабочих выборщиков в общую курию он отвергал, утверждая в унисон со Стишинским, что городские выборщики «будут отданы рабочим на съедение». Трепов возражал: «Неужели выгоднее ввести в Думу 14 рабочих депутатов?» — и вместе с Рихтером вернулся к порицанию всеобщего избирательного права, боясь «революционной Думы».

Витте не стеснялся критиковать проект собственного кабинета. «Если допустить в Думу четырнадцать членов от рабочих, они будут непременно требовать себе двадцать пять, а потом и пятьдесят мест в Думе. И если вы это им дадите, то без крови вы не будете впоследствии в состоянии отнять у них это право. Поэтому проект № 1 представляется мне невозможным. Он может быть принят только без особого представительства от рабочих», — заявлял он и тут же добавлял, что игнорировать «право труда» в XX в. «опасно». «Рассуждая умом», он «перекрестился бы и решил бы в пользу второго проекта», но «по чутью» он боялся его и опять склонялся к первому, по которому «все опасные элементы сосредоточены в городах; они составляют меньшинство», «Дума будет, может быть, слаба по своему интеллекту, а не по своему консерватизму».

При этом, характеризуя «тревожное состояние населения», которое, как Витте ожидал, продлится еще несколько месяцев, он саркастически ссылаясь на переход либеральных помещиков «на сторону порядка», на «последние речи» «имущего революционера» Родичева, который «советует то, что может говорить только самый истый консерватор». И в то же время он заявлял: «Надо было создать Думу в восьмидесятых годах, тогда не пришлось бы делать теперь сразу такого скачка». ¹⁰⁴

Противореча себе, он то утверждал, что предоставление права голоса всем, а не только фабрично-заводским рабочим, равносильно признанию всеобщего избирательного права, то заявлял, что на долю промышленного пролетариата приходится всего 3 млн. из общего числа рабочих около 10 млн., и за минуту до окончательного решения царя предлагал дать право голоса им всем. ¹⁰⁵

Николай II начал с признания, что до 17 октября он не интересовался вопросом о выборах, который был ему «совершенно непонятен», да и в течение обоих этих заседаний находился «в полном колебании». Мысль о неизбежном созыве Думы он, очевидно, как бы гнал от себя до последней возможности. Но «с сегодняшнего утра» (дело происходило на следующий день после обращения Витте к царице с просьбой повлиять на царя в пользу недопущения всеобщего избирательного права) ему «стало ясно» и «чутье» подсказало, что второй проект принять нельзя. «Идти слишком большими шагами нельзя. Сегодня — всеобщее голосование, а затем недалеко и до демократической республики. Это было бы бессмысленно и преступно», — объявил царь свое решение. ¹⁰⁶

Провалив с помощью закулисных действий проект «общественников», Витте вместе с Тимирязевым и Треповым воспротивился попытке вернуться к полному лишению рабочих избирательных прав, которая была предпринята на совещании в процессе осуществленной все же отмены особого представительства для рабочих (их выборные уполномоченные должны были подобно тому, как это предполагалось в Совете министров, избирать выборщиков на городские и губернские съезды).¹⁰⁷ Однако закончить совещание Витте решил на самой минорной и консервативной ноте, специально попросив для этого у царя слова: «Следует ожидать, что новый избирательный закон не внесет успокоения не только в революционные кружки, но и среди умеренных элементов. Результаты будут плохие, но в какой интенсивности они проявятся — предвидеть, конечно, невозможно. О сроке созыва Государственной думы ничего сказать нельзя. Приступить немедленно к выборам — даже этого сказать нельзя...» Но Николай II заявил, что откладывать созыв Думы не намерен.¹⁰⁸

«До чего серьезно было положение в самом Петербурге, — вспоминал военный министр А. Ф. Редигер, — может охарактеризовать следующий анекдот: 11 декабря ко мне заехал доктор Дубровин, председатель Союза русского народа, и предложил привезти из Витебска 20 тысяч старообрядцев с тем, чтобы я им выдал оружие; он их расположит вокруг города, чтобы навести порядок в районе заводов и помешать рабочим двинуться на Царское село».¹⁰⁹

12 декабря, в разгар вооруженного восстания в Москве, был опубликован царский указ с изменениями положения о выборах в Думу, а на следующий день Совет министров рассматривал по настоянию Витте вопрос о применении против участников революционного движения военно-полевого суда. Подробно описав прохождение законопроекта, проведенного лишь в августе 1906 г., Витте в своих мемуарах, поскольку это было сделано непрестанно им порицавшимся П. А. Столыпиным, охарактеризовал свой собственный, в сущности, законопроект как открывающий «полный произвол администрации в применении смертной казни».¹¹⁰ «Учреждение это вводилось бы с исключительной целью постановления приговоров о смертной казни. Если суд не найдет законных оснований для назначения смертной казни, то дело направляется в общем порядке военно-уголовного судопроизводства. Весь порядок судебного процесса упрощен до крайности, причем на рассмотрение дела от вступления его в суд до приведения приговора в исполнение полагается не более 24 часов», — отметил Совет министров 13 декабря.¹¹¹ Исходя из того, что и обычные полевые суды действуют с достаточной быстротой «и в случае преподания надлежащих инструкций замедления в ходе процесса быть не может», Совет министров не принял проект (как и 20 и 23 декабря). Вместо этого было решено изменить правила действия войск при подавлении революционных выступлений, была отменена стрельба холостыми патронами и в воздух, войска обязали стрелять по участникам революционных выступлений боевыми патронами.

15 декабря, в день рассмотрения царем всеподданнейшего доклада о заседании Совета министров, появился циркуляр военного министра командующим войсками военных округов, в котором указывалось: «Совет министров в заседании 13 декабря признал, что распространение смуты и малая успешность борьбы с нею в значительной степени зависит от того, что войска действуют недостаточно решительно». С явным укором своему оппоненту Дурново Витте распорядился: «Пошлите копию депеши в[оенного] м[инистра] о решительности действий м[инистру] в[нутренних] д[ел] с прибавлением, не считает ли он нужным издать соответствующее распоряжение по полиции».¹¹²

В своих воспоминаниях Витте рассказал, как еще в начале ноября, получив из частного источника сведения о готовившемся в Москве революционном выступлении, добился назначения туда генерал-губернатором адмирала Ф. В. Дубасова, зарекомендовавшего себя в борьбе с крестьянским движением «решительным и твердым человеком». Обеспечив отправку войск в Москву, Витте заявил Дубасову по телефону: «Я надеюсь, что восстание будет энергично подавлено».¹¹³ Тем не менее не только в ноябре, но отчасти и в декабре, несмотря на московские события, Витте, по словам И. И. Толстого, совпадающим с уже известными читателям сообщениями В. А. Маклакова и В. И. Гурко, «или противился всяким жестоким репрессиям, или старался их смягчить, громко выражая мнение не только в нашей среде, но и в присутствии министров самому государю императору, что жестокость и излишняя строгость являются показателями только трусости и слабости, а что мужественное и сильное правительство может проявлять только одну справедливость, окрашенную жалостью к увлекающимся и к увлеченным лицам, помня, насколько оно само виновато в нерадении и непредусмотрительности».¹¹⁴ Эта его позиция носила характер ответа на противоречившие друг другу требования. «Витте принимал удары со всех сторон, — писал А. А. Спасский-Одынец. Так, обер-церемониймейстер барон Корф, один из столпов октябризма, требовал от премьер-министра: «Немедленно, граф, поставьте пушки на Невском и на других улицах и расстреливайте, расстреливайте!». «Средние» же требовали исполнения манифеста 17 октября, принятия новых основных законов, протестовали против карательных экспедиций. По-видимому, в ноябре 1905 г. у Витте были несколько профессоров Московского университета и два академика. «Эти последние, — писал Спасский, — заявили во всеуслышание: „Витте только бюрократ, узкий специалист в финансовой сфере и совершенно не соответствует историческому кризису и событиям, которых он просто не понимает“. Они требовали прекращения действий карательных отрядов, полной политической амнистии, а главное, и это прежде всего, объявления каким-то правительственным актом конституционного, парламентарного государственного строя, объявленного в форме основного закона. По их убеждению, после такого акта как рукой снимет все беспорядки. „Святые дурачки!“ — сказал о них в одной беседе со мной граф. И это в то самое время, когда в „Новом времени“ злобно спра-

шивают: „Кто кого арестует? Витте — Носарь-Хрусталева, или он арестует Витте?“».¹¹⁵

Неудача попыток добиться умиротворения «уговорами и личным влиянием», обозначившаяся в результате московского вооруженного восстания, поколебала у Витте «веру в кротость и целесообразность уступчивости по отношению к требованиям общества» и привела его, по мнению И. И. Толстого, к принятию новой тактики. Она состояла в том, чтобы «воспрепятствовать грубому злоупотреблению свободою» законными мерами со склонностью к либеральным решениям юридических вопросов. Тактика эта могла быть успешной лишь в том случае, если бы симпатии либеральной оппозиции и интеллигенции в целом безраздельно принадлежали виттевскому реформаторству, и ими не пользовалось в значительной мере и ощутимой форме революционное движение. «Когда он увидал, — писал И. И. Толстой, — что никто не желает понимать его усилий и что всякая уступка духу времени толкуется исключительно как показатель слабости, что каждая либеральная статья новых законов трактуется как лазейка, через которую можно нанести посильный вред ненавистному правительству, Витте стал заметно склоняться к старым испытанным средствам административного, т. е. всегда более или менее произвольного, воздействия, хотя до самого апреля считал нужным извинять его применение горькою необходимостью и утешать и себя и других уверениями, что меры эти временны и сами собою прекратятся с наступлением нормальных условий».¹¹⁶ Кстати сказать, часто присутствовавший на заседаниях Совета министров В. И. Гурко сообщал, что Витте «неоднократно просил Дурново ослабить репрессии», но делал это «лишь с января 1906 г., когда революция на улице более не выступала».¹¹⁷

И. И. Толстой сопоставлял поведение Витте и Дурново, который создавал себе репутацию победителя революции демонстрацией своей безжалостности (его «любимым выражением» после подавления Дубасовым восстания в Москве стали слова о том, «что с революционерами нечего церемониться: „к стене их и расстрелять“»).¹¹⁸ Подчеркивая свое несогласие со многими мерами Витте, особенно в последний период его пребывания у власти, и критику их «откровенно и ему в глаза», И. И. Толстой тем не менее писал: «Несмотря на ошибки (не ошибается тот, кто ничего не делает), на нервность и колебания, наш председатель остался в моих глазах, несмотря на многочисленные отрицательные черты его характера, крупной личностью, отличительною чертою которого была человечность, соединенная с большим умом и колоссальною рабочею энергиею».¹¹⁹

Нельзя, однако, не признать, что подавление революции было для Витте вопросом его собственной политической жизни или смерти. Он потребовал от царя, чтобы право определения дислокации войск было предоставлено не военному командованию, а ему как главе правительства. «К сожалению, мы везде посылаем войска уже после происшествия», — упрекал Витте Николая II после подавления восстания в Москве. Он признавал, что революционные события при «громадности империи с 136-

миллионным населением» приняли такой размах, что «ни с какою армией за всем не угонишься», но все-таки главная беда, помимо «крайней слабости многих военачальников, преимущественно в высших чинах», оказывалась в пренебрежении царя к его, Витте, советам. Во всех событиях периода высшего подъема революции, в том числе в «московских беспорядках», он усматривал подтверждение этого. Его не слушались, когда он требовал ускорить доставку воинских частей с Дальнего Востока, заменить командный состав. «Экзекуционные поезда» (так называл он карательные отряды на железных дорогах, которые считал своим изобретением) ввели с месячным опозданием. На его «понуждения» усилить подавление местные власти отвечают ссылками на отсутствие или недостаток войск, а он не знает, «можно ли послать еще войска или нет», жаловался Витте.

Он требовал, чтобы дислокация войск производилась не «по соображениям стратегическим», а «сообразно политическим потребностям». «Теперь войска должны быть призваны главным образом для борьбы со смутю и для поддержания государственных устоев. Очевидно, что при таких условиях дислокация должна быть сообразована с внутренними потребностями государства и соответственно соображениям лиц, на коих ваше императорское величество изволили возложить внутреннюю политику», — писал Витте. Он пригрозил отставкой, припугнув царя, как и накануне 17 октября, перспективой военной диктатуры («радикальное решение этого вопроса заключалось бы в том, чтобы во главе правительства поставить военного человека и вручить ему при участии министров согласование действий всех частей управления, в том числе и военно-морского»).

Как и в октябре, Николай II, который, по словам военного министра Редигера, относился «весьма ревниво к прерогативам верховного вождя армии»,¹²⁰ уступил, приказав созвать совещание об изменении дислокации войск под председательством Витте.¹²¹

В своих воспоминаниях Витте рассказывает, как, проведя в этом совещании «ту основную мысль», что «всякие нежности должны быть оставлены в стороне», он проявил инициативу в принятии «решительных мер» для разгрома революционного движения на Сибирской дороге, лично предписав сделать это «во что бы то ни стало» генералу Меллер-Закомельскому (которого сам Витте характеризовал как жестокого карателя, «если можно так выразиться, сорванца», к тому же нечистого на руку, проигрывавшего крупные суммы за границей, где он появлялся то с действительной дочерью, то с «подложной», и исключенного из Государственного совета за денежные махинации). Такую же инструкцию дал он генералу Ренненкампу. Рассказав, что он как глава правительства отказался принять меры к предотвращению казни захваченных в Чите революционеров (судя по всему, это были И. В. Бабушкин и его товарищи), Витте в другом месте заметил: «Эту операцию Меллер-Закомельский совершил очень хорошо. Вообще, если бы Меллер-Закомельский не был генералом, то по своему характеру он был бы очень хорошим тюремщиком,

особливо в тех тюрьмах, в которых практикуются телесные наказания». ¹²² Чтобы действия войск при подавлении московского восстания не повредили репутации правительства и его собственной, а главное, чтобы иметь возможность применять такие же карательные меры в будущем, Витте предложил царю устроить «нелицеприятное расследование». «События, имевшие место в Москве, повлекшие за собою многочисленные человеческие жертвы и крупный материальный ущерб для города и отдельных лиц и учреждений, возлагают тяжелую нравственную ответственность на правительство», — писал он. Но ждал он со стороны «общества и печати» (имея, по-видимому, в виду наиболее консервативные круги) не упреков в жестокости, а обвинений «в непредусмотрительности, бездеятельности и попустительстве». Расследование, внушал он царю, «даст правительству нравственную опору в тех случаях, когда оно опять окажется вынужденным при известных обстоятельствах не считаться с тягостными для населения последствиями принимаемых исключительных мер». ¹²³

«Вообще можно сказать, что революционеры на время везде сломлены. Вероятно, на днях общие забастовки везде кончатся, — обещал он Николаю II 23 декабря. — Остаются остзейские губернии, Кавказ и Сибирская железная дорога. По моему мнению, прежде всего нужно разделаться с остзейскими губерниями. Я целым рядом телеграмм поощрял генерал-губернатора действовать решительно. Но там, очевидно, мало войск. Вследствие чего я ему еще вчера ночью телеграфировал, что ввиду слабости наших войск и полиции необходимо с кровожадными мятежниками расправляться самым беспощадным образом». ¹²⁴ Красноярск он собирался «брать приступом», наказному атаману войска Донского приказал, «чтобы он, ничем не стеснясь, задушил восстание в Ростове», а кубанскому атаману именем царя предложил «принять самые решительные меры к водворению порядка в Новороссийске», причем Николаю II доложил об этом только тогда, когда получил из Екатеринодара телеграмму о том, что «высочайшее государя императора повеление, касающееся Новороссийска», получено и приступлено «к безотлагательному приведению его в исполнение».

Таким же образом было отдано распоряжение Н. Н. Сухотину, генерал-губернатору Степного края и командующему войсками Сибирского военного округа: «...во что бы то ни стало водворить порядок на Сибирской железной дороге и уничтожить революцию в сибирских центрах». Другие подобные распоряжения Витте давал от своего собственного имени. Так, ташкентскому генерал-губернатору Д. И. Субботичу он телеграфировал: «Советую вам ввести во вверенном вам крае военное положение и решительно покончить с забастовками и революционерами, иначе кончится тем, что мы потеряем всякий престиж в туземном населении и подготовим восстание». А временный прибалтийский генерал-губернатор В. У. Соллогуб, которому Витте приказал «действовать беспощадным образом», был даже вынужден возразить. «Собственно в г. Риге не представлялось пока случая проявить беспощадную воинскую репрессию», — телеграфировал он

в Петербург. Сообщив, что «войсковым начальникам даны вполне определенные указания самым энергичным образом проявлять силу оружия в случаях малейшего противодействия со стороны населения» и что указания эти выполняются (так, только что ротой отряда ген. А. А. Орлова «агитатор расстрелян, дом другого сожжен»), Соллогуб, однако, добавил: «В одном лишь отряде генерала Орлова до ста арестованных, виновность коих в агитации определяется большею частью лишь показаниями чинов администрации. Расстреливать без суда, когда они уже арестованы, невозможно».¹²⁵

В тот же день 23 декабря, когда Витте сообщил царю о вышеприведенных своих распоряжениях, он предложил «в ожидании возможных грозных аграрных беспорядков» принять к началу весны меры «двоякого характера: политико-экономические и военно-политические». Что касается первых, то они были трижды рассмотрены Советом министров, и каждый раз большинство склонялось к мнению, «что осторожнее без Думы не принимать никаких решительных мер». Тут же он предлагал, однако, созвать совещание под председательством царя для разработки аграрных преобразований. «Что же касается мер военно-политических, то, по моему мнению, необходимо экстренно принять самые решительные меры», — писал Витте, предлагая вслед за Игнатьевым, Дубровиным и другими правыми и черносотенцами немедленно создать контрреволюционное ополчение.¹²⁶

Царь ответил на этот доклад рескриптом на имя Витте 24 декабря, предложив Совету министров «разработать проект мероприятий, способных устранить как аграрные беспорядки, так и крестьянские бунты», следствием чего явился широко известный доклад Витте 10 января 1906 г. по аграрному вопросу. Предложение же о создании черносотенного ополчения царь отклонил. Очевидно, он разделял аргументы Дурново и министра юстиции М. Г. Акимова, которые заявили, что «это войско может даже явиться опасным», так как не рассчитывали «на то, чтобы дружинники и ополченцы действовали сколько-нибудь энергично против своих односельчан», и боялись «возбудить армию» повышенной оплатой их службы.

Витте как бы не принял во внимание отклонение Николаем II предложения о формировании ополчения, поставив его на обсуждение Совета министров, который единогласно признал, что «опорою против беспорядков может быть главным образом войско». Николай II тут же предложил учредить «конно-полицейскую стражу, хорошо вооруженную, которую расквартировать по городам и железнодорожным узлам».

30 декабря по поводу сообщения о подавлении революционного движения в Эстляндии, в ходе которого командир карательного батальона моряков капитан О. О. Рихтер, сын генерала О. Б. Рихтера, одного из наиболее высокопоставленных придворных, «не только расстреливал, но и вешал главных агитаторов», царь написал: «Молодец!». Но оказалось, что он хватил через край. В Петербурге к Витте и морскому министру А. А. Бирилеву явился батальонный адъютант и сообщил, что местные власти

требуют объяснений по поводу действий батальона и что моряки опасаются ответственности.

На сей раз Витте решил дать понять Николаю II, что он пытался его выручить, но сделать это до конца все же не смог. Он доложил царю, что, спрятав резолюцию в свой стол и не ссылаясь на нее, он вместе с Бирилевым поддержал действия карательного батальона. Но генерал-губернатора Соллогуба, добавил Витте, он «почел нужным» шифрованной телеграммой ознакомить со взглядом царя на «сказанный предмет».¹²⁷

8 января Витте поддержал предложение адмирала Дубасова судить арестованных участников московского вооруженного восстания не военным, а гражданским судом, «во-первых, потому что военный суд имеет существенное значение ввиду скорости репрессий, между тем уже достаточно времени упущено, во-вторых, потому что судить военным судом много лиц вообще неудобно».¹²⁸ Через несколько дней Витте, наоборот, предъявил царю упрек чуть ли не в попустительстве чиновникам, которые могли быть обвинены в причастности к революционному движению. 3 января Совет министров рассматривал вопрос о порядке увольнения государственных служащих, «поддерживающих противоправительственные движения». Речь шла не столько об участниках революционного движения, которые могли оказаться среди чиновников, сколько о любых либералах левого толка. Витте и большинство министров настаивали на предоставлении губернаторам по всей империи того права, которым они пользовались в местностях, объявленных в положении чрезвычайной охраны или на военном положении, — устранять от должности чиновников всех ведомств, а также лиц, служащих по выборам в сословных, городских и земских учреждениях, кроме лиц, занимающих должности первых трех классов. Тимирязев, Оболенский и Кутлер были против. Был составлен проект именного указа сенату. «Проектируемый закон, — писал о нем Оболенский, — как и всякое нарушение прав, вызовет понятную тревогу и опасение».

Витте удалось было склонить царя на свою сторону, однако затем тот передумал и указа не подписал. Тогда Витте счел «верноподданническим долгом» повторным всеподданнейшим докладом возложить на царя ответственность за то, что, «не приняв решительных мер относительно массы провинциальных служащих, вышедших из границ служебной лояльности, губернаторы... будут оставаться в известной мере парализованными в борьбе с революцией».

Николай II, однако, не испугался вызова своего премьер-министра и оставил в силе свою прежнюю резолюцию об отказе от подписания указа.¹²⁹

Разлад между царем и председателем Совета министров, разумеется, отнюдь не примирял с Витте готовых сомкнуться против него Дурново и Трепова. Постоянно существовавший у царя страх оказаться заслоненным фигурой председателя Совета министров энергично поддерживали противники Витте, который в свою очередь пугал царя отставкой, заявляя, что «быть полуминальным главой правительства» не может. Успехи в подавле-

нии революции усиливали атаки против Витте, однако пока войска с Дальнего Востока не были переведены в Европейскую Россию и не был открыт кредит на европейской бирже, он еще чувствовал себя в седле.

Конфликт, по форме носивший характер личного соперничества, с неизбежностью вытекал из сущности реформы, установившей объединенное министерство, ответственное перед царем в условиях непроборимого развития элементов конституционализма. В конце декабря Витте попросил об отставке, но Николай II отказал ему в этом до заключения внешнего займа.¹³⁰ Новогодний прием в Царском Селе наглядно демонстрировал торжество, одержанное над Витте Дурново, «вокруг которого толпа поклонников из придворных сфер заметно увеличилась». Он был утвержден в должности министра, дочь его была пожалована во фрейлины, «милости и отличия» стали сыпаться на него, «как из рога изобилия». К этому моменту ему удалось стать в глазах царя наиболее эффективным борцом с революцией, «самым верным слугой монархии».¹³¹ Вдобавок к этому Витте еще и промахнулся с назначением нового министра юстиции взамен уволенного Манухина. Трудно сказать, мог ли он оказать на это решение определяющее влияние (как увидим, по поводу назначений на другие министерские посты он проявлял большую настойчивость). Но в данном случае он предпочел кандидатуре А. Ф. Кони М. Г. Акимову, на сестре которого был женат Дурново. По словам П. П. Менделеева, Дурново и Акимов во всеподданнейших докладах критиковали почти единогласные решения правительства и получали одобрение царя, отчего Витте порой приходил в отчаяние.¹³²

Заметно изменилось поведение Дурново и на заседаниях Совета министров. «Хотя Витте и продолжал иногда кричать на Дурново, но последний перестал „ежиться“, а отвечал иногда довольно резко, энергично настаивая на своей точке зрения; иногда, чего он раньше никогда не посмел бы сделать, он после сцены с председателем прекращал на неделю и больше свое хождение в заседания Совета, причем не считал нужным извиняться за свое отсутствие. Провозглашаемая им панацея против революции, выражавшаяся в девизе: „к стене — и расстрелять“, в той или иной форме преподносилась им довольно часто и смело, хотя и бездоказательно, в заседаниях, причем на все возражения он пожимал плечами и иронически улыбался», — так характеризовал новые черты в функционировании правительства И. И. Толстой.¹³³

Вообще первые дни нового, 1906 г., были для Витте, по видимому, очень опасными. Ему пришлось выступить в печати для воздействия на царя, между тем как большей частью он пользовался ею ради установления связей с общественностью (так, в ноябре Спасский-Одынец устроил ему встречу с А. А. Мануйловым, через которого имелось в виду повлиять на «Русские ведомости»). На сей раз речь шла о суворинском «Новом времени» и «Свете» генерала В. В. Комарова, которые Николай II регулярно читал. В эти газеты Витте и передал, по словам Спасского, написанную Спасским статью, направленную против сомнений в не-

зыблемости монаршего слова применительно к манифесту 17 октября. Замысел Витте, несомненно, состоял в первую очередь в том, чтобы ликвидировать такие сомнения у самого царя, тем более что Комаров получил высочайшую резолюцию с разрешением на печатание статьи, без которого он этого делать не решался. В «Свете» 3 января 1906 г. (№ 3) появилось от имени Витте краткое опровержение возможности отмены манифеста. А в «Новом времени» 1 (14) января (№ 10714), в статье за подписью «М.», озаглавленной «Из политических бесед», содержалось заявление Витте о том, что царь имеет право отменить манифест, но никогда этого не сделает. Далее Витте заявлял, что может оставаться на своем посту лишь на почве этого манифеста. «Дальнейшее — дело Государственной думы», — говорил он, предупреждая, впрочем, против спешки с выборами. По-видимому, это был политический ход премьера, связанный с угрожавшей ему отставкой, причем ход выигрышный. Во всяком случае один из главных противников Витте справа А. С. Стишинский заявил после этого Спасскому: «А, соправитель России... его сиятельство скоро будет господином президентом». Это был прием, обычно применявшийся правыми в борьбе с Витте. Присутствовавший при разговоре И. Л. Горемыкин одернул Стишинского. Витте же, выслушав рассказ Спасского, заявил: «Злобные, глупые скоты!»¹³⁴

Как уже знает читатель, вследствие рескрипта от 24 декабря Витте представил 10 января 1906 г. всеподданнейший доклад по аграрному вопросу. Этот широко известный документ имел и общеполитическое значение. Он означал попытку Витте остаться у власти на основе предложенной царю программы дальнейших действий с предоставлением ему возможности выбора новой аграрной политики и даже с уверением в плодотворном сотрудничестве премьера с министром внутренних дел. «Проявления революции в городах, точно так же как и в других местностях, за исключением аграрного движения, могут считаться подавленными настолько, что в резких формах революционные покушения происходить более не будут», — так формулировал Витте свое мнение о развитии событий. «Давай Бог!» — написал царь против этих слов.

«С одной стороны, ряды революционеров поредели как вследствие арестов, так и вследствие прямой убыли во время мятежа, с другой — министр внутренних дел и я следим, чтобы не нарождалось новых преступных сообществ. В то же время улучшается сыскная часть и тем дается возможность принимать своевременно предупредительные меры, — как бы поровну деля успех с Дурново, писал Витте. — Таким образом, все дает основание думать, что революционное движение, кроме аграрного, резко проявляться не будет. Изъятие могут составлять только Кавказ, губернии Царства Польского и Прибалтийские. В последних, надо полагать, через несколько недель удастся справиться с движением, насколько оно не связано с аграрным вопросом; на Кавказе и в Польше дело усложняется национальной рознью и происходящим там ныне разрешением исстари ведущихся споров. Эти окраины, вероятно, придется долго держать под режимом власти, основан-

ной на присутствии значительной военной силы. Во всяком случае, если на Кавказе принят будет столь же энергичный образ действий, как в Привислинском крае, каковому примеру кавказское начальство и начало уже следовать, то там обстоятельства также улучшатся. Сибирская железная дорога находится совершенно в особых условиях, в которых она оказалась благодаря непростительному попусшению начальников действующих армий, имевших в руках всю необходимую силу, чтобы происшедшие бесчинства предупредить; Вашему императорскому величеству благоугодно было уже дать по этому предмету надлежащие указания. Таким образом, можно высказать с достаточным основанием убеждение, что серьезных массовых движений революционного характера, кроме аграрных, произойти, по крайней мере в ближайшие месяцы, более не может. Теперь, по имеющимся сведениям, наступил период отдельных террористических действий, против которых можно только принимать предупредительные меры, но остановить их трудно; впрочем, и носят они совершенно иной характер, нежели массовые проявления, о которых говорилось выше.

Что же касается аграрных беспорядков, то дело с ними обстоит совершенно иначе. Аграрные беспорядки не только не кончены, но едва ли не следует признавать их лишь вступившими в первый их период. Можно ожидать весною нового, более сильного их проявления, если только не удастся предупредить сего соответственными мерами».¹³⁵

Меры эти, предложенные Витте, делились на «отрицательные» и «положительные». Первые могли «достигнуть только наружного, временного успокоения», вторые, носившие «органический характер», были направлены «к устранению самой возможности явлений, недопустимых ни в каком культурном государстве». «Отрицательные» включали в себя карательные меры, делившиеся на четыре части: «Усиление сельской полиции», «Применение с наибольшей для дела пользою военной силы», «Меры судебного воздействия» и «Правильное вообще направление деятельности всех лиц местного управления». (Здесь Витте особенно отмечал, что «не на высоте призвания» оказались, за некоторыми исключениями, земские начальники. «В общем, их влияние на крестьянское население оказалось ничтожным, и при возникновении беспорядков они активного противодействия им не оказали, уклоняясь во многих случаях от прямых сношений с населением и роняя тем престиж власти», — констатировал Витте). Все эти меры были поддержаны одобрительными царскими пометами.

Но центр тяжести виттевского доклада состоял в мерах «положительных», и тут-то он потерпел неудачу при том, что программа предлагавшихся им аграрных преобразований не была односторонней и отнюдь не сводилась к кутлеровскому проекту, хотя и была заметна убежденность премьера, что без уступки крестьянам части помещичьих земель обойтись нельзя.

В сущности, обреченность кутлеровского проекта обозначилась еще тогда, когда Витте не сумел провести его через Совет министров, и теперь он лишь признавал это, сообщая царю о

«полном и коренном разногласии в среде Совета». И хотя он указывал, что кутлеровский проект составлен «на основаниях более мягких», чем мигулинский, который в октябрьские дни передал ему на рассмотрение сам царь, помочь делу не могло и это. Против слов виттевского доклада о том, что проект Кутлера «основан на мысли об обязательном, в известной мере за вознаграждение, отчуждении казенных, удельных, частновладельческих и иных земель», Николай II написал: «Не одобряю».¹³⁶ Подавление декабрьского восстания и зимний спад крестьянского движения, а также совпадение кутлеровского проекта с кадетской аграрной программой ставили царя во главе противников премьер-министра.

Впрочем, их аргументы в докладе Витте были изложены с полным вниманием к их смыслу и значению. Вопреки своему саркастическому монологу о римском праве на заседании Совета министров Витте почтительно упоминал о «святости понятия собственности и опасностях, угрожающих государству от потрясения этой главнейшей основы общественной жизни». В докладе указывалось, что частичная передача частновладельческих земель крестьянам не поможет делу, так как они «всегда будут стремиться, ободренные к тому в своих вождениях, к полному захвату всей земельной собственности». Речь шла и о том, что «погромы помещиков» подчас вызываются «озорством крестьян и простою склонностью к грабежу», а не «действительной нуждой в земле». Нужду же эту удовлетворить нельзя, так как даже «обращение всего земельного фонда империи на эту потребность лишь незначительно увеличит долю владения каждого крестьянина». Выражалось и опасение падения урожая ввиду худшей обработки крестьянских земель. Сначала — успокоение «внешними средствами», т. е. подавление, а затем — земельная реформа при улучшении культурных условий крестьянского быта, распространении образования среди крестьян и изменении управления ими — такова была, как можно заключить из доклада, позиция противников проекта Кутлера.

Витте выделил как причину крестьянского движения, которая как бы получила в Совете министров общее признание, стремление к сословной изоляции крестьян после 1861 г., вследствие чего они оказались замкнутыми «в тесных условиях сельского быта». Было отмечено, что «участие в аграрных беспорядках зависит от степени духовного развития». Поскольку старообрядцы и сектанты, в отличие от православных, движением охвачены не были, в докладе был сделан вывод «о том значении, которое в повышении нравственного сознания народа принадлежит свободной церкви и живому свободному церковному слову». При этом православное духовенство, добавлял Витте, в большинстве случаев относилось к движению безразлично, а воспитанники духовных учебных заведений «усиливали замешательства».

Все это не вызывало у царя никакой реакции. Дело менялось, однако, стоило Витте принять крестьянскую сторону, а он позволил себе недвусмысленно заявить, что правительство обязано заботиться о «немедленном внесении успокоения в народную

жизнь». «В этом отношении нельзя рассматривать крестьянские беспорядки только как проявления необузданности сельского населения, облегчаемой отсутствием достаточной на местах полицейской и военной силы, — говорилось в докладе. — Аграрный вопрос стоит совершенно особо в числе других требующих разрешения социальных задач: и в крестьянской среде независимо от каких-либо научных соображений имеется несомненно сознание о повышающейся стоимости земли и важности обеспечения за собою обладания ею в достаточном количестве. Незначительность же наделов во многих местностях не подлежит сомнению, и правительству давно известна неотложная надобность прийти в этом отношении населению на помощь. Огромное количество поступающих крестьянских заявлений показывает, что в среде их слагаются весьма твердые и иногда своеобразные по данному предмету воззрения, как например повторяющееся в ряде заявлений указание на приобретение ими права на арендуемые ими земли, много раз оплаченные в стоимости своей внесенными арендными платежами».¹³⁷

Чтобы заставить отступить помещиков, Витте угрожал им теперь не только натиском крестьянства, но и мерами экономической политики правительства, принятие которых как неизбежных упоминалось в докладе без всяких оговорок. «Представляется, по-видимому, предпочтительным для помещиков поступиться частью земель, как это было сделано в 1861 г., и обеспечить за собою владение остальною частью, нежели лишиться всего, может быть, на условиях гораздо более невыгодных или испытать на себе тяжесть введения прогрессивного подоходного налога, при котором существование крупной земельной собственности немыслимо», — говорилось в докладе. Категоричности Витте, предупреждавшего помещиков, что, не дав земли крестьянам, они все равно не сумеют удержать ее в прежних размерах под тяжестью налогообложения, была противопоставлена царская воля. «Частная собственность должна оставаться неприкосновенной», — написал царь против виттевской угрозы помещикам, подчеркнув слово: «должна».

Был лишь один вопрос, в котором интересы помещиков, как бы парадоксально это ни выглядело, до известной степени совпадали с интересами развития деревни в целом. Он был поднят, как читателю уже известно, в середине ноября, после данного Кутлеру поручения, в записке, принадлежащей, по-видимому, В. И. Гурко, в форме предложения об опоре на имущие слои крестьянства. Теперь, в связи с предстоявшим полным прекращением взимания выкупных платежей, лишались смысла связанные с ними ограничения в правах крестьян на их наделы и стеснение в их правах выхода из сельских обществ. Не дожидаясь Думы ввиду «бесспорности» дела, Витте отдал распоряжение о разработке способов признания наделных земель собственностью их владельцев и установлении порядка выхода крестьян из обществ при выделеении отдельных участков из состоящей в общем владении земли. Совет министров ожидал, что эти меры окажут «благоприятное влияние на крестьянское правосознание, внушив крес-

тянам и более здравые взгляды на чужое право собственности». ¹³⁸ «Одобряю», — написал царь против этих слов доклада, прельщенный альтернативой отчуждению помещичьих земель.

При всей осмотрительности, с которой был составлен доклад, если считать его попыткой Витте остаться у власти, она была неудачной. Успеху ее вряд ли способствовала подчеркнутая Витте необходимость отложить рассмотрение аграрного вопроса в целом до созыва Думы. Решительно став против помещичьих интересов, Витте оказался перед угрозой политического поражения в поединке с царем. Поняв это, отступившись от Кутлера, объявленного им сбившимся с панталыку, Витте 15 января в письме царю в самых резких словах вскрыл губительность помещичьего влияния на экономическую и политическую жизнь не только деревни, но и всей страны. Отвечая на вопрос царя на полях доклада против слов об актах 3 ноября: «В чем выразилась деятельность Крестьянского банка и на какую сумму приобретено им земель?», Витте, препровождая справку об этом, сообщил, что предложил платить помещикам не наличными деньгами, а краткосрочными обязательствами, «так как только этим путем государство будет иметь возможность покупать землю для крестьян в значительном количестве». Помещики желали получить возможно большую цену за продаваемую землю, исходя не из ее доходности на момент продажи, а из того непреложного правила, что «стоимость земли везде и всегда повышается». «Теперь частные владельцы, — сообщал Витте царю, — часто сговариваются с крестьянами относительно продажи по очень высоким ценам, и крестьяне на это соглашаются, в особенности если им за это дают какое-либо вознаграждение (хотя бы водку), в расчете, а иногда даже в уверенности, что все равно они Крестьянскому банку платить не будут или будут платить столько, сколько окажется возможным. Но Крестьянский банк, конечно, не может принимать во внимание подобные соглашения, и это уже возбуждает жалобы частных землевладельцев. Предводители дворянства, собравшиеся в Москве, прямо заявили жалобы на то, что Крестьянский банк не дает им желаемую цену. Это старая история. В течение 20 лет все подобные собрания кончались тем, что просили давать им больше денег из Дворянского банка, как можно меньше брать с них платежей на занятые деньги (для чего был выпущен выигрышный заем на 215 млн. руб.), прощать недоимки и держать крестьян в полной опеке: не давать им ни общих судов (суды особые — волостные), ни общей администрации (земские начальники), ни уменьшать их выкупные платежи (это баловство!) и проч. Вот и дожили до того, что крестьяне озверели. Теперь новая песнь: купите для них нашу землю, но заплатите нам по нашей оценке. Для того чтобы согласовать несогласуемое, т. е., с одной стороны, продать землю подороже, а с другой — облагодетельствовать крестьян, предлагают часть платежей крестьян взять на счет казны. Но что такое казна? Это тоже деньги народа, и их должен будет заплатить тот же народ». ¹³⁹ Письмо это, по всей вероятности, было связано с аналогичными высказываниями премьера, предназначенными к распространению.

Ответный удар не заставил себя ждать. Уже 19 января в «Новом времени» появилось очередное «маленькое письмо» А. С. Суворина, на сей раз направленное против пристрастия правительства к услугам евреев. И. Я. Гурлянду приписывалось составление проекта Булыгинской думы (в действительности он был автором лишь исторического экскурса, содержавшегося в булыгинском документе), а особую вредность кутлеровского земельного законопроекта, который был для Суворина совершенно неприемлем как затрагивающий помещичье землевладение, он объяснял авторством А. А. Кауфмана.¹⁴⁰ Тема эта была Сувориным продолжена.¹⁴¹

Не в первый раз еврейский вопрос встал на пути государственной деятельности Витте. После Портсмута он соприкоснулся с ним, едва став председателем Совета министров. Читатель знает о двух беседах по этому вопросу, с И. И. Толстым и депутацией во главе с Д. Г. Гинцбургом, в которых Витте как бы одержал верх, разъясняя свою умеренную и разумную позицию. Но существует и свидетельство того, что сопротивление черносотенных сил было для него весьма ощутительно с первых же дней пребывания у власти.

Уже известный читателю Л. М. Айзенберг, отметив, что в манифесте 17 октября еврейский вопрос не упоминался, и лишь в сопровождавшем манифест всеподданнейшем докладе говорилось об уравнивании в правах всех подданных как задаче будущих законодательных учреждений, сообщил, что когда после 17 октября вновь начались погромы, делегация Союза полноправия опять отправилась к Витте. Он был растерян и заявил: «Скажите мне, что предпринять? Я все сделаю». Делегация предложила, чтобы центральная власть немедленно опубликовала в «Правительственном вестнике» декларацию об ответственности всякого администратора, который допустит погром, как это с успехом сделал в 1882 г. министр внутренних дел Д. А. Толстой. «Хорошо, я это сделаю, но лучше всего вы сами составьте проекты декларации сегодня же, и я завтра же распоряжусь», — ответил Витте. Немедленно был составлен проект, но то, что появилось в «Правительственном вестнике», по словам Айзенберга, отдавало казенщиной.

Погромы продолжались, и делегаты снова, посетив Витте обвинили его в том, что погромы — результат искажения предложенного ими текста декларации. «На этот раз, — писал Айзенберг, — Витте произвел на делегацию прямо жалкое впечатление: он, первый сановник государства, растерянно говорил, что ведь он опубликовал правительственное сообщение, правда, пришлось изменить первоначальный текст декларации. Напечатать новую? Нет, это неудобно: нельзя каждый день печатать новые правительственные сообщения. Телеграммы он пошлет...» Делегация ушла с тяжелым чувством и больше к нему не обращалась. «Чувствовалось бессилие Витте, за спиной которого орудовали другие, более могущественные своей безответственностью темные силы...» — заключал Айзенберг.¹⁴²

Теперь, в начале 1906 г., попытка Витте не только задеть интересы помещиков, но и обвинить их в крестьянском бесправии сейчас же обернулась сопротивлением враждебных ему сил не только в крестьянском, но и в еврейском вопросе. Оба эти вопроса оказывались связанными, ограничения в правах и тех и других служили источником социального беспокойства. При той разнице, которая, несомненно, существовала в происхождении противоеврейских погромов и крестьянских выступлений антипомещичьего и антиправительственного характера, с юридической точки зрения они уравнивались по наказуемости. К 20 декабря 1905 г. Министерство юстиции насчитывало по округам восемь судебных палат — Санкт-Петербургской, Московской, Харьковской, Саратовской, Одесской, Киевской, Казанской и Новочеркасской — свыше 798 возникших дел о крестьянских беспорядках, а по девяти округам (вместо Казанского Виленский и Варшавский) — 714 дел о «противоеврейских беспорядках».¹⁴³

Статья Суворина против Витте 19 января, в которой были объединены аграрная и еврейская темы, не была случайностью. «Новое время» начало критику Витте вскоре после его назначения, но пользуясь тем, что у царя это не встречало отклика, премьер вступил с Сувориным в переговоры. «На днях мне государь сказал: „Плохая у Витте печать... Даже «Новое время» и то поносит и отказывает ему в доверии“», — сказал вел. кн. Николай Михайлович Спасскому. Когда же тот стал защищать Витте, великий князь его успокоил: «Сергей Юльевич имеет хорошего и смелого адвоката, но могу Вас уверить, Спасский, сам государь лучший его адвокат и вполне ему доверяет...»

Спасский отправился к А. С. Суворину и, заявив, что в нем, в Суворине, видят «идейного вождя, как бы нового Достоевского», упрекнул его: «а вы в ваших „маленьких письмах“ и других статьях, например г. Меньшикова, браните правительство графа Витте и совсем ему не доверяете».

«Да как же его не бранить и как ему доверять, если мы все со дня на день ждем новое правительство, — воспроизводил свой разговор с Сувориным Спасский. — Какое? — спросил я. Какое же другое? — Носарь-Хрусталева...» Спасский обвинил Суворина в союзе с левой печатью уже не только против Витте, но и против самого царя, передал ему царскую фразу о «Новом времени». Суворин был этим задет и назначил Спасскому прием назавтра. Накануне этого приема Спасский был у Витте и ушел от него четверть первого ночи. «Граф сильно был заинтересован, — вспоминал Спасский, — и, видимо, очень доволен моей инициативой. Крепко пожал руку и сказал: „Не опоздайте к Суворину“». Явившись на следующий день к Суворину, Спасский задал ему вопрос, чего Суворин и его газета хотели бы от Витте. Тот ответил: «Мы ничего от правительства и его главы графа Витте, ничего, решительно ничего не требуем [...] пусть требуют разные там Милюковы, Гессены, Винаверы и Пропперы. Мы только высказываем наши сомнения в результатах нерешительности действий правительства, полумер и особенно оставления на посту некоторых высоких особ, по нашему мнению, совершенно непригодных при

переживаемых событиях... Эти лица совершенно не понимают того, что в России происходит кровавая революция, начинают нагло поднимать головы всякие народцы...»

Тем не менее Суворин выдвинул свои требования, которые раскрывали смысл его вышеприведенной декларации, направленной против наместника на Кавказе графа И. И. Воронцова-Дашкова и финляндского губернал-губернатора Н. Н. Герарда, которых он считал либералами. Он добивался усиления карательной политики в центре и на окраинах в сочетании со скорейшим созывом Думы. Посадить Хрусталева в Петропавловскую крепость, сменить Воронцова-Дашкова, «пока кавказские народцы не объявили своего отпадения от России», сместить Герарда с поста финляндского генерал-губернатора, требовал Суворин. «Наконец, что же делается с исполнением высочайшего повеления о скорейшем созыве Думы?» — спрашивал он. «Но более всего и в первую очередь» он требовал «подавления беспощадными мерами местных восстаний, твердой уверенности в завтрашнем дне», заключив свой перечень словами: «Вот и все».¹⁴⁴

Спасский не отступал перед Сувориным, заявляя, что «Новое время» роет яму для монархической России, мешая Витте в Царском Селе «накануне осуществления великой реформы, чтобы сорвать эту реформу вместе с ее врагами справа». Затем он опять встретился с Витте. «По каждому из выдвинутых Сувориным обвинений, — продолжал Спасский, — граф дал мне для передачи Суворину его возражения, объяснения многого невозможного из того, что он, Витте, желал бы сделать». В увольнении Воронцова-Дашкова он решительно отказал, сказав: «А[лексей] С[ергеевич] Суворин] очень ошибается, не зная Кавказа... А я Кавказ знаю, как он свой Эртелев переулочек... Лучшего наместника [...] нам не найти [...]» «О карательных отрядах, — продолжал Спасский, — граф, не говоря прямо, однако, дал отлично мне понять, что многое для него недостижимо и многое делается не им самим и не так, быть может, как он бы хотел, но что он сам и государь вполне доверяют Дурново».

«Газеты много и злобно врут... Скажите Суворину, да и другим тоже: если дом, порученный мне, в огне, не мне же мешать пожарным его тушить», — распорядился Витте. Одобрив сказанное Спасским Суворину о том, что «Новое время» роет яму для монархической России, он добавил, что закон о выборах разрабатывается полным ходом, но это тоже не так просто, как думают газетчики.

Суворинская атака против Витте в «маленьком письме», непосредственно предшествовавшем «письму» по поводу Гурлянда и Кауфмана, потерпела крах из-за собственного промаха Суворина, тем более для него обидного, что при его невольной помощи Витте благополучно вышел из весьма неприглядного для премьер-министра положения. Суворин обрушился на Витте как на покровителя Воронцова-Дашкова. «Если б Англия, — писал он о Воронцове, — посылала таких наместников в свои колонии, то они давно бы отложились. А правительство у нас все терпит, все „авось“ да „небось“. А граф Витте, вероятно, говорит: „Это не мое дело —

там наместник". Он часто так говорит и совершенно напрасно. У него достаточно должно быть угрызений и от того запоздания похода власти, которое столько бед наделало России. А еще он сказал, что „знаю, как спасти Россию". Мне не верится тому, что он это сказал, потому что он должен знать, что дело совсем не в том, чтобы „спасать", а в том, чтобы „управлять"». ¹⁴⁵

Прицелившись в Витте, Суворин попал в самого царя. Ему было, по-видимому, известно указание царя о том, чтобы обсудить вопрос об упразднении наместничества или, если это будет признано преждевременным, представить проект изменения его статуса «дабы подчинить действия наместника общегосударственной политике». ¹⁴⁶ И Витте со всеми министрами, и Суворин поняли это так, что Николай II решил избавиться от Воронцова. В представленной председателем Совета министров подписанной всеми его членами мемории предлагалось наместничество сохранить, а все остальное решить «по соглашению с лицом, которое Вашему императорскому величеству благоугодно будет избрать для замещения должности наместника по вызываемом болезни уходе генерал-адъютанта графа Воронцова». Болезнь Воронцова была упомянута в мемории дважды, а неизбежное назначение его преемника трижды. Но в царской резолюции было указано: «Наместником остается гр. Воронцов-Дашков».

Свое «маленькое письмо» 19 января Суворину оставалось посвятить Гурлянду и защите помещиков от Кауфмана. Вряд ли оно было для Витте поводом к тому, чтобы вновь обратиться к еврейскому вопросу. Причиной этого явился, скорее всего, погром в Гомеле 13 и 14 января. Но когда 20 января Витте встретился с приглашенным им бывшим директором Департамента полиции А. А. Лопухиным, который заведовал там так называемыми еврейскими делами, он, несомненно, знал не только о суворинском «маленьком письме», но, по всей вероятности, и о появившейся в «Новом времени» в этот день, 20 января, статье М. О. Меншикова «Светская чернь», резко обличавшей «Союз русского народа» (Меншиков участвовал в переговорах с Сувориным, которые вел от имени Витте Спасский).

Витте поставил перед Лопухиным вопрос о том, что необходимо облегчения в правовом положении евреев в России для привлечения еврейских банкиров за границей к участию в готовившемся там крупном российском займе, а также для того, чтобы отвлечь еврейские массы от революционного движения. При этом Лопухин был поражен «чисто обывательским представлением» Витте «о существовании какого-то еврейского политического центра, центра всемирного кагала, который путем таинственных нитей будто бы управляет еврейством всего мира...». Заявив Витте, что «такая организация существует только в области антисемитских легенд», Лопухин категорически отверг его план «частичных льгот» евреям, видя лишь возможность установления полного национального равноправия на основании манифеста 17 октября 1905 г. А затем он прочитал Витте своего рода лекцию о еврейских погромах и об их причинах. «Я объяснил, — вспоминал Лопухин, — что, по моему глубокому убеждению, две силы

создают погромы: во-первых, черносотенные организации, к тому времени весьма распространенные и окрепшие, и, во-вторых, крайний правительственный антисемитизм. Первый фактор сам по себе мне представлялся нестрашным, значение второго было очень грозно. Правительственный антисемитизм, исходя из центра в виде отдельных проявлений известного настроения, по иерархической лестнице доходил до низов правительственного механизма вылитым в прямой призыв к избиению евреев; отсюда призыв подхватывался и выполнялся черносотенными кружками». ¹⁴⁷ Когда же Витте спросил, кого именно Лопухин может указать «в центре как сеятеля еврейских погромов», тот сообщил, что неделей раньше назначенный ростовским градоначальником генерал Драчевский при представлении Николаю II услышал от него слова: «У вас там и в Ростове, и в Нахичевани очень жидов много!» Драчевский заявил, рассказывал Лопухин председателю Совета министров, что, по его мнению, много их погибло при подавлении войсками революционного движения и затем во время погрома, на что царь ответил: «Нет! Я ожидал, что их погибнет гораздо больше!». «Я сказал еще Витте, — вспоминал Лопухин, — что на такой инспирации местных властей погромным духом дело, по-видимому, не останавливается, так как, как я слышал, дошло уже до того, что в Департаменте полиции учрежден особый аппарат для погромной агитации, снабженный специальной типографией. Впечатление мой рассказ произвел на С. Ю. Витте ошеломляющее. Он, по-видимому, и не подозревал, с какой простотой, с каким цинизмом, помимо него, через его голову, царь натравливает одних своих подданных на других, как чуть ли не рядом с его кабинетом, где он, глава правительства, ведет беседы о мерах примирения с целым народом, какие-то ничтожнейшие агенты власти истребляют этот народ огнем и мечом в сознании, что исполняют волю главы государства». ¹⁴⁸

Надо полагать, что из всего услышанного от Лопухина именно сообщение о департаментской типографии так подействовало на Витте. В других своих частях лопухинский рассказ о действиях черносотенцев не мог быть для Витте удивительным. Ведь их предшественники не только критиковали экономическую политику министра финансов в 90-е годы, но и интриговали против него. Судя по воспоминаниям Витте, не должны были потрясти его и новые факты о царском покровительстве черносотенной пропаганде. «Эта партия, — писал он о Союзе русского народа, — в основе своей патриотична, а потому при нашем космополитизме симпатична. Но она патриотична стихийно, она зиждется не на разуме и благородстве, а на страстях. Большинство ее вожakov политические проходимцы, люди грязные по мыслям и чувствам, не имеют ни одной жизнеспособной и честной политической идеи и все свои усилия направляют на разжигание самых низких страстей дикой, темной толпы. Партия эта, находясь под крылами двуглавого орла, может произвести ужасные погромы и потрясения, но ничего, кроме отрицательного, создать не может. Это — дегенераты дворянства, взлелеянные подачками (хотя и миллионными) от царских столов. И бедный государь мечтает, опираясь на

эту партию, восстановить величие России. Бедный государь... И это главным образом результат влияния императрицы». ¹⁴⁹ «Они ни по приемам своим, — писал он в другом месте, — ни по лозунгам (цель оправдывает средства) не отличаются от крайних революционеров слева, они отличаются от них только тем, что революционеры слева — люди, сбившиеся с пути, но принципиально большей частью честные, истинные герои, за ложные цели жертвующие всем и своей жизнью, а черносотенцы преследуют в громадном большинстве случаев цели эгоистические, самые низкие, цели желудочные и карманные». ¹⁵⁰ Даже если считать, что эти отзывы — результат позже полученных впечатлений и сведений, пребывать насчет связей властей с черносотенцами в полнейшем неведении на своем посту он не мог. В частности, он должен был знать, что в октябре 1905 г. начальник Петербургского охранного отделения полковник А. В. Герасимов в беседе с П. И. Рачковским, влиятельнейшим идеологом и практиком политического сыска и провокации, поднял вопрос о создании закулисными усилиями политической полиции массовой черносотенной организации. Рачковский ответил, что это уже делается. Затем они оба встретились с доктором А. И. Дубровиным, который и возглавил созданный Союз русского народа. ¹⁵¹

Но вернемся к встрече Витте с Лопухиным 20 января 1906 г. Она кончилась тем, что Витте просил собрать ему материал о печатании в Департаменте полиции погромных прокламаций. Через день Лопухин доложил председателю Совета министров, что инициатором их издания был П. И. Рачковский, заведовавший политической частью департамента, а цель его состояла в «усилении реакции», когда после манифеста 17 октября признаки ее появились «в умеренных кругах общества» «благодаря последовавшим за этим законодательным актом во многих городах беспорядкам». Рачковский издавна практиковал издательскую деятельность, включая и литературную провокацию в эмигрантской среде, как способ борьбы с освободительным движением.

Поначалу после 17 октября прокламации печатались жандармскими офицерами в Петербургском губернском жандармском управлении на станке, изъятом при обыске у революционного кружка. В одном из напечатанных таким образом воззваний, якобы подписанном «группой русских фабрично-заводских рабочих», рабочих уверяли, что собранные ими на цели политической борьбы деньги расхищаются революционными руководителями. Вскоре дело приняло более широкий характер, мощност станка оказалась недостаточной, и на средства департамента была приобретена усовершенствованная ручная печатная машина, выпускавшая по 1000 экземпляров в час. Она была поставлена в секретном отделении департамента и отдана в ведение жандармского ротмистра М. С. Комиссарова. Лопухин передал Витте как уже отпечатанные и даже распространенные воззвания (впоследствии в Думе зять Лопухина князь С. Д. Урусов заявил, что они были «хорошей, чистой работы» и получены «из главных центров нашего юга и запада» ¹⁵²), так и проекты новых. В воззваниях «содержались разные уродливые обвинения, направленные против

евреев», писал Лопухин.¹⁵³ Одно из них, которое Лопухин считал «наиболее преступным», обращенное к солдатам, направленное против «поляков, армян, жидов», было в количестве 5000 экземпляров послано в Вильно, где чиновник особых поручений при Виленском генерал-губернаторе Шкот разбросал часть тиража ночью на улицах, а остальная часть была передана полицмейстеру, который около 15 января просил телеграммой прислать новую партию. Тысяча экземпляров была послана в Курск командированному туда врачу Михайлову, который приглашался в департамент Рачковским по вольному найму. Он также 19 или 20 января просил телеграфом о присылке новой партии воззваний. В Петербурге они распространялись через Дубровина и Союз русского народа, в Москве — через редактора, издателя «Московских ведомостей» В. А. Грингмута, которому были переданы в декабре 1905 г. самим Рачковским, ездившим в Москву для руководства подавлением восстания.

Таковы были сведения, изложенные Витте Лопухиным. Мы не можем установить, сообщил ли он Витте едва ли не наиболее многозначительный для премьера факт, который впоследствии на основе его, Лопухина, сведений был предан огласке в суде над Петербургским советом рабочих депутатов защитником О. О. Грузенбергом. Речь шла о том, что прокламации отдавались в набор лишь после одобрения директором Департамента полиции Э. И. Вуичем и просматривались им в корректурах.¹⁵⁴ Это был брат ближайшего помощника Витте, и Лопухин, вероятно, о его роли в деле не упомянул. Но и сказанного было более чем достаточно. На вопрос Витте, что делать, Лопухин посоветовал ему немедленно в тот же вечер отправиться в Департамент полиции, где в это время должно было печататься воззвание, текст которого был Витте представлен, накрыть типографию за работой, созвать экстренное заседание Совета министров, распорядиться об аресте виновных и сообщить обо всем этом прессе. Лопухин вспоминает: «Я высказал Витте мою уверенность, что этими мерами можно не только надолго покончить с погромами и с убеждением местных властей в сочувствии им правительственного центра, но и создать правительству такое доверие, при котором безо всяких частичных льгот еврейству успех русского займа за границей был бы обеспечен».¹⁵⁵ Витте, хотя и испытал, по словам Лопухина, сильный припадок астмы, послушался его совета лишь в незначительной мере. «Я ко всем этим указаниям отнесся совершенно равнодушно», — писал Витте в мемуарах.¹⁵⁶ Фраза эта вызвала бурное возмущение Лопухина. Но дело было, полагаем, не только в одержавшем у Витте, в конечном счете, верх верноподданническом стремлении избежать очень уж серьезного политического скандала, но и в опасении, как бы самому не попасть в расставленную при его участии полицейскую ловушку, если бы внезапный визит премьера в департамент дал осечку. Ввиду своих отношений с Дурново Витте предпочитал не появляться открыто на сцене, хотя и знал, конечно, что Лопухин, шурин товарища министра внутренних дел кн. С. Д. Урусова, и сам

Урусов вели интригу против министра в пользу главы правительства.

Что нежелание Витте углубляться в темный лес полицейской провокации было вполне благоразумным, видно из показаний перед Следственной комиссией Временного правительства главного героя этой истории Комиссарова, к 1917 г. — генерала, а затем агента ОГПУ в русском зарубежье. «Честнейший человек» Лопухин был в руках группы видных деятелей политического сыска Е. П. Медникова, М. И. Гуровича, Н. А. Макарова «и совершенно слепо исполнял все, что они от него требовали», — показывал Комиссаров.¹⁵⁷ Начальник особого отдела Департамента Н. А. Макаров, который, по словам Комиссарова, и приказал ему завести «бостонку», маленькую типографскую машину, месяца через два после этого пригласил его на обед с Лопухиным и Урусовым. «Зашел вопрос о борьбе между Витте и Дурново», — утверждал далее Комиссаров. — Понятно, Лопухин и Урусов были на стороне Витте. Между прочим, Лопухин сказал мне: имейте в виду, — вы не бойтесь и не волнуйтесь, но мы должны заявить о том, что в Департаменте полиции печатались прокламации. И вот доподлинная фраза, которая мне врезалась в память (потому что двенадцать лет я ждал этого... когда у меня дети были в учебном возрасте и ходили в учебное заведение, все газеты ругали меня и пропечатали это... Какую каторгу я вынес!), — вот доподлинная фраза Лопухина: „Видите ли, у нас игра, но в игре и маленькая пичка подчас пригодится“. «Маленькая пичка, т. е. пика, и та бывает нужна в игре», — пояснил он в ответ на вопрос председателя.¹⁵⁸ Прошел еще месяц или полтора, Лопухин и Урусов, очевидно, дали плоду созреть, и на следующий день после второго визита Лопухина Витте приказал доставить к себе в кабинет Комиссарова, уличил его с помощью доставленных Лопухиным материалов и отпустил, взяв слово, что печатание будет прекращено, а машина уничтожена, и даже предупредив о предстоящем допросе, который, действительно, произвели прокурор П. К. Камышанский и все тот же Рачковский.¹⁵⁹

Дело было, конечно, не в «малодушии» Витте, в котором его обвинял Лопухин, и не только в его осторожности, а в отчетливо выраженном желании покрыть и замаять дело, исходя из общих интересов режима. Он и царя просил не наказывать Комиссарова, но царь заявил, что во всяком случае не сделал бы этого ввиду заслуг Комиссарова по тайному добыванию документов во время войны с Японией. И Урусова Витте обвинял в том, что дело это в его изложении Думе было «несколько вздуто», и Дурново оказывался у него невиновным, хотя тут же говорилось, что министр внутренних дел, не отрицая фактов, значительно их преуменьшал.¹⁶⁰

Показная строгость, с которой был уличен Комиссаров (Витте взял с него слово, что он уничтожит или выбросит в Фонтанку типографские станки и больше «никогда такими вещами» заниматься не будет), разительно контрастировала с письмом, с которым Витте в тот же день, 23 января, обратился к царю. Сообщив об аресте стачечного комитета, руководившего забастовочным

движением на Китайско-Восточной железной дороге, Витте обвинил генерала Н. П. Линевиича в том, что он, «главнокомандующий русской, а не японской армией, с добродушной наивностью взирал на это позорно-возмутительное явление». «Вчера генерал-адъютант Линевиич сообщил мне, — продолжал Витте, — что он арестовал этот комитет, но не объясняет, что он предполагает с ним делать. Не собирается ли он дать этому комитету салонный поезд и отправить его с торжеством в столицу вашего императорского величества? Не соизволите ли повелеть судить на месте военным судом виновных?» В тот же день, докладывая о захвате карательными силами Читы, Витте добавлял: «Но неужели все это дело тем и кончится?... необходимо немедленно судить военным судом всех виновных, и прежде всего губернатора генерала Холщевникова». ¹⁶¹

28 января в поддержку Витте открыто выступил Меншиков. Его статья «Великие дела» представляла собой отклик на интервью премьера английскому журналисту Диллону, в котором Витте жаловался на злословие и нападки со стороны русского общества. «В печати я не раз являлся искренним поклонником графа Витте — и именно в те моменты, когда общая вера в него гасла», — утверждал Меншиков, как бы опровергая Спасского, упрекавшего Суворина в их общем с Меншиковым враждебном отношении к Витте. «Я не столько верю в величие этого государственного человека, сколько желаю видеть его великим, и желаю от всего сердца не ради него, а ради России», — несколько путанно, вероятно, чтобы не слишком противоречить Суворину, — писал Меншиков. Предлагая Витте довольно бессодержательную программу действий, он, несомненно, вызывая ревность царя, провозглашал, что в случае ее выполнения графа ждет «не какой-нибудь скромный титул князя, а бессмертное историческое имя». ¹⁶²

Однако еще накануне вечером, когда Спасский делал свой обычный доклад премьеру, оказалось, что тот потерял интерес к Суворину и его газете. По словам Спасского, на следующее утро, когда в «Новом времени» появилась статья Меншикова, «весь чиновный и газетный Петербург был ошеломлен», Суворин звонил Витте по телефону. Но председатель Совета министров лишь небрежно бросил Спасскому: «Все это для меня не так важно!», поблагодарив его за статью, когда тот заявил, что она важна для России и Царского Села. Впрочем, реакция царя подтвердила, что Витте был прав, потеряв интерес к Суворину и Меншикову. «Суворин как Суворин: грош ему цена, а Меншиков прохвост: вздумал меня обучать, месяцев пять тому назад они не смели бы так писать», — сказал царь, по словам Трепова, прочитав статью Меншикова. ¹⁶³

Но отношения самого Витте с его «лучшим адвокатом» все ухудшались. Во всеподданнейшем докладе 31 января 1906 г. Витте заявил, что к открытию Думы ему необходим «систематизированный труд», содержащий хронику революционных событий и характеристику позиций различных органов печати во время этих событий. Замысел премьера состоял в том, чтобы показать кри-

тическое положение власти накануне 17 октября, а себя представить ее спасителем. Поэтому он добивался, чтобы составление труда с выделением на это специальных средств было поручено состоявшему в его распоряжении В. А. Дмитриеву-Мамонову. Но царь, очевидно, разгадав это намерение, решил поручить дело Главному управлению по делам печати.¹⁶⁴ Тогда Витте, чуть ли не угрожая отставкой, попросил разрешить ему составить труд за собственный счет.¹⁶⁵ 2 февраля царь уступил, разрешив Витте лично руководить этим предприятием. «По моему мнению, — писал, однако, царь, — роль председателя Совета министров должна ограничиваться объединением деятельности министров; вся же исполнительная работа остается на обязанности подлежащих министерств».¹⁶⁶

Резолюция эта, в сущности, отражала ту самую линию, которую осенью 1905 г. отстаивали, выступая против реформы Совета министров, Игнатьев и Стишинский. Витте усмотрел в ней намерение Николая II вести дела с министрами по-старому — с помощью их всеподданнейших докладов и даваемых им непосредственно царских указаний. «Этим путем, — писал он позже, — главу правительства во всех случаях, когда желали обойти несогласного премьера, оставляли в стороне и делали желаемое помимо него».¹⁶⁷

Через день, 2 февраля, он не только упрекнул царя в несправедливости за отказ назначить Кутлера в Сенат,¹⁶⁸ но и сделал прозрачный намек на то, что с престола инспирируются такие незаконные действия, как петиция со сбором под ней многочисленных подписей (указ 18 февраля 1905 г., разрешавший петиции, был отменен 6 августа того же года вместе с изданием манифеста о созыве булыгинской Думы). Витте препроводил Николаю II экземпляр напечатанной в Киеве петиции, направленной против кутлеровского проекта, в которой аграрный вопрос объявлялся «лишь измышлением революционеров и мечтателей-бюрократов, не знакомых с реальной жизнью страны», а «утопическим законопроектом графа Витте» приписывалась «затаенная цель — неудавшаяся среди городских и рабочих классов революцию перенести в села и деревни, дабы всеобщим народным взрывом вызвать тот политический переворот, которого столь настойчиво добиваются крайние революционные партии». Петиция содержала просьбу к царю заменить Витте на посту главы правительства. «Конечно, я мог бы узнать, — писал Витте царю, и Николай II подчеркнул эти слова, — и ее авторов, и ее инициаторов». Вопреки киевскому происхождению петиции Витте поименно называл всех своих петербургских врагов и отметил, что инициатива исходит от «черной сотни Государственного совета». Николай II не мог не усмотреть камня и в свой собственный огород и написал: «Осерчал граф».¹⁶⁹

Витте действительно «осерчал» и через несколько дней поднял против царя бунт министров своего кабинета. Николай II решил было назначить главноуправляющим землеустройством и земледелием вместо Кутлера А. В. Кривошеина, а министром торговли и промышленности вместо Тимирязева — С. В. Рухлова. «Окон-

чательно останавливаю свой выбор на Кривошеине», «Полагаю, что Рухлов был бы более на месте, нежели Философов», — гласили две его резолюции, наложенные 12 февраля.¹⁷⁰ По указу 19 октября ни председатель Совета министров, ни Совет министров как коллегия не пользовались правом участия в назначении министров. Но Витте собрал всех членов Совета на частное совещание и, заявив, что подает в отставку, добился их единогласного решения о том, что царские кандидаты не отвечают требованию однородности состава правительства. В тот же день, 12 февраля, Витте подал царю доклад об этом решении. Это был неслыханный по государственноправовым понятиям и бюрократическим традициям того времени акт. Его вызывающий по отношению к царю характер усугублялся упреком в том, что «все нарекания, обвинения и озлобления за действия правительства» направляются на его председателя, хотя «о весьма серьезных и печальных мерах» он часто узнает из газет, и звучавшей как требование просьбой не распускать правительство до созыва Думы. Царь в тот же день капитулировал перед своим правительством, написав на докладе Витте: «Кто же ваши кандидаты, за исключением отвергнутых мною?»¹⁷¹

12 февраля на черносотенном митинге в Конногвардейском манеже произносились речи против Витте, носившие характер хулиганской травли его, беспощадно и ярко описанной М. О. Меньшиковым в очередном «письме к ближним». ¹⁷² Суворин же как бы оставил за собой на следующий день последнее слово о Витте: «Ему чего-то недостает, чего-то недоставало, и это что-то можно назвать русским разумом, русской душою, как хотите назовите, но это недостаток существенный».¹⁷³

Острота ситуации определялась для Витте продолжавшимися разоблачениями участия полиции в антисемитской агитации, которые он вынужден был оставлять без огласки. 6 февраля подал прошение об отставке Макаров, мотивируя его двоевластием, воцарившимся в Департаменте полиции с назначением Рачковского, благодаря чему и оказалось возможным печатание черносотенных воззваний без ведома других высших начальствующих лиц.¹⁷⁴ 15-го он подал второй рапорт, напечатанный впоследствии в «Речи» по копии, переданной в газету Лопухиным.

11 февраля в возглавлявшийся им особый отдел, сообщал Макаров, поступило письмо литератора Оболенского на имя Витте о подготовке погрома в Александровске и о роли в этом полиции. По словам Макарова, начав разбирательство, он обнаружил два донесения департаменту помощника начальника Екатеринославского губернского жандармского управления по Александровскому и Павлоградскому уездам ротмистра Будоговского от 27 ноября и 5 декабря 1905 г., в которых тот с обыденной службистской добросовестностью подробно доносил о своих действиях, не видя в них чего-либо предосудительного с точки зрения высшего полицейского начальства. Сообщив о распространении в городе «Александровской партией 17 октября», с которой он был тесно связан, «значительного количества» воззваний против революционеров, отождествляемых с евреями, Будоговский до-

бавлял, что он употребляет все свое влияние для выпуска подобных же воззваний и в селах своего района. По его мнению, такие воззвания приносили «существенную пользу в деле борьбы с революционным движением», и он надеялся с их помощью удержать крестьян «от насилий над помещиками». Восемь прокламаций были приложены к донесениям Будоговского, и на основании их содержания, представляя первое из них Рачковскому, чиновник для особых поручений Пятницкий сделал помету о том, что они «безусловно, заключают в себе натравливание против евреев». Тем не менее оба донесения Будоговского были оставлены департаментом без последствий, а предшествовавших им донесений Макаров не нашел, обнаружив лишь следы их поступления. Будоговский был между тем представлен к награде.¹⁷⁵

Вскоре после рапортов Макарова вопрос о комиссаровских прокламациях был поднят на заседании Совета министров 24 февраля, хотя в его документах это не нашло отражения. «Я сообщил Совету, — писал Дурново Витте 2 марта, — имеющиеся у меня сведения по поводу печатания воззваний одним известным вашему сиятельству должностным лицом, причем высказал соображения о необходимости оставления этого случая без дальнейших последствий и сохранения имени упомянутого лица в безупрочной тайне».¹⁷⁶

Может быть, Витте и удовлетворился бы этим, но 26 февраля И. Ф. Манасевич-Мануйлов, также видный деятель политического сиска, отправил ему в письме антисемитскую прокламацию, разрешенную цензурой 19 февраля, отпечатанную в типографии петербургского градоначальника, изданную газетой доктора Дубровина «Русское знамя» и продававшуюся на улицах столицы. Прокламация была не только антисемитской, но и направленной против революционной агитации, которую, как признавали составители, вели и русские, и поляки. Составители предостерегали против забастовок, поскольку от них пострадают «православные помещики, фабриканты и купцы», в результате чего из Англии, Америки и Германии хлынет еврейский капитал и «за гроши» скупит все русское: «Сейчас русские честные люди, любящие Россию, хлопочут у государя, чтоб он скорей согнал с президентского места главного врага русского народа и главного помощника жидовского с его жидовской женой».¹⁷⁷

Это был, несомненно, отклик на киевскую петицию. Как видно из делопроизводственной пометы на письме Мануйлова, Витте «приказал купить на улице нужное для рассылки число экземпляров, разослать их членам Совета, назначить это дело к слушанию во вторник в Сов[ете] м[инистров] первым делом и пригласить в заседание градоначальника и нач[альника] Глав[ного] упр[авления] по делам печати, предупредив их, по какому делу их приглашают». Действительно, в извещении о заседании во вторник, 28 февраля, «прилагаемый при сем листок под названием „Воззвание к русскому народу“» значился под № 1, а в протоколе под этим же номером значилось: «О прокламациях противоеврейских».¹⁷⁸

По-видимому, не без связи с этим новым событием Витте потребовал было от Дурново, и даже в строгих выражениях, вернуться к обсуждению вопроса о комиссаровских прокламациях. «В последнем заседании Совета министров, — писал Витте Дурново 27 февраля, — как известно Вашему высокопревосходительству, был между прочим поднят вопрос о распространении прокламаций, в изготовлении которых подозреваются правительственные агенты. Сведения по сему предмету, которые я передал Совету, расходились с теми, которые Вам угодно было дать, причем Вы изволили заявить, что данные, сообщенные Вами, основываются на расследовании, которое произведено по сему предмету согласно приказанию Вашему. Так как сведения о таких прокламациях все более и более распространяются в обществе и ввиду особого значения, которое придают этому вопросу некоторые члены Совета, имею честь покорнейше просить Ваше высокопревосходительство доставить мне собранные помянутым расследованием сведения, дабы Совет министров мог с ними ознакомиться».¹⁷⁹

Однако Витте получил от Дурново решительный отказ. «Расследование данного случая, — отвечал Дурново, — во внимание к особому его характеру, производилось исключительно путем негласных расспросов, без составления каких-либо о сем письменных актов». Называя Комиссарова «известным Вашему сиятельству лицом», Дурново утверждал, что тот составлял и печатал прокламации «по собственной его инициативе вследствие увлечения неправильно, быть может, понятыми патриотическими целями и помимо всякого постороннего на него воздействия». Он свел все дело к двум прокламациям. Одна была обращена к солдатам с призывом «свято исполнить свой долг при укрощении мятежного движения». В ней, помимо «некоторой резкости тона и выражений», Дурново не усматривал «ничего явно противозаконного» (речь шла, как объяснил в своих показаниях Комиссаров, о штурме г. Тукума). Вторая содержала, по словам министра, лишь призыв к русским избирателям «сплотиться и по возможности помешать приливу еврейского представительства в Государственную думу... но отнюдь не к применению по отношению к политическим противникам каких-либо насильственных действий». Дурново предлагал считать вопрос исчерпанным, добавляя, что «печатавшему» сделаны «самые серьезные предупреждения». «С другой стороны, — завершал он свое письмо, — необходимо иметь в виду, что дальнейшее обсуждение этого предмета в Совете министров, в особенности при условии изготовления по делу печатных записок, создало бы возможность проникновения в общество и в печать подробностей, не имеющих прямого касательства к рассматриваемому случаю, и которых оглашение я, со своей стороны, продолжаю считать безусловно вредным и непустым».¹⁸⁰

Поверить Дурново Витте, конечно же, не мог, как не мог не считаться с его требованием замять дело. И Совет министров не возвращался к нему ни в официальном, ни в частном порядке. Тем не менее оно стало достоянием и печати, и общественности

через неделю после того, как Витте и Дурново за несколько дней до открытия Думы одновременно лишились власти.

Что же касается рассмотрения в Совете министров 28 февраля дела о прокламации против самого председателя, результатом его явилось письмо Дурново к Витте 3 марта: «Ввиду суждений, имевших место в Совете министров по поводу напечатания с разрешения предварительной цензуры в типографии с.-петербургского градоначальника антиеврейского воззвания к русскому народу, долгом считаю сообщить Вашему сиятельству, что мною поставлена на вид С.-Петербургскому цензурному комитету неправильность дозволения к печати означенного воззвания, а подписавшему его цензору статскому советнику Соколову, согласно 1007 ст. Улож. о нак., объявлен выговор. К этому имею честь присовокупить, что об изъятии из обращения упомянутого воззвания сделано циркулярное распоряжение».¹⁸¹

В целом в своем отношении к еврейскому вопросу Витте и Дурново на заседаниях 24 и 28 февраля старались между собой не расходиться. На первом из них было единогласно решено принять все меры «в видах предупреждения антиеврейских, равно как и всяких других беспорядков». Было также признано «то несоответственное значение, которое приобретают отдельные распоряжения по отношению к евреям, основанные, ввиду несовершенства еврейского законодательства не на законе, а на административном усмотрении», а к Дурново в подписанной им самим вместе с Витте и всеми министрами мемории обращена просьба «принять в соображение высказанное Советом министров пожелание об устранении новых, не вызываемых действительной необходимостью стеснений при применении к евреям действующих по отношению к ним исключительных правил, не вытекающих прямо из закона».¹⁸²

28 февраля Дурново вместе с Витте и другими членами Совета министров подписал меморию по делу об уже упоминавшемся еврейском погроме в Гомеле 13 и 14 января. Расследовавший дело по поручению Дурново сенатор Савич, хотя и отметил деятельность еврейских революционных партий в городе, установил тем не менее, в частности, что созданный в Гомеле тайный «Союз русских патриотов» получил типографию для печатания погромных прокламаций и 28 революеров от помощника начальника Могилевского жандармского управления по Гомельскому уезду ротмистра графа М. А. Подгоричани-Петровича. Николай II был, по-видимому, недоволен тем, что Совет министров принял дело к рассмотрению и представил на его усмотрение свою меморию. «Какое мне до этого дело? Вопрос о дальнейшем направлении дела о гр. Подгоричани подлежит ведению мин[истра] внутр[енних] дел», — написал он. Подгоричани вскоре оказался полицмейстером в одном из южных городов. Отметим в воспоминаниях «видимое неудовольствие» царя, Витте, ошибочно датировав резолюцию, упрекнул его, добавив: «значит, через 40 дней после манифеста 17 октября».¹⁸³

Разногласие между царем и Советом министров вызвал и рассматривавшийся по инициативе царя 10, 24 и 28 февраля вопрос

об опубликовании высочайшего манифеста о неприкосновенности частной собственности на землю и отказе в содействии Крестьянского банка при покупке земли от частных владельцев тем крестьянам, которые после манифеста участвовали бы в грабежах или разгромах частновладельческих имений. Придавая особое значение редакции манифеста, Витте согласился с предложением поручить его написание «художникам слова», одним из которых был М. Меньшиков. Но, как сообщал Витте Суворин 14 февраля, Меньшиков поначалу охотно взялся за дело, но когда прочитал данный Витте Суворину проект, решительно отказался, сказав, что не разделяет выраженного в проекте взгляда. Тем не менее Суворин препровождал проект, составленный Меньшиковым без учета виттевского. Проектов было несколько. Тот, который был представлен при мемории Совета министров царю, нуждался, по мнению Витте, поддержанному Советом министров, в двух исправлениях. В мемории предлагалось не употреблять в манифесте термина «принудительное отчуждение» при осуждении нарушений права частной собственности. «Конечно, в принципе собственность священна и об отчуждении владельческих земель для наделения крестьян как общей мере, вызываемой направлением нашей аграрной политики, не может быть и речи», указывалось в мемории, но действовавшее законодательство допускало в отдельных случаях принудительное отчуждение «для устранения чересполосицы крестьянских и помещичьих земель, для предоставления крестьянам необходимых водопоев для скота и т. п.».

Что касается угрозы крестьянам, участвующим в разгромах помещичьих имений, то Совет министров предлагал облечь ее в манифесте в общую форму лишения правительственной помощи в землеустройстве, имея в виду, в частности, и помощь при переходе от общинного к подворному или хуторскому хозяйству. Представляется вероятным, что царь усмотрел в мемории хотя и бледную, но все же тень доклада 10 января. Он отклонил все проекты манифеста и вовсе отказался от его издания.¹⁸⁴ Момент атаки против Витте справа был для него неблагоприятен во всех отношениях, Суворин поучал его не только в «маленьких письмах».

Впрочем, как увидим, Витте под натиском справа шел на неожиданные политические маневры вплоть до сделанного 14 февраля заявления о том, что царь вправе «ежечасно» взять назад все провозглашенное манифестом 17 октября.

¹ Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания 1903—1919 гг. М., 1922. Т. I. С. 100. 1 ноября 1905 г. на Совет министров было возложено рассмотрение губернаторских отчетов. Хотя Совет министров на основе анализа функций, остававшихся за Комитетом министров на протя-

жении всего периода своего существования в первом составе в октябре 1905—марте 1906 г., пришел к заключению о целесообразности сохранения Комитета, несмотря на то, что многие его функции перешли к Государственному совету, Комитет был упразднен царским указом

- 23 апреля 1906 г. (Совет министров Российской империи: 1905—1906. Л., 1990. С. 6—7).
- ² Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого / Сост. Л. И. Толстая. М., 1997. С. 152—153.
- ³ Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний (1864—1933). Тетрадь 2-я. С. 83—84: Бахметьевский архив Колумбийского ун-та в Нью-Йорке. Коллекция П. П. Менделеева. Вых. 4.
- ⁴ Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 25.
- ⁵ Революция 1906—1907 гг. в России / Под ред. Ю. И. Кораблева. М., 1975. С. 162.
- ⁶ Красный архив. 1925. Т. 4/5. С. 464—465; Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 102.
- ⁷ Всероссийская политическая стачка в октябре 1905 г. М.; Л., 1955. Ч. 1. С. 383—385; Бондаревская Т. П. Петербургский комитет РСДРП в революции 1905—1907 гг. Л., 1975. С. 157.
- ⁸ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 100—105. См. также приложение II.
- ⁹ Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 29—30.
- ¹⁰ Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 125.
- ¹¹ Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 100—105.
- ¹² Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. М.; Л., 1955. С. 601; Аналич Б. В. Россия и международный капитал: 1897—1914. Л., 1970. С. 152. Подробнее см. с. 314.
- ¹³ См.: Шумилов М. М. К истории создания Министерства торговли и промышленности в России // Вестник Ленингр. гос. ун-та. 1977. № 20. Сер. истории, языка, литературы. Вып. 4. Октябрь. С. 46—50.
- ¹⁴ Шипов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 339.
- ¹⁵ Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 179.
- ¹⁶ Письмо Витте в «Новое время» 25 сентября 1912 г. (Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 598).
- ¹⁷ Гурко В. И. Министерство графа С. Ю. Витте. Л. 8—11 (Фонд Крыжановского в Бахметьевском архиве Колумбийского ун-та в Нью-Йорке).
- ¹⁸ Милоков П. Н. Воспоминания. М., 1990. Т. 1. С. 328.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ Там же. С. 330—331.
- ²¹ Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 22—23. Через несколько лет в беседе с И. И. Толстым и Д. Г. Гинцбургом Витте выразил свой взгляд на еврейский вопрос в обычной своей манере, заявив, что евреи должны придерживаться в русской политической действительности принципа: «Если русских секут, то пусть и нас секут; если русским дадут права, пусть и нам дадут их» (Дневник И. И. Толстого. СПб., 1997. С. 301). В воспоминаниях Витте утверждал, что такую же точку зрения, в сущности, совпадающую с ответом И. И. Толстому перед назначением на министерский пост, высказал еврейский депутат в главе с Д. Г. Гинцбургом, пришедшей к нему после его назначения председателем Совета министров. В ее составе были М. М. Винавер, Г. Б. Слиозберг, М. И. Кулишер и др. «Они явились ходатайствовать, — писал Витте, — чтобы я просил у государя и провел еврейское равноправие в России. По этому поводу я им откровенно высказал, что, как всем известно, я не юдофоб и считаю, что в конце концов другого решения еврейского вопроса в будущем, как то, которое имело место во всех цивилизованных странах, т. е. предоставление евреям равноправия, нет, но, первых, это может быть сделано лишь постепенно, ибо в противном случае в некоторых сельских местностях еврейское равноправие может вызвать не искусственные, а действительные погромы, а во-вторых, для того чтобы в то время я мог поднять вопрос о предоставлении существенных льгот еврею или, вернее говоря, для того, чтобы я мог выставить принцип еврейского равноправия, необходимо, чтобы еврейство усвоило себе совсем иное поведение, нежели то, которому оно следовало. Оно должно во всеуслышание заявить монарху и свое заявление подкрепить соответствующим поведением, что оно ничего от его величества не просит, кроме одного — обращения с ними, как со всеми остальными подданными. Между тем в последнее время евреи являются деятелями в различных политических партиях и проповедуют самые крайние политические идеи. Я

- им говорил: „Это не ваше дело, предоставьте это русским по крови и по гражданскому положению, не ваше дело нас учить, заботьтесь о себе. Вот вы увидите, насколько от такого поведения вашего, которому вы теперь следуете, вы и ваши дети пострадают“. Барон Гинцбург заявил, что он совершенно разделяет мое мнение. Слюзберг и Кулишер также заявили, что и они разделяют мое мнение. Остальные же присутствовавшие евреи не соглашались с моими увещаниями. В особенности возражал Винавер, заявивший, что теперь настал момент, когда Россия добудет все свободы и полное равноправие для всех подданных, и что потому евреи и должны всеми своими силами поддерживать русских, которые этого добиваются и за это воюют с властью» (*Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 328—329).
- 22 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 25—27.
- 23 *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 221.
- 24 Там же. С. 126—127.
- 25 *Романов Б. А.* Рец. на кн.: *Vitte* С. Ю. Воспоминания. М.; Пг., 1923. Т. 1, 2 // Книга и революция. 1923. № 2 (26). С. 56.
- 26 *Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте — первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца // *Английская набережная*, 4. Санкт-Петербургское научное общество историков и архивистов. Ежегодник. СПб., 1996. С. 326.
- 27 Там же. С. 328.
- 28 Там же. С. 327.
- 29 Там же.
- 30 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 161. Речь идет о главноуправляющем землеустройством и земледелием.
- 31 *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 97, 126—127.
- 32 Извещение о распорядке заседаний Совета министров. 28 ноября 1905 // Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 74.
- 33 Извещение о заседании 15 января 1906 г. // Там же. С. 191.
- 34 Мемория Совета министров 21 марта 1906 г. о распределении дел, отнесенных к ведению Комитета министров // Там же. С. 372.
- 35 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 161—162, 176.
- 36 Там же. С. 206—207, 213.
- 37 *Менделеев П. П.* Свет и тени в моей жизни... С. 88.
- 38 Там же. С. 89—90.
- 39 Там же. С. 91—92.
- 40 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 423. Л. 1—2.
- 41 Там же. Ф. 727. Оп. 2. Д. 29^б. Л. 35—40.
- 42 *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. Л., 1981. С. 188.
- 43 Горемыкин 31 октября в отношении председателю Особого совещания о мерах к укреплению крестьянского землевладения Ю. А. Икскуль фон Гильденбандту обосновал необходимость полной отмены платежей (РГИА. Ф. 727. Оп. 2. Д. 29^б. Л. 43—47).
- 44 «Записка проф. Мигулина, полученная мною от его величества» (рукой Витте). б. д. (Фонд Витте в Бахметьевском архиве Колумбийского ун-та в Нью-Йорке).
- 45 *Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 196—198, 324.
- 46 ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 506. Л. 2—3; см. также: *Соловьев Ю. Б.* Самодержавие и дворянство в 1902—1907 гг. С. 193.
- 47 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 31.
- 48 Там же.
- 49 Там же. С. 33.
- 50 Там же. С. 33—34.
- 51 Там же. С. 38, примечание.
- 52 Там же. С. 35.
- 53 Там же. С. 39, примечание.
- 54 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 168—169.
- 55 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 36—38.
- 56 Там же. С. 40, примечание.
- 57 Там же. С. 43—44.
- 58 Там же.
- 59 Адмирал Ф. В. Дубасов, подавлявший крестьянское движение в Черниговской, Полтавской и Курской губерниях, предлагал раньше оставить крестьянам захваченные ими земли. «Этим крестьян успокоите и помещикам будет лучше, так как в противном случае они, крестьяне, отберут всю землю от частных владельцев», — заявлял он (*Vitte* С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 145).

- 60 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 169.
- 61 Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни... С. 105—106.
- 62 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 170.
- 63 Аграрный вопрос в Совете министров. М.; Л., 1924. С. 63 и сл.
- 64 М. С. Симонова считает ее автором В. И. Гурко.
- 65 Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.) / Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1907. С. 276 и сл.
- 66 Там же. С. 271, 261.
- 67 Там же. С. 261 и сл.
- 68 Протоколы высочайше учрежденного под председательством д. т. с. Кобеко Особого совещания для составления нового устава о печати. СПб., 1913. С. 7.
- 69 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 57. Л. 43.
- 70 Маклаков В. Первая революция // Современные записки (Париж). 1934. № 54. С. 330.
- 71 Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни... С. 108.
- 72 Законодательные акты... С. 279.
- 73 Там же. С. 281 и сл.
- 74 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 87. Л. 22.
- 75 Там же. Л. 13.
- 76 Там же. Л. 43.
- 77 Гурко В. И. Министерство графа С. Ю. Витте. С. 61, 69.
- 78 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 162.
- 79 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 171—173, 181—182.
- 80 Дневник А. А. Половцова // Красный архив. Т. 4. С. 87.
- 81 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 69—70.
- 82 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 164.
- 83 Там же. С. 165—166.
- 84 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 80.
- 85 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 381.
- 86 Герасимов А. В. На лезвии с террористами. М., 1991. С. 36, 42, 74.
- 87 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 113.
- 88 Там же. С. 126.
- 89 ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 536. Л. 145.
- 90 Шибалов А. В. Граф С. Ю. Витте и Николай II в октябре 1905 г. // Былое. 1925. № 4(32). С. 107.
- 91 Кокцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. С. 103—104.
- 92 Гурко В. И. Министерство графа С. Ю. Витте. Л. 8. «Сказывалась органическая склонность Витте к просвещенному абсолютизму — форме правления столь же заманчивой, как и трудно осуществимой», — писал по этому поводу Гурко.
- 93 Шишов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. М., 1918. С. 359—360.
- 94 Справка о порядке исполнения высочайших предначертаний, вознесенных в п. 2 манифеста 17 октября 1905 г. // РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 21. Л. 42—50.
- 95 Шишов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 368—374.
- 96 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 80.
- 97 Там же. С. 81.
- 98 Там же. С. 83.
- 99 Шишов Д. Н. Воспоминания и думы о пережитом. С. 375.
- 100 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 130.
- 101 Былое. 1917. № 3. С. 248—249.
- 102 Там же. С. 242—244, 248.
- 103 Там же. С. 245—248.
- 104 Там же. С. 251—253.
- 105 Там же. С. 250, 252, 258.
- 106 Там же. С. 258—259.
- 107 Там же. С. 263—264.
- 108 Там же. С. 264—265. Игнатьев и Дурново оказались единомышленниками Витте. «Одним изданием законов нельзя успокоить Россию, надо для этого действовать силою. Но сил нет...», — говорил Игнатьев, призывая «кликнуть клич» к созыву черносотенного ополчения. — Справившись с крамолой, можно будет созвать Государственную думу, но идти навстречу Думе с одним лишь бессилием нельзя».
- 109 Красный архив. 1931. Т. 2. С. 100.
- 110 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 310.
- 111 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 100.
- 112 Там же. С. 102.
- 113 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 201.
- 114 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 158.
- 115 Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца. С. 330—331.
- 116 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 159.

- 117 Гурко В. И. Министерство графа С. Ю. Витте. Л. 89.
- 118 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 165.
- 119 Там же. С. 159.
- 120 Красный архив. 1931. Т. 2. С. 102.
- 121 Революция 1905 г. и самодержавие. М.; Л., 1928. С. 27, 31—32, 34.
- 122 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 153—155, 395—397.
- 123 Революция 1905 г. и самодержавие. С. 32—33.
- 124 Там же. С. 34—35.
- 125 Там же. С. 34—37.
- 126 Там же. С. 33.
- 127 Там же; Красный архив. Т. 1. С. 165.
- 128 Революция 1905 г. и самодержавие. С. 41—42.
- 129 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 138—139.
- 130 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 156—157. В другом месте (с. 221) И. И. Толстой со ссылкой на прочитанный ему премьером в апреле 1906 г. черновик прошения о своей отставке говорит о содержащемся в нем упоминании о таком ходатайстве в январе 1906 г. В окончательном тексте прошения Витте его упоминание о прежнем ходатайстве не датировано. Впрочем, Витте неоднократно угрожал царю своей отставкой, в частности когда в декабре требовал себе права определения дислокации войск.
- 131 Там же. С. 166—167.
- 132 Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни. С. 100.
- 133 Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 167.
- 134 Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца. С. 331.
- 135 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 144—145.
- 136 Там же. С. 149.
- 137 Там же. С. 150.
- 138 Там же. С. 151.
- 139 Там же. С. 155—156, примечание.
- 140 Новое время. № 10722. 19 января (1 февраля) 1906 г.
- 141 Там же. № 10728. 25 января (7 февраля) 1906 г.
- 142 Айзенберг Л. М. На словах и на деле. (по поводу мемуаров Витте и Лопухина) // Еврейская летопись. Л.; М., 1924. Сб. 3. С. 35—36.
- 143 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 153.
- 144 Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте — первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца. С. 335—336.
- 145 Там же.
- 146 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 119.
- 147 Лопухин А. А. Отрывки из воспоминаний (по поводу «Воспоминаний» гр. С. Ю. Витте). М.; Пг., 1923. С. 85. В рассказе о двух встречах Витте с Лопухиным использованы не только мемуары их обоих, но и письмо Лопухина к П. А. Столыпину, отправленное из Мюнхена 14 июня 1906 г. Оно распространялось в виде листовок, было оглашено на процессе над Петербургским советом рабочих депутатов защитником О. О. Грузенбергом и вообще получило широкую известность. В этом письме датой визита к Витте названо 20 января, в то время как в воспоминаниях Лопухин указывает 22 января. Возможно, что 22-го состоялся его второй визит к Витте, так как в письме в качестве даты поручения премьера собрать сведения о печатании прокламаций в Департаменте названо 21 января, а в воспоминаниях сказано, что второй визит состоялся через день.
- 148 Там же. С. 86—87.
- 149 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 272.

Ср. его отзыв о царе, переданный А. С. Изгоевым: «Покойный С. Ю. Витте говорил, что Николай II очень добрый человек, но по своим политическим убеждениям стоит на платформе оловянного черносотенного листка 1905 г., более вульгарный и преступный, чем даже дубровинское „Русское знамя“ (Изгоев А. С. Из истории падения самодержавия: РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 18. Л. 24). Что касается отзывов Витте-мемуариста о черносотенном движении, то они, как и многие его утверждения, имели под собой заготовленную документальную основу. В данном случае это было письмо члена Союза русского народа В. Андреева 13—14 января 1908 г., в котором тот, получив от Витте денежную помощь в 40 руб. (семья просителя состояла из 10 человек), отвечал на вопрос Витте о Дубровине. В частности, он писал:

- «23 декабря 1905 г., находясь в депутации, представлявшей государю императору от Союза [русского] народа, я не только отверг предложения д-ра Дубровина и др. говорить царю против Вас, но властно настоял, чтобы не смели делать это и другие» (Фонд С. Ю. Витте в Бахметьевском архиве Колумбийского ун-та в США).
- 150 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 42.
- 151 *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1994. С. 149; Ср. сообщение вел. кн. Андрея Владимировича о том, что 17 октября после подписания манифеста царь «сидел с поникнутой головой и крупные слезы капали на стол». «Не покидайте меня сегодня, мне слишком тяжело. Я чувствую, подписав этот акт, что я потерял, теперь все кончено», — сказал он кн. В. Н. Орлову, помощнику начальника военно-походной канцелярии. Тот ответил, что «нужно только сплотить всех здравомыслящих, и дело можно спасти». В тот же день Орлов написал Рачковскому, «и этим было положено начало „Союза русского народа“», — утверждал вел. кн. Андрей Владимирович (Красный архив. 1928. Т. 1 (6). С. 199).
- 152 Стенографический отчет. Государственная дума. Сессия 1. Т. 2. СПб., 1906. С. 1130.
- 153 *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний... С. 89. Лопухин утверждал, что документы эти остались у Витте. Однако в обоих личных фондах Витте — в РГИА и в Бахметьевском архиве Колумбийского ун-та в Нью-Йорке — обнаружить их не удалось.
- 154 Речь. 1906. 13 (26) окт. № 189. Комментируя уверения Комиссарова в том, что он действовал по собственной инициативе, Витте отметил: «Что новое начальство не знает, это совершенно возможно, так как новый директор Департамента полиции Вуич был только что назначен из прокуроров Петербургской судебной палаты» (*Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 86).
- 155 *Лопухин А. А.* Отрывки из воспоминаний... С. 89.
- 156 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 85.
- 157 Падение царского режима. Т. 3. Л., 1925. С. 158.
- 158 Там же. С. 160.
- 159 Там же. С. 161; *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 86—87.
- 160 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 350.
- 161 Революция 1905 г. и самодержавие. М.; Л., 1928. С. 56—57. Николай II в письме к матери назвал Витте по этому поводу «хамелеоном» (Красный архив. 1927. Т. 3. С. 187).
- 162 Новое время. № 10731. 28 января (10 февраля) 1906 г.
- 163 *Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте* — первый председатель Совета министров Российской империи в воспоминаниях А. А. Спасского-Одынца. С. 335.
- 164 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 553; РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 99.
- 165 ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 537.
- 166 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 99.
- 167 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 334.
- 168 Там же. С. 203.
- 169 Красный архив. 1925. Т. 4—5. С. 157.
- 170 Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 256—257.
- 171 *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 211—213. В представленном Витте списке среди подчеркнутых царем оказались Ф. Д. Самарин и И. И. Янжул. «Поговорите с теми, которых я подчеркнул», — написал Николай II. «Согласно повелению Вашего императорского величества, — отвечал Витте, — я переговорил с Ф. Д. Самариным и академиком Янжулом относительно принятия ими постов главноуправляющего земледелием и министра торговли. Оба от сего предложения уклонились. Первый из них высказывал такие соображения, которые я почитаю долгом в точности представить Вашему величеству, а потому я просил изложить их письменно. Письмо его при сем прилагаю. Академик Янжул уклоняется по следующим причинам: во-первых, он глух (это верно), а потому его положение в заседаниях будет весьма трудное, во-вторых, у него болезнь сердца, в-третьих, он практически знаком с рабочим вопросом, но не знает торговли» (Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 258—259).
- 172 Новое время. № 10752. 19 февраля (4 марта) 1906 г.
- 173 Там же. № 10753. 20 февраля (5 марта) 1906 г.
- 174 Падение царского режима. Т. 7. С. 372 (указатель).
- 175 Речь. 1906. 3 (16) мая. № 63.

- ¹⁷⁶ П. Н. Дурново — С. Ю. Витте, 2 марта 1906 г. Копия: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 311.
- ¹⁷⁷ РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 570. Л. 1—3. Манасевич-Мануйлов, по некоторым сведениям, состоял в родстве с М. И. Витте.
- ¹⁷⁸ Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 299, 282.
- ¹⁷⁹ Там же. С. 269.
- ¹⁸⁰ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 311. 22 марта Дурново заверил Витте, что не принадлежит «к тем людям, которые считают еврейские погромы полезным явлением», и делает все для предотвращения погромов, трактуя, однако, их как противодействие революционной агитации. «Вы можете быть совершенно спокойны, что все возможное делается

для поддержания порядка, — писал Дурново. — Смею думать, что больше в этой области ничего сделать нельзя. Тем не менее я сейчас посылаю еще депешу во все местности еврейской оседлости с предупреждением относительно погромов. Со всех сторон получаю сведения, что беспорядков ожидать нельзя. Конечно, при очевидных подстрекательствах печати, сплошь революционной, ручаться ни за что нельзя» (Там же. Д. 312).

- ¹⁸¹ Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 299.
- ¹⁸² Там же. С. 280.
- ¹⁸³ *Bumte C. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 88.
- ¹⁸⁴ Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 297—299.

Глава 2

РЕФОРМА ГОСУДАРСТВЕННОГО СОВЕТА. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ

Здесь мы подходим к вопросу о роли Витте в осуществлении тех государственных преобразований, которые либо прямо предусматривались манифестом 17 октября, либо из него вытекали. С самого начала своего премьерства Витте видел в преобразовательной деятельности не только удовлетворение насущных требований времени, меры совершенствования государственного строя ради его сохранения, но и политическое средство борьбы с революцией. Правительство, объяснял он в мемуарах, должно было дать «возможность организовать консервативно благоразумным течениям», основанным «преимущественно на карманных интересах» и дававшим «отпор» революции.¹ Это встречало отклик. Как выразились присланные в Петербург наместником на Кавказе И. И. Воронцовым-Дашковым с возражениями против предложенных ограничений по выборам в Думу на Кавказе представители либеральной общественности, «люди спокойные и благомыслящие» жаждут Думы как знамени, которое «даст им возможность объединиться между собою для должного отпора сравнительно небольшой, но, к сожалению, организованной группе революционеров».²

Перспектива существования Думы и Государственного совета означала, что в стране появляется подобие двухпалатного парламента независимо от степени ограниченности его прав и от того, что в официальном словоупотреблении фигурировало обычно выражение «законодательные учреждения», поскольку и «парламент», и «кабинет» были понятиями, связанными с западноевропейской государственностью, несовместимыми с самодержавным образом правления, отказ от которого представлялся невозможным. Поэтому, с одной стороны, принятие думского положения влекло за собой реформирование Государственного совета, а с другой — все преобразование было направлено к ограничению законодательных прав Думы.³

С. Е. Крыжановский, приобретавший все большее значение в качестве автора проектов государственных преобразований, в уже упоминавшейся записке о Государственном совете как «регуляторе по отношению к Государственной Думе» выступал в традиционном для двухпалатной парламентской системы духе. В составе Государственного совета как верхней палаты, указывал он, должны быть силы «консервативные не вследствие случайности личных воззрений, а вследствие других, более мощных движущих причин». «К ним будут относиться крупные материальные интересы, которые присущи указанным слоям населения и прочно связывают их с интересами порядка и спокойствия и возможного охранения того распределения собственности, которое имеет место ныне; их будут укреплять и те привычки к установившемуся строю, которые наследственны в этих слоях общества», — писал Крыжановский.⁴

Не только эти расчеты, но и обсуждение преобразования Государственного совета в комиссии Сольского показывало, что представители капиталистов и помещиков вместе с великими князьями рассматривались как главная сила, способная воспрепятствовать ожидавшимся со стороны Думы либеральным и демократическим устремлениям. Началась борьба за представительство в Государственном совете между предпринимательскими организациями. Дворянство добилось для себя специального представительства наряду с земским, хотя земства на 80—90 % состояли из дворян. В число выборных членов включалось также несколько представителей православной церкви, профессуры. Членов Совета по назначению царю предстояло подбирать из лиц императорской фамилии и высших слоев бюрократии.

Судя по дневнику А. А. Половцова, Витте 5 ноября 1905 г. на заседании комиссии Сольского говорил, что так как войск для подавления революции недостает, вся его надежда на Думу, хотя он сомневается, что ее удастся собрать. На следующий день он предложил в качестве «опоры правительству» созвать выборную часть членов Государственного совета. При этом он, очевидно, хотел уменьшить его права. Тогда Половцов в качестве «компромисса» для спасения «хоть части» влияния Государственного совета предложил, чтобы Дума имела право снова принять отклоненное постановление лишь в следующую свою сессию. Такое вторичное постановление Думы могло бы стать законом после утверждения царем даже при несогласии Государственного совета. Но «старание» Половцова оказалось излишним, так как Витте, отвергавший значение Совета, внезапно заявил, что Совет должен иметь одинаковые с Думой права.⁵ Из этого выросло сделанное 15 декабря 1905 г. предложение Кутлера, предусматривавшее, как и половцовское, предоставление Совету лишь права условного (сuspensивного) отклонения постановлений Думы, причем ее вторичное постановление, принятое большинством в 2/3 голосов, представлялось бы царю независимо от позиции Совета. Кутлер предлагал «заранее примириться» с «преобладанием» Думы и во избежание конфликтов между палатами обеспечить царской власти положение арбитра.⁶ Однако члены совещания Соль-

ского не согласились на «умаление» значения Государственного совета, заявляя, что не хотят возлагать на царя «всю тяжесть разрешения разногласий» между палатами.⁷

Несомненно, существовала связь между этим предложением Кутлера, сводившимся к расширению компетенции Думы, и разрабатывавшимся в это время его аграрным законопроектом. Оба кутлеровских проекта исходили из представления о том, что для спасения режима нужны далеко идущие меры как социально-экономического, так и политического значения. За Кутлером стоял Витте, готовый, однако, пожертвовать им в своих маневрах.

В комиссии Сольского не вызвало особых прений заимствованное из австрийской, прусской и испанской конституций право царя проводить своими указами законодательные меры в отсутствие Думы с последующим их утверждением ею в течение первых двух месяцев после возобновления ее работы.⁸ Но другой важный вопрос, связанный с прерогативами царя, оказался спорным. Актами 6 августа 1905 г. предоставленное Думе право законодательной инициативы не распространялось на «начала государственного устройства, установленные законами Основными». В соответствии с установленным манифестом 17 октября «незыблемым правилом», по которому «никакой закон не мог воспринять силу без одобрения Государственной думы», соответствующая статья нового думского «учреждения» была проектирована как предоставляющая Думе право законодательной инициативы и пересмотра всех законов, в том числе и Основных, за исключением той их части, которая относилась к престолонаследию и императорской фамилии и подлежала законодательному пересмотру лишь по указанию царя.⁹ Это вызвало протест Коковцова, который утверждал, что «точный смысл манифеста 17 октября» предложенного изменения не требует, что «каковы бы ни были соображения об изменениях в существе и объеме верховной власти», вытекающих из этого манифеста, нельзя «до известной степени искусственно наталкивать Думу на возбуждение законодательных предположений о верховной власти».¹⁰

14 февраля открылось совещание под председательством царя для окончательного рассмотрения «учреждений» Думы и Государственного совета. Игнатъев сетовал, что превращение Государственного совета из «совета монарха по законодательным делам» в «верхнюю палату» есть «решительный шаг к конституционному устройству». Стишинский предлагал хотя бы упразднить предполагавшееся равенство числа назначаемых и выборных членов, чтобы увеличить влияние царя на состав Совета. Витте возражал («Государственный совет будет глубоко консервативен, поэтому нет оснований к увеличению числа членов по назначению ... это произведет дурное впечатление»¹¹). Но в целом его позиция на совещании была двойственной. С одной стороны, он потребовал, чтобы в манифесте об изменении учреждений Думы и Государственного совета не было указано в соответствии с манифестом 17 октября, что никакой закон не может получить силу без их одобрения, и стал доказывать, что «рассматриваемое преобразование еще не составляет конституции».¹² Но, с другой

стороны, в соответствии с предложением уже уволенного к этому времени Кутлера он хотел, чтобы Дума могла представить отклоненный Государственным советом законопроект царю.

Коковцов объявил премьера радикалом, сказав: «То, что ныне предлагается, уничтожает Государственный совет и знаменует переход к одной палате. Этого добиваются все крайние партии». «Я смотрю так, что Владимир Николаевич желает конституционный порядок управления, а я считаю, что этого нельзя», — вернул Витте Коковцову его обвинение и продолжал: «Незачем копировать положения конституций, по которым верхняя палата отделяет нижнюю от монарха». ¹³ В завязавшейся полемике Витте получил неожиданную, казалось бы, поддержку справа — у Стишинского, который утверждал, что Государственный совет должен быть для царя «щитом» «при увлечениях» Думы, а не «тормозом». ¹⁴ Но в целом рассматривавший еще в процессе подготовки булыгинского закона способ обеспечить верховной власти возможность лавирования между палатами был отвергнут как связанный с необходимостью расширения функций Думы. Витте же держался с напускным смирением, настаивая, однако, на том, что самый твердый сторонник неограниченности царской власти — именно он. «Я соглашаюсь с приводимыми доводами, — говорил он, — но, я полагаю, не надо только ограничивать монарха». «Забавно, что Витте основывал свою речь на том, что необходимо устранить всякое средостение между царем и народом, утверждая, что никакой конституции государь не давал, так как никакой присяги не приносил, а что просто установил такой порядок законодательства и управления, который считал наилучшим и который ежечасно изменить может», — записал Половцов.

В перерыве заседания К. И. Пален заявил царю, что принятие виттевского предложения означало бы «гибель монархического начала». «А говорить, что Вы не дали конституции, значит куртизанить. Вы дали конституцию и должны ее сохранять», — добавил он, отвергая все, что говорил Витте. ¹⁵

Предстоявший созыв Думы требовал выполнения данных в манифесте 17 октября обещаний гражданских свобод. Правительство Витте проводило эти меры в спешном порядке, чтобы успеть до созыва Думы обеспечить сочетание гражданских свобод с государственным контролем над их осуществлением. Временные правила об обществах и союзах, введенные указом 4 марта 1906 г., признавали законным их образование без разрешения властей. Однако министр внутренних дел мог закрывать «общества, в коих образованы отделения, а также союзы, если деятельность этих обществ и союзов признается им угрожающе общественному спокойствию и безопасности». Образование таких обществ воспрещалось, как и управляемых учреждениями и лицами из-за границы при наличии у таких обществ политических целей. Учреждение профессиональных обществ рабочих и служащих торгово-промышленных предприятий, а также их владельцев разрешалось лишь для «изыскания способов» к урегулированию промышленных конфликтов, «выяснения размеров заработной платы», выдачи пособий, устройства касс взаимопомощи, похо-

ронных и т. п. Объединение профессиональных обществ в союзы не допускалось.¹⁶

Одновременно утвержденные царским указом правила о собраниях повторяли введенные еще осенью положения о необходимости предварительного получения разрешения полиции, присутствия на собрании ее представителя, который мог закрыть собрание по многим поводам — от принятия «характера, угрожающего общественному спокойствию и безопасности» до отклонения «от предмета его занятий».¹⁷ В самый день открытия Думы 26 апреля 1906 г. была упразднена предварительная цензура для книжных изданий. Однако властям предоставлялось право ареста тиража с передачей дела в суд и уголовного преследования виновных.¹⁸

Стремлением опередить созыв Думы руководствовались и при ускоренном обсуждении и принятии Основных законов. «В первом случае необходимо было издать Основные законы, соответствующие 17 октября, до созыва Думы, — вспоминал Витте, — во втором — не издавать, и в таком случае мне было ясно, что Дума обратится в Учредительное собрание, что это вызовет необходимость вмешательства вооруженной силы и что в результате новый строй погибнет. Будет ли это к лучшему?... Пожалуй, да, если бы явился Петр Великий... Но такого не было и покуда не предвидится. Поэтому я стоял за необходимость издания Основных законов до Думы».¹⁹

Дело было в том, чтобы не только лишить Думу возможности рассмотрения Основных законов, но и спешно включить в их состав некоторые положения из учреждений Думы и Государственного совета, чтобы возможность их пересмотра зависела от царя. Три проекта Основных законов, в составлении которых участвовали директор Александровского лицея А. П. Саломон и флигель-адъютант граф А. Ф. Гейден, были получены Сольским от царя. Под руководством государственного секретаря Ю. А. Икскуля фон Гильденбандта и его помощника П. А. Харитоновна был составлен проект Государственной канцелярии, который предполагалось внести в Государственный совет.²⁰ Этот проект Витте поручил сравнить «с консервативными конституциями (прусской, австрийской, японской, английской) и заимствовать оттуда полезные консервативные начала».²¹

Во всеподданнейшем докладе 2 марта 1906 г. Витте предложил определить понятия закона и декрета, издаваемого в порядке верховного управления, т. е. единолично царем, так как если до тех пор отсутствие разграничения составляло «известное удобство для монарха» («В настоящее время почти все представляется законом»), то «при новом положении вещей» оно может доставить ему «самые большие затруднения». Он настаивал на том, чтобы Основные законы, даже если они будут оставлены без изменения, предусматривали все же право монарха издавать декреты.²² 4 марта царь приказал «при условии полной тайны» обсудить проект в Совете министров, и Витте занялся его правкой. «Более распространительным определением» указов, называемых «повелениями», и установлением прав царя на издание чрезвычай-

чайных «указов, направленных к ограждению государственной и общественной безопасности и обеспечения народного благосостояния», он, в сущности, возвращал дело к старому порядку. Но когда он захотел вставить слова об ограничении царских указов «пределами закона», против этого выступил Дурново.²³ По образцу японской конституции Витте предложил установить ответственность правительства перед царем.²⁴

Совет министров на заседаниях 10, 12, 14, 18 и 19 марта все это принял и, чтобы лишить Думу возможности влиять на государственную политику путем изменения порядка производства денежных ассигнований или с помощью неутверждения ежегодного контингента новобранцев, предложил включить в текст Основных законов только что принятые правила утверждения сметы и оговорку о том, что в случае неутверждения контингента новобранцев к 1 мая он устанавливается в размере не свыше прошлогоднего.²⁵

Кроме того, Совет министров предложил оговорить в Основных законах в числе prerogatives царя руководство международной политикой, право чеканки монеты, прощения осужденных, а также объявления местностей на военном или исключительном положении. Большинство министров с Витте во главе настаивало на включении в Основные законы права царя на увольнение всех без исключения должностных лиц, включая судей, несменяемость которых была установлена судебными уставами 1864 г. Дума, считали эти министры, сохранит их несменяемость, и царь лишится «возможности устранить даже тех судей, которые по своим действиям оказались бы опасными для правильного хода государственной жизни».

Все это дало Витте возможность впоследствии выставить себя в роли единственного спасителя монарших prerogatives в ходе составления Основных законов.²⁶ Особенное значение он придавал при этом вопросу о титуле «самодержец». Соответствующая статья в проекте Государственной канцелярии гласила: «Государю императору, самодержцу всероссийскому, принадлежит верховная в государстве власть». Измененная Советом министров формула звучала так: «Императору всероссийскому принадлежит верховная самодержавная власть. Повиноваться власти его не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает». В сущности, разницы не было, и сам Николай II, выражая сомнение в «необходимости ...отречься от самодержавных прав и изменить определение верховной власти, существующее в статье I Основных законов уже 109 лет», считал опасным всякое «новое ее изложение, даже то, которое предложено Советом министров», поскольку понятие неограниченности не вошло ни в одно из них.²⁷ Витте же именно поэтому считал предпочтительной формулу Совета министров, настаивая на том, что, поскольку власть царя не будет более определена как неограниченная, необходимо назвать ее самодержавной.²⁸ Он считал своей заслугой принятие царем нового изложения этой статьи.

Чтобы обосновать сохранение самодержавного характера царской власти, Витте обратился за помощью к В. О. Ключевскому.

Но тот уклонился, и Витте получил справку, составленную бывшим слушателем профессора.²⁹ Смысл ее был в том, что хотя после актов 6 августа и 17 октября царская власть «перестает быть абсолютной, неограниченной и становится конституционной», она тем не менее не перестает быть самодержавной. Доказывалось это с помощью такого исторического истолкования термина «самодержавие», согласно которому в древней Руси он не выражал понятия неограниченности и абсолютной власти, которые стали с ним связывать в XVIII в., а означал лишь независимость монарха и страны во внешнеполитическом отношении. Николаю II таким образом внушалось, что, назвав свою власть самодержавной, он вернет «исконному старинному титулу русских государей» его первоначальное значение. Эта же мысль о том, что манифест 17 октября не уничтожил власти самодержавного царя, с помощью юридической аргументации доказывалась и в трактате профессора-правоведа Киевского университета О. О. Эйхельмана, рекомендованного Витте царю и предложившего свой проект Основных законов, исходя из необходимости их пересмотра как бы независимо от объявленных реформ.³⁰

Как и булыгинский проект летом 1905 г., проект Основных законов не попал в Государственный совет, а стал предметом обсуждения особого совещания под председательством царя, открывшегося 7 апреля 1906 г. В. О. Ключевский, Д. Н. Шипов и А. И. Гучков, ранее представлявшие в такого рода совещаниях общественные круги, а также подозревавшиеся в недостатке консерватизма отставленный со своего поста Н. Н. Кутлер, министр народного просвещения И. И. Толстой и Н. С. Таганцев не были включены в его состав. Зато крайне консервативное крыло было пополнено вел. кн. Николаем Николаевичем, графом К. И. Паленом, О. О. Эйхельманом и со второго заседания — И. Л. Горемыкиным, которого царь пригласил не только как «охранителя исконных начал», но и как уже намеченного им следующего премьера.

Под влиянием угроз Витте, предсказывавшего, что Дума не только «погубит армию и приобретет пошиб республиканский», но и установит царю гражданский лист,³¹ Николай II заявил, что те главы Основных законов, которые касаются императорской фамилии и ее имущественного положения, должны пересматриваться только по его почину и им самим. Дурново попытался было распространить это на всю совокупность Основных законов. «Постановление о том, что Основные законы могут быть государем императором изменяемы и дополняемы лишь по почину государя, недостаточно, — заявил он. — Надо сказать, что они могут быть государем императором изменяемы без всякого участия Думы и Совета... Акт 17 октября далеко не совершенен, и вся смута, происходящая после этого, является последствием этого несовершенства... Но с существом этого акта нельзя не считаться, и в тех пределах, как это проектируется ныне, это не будет его нарушением, а скорее его дополнением».³² Но после дискуссии все, в том числе и Дурново, ограничились сохранением за царем

исключительного права пересмотра статей об императорской фамилии и удельных имуществах.³³

Появившийся во втором заседании, 9 апреля, Горемыкин заговорил о том, что, по-видимому, более всего волновало Николая II, выразив сомнение, следует ли вообще переиздавать Основные законы. Он опасался, «как бы Дума не подняла неудобных вопросов» по поводу ограничения ее компетенции, и считал, что неприкосновенность главных статей Основных законов поможет сохранению старых порядков. Для реализации манифеста 17 октября он предлагал ограничиться принятием дополнительных правил. Явно по поручению царя он подчеркнул, что «поднятие вопроса» о статье, содержавшей титул «самодержец», «и ей подобных чревато событиями; трогать их не следует».³⁴ Отвечая Горемыкину, Витте заявил, что он и сам был бы рад не переиздавать Основных законов, но движим страхом перед Думой, которая «может все пересмотреть по своему почину, кроме Основных законов». «Поэтому надо отобрать от нее все, что опасно трогать... иначе Дума превратится в Учредительное собрание», — сказал он.³⁵

Вопрос же о царском титуле был снова поднят самим Николаем II. В необычно взволнованной речи он заявил, что его «мучает чувство», имеет ли он перед своими предками право отказываться от самодержавия. При этом он заверял, что с позиции манифеста 17 октября его «не сдвинут». Что именно имел в виду царь, сейчас же показал Горемыкин, сказав: «Если просто вычеркнуть слово „неограниченный“, то нельзя будет выйти ни из одного затруднительного положения». Тогда Витте, заявив, что он «и ныне смущен, как был смущен 17 октября», стал доказывать, что сделать изменение Основных законов исключительной привилегией царя возможно, если власть его будет объявлена неограниченной, тут же отрицая неограниченность царской власти, сравнивая ее с властью турецкого султана («Там можно сказать, что власть управления неограниченна, но у нас, с императора Александра I, законы управляют основаниями верховного управления»).

Никто не решился удовлетворить желание царя объявить свою власть неограниченной, слишком страшно было «бросить перчатку», как выразился министр юстиции М. Г. Акимов. «Я не сочувствую манифесту 17 октября, но он существует», — сказал Пален. «Я тоже не сторонник свобод, данных народу», — вторил ему Акимов, но подчеркивал, что настаивать на неограниченности царской власти и неприкосновенности Основных законов опасно («Надо исключить слово „неограниченный“ и издать Основные законы, чтобы оградить правительство»). Средство спасения царского престижа предложил Стишинский, сказав: «Следует только слово исключить, а власть сохранить». В конце концов Николай II согласился на исключение слова «неограниченной», а через год с лишним, совершив третьеиюньский переворот, показал, что считает свою власть именно таковой.

Призыв Витте отменить несменяемость судей («Они могут выносить революционные приговоры, всегда оправдывать. Если

признать их несменяемыми, и Дума их поддержит, что же тогда будет?») встретил у многих горячий отклик, но решиться на это никто не мог. Горемыкин предложил не давать «повода к нареканиям», а если потребуется, просто закрывать суды. «В бытность мою министром юстиции я имел много неприятностей от их несменяемости. Но надо быть хладнокровным и не выходить из терпения», — заявил Пален, даже пригрозив Николаю II судьбой Людовика XVI, постигшей его якобы потому, что он нарушил обещания своих предшественников на престоле. Царь заявил, что он ничего не имеет против несменяемости судей.³⁶

Взгляды сановников на политическое будущее страны с наибольшей выразительностью обнаружились при обсуждении также известного нам виттевского предложения о предоставлении царю права в чрезвычайных обстоятельствах издавать указы «в видах предотвращения грозящей государственному порядку опасности». И Витте, и Дурново хотели создать юридическую базу для разгона Думы и совершения государственного переворота на легальной основе. «Во всех государствах бывали такие минуты, когда становился необходимым *coup d'etat*, — говорил Витте. — Дай бог, чтобы нам не пришлось этого пережить. Но если придется, то лучше иметь в этом случае возможность опереться на закон, чтобы можно было совершить не *coup d'etat*, а произвести переворот на основании закона». Дурново прямо сказал, что имеет в виду «тот случай, когда нужно будет сказать, что Дума и Совет не существуют», и добавил: «Несомненно, что это будет государственный переворот, но его лучше основать на законе». «Во всем мире нет таких законов, которые предусматривали бы государственный переворот», — возразил Акимов. «Беспорядки можно усмирять на основании действующих законов, — продолжал он. — Предусматривать же в Основных законах государственный переворот — пагубно. Если есть сила, можно совершить переворот и без закона. Если ее нет, то и с законом переворот не сделаешь» И царь отказался от виттевского предложения.³⁷

Горемыкин хотел добиться исключения всех статей о правах подданных.³⁸ Когда же это не удалось, он предложил ограничиться в статье о неприкосновенности собственности упоминанием о возможности ее принудительного отчуждения не для общественной надобности, а лишь для надобности государственных учреждений. Подразумевалось отчуждение земли. «Если объявить крестьянам, что принудительное отчуждение не допускается вовсе для наделения их землей, то это будет величайшей ошибкой», — говорил Витте, предсказывая, что через несколько месяцев царю придется утвердить думский аграрный законопроект, «или все крестьянство встанет против верховной власти».³⁹

Горемыкин видел в словах Витте «большую опасность», он требовал не «оставлять в этом вопросе щели», добиться, чтобы все крестьянские ожидания земли связывались с царской милостью, а не с Думой («Если нужно будет землеустройство, то пусть оно будет, как и в 1861 году, исходить от императорской власти»).

В сущности, это было отражением противоречий в аграрном вопросе, вызванных кутлеровским проектом и как бы решенных царской резолюцией о неприкосновенности частной собственности. Ее-то и придерживались Горемыкин и его сторонники. «Если изложить статью, как предлагает И. Л. Горемыкин, то Думу придется разогнать через два месяца, и произойдет революция», — возражал Витте. Но начав на тревожной ноте, он так успокоил всех, к кому взывал Горемыкин: «Я шесть месяцев стою у дел и лучше его знаю их положение. В Думу попадут лица, которые на первое место поставят крестьянский вопрос. Но засим в самой Думе составит большинство, которое, по цифровым данным, скажет, что наделение крестьян невозможно. В настоящее время этот вопрос кадеты замалчивают, а в Думе они сами откажутся от своего проекта, так как поймут, что осуществить его невозможно. Первый на это не пойдет профессор Ковалевский, который сам богатый землевладелец и умный человек. Таким образом, с этой стороны опасности нет. Сама Дума отвергнет этот проект. Даже если бы этого не случилось, то Государственный совет его отклонит, наконец — государь не утвердит».

Горемыкин заявил, что «если только допустить, как полагает граф Витте, обсуждение этого вопроса в Думе, то ее придется брать в штыки». Дурново и Фриш предложили оговорить, что отчуждение допускается «за справедливое и приличное вознаграждение», и это было царем принято.⁴⁰ Между тем правительство Витте само пыталось провести аграрный законопроект до созыва Думы и вовсе не только отчуждение помещичьих земель в пользу крестьянства составляло его предмет. В марте на рассмотрение еще не реформированного Государственного совета был внесен этот законопроект, подготовленный при Министерстве внутренних дел под председательством Гурко. Речь шла о предоставлении отдельным домохозяевам права выхода из общины и укрепления наделов в частную собственность с выделом их в один участок и правом продажи без согласия сельского общества.⁴¹ Однако в Государственном совете до созыва Думы законопроект не прошел.

Витте немедленно распорядился подготовить программу законодательства по аграрному вопросу для внесения ее в Думу. Она включала в себя, кроме права крестьян на выход из общины с укреплением надела в собственность, уравнивание их с другими условиями в отношении имущественных, гражданских прав, в области управления и суда. Крестьянское наделное землевладение должно было стать индивидуальным с введением вместо семейной личной собственности на наделное имущество. Но программа предусматривала также меры для передачи крестьянам части казенных земель, приобретаемых через Крестьянский банк, и частновладельческих, покупаемых правительством.

Составлением этой программы для Думы и объяснялась та экспансивность, с которой Витте настаивал при обсуждении Основных законов на невозможности действовать в обход Думы.

В целом это обсуждение, имевшее своим итогом некоторое ограничение власти царя в законодательной сфере, но оставившее

за ним всю полноту исполнительной власти, кончилось двумя уступками царя. Он согласился не вставлять во фразу о том, что министры ответственны перед ним, слово «исключительно» и изъять из определения царской власти упоминание о ее неограниченности. Основные законы были утверждены 23-го и опубликованы 24 апреля 1906 г.⁴²

Если реформаторская умеренность актов 20 февраля 1906 г. имела своей причиной то обстоятельство, что массовые вооруженные выступления представлялись делом прошлого, то в деле изменения Основных законов аналогичное значение имели предоставление России большого европейского займа, которое произошло в первой половине апреля, и возвращение войск с Дальнего Востока, расширившее карательные возможности правительства. Заключение займа явилось итогом длительных переговоров, на истории которых следует остановиться специально.

¹ Bumme С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 161.

² Мемория Особого совещания Сольского 24 сент. и 31 дек. 1905 г. и 5 янв. 1906 г.: РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 11. Л. 223.

³ См.: Степанский А. Д. Реформа Государственного совета в 1906 г. // Труды Моск. историко-архивного ин-та. 1965. Т. 20. С. 179—211.

⁴ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 90.

⁵ Дневник А. А. Половцова // Красный архив. 1923. Т. 4. С. 84—85.

⁶ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 16. Л. 316—318.

⁷ Там же. Д. 17. Л. 144.

⁸ См.: Дякин В. С. Чрезвычайно-указное законодательство в России (1906—1914 гг.) // ВИД. Л., 1976. Т. 7. С. 242, 244—248.

⁹ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Л. 16. Л. 232.

¹⁰ Там же. Л. 300.

¹¹ Былое. 1917. № 5. С. 293.

¹² Там же. С. 294—295.

¹³ Там же. С. 306—307.

¹⁴ По-видимому, в разгар этих прений Витте пригласил к себе М. М. Ковалевского для беседы на ставшую модной тогда тему об однопалатной и двухпалатной системах. «Поразительный человек, — рассказывал М. М. Ковалевский. — Невежественный на удивление, но и гениальный на редкость. Начал он с того, что спросил меня в упор: „Объясните мне, как наука смотрит, что такое верхняя палата есть — или тормоз, или маховое колесо“. Я развел руками, ответил ему, что он этим железнодорожным образом охватил совершенно точно

всю тему и что в самом вопросе есть уже и ответ. На самом деле верхняя палата есть или тормоз, или маховое колесо» (Руманов Аркадий. Штрихи к портретам: Витте, Распутин и другие // Время и мы. New York, 1987. № 95. С. 217).

¹⁵ Былое. 1917. № 5. С. 306—307; Дневник А. А. Половцова. С. 91—92.

¹⁶ Законодательные акты переходного времени (1904—1906 гг.) / Под ред. Н. И. Лазаревского. СПб., 1907. С. 420 и сл.

¹⁷ Там же. С. 438 и сл.

¹⁸ Там же. С. 602 и сл.

¹⁹ Bumme С. Ю. Воспоминания. Т. 3. С. 296—297.

²⁰ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 388.

²¹ Таганцев Н. С. Пережитое: Учреждение Государственной думы в 1905—1906 г. Пг., 1919. С. 157.

²² Совет министров Российской империи: 1905—1906. Л., 1990. С. 331.

²³ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 23. Л. 408—409, 429, 445—446.

²⁴ Там же. Л. 412.

²⁵ Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 360—364.

²⁶ Такого же мнения придерживался и секретарь заседаний Совета министров П. П. Менделеев. «Жаль, что государь не мог присутствовать на наших заседаниях, — писал он. — Быть может, он сменил бы гнев (против Витте. — Б. А., Р. Г.) на милость. Усилить значение монаршей власти по отношению к новым законодательным уч-

реждениям, обеспечить государю возможность править в случае надобности и без их участия — было главной заботой Витте. Дурново и Акимову оставалось только помогать ему... Возражали большей частью гр. Толстой, Филосовов, Федоров, кн. Оболенский. Да и то не столько по соображениям принципиальным, сколько с точки зрения тактической» (*Менделеев П. П. Свет и тени в моей жизни: Обрывки воспоминаний (1864—1933)*. Тетрадь 2-я. С. 120—121; Бахметьевский архив Колумбийского ун-та в Нью-Йорке. Коллекция П. П. Менделеева. Вых. 4).

²⁷ Былое. 1917. № 4. С. 204.

²⁸ Там же. С. 209.

²⁹ Князьков С. Самодержавие в его истинном смысле. СПб., 1906.

³⁰ РГИА. Ф. 1544. Оп. 1. Д. 24. Л. 24.

³¹ Былое. 1917. № 4. С. 190.

³² Там же. С. 193.

³³ Там же. С. 196—197.

³⁴ Там же. С. 202.

³⁵ Там же. С. 203.

³⁶ Там же. С. 220—222.

³⁷ Там же. С. 225—227.

³⁸ «Весь этот раздел с практической точки зрения не имеет значения», но исключить его «неудобно», заметил Витте. Он, впрочем, отстоял против Д. М. Сольского, Э. В. Фриша и М. Г. Акимова произведенное Советом министров исключение статьи о тайне переписки. При этом Фриш и Акимов ясно дали понять, что конституционная гарантия ничего общего с практикой иметь не должна. Но Дурново возразил, что если сохранить статью, «будет масса жалоб на рваные конверты», а Витте объявил, что без перлюстрации «нельзя обойтись».

³⁹ Там же. С. 232—234.

⁴⁰ Там же. С. 234—238.

⁴¹ Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 204—209, 308—314; Сидельников С. М. Аграрная политика самодержавия в период империализма. М., 1980. С. 66—72.

⁴² Законодательные акты... С. 571—584.

Глава 3

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЗАЕМ 1906 г.

Представители европейских банков приехали в Петербург для выработки контракта русского займа 7 октября 1905 г.¹ В тот же день началась стачка на Московско-Казанской железной дороге. И банкиры сразу же на себе ощутили дыхание нарастающей в России революции. Они доехали до Петербурга по железной дороге, но «на пути их поезд был несколько раз задержан не только на станциях, но даже просто в поле... Вместо обычного утреннего часа они прибыли под вечер и не успели разместиться в своих комнатах в Европейской гостинице, как везде потухло электричество...». Некоторые из участников консорциума под впечатлением увиденного в России решили наутро, не вступая в переговоры, немедленно возвращаться назад. Однако, по мнению главы консорциума Нецлина, сложившемуся у него после консультаций во французском посольстве и разговоров с некоторыми французскими журналистами, революционное движение в России «перешло уже свою высшую точку нарастания» и должно было «скоро пойти на убыль, в особенности под влиянием ожидаемого манифеста о „даровании политических свобод“». Поэтому Нецлин высказался в пользу того, чтобы «вести переговоры как можно быстрее, не останавливаясь на мелочах и поспешить вернуться в Париж, с тем чтобы там осуществить заем», как только оправдаются благоприятные, с его точки зрения, прогнозы.² Против спешного отъезда из Петербурга выступил также представитель Лионского кредита Бонзон, заявивший, «что неблагоприятная обстановка может оказаться даже весьма выгодной для французских держателей будущих русских бумаг, так как министр финансов будет, вероятно, более уступчив».³ В течение почти десяти дней в обстановке всероссийской политической стачки длились переговоры представителей консорциума с русским правительством. Прогнозы и надежды участников консорциума не оправдались, революционное движение не только не шло на убыль, а нарастало и набирало силу. Революция проникла и сквозь стены Государственного банка. Вечером 16 октября делегация служащих потре-

бовала от управляющего С. И. Тимашева закрыть банк и прекратить операции, угрожая в противном случае забастовкой. Попытки Тимашева убедить делегатов отказаться от выдвинутого ими требования со ссылками на «тяжелые последствия», которые может повлечь за собой закрытие банка, ни к чему не привели. 17 октября утром на «большой лестнице банка образовался многолюдный митинг», публика, явившаяся для совершения операций, покинула банк, и он фактически прекратил работу. «Около полудня, — вспоминал впоследствии о событиях 17 октября Тимашев, — приехал в банк министр финансов Коковцов, почти весь персонал банка собрался в большом зале совета, зал был переполнен, стояли вплотную, здесь министр произнес речь, не скажу, чтобы она имела успех, после отъезда министра служащие не расходились, образовался второй, еще более многолюдный митинг, где говорились зажигательные слова, сильно возбуждавшие собрание».⁴ Только последовавшее вечером 17 октября сообщение об издании манифеста предотвратило развитие назревавшей забастовки.

Едва не развернувшаяся забастовка служащих Государственного банка — лишь маленький штрих в событиях мощной Октябрьской стачки 1905 г., но штрих в данном случае весьма характерный. Какое значение могли иметь в эти дни переговоры министра финансов о займе с иностранными банкирами, если сам министр оказался перед реальной угрозой потерять управление центральным финансовым учреждением страны — Государственным банком? И действительно, последнее совещание консорциума, как это видно из воспоминаний Коковцова, проходило уже в такой обстановке, когда все участники заседания отчетливо понимали обреченность задуманной финансовой операции. «Мы просидели до полуночи, в сущности, совершенно напрасно, — писал Коковцов, — спорили о мелочах, говорили о разных тонкостях редакции контракта, но все сознавали, что мы тратим время попусту. Сама внешняя обстановка была в высшей степени тягостна: нас окружал давящий мрак, электричество не горело, у подъезда стоял, по желанию генерал-губернатора Трепова, усиленный наряд полиции, под эскортом которого наши французские гости вернулись в Европейскую гостиницу, и мы расстались с тем, что наутро участник этой экспедиции, специалист по контрактным тонкостям, служащий Парижско-Нидерландского банка г. Жюль-Жак приготовит основания договора. На самом деле никакой новой встречи между нами не произошло. Утром Нецлин сказал мне по телефону, что чувствует себя совершенно разбитым от всех переживаемых впечатлений, просит отложить свидание до следующего дня, а когда наступил этот „следующий“ день, то в двенадцатом часу я получил от него письмо из Европейской гостиницы с уведомлением, что им удалось нанять финляндский пароход, с которым они и выехали спешно из России». «Так кончилась печально, — заключил свой рассказ Коковцов, — эта эпопея переговоров о займе».⁵

Финансовую сделку пришлось отложить на неопределенное время. Участники консорциума европейских банков и русское

Министерство финансов условились возобновить переговоры, «когда обстоятельства это позволят». Соглашение это состоялось как раз в день опубликования манифеста 17 октября.⁶ Однако, пожалуй, наиболее важным событием в переговорах, которые вели банкиры в Петербурге, были не официальные встречи с Коковцовым и даже не подписание практически ни к чему не обязывавшего банкиров соглашения, а свидание Нецлина с Витте, состоявшееся за 36 часов до назначения последнего председателем Совета министров. Подробности этого свидания остались неизвестными даже Коковцову, узнавшему от Нецлина «под величайшим секретом» только самые общие сведения о его разговоре с Витте. Между тем Витте не только сообщил французскому банкиру о предстоящем уходе Коковцова с поста министра финансов (его сменил И. П. Шипов) и о своем назначении, но и выступил перед ним как лицо, в руках которого через несколько часов должны оказаться все нити управления государственной машиной. А в качестве такового он рекомендовал банкирам «немедлительно» покинуть Петербург и поручил Нецлину от имени его, Витте, передать главе французского правительства «две вещи»: первое — Рувье может «положиться» на его обещание, что «ничто не произойдет в отношениях между Францией, Россией и Германией без ведома или за спиной французского правительства»; второе — «французы, и правительство первое, должны понять, что они все потеряют здесь, если у нас будет настоящая революция. Они заинтересованы в первую голову, чтобы у нас этого не случилось. Пресса может многое, и французское правительство столь же заинтересовано, как и мы, чтобы она вела себя должным образом. Лозунг должен быть такой: разумные реформы необходимы и будут осуществлены, но что реформами, вырванными посредством насилия и кровопролития, нельзя ничего достигнуть и что подобные меры никогда не служили ко благу народов».⁷

Не стоило большого труда уловить основную мысль этой переданной через Нецлина наспех и в самой общей форме программы сотрудничества нового русского правительства с французским. Состояла она в том, что Витте намерен расправиться с революционным движением и не собирается считаться с тем, как отнесется к этому общественное мнение Франции, в то время как французское правительство, заинтересованное в скорейшем подавлении русской революции, при первом же благоприятном случае должно обеспечить проведение займа и обуздать свою собственную прессу. В качестве же аванса за помощь Франции, на которую Витте теперь делал главную ставку, русский премьер еще раз заявлял о своей верности франко-русскому союзу. А это означало, что французское правительство могло в перспективе рассчитывать на поддержку России в мароккском вопросе, о чем Рувье просил Витте еще во время остановки того в Париже по дороге из Портсмута в Петербург.

Непонятным остается только одно, на что надеялся Витте, когда в разговоре с Нецлином заявил, что он может ждать с займом «еще несколько месяцев».⁸ Размах революционного движения в ноябре—декабре 1905 г. привел к тому, что финансовое положение

ние России с каждым днем «становилось все более и более шатким», и месяц спустя после отъезда из Петербурга европейских банкиров вслед за ними в Париж был направлен Коковцов добиваться срочной финансовой помощи.

Угроза финансового банкротства приняла совершенно реальный характер к началу декабря 1905 г. По условиям эмиссионного закона 1897 г. сумма не обеспеченных золотом рубль за рубль кредитных билетов не должна была превышать 300 млн. руб. С целью охранения золотого запаса с началом военных действий в 1904 г. Государственный банк перешел к так называемой новой кассовой политике, суть которой состояла в том, чтобы во всех случаях, когда банку не предъявляется прямое требование об уплате непременно золотом, производить платежи лишь кредитными билетами.⁹ Результатом этой политики явилось увеличение с начала войны и по октябрь 1905 г. почти вдвое кредитных билетов, находившихся в обращении, при сравнительно незначительном росте в результате займовых операций золотого запаса. В октябре—ноябре 1905 г. золотой запас начал сокращаться, в то время как количество кредитных билетов продолжало расти. Под влиянием разраставшегося революционного движения доходы начали поступать в казну «чрезвычайно скудно», «сберегательные кассы стали выдерживать систематическую осаду на их средства и каждый день стал давать небывалую до того картину — предъявления требований о выплате вкладов золотом».¹⁰ Уже ночью, задолго до открытия операций, к ним стекались густые толпы вкладчиков. Отлив денег из Государственного банка по счетам сберегательных касс достиг колоссальных размеров, крупные требования на деньги исходили также от частных банков.¹¹

Особенно интенсивный отлив золота из сберегательных касс происходил в конце ноября—начале декабря 1905 г.,¹² в частности, как это отмечалось в постановлении Государственного совета по поводу отчета Государственного банка за 1905 г., и под влиянием опубликованного 2 декабря 1905 г. во многих столичных, а затем и в провинциальных газетах «Финансового манифеста» Петербургского Совета рабочих депутатов, призывавшего население к истребованию вкладов из сберегательных касс и обмену кредитных билетов на золото. «Среди населения возникла беспрецедентная в истории нашего государственного кредита паника, — говорилось в постановлении, — вызванная этим преступным воззванием и сопутствовавшая ему противоправительственной агитацией крайних партий: истребование вкладов из государственных касс приняло стихийный характер и выразилось к концу отчетного года в громадной цифре 148 с лишком миллионов. Одновременно с сим значительно увеличилось предъявление кредитных билетов к размену, увеличились требования производства платежей золотом и весьма сильно возросли операции по продаже валюты, обусловленные отливом капиталов за границу».¹³

«Новый ... совершенно неожиданный удар», по определению управляющего Государственным банком С. И. Тимашева, был нанесен золотому обращению из Берлина банкирами, произво-

дившими «крупные обороты по поручению Государственного банка и казначейства». «В ноябре приехал в Петербург представитель нашего главного берлинского корреспондента, — писал в своих воспоминаниях Тимашев, — и заявил требование о высылке большой партии золота натурой. Хорошо помню тяжелые объяснения с этим господином, в очень ласковой, неприятно слащавой форме мне предъявлен был, в сущности, ультиматум с угрозой прекратить операции за наш счет, т. е. оплату купонов русских займов и наших трат, если золото не будет выслано в кратчайший срок. Пришлось подчиниться...».¹⁴ Тимашев не назвал стоимость отправленного в Берлин золота и только упомянул о снаряжении «нескольких транспортов», однако в начале декабря по старому стилю в американских газетах появилось сообщение о доставке в Берлин на протяжении недели большой партии русского золота на 60 млн. руб.¹⁵ В ответ на запрос, сделанный в связи с этим русским агентом в Америке Г. А. Виленкиным, министр финансов телеграфировал 12(25) декабря 1905 г. в Вашингтон: «Сведение о доставке золота в Берлин верно, но указываемая вами цифра преувеличена. Цель — облегчить рынок, показать несколько нервной публике, что средств на оплату обязательств более чем достаточно. Полезно, чтобы вами в этом смысле было сделано заявление в газетах».¹⁶ Вероятно, Шипов, сменивший в октябре 1905 г. Коковцова на посту министра финансов, отдавал себе отчет в том, насколько курьезно звучало это объяснение отправки большой партии русского золота в Берлин почти в разгар финансового кризиса. Но что ему оставалось делать? Не мог же он открыто заявить о вынужденном характере этой операции, равно как и не мог вступать в конфликт с берлинскими банкирами, поскольку как раз в конце ноября — начале декабря Министерство финансов вело переговоры о новых кредитах у Мендельсона.

После срыва переговоров о международном займе правительство Витте оказалось перед необходимостью изыскать где бы то ни было около 200 млн. руб., чтобы дотянуть до конца 1905 г. Выпуск третьего долгосрочного внутреннего займа Шипов счел «невозможным» как по финансовым, так и по политическим соображениям.¹⁷ 18 ноября Комитет финансов принял решение об увеличении выпуска краткосрочных обязательств Государственного казначейства сверх разрешенных указом 10 апреля 1905 г. еще на 150 млн. руб. с тем, чтобы общая стоимость находившихся в обращении обязательств не превышала 350 млн. руб.¹⁸ 25 ноября царь санкционировал это решение, однако уже 3 декабря оно было пересмотрено Комитетом финансов, и 92 декабря Николай II утвердил новое «положение» Комитета о выпуске краткосрочных обязательств Государственного казначейства не на 150, а на 200 млн. руб. По высочайшему указу, стоимость выпущенных в обращение как в иностранной, так и в русской валюте краткосрочных обязательств не должна была превышать 400 млн. руб. Государственному банку вменялось в обязанность принимать краткосрочные обязательства для учета как от Госу-

дарственного казначейства, так и от частных лиц на условиях, установленных министром финансов.¹⁹

И на этот раз основные надежды в смысле реализации обязательств русское Министерство финансов возлагало на Берлин. Через Мендельсона предполагалось разместить обязательства на сумму до 200 млн. руб. с тем, чтобы постепенно заменить ими обязательства, приобретенные Мендельсоном в апреле на сумму в 150 млн. руб. (сроки которых начинали истекать), и на 50 млн. руб. усилить заграничную наличность казны. На остальные 200 млн. руб. первоначально решено было выпустить обязательства в русской валюте и учесть их в Государственном банке.²⁰

По договоренности с Мендельсоном новые обязательства (векселя) выпускались сроком на 9 месяцев, размер процента по ним устанавливался в 5.5 годовых «с добавлением комиссии в пользу приобретателей 1¼ % для векселей, принятых до 30 декабря 1905 г., и 1 % для остальных обязательств и, наконец, 0.5 % комиссии в пользу Мендельсона».²¹

Однако размещение новых обязательств у Мендельсона оказалось «малоуспешным». До конца года их удалось реализовать всего на 52 750 тыс. марок, и, таким образом, операция в Берлине в том виде, как она была задумана, не удалась.²² Но и в случае полного успеха берлинской операции министр финансов, видимо, не рассчитывал с ее помощью выбраться из финансового кризиса.

3 декабря 1905 г. Шипов вынужден был внести в Комитет финансов вопрос о возможном прекращении размена кредитных билетов на золото, причем, судя по воспоминаниям Коковцова, министр финансов «заключил свой доклад категорическим требованием прекратить размен». Витте также заявил, что «не возражает против предложенной меры, хотя и сознает все ее печальные последствия», и только после выступления других членов Комитета финансов, высказавшихся против прекращения размена, решено было отложить окончательное решение вопроса и создать специальную комиссию в составе Шипова, Коковцова и Шванебаха для наблюдения за состоянием денежного обращения и изыскания мер, которые предотвратили бы надвигавшееся банкротство.²³ Однако министр финансов, не дожидаясь решения комиссии, принял меры к ограничению размена в провинции, прямо противоречившие эмиссионному закону 1897 г. 7 декабря Государственный банк разослал своим отделениям циркуляр, предписывавший максимальное ограничение выдачи золота под предлогом того, что «банк может не удовлетворять полностью требования на золото, вызываемые агитацией крайних партий».²⁴

Между тем в результате изучения денежных операций комиссия пришла к выводу, что эмиссионное право Государственного банка почти исчерпано. На 8 декабря выпуск кредитных билетов превысил 1250 млн. руб., в то время как золотая наличность исчислялась в 1076 млн. руб. Причем из этой суммы 252 млн. руб. должны были быть в ближайшее время затрачены на уплату долга Кредитной канцелярии иностранным банкирам (36 млн. руб.), платежи по обязательствам Государственного казначейства (150 млн. руб.) и расчеты за продажу на срок тратт (66 млн. руб.).

Кроме того, 149 млн. руб. должны были быть израсходованы на выплату металлической валюты по операции репорта. Таким образом, свободная наличность золота составляла не более 675 млн. руб.²⁵ Тем не менее и Коковцов, и Шванебах решительно высказались против прекращения размена, хотя Шипов по-прежнему считал «предпочтительным» его приостановку и расширение эмиссионного права.²⁶

В заседании Комитета финансов 9 декабря 1905 г. было принято решение «попытаться подкрепить» золотой фонд Государственного банка и казначейства хотя бы небольшим заграничным займом, который «дал бы возможность усилить выпуск кредитных билетов» без нарушения эмиссионного закона и «выиграть время», необходимое для подавления революции.²⁷ На том же заседании, по свидетельству Коковцова, он докладывал предварительные результаты работы комиссии. Однако в фонде Комитета финансов след этого выступления Коковцова до сих пор не обнаружен. Найден и опубликован А. Л. Сидоровым журнал заседания Комитета финансов 14 декабря, специально посвященный обсуждению записки Коковцова, Шванебаха и Шипова, о котором в воспоминаниях Коковцова не сказано ни слова.²⁸ Этот журнал не подписан Коковцовым,²⁹ быть может, потому, что 14-го он даже не присутствовал на заседании Комитета финансов. Таким образом, если Коковцов прав, то записка комиссии обсуждалась в Комитете финансов дважды (8 и 14 декабря) и оба раза с одним и тем же результатом. Несмотря на то что в дни декабрьского вооруженного восстания правительство находилось почти на грани финансового банкротства, было решено использовать оставшийся в распоряжении русского Государственного казначейства золотой запас до предела и не объявлять о прекращении размена, лишь бы не давать в руки революционеров явного свидетельства непрочности самодержавия. На заседании Комитета финансов 14 декабря Шванебах прямо заявил, что прекращение платежей золотом может быть использовано в революционной пропаганде как свидетельство государственного банкротства. «Для революционеров, которые во всеуслышание предсказывают это, — говорил Шванебах, — прекращение размена явится прямо торжеством и опаснейшим в их руках козырем... До крайности было бы прискорбно предоставить революционерам столь острое орудие смуты как раз в тот момент, когда правительство, решившись побороть оружием вооруженные мятежи в Москве и в Балтийском крае, еще не нанесло мятежникам ни на том, ни на другом театре действий решительного поражения». Поэтому Шванебах призывал воздержаться от «провозглашения прекращения размена ... вопреки всяким указаниям финансовой техники», чтобы не дать «революционерам повод выставить перед народом еще и финансовую победу над правительством».³⁰ Однако в связи с тем, что установленный законом предел эмиссионного права Государственного банка был почти исчерпан, Комитет финансов принял решение о выпуске кредитных билетов на сумму не свыше 150 млн. руб. без золотого покрытия. Они обеспечивались принимавшимися Государственным банком в обеспечение выдач

краткосрочными обязательствами по учету и ссудам, а также краткосрочными обязательствами Государственного казначейства и должны были при первой же возможности быть изъяты из обращения. Два дня спустя (16 декабря) Николай II уже подписал указ, разрешавший министру финансов эту операцию.³¹ Его, впрочем, решено было скрыть от публики и не предавать гласности до тех пор, пока это не будет «признано ... своевременным» и пока к тому не вынудят обстоятельства.³² Вместе с тем Комитет финансов уполномочил министра «принять все меры для сокращения отлива золота из страны», действуя в пределах законов о денежном обращении.³³ В Комитете финансов рассматривали все эти меры только как способ дотянуть до получения финансовой помощи извне, на которую и была сделана основная ставка.

К 15 декабря, когда в Москву из Петербурга прибыл Семеновский полк с артиллерией и правительство, воспользовавшись перевесом в силе, начало подавление московского восстания, для срочной поездки в Париж за займом был снаряжен Коковцов, в тот же день вечером получивший последние инструкции и наставления от самого царя. Николай II поручил Коковцову передать французскому правительству, что он, Николай II, «придает особое значение успеху» возложенного на Коковцова поручения, т. е. заключения займа, и со своей стороны готов «поддержать» французское правительство в той форме, которая тому «сейчас наиболее желательна». «Вот теперь начинается на днях Алжезирасская конференция, — уточнил свою мысль царь. — Я думаю, что моя поддержка, особенно ясно заявленная французскому правительству, помимо обыкновенной передачи через министерство и нашего посла, могла бы быть особенно полезна».³⁴ Итак, Николай II поручил передать в Париж, в сущности, то же, что месяц назад через Нецлина передал французскому правительству Витте. Разница состояла лишь в том, что на этот раз присягу верности франко-русскому союзу приносил уже сам Николай, а сделка, предложенная Витте французскому правительству, обрела теперь совершенно определенную форму.

Коковцов выехал из Петербурга в сопровождении своего секретаря Л. Ф. Дорлиака 17 декабря и прибыл в Париж 19-го вечером, в день жестокой расправы на Пресне карателей с рабочими, оборонявшими последний очаг сопротивления — Прохоровскую мануфактуру. И ему вслед тотчас же была послана депеша с известием о подавлении московского восстания, которую Коковцов поспешил предъявить французским банкирам как свидетельство того, что «Москва окончательно успокоена» и революционное движение в России «идет резко на убыль».³⁵ Однако ни этот «аргумент», ни попытки Коковцова запугать банкиров тем, что с прекращением размена на золото наступит «денежная анархия», в результате которой «держатели внешних займов потеряют больше кого-либо», не дали решительно никаких результатов. Банкиры категорически отказались вести переговоры о займе, заявив, что их не очень-то беспокоит прекращение размена, ибо «по внешним займам» Россия «во всяком случае будет платить золотом».³⁶ А Нецлин прямо заявил Коковцову, что толь-

ко французское правительство может убедить банкиров согласиться на заключение займа, и то при условии, что «оно даст банкам моральную гарантию», «что они не потеряют своих денег».³⁷ Проведя два дня в бесплодных переговорах с банкирами, Коковцов вечером 21 декабря (3 января) направился в качестве просителя на набережную Орсе на прием к председателю Совета министров Франции Рувье. Коковцов явился в точно назначенное время, но его «не хотели пускать, говоря, что председатель совета на охоте» и в этот день «вовсе не будет в министерстве». Два часа Коковцов провел в унизительном ожидании и «собирался было уже уходить», когда его вдруг «позвали» все-таки в кабинет Рувье и перед ним предстала «грузная фигура человека огромного роста, с неприветливым лицом, в охотничьем костюме с медленною, как будто спросонья, речью». Рувье согласился взять на себя заботы по организации во Франции теперь же небольшого, а после завершения Алжезирасской конференции крупного займа. Однако в свою очередь он потребовал от Коковцова заверения в безоговорочной поддержке русским правительством Франции в мароккском вопросе. «Я уверен, что Россия будет с нами, — заявил Рувье, — но для нас важно, чтобы мы могли рассчитывать не только на благожелательное отношение ее, но имели уверенность в том, что ее представитель не станет сноситься со своим правительством в какой-либо острый момент переговоров, но займет сразу определенное положение на нашей стороне, и всей конференции будет ясно, что мы поддержаны Россией и можем опереться на ее слово». Коковцов без колебаний заверил Рувье в готовности русского правительства оказать полную поддержку своей союзнице в мароккском деле. Более того, Коковцов подчеркнул, что получил на этот счет соответствующую инструкцию от царя, «принимает на себя всю ответственность» за сделанное заявление и готов даже подтвердить его соответствующим письмом. Что касается русского представителя на конференции, то ему должно быть от Ламздорфа известно распоряжение царя, и, стало быть, никакие новые инструкции просто не нужны. «Теперь мы с вами заключили договор, — ответил на это Рувье, — вы уже выполнили ваше обязательство, дело за мной, и я уверен, что его так же честно выполню, как вы свое».³⁸

С этим рассказом Коковцова о первой встрече с Рувье не вполне вяжется его телеграмма Витте, отправленная в тот же день вечером, сразу же после беседы с Рувье. «Успеху моего трудного положения, — поспешил сообщить Коковцов в Петербург, — могло бы значительно содействовать получение мною права заявить Рувье конфиденциально, что в мароккском вопросе Франция может рассчитывать на моральную поддержку России в смысле влияния ее на Германию. К этому вопросу Рувье возвращался дважды».³⁹ Возможно, что телеграмма Коковцова — чистая перестраховка или он не совсем точно передал в своих воспоминаниях содержание первого разговора с Рувье.⁴⁰ Во всяком случае несомненно одно, что именно в эти дни между Коковцовым и Рувье состоялось устное соглашение, в результате которого программа

обновления франко-русского союза, предложенная Витте в октябре 1905 г., вступила в действие.

На пятый день пребывания Коковцова в Париже «произошла полная перемена декораций». Утром французские банкиры Нецлин, Мазера, Ульман, Доризон и Готтингер получили приглашение явиться в Министерство иностранных дел. Переговоры с банкирами вел сам Рувье, который предложил им удовлетворить просьбу русского правительства. Попытка некоторых банкиров не соглашаться на требование Рувье и доказывать, что французские банки не так уж заинтересованы в сохранении золотого обращения в России, «вызвала такое решительное возражение» с его стороны и «такую энергичную реплику, что устойчивое положение денежного обращения в России нужно для Франции и для ее правительства, что вся оппозиция смолкла», и представители банков заявили о своей готовности вести переговоры с Коковцовым, лишь бы он «не требовал слишком большой суммы и не связывал их прямым обязательством заключить большой заем при полной неизвестности того, чем кончится революционное движение в России».⁴¹ В тот же день вечером в помещении Парижско-Нидерландского банка началось обсуждение условий контракта, который был подписан 29 декабря 1905 г. (11 января 1906 г.) на 100 млн. руб. (267 млн. франков).⁴²

Между тем в Петербурге с тревогой следили за переговорами Коковцова и делали все возможное для того, чтобы способствовать их успеху. На следующий день после встречи с Рувье Коковцову была передана по телеграфу подтверждение готовности русского правительства оказать Франции в мароккском вопросе «моральную поддержку в смысле влияния на германское правительство».⁴³ А еще два дня спустя Ламздорф и Витте подготовили проект телеграммы царя германскому императору, которая должна была побудить Вильгельма к уступкам.⁴⁴ Однако ни у Витте, ни у кого-либо другого из министров не было твердой уверенности в успехе миссии Коковцова, а время шло, и из-за сего происстечет много бедствий. Хотя бы удалось отсрочить этот момент до более спокойного положения. Нам в будущем году, помимо бюджета, потребуется около миллиарда, — а где их взять?»⁴⁵ Участники собравшегося 27 декабря 1905 г. объединенного заседания Комитета финансов и Департамента экономии Государственного совета все без исключения признали необходимость прекращения размена. «Различие во мнениях заключалось лишь в том, что одни полагали, что на это нужно решиться немедленно, другие думали, что, может быть, следует еще подождать». Окончательное решение вопроса было отложено до следующего заседания. «Как это

мне ни больно видеть, — писал в тот же день вечером Николаю II Витте, — что плоды моего двенадцатилетнего управления финансами разбились прахом, тем не менее я со страхом вижу, что придется прекратить обмен и подвергнуть Россию всем последствиям этого ужасного явления, разве только случится что-либо необыкновенное, к нашему счастью». ⁴⁷ Положение в Петербурге было настолько напряженным, что и после заключения займа «там не могли ждать, пока документы по совершенной в Париже операции придут в Петербург почтой», и спешили показать на балансе «Государственного банка 50 млн. руб. за границей». ⁴⁸ Однако это удалось сделать только 2 января 1906 г., когда было покончено с последними формальностями, связанными с заключением займа. В эти нелегкие для самодержавия дни на рубеже 1905-го и нового 1906 г. правительство Витте было близко к тому, чтобы обнародовать именной высочайший указ 16 декабря и открыто заявить о расширении эмиссионной операции Государственного банка. ⁴⁹ По-видимому, как раз в это время и была составлена сохранившаяся в делах Государственного банка, не подписанная и не датированная, принадлежавшая, надо полагать, Тимашеву записка следующего содержания: «Немедленное опубликование балансов Государственного банка на 23 декабря 1905 и на 1 января 1906 г. представляется безусловно необходимым. 1. Отсутствие баланса на 23 декабря вызовет толки о превышении эмиссионного права. 2. Получение золота за границей не изменит положения, так как провод его декабрем безусловно невозможен. 3. Если бы этот провод был сделан, то доверие к балансу Государственного банка и его администрации было бы совершенно подорвано. 4. Расширение эмиссионного права все равно неизбежно, иначе в ближайшем будущем будут те же затруднения. 5. Распубликование указа 16 декабря не только не вызовет тревоги, но, напротив, утвердит намерение правительства сохранить размен, так как всем ясно, что без такого расширения эмиссионного права мы не можем выдержать. Финансовый комитет, очевидно, не найдет другого выхода из настоящего положения». ⁵⁰

Однако ни баланс на 23 декабря 1905 г., ни указ 16 декабря 1905 г. так и не увидели свет. В самые последние дни 1905 г. правительство Витте приняло новые меры к сохранению золотого запаса. 29 декабря 1905 г. на объединенном заседании Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета было принято решение о сокращении обыкновенных и чрезвычайных расходов Военного и Морского министерств «впредь до улучшения финансового положения империи», ⁵¹ а 31 декабря 1905 г. Государственный банк разослал еще одну циркулярную депешу, обязывавшую «банковые и казначейские кассы удовлетворить требование на золото самыми незначительными суммами». ⁵²

Таким образом, налицо были и эмиссии сверх установленной законом 1897 г. нормы, и практическое прекращение размена. Всю первую половину января в Комитете финансов продолжались споры о том, объявлять или нет официально о расширении эмиссионного права Государственного банка. Коковцов, верну-

вший из Берлина (где он после парижских переговоров заключил соглашение с Мендельсоном об отсрочке платежей по краткосрочным обязательствам, размещенным у германских банкиров)⁵³ в Петербург в первых числах января (ст. ст.), столкнулся в финансовом комитете с обстановкой, весьма похожей на ту, которая была перед его отъездом. Несмотря на только что проведенную операцию, Шипов после возвращения Коковцова вновь внес на обсуждение Комитета финансов «проект указа о приостановлении размена, настойчиво мотивируя его необходимость недостаточностью размера займа и плохими сведениями из отделений Государственного банка и казначейств».⁵⁴ Однако в результате обсуждения предложений Шипова члены Комитета финансов приняли решение «собираться ежедневно, следить за ходом дела, но размена пока не приостанавливать».⁵⁵ Отсрочка решения вопроса о размене дала повод Тимашеву настаивать на безотлагательном расширении эмиссионного права Государственного банка. Тимашев констатировал продолжение отлива золота по самым различным каналам и считал необходимым объявить о расширении эмиссионного права именно теперь, после получения парижского аванса, «когда дышится легче», а не «в последнюю отчаянную минуту», которая вновь может наступить.⁵⁶ 8 января эмиссионная политика Государственного банка обсуждалась в соединенном заседании Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета. В нашем распоряжении имеются два варианта журнала этого заседания. Первый — в качестве «проекта» 9 января был прислан при сопроводительном письме для ознакомления Тимашеву и отложился в фонде Государственного банка, не получив, надо полагать, дальнейшего движения.⁵⁷ Второй, хранящийся в фонде Комитета финансов, очевидно, следует считать окончательным, ибо в таком виде он и был представлен на утверждение царю.⁵⁸ Впрочем, оба варианта существенно не отличались друг от друга. Первый вариант дает более полное представление об обстановке заседания 8 января 1906 г., на котором были высказаны соображения как за расширение эмиссионного права Государственного банка, так и против. С одной стороны, продолжавшийся отлив звонкой монеты (около 2 млн. руб. в день) и сокращение золотой наличности угрожали поставить банк перед необходимостью прекращения размена, по сравнению с которым расширение эмиссионного права, с точки зрения участников заседания, было «меньшим бедствием». С другой стороны, поскольку только что проведенная в Париже операция была обусловлена необходимостью сохранить существовавшее денежное обращение, на заседании было высказано опасение, что не только прекращение размена, но и расширение эмиссионного права Государственного банка может «неблагоприятно повлиять на заграничные финансовые сферы и затруднить переговоры о новых кредитных операциях». В связи с этим соединенное заседание Комитета финансов и Департамента государственной экономики приняло решение «закончить все подготовительные меры» к расширению эмиссионного права, «не предпринимая», однако, вопроса о времени приведения этих мер в

исполнение.⁵⁹ На заседании был выработан проект нового эмиссионного закона. Он предусматривал обеспечение золотом не менее половины находившихся в обращении кредитных билетов при условии, что общая сумма их не будет превышать 1400 млн. руб.⁶⁰ Его осуществление позволило бы правительству сделать дополнительные выпуски кредитных билетов на значительные суммы, а также допустить сокращение золотого запаса примерно до 750 млн. руб.

Как уже упоминалось выше, первый, более пространный вариант журнала, видимо, не был представлен царю, как не был представлен и составленный на его основе проект правительственного сообщения о расширении эмиссионного права Государственного банка.⁶¹ 13 января царем был утвержден второй, более лаконичный вариант журнала заседания 8 января 1906 г.⁶² Отныне министру финансов «по соглашению с председателем Совета министров в случае признания ими необходимости расширения права Государственного банка по выпуску кредитных билетов» достаточно было представить на подпись царя заготовленный для этого случая проект именно высочайшего указа, чтобы новый эмиссионный закон вступил в силу.⁶³

Подготовив, таким образом, на крайний случай и реформу денежного обращения, правительство Витте вместе с тем стремилось во что бы то ни стало отсрочить банкротство и выиграть время до получения крупного заграничного займа. В тот же день (13 января) царь утвердил сводный журнал соединенных заседаний Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета 28 и 29 декабря 1905 г. и 5 и 8 января 1906 г. (ст. ст.), предусматривавший принятие «неотложных мер» для задержки отлива золота из касс Государственного банка. Было намечено: «1) повышение нормы учетного процента, взимаемого по активным операциям банка; 2) стеснение выдачи ссуд под процентные бумаги; 3) стеснение продажи иностранной валюты и воздействия на частные банки в смысле пересрочки их заграничных кредитов для сохранения золота, полученного по репорту; 4) затруднение в разумных пределах выдач золотой монеты из касс Государственного банка».⁶⁴ Во исполнение этого последнего пункта 28 января 1906 г. управляющим конторами и отделениями Государственного банка был разослан новый циркуляр, подтверждавший циркулярное распоряжение 31 декабря 1905 г. о том, чтобы требования на золото удовлетворять «самыми незначительными суммами». Более того, конторам и отделениям банка было предложено «стягивать» золото из мелких казначейств, находящихся во второстепенных пунктах, сократив их наличность до «возможного минимума».⁶⁵

Предприняв, таким образом, целую серию мер для спасения золотого запаса и сохраняя на случай катастрофы проект нового эмиссионного закона, правительство Витте почти сразу же после возвращения Коковцова из поездки во Францию вплотную занялось подготовкой крупного заграничного займа, всеми силами стремясь придать ему международный характер. Однако главная роль в подготовке этого займа оставалась, разумеется, за париж-

ской биржей и французским правительством, от позиции которых зависела теперь судьба предстоящей операции.

По впечатлениям только что вернувшегося из Парижа Коковцова, французские банки тоже были заинтересованы в том, чтобы заем «имел отчасти международный характер». Однако «настраиваясь ... совершенно отрицательно в отношении совместных действий с германским рынком и не придавая никакого значения американскому», они с особенным вниманием относились к «возможности привлечения к участию в русском займе английского рынка», прежде всего как «силы политической», которая должна была ослабить «нападки радикальной прессы, враждебно настроенной к дальнейшему участию французского капитала в русских операциях». ⁶⁶ В не меньшей степени в привлечении Англии к финансированию России было по-прежнему заинтересовано и французское правительство, ожидавшее от нее, кроме того, обещанной поддержки в мароккском вопросе.

Естественно поэтому, что англо-русское сближение и франко-германский конфликт из-за Марокко оказались центральными политическими событиями, на фоне которых развернулась подготовка новой крупной финансовой операции.

После первого тура англо-русских переговоров об общем соглашении в октябре 1905 г. в англо-русском сближении наступила короткая пауза. В декабре 1905 г. к власти в Англии пришел либеральный кабинет, и новый министр иностранных дел Эдуард Грей обратился к русскому послу в Лондоне А. К. Бенкендорфу с предложением возобновить переговоры, однако посол отклонил это предложение, сославшись на внутреннее положение России.

За этим отказом Бенкендорфа не крылось никаких дипломатических уловок; напротив того, готовясь к переговорам о займе, русское правительство тщательно следило за тем, чтобы не давать никакого повода для обострения отношений с Англией. Ламздорф так старательно оберегал в эти дни англо-русские отношения, что его вывел из себя даже такой ничтожный на первый взгляд эпизод, как появление в одном из номеров «Нового времени» в конце декабря 1905 г. письма адмирала Рожественского, в котором незадачливый адмирал, пытаясь оправдать свои действия во время Цусимского сражения, серьезно задел англичан, написав, что английское командование перед Цусимским сражением сосредоточило часть своих военно-морских сил у Вей-хай-вея «в ожидании приказа истребить русский флот, если бы эта конечная цель Англии оказалась не под силу японцам». ⁶⁷

Опубликование в «Новом времени» столь некстати (да еще со ссылкой на разрешение морского министра) письма Рожественского привело Ламздорфа в настоящую ярость. «Могут ли подобные огульные и голословные обвинения, — писал он в тот же день с возмущением Витте, — при официальном их оттенке способствовать к установлению дружеских отношений с Англией? Во всяком случае эта бестактная и бестолковая выходка в пух разбитого адмирала идет совершенно вразрез с изложенными мне графом Бенкендорфом заявлениями нового лондонского кабинета и воз-

ложенными на имеющего на днях вернуться сюда Гардинга поручениями самого дружеского свойства».⁶⁸

В конечном счете этот эпизод никак не отразился на англо-русских отношениях, и поэтому для нас интересна только реакция на него Ламздорфа. Из его письма Витте следует также, что в Петербурге в это время ожидали возвращения из Лондона Чарльза Гардинга с новыми инструкциями относительно направления в будущем англо-русских переговоров.⁶⁹

И действительно, 23 декабря 1906 г. Гардинг приехал в Петербург и приступил к переговорам с Ламздорфом по персидскому вопросу, за которыми последовали аудиенция у Николая II и встреча с Витте. Николай II обещал Гардингу поддержать Францию на Мароккской конференции и говорил о своем удовлетворении по поводу улучшения англо-русских отношений и о своих надеждах, что эти отношения и впредь будут развиваться в том же духе.⁷⁰ Витте в самых первых числах января, еще до возвращения Гардинга в Петербург, выступил неожиданно в совершенно новом качестве — горячего поборника англо-русского сближения, и начал уже по этому поводу в отсутствие английского посла предварительные переговоры с поверенным в делах Спринг-Райсом, воспользовавшись для этой цели посредничеством Э. Диллона, к услугам которого Витте неоднократно прибегал.⁷¹

По обыкновению, Витте повел крупную игру, сделав попытку взять все дело англо-русского сближения в собственные руки. К моменту возвращения Гардинга в Петербург Витте уже поставил вопрос о приезде Эдуарда VII в Россию для непосредственных переговоров с Николаем II, выступив тем самым, по удачному определению Б. А. Романова, как бы с проектом русско-английского Бьерке.⁷² Этим новым Бьерке Витте, конечно, рассчитывал не только подкрепить совсем пошатнувшийся престиж самодержавия и продвинуть дело с международным займом, но и нажить некоторый личный капитал. Удайся этот замысел Витте с русско-английским Бьерке — и он сам снова оказался бы в центре международных событий и вновь, как это было в дни Портсмутской конференции, получил бы возможность выступить на международной арене в роли вершителя судеб России, оттеснив на второй план представителей официальной дипломатии. Однако предложение Витте, хотя и получило поддержку Николая II, не встретило сочувствия у английского правительства, которое пока что склонно было действовать более осторожно и на данном этапе (в январе 1906 г.) в отношениях с Россией ставило перед собой ряд совершенно конкретных задач: при наличии уже достигнутого единства взглядов с Россией на критский и македонский вопросы добиться еще сохранения status quo на Среднем Востоке, особенно в Персии, и поддержки русской стороной Франции на конференции в Алжире.⁷³

Французское правительство также ждало от России выполнения данного ею обязательства — поддержать Францию в мароккском вопросе, который, таким образом, оказался самым тесным образом связанным с предстоящим займом. И Витте с самого начала взял под контроль не только непосредственную подготовку

займа в Париже, но и политическое обеспечение его в Марокко. «Мне теперь крайне и безусловно необходимо иметь постоянные сведения о ходе и шансах к благоприятному окончанию Мароккской (Алжезирасской. — Б. А., Р. Г.) конференции, — писал он 5 февраля министру иностранных дел Ламздорфу. — Это ныне центральный вопрос нашего политического положения».⁷⁴ Только что избавившись от страха перед неминуемым, казалось, банкротством в декабре 1905 г., русский премьер с января 1906 г. был постоянно озабочен тем, чтобы поскорее и «успокоительно» кончилась Алжезирасская конференция, сознавая, что если она затянется надолго, русские «финансы не выдержат».⁷⁵ При этом спешить с займом царское правительство побуждала и перспектива созыва в апреле 1906 г. Государственной думы, самый факт существования которой мог осложнить проведение заграничной финансовой операции.

Поскольку обещание французского правительства помочь в организации русского займа только после завершения Алжезирасской конференции очень скоро перестало быть секретом, Витте не делал никаких попыток как-то маскировать перед немцами позицию России в мароккском конфликте. Он даже нарочито демонстрировал перед правительством Вильгельма II очевидную связь мароккского конфликта с внутривластным положением самодержавия. Пытаясь повлиять на германскую дипломатию и склонить ее к уступкам в Алжезиrase, Витте прежде всего подчеркивал, что революционное движение в России представляет опасность и для Германии и затрагивает ее интересы как монархической державы.⁷⁶

Стремясь во что бы то ни стало «добыть деньги до созыва Государственной думы», Витте обратился с личным письмом к Вильгельму II, в котором просил германского императора способствовать благополучному окончанию Алжезирасской конференции и тем помочь в заключении займа до созыва Думы, чтобы русскому правительству не пришлось решать этот вопрос, имея дело «с мало дисциплинированной и политически невоспитанной толпой».⁷⁷

«Я ... уверен, — писал Витте, что революционеры избрали Россию для испробования своих сил, и если они не потерпят поражения, то революция перейдет за наши границы: тому пример французская революция. Поэтому желательно, чтобы воцарилась у нас тишина».⁷⁸

Если бы удалось в полной мере, как это пытался Витте, использовать ненависть Вильгельма к русскому революционному движению и тем самым повлиять на позицию германской делегации в Алжезиrase, то русская сторона могла бы ограничиться ролью посредника во франко-германском конфликте и, не обостряя отношений с Германией, выполнить свои обязательства перед Францией. Однако это не удалось, обращения Витте к Вильгельму не дали значительных результатов, и русской дипломатии пришлось выступать в мароккском конфликте открыто и определенно на стороне Франции, сделав всю ставку на ее помощь.

Если политическое обеспечение займа Витте осуществлял фактически в открытую, то его непосредственная подготовка до поры до времени была законспирирована. Ее Витте начал совершенно секретно и непосредственно через Рувье. В январе 1906 г. русский финансовый агент в Париже Рафалович нанес специальный визит Рувье, результаты которого Рафалович лаконично передал в одной только фразе, сказанной Рувье: «Поддержка в Алжезирасе и — русский заем». После этого Рафалович был вызван в Петербург и вернулся в Париж уже со специальным посланием Витте, которое немедленно вручил Рувье. В послании Витте настаивал на срочности операции и готов был принять на себя известные обязательства.⁷⁹ По согласованию с Витте и Рувье 2 февраля прямо в Царское Село, без остановки в Петербурге, секретно, под фамилией своего лакея Бернара приехал Нецлин. Он остановился в запасном доме дворца вел. кн. Владимира Александровича, где в течение двух дней вел переговоры с Витте, Шиповым и Ламздорфом, во время которых были выработаны предварительные условия предстоящего займа.⁸⁰ 6 февраля Нецлин уже вернулся в Париж. Но переговоры с банками он мог начать не иначе как с разрешения французского министра финансов, ибо операция подобного масштаба была признана принадлежащей компетенции правительства.⁸¹ Попытки Витте добиться открытия переговоров о займе до окончания работы конференции оказались безуспешными. Более того, вопрос о займе осложнился еще в связи с отставкой 23 февраля 1906 г. правительства Рувье. Смена кабинета не изменила отношения во Франции к русскому займу, однако многое пришлось начинать сначала. Встречи русского посла с новым премьером Сарр'еном и министром финансов Пуанкаре состоялись лишь в начале марта. Пуанкаре обещал свою помощь, но только после завершения Алжезирасской конференции. Между тем время шло, и перед самодержавием опять реально возникла перспектива очень близкого финансового краха. Трудности и неудачи в переговорах о займе держали Витте все это время, в январе—марте 1906 г., почти в том же паническом состоянии, в котором он пребывал в декабре 1905 г., о чем свидетельствуют крохотные, но звучащие весьма выразительно, адресованные Ламздорфу и бережно им сохраненные карандашные записки Витте, написанные во время заседания Совета министров 27 января и 10 марта 1906 г.: «Алжезирас, ради бога!», «Ради бога, Алжезирас!».⁸²

«В оптимистические телеграммы Нелидова, — писал Витте Ламздорфу 15 марта 1906 г., — относительно готовности французского правительства разрешить нам сделать во Франции заем я, признаюсь, понемногу теряю веру. Боюсь, что Нелидов излишне доверяет французам. Пожалуй, кончится тем, что во Франции мы ничего не добьемся, а с Германией он нас, пожалуй, и поссорит... Мы находимся на волоске от денежного (а следовательно, и общего) кризиса. Перебиваемся с недели на неделю, но всему есть предел. Об этом я кричу уже три месяца».⁸³

Когда 18 марта в Алжезирасе наконец было достигнуто соглашение и Пуанкаре разрешил Нелидову начать переговоры с бан-

кирами, самодержавие находилось уже на краю банкротства. «Как бы в ближайшие недели чего не случилось, чтобы опять сорвало дело! Тогда пропадем», — реагировал Витте на известие об окончании конференции.⁸⁴ Однако возникшие на пути правительства трудности с завершением переговоров о займе теперь уже носили второстепенный характер.

В последних числах марта Коковцов выехал в Париж для окончательного оформления операции, которую он, испытав горечь новых унижений при переговорах с членами французского кабинета, особенно с Клемансо, довел до подписания контракта. Практически для выпуска займа было все готово еще 3 апреля 1906 г., однако указ о его выпуске был опубликован только 9 апреля, на следующий день после подписания в Париже протокола совещания начальников русского и французского штабов, состоявшегося, по предложению французского правительства, как раз в самый момент завершения переговоров о займе.⁸⁵

Российский государственный 5 %-й заем 1906 г. был заключен на сумму в 2250 млн. франков, из которых 1200 млн. взяла на себя Франция, 330 млн. — Англия, 165 — Австрия, 55 — Голландия и 500 млн. — русские банки. Придать займу более широкий международный характер так и не удалось — отказались от участия в нем немецкие, итальянские, американские и швейцарские банки. Вместо международного получился явно антантовский заем, замаскированный участием в нем австрийских банков.⁸⁶

Несмотря на огромный размер только что совершенного займа, и после него финансовое положение России продолжало оставаться нелегким. К концу 1906 г. котировка русских ценных бумаг на западных биржах все еще была значительно ниже того уровня, на котором она находилась к началу войны. «Расценки государственных бумаг России», судя по заявлению Шипова, сделанному им на заседании Комитета финансов 18 ноября 1906 г., упали «ниже займов Китая, Турции, Балканских государств, Южно-Американских республик».⁸⁷ Примечательно, что наряду с другими фондами в начале ноября 1906 г. на петербургской бирже наблюдалось понижение цен и на 5 %-й заем 1906 г., вызванное «не столько крупными предложениями этого займа, сколько полным отсутствием на него покупателей». Опасаясь, чтобы «резкое падение» курса нового займа не оказало влияния на «общее настроение» фондового рынка, министр финансов образовал специальный «синдикат из двух крупных частных банков с Государственным банком во главе» для обеспечения устойчивого курса этого займа. Поскольку оба частных банка, вошедших в синдикат, не имели свободных средств, необходимые суммы для покупки облигаций займа авансировал Государственный банк при условии, что окончательные расчеты по операции будут произведены после ликвидации синдиката. Сумма, в пределах которой синдикат мог совершать покупки облигаций, была определена в 4500 тыс. руб.,⁸⁸ однако в декабре 1907 г. она была увеличена вдвое, а операции синдиката распространены и на 5 %-е внутренние займы 1905 г.⁸⁹ И все-таки теперь всеми правдами и неправ-

дами российское правительство постепенно выбиралось из пропасти финансового кризиса.

Итак, в апреле 1906 г. французская биржа вторично спасла царизм от неминуемого финансового банкротства.⁹⁰ Теперь, разумеется, можно только строить предположения о том, что произошло бы в случае провала переговоров о займах во Франции в декабре 1905 г. или в апреле 1906 г. и как отразилось бы финансовое банкротство правительства Витте на ходе первой русской революции. Несомненно только, что даже самый факт официального правительственного заявления о прекращении размена способствовал бы дальнейшему обострению внутрисполитического кризиса в стране.

¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. Л., 1955. С. 599.

² Коковцов В. Н. Из моего прошлого. М., 1992. Т. I. С. 97.

³ Там же. С. 97.

⁴ Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг.: РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 48. Л. 26—27. См. также официальное письмо Тимашева от 20 октября 1905 г. о событиях, происходивших в Государственном банке с 14 по 18 октября, адресованное Е. Д. Львову (РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 234. Л. 9—19). Революционные события отразились и на деятельности провинциальных отделений банка. По неполным данным, которыми располагал Тимашев, 17 октября были закрыты конторы в Харькове и Красноярске, в Московскую контору явилось на службу 70 человек из 300, отделения в Ростове-на-Дону, Киеве, Курске, Ашхабаде работали «под усиленной воинской охраной» (Там же. Л. 18).

⁵ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. I. С. 99.

⁶ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 601.

⁷ Там же; DDF, 2/VIII, N 110. P. 149—151.

⁸ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 601; DDF, 2/VIII. N 11. P. 149—151.

⁹ До русско-японской войны Государственный банк придерживался прямо противоположной кассовой политики. После проведения денежной реформы определенная часть платежей Государственного банка произ-

водилась обязательно золотом с тем, чтобы обеспечить приток в обращение звонкой монеты. С этой же целью были изъяты из обращения кредитные билеты мелких купюр в 1 руб., 5 руб., 10 руб., а также ограничен выпуск трехрублевых билетов. К 1899 г. по мере развития золотого денежного обращения необходимость принудительных выдач золотой монеты отпадала, когда резко увеличивалось число хлебных торговых сделок и ощущался недостаток в кредитных билетах. Это извлекло правительство от необходимости производить их специальные дополнительные выпуски. За все время после реформы только один раз в августе 1903 г. «для оборотов по хлебной кампании» было выпущено на 25 млн. руб. кредитных билетов, изъятых из обращения в ноябре того же года (см. представление В. Н. Коковцова в Комитет финансов «О кассовой политике Государственного банка», не позднее 2/15 апреля 1907 г. (РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1670. Л. 119).

¹⁰ Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. I. С. 106.

¹¹ Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг. Л. 31.

¹² Положение Государственного банка и денежного обращения с октября 1905 г. по апрель 1906 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 503. Л. 24—25. С 16 ноября по 1 декабря отлив золота из сберегательных касс составил 48 млн. руб., с 1 по 16 декабря — 62,8 млн. руб.

¹³ Об отчете Государственного банка за 1905 г. Журнал Государственного совета от 7 июня 1907 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 65. Л. 27—28. По

- мнению Б. А. Романова, «финансовый манифест» не сыграл сколько-нибудь значительной роли «в полете царизма к банкротству», поскольку финансовый бойкот правительства и до того осуществлялся «в массовых масштабах уже не первый день» спасавшими свое состояние представителями «господствующих классов» (см.: Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 611—612).
- 14 Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг. Л. 34.
- 15 Г. А. Виленкин — И. П. Шипову, 9/22 декабря 1905 г.: РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 278. Л. 45. В конце ноября Тимашев получил распоряжение министра финансов о высылке в Берлин слитков золота из золотого запаса Государственного банка на 50 млн. руб. и о депонировании этого золота в Рейхсбанке на счета банкиров «Мендельсон и К°» (И. П. Шипов — С. И. Тимашеву 24 ноября 1905 г.: РГИА. Ф. 588. Оп. 3. Д. 1876. Л. 1).
- 16 И. П. Шипов — Г. А. Виленкину, 12(25) декабря 1905 г.: РГИА. Ф. 560. Оп. 22. Д. 278. Л. 46.
- 17 Представление И. П. Шипова в Комитет финансов, не позднее 18 ноября 1905 г.: РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 447. Л. 1—3.
- 18 Журнал Комитета финансов 18 ноября 1905 г.: Там же. Л. 9.
- 19 Журнал Комитета финансов 3 декабря 1905 г.: Там же. Д. 451. Л. 1—2.
- 20 Журнал Комитета финансов 5 января 1906 г.: Там же. Д. 455. Л. 1—3.
- 21 Журнал Комитета финансов 3 декабря 1905 г.: Там же. Д. 451. Л. 1—2.
- 22 Журнал Комитета финансов 5 января 1906 г.: Д. 455. Л. 1—3. Только к апрелю 1906 г. на германском рынке реализовано на 89,2 млн. руб. обязательств Государственного казначейства, в русской валюте их было выпущено к тому же времени на 90,5 млн. руб. (см.: РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 458. Л. 1—2).
- 23 Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. С. 109. См. также: Журнал Комитета финансов 3 декабря 1905 г.; Сидоров А. Л. Финансовое положение царского самодержавия в период русско-японской войны и первой русской революции // Исторический архив. 1955. № 2. С. 125—126. Полемика, о которой пишет Коковцов, не нашла своего отражения в журнале заседания, что касается доклада Шипова, то он отсутствует в деле, материалы которого опубликованы А. Л. Сидоровым.
- 24 Циркуляр о порядке производства кассовых выдач от 7 декабря 1905 г., № 9а: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 104. Л. 51—51 об.
- 25 Журнал Комитета финансов 14 декабря 1905 г. // Исторический архив. 1955. № 2. С. 127—128.
- 26 Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. С. 116.
- 27 Там же.
- 28 Исторический архив. 1955. № 2. С. 127—128.
- 29 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 454. Л. 26—28.
- 30 Исторический архив. 1955. № 2. С. 130.
- 31 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 454. Л. 20. Интересно отметить, что сам журнал Комитета финансов 14 декабря был представлен царю и утвержден им только 30 декабря 1905 г.
- 32 Высочайший указ 16 декабря так и не был опубликован, в течение двух лет его держали в тайне, а затем 30 ноября 1907 г. он был уничтожен собственноручно царем (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 454. Л. 56—57).
- 33 Исторический архив. 1955. № 2. С. 132.
- 34 Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. С. 112.
- 35 Там же. С. 120.
- 36 Там же.
- 37 Там же. С. 119.
- 38 Там же. С. 122.
- 39 Русские финансы и европейская биржа: Сб. док-тов. Материал подготовлен к печати Б. А. Романовым. М.; Л., 1926. С. 239. Первоначально эта телеграмма была опубликована Б. А. Романовым в «Красном архиве» (1925. № 3. С. 34). Возможно, что сборник «Русские финансы и европейская биржа» и не попал в руки Коковцова, но за публикациями документов в «Красном архиве» Коковцов следил и был с ними знаком (см.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. С. 123, 130). Таким образом, некоторые несоответствия написанного Коковцовым в воспоминаниях содержанию опубликованных документов едва ли можно объяснить просто ошибками памяти.
- 40 В воспоминаниях Коковцова речь идет только об одной встрече с Рувье, в то время как Коковцов встречался с ним в эти дни несколько раз.
- 41 Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. С. 117.

- 42 По условиям контракта во Франции размещались выпущенные на основе указа 9 декабря обязательства (векселя) Государственного казначейства сроком на 12 месяцев (до 13 января н. ст. 1907 г.) с учетом из 5,5 % при комиссионном вознаграждении в 1 $\frac{1}{4}$ %, 0,5 % вексельного сбора и около 1 $\frac{1}{6}$ % операционных издержек. Общая стоимость займа была определена Кредитной канцелярией примерно в 7,82 % годовых. Вырученная по векселям сумма должна была поступить в распоряжение Министерства финансов по четвертам 5 апреля, 5 мая, 5 июня и 5 июля н. ст. 1906 г. (Б. Ф. Малешевский — С. И. Тимашеву, 21 февраля 1906 г. (РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1653. Л. 3—4).
- 43 С. Ю. Витте — В. Н. Коковцову, 22 декабря 1905 г. // Русские финансы... С. 239.
- 44 Всеподданнейшая записка С. Ю. Витте 25 декабря 1905 г.: (ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 317. Л. 2—3).
- 45 Романов Б. А. Россия в Маньчжурии. Л., 1928. С. 529. Б. А. Романов приводит обнаруженное им в фонде Государственного банка письмо Тимашева (без обращения и даты), заканчивавшееся словами: «...баланс на 23 дек. публиковать нельзя, а задерживать публикацию долее нескольких дней — немыслимо, впечатление будет отчаянное. Тимашев» (там же). Интересно сопоставить этот документ с соответствующим местом «Записок» Тимашева, составленных в 1919 г. в Петрограде, в которых задержка публикации баланса Государственного банка объясняется только техническими причинами — «неполучением отчетности из ряда местных учреждений». «На 1 января 1906 г., — писал Тимашев, — баланс уже констатировал улучшение счетов, устранявшее опасность для размена. После этого, когда получена была запоздавшая отчетность и заключен баланс на 23 декабря, то оказалось, что сумма непокрытых золотом билетов в обращении превысила на указанное число норму, установленную законом 1897 г. Будь отчетность получена своевременно, банк был бы формально обязан приостановить размен» (Записки С. И. Тимашева 1903—1906 гг.: РГАЛИ. Ф. 1208. Оп. 1. Д. 48. Л. 42).
- 46 Всеподданнейшая записка С. Ю. Витте 25 декабря 1905 г.: ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 317. Л. 2—3.
- 47 Всеподданнейшая записка С. Ю. Витте 27 декабря 1905 г.: ГАРФ. Ф. 543. Оп. 1. Д. 317. Л. 6—7.
- 48 Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 616.
- 49 См.: С. Ю. Витте — В. Н. Коковцову, 2 1906 г. // Русские финансы... С. 251.
- 50 РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1667. Л. 18.
- 51 Журнал Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета 29 декабря 1905 г. // Исторический архив. 1955. № 2. С. 141—142.
- 52 РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 104. Л. 53—53 об.
- 53 Коковцов дал согласие на увеличение комиссионного вознаграждения германским банкирам с 1 $\frac{1}{2}$ до 2 $\frac{1}{8}$ %, если они разместят до 18 января 1906 г. краткосрочные обязательства (сверх реализованных в декабре на 52 750 тыс. марок) еще на сумму в 32 400 тыс. марок. Комиссионное вознаграждение банкирам должно было возрасти до 2 $\frac{1}{4}$ % в случае, если банкиры до 30 января 1906 г. заявят о своей готовности взять обязательства еще на сумму в 32 400 тыс. марок. Кроме того, было условлено, что приобретатели обязательств сохраняют право на дополнительное вознаграждение в 1 $\frac{1}{4}$ % вплоть до 17 апреля 1906 г. (РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 455. Л. 1—3).
- 54 Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. С. 123—124.
- 55 Там же.
- 56 Записка С. И. Тимашева «О расширении эмиссионного права Государственного банка», не позднее 9 января 1906 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1667. Л. 14—16.
- 57 РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1667. Л. 20—30. На сопроводительном письме Тимашеву карандашная помета: «Не состоялось».
- 58 Этот вариант журнала соединенного заседания 8 января 1906 г. опубликован А. Л. Сидоровым (Исторический архив. 1955. № 2. С. 142—145).
- 59 Журнал соединенного заседания Комитета финансов и Департамента государственной экономики Государственного совета 8 января 1906 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1667. Л. 20—30.
- 60 Первоначально предполагалось установить предельную сумму выпуска кредитных билетов в размере

- 1500 млн. руб. (Исторический архив. 1955. № 2. С. 144; РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1667. Л. 20—30).
- 61 Сохранился черновой карандашный набросок проекта правительственного сообщения о расширении эмиссионного права Государственного банка (РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1667. Л. 31—33).
- 62 РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 454. Л. 44.
- 63 Исторический архив. 1955. № 2. С. 145. Проект именного высочайшего указа о расширении эмиссионного права Государственного банка см.: РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 454. Л. 49.
- 64 Исторический архив. 1955. № 2. С. 148.
- 65 Циркуляр управляющим конторами и отделениями Государственного банка «О порядке производства кассовых выдач» 28 января 1906 г.: РГИА. Ф. 587. Д. 104. Л. 50—50 об.
- 66 Отчет В. Н. Коковцова Комитету финансов, не позднее 15 января 1906 г. // Русские финансы... С. 263.
- 67 Новое время. 21 декабря 1905 г./3 января 1906 г. № 1069.
- 68 В. Н. Ламздорф — С. Ю. Витте. 21 декабря 1905 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 341. Л. 1.
- 69 Приезд Чарльза Гардинга в Петербург в январе 1906 г. для переговоров приобретал особое значение в связи с тем, что еще в ноябре 1905 г. стало известно о предстоящем назначении Гардинга на пост заместителя министра иностранных дел. Назначение это находилось в прямой связи с намерениями английского правительства достичь соглашения с Россией. Как сообщал из Лондона германский посол в Англии Меттерних, сам Гардинг в связи с предстоящим назначением заявил «одному общему знакомому», что он надеется на новом посту продолжать работать над делом установления взаимопонимания с Россией и рассчитывает на успех, так как «со времени войны русское правительство стало значительно уступчивее и мягче, чем прежде» (Телеграмма Меттерниха в Министерство иностранных дел 2/15 ноября 1905 г.: GP. 25/1. № 8501).
- 70 Чарльз Гардинг — Эдуарду Грею, 28 декабря 1905 г./10 января 1906 г.: BD. V. N 206.
- 71 Подробно о переговорах, которые Гардинг вел в январе 1906 г. в Петербурге с Николаем II и Витте, см.: Романов Б. А. Очерки дипломати-
- ческой истории русско-японской войны. С. 618—621.
- 72 Там же. С. 621.
- 73 Вопрос о возможности приезда Эдуарда VII в Россию оставался в поле зрения английской и русской дипломатии вплоть до марта 1906 г. 9/22 марта Эдуард VII высказался достаточно определенно против поездки в Россию, заметив, что он «не видит особенного смысла в этой поездке потому, что он ничего не мог бы сделать для улучшения положения в России, и потому, что английское общественное мнение, возможно, не одобрило бы эту поездку» (Lee S. King Edward VII: A Biography. London; New York, 1927. Vol. 2. P. 565; Churchill R. P. The Anglo-Russian convention of 1907. Iowa, 1939. P. 113). Следует сказать, что эта точка зрения Эдуарда VII на поездку в Россию встречала полную поддержку в Министерстве иностранных дел, в том числе и в лице его руководителя Эдуарда Грея (BD. IV. N 231). С другой стороны, и в России весной 1906 г. утратили к ней интерес по мере того, как царизм начал выбираться из пропасти финансового кризиса. Витте же, когда его затея не удалась, по обыкновению, сделал вид, словно он и не имел никакого отношения к переговорам, которые велись Диллоном. «По поводу выписки из секретного донесения графа Бенкендорфа о разговорах Диллона в Англии, — писал Витте Ламздорфу в марте 1906 г., — считаю полезным поставить вас в известность, что о поездке Диллона в Англию мне не было известно — никогда по этому предмету я с ним разговоров не вел, только раз по поводу его замечания, что, по видимому, наш двор относится не особенно сердечно ко двору английскому, я ему сказал, что этого я не замечаю, но если бы это было так, то, может быть, оно могло иметь основания в том обстоятельстве, что нашему императору до сих пор не отдан визит, который наш государь сделал Англии в начале своего царствования» (С. Ю. Витте — В. Н. Ламздорфу, 15 марта 1906 г.: ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 381. Л. 437—474).
- 74 С. Ю. Витте — В. Н. Ламздорфу. 5 февраля 1906 г.: ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 381. Л. 445.
- 75 С. Ю. Витте — В. Н. Ламздорфу, 13 января 1906 г. Л. 441.

- ⁷⁶ Витте С. Ю. Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 г., спасший положение России. С. 13—14.
- ⁷⁷ Там же. С. 13.
- ⁷⁸ Там же. С. 14.
- ⁷⁹ А. Г. Рафалович — С. Ю. Витте. 11(24) марта 1906 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 879. Л. 2—2 об.
- ⁸⁰ См.: Коковцов В. Н. Из моего прошлого. Т. 1. С. 132.
- ⁸¹ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 625—626.
- ⁸² С. Ю. Витте — В. Н. Ламздорфу. 27 января и 10 марта 1906 г.: ГАРФ. Ф. 568. Оп. 1. Д. 381. Л. 444, 468.
- ⁸³ С. Ю. Витте — В. Н. Ламздорфу. 15 марта 1906 г.: Там же. Л. 473—474.
- ⁸⁴ С. Ю. Витте — В. Н. Ламздорфу. 18 марта 1906 г.: Там же. Л. 480—481.
- ⁸⁵ Романов Б. А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны. С. 634.
- ⁸⁶ Там же. С. 633—634.
- ⁸⁷ Журнал Комитета финансов 18 ноября 1906 г.: РГИА. Ф. 563. Оп. 2. Д. 464. Л. 7 об. Характеризуя фи-

нансовое положение страны, Шипов отметил, что если в марте 1904 г. государственная 4%-я рента расценивалась по 93,5%, а закладные листы государственного Дворянского земельного банка по 91⁷/₈%, то в ноябре 1906 г. эти же бумаги соответственно стоили 74¹/₄% и 68%. Учетный процент Государственного банка для трехмесячных векселей поднялся за это время с 5,5 до 7,5%. Наконец, свободная наличность Государственного казначейства на 1 января 1904 г. достигла 381,3 млн. руб., а на 1 января 1906 г. по отчету Государственного контроля за 1905 г. был исчислен недостаток средств Государственного казначейства в размере 158 млн. руб. (Журнал Комитета финансов 18 ноября 1906 г.: Там же. Л. 5 об.).

⁸⁸ Всеподданнейшая записка В. Н. Коковцова, не позднее 3 ноября 1906 г.: Там же. Ф. 587. Оп. 56. Д. 350. Л. 10—10 об.

⁸⁹ Всеподданнейшая записка В. Н. Коковцова, не позднее 28 декабря 1907 г.: Там же. Л. 9—9 об.

Глава 4

ПРЕМЬЕР И ПЕЧАТЬ. ПАДЕНИЕ КАБИНЕТА С. Ю. ВИТТЕ

Влияние на русскую и иностранную прессу было для Витте важным во всех отношениях делом.

По словам Спасского, он помогал Витте в организации воздействия на европейскую и русскую прессу с тем, чтобы воспрепятствовать освещению ею карательных действий властей. «В сводках обзора иностранной печати, которые подавались мною графу два раза в неделю, красный карандаш графа изображал то знаки вопроса, то восклицания, то пометку на газете: „необходимо опровергнуть!“», — писал Спасский. Витте был озабочен тем, что газетные сообщения о карательных действиях помешают ему в получении большого заграничного займа. Но добиться нужного эффекта было нелегко. «При той совершенно неограниченной свободе для иностранных корреспондентов посещать места, охваченные восстанием, и видеть воочию действия военных отрядов, правда, подвергая себя очень большому риску попасть под казачью плетку, а то и под пулю ..., трудно было все это опровергать, — писал Спасский. — Для графа Витте оставалось одно: перехватывать корреспондентские писания, т. е. попросту их у корреспондентов покупать: дальше корзинки под столом графа Витте они не шли. Принимались, конечно, и запретительные меры в смысле запрещения посещать места, охваченные восстанием. Однако революционная часть русского общества не дремала и в свою очередь обильно снабжала корреспондентов европейских газет всеми подробностями о том, что в действительности было и чего не было. Но и того, что действительно имело место, было достаточно, чтобы скомпрометировать новый так называемый „конституционный режим“. Все это заставляло меня как составителя информации, точнее сказать инспирации, для иностранных газет, что делалось, конечно, через посредство их представителей в Петербурге, хорошо оплачивать их из секретных фондов. Ко-

нечно, по Сеньке и шапка. Крупнейшие газеты получали по сравнению с другими значительно больше.

Иначе обстояло дело с русским общественным мнением. Очевидность „диких излишеств“ начальников карательных отрядов ни от кого нельзя было скрыть».¹

В канцелярии председателя много времени уделялось разного рода сообщениям для газет. Иногда Витте писал их сам, «но всегда просил сделать нужные редакционные исправления».² Широко используя печать в своих собственных и общеправительственных целях, подобно тому как он это делал на прежних постах, Витте дал в этом пример своим преемникам на посту премьера.

Он старался вести дело по-западному, изучая печать как выразительницу общественного мнения и воздействуя на него с ее помощью.

«Мои ежедневные доклады у графа бывали по вечерам, после обеда, — писал А. А. Спасский-Одынец. — Сергей Юльевич засиживался до двух часов утра. Его последней работой был просмотр большой объемистой папки газетных вырезок за каждый день... Конечно, особенным вниманием графа отмечались все критические статьи по адресу правительства. Редкие газеты его не критиковали и, пользуясь тогдашней свободой печати, откровенно бранили. Одни фельетоны почтенного Дорошевича в московском „Русском слове“ чего стоили. Все это нервировало графа. Однако три газеты были в особенном положении. Это „Новое время“, „Свет“ В. В. Комарова и, как это ни покажется удивительным, газета „Русские ведомости“: эти три газеты читал государь. Об остальных он отзывался: „паршивцы“, „дрянь“ и еще крепче... Их кто-то для его величества прочитывал, — вероятнее всего, генерал Трепов. Об этом можно судить по тем отметкам на страницах, которые посылались председателю Совета министров, как например: „Сергей Юльевич! Неужели мое правительство так беспомощно, что не имеет законных средств посадить на скамью подсудимых эту революционную с...?“ — особенно четко выписывалось последнее слово. Все это послужило основанием для выпуска газеты „Русское государство“ как вечернего приложения к „Правительственному вестнику“... Это была четвертая газета, которую внимательно читал государь.

Кроме этих папок вырезок из русских газет, я представлял два обзора в неделю европейской и американской прессы. Это была работа состоявшего при мне моего частного секретаря-переводчика, некоего Казакевича. Представляя эти обзоры графу, я в некоторых, особо важных случаях тут же представлял проект тех „инспираций“, которые были чрезвычайно нужны в те недели и месяцы, когда Коковцовым, при непосредственном руководстве Витте, велась в Париже переговоры о миллиардном займе. Делалось это в форме заготовленной статьи на двух, французском и английском, языках за исключением господина Диллона, корреспондента английской „Дейли телеграф“, — которому, и именно ему наиболее часто, — на русском языке, так как он неплохо им владел. Все эти правительству нужные корреспонденты, кроме оплаты, так сказать „поштучно“, т. е. за напечатание нужного пра-

вительству текста, получали ежемесячное пособие, достаточное для оплаты пребывания в гостинице с полным содержанием. Конечно, это касалось только больших европейских газет».³

Предметом особой гордости премьера явилась созданная им газета «Русское государство». Докладывая 23 января царю о предстоявшем ее появлении как официозного вечернего издания при официальном «Правительственном вестнике» наряду с вопросом «о необходимости оживления „Сельского вестника“», пропагандистского органа, традиционно существовавшего при «Правительственном вестнике», Витте выражал надежду на то, что «Русское государство» «будет иметь большое количество читателей и будет устранять всю ложь, которую ежедневно по всей России разносят газеты».⁴ «Когда я сделался председателем Совета, то для того чтобы давать обществу надлежащие объяснения и для опровержения всевозможных выдумок, которыми кишели все газеты, особенно ввиду того, что в то время вся пресса, не исключая таких услужливых органов, как „Новое время“, прямо революционизировалась, я основал правительственный орган под заглавием „Русское государство“ (который издавался „Правительственным вестником“), но в более литературной и более свойственной ежедневным газетам форме, — писал Витте в воспоминаниях. — Мысль об издании такой газеты мне дал [С. С.] Татищев (бывший дипломат, человек весьма способный, известный в литературе, особенно в журнальной, автор истории Александра II, сотрудник „Нового времени“, был одно время агентом Министерства финансов в Лондоне, когда я был министром финансов, но по моему желанию должен был покинуть этот пост и поступить в Министерство внутренних дел к Плеве); Александр III со свойственной ему прямолинейностью почитал его человеком ненадежным, но при императоре Николае II он благодаря своей талантливости и нетвердости в принципах пользовался некоторым фавором. Я предполагал Татищева редактором этой газеты, но как раз в это время он умер, и я назначил исправляющим должность редактора А. Н. Гурьева, так как его величество, имея от генерала Трепова неблагоприятные сведения о Гурьеве, не согласился на его назначение редактором и не желал отказать мне в моем представлении, то соизволил решить, чтобы он, Гурьев, был в действительности редактор, а подписывал бы газету другой из „Правительственного вестника“. Таким образом явилась правительственная газета, так сразу и оглашенная под действительным редакторством Гурьева. Газета эта издавалась талантливо, проводя мысли правительства».⁵

Витте не случайно так подробно остановился на эпизоде с назначением Гурьева. Во-первых, Гурьев был на протяжении ряда лет его литературным сотрудником. Во-вторых, нам приходилось уже писать о том, что статья без подписи из «Русских ведомостей» с требованием мира с Японией, которую Витте в вызывающей манере послал графу Гейдену в июне 1905 г. для передачи царю, осталась в царской памяти как принадлежащая Гурьеву. Поэтому в мемуарах и были подчеркнуты заслуги Гурьева в ведении газеты.

В описании Спасского более значительной выглядит его собственная роль в этой газете, которую Витте, по его словам, создал для единственного читателя — самого царя. Спасский заявлял, что Витте, «кроме чистой информации и прикровенной „инспирации“», поручил ему в качестве важнейшей темы в газете обсуждавшиеся проекты основных законов. «Центром той темы было сохранение в полной неприкосновенности самодержавия при отсутствии его неограниченности, точнее сказать, при ограниченности его законодательной властью Думы и Государственного совета, ... — писал Спасский. — Тема очень обострившаяся ко времени рассмотрения основных законов. Отношение к ним, особенно к термину „неограниченный“, самого государя было двойственно, как двойственен был и характер государя — то „сугубо неограниченно самодержавный“, то „глубоко покаянный, милостиво снисходительный, полный жертвенной любви“, искавший лучшего применения этой любви».⁶

Спасский сообщает, что статьи в «Русском государстве», «главные из которых, руководящие», писались им самим и просматривались председателем Совета министров, служили Витте «пробным шаром» и давали возможность в случае неодобрения сослаться на «недомыслие» автора статьи. Иногда, наоборот, Витте говорил: «Это не может не понравиться государю» или «Государь остался доволен Вашей вчерашней передовицей». Статья Спасского, названная им в воспоминаниях «На запятках революции», повлекла за собой его приглашение к царю.⁷ Впрочем, в другом месте Спасский в известном противоречии с этим утверждает, что статьи «Русского государства» предварительно просматривались царем, т. е. фактически Треповым.⁸

Газета занималась «разъяснением и опровержением всего того, что касалось „восстановления порядка“», — писал Спасский. «Термина „карательная экспедиция“, конечно, на страницах не было, — объяснял он. — Здесь нужно было соблюсти и видимость правды опровержения „зверств карателей“ и в то же время доказать разумную необходимость мер правительства по водворению порядка и восстановлению нормального хода общественной жизни». Другой задачей газеты, указывал он, «была полуприкрытая инспирация для иностранной печати. Здесь роль моя, ведавшего этой частью, упрощалась с помощью кн. М. М. Андронникова и еще более с помощью Э. Диллона, английского корреспондента газеты „Дейли телеграф“, верного друга графа, неплохо владевшего русским языком». Газета отстаивала западный заем против левой печати, ставившей вопрос о самом праве правительства заключать займы накануне созыва законодательной Думы.⁹

Смертельным врагом Витте со дней октябрьских переговоров 1905 г. о формировании виттевского кабинета был А. И. Гучков со своим «Голосом Москвы». В связи с созданием «Русского государства» он заявил Спасскому: «Мы не перестанем изобличать временщика во лжи и зверствах, бессудных расправах и, прежде всего, в умышленном оттягивании срока созыва Государственной думы ... Вы с Вашим Витте поливаете пожарище керосином. Витте всем пыль впускает в глаза своей конституционностью, а на

деле показывает себя палачом ... Впрочем, он висит на волоске... Мавр сделал свое дело, мавр может уйти!»¹⁰

Между тем Витте видел в октябристах своих естественных союзников, а кадетов считал, по словам И. И. Толстого, вреднее и опаснее для России, чем социалистов или даже анархистов, говоря, «что с крайними партиями может быть открытая и честная борьба, а со скрытыми революционерами, как он называл кадетов, борьба только на хитрости».¹¹ Он объяснял это тем, что кадеты на деле стремятся к республике со своим правительством во главе.

Читатель знает уже, что положение Витте пошатнулось с самого начала нового 1906 г. Вскоре в лагере его противников появилась таинственная и влиятельная фигура Рачковского, связанного с Витте сложными отношениями с тех времен, когда министры финансов и внутренних дел оказались вместе с заграничной агентурой Департамента полиции втянутыми в аферы с привлечением в Россию иностранного капитала. В 1905 г. Рачковский часто посещал Витте и ссылаясь в полицейских кругах на его мнения, но затем стал одним из инициаторов отставки Витте и по поручению Трепова весной повел переговоры с Горемыкиным о том, чтобы предложить царю его кандидатуру на пост председателя Совета министров.¹²

Витте же считал, что на его место прочат Дурново и хотел от него избавиться, тем более что вошедшее в обиход название его правительства («кабинет Витте—Дурново») ему мешало. По словам Гурко, он «решил действовать напролом» и в своем прошении об отставке 14 апреля заявил о несовпадении своих взглядов со взглядами Дурново в надежде, что выбор будет сделан в его пользу. Однако царь еще за две недели до этого сказал Гурко: «Главное, чтобы правительство было в верных руках. Вы понимаете, о ком я говорю».¹³ Как считал Гурко, отставки Витте добились А. В. Кривошеин, брат Д. Ф. Трепова — В. Ф. Трепов под руководством Горемыкина, а также действовавший через Д. Ф. Трепова Дурново. «Однако сам Дурново от этого ничего не выгадал», — замечал Гурко. Кружок, через который министр внутренних дел действовал против Витте, рекомендовал царю сменить и Дурново, чтобы «доказать таким образом общественности, что увольнение Витте вовсе не означает поворота политики в сторону реакции. Устранение от дел одним общим указом Витте и Дурново должно было, наоборот, как бы связать эти два лица воедино и таким образом окончательно развенчать Витте в глазах передовых элементов страны».¹⁴

В кружке, на который опирался Дурново в своих действиях против Витте, не было единогласия по отношению к будущей Думе. Горемыкин и В. Ф. Трепов были противниками союза с ней, в то время как Д. Ф. Трепов придерживался противоположной позиции. И хотя Дурново, по словам Гурко, готовился к тому, чтобы наладить отношения с Думой (об этом чуть ниже), Д. Ф. Трепов сделал ставку на Горемыкина как обладавшего «спокойной рассудительностью», «с которым ввиду создавшихся

между ними связей ему лично легко будет сговориться и вообще сохранить свое влияние у государя».

Хотя Витте утверждал в своих мемуарах, что решил покинуть пост премьера через три-четыре месяца после его занятия¹⁵ и обращался к царю с просьбой об отставке, есть основания считать, что он и на сей раз надеялся одержать верх, как, впрочем, не допускал своего увольнения и Дурново. Падения кабинета не ожидали и другие министры.

Первые сведения о результатах выборов в Думу вызвали, по словам присутствовавшего в Совете министров Гурко, всеобщую радость министров. «Витте, несомненно, выразил общее мнение, — писал Гурко, — сказав: „Слава Богу, Дума будет мужицкая“. Обер-прокурор Святейшего синода кн. Оболенский к этому лишь прибавил: „Ну и поповская, что тоже недурно“. Возражения ни с чьей стороны не последовало, и Совет министров в благодушном настроении перешел к рассмотрению текущих дел. При обмене мнений по этим делам члены Совета со своей стороны неоднократно говорили: „Ну теперь будет легче, с Государственной думой мы это проведем“. ...Однако за сведениями о сословной принадлежности избранных в члены Государственной думы стали поступать сведения об их партийной принадлежности». Оказалось, что большинство их — кадеты, которые предположительно должны были пагубно влиять на крестьян. «Витте по мере выяснения истинного состава Государственной думы становился чернее тучи, вновь высказывал признаки повышенной нервности и запальчиво объяснял результаты выборов деятельностью Дурново, приписывая их крутым мерам в смысле подавления революционного движения. Предположение это было неверное, ибо как могли действия Дурново, почти всецело сосредоточившиеся в городах, повлиять на настроение сельских масс, поставлявших подавляющее большинство выборщиков. Причина была, конечно, другая, а именно широко распространявшееся кадетами обещание дать крестьянам землю в любом размере, причем об условиях ее получения благоразумно умалчивалось. Однако Витте, по-видимому, искренне верил, что виноват Дурново. Полученные Витте приблизительно в это же время сведения о высылке в административном порядке до 45 тыс. человек, конечно, укрепляли его в этом мнении».¹⁶

О надеждах Витте на крестьянскую Думу сообщал и П. П. Менделеев. «Покончив с разработкой Основных законов и сметных правил, которые удостоились высочайшего утверждения 6 марта, Витте весь отдался подготовке к приближающейся встрече с Государственной думой», — вспоминал Менделеев. Готовя программу занятий Думы, «он бодро с интересом ждал новых битв уже на парламентской арене. Настроение было приподнятое», несмотря на то, что его «надежды на законопослушную крестьянскую Думу рушились. Витте здесь жестоко ошибся. Как известно, он был убежден, что земельное крестьянство — главный оплот русского государственного строя... Поэтому изданный под его руководством избирательный закон был так составлен, чтобы обеспечить представителям этого крестьянства преобладающее

большинство в Думе. На деле вышло иное. Дума выявлялась левой, кадетской. Крестьянство не могло устоять перед заманчивыми земельными посулами кадетов. Как это ни огорчало Витте, он все-таки, по-видимому, рассчитывал установить мирное сотрудничество и с таким составом Думы.

До самой последней минуты ему и в голову не приходило, что государь решится расстаться с ним в столь важный момент встречи правительства с только что народившимся народным представительством. Да и все мы, все, кого я встречал, никто даже и мысли не имел о близкой опале премьера». ¹⁷

За три дня до отставки Витте продолжал говорить в Совете министров, как нужно будет правительству держать себя по отношению к Думе, и, по словам Гурко, с обычным оптимизмом «высказывал убеждение, что сговориться с ней все-таки можно будет без особого труда». «А тем временем, — добавлял Гурко, — в Собственной его величества канцелярии уже составлялся прощальный рескрипт Витте». ¹⁸

Казалось бы, поданное Витте царю прошение об отставке включало возможность существования у него каких бы то ни было иллюзий. Оно было направлено против Дурново, которому были посвящены два пункта прошения, третий и четвертый. «Появление в Думу вместе с министром внутренних дел П. Н. Дурново поставит меня и его в трудное положение. Я должен буду отмалчиваться по всем вопросам по таким действиям правительства, которые совершались без моего ведома или вопреки моему мнению, так как я никакой исполнительной властью не обладал. Министр же внутренних дел, вероятно, будет стеснен в моем присутствии давать объяснения, которые я могу не разделять», — писал Витте. «По некоторым важнейшим вопросам государственной жизни, — продолжал он, — как например: крестьянскому, еврейскому, вероисповедному и некоторым другим, ни в Совете министров, ни в влиятельных сферах нет единства. Вообще я не способен защищать такие идеи, которые не соответствуют моим убеждениям, и потому я не могу разделять взгляды крайних консерваторов, ставшие в последнее время политическим credo министра внутренних дел». ¹⁹

Это можно было бы считать ультиматумом: «Я или Дурново», если бы не саркастическое предложение Витте, чтобы граф Пален и «считающийся в некоторых сферах знатоком крестьянского вопроса» Горемыкин получили возможность провести на практике свои идеи по крестьянскому вопросу, который определит весь характер деятельности Думы. Вряд ли стал бы он, надеясь на продолжение карьеры премьера, пенять царю на недоверие «крайних консерваторов — дворян и высших служилых людей, которые, естественно, всегда имели и будут иметь непосредственный доступ к царю».

Можно, таким образом, поставить под сомнение утверждения Менделеева и Гурко, считавших, что Витте не терял надежды до последнего часа. Однако и И. И. Толстой, сообщая о заседании Совета министров, датированном им 18 апреля, отмечает, что, прочитав ему свое прошение перед заседанием, лишь «в конце его

Витте довольно туманно намекнул на возможность своего ухода». «Дурново, — продолжал И. И. Толстой, — был, напротив, в хорошем расположении духа и говорил о Гос. думе. Раньше, когда Витте, возражая против его действий, иронически говорил, что ему доставит удовольствие посмотреть, как он будет вывертываться, когда с него будут требовать отчета и объяснений, Дурново заявлял, что он просто отвечать не будет, так как дело Думы — заниматься будущим, а не копаться в прошлом; теперь он говорил, что берется объяснить все свои действия Думе, что там будут сидеть люди разумные и что он уверен в том, что они его поймут и, если не все, то многое одобряют.

Дурново уехал тотчас после заседания, а Витте быстро удалился в свой кабинет. Оставшиеся члены Совета собрались в кучку и стали делиться между собою впечатлениями: что означают намеки председателя? Большинство склонялось к мнению, что наш председатель „играет комедию“, что о выходе в отставку не может быть и речи накануне открытия Думы; особенно настаивал на этом Немешаев, просто смеявшийся над нашею наивностью... Не помню теперь в точности кто, но, кажется, Оболенский, Шипов и Философов отправились к Витте „депутациею“ в кабинет. Он сейчас же попросил всех к себе и прочел свое письмо. Все сразу стали говорить о том, что он не имел нравственного права принимать такого решения, не посоветовавшись с коллегами, что он обязан взять свое прошение обратно, а что государь не может принять этого прошения до фактического открытия Думы и до того времени, когда министерство представит ей свои объяснения и внесет свои проекты. На это Витте ответил, хотя и волнуясь, но вполне определенно: „Я готов согласиться с вами, что я поступил относительно вас, господа, неправильно, потому оставим это; что касается меня самого, то мое решение неизменно. Я имею основания полагать, что государь отпустит меня теперь же, но если бы Его Величество этого не сделал, то клянусь вам, что в Думе ноги моей все-таки не будет, я просто ходить туда не буду, делами заниматься не буду, все брошу; пусть идет в Думу Петр Николаевич, и открывает ее, если хочет, пусть дает объяснения... Если его величество найдет нужным посоветоваться со мною, то я думаю указать на Философова как на моего преемника, если вы ничего против не имеете“. ... Мы ничего против Философова не возражали, но сам Философов энергичнейшим образом отнекивался от чести. ...

В следующую пятницу, 21 апреля, Витте созвал нас всех последний раз. Приехал и П. Н. Дурново, которого председатель особенно просил непременно быть. Открывая заседание, он заявил, что оно не будет деловым, а созвано лишь для беседы. Он нам объявил, что отставка его принята, и что получили тоже отставки Дурново и Акимов; что касается остальных, то ему ничего не известно, так как он государя не видел, а извещен о своей отставке Его Величеством письменно. Он просил специально приехать сегодня П. Н. Дурново для того, чтобы прочесть при нем письмо, которое он написал государю, так как в этом письме говорится о нем, Дурново, и ему кажется необходимым,

чтобы он знал, что о нем написано, и чтобы не вышло, что он, Витте, скрыл от него свое мнение. Дурново выслушал знакомое нам всем письмо совершенно спокойно, и на меня это спокойствие произвело такое впечатление, как будто ему, хотя бы в общем, было уже известно содержание письма. Со своей стороны, он сообщил, что он во время последнего своего всеподданнейшего доклада спросил государя о своей дальнейшей судьбе, причем Его Величество изволил указать, что считает нужным, хотя и с сожалением, расстаться с ним; тогда он подал прошение об отставке».²⁰

Увидев себя уволенным вместе с Дурново, Витте, как выразился Гурко, пришел в бешенство. Дурново и вовсе не ожидал отставки. «У него не было никаких оснований думать, что близок час потери им власти, — писал Гурко. — У государя он неизменно встречал приветливый прием и выражение ему доверия; с обоими братьями Треповыми он был в лучших отношениях... Конечно, он хорошо знал, как к нему относится общественность, и несомненно ожидал неприятной встречи с Государственной думой. Но со всем этим он мечтал успешно справиться. Усиленно готовился он к этой встрече и еще накануне говорил П. М. Кауфману (будущему министру народного просвещения. — Б. А., Р. Г.): „Вот они (Государственная дума) увидят, какой я реакционер“. План его состоял в развитии перед Государственной думой целой программы либеральных мероприятий, подкрепленной немедленно вслед за этим внесенными на обсуждение Государственной думы соответствующими законопроектами».²¹

Передавая министерские дела Гурко, Дурново признал, что случившееся для него «большой удар», и утешился лишь, сказав на прощанье: «Нет, а Витте-то вот злится на то, наверное, что мы с ним вместе уволены».

Вслед за тем были уволены все члены первого российского кабинета. Через полтора года один из них, наиболее либеральный и просвещенный, совершенно лишенный инстинкта властолюбия, граф И. И. Толстой, министр народного просвещения, в письме к Витте 21 ноября 1906 г. подвел итоги реформаторской деятельности кабинета, протекавшей в трудной обстановке революции и борьбы за влияние и власть между первым премьером и его противниками при неизменном недоверии к нему царя. «Вы единственный у нас настоящий государственный человек, способный вывести Россию на настоящий путь и попытавшийся по мере сил и возможности сделать это, — писал он. — Пусть зоилы, упрекавшие Вас и нас вместе с Вами в „бездеятельности“, укажут другой пример, когда в каких-нибудь 5 месяцев разработали и провели: 1) проект настоящей конституции, 2) сложный избирательный закон, 3) закон о печати, кто бы что ни говорил, замечательно либеральный, 4) закон о союзах и собраниях, 5) законы о стачках и об ограждении от них общепольных предприятий, 6) Основные законы, 7) проект всеобщего обучения и реформу университетского устава. При этом правительству одновременно пришлось подавить чрезвычайно опасное восстание в Москве, бороться и победить железнодорожную и почтово-телеграфную забастовки,

принявшие невиданные до сих пор в мире размеры и форму. Если крестьянский и земельный вопросы не были разрешены, то за то же время они были основательно разработаны и подготовлены, причем и тут благодаря возникновению обширного крестьянского союза (имеется в виду Всероссийский крестьянский союз. — Б. А., Р. Г.), а затем и аграрных волнений приходилось работать под Дамокловым мечом. И кто же все это сделал? На первом месте Вы, имея помощниками нас, людей (отчасти неопытных, которых Вам приходилось направлять или сдерживать), занятых своим непосредственным делом, администрацию в министерствах, совершенно расшатанных и требовавших тоже крупных перемен и в личном составе, и в общем направлении деятельности».

Говоря о препятствиях, которые ставились правительству Витте, И. И. Толстой продолжал: «Не мешал, я думаю, только ленивый, а в 6 месяцев сделали Вы то, что в России не было сделано за 50 лет! ... По окончании работы этой было ясно указано всему свету, как она оценена, а следовательно, при каких условиях приходилось работать: Вам приличия ради дали Ал[ександра] с бр[иллиантами], но хотели устранить даже из Государственного совета. Министры были просто отставлены даже без обычной благодарности или малейшего знака внимания, за исключением Вашего явного противника Дурново, осыпанного милостями; Акимова, ругавшего Вас на всех перекрестках. Остальных дали, с позволения сказать, подж...ка. Но зато назначили членами Государственного совета Кривошеина, Анания Струкова (предводителя дворянства Екатеринославской губ. — Б. А., Р. Г.) etc. Я не в обиде об этом говорю, а для характеристики положения. В России еще в начале и даже в середине марта кричали, что Вы обманываете всех, не хотели верить в искренность Ваших намерений; между тем Дума не только была собрана в срок, но самые выборы прошли в большем порядке, чем в старых конституционных странах, и притом выборы прошли свободно, без давления правительства. Но члены Думы не нашли нужным даже отдать Вам справедливость в этом отношении, а государь или, вернее, двор обвинил Вас в том, что Вы не позаботились о должном давлении на выборах... Мое общее впечатление (личное) от того времени, когда я имел честь быть министром в Вашем кабинете, таково: это был какой-то кошмар по количеству и разнообразию работы, по общей неблагодарности всех, кто требовал ее от нас, по нежеланию всех понять затруднительность нашего, и, прежде всего, конечно, Вашего положения. Но вместе с тем я благодарен судьбе, давшей мне возможность поработать рядом с Вами и, как я думаю, вместе с Вами кое-что сделать для родины, что со временем будет признано».²²

Как видим, И. И. Толстой ставил в заслугу Витте и его кабинету и реформы, и подавление революционного движения как средство умиротворения всех слоев общества. Крестьянский вопрос, отмеченный им как такой, который удалось лишь разработать, но не решить, лег в основу «Программы вопросов, вносимых на рассмотрение Государственной думы» — своеобразного политического завещания виттевского кабинета.²³ Отметим лишь,

что именно аграрный вопрос разработан и изложен в программе с наибольшей подробностью с тремя основными направлениями действий: уравнение крестьян в правах с другими сословиями, индивидуализация крестьянского землевладения и изыскание способов удовлетворения крестьянской нужды в земле. Помимо этого, в программу были включены лишь предложения Министерства юстиции о преобразовании местного суда и введении судебной ответственности должностных лиц, намеченной еще указом 12 декабря 1904 г., Министерства финансов — о введении подоходного налога и Министерства торговли и промышленности — о выборных учреждениях торгово-промышленного класса (предпринимательских организациях) и др. Кроме того, в программе упоминались законопроекты по рабочему вопросу, подготовка которых завершалась в этом министерстве (о страховании рабочих, рабочих жилищах, рабочем дне, наемных отношениях между промышленниками и рабочими, фабричной инспекции и учреждении промысловых судов). Предложения других ведомств в программу не были включены, крестьянскому, а также рабочему вопросу в ней было отведено главное место. После отставки Витте и его кабинета вместо этой программы была составлена новая.

Удачным или неудачным было первое в российской истории премьерство? Наряду с приведенной оценкой И. И. Толстого существует среди прочих и более критичная, принадлежащая П. Б. Струве. Он откликнулся на смерть Витте статьей, которую отказывался считать некрологом, видя в покойном «историческую фигуру, настолько выразительную», что о нем нельзя писать некролога, ибо некролог всегда «собрание умолчаний» и «плод ретушировки» из-за «все примиряющей смерти». Струве считал, что в деле осуществления манифеста 17 октября, «в первых шагах нашей конституционной жизни» Витте потерпел неудачу, сделал много ошибок, но не в них, совершенных в «трудную эпоху между обнародованием великого манифеста и созывом первой Государственной думы», видел Струве причину этой неудачи. Трудности, стоявшие в это время перед Витте, он считал «непреодолимыми». Премьер, писал Струве, «в значительной мере потерялся в них и среди них», был «как человек старого порядка» в «состоянии недоумения, растерянности и пассивности». С другой стороны, он отмечал, что «между провозглашением начал правового государства и их осуществлением в практике взаимодействия народа и власти лежало огромное расстояние, воздвигались препятствия, которые никакая личная воля не могла победить». «Ведь ошибки и неподготовленность цвета русской оппозиции — кадетов — в эту эпоху были вряд ли меньше, чем ошибки и неподготовленность власти и правительства», — заключал Струве.²⁴

Самого же Витте не оставляли трагические размышления о значении манифеста 17 октября 1905 г. и его последствий. «В бессонные ночи иногда думаю, — сказал он однажды А. В. Руманову, — не сделал ли я ошибку, настаивая на акте 17 октября... Но история всего человечества говорит, что другого исхода по исто-

рическому ходу вещей не могло быть. Или все человечество и я с ним ошибались, или я был прав...».²⁵

- ¹ *Спасский-Одынец А.* Воспоминания: Бахметьевский архив Колумбийского университета в Нью-Йорке. Manuscript II. С. 71—72.
- ² *Менделеев П. П.* Свет и тени в моей жизни. Обрывки воспоминаний (1864—1933): Бахметьевский архив Колумбийского ун-та в Нью-Йорке. Коллекция П. П. Менделеева. Вых. 4. Тетрадь 2-я. С. 102—103.
- ³ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* Сергей Юльевич Витте // Вопросы истории. 1990. № 8. С. 50—51.
- ⁴ Совет министров Российской империи. 1905—1906. Л., 1990. С. 209—210.
- ⁵ *Витте С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 316.
- ⁶ *Спасский-Одынец А. А.* Воспоминания. Manuscript III. С. 211.
- ⁷ Там же. С. 213. Не идет ли речь о статье «Р.» «На харчах у революции» (Русское государство. Вечерняя газета «Правительственного вестника». 1906. 18(31) марта. № 39) с обвинениями против «Руси», в которой де имеются «торговцы революционным товаром»?
- ⁸ *Спасский-Одынец А. А.* Воспоминания. Manuscript III. С. 285.
- ⁹ Там же. С. 214. См. о «Русском государстве» и борьбе кабинета С. Ю. Витте за общественное мнение исследование А. В. Лихоманова «Борьба самодержавия за общественное мнение в 1905—1907 гг.» СПб., 1997.
- ¹⁰ *Спасский-Одынец А. А.* Воспоминания. Manuscript III. С. 208.
- ¹¹ Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. М., 1998. С. 219—220.
- ¹² *Герасимов А. В.* На лезвии с террористами. М., 1991. С. 36, 74.
- ¹³ *Гурко В. И.* Министерство графа С. Ю. Витте: Фонд С. Е. Крыжановского в Бахметьевском архиве Колумбийского ун-та в Нью-Йорке. С. 90—91.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ *Витте С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 336.
- ¹⁶ *Гурко В. И.* Министерство графа С. Ю. Витте. Л. 88—89. А. А. Спасский-Одынец, через которого премьер поддерживал связи с октябристами, считал, что в своем стремлении остаться у власти Витте возлагал надежды на победу на выборах октябристов, с которыми рассчитывал достичь договоренности. Узнав о результатах выборов, он сказал Спасскому: «Гавнюки Ваши октябристы» (*Спасский-Одынец А. А.* Воспоминания. Manuscript III. С. 301).
- ¹⁷ *Менделеев П. П.* Свет и тени в моей жизни. С. 124—126.
- ¹⁸ *Гурков В. И.* Министерство графа С. Ю. Витте. Л. 92.
- ¹⁹ Совет министров Российской империи: 1905—1906. С. 433.
- ²⁰ Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 222—224.
- ²¹ *Гурко В. И.* Министерство графа С. Ю. Витте. Л. 94.
- ²² Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. С. 286—287. (примеч.).
- ²³ Совет министров Российской империи. 1905—1906. С. 448—467.
- ²⁴ *Струве П. Б.* Граф С. Ю. Витте. Опыт характеристики // *Струве Петр.* Скорее за дело. М., 1991. С. 17—18.
- ²⁵ *Руманов Аркадий.* Штрихи к портретам: Витте, Распутин и другие // *Время и мы.* New York, 1987. № 95. С. 218.

Часть V

В ОТСТАВКЕ

Глава I

ПУБЛИЦИСТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Витте был уволен от должности председателя Совета министров и Комитета министров 22 апреля 1906 г. с оставлением членом Государственного совета в звании статс-секретаря и с годовым содержанием в 20 000 руб. За «многочисленные заслуги, оказанные ... Родине», он был пожалован орденом Святого Благоверного Великого Князя Александра Невского с бриллиантами.¹ В связи с отставкой Витте был принят императором. Николай II обещал Витте пост посла в одной из европейских стран и разрешил напомнить ему об этом, как только появится вакансия. Со стороны императора, впрочем, это был только жест вежливости и не более, ибо когда в октябре 1908 г. Витте воспользовался этим разрешением и в связи с предстоящими переменами в российских посольствах подал прошение о назначении его «императорским послом», Николай II не вспомнил о своем обещании.² Между тем надежда получить дипломатический пост в Германии или Франции не оставляла Витте до конца его дней. В канун Первой мировой войны он не раз в своих разговорах с корреспондентами возвращался к мысли о том, что его назначение на пост посла, например, в Париже в 1907 г. могло бы изменить ход европейских событий и уже к 1910 г. ему удалось бы реализовать свой замысел создания в Европе тройственного союза с участием России, Франции и Германии. В этом Витте, в частности, пытался убедить германского журналиста Иосифа Мельника во время встречи с ним на курорте в Зальцширфе в июне 1914 г. Витте нарисовал своему собеседнику фантастическую картину. Германия, Франция и Россия, озабоченные своей безопасностью, образуют нечто вроде Соединенных штатов Европы. К ним примыкают малые страны, такие как Венгрия или балканские страны, и этот союз становится гарантией европейского мира. Европа избавлена от бремени военных расходов. Витте рассказывал И. Мельнику, что познакомил со своим проектом германского императора во время его визита в Петербург в 1897 г. и тот был в восторге и наградил Витте орденом Черного Орла,³ что план

его много раз обсуждался, что в 1905 г. в отеле «Бристоль» в Париже он отклонил предложение английского короля Эдуарда VII подписать соглашение, направленное против Германии, вроде того, что позднее подписал А. П. Извольский. В июле 1914 г., вскоре после убийства Франца Фердинанда, Мельник вновь посетил Витте в Бад Зальцширфе, и Витте вернулся к рассуждениям о фантастическом проекте. На этот раз он говорил о Европейской империи — единой Европе, с которой считались бы не только Англия, но США и Япония, о создании европейского флота, более мощного, чем флот Великобритании.⁴

Уже после начала военных действий в августе 1914 г. Витте продолжал утверждать, что уберег бы Россию, да и Европу, от несчастной войны, если бы получил назначение на пост посла во Франции или Германии. Однако апрель 1906 г. стал последним рубежом в государственной карьере Витте. Его надежды вернуться в большую политику оказались тщетными, а поле деятельности ограничилось Комитетом финансов и Государственным советом.

В мае 1906 г. Витте уехал за границу. Там он получил письмо от барона В. Б. Фредерикса. Министр двора сообщал, что возвращение Витте в Россию нежелательно. Витте забил тревогу и обратился к царю за разъяснениями. Спустя некоторое время Витте был извещен, что письмо Фредерикса основано на недоразумении; министр двора де неправильно истолковал просьбу императора передать Витте, чтобы он хорошенько отдохнул за границей. Осенью 1906 г. Витте предпочел вернуться в Россию.

Здесь на него обрушился шквал угроз со стороны «Союза русского народа». «Грубо и оскорбительно», по мнению Мосолова, травила Витте черносотенная печать.⁵ В январе 1907 г. на Витте было совершено покушение, подробно описанное им в своих воспоминаниях. В печные трубы особняка Витте на Каменноостровском были опущены адские машины, к счастью, вовремя обнаруженные прислугой. По сведениям начальника канцелярии Министерства императорского двора А. А. Мосолова, одним из источников, поддерживавших кампанию против Витте и его травлю, был императорский яхт-клуб, где собирались молодые люди, принадлежавшие к высшей аристократии, и многие из великих князей. А. А. Мосолов писал о парадоксальной ситуации, сложившейся вокруг семейства Витте. Несмотря на заслуги Витте, его влияние и полученное им графское достоинство Матильде Ивановне Витте как разведенную с первым мужем отказывались принимать при дворе. Против нее были настроены и вдовствующая императрица Мария Федоровна, и царствовавшая Александра Федоровна. «Это обстоятельство, — писал Мосолов, — служило одной из немалых причин озлобления Витте против двора и света. Жена его в ответ на пренебрежение к ней создала у себя открытый дом с великолепными завтраками и обедами и ужинами и пышными, необычайно оживленными встречами. На трапезах и вечерах у Витте бывал весь, почти без исключения, тот же самый высший свет и некоторые великие князья.... Те самые господа, которых Сергей Юльевич и Матильда Ивановна прикармливали и которым нередко помогали, были авторами са-

мых злостных сенсаций. Круги, которым клуб импонировал, подхватывали новости, считая их вышедшими из достоверных источников, и пускали их по городу».⁶

Вскоре после возвращения Витте в Петербург ему стало известно, что императрица за завтраком рассказывала присутствующим, что именно Витте подsunул императору манифест 17 октября и вынудил его подписать этот злосчастный документ.⁷ Витте немедленно занялся составлением специальной записки, посвященной истории подготовки манифеста. В январе 1907 г. он подал эту записку через Фредерикса Николаю II. Царь вернул ее без всяких замечаний. Было признано, что факты, изложенные в ней, соответствовали действительности. Однако Фредериксу Николай II сказал по поводу этой записки: «С Витте всегда так. Ему трудно возражать, но в его словах редко чувствуется искренность».⁸

Открытая против него кампания в придворных кругах не запугала Витте, он не намерен был уступать перед натиском своих недоброжелателей и оставаться безучастным наблюдателем того, что происходило в политической жизни России, в том числе и в Министерстве финансов.

Уход Витте в отставку не повлек за собой каких-либо существенных перемен в финансовой политике В. Н. Коковцова, хотя и развязал ему руки. Правительство И. Л. Горемыкина целиком было поглощено подавлением революции. По собственному признанию Коковцова, вплоть до середины 1907 г., т. е. до третьегоиюнского переворота, вообще «нельзя было» и «думать о какой-либо созидательной политике», ибо «период существования первой и второй Государственной думы ... ничем не отличался в смысле напряженности борьбы за сохранение финансовой устойчивости от периода революционного движения 1905 г.».⁹ Однако вопрос о том, каково должно быть направление финансовой политики после войны и революции, был поставлен еще в самом начале 1907 г. не кем иным, как Витте.

По инициативе Витте в конце февраля 1907 г. в служебном кабинете Коковцова состоялось заседание, носившее характер «частного совещания», по вопросам денежного обращения. Первоначально встреча участников совещания была намечена на 21 февраля, но, судя по всему, из-за болезни Витте состоялась двумя днями позже.¹⁰ В ней, помимо Витте и Коковцова, приняли участие Д. А. Философов, И. П. Шипов, Б. Ф. Малешевский, С. И. Тимашев, И. И. Кауфман и Л. Ф. Давыдов.

Витте поднял тревогу в связи с огромным, по его мнению, увеличением бумажных денежных знаков, находившихся в обращении, и подверг критике основы финансовой политики Коковцова, обвинив его в отступлении от курса, выработанного после реформы 1897 г. По подсчетам Витте, количество обращавшихся кредитных билетов возросло с 1 января 1904 г. по 23 февраля 1907 г. на 609 млн. руб., а серий Государственного казначейства, игравших до известной степени роль денег, на 150 млн. руб. Ради создания устойчивого финансового положения в стране и сокращения находившихся в обращении бумажных денег Витте призвал

к проведению ряда необходимых, с его точки зрения, мер. Прежде всего Витте высказался за выпуск в обращение по крайней мере на 150—200 млн. руб. золотой монеты с изъятием и уничтожением на ту же сумму кредитных билетов, заявив, что следовало прибегнуть к такой мере «немедленно после войны, во всяком случае после апрельского займа» 1906 г.¹¹

Кроме того, Витте заявил о необходимости для привлечения капиталов «более подвижного», по его выражению, «применения Государственным банком учетно-ссудного процента» в зависимости от районов страны, как это делалось прежде. Витте призывал к развитию чекового обращения и чековых расчетов при посредстве сберегательных касс.¹² И, наконец, он указал на то, что предусмотренные бюджетом расходы слишком велики и не соответствуют экономическому состоянию страны. Судя по сохранившемуся протоколу совещания, предложения Витте безоговорочно поддержал только один его участник — И. И. Кауфман, в то время как с возражениями выступили Коковцов, Тимашев и Философов.

В отличие от Витте Коковцов и его сторонники склонны были рассматривать политическое положение в стране, «когда смута еще продолжается», как весьма неустойчивое, и потому считали меры, предложенные Витте, преждевременными. Перед министром финансов еще стоял призрак недавних событий конца 1905 г., когда «при подобных условиях» «революционный манифест Совета рабочих депутатов привел к извлечению из сберегательных касс до 140 млн. руб.». Коковцова пугали возможность неблагоприятного торгового баланса при резко возросшей после военных займов заграничной задолженности и предстоявшая в 1909—1910 гг. расплата по 5 %-м обязательствам Государственного казначейства 1904 г. и 4,5 %-му займу 1905 г. У него не было уверенности в том, что удастся получить новые займы на зарубежных рынках, и он не спешил отказываться от политики стягивания золота. Витте же усматривал в этом «как бы приготовления к приостановке размена», «угрозу прочности металлического обращения», и он еще с большей резкостью подверг критике политику Коковцова в специальной записке от 3 марта 1907 г.,¹³ ответив заодно и своим оппонентам, выступавшим в заседании 23 февраля 1907 г. В специальных записках, составленных на протяжении марта, еще раз высказали свои взгляды и оппоненты Витте С. И. Тимашев, Б. Ф. Малешевский, П. Х. Шванебах, П. А. Сабуров.¹⁴ В результате спор Коковцова и его сторонников с Витте вышел далеко за рамки совещания 23 февраля и затянулся до апреля 1907 г. Причем Коковцов не считал возможным «принять на себя» разрешение поставленных Витте вопросов и представил все дело на рассмотрение Комитета финансов.¹⁵ Витте же постарался в этом споре все-таки оставить за собой последнее слово и 3 апреля ответил на представление Коковцова в Комитет финансов новой запиской, как бы подведя в ней итоги полемики и еще раз разлив свои взгляды.¹⁶

В центре полемики Витте — Коковцова оказались такие общие вопросы, как отношение к войне и революции, внешним займам и их роли в золотом денежном обращении.

Витте выступил безусловным сторонником сохранения в России золотого металлического обращения на основах, выработанных реформой 1897 г., и привлечения иностранных капиталов в виде займов. Без заграничных займов Витте считал невозможным экономическое развитие страны независимо от того, будет сохранено золотое денежное обращение или нет. «Безразлично, — утверждал Витте, — разменны ли кредитные билеты или не разменны, мы в известном положении Государственного казначейства не можем обходиться без внешних займов». И он призывал «строить расчеты на неминущей необходимости внешних займов и к ним во что бы то ни стало стремиться до приостановления размена, а не после», ибо «в первом случае внешние займы гораздо более выгодны для страны, нежели во втором, их тяжесть не столь удручающая, а страна избавляется от неисчислимых потерь, которые неминуче должны за собой повести приостановление размена».¹⁷ «Для внешних платежей Государственного казначейства неминуче нужны внешние займы, — писал Витте, — все равно, какая бы ни была валюта, золотая или бумажная. Без внешних займов наша бедность обострится и становится еще более чувствительной; внешние займы и приток иностранных капиталов — своего рода мышьяк, под действием которого происходит наше экономическое и финансовое развитие. Печально, конечно, что мы не можем обходиться без такого лекарства. Но это все-таки лекарство из лучших. Это великолепное средство против бедности. Доказательство представляют Германия и Соединенные Штаты Северной Америки, которые 50 лет назад еще считались бедными странами, а теперь стали опасными соперниками для самых богатых стран. А выросли они на притоке иностранных капиталов и сильно продолжают ими питаться».¹⁸ Витте, конечно, представил как образец свою собственную финансовую политику, подчеркнув, что со времени проведения денежной реформы и до русско-японской войны «не было сделано ни одного внешнего займа с целью поддержки валюты» и все займы этих «лет пошли исключительно на производительные цели».¹⁹ Он сожалел теперь только о том, что при проведении денежной реформы Государственному банку не была предоставлена полная независимость как эмиссионному учреждению, в результате чего Министерство финансов могло теперь покушаться на его золотой запас, и настаивал на отделении банка от Министерства финансов и сохранении в неприкосновенности золотого фонда банка как обеспечения только денежного обращения.²⁰

Однако оппоненты Витте немедленно обратили его внимание на неубедительность попыток доказать, что золотое обращение совершенно независимо от внешних займов.²¹ Они ссылались на пример недавнего 2-миллиардного займа, благодаря которому удалось сохранить золотое денежное обращение, после того как Государственное казначейство передало Государственному банку

значительную часть приобретенного в результате займа золота, «вместо того чтобы тратить его на бюджетные надобности».²²

Витте решительно разошелся с Коковцовым и его сторонниками в оценке влияния войны и революции на состояние денежного обращения. Коковцов утверждал, что «военные события не внесли заметного расстройств в экономическую жизнь страны», в то время как революция «сопровождалась беспримерными потрясениями».²³ Более того, государственный контролер Шванебах заявил даже, что война, учитывая особые условия, в которые поставлена русская валюта, «оказалась для нее обстоятельством выигрышным», ибо побудила правительство «к заключению крупных золотых займов при отсутствии необходимости расходовать на нужды войны более значительную часть выручки наличным золотом». В результате «Портсмутский мир застал золотой фонд Государственного банка на кульминационной точке 1158 млн. руб. (1 сентября 1905 г.)».²⁴ А Витте стоял на том, что именно война «совершенно расстроила весь экономический организм России и ... если не создала, то ускорила на десятки лет революцию». Он подчеркивал, что военные события повлекли за собой увеличение почти на три четверти государственного долга. «Едва ли даже более богатая страна, чем Россия, — писал Витте, — в состоянии вынести такое значительное увеличение ... государственного долга без „заметного расстройства“. Не революция же увеличила эту ужасную экономическую тяжесть, легшую на несколько поколений русского народа, а война. Не революция также, а война заставила министра финансов ввести во время войны целый ряд налогов... Не революция также имела влияние на увеличение кредитных билетов во время войны до октября месяца 1905 г. с 578 млн. руб. на 1170 млн. руб. Не говоря уже о том, что война потребует громадных расходов на создание нового флота, ремонт армии и лечение многих других ран, нанесенных экономическому организму России именно войной...»²⁵

Не случайно Витте настаивал, что именно война расшатала денежное обращение, в то время как его оппоненты источником всех бед называли революцию. За этими разногласиями, на первый взгляд чисто финансового характера, скрывалась полемика по одному из важнейших политических вопросов — об ответственности за войну и революцию. Витте еще в 1905 г. начал кампанию в печати с целью возложить всю вину за возникновение русско-японской войны на Безобразова и его сообщников. Как раз к апрелю 1907 г. Витте завершил работу над большой рукописью «Возникновение русско-японской войны», изданной им позднее под именем Б. Б. Глинского и под названием «Пролог русско-японской войны».²⁶ В этой работе и во многих других инспирированных им изданиях Витте упорно отстаивал мысль о мирном характере проводившейся Россией до 1903 г. экономической политики на Дальнем Востоке, подчеркивая, что его отставка с поста министра финансов развязывала руки «безобразовцам», очень быстро приведшим Россию к столкновению с Японией.

Еще будучи министром финансов, Витте начал собирать у себя дома официальные документы о дальневосточной политике, он

даже готовил и печатал для узкого круга специальные сводные записки, излагавшие его версию событий, а во время войны этот его замысел оказался тесно связанным с газетной полемикой о причинах русско-японского столкновения, в стороне от которой он, конечно, и сам не остался, хотя по своему положению никак, казалось бы, не мог принимать в ней участия.

В конце января 1905 г. Л. Ф. Пантелеев поместил в газете «Наши дни» письмо Безобразову с требованием разъяснить «темные обстоятельства, которые привели к кровавой драме на Дальнем Востоке». ²⁷ Безобразов отвечать, конечно, не стал, но ответ на заданный в Петербурге вопрос неожиданно прозвучал во Владивостоке: серия статей «Таинственное предприятие. По поводу открытого письма статс-секретарю Безобразову», подписанных псевдонимом «Немо», появившаяся в марте—мае 1905 г. в еженедельнике «Владивосток», начиналась обещанием осветить «темные стороны дела, от чего без сомнения уклонится статс-секретарь А. М. Безобразов и К^о». ²⁸ В статьях вскрывались лжекоммерческий характер безобразовского «Русского лесопромышленного товарищества» и его вызывающие по отношению к Японии действия. Статьи были написаны по преимуществу на основании впечатлений, полученных на месте действия компании. Следов использования правительственных документов, собиравшихся Витте для разоблачения «безобразовщины», в них незаметно. И хотя в целом статьи Немо были благоприятны для Витте, они содержали упрек и в его адрес: почему же министры, несогласные с линией Безобразова, не ушли в отставку. ²⁹ Но на этот вопрос, возникавший в печати и ранее, Витте уже дал ответ через одного из связанных с ним публицистов — А. Е. Конкевича («Беломора»). ³⁰ Смысл этого ответа сводился к тому, что при самодержавии министры не уходят в отставку, а ждут, пока их уволят. Резонанс, который получили статьи Немо, был тем значительней, что их печатание началось вскоре после Мукдена, а кончилось уже после Цусимы. Петербургские, московские и провинциальные газеты перепечатывали их или излагали.

Был ли Витте причастен к появлению статей Немо? Нам представляется, что был, хотя свидетельствами или доказательствами этого мы не располагаем. Тот же факт, что он хранил эти статьи в своем архиве и использовал их в своей дальнейшей публикационной деятельности, таким доказательством считаться не может. Однако если взять газетную полемику вокруг причин русско-японской войны в целом или по крайней мере в пределах того круга статей, которые интересовали самого Витте и сохранялись им в вырезках, ³¹ нельзя не прийти к убеждению, что закулисная роль его в этой полемике была весьма значительной.

Во Владивостоке еще только собирались начать публикацию серии статей Немо, а в Петербурге обличение Безобразова и прочие уже начала после Мукдена газета «Рассвет». Ее издатель, кн. Э. Э. Ухтомский, был издавна близок к Витте, причем именно по части его дальневосточных предприятий. 10 (23) марта 1905 г. в № 10 «Рассвета» была опубликована статья за подписью «Львов». В этой статье, посвященной «тайне» возникновения войны, ут-

верждалось, что русская дипломатия, в сущности, сорвала предложенные Японией в ноте от 31 июля (13 августа) 1903 г. переговоры о признании Кореи сферой японского влияния, а Маньчжурии — русского. Причем подразумевалось, что это — одна из важных причин войны. Петербургский журналист Л. М. Клячко (если мы здесь правильно раскрыли псевдоним «Львов») был одним из литературных агентов Витте. Впоследствии в «Возникновении русско-японской войны» эпизод этот занял столь значительное место и ему придавалось такое важное значение, что трудно предположить, чтобы для Витте происхождение этой статьи было такой же редакционной тайной газеты «Рассвет», как и для прочих современников, тем более, что сразу же вслед за тем в четырех номерах «Рассвета»³² была напечатана пространная статья Колышко-Рославлева, которая в значительной части (в первых трех номерах) представляла собой как бы краткое изложение «Возникновения русско-японской войны». Знакомство Колышко с собранными Витте документами выдавали не только явные следы его «заглядывания» в них, но и нарочитые требования опубликования документов, как бы обращенные к официальным сферам. Виттевская версия в полную силу звучала в статье Колышко. Железной дороге через Северную Маньчжурию отводилась роль чуть ли не миротворческая: это ведь было предприятие Витте, а все остальное — от занятия Порт-Артура до безобразовских концессий — безоговорочно клеймилось. Высмеивая безобразовские «концессии» — «заслоны», Колышко язвительно писал: «Надев на политические замыслы наши коммерческий кафтан, мы решительно никого не обманули, кроме самих себя». Полемизируя с «Новым временем», которое объясняло происхождение войны пресловутой «исторической миссией России на Дальнем Востоке», Колышко, не отрицая этого, видел всю беду в «чересчур поспешном ее выполнении».³³ Конечно, на самом деле это-то и показывало полную беспредметность всей полемики, в которой между позициями обеих сторон потому, собственно, и не было принципиальной разницы, что не было ее и между дальневосточной политикой Витте, с одной стороны, и его противников — с другой. Наглядной демонстрацией этого явилась статья без подписи, напечатанная в трех номерах «Московских ведомостей»,³⁴ редактор которых В. А. Грингут вел активную кампанию против Витте «справа». На вопрос: «Кто виноват?», поставленный в заголовке, статья отвечала, что виноват Витте. Совершенно теми же приемами, что и Колышко относительно безобразовских предприятий, «Московские ведомости», по-видимому, в ответ на его статью в «Рассвете» доказывали, что к войне привели Китайско-Восточная ж. д. и другие дальневосточные предприятия Министерства финансов, т. е. Витте.

Витте, конечно, употребил для опровержения этих статей весь арсенал своих средств. Прежде всего, уже известный читателю экономист и публицист А. Н. Гурьев поместил в «Русских ведомостях» серию больших статей «О возникновении русско-японской войны».³⁵ Хотя составление «Возникновения русско-японской войны», если судить по предисловию к нему, еще не

было начато, Гурьев тем не менее уже вполне владел материалом того произведения, которое ему предстояло впоследствии написать. Его статьи представляли собой краткий вариант «Возникновения», обильно оснащенный ссылками на документы. Что Витте стоял за спиной Гурьева — в этом мало для кого могли быть сомнения. Его еще в бытность Витте министром финансов называли «пером министра». Статьи Гурьева появились сейчас же после Цусимы. В этот момент наивысшего обострения полемики «Рассвет», продолжая держать сторону Витте, устами Колышко-Рославлева категорически объявил поражение России «плодами политики» Безобразова и его сподвижников.³⁶ Одновременно здесь же был напечатан дневник некоего лица, прибывшего в Порт-Артур за год до войны.³⁷ По своей направленности дневник совпадал, или, как указывалось в газете, «вполне гармонировал» со статьями Нето. Как и статьи Нето, «Дневник порт-артурца» был широко перепечатан другими газетами.

Тем временем газетный спор о виновниках войны продолжался. «Новое время» теперь считало главным виновником Безобразова, а «Слово» — Куропаткина. Интересам Витте отвечало и то и, в известной мере, другое. Развита и сформулированная позднее его версия исходила, в сущности, из одного предположения: единственный, кто был полностью прав, это он сам. Поэтому и Куропаткин, который на самом деле стоял гораздо ближе к нему, чем к Безобразову, оказался у Витте в числе виновников войны постольку, поскольку расходился с ним во мнениях.³⁸ В разгар спора между «Новым временем» и «Словом» Витте и решил углубить столь выгодное ему русло этого спора. В «Рассвете» появился посвященный этому предмету фельетон Колышко-Рославлева. Колышко обвинял Куропаткина уже и в прежней своей статье. Теперь он опирался на всеподданнейшую записку Куропаткина, составленную после возвращения из поездки в Маньчжурию. Экземпляр этого документа Колышко, несомненно, получил из рук Витте. С помощью этой записки он изображал Куропаткина не принципиальным противником, а лишь конкурентом Безобразова. Фельетон кончался ответом на поставленный в заглавии вопрос: «Кто более?». Ответ этот гласил: «Судите теперь, кто более виноват в войне... Думается, — оба».³⁹

Витте не пренебрегал никакой возможностью, чтобы пустить в обращение через различные печатные каналы угодные ему версии. Даже короткое и бурное время своего премьерства он использовал в этих целях, продолжая, в частности, установленный им еще раньше контакт с немецким журналистом А. Полли, директором Петербургского корреспондентского бюро, автором изданной в 1906 г. в Германии книги «О русской революции и обновлении России».⁴⁰ Первый раздел книги, озаглавленный «Русско-японская война и ее причины», состоял из шести писем-статей, написанных в апреле 1905 г., и открывался постановкой вопроса о виновниках войны. Представлял он собой словно краткий вариант на самом деле еще ненаписанного «Возникновения русско-японской войны». Речь шла и об истории безобразовских концессий, и о роли Плеве в поощрении «безобразовщины». Же-

лезнодорожные предприятия Витте на Дальнем Востоке Полли оценивал, разумеется, одобрительно. Но затем-де сказался «бюрократический режим», «черствый эгоизм погубил интересы отечества», началась безобразовская «афера», которой и «объясняется все, что переживает сегодня Россия».⁴¹

Фигура Витте как вдохновителя этого сочинения проглядывала сквозь очень уж прозрачные комплименты, которые делал ему автор. «Нижеследующее изложение, — провозглашал Полли свою цель, — должно показать, какую тяжелую и всеобъемлющую борьбу должен был вести ясновидящий государственный муж... против подводных течений, которые грозили воспрепятствовать и придать противоположное направление его работе, а также, что в роковых последствиях русской политики в Маньчжурии вины Витте нет».⁴² Следы знакомства с официальными документами минувших лет были в книге Полли еще значительнее, чем в статьях Колышко. Он и сам заявлял в предисловии, что дает «изложение надежных ведомственных откровений» и должен был бы поблагодарить поименно «высоких государственных сановников», снабжавших его информацией и помогавших ему иными путями, но не делает этого, так как их много и «из уважения» к их высоким постам.⁴³ По-видимому, роль Витте в этом деле, действительно, не осталась тайной или загадкой. В течение полугода Витте никак не откликнулся на эту книгу, вышедшую в конце мая 1906 г. и сейчас же полученную им от Полли с дарственной надписью. И вдруг он (с явной целью опровергнуть какие-то сообщения, возлагающие на него ответственность за книгу Полли) передал по телеграфу специальное заявление в «Frankfurter Zeitung», напечатанное 3(16) ноября 1906 г. Прежде всего он утверждал, что книги Полли не только не читал, но и «не видел». Он, однако, не допускает, чтобы автор утверждал или давал понять, что получил от него, Витте, «секретные сообщения или документы».

Обычно Витте, если подобные его действия получали огласку, совершенно отрекался от использованного им в своих целях журналиста. Хотя о Полли он не сказал ничего резкого, того возмутило и это заявление Витте, «понять смысл и цель которого не удалось» не только ему самому, но и никому из тех лиц, к которым он за этим обращался. Он собственными руками отправил Витте один из первых экземпляров своей книги со словами благодарности за помощь в ее написании, а Витте теперь заявляет, что он ее никогда не видел! И взволнованный немец немедленно обратился к Витте с открытым письмом, в котором обстоятельно изложил историю появления своей книги.⁴⁴

«В книге нет ничего, кроме объективной оценки Вашей политической личности и восхваления Вашей восточноазиатской политики, как это признает и „Frankfurter Zeitung“ в примечании к опубликованной телеграмме, — писал он. — ...Первый раздел книги, состоящий из шести писем, содержит изложение причин и происхождения русско-японской войны. Сделано это главным образом на основании материалов, которые были мне переданы по Вашему поручению одним высшим чиновником Министерства

финансов, состоящим на службе и поныне, причем было ясно указано, что эти материалы предназначены мне одному и никакому другому публицисту не должны быть доступны. Одновременно этот же чиновник поручил одному из самых высокопоставленных своих помощников, который также состоит на службе и поныне, оказать мне помощь переводом означенных материалов. Я тогда же письменно засвидетельствовал Вашему превосходительству свою благодарность за этот доверительный акт, равно как и посреднику, которому я выразил это еще и устно. Как в бытность Вашу председателем Совета министров, так и до этого Ваше превосходительство сначала лично, а позже через то же доверенное лицо пользовались моими услугами». ⁴⁵ В свете этого письма двусмысленность заявления Витте во «Frankfurter Zeitung» становится столь же ясна, как и происхождение книги Полли.

Осенью 1906 г., когда Витте только что вернулся из-за границы и оказался перед лицом открытой против него кампании в придворных кругах, причастность к книге немецкого журналиста, где резко критиковался существовавший в России бюрократический режим, могла только повредить теперь уже опальному премьер-министру. Инцидент с книгой Полли должен был послужить Витте предостережением. И хотя работа над рукописью «Возникновение русско-японской войны» продолжалась, и к апрелю 1907 г. рукопись была завершена, нечего было и думать о ее скорой публикации, тем более что в книге было много прямых упоминаний о Николае II, фактов, нелестно его характеризующих. А кончалась она прямым выпадом против царя, обвинением его в самоуверенности и близорукости. «Насколько государь император не ожидал разрыва, — писал Витте, — видно из того, что в сентябре месяце он уехал в Дармштадт и вернулся в Петербург поздней осенью. Когда император Вильгельм предупреждал его в Дармштадте, что японцы энергично готовятся к войне, его величество отвечал, что войны не будет, потому что он воевать не хочет». ⁴⁶

Оставить рукопись такого содержания лежащей без всякого применения Витте, конечно, не желал и намерен был использовать ее как источник для издания инспирированных произведений. При этом открыто продолжал полемику с Коковцовым по поводу финансовой политики правительства, подчеркивая отрицательное влияние войны на финансовое положение России, войны, за происхождение которой он снимал с себя всякую ответственность. Это был удобный способ противопоставить свою финансовую политику политике Коковцова. В самом деле, ему, Витте, Россия обязана введением устойчивой валюты. Пока он был министром финансов, все обстояло хорошо. Стоило ему покинуть этот пост, как начались трудности. Война подорвала финансовое положение страны и ускорила революцию. Витте важно было подчеркнуть, что к моменту, когда он выступил в роли спасителя самодержавия от военного и политического краха — привез мирный договор из Портсмута и возглавил борьбу с революцией, финансовое положение страны было уже подорвано. Коковцов же, оберегая свою репутацию, стремился доказать, что,

несмотря на тяжелую войну, ему удалось сохранить устойчивость денежного обращения, нарушенного именно революцией, причем в период премьерства Витте, т. е. после октября 1905 г.

Делать вид, что он не имел никакого отношения к кризису золотой валюты в ноябре 1905—апреле 1906 г., Витте, разумеется, не мог, да и не собирался. Позднее, правда, он постарался и из этого кризиса извлечь выгоду для своей репутации, приписав себе все заслуги в деле заключения займа 1906 г., избавившего правительство от необходимости приостановить размен. В полемике с Коковцовым в 1907 г. вопрос этот пока что не поднимался. Однако известно, что Витте к этому времени был уже занят сбором документов о займе 1906 г. и готовил к печати брошюру под названием «Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 г., спасший финансовое положение России».⁴⁷ В этой брошюре Коковцов был представлен простым техническим исполнителем заранее подготовленной Витте финансовой операции.

Начиная с 1907 г. Витте избирает Коковцова постоянной мишенью для критики, обвиняя своего преемника на посту министра финансов в отходе от выработанных им, Витте, принципов финансовой политики. Несомненно, что следы возникавшей взаимной неприязни уже носит на себе и полемика между ними в феврале—апреле 1907 г. по вопросам денежного обращения. В итоге ее, несмотря на проявленную Витте настойчивость, Коковцов все-таки считал преждевременным значительно увеличивать количество находившегося в обращении золота. Однако он признал полезным изменить кассовую политику Государственного банка в том отношении, чтобы производить выдачи золотом не только по прямым требованиям получателей (как это было установлено в начале войны), но и по инициативе кассиров, однако так, чтобы «при этих выдачах было принимаемо во внимание количество золота, обратно приливающего в кассы».⁴⁸

Лишь спустя два года, когда финансовое и политическое положение России значительно укрепилось, Коковцов решился увеличить приток в обращение золотой монеты. К этому же времени относятся и попытки Коковцова внести некоторые изменения в финансовую политику правительства.

Несмотря на попытку покушения и продолжавшие поступать угрозы со стороны правых, Витте вел достаточно открытый образ жизни. Он разъезжал на автомобиле по Петербургу, навещал своих отставных сослуживцев по Совету министров, в частности И. И. Толстого, бывал на завтраках у вел. кн. Владимира Александровича, заезжал к Д. Гинцбургу, принимал у себя самую разнообразную публику. На завтраках в Белом доме бывали французский посол Морис Бомпар, известный французский писатель Анатоль Леруа Болье, корреспондент «Дейли телеграф» Эмиль Диллон, генерал Ф. В. Дубасов. Частым гостем у Витте в это время был и И. И. Толстой.

В первые месяцы после своего возвращения из-за границы Витте сосредоточил свое внимание на критике финансовой политики правительства и в то же время довольно снисходительно относился к П. А. Столыпину, видел в нем честного и прямодуш-

ного человека, хотя и ограниченного и взявшегося «за задачу, которая ему не по плечу».⁴⁹ Витте считал, что члены первой Государственной думы совершили роковую ошибку, способную «отсрочить русскую реформу на много лет» и даже привести к катастрофе: «способные и знающие люди, составляющие кадетскую партию первой Думы, вместо того, чтобы яростно нападать на него», должны были воспользоваться случаем, «который предоставился России в зимнее полугодие 1905—1906 гг.». Если бы они «вместо того, чтобы орать и козырять своим радикализмом, засели в первой Думе за работу», то «могли бы сделать многое». По мнению Витте, «первая Дума по своему составу была неизмеримо выше второй, состоящей из людей даже ниже среднего уровня». Он предрекал ей неизбежный роспуск. Витте возмущался «ролью всероссийского дворянства, лишенного капли политического разума и даже порядочности».⁵⁰ Ругая «жидовскую революцию», Витте основную ответственность за происходившее в России возлагал на царя и придворные сферы. Он обвинял Николая II и императрицу в том, что они «погрязли в мистицизме... занимаются спиритизмом и применяют даже в суждениях о политических вопросах какие-то мистически-религиозные методы, веря в чудеса, в божественное предопределение и таинственное предназначение тех или иных лиц и имен даже совершить какие-то дела...» Во время встречи с И. И. Толстым в первых числах мая 1907 г. Витте прямо заявил, что считает «государя и императрицу ненормальными, а потому готов признать, что правительство при существующем характере Николая II не в состоянии будет вывести Россию из настоящего положения и приходится рассчитывать только на Николу Угодника, т. е. на естественную эволюцию».⁵¹

Витте хорошо было известно, что Николай II считал его обманщиком и винил во всех российских бедах. Царь был уверен, что благодаря его «твердости» к весне 1908 г. «русская разруха кончилась», что революции «в сущности, не было», Россия выиграла войну с Японией, а Портсмутский договор был ошибкой, так как помешал это доказать.⁵²

Чтобы поставить под сомнение славу Витте как человека, заключившего мир с Японией, его противники заявляли теперь, что необходимости в мире не было, так как русская армия была-де готова продолжать войну. В ответ на это Витте заявил нескольким членам Государственного совета, что в свое время Линевич и Куропаткин ничего подобного о готовности армии не говорили. Куропаткин обратился к Витте с протестующим письмом,⁵³ и между ними началась «война документов».⁵⁴

По-видимому, именно в это время А. Н. Гурьев получил от Витте предложение заняться составлением контрсочинения по поводу четвертого тома изданного Куропаткиным в 1906 г. секретным образом отчета о русско-японской войне (том этот, носивший название «Итоги войны», был переиздан за границей, и извлечения из него попали в русскую печать). Гурьев в своем ответе на предложение Витте исходил из того, что поручаемое ему сочинение в отличие от «Возникновения русско-японской войны»

предназначено к опубликованию в недалеком будущем под собственным именем Витте, как это в действительности и произошло, и потому должно быть совершенно верноподданническим. «Куропаткин построил свою историю возникновения войны на тезисе: „Государь и Куропаткин не желали войны“. Следует изложить дело по тезису: „Государь и Витте не желали войны“», — писал Гурьев Витте, излагая программу его, Витте, будущей книги, и тут же добавлял: «Как это и было в действительности». Сознавая выгодность своего положения как человека, хорошо знающего весь виттевский материал, Гурьев беззастенчиво торговался, требуя, чтобы отставной министр за службу пером устроил банковскую поддержку очередному его, Гурьева, коммерческому предприятию, без чего он-де не сможет немедленно приступить к делу.⁵⁵

В июне 1909 г. Витте подписал готовый текст, напечатанный на правах рукописи за его собственный счет. Помимо вопроса о виновниках войны, изложенного совершенно в духе предложенной Гурьевым программы, с некоторыми заимствованиями из «Возникновения русско-японской войны», в нем опровергались и утверждения Куропаткина относительно недостаточности ассигнований на военные мероприятия на Дальнем Востоке и ответственности за это Витте, что, впрочем, также предусматривалось программой Гурьева, по-видимому полностью принятой Витте. Витте открыто брал на себя защиту от опровержений Куропаткина уже упоминавшегося нами фельетона Рославлева-Колышко в газете «Рассвет», тем самым выдавая свою причастность к его появлению.⁵⁶

В конце 1909—начале 1910 г. Витте снова усилил активность в распространении своей версии происхождения войны. В газете «Новая Русь» появилась серия из пяти статей за подписью «Радомир» под названием «Кто непосредственный виновник нашей войны с Японией».⁵⁷ Радомир, по нашему предположению — все тот же И. И. Колышко (он же — Баян, Рославлев, Рогдай), утверждал, что непосредственный виновник войны — А. М. Абаза. В подтверждение приводилась история его вмешательства в русско-японские переговоры, уже изложенная в Записке Министерства иностранных дел. Куропаткина Радомир не задевал, но через несколько недель, в феврале 1910 г., Витте сделал это сам, причем в такой форме, что получил от него вызов на дуэль. Поводом к вызову послужила речь Витте в Инженерной академии в прениях по докладу генерал-лейтенанта Величко, который заявил, что Порт-Артур был слабо укреплен из-за «диктатуры металла, министра финансов», не дававшего достаточно денег. Витте в своей речи по существу огласил краткое содержание написанного Гурьевым ответа Куропаткину.⁵⁸ А через год последовало разрешение на свободное пользование изданной Витте брошюрой, и она была переиздана как общедоступная.⁵⁹

Отношение к нему царской четы и в правящих сферах только подталкивало Витте к тому, чтобы отстаивать разными способами свою версию происхождения войны и революции и в благоприятном свете представить общественному мнению свою роль в

этих событиях. Этой цели прежде всего должны были служить воспоминания. Работу над ними Витте начал зимой 1906—1907 гг., когда готовилась под его руководством, на материалах его личного архива и на основании его собственноручных замечаний, отчасти мемуарного характера, рукопись «Возникновение русско-японской войны». Это сочинение Витте относил к числу «как бы личных мемуаров... по делам, относящимся к Дальнему Востоку».⁶⁰ Когда оно было закончено весной 1907 г., Витте приступил к работе над «рукописными заметками», которые он уже без всяких оговорок называл воспоминаниями, причем не ставил их в связь с «Возникновением русско-японской войны», а подчеркивал их совершенно самостоятельный характер.⁶¹ Однако между этими сочинениями существовала несомненная связь, и потому, что первое из них Витте, хотя и условно, называл своими мемуарами, и потому, что в рукописных заметках дальневосточная тема получила свое дальнейшее развитие. Кроме того, описание событий в рукописных заметках начиналось с осени 1903 г. т. е. с того самого времени, которым кончалось «Возникновение русско-японской войны».

Витте писал свои рукописные заметки за границей и закончил над ними работу в октябре 1912 г. Зимой 1910—1911 гг., находясь в Петербурге, он начал параллельно диктовать «стенографические рассказы», тематически самым тесным образом связанные с рукописными заметками и во многом их повторяющие. Эти рассказы начинались воспоминаниями о детстве и были доведены Витте до 1911 г.

11(24) октября 1912 г., как бы подводя итог всей своей работе над мемуарами, Витте сделал запись, которую можно считать его литературным завещанием: «Итак, я оставляю: 1) историю возникновения русско-японской войны (эта работа составлена при сотрудничестве некоторых лиц, которые были моими сотрудниками, когда я был министром финансов), работа эта состоит из двух томов и тома приложений — ее можно напечатать сейчас после моей смерти; 2) стенографические рассказы (можно тоже напечатать после моей смерти с некоторыми выпусками, касающимися лиц, еще живущих), — и, наконец, настоящие мои рукописные заметки, которые тоже должны быть в ближайшее время после моей смерти напечатаны. Прошу это в точности исполнить».⁶²

Впрочем, первым, кто нарушил это завещание, был не кто иной, как сам Витте. Работа над воспоминаниями была с самого начала связана у него с публицистической деятельностью, и Витте охотно знакомил журналистов, сотрудничавших с ним, с фрагментами еще незаконченной рукописи, а порою и передавал их для опубликования под чужими именами или псевдонимами. Быть осторожным Витте вынуждало пристальное внимание к его особе и политической активности со стороны правительства П. А. Столыпина.

Снисходительное отношение к Столыпину довольно скоро сменилось у Витте чувством глубокой неприязни и даже ненависти. Витте угнетало сознание, что «борьба с узким русским нацио-

нализмом, грозящим России серьезными бедами, безнадежна», ибо «во главе национализма (политического и религиозного) стоит сам государь» и «почти все министры исповедуют ту же веру». ⁶³ Витте не видел в России сил, способных вывести страну из кризиса. Он резко отзывался не только о кадетях, но и об октябристах. «Это не партия с какой-либо программой, а оппортунисты самой низкой пробы с карьеристическими тенденциями, говорил он И. И. Толстому. — Я предпочитаю им черносотенцев и социал-демократов: эти хотя знают, чего хотят и имеют программу!». ⁶⁴

Витте подверг резкой критике даже аграрные преобразования Столыпина. Он не без основания утверждал, что проект столыпинской реформы был «заимствован из трудов» Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности, «но искорверкан... после того как он подвергся хирургическим операциям в полицейских кругах». «Индивидуальная собственность, — подчеркивал Витте, — была введена так, как высказалось и сельскохозяйственное совещание; но... не по добровольному согласию крестьян, а принудительным порядком... без всякого определения прав частного собственника и без выработанного для этих новых частных собственников-крестьян правомерного судоустройства». Витте допускал возможность того, что «время переработает... этот закон» и в конечном счете «образуется новое удовлетворительное устройство крестьян», но предсказывал, что «ранее достижения такого результата последуют большие смуты и беспорядки, вызванные именно близорукостью и полицейским духом этого нового крестьянского закона». Витте видел в Столыпине не просто политического соперника, но гонителя и даже врага. ⁶⁵

В апреле 1911 г. в гостях у И. И. Толстого Витте, обозвав Столыпина «дураком и наглецом», который «черт знает куда» ведет страну, пророчествовал, что Столыпин, несмотря на это, «останется у власти», а «избавить Россию» от него «может только случай: какое-нибудь автомобильное несчастье или случайная болезнь и т. п.». ⁶⁶ Естественно, что гибель Столыпина в августе 1911 г. Витте встретил с чувством облегчения.

В сентябре 1911 г. Витте вступил в газетную полемику с одним из лидеров октябристов А. И. Гучковым. Поводом послужило выступление А. И. Гучкова на закрытом заседании центрального комитета «Союза 17 октября» с речью о Столыпине. Сообщение об этом событии появилось в хронике «Нового времени» 15 сентября 1911 г. Из газетного отчета следовало, что при формировании кабинета Витте осенью 1905 г. обсуждался вопрос о возможном назначении Столыпина на пост министра внутренних дел, и Витте будто бы даже направил Столыпину телеграмму, пригласив его приехать в Петербург. Витте выступил с опровержением этого факта и воспользовался случаем, чтобы противопоставить свою политику режиму Столыпина. Он обвинил Столыпина во введении «исключительного порядка смертных казней» и в большом их количестве. На одну из статей Витте неожиданно откликнулся В. И. Тимирязев, занимавший в кабинете Витте пост министра торговли и промышленности. В беседе с

корреспондентом «Нового времени», опубликованной в газете 19 октября (1 ноября) 1911 г., Тимирязев заявил, что Витте в полемике с Гучковым выдает всю систему карательных методов правительства, применявшихся не только при Столыпине, но и при Витте, и что это недопустимо без «высокого на то разрешения». Тимирязев заметил, что обвинения в адрес Столыпина «в устах государственного мужа, при котором совершались карательные экспедиции и была сделана попытка чрезвычайного расширения военно-полевой юрисдикции» выглядят по меньшей мере странно.

Он вспомнил, как Витте уговаривал членов своего кабинета «не делать разногласий» при обсуждении вопроса о военно-полевых судах.

Именно закон о смертных казнях Витте сделал темой своего ответа Тимирязеву, опубликовав в газете «Русское слово» 29 октября 1911 г. беседу с ее корреспондентом. Прежде всего он в пику Тимирязеву заявил, что своим рассказом об обсуждении этого закона тот тоже выдает государственную тайну. Витте утверждал, что закон имел целью не «расширять» военно-полевую юрисдикцию, а лишь «точно урегулировать ее» и что он был отвергнут всеми членами его кабинета.

Тема борьбы с революцией заняла значительное место в публицистических выступлениях Витте в 1911—1914 гг. В 1911 г. в Москве в издательстве Сытина вышла в свет брошюра В. И. фон Штейна, посвященная событиям первой русской революции.⁶⁷ Современникам было известно, что к выходу в свет «Исхода российской революции» причастен сам Витте и что он не так уж сильно заинтересован в сокрытии этой причастности.⁶⁸

В брошюре содержалась хроника революционных событий, описание их характера и опасностей, которым подвергалось царское правительство. Особенно подчеркивалось, что в местах массовых революционных выступлений не было сколько-нибудь значительных воинских сил, так как большая часть армии была за Байкалом, прочие войска были сосредоточены на окраинах, а европейская часть России «прямо-таки была оголена от войск». И только Витте, который карательными мерами на железных дорогах обеспечил перевозку войск с Востока, создал условия для подавления революции. Но главным в брошюре были для Витте пространные рассуждения об эффективности его приемов подавления революции, апология карательной политики его правительства, которая потому-де и была эффективна, что основывалась на правильном его, Витте, понимании природы российской буржуазии. Витте свел власть и буржуазию и заставил их протянуть друг другу руки перед лицом революционного народа. Это ли не заслуга его перед обеими сторонами? Таков был лейтмотив «Исхода русской революции».

Едва успела эта брошюра появиться в свет, а может быть и накануне ее появления, Витте уже затеял новое литературное предприятие, посвященное периоду революции 1905 г.

Как можно судить на основании косвенных упоминаний в переписке Витте, задуманное им сочинение он предполагал в зна-

чительной мере посвятить печати революционных лет. Он разослал письма с просьбой предоставить его сотрудникам комплекты газет за революционные годы, адресованной целому ряду газетных издателей и редакторов тех лет. Среди них были: А. А. Суворин, издававший часто менявшую название, близкую к кадетам газету «Гласность» (в 1905—1906 гг. она называлась «Русь» и «Москва»); М. М. Федоров, который предоставил Витте комплект издававшейся им октябристской газеты «Слово»; М. М. Ковалевский, фактически редактировавший в 1906 г. газету «Страна»; кн. Е. С. Трубецкой, издававший орган праволиберальной «партии мирного обновления» журнал «Московская неделя» (затем «Московский еженедельник»); Л. В. Ходский, издававший левокадетские «Наша жизнь», «Товарищ», «Народное хозяйство» и «Вестник свободы»; Л. А. Тихомиров, народоволец-ренегат, сотрудничавший в различных правых газетах. К Мещерскому, как к издателю «Гражданина», Витте решил отнестись несколько осторожнее («раньше переговорите с г. Колышко, как удобнее сделать», — поручил он своему секретарю Н. С. Поморину), но обойти не хотел и его.⁶⁹

Далеко не все эти лица собирались помогать Витте в его затее. «Я отлично понимаю, — писал он Н. С. Поморину, — что теперь никому не хочется расписываться в том, что они писали в 1904—1906 годах, что только показывает, как важно совершить ту работу, которой мы задались. Придется все брать в Публичной библиотеке, поэтому одного человека будет мало, придется взять по крайней мере двух».⁷⁰ В августе Витте дал еще одно указание: «Нужно хорошо проштудировать „Новое время“ вообще и Меншикова в „Новом времени“ в частности, там много найдете весьма интересного. Ну а как с „Гражданином“? Это тоже будет интересный материал... Я думаю, что для плановости работы нужно, чтобы г. Рудченко составил программу».⁷¹

Непосредственным исполнителем этого замысла должен был стать Рудченко, в прошлом чиновник Министерства финансов, а издателем — Ефрон, который незадолго до этого, в 1910 г., принял переиздание старого произведения Витте «Принципы железнодорожных тарифов». Но Ефрон счел новую затею Витте несвоевременной. Витте это, впрочем, не остановило, и 1 июня 1911 г. он отдал через Поморина распоряжение приступить к составлению сочинения, имея в виду издать его через некоторое время у Ефрона или снова у Сытина через Руманова.⁷² Судя по сохранившейся переписке, Витте еще дважды запрашивал Поморина о ходе дела. Один из этих запросов позволяет думать, что дело затянулось по крайней мере на 2 года, и наряду с Рудченко его участником стал Гессен.⁷³

Какова была судьба этого предприятия Витте, была ли сделана задуманная им работа — об этом дошедшие до нас документы ничего не говорят. Нам известно также, чтобы подобное сочинение когда-либо было издано. В бумагах Витте нет ни рукописи, ни подготовленных материалов, которые были бы связаны с этим замыслом. Впрочем, как видно из упоминания Витте в одном из писем к Поморину, работа была завершена или близка

к этому, но с изданием ее (теперь уже у Сытина) так ничего и не получилось. Сердясь на Руманова, не выполнявшего исторгнутых у него обещаний относительно помещения в «Русском слове» инспирированных статей и сообщений, Витте писал Поморину: «Так же с историей Рудченко, Штейна и проч. Просто жалкий вун, с которым невозможно иметь дело».⁷⁴

Порученная Рудченко работа, по-видимому, должна была, по замыслу Витте, служить дополнением к рукописи, составленной еще в бытность его председателем Совета министров и посвященной ходу революционных событий до того, как он занял этот пост. Нам приходилось уже писать, что царь попытался лишить Витте возможности влиять на ее содержание, но Витте добился своего, и дело оказалось в его руках. В результате появились три варианта рукописи. Первый на 99 страницах машинописи: «Общественное движение в России с 1 января 1904 г. по 17 октября 1905 г. Проект записки для графа С. Ю. Витте, составленный ревизором Департамента кредитной отчетности Госуд. контроля Л. М. Гольдмерштейном».⁷⁵ На основе переработки и дополнения этого варианта возник новый под тем же заглавием, но с указанием на то, что он составлен В. А. Дмитриевым-Мамоновым.⁷⁶ И наконец, последний вариант, лишенный сведений об авторстве и, по-видимому, утверждаемый Витте, носил название «Накануне 17 октября. Исторический очерк общественного движения в России».⁷⁷ Изложение в нем начиналось с 1899 г., его объем составлял несколько сот страниц машинописи.

В 1912 г. Витте в числе прочих материалов передал эту рукопись редактору журнала «Исторический вестник» Б. Б. Глинскому, который, по своему обыкновению, в значительной части воспроизвел ее в большой серии очерков о революции 1905 г., печатавшейся под названием «Развенчанные герои революции» в «Историческом вестнике» в 1913 г. (№ 6—12).

Рукопись «Накануне 17 октября» должна была показать, в каком критическом положении находилось царское правительство накануне опубликования манифеста. Едва закончилась ее публикация на страницах «Исторического вестника», как Витте издал ее на французском языке в виде книги под именем Пьера Марка.⁷⁸

В 1912 г. Витте заключил с Глинским «соглашение» о передаче ему для опубликования в «Историческом вестнике» под его, Глинского, именем ряда материалов из своего архива. «Исторический вестник» был удобен Витте по двум причинам. Это был исторический журнал, как бы не касавшийся острых вопросов современности, и кроме того, обладавший совершенно определенной консервативной репутацией. В течение 1912 и 1913 гг. здесь регулярно помещались статьи Глинского, представлявшие собой воспроизведение или изложение полученных от Витте материалов.

Так, двумя специальными статьями в 1913 г. был освещен вопрос о составлении в 1906 г. основных законов и роли в этом Витте. В феврале 1913 г. появилась статья Б. Б. Глинского «О титуле самодержец». Она представляла собой перепечатку иностранной исторической справки, заказанной Витте в 1906 г. для

того, чтобы определить, сохраняется ли за царем после манифеста 17 октября титул «самодержца». Автор справки С. А. Князьков отвечал на этот вопрос положительно. В статье Глинского он не был даже назван, хотя справка эта была напечатана еще в 1906 г. на правах рукописи.⁷⁹

В начале 1914 г. «Исторический вестник» начал печатать «Возникновение русско-японской войны» под именем Глинского и под названием «Пролог русско-японской войны». Одновременно было подготовлено и издано в Лейпциге под именем Пьера Марка французское издание книги.⁸⁰ Витте с самого начала имел в виду издание «Пролога» отдельной книгой и на русском языке.⁸¹ Однако Глинский сделал это лишь через год после его смерти.⁸² Книга отличалась от журнального варианта лишь исключением статей Nemo, которые были воспроизведены в одном из номеров журнала. В своем предисловии Глинский заявлял, что получил «материалы» от Витте в 1912 г., но не упоминал о том, что они представляли собой готовую рукопись, которую Витте считал частью своих мемуаров.

В ноябре 1913—марте 1914 г. Витте открыл широкую кампанию против министра финансов и премьер-министра В. Н. Коковцова. Он выступил с рядом статей о железнодорожной политике Коковцова, в которых, критикуя эту политику, противопоставлял ей свои заслуги в области казенного железнодорожного строительства. В результате в этих статьях нашли отражение как основные взгляды Витте на вопросы железнодорожной политики, высказывавшиеся им на страницах воспоминаний, так и некоторые эпизоды его биографии, связанные с железнодорожным делом. Критику железнодорожной политики Коковцова в печати Витте начал как раз в период переговоров о новом крупном займе, которые русское финансовое ведомство (после целой серии гарантированных правительством железнодорожных займов, заключенных во Франции в 1910—1912 гг.) вело в Париже в конце 1913 г. Возможно, что Витте не прочь был сорвать эту финансовую операцию Коковцова. Не случайно одна из первых же статей Витте против Коковцова, появившаяся в «Новом времени» в ноябре 1913 г., называлась «Беседа с гр. С. Ю. Витте (О железнодорожных займах и строительстве)».⁸³ Витте обрушился на железнодорожную политику правительства Коковцова с критикой как за то, что оно (следуя примеру правительства Столыпина) не считается с мнением Думы, и «все концессии частных железнодорожных обществ, требующих гарантий своих капиталов со стороны казны, проходят прямо через второй департамент Государственного совета, а не через законодательные учреждения»,⁸⁴ так и за то, что оно отступило от принципов железнодорожной политики, проводившейся при Александре III.

В опубликованной в декабре 1913 г. в «Биржевых ведомостях» за подписью «Инсаров» статье «Гр. С. Ю. Витте о нашем железнодорожном строительстве» от имени Витте выдвигалось одиннадцать пунктов обвинений против железнодорожной политики Коковцова.⁸⁵ Витте обвинял Коковцова в том, что тот ведет частное железнодорожное строительство фактически на государствен-

ные деньги, что помещение во Франции частных железнодорожных облигаций, гарантированных правительством, есть на деле худший вид государственных займов, так как они подлежат там высокому обложению, что деньги, получаемые от реализации этих облигаций, до начала строительства дорог находятся в русских частных банках и используются для биржевых спекуляций и т. д. «Вся эта новая система представляет собою лишь цветочки, — говорилось в заключительной части статьи, — и если не будут приняты меры для ее урегулирования, то появятся ядовитые ягодки».⁸⁶

Хотя кампанию против Коковцова в печати Витте открыл критикой его железнодорожных займов, основным в их полемике очень скоро сделался вопрос о государственном займе 1906 г., который сыграл столь значительную роль в подавлении революции 1905—1907 гг., что даже 8 лет спустя ни Витте, ни Коковцов не желали уступить друг другу лавров главного его устроителя.

В конце 1913 г. Витте издал на правах рукописи только в 40 экземплярах и с грифом «конфиденциально» небольшую брошюру по истории займа 1906 г.⁸⁷ Подбор документов для этого издания Витте произвел заблаговременно. Во всяком случае к тому времени, когда Витте написал тот раздел своих рукописных заметок, который посвящен истории займа 1906 г., это было уже сделано. И рассказав о том, что Коковцов в Государственной думе выставляет себя спасителем царизма от финансового банкротства в 1906 г., Витте далее написал в своих мемуарах: «Вследствие таких заявлений его я собрал сохранившиеся у меня документы по займу 1906 г., которые составляют отдельную папку в моем архиве».⁸⁸

Под новый 1914 г. вместе с новогодними поздравлениями Витте разослал экземпляры своей брошюры целому ряду видных сановников, в том числе Коковцову, Акимову, Танееву, Рухлову, Дурново и всем членам Комитета финансов. Первый экземпляр справки Витте отправил самому Николаю II. То ли в планы Витте не входило скрывать причины, побудившие его напечатать справку о займе 1906 г., то ли он считал заведомо обреченной и наивной даже самую попытку сделать это, во всяком случае, отправляя царю экземпляр справки, Витте прямо написал, что составил ее, поскольку история займа 1906 г. постоянно упоминается в «официальных речах и газетных интервью с припискою авторства займа не его настоящему автору», а Коковцову.⁸⁹ Чтобы заранее отвести от себя обвинения в разглашении документов, всего шесть лет тому назад представлявших собой секретную переписку большой государственной важности, Витте подчеркнул в письме к Николаю II, что он «по осторожности» не включил в справку документы, которые «по политическим соображениям поместить было бы неудобно», и что он намерен раздать справку «только некоторым государственным деятелям».⁹⁰

29 января 1914 г., накануне опубликования рескрипта об отставке Коковцова с поста премьер-министра, на страницах газеты «День» появилась небольшая статья без подписи под названием «Переписка С. Ю. Витте с В. Н. Коковцовым», в которой гово-

рилось о выходе «книги» Витте, посвященной истории заключения займа 1906 г., и об обмене письмами, который состоялся в связи с этим между Коковцовым и Витте. Статья в газете «День» носила несомненно враждебный по отношению к Витте характер. Прежде всего автор ее весьма недвусмысленно намекал на причастность Витте к кампании против Коковцова и ставил появление справки в прямую связь с этой кампанией. В статье подчеркивалось, что Витте «не удовлетворялся обычным путем распространения своей книги» и «представил через особое лицо один экземпляр ее на просмотр сфер», которые «усмотрели ... цель издания книги на 32 странице ее» и после просмотра переслали свой экземпляр Коковцову, обратив на это его внимание. «Статс-секретарь В. Н. Коковцов, — говорилось далее в статье, — получив экземпляр книги и узнав отношение к нему сфер, прежде всего навел справку, касающуюся также 32-й страницы. Оказалось, что в этом факте граф перепутал. Г. Вышнеградский еще в сентябре 1905 года ушел из Министерства финансов и ко времени заключения займа, т. е. в 1906 году, вовсе не состоял в нем. Эта справка была доложена».⁹¹

Далее было сказано, будто Коковцов, получив от Витте экземпляр «книги» с препроводительным письмом, ответил ему, «что он уже имел возможность ознакомиться» с его трудом, «так как брошюра была ему сообщена и даже с мнением сфер, что она, вероятно, написана вся для 32-й страницы».⁹² Между тем в письме Коковцова ничего подобного сказано не было, как не было в письме Коковцова и фразы, которой оно, по утверждению автора статьи в газете «День», якобы кончалось, а именно: «Председатель Совета министров позволяет себе думать, что все документы, относящиеся к государственным делам времени пребывания графа у власти, сданы им в государственный архив, а не хранятся у него, графа».⁹³

Такое несоответствие действительного содержания письма Коковцова тому, что о нем было написано на страницах газеты «День», заставляет поставить под сомнение и остальную часть статьи, в частности утверждение о том, что Коковцов будто бы представил в «сферы» специальную записку относительно участия в переговорах о займе Вышнеградского, тем более что сам Коковцов в своих воспоминаниях, написанных значительно позднее, признает факт активного участия в переговорах о займе Вышнеградского и Утина, хотя и подчеркивает, что они выступали в этих переговорах как представители частных русских банков.⁹⁴

Чем же можно объяснить расхождение между действительным содержанием письма Коковцова и его изложением в газете «День»? Может быть, недостаточной осведомленностью автора статьи? Такое предположение кажется маловероятным, и вообще трудно предположить, чтобы подобная статья, написанная в защиту Коковцова и направленная против Витте, могла бы появиться на страницах печати без ведома Коковцова, в день опубликования статьи бывшего еще премьер-министром. Возникает предположение, не было ли в статье допущено намеренное искажение письма Коковцова Витте и не дописал ли Коковцов в этой

анонимной статье своей или чужой рукой то, что он не решился или считал бесполезным писать в частном письме своему политическому сопернику. В самом деле, какой смысл имели бы в таком письме, например, упреки в адрес Витте в том, что тот хранил в своем личном архиве документы большой государственной важности, в то время как этот же упрек, сделанный на страницах газеты, приобретал уже характер сделанного публично доноса?⁹⁵ Возможно, что подобного рода соображениями Коковцов и руководствовался, написав нарочито любезное и несколько униженное, хотя и ядовитое, личное письмо Витте и решив в то же время дать бой своему противнику в «сферах» и в печати.

Витте не только открыл кампанию против Коковцова в печати, но и выступил против него в Государственном совете, обвинив в использовании винной монополии не для борьбы с пьянством, а для «выкачивания из народа... денег в казну». Витте утверждал, что «питейный доход» государства за десять лет (с 1903 по 1913 г.) подскочил на 500 млн. руб., т. е. на сумму, в три с лишним раза превышающую бюджет Министерства народного просвещения. «Русский народ, — заявил Витте на заседании Государственного совета 10 января 1914 г., — тратит в год на водку 1 млрд руб., а государство тратит на Министерство народного просвещения только 160 млн. руб.».⁹⁶

Выступление Витте вызвало настоящую стычку между ним и премьер-министром. Коковцов отстаивал свою точку зрения, что доход от продажи спиртных напитков за последние десять лет возрос, но не на 500, а на 320 млн. руб. и не только за счет вздорожания вина, а и в связи с удешевлением его производства и приростом населения.⁹⁷ Коковцов постарался доказать, что именно Витте в бытность свою министром финансов положил начало резкому повышению цен на вино, которое можно было бы расценить как «выкачивание средств из народного кармана». То ли выведенный из себя атаками Витте, то ли сознавая, что дни его премьерства сочтены, Коковцов взял да и раскрыл перед членами Государственного совета всю механику повышения цен на спиртные напитки за последние пятьдесят лет. В 1863 г. был установлен акциз в размере 4 коп. с градуса безводного спирта. Затем в течение года он был увеличен до 5 коп. К моменту введения винной монополии акциз на вино возрос до 10 коп. Следующее резкое повышение цен на вино последовало в 1900 г. До июля 1900 г. продажная цена на вино была 7 руб. за ведро, а в июле она была увеличена до 7 руб. 60 коп. Коковцов подчеркнул, что повышение цен на вино было произведено в 1900 г. «наряду с некоторыми другими налогами без законодательного рассмотрения» «под видом ставок временного характера», вызванных военными расходами. После этого цена на вино повышалась в январе 1905 и в 1908 г. — оба раза на 40 % — и достигла 8 руб. 40 коп. за ведро. Все эти расчеты понадобились Коковцову только для того, чтобы показать, что за десять лет после отставки Витте повышение цен на вино, т. е. «выкачивание из народного кармана», было сделано дважды, всего на 80 коп. за ведро и лишь на 20 коп. более, чем один раз... в 1900 г.»⁹⁸

Коковцов сосредоточил усилия не столько на том, чтобы оправдаться самому, сколько на разоблачениях Витте, всячески подчеркивая, что именно Витте заложил основы существующей экономической политики, а потому на него ложится ответственность за все ее пороки. Между собой и Витте как министрами финансов Коковцов видел разницу прежде всего в том, что ему пришлось действовать в условиях войны и революции, приспособившись к Думе и считаться с фактом постоянного увеличения расходов на оборону, выросших за последнее десятилетие на 500 млн. руб.⁹⁹

Пороча Витте, Коковцов надеялся тем самым оправдать себя в глазах императора. Вместе с председателем Государственного совета М. Г. Акимовым Коковцов обратился с жалобой на поведение Витте. До Акимова доходили слухи, что Витте позволяет себе многое неспроста: «кампания трезвости ведется Мещерским» потому, «что на эту тему постоянно твердит в Царском Селе Распутин и на этом строит свои расчеты и Витте, у которого имеются свои отношения к этому человеку». ¹⁰⁰ Слухи эти были не лишены оснований. Витте действительно поддерживал отношения с Распутиным. В частности, командиру Отдельного корпуса жандармов и товарищу министра внутренних дел В. Ф. Джунковскому было известно, что Распутина «довольно часто посещала М. И. Витте». Она приходила «с черного хода, оставляя экипаж за углом, или приезжала на извозчике, в густом вуале». ¹⁰¹

Жалобу Акимова и Коковцова Николай II встретил сочувственно, просил Коковцова не обращать внимание на «дерзости» Витте, так как все «оценят его неожиданную склонность к народному отрезвлению, после того, что он сам 10 лет только и делал, что поощрял увеличение потребления водки». Однако вслед за этими утешениями 29 января утром Коковцов неожиданно получил письмо царя. Николай II писал о том, что «опыт последних восьми лет убедил» его, что «соединение в одном лице должности председателя Совета министров с должностью министра финансов... неправильно и неудобно в такой стране, как Россия», а «быстрый ход внутренней жизни и поразительный подъем экономических сил страны требует принятия решительных и серьезнейших мер, с чем может справиться только свежий человек». ¹⁰² Это была полная отставка.

Продолжая в январе 1914 г. атаку против Коковцова, Витте не собиравшись ограничиться распространением справки о займе и вскоре после его отставки выступил в печати со статьями, в которых подверг резкой критике всю его финансовую политику. В частности, 26 марта 1914 г. в «Новом времени» появилась большая статья за подписью «Х.» под заглавием «Приятное и мрачное наследство». Статья эта была построена на сопоставлении результатов финансовой политики Витте и Коковцова, в итоге которого автор делал вывод, подсказанный уже самим названием статьи, что Витте перед уходом с поста председателя Совета министров оставил «приятное» наследство, в то время как Коковцов едва не привел страну к финансовой катастрофе. ¹⁰³ Автор статьи обвинял Коковцова в том, что при нем значительно увеличилось держание

золота за границей, постройка и эксплуатация железных дорог казною стали заменяться частным строительством на казенные деньги, которые в свою очередь добывались за счет займов, не выкупались в казну частные железные дороги, сроки выкупа которых наступили, развилась биржевая игра и т. п.

Статья за подписью «Х.», превозносившая финансовую систему Витте и разоблачавшая политику Коковцова, принадлежала перу самого Витте, о чем свидетельствует сохранившееся в его архиве, относящееся к 1914 г. и датированное 20 апреля небольшое письмо, адресованное Н. С. Поморину. Письмо это содержит следующее распоряжение: «Перешлите прилагаемую статью и передайте ее от моего имени Мих. Ал. Суворину, а в случае его отсутствия его заместителю, на случай если он захочет ее напечатать за подписью „Х.“, как была напечатана первая статья».¹⁰⁴ Из этого письма видно, что под «первой» Витте подразумевал статью «Приятное и мрачное наследство». Что же касается новой статьи, которую он теперь через Поморина посылал в редакцию «Нового времени», то ее название нам неизвестно, и лишь можно предполагать (на основании сохранившегося в архиве Витте черновика без начала), что она была посвящена вопросу о государственной задолженности России.¹⁰⁵

Ответ Коковцова на статью от 26 марта не замедлил последовать. Четыре-пять дней спустя в газете «День» в двух номерах была напечатана большая статья под названием «Всеу есть мера», подписанная «П.» и несомненно исходившая от Коковцова. Перед читателями петербургских газет развернулся настоящий словесный турнир двух отставных премьеров, каждый из которых претендовал на право считаться спасителем монархии Николая II, уже не нуждавшейся в услугах ни того ни другого. Автор статьи «Всеу есть мера» весьма определенно давал понять читателям, что за критикой политики Коковцова скрывается не что иное, как попытка самого Витте напомнить о своих «исключительных заслугах в прошлом» и вновь выдвинуться на первый план. «Непонятно, — язвительно писал автор статьи по поводу заслуг Витте, — почему в последнее время о них так много вторят в разных газетах и по большей части в одном стиле».¹⁰⁶ Рассматривая справку о займе, он пытался истолковать помещенные в ней документы в пользу Коковцова. «Из целого ряда документов, — говорилось в статье, — помещенных в этой брошюре, явствует, однако, что гр. Витте тщетно добивался более благоприятных условий заключения этого займа, который первоначально едва ли не были прерваны. И только тогда, когда в Париж был командирован В. Н. Коковцов, ему удалось достигнуть принятия именно этих более благоприятных условий».¹⁰⁷

По-видимому, вопрос о займе 1906 г. продолжал оставаться центральным предметом спора между Витте и Коковцовым, так как Витте прежде всего отреагировал именно на ту часть статьи «Всеу есть мера», которая была посвящена брошюре о займе, и к 8 апреля уже заготовил на нее ответ, который намеревался напечатать в газете «День» от имени А. А. Анспаха, чиновника Министерства торговли и промышленности, сына А. Ф. Анспаха, пе-

тербургского представителя «Revue des Etudes Franco-Russes» и автора вышедшей в 1904 г. в Париже книги об экономической политике Витте.¹⁰⁸ Об этом свидетельствует сохранившееся в бумагах Витте письмо к А. А. Анспаху от 8 апреля 1914 г.¹⁰⁹ К письму был приложен текст статьи, написанной Витте, в которой самым решительным образом заявлялось, что Коковцов к заключению займа 1906 г. совершенно непричастен, а автор статьи «Всеmu есть мера», «очевидно, знаком с делом лишь понаслышке».¹¹⁰ Очевидно, Анспах не оказалось в Петербурге, и переговоры с издателем газеты пришлось вести Поморину. Как видно из телеграммы, которую он послал Витте, опубликование статьи было возможно лишь со ссылкой на просьбу самого Витте.¹¹¹ И действительно, статья в скором времени появилась на страницах газеты «День» без подписи, но с указанием на то, что она печатается по просьбе Витте и в связи с опубликованием в № 87 газеты статьи «Всеmu есть мера», содержание которой напоминалось.¹¹² Почему Витте хотел поместить эту статью за подписью именно А. А. Анспаха? Очевидно потому, что А. А. Анспах в качестве сотрудника Витте принимал участие в составлении брошюры о займе 1906 г. 20 апреля 1914 г. Витте одновременно с уже цитировавшимся выше письмом Поморину написал ему второе письмо с распоряжением на тот случай, если его статья будет напечатана в «Новом времени», а «День» выступит с возражениями. «Если паче чаяния, — писал Витте, — последует в „Дне“ возражение, пользуясь моим отсутствием, а вернется Анспах, то так как он имеет брошюру со своими документами, то от моего имени попросите его ответить за свою подписью, сославшись на те или иные документы и заявив, что ему документы эти известны как одному из моих сотрудников».¹¹³

В начале мая 1914 г. «Новое время» заняло резко отрицательную позицию по отношению к выступлениям Витте в печати с критикой финансовой политики Коковцова, особенно в иностранных газетах. Непосредственным поводом для этого послужило выступление Витте 27 апреля (10 мая) 1914 г. на страницах немецкой газеты «Vossische Zeitung» с интервью по поводу назначения Шипова управляющим Государственным банком, а Барка — министром финансов. Интервью это Витте дал в Биаррице сотруднику газеты, берлинскому издателю некоторых его сочинений Иосифу Мельнику. Высказавшись решительно в пользу назначения Шипова и Барка, а также вообще в поддержку правительства Горемыкина, Витте заявил в своем интервью, что Коковцов «поколебал основы финансового равновесия в России в столь высокой мере, что если бы его дальше оставили в должности, наступила бы без всякого сомнения катастрофа».¹¹⁴ Вскоре вслед за этим полемика между Витте и Коковцовым нашла отражение и в других иностранных газетах, в том числе в «Neue Zürcher Zeitung» и «Neue Freie Presse».

Попытка Витте перенести полемику с Коковцовым на страницы зарубежных газет вызвала недовольство официальных петербургских кругов и, видимо, самого Николая II. Отражением этого недовольства, надо полагать, и явилась статья Меншикова в

«Новом времени», специально посвященная интервью, данному Витте корреспонденту «Vossische Zeitung», написанная в очень резком тоне и обвинявшая Витте в том, что он своими выступлениями в заграничной печати подрывает русский кредит.¹¹⁵

Впрочем, не только «Новое время», но даже «Русское слово», газета, в которой Витте через А. В. Руманова обычно печатал большинство выходивших из-под его пера или инспирированных им статей, в конце концов вынуждено было с осуждением отозваться о полемике Витте с Коковцовым. До середины мая «Русское слово» все время держало фигуру Витте в поле зрения своих читателей, настраивая их таким образом, что Витте с приходом к власти правительства Горемыкина неизбежно должен будет снова принимать самое активное участие в политической жизни. В коротких сообщениях Руманова из Петербурга как бы между прочим упоминалось то об обмене Витте и Горемыкина телеграммами, то о намерении Витте ускорить свой приезд в Россию из-за границы в связи с предстоящими переменами в составе кабинета, то просто о его влиянии на правительство Горемыкина. В наиболее подробной корреспонденции из Петербурга от 2 апреля 1914 г. под названием «Граф С. Ю. Витте и кабинет Горемыкина» заявлялось даже, что предвидится «значительное расширение деятельности финансового комитета», председателем которого являлся Витте. Далее Руманов сообщал, что на Витте, вероятно, будет возложено ведение русско-германских торговых переговоров и что возможно его назначение министром иностранных дел.¹¹⁶ Несомненно, что источником этой информации являлся сам Витте, который, способствуя своими выступлениями в печати дискредитации политики Коковцова, продолжал пробивать себе дорогу к власти, делая ставку на правительство Горемыкина.

Подтверждение тому, что Витте надеялся в то время вернуться к власти, мы находим у Глинского, который после его смерти писал, что Витте рассчитывал после назначения Барка (Витте считал его вышедшим из своей финансовой школы) министром финансов оказывать «как председатель финансового комитета» «влияние» на ход финансовой политики. Кроме того, по свидетельству Глинского, Витте весной 1914 г. «был твердо уверен, что на него возложена будет миссия ведения переговоров с Германией о новом торговом договоре», готовился к этому назначению и, как писал Глинский, «в интересах реабилитации своей по предмету последнего заключенного им торгового договора с Германией репутации отдал в распоряжение редакции „Вестника Европы“ и нашего журнала известные статьи профессора Иванюкова о двух русско-германских торговых договорах».¹¹⁷

29 апреля (12 мая) 1914 г., за два дня до опубликования в «Новом времени» упомянутой выше статьи Меншикова против Витте, «Русское слово» поместило выдержанное еще в общем в довольно спокойном духе сообщение о том, что заявления Витте в «Vossische Zeitung» будто бы произвели «огромное впечатление» в германских «политических и биржевых кругах» и берлинская биржа реагировала на них «усиленными продажами русских бумаг».¹¹⁸ Однако уже 10 мая 1914 г. на страницах «Русского слова»

появился фельетон Баяна-Колышко под названием «Два графа», который хотя и был написан не так резко, как статья в «Новом времени», и в большей степени даже задевал Коковцова, чем Витте, все-таки в известной мере перекликался со статьей Меншикова, ибо лейтмотив этого фельетона состоял в том, что в своей полемике и «граф большой» — Витте, и «граф маленький» — Коковцов зашли слишком далеко и побили рекорд «газетной бесцеремонности».¹¹⁹ Если уж «Русское слово» вынуждено было в середине мая 1914 г. одернуть Витте, то это означало, что в затеянной им открытой полемике с Коковцовым где-то у него вышла осечка.

Положение Витте ухудшилось еще в связи с тем, что в июне 1914 г. петербургский окружной суд приговорил к шести месяцам тюремного заключения редактора «St. Peterburger Herold» Г. И. Пиперса по обвинению в клевете на Коковцова, между тем как для всех было очевидно, что информация, за которую Пиперс был привлечен к судебной ответственности, исходила от Витте. Коковцов так описывает в своих мемуарах обстоятельства, связанные с этим эпизодом. Через несколько дней после его отставки, 4 февраля 1914 г., «St. Peterburger Herold» опубликовал статью под заглавием «Владимир Николаевич Коковцов отличается от других министров», в которой говорилось, что Коковцов, желая поставить себя в исключительное положение, отказался взять предложенные ему Николаем II в качестве традиционного вознаграждения в связи с отставкой 200 или 300 тыс. руб. Иронизируя по поводу отказа Коковцова принять эти деньги, автор статьи намекал на то, что Коковцов «мог позволить себе этот красивый жест», так как он, используя служебное положение, нажил большое состояние на посту министра и потому «не нуждался в царской щедрости». В довершение всего в заключительной части статьи говорилось, что в связи с отказом Коковцова взять деньги в бюрократических кругах Петербурга циркулирует афоризм, пущенный одним очень известным государственным деятелем: «Гораздо более почтенно и достойно принимать деньги, предложенные монархом, чем получать их от г. Утина, президента Петербургского учетно-ссудного банка». Во время процесса над Пиперсом его адвокат Башмаков, добиваясь оправдания своего клиента и утверждая, что тот пользовался источником, заслуживающим доверия, предъявил суду один из номеров «Berliner Tageblatt», содержащий заявление о том, что автором афоризма о Коковцове был не кто иной, как Витте.¹²⁰

Итак, имя Витте оказалось прямо связанным с делом Пиперса, исход которого не мог не нанести Витте серьезного ущерба и затруднял продолжение его полемики с Коковцовым. Между тем Витте делал попытки использовать процесс для оглашения компрометирующих Коковцова газетных статей и был недоволен пассивным поведением Пиперса. «Меня удивляет, — писал он Поморину, — что Пиперс к своему делу относится столь равнодушно».¹²¹ Попытки Витте как-либо повлиять на ход дела Пиперса оказались, очевидно, тщетными. Характерно, что даже в письмах к своему секретарю Витте изображал дело так, словно он

непричастен к опубликованию в «St. Peterburger Herald» статьи, послужившей причиной судебного разбирательства и просто хочет помочь Пиперсу. Между тем, как свидетельствует в своих воспоминаниях В. Н. Коковцов, Витте убедил Пиперса напечатать эту статью. Как сообщил Коковцову Руманов со слов самого Пиперса, Витте заверил его, что тот может печатать статью, не опасаясь судебного преследования. «Поверьте мне, Коковцов никогда не посмеет предъявить иск, — заявил Пиперсу Витте, — а если он это сделает, то тем хуже для него, так как будет такой скандал, что вас же первого станут благодарить за то, что вы раскрыли».¹²²

Нам неизвестны, к сожалению, все подробности газетной дуэли Коковцова и Витте, как неизвестен и ее окончательный исход. И только некоторый свет на этот вопрос проливает опубликованное В. П. Семенниковым письмо Витте к Николаю II от 17 мая 1914 г.¹²³ Из этого документа видно, что очередное «интервью» Витте на страницах одной из немецких газет вызвало ответное интервью кн. Мещерского в некоей парижской газете, в котором Мещерский «резко» отзывался о Витте и заявлял, что ему известны мнения и намерения относительно Витте Николая II. Повидимому, Витте понял, что заявление это сделано Мещерским неспроста, тем более что вслед за тем в Биарриц пришла телеграмма от Суворина, приглашавшая Витте ответить на интервью кн. Мещерского. Витте сразу почувствовал, что пришла пора каяться, и телеграфировал Горемыкину в Петербург, прося доложить царю, что никакого интервью он никому не давал и только имел беседу с приехавшим к нему из Берлина служащим пароходного общества «Гамбург—Америка», который «от имени берлинских деятелей» просил его высказать мнение «относительно систематически распространяемых на берлинской бирже слухов, что уход Коковцова и назначение Горемыкина и П. Л. Барка поведет за собою для финансов России гибельные последствия». «Я его успокоил, — оправдывался Витте перед Николаем II, — и разрешил передать мое мнение берлинским финансистам, но никому не разрешал что-либо печатать в газетах. Проездом через Берлин видел Мендельсона, и он мне передал, что мое мнение значительно успокоило берлинскую биржу».

Если бы Витте поверили сразу, то ему не было бы нужды повторять в письме на имя Николая II то, что он уже написал в телеграмме Горемыкину. По тону же этого письма, в котором Витте то беспардонно лгал («я всячески избегаю газетных сообщений и журналистов»), то клялся в преданности Николаю II до гробовой доски, то, сбиваясь на базарный тон, просто честил Мещерского, который-де имеет против него «зуб», видно было, что и сам Витте наконец-то ясно понял, что последняя надежда вернуться к власти для него окончательно потеряна.

¹ Дополнительный формулярный список о службе С. Ю. Витте: РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 86.

² С. Ю. Витте — Николаю II. 18(31) октября 1908 г.: ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1204. Л. 6—6 об.

- ³ См.: *Bumme C. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. 2. С. 122—123.
- ⁴ См.: *Witte. From the personal reminiscences of Josef Melnik. Copenhagen. YIVO, Коллекция Иосифа Мельника. Проект Витте создания континентального европейского союза неожиданно привлек к себе внимание в 1938 г. в связи с европейской политикой премьер-министра Великобритании Невилля Чемберлена. В конце 1938 г. в США была опубликована небольшая брошюра. Ее автор Томас Уилсон обнаружил очевидное сходство между проектом Витте 1897 г. и планом Чемберлена, который должен был обеспечить мир в Европе благодаря объединенным усилиям Германии, Италии, Франции и Англии. Т. Уилсон сопоставил проекты Чемберлена и Витте и опубликовал выдержки из воспоминаний Витте, посвященные проекту европейского континентального союза, а также опубликовал проект Бьеркского соглашения: Background Chamberlain. A turn of the Century plan for European Peace. By Count Sergay Iulievich Witte (sometimes spelled S. Iu. Witte). / Translated with an Introduction and Notes by Thomas C. Willson B. A., M. A. Phila. 1938.*
- ⁵ *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. СПб., 1992. С. 51.
- ⁶ Там же. С. 51—52.
- ⁷ Воспоминания министра народного просвещения графа И. И. Толстого. М., 1977. С. 51—53.
- ⁸ *Мосолов А. А.* При дворе последнего императора. С. 53.
- ⁹ *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933. Т. 1. С. 369—370.
- ¹⁰ ЦГИА СПб. Ф. 2098. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.
- ¹¹ Протокол совещания по денежному обращению 23 февраля 1907 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1670. Л. 156. Витте заявил, что эта мера облегчила бы, помимо всего, Коковцову возможность борьбы «с приверженцами обилия денежных знаков в народном хозяйстве, поднявшими ... кампанию в польской прессе и имеющими довольно многочисленных и влиятельных сторонников в Государственном совете».
- ¹² Там же. Л. 159.
- ¹³ Там же. Л. 161; Записка С. Ю. Витте 16 марта 1907 г.: Там же. Л. 163—178.
- ¹⁴ Записки С. И. Тимашева 1 марта, Б. Ф. Малешевского 22 марта,
- П. Х. Шванебаха 3(16) марта, П. А. Сабурова 5 апреля: Там же. Л. 179—189, 190—202, 142—154, 98—102. Записки эти отложились не только в фонде Государственного банка, но и в личных фондах П. А. Сабурова (РГИА. Ф. 1044. Оп. 1. Д. 237) и И. И. Кауфмана (ЦГИА СПб. Ф. 2098. Л. 54, 55).
- ¹⁵ Представление В. Н. Коковцова в Комитет финансов «О кассовой политике Государственного банка», не позднее 2 апреля 1907 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1670. Л. 118—141. Коковцов передал в Комитет финансов также все основные документы, связанные с заседанием 23 февраля 1907 г. Помимо статистических данных о находившихся в обращении кредитных билетах (приложение № 1), к представлению Коковцова были приложены также Журнал совета Государственного банка и записка портфеля банка и сберегательных касс от билетов Государственного казначейства (приложение № 2), протокол заседания 23 февраля 1907 г. и записка Витте от 3 марта 1907 г. (приложения № 3, 4), а также записки С. И. Тимашева, Б. Ф. Малешевского и П. Х. Шванебаха (приложения № 5—7).
- ¹⁶ Записка С. Ю. Витте 3 апреля 1907 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 102—117. Нам неизвестно, обсуждалось ли представление Коковцова в Комитете финансов и сохранился ли журнал этого заседания. Видимо, в нашем распоряжении имеются далеко не все материалы состоявшейся весной 1907 г. полемики по вопросам денежного обращения. Кстати сказать, неизвестны точно и даты, и число заседаний, проходивших у Коковцова по этому поводу в марте—апреле 1907 г. Из сохранившихся в фонде И. И. Кауфмана пригластных повесток и замечок можно установить, что вечерние совещания у Коковцова состоялись, кроме 23, еще 26 февраля и 10 марта 1907 г. ст. ст. (см.: СПбГЦИА. Ф. 2098. Оп. 1. Д. 54. Л. 7, 41). Очевидно, И. И. Кауфман сыграл весьма значительную роль в подготовке и разработке той программы, с которой Витте выступил против Коковцова. Во всяком случае в его фонде находятся рукописные черновые варианты обеих записок Витте, а также другие черновые наброски его выступлений, в двух папках с заголовками, написанными рукой Кауфма-

- на, на одной — «Мои заметки для гр. С. Ю. В.» и на другой — «Кризис 1905. II» (ЦГИА СПб. Ф. 2098. Оп. 1. Д. 54, 55).
- 17 Записка С. Ю. Витте 3/16 марта 1907 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1670. Л. 173—174.
- 18 Там же. Л. 174—175.
- 19 Там же. Л. 174.
- 20 Записка С. Ю. Витте 3/16 апреля 1907 г.: Там же. Л. 114.
- 21 В частности, П. Х. Шванебах подчеркивал, что возвращение к кассовой политике предвоенного периода возможно лишь при одном условии — если Государственному казначейству будет обеспечена постоянная возможность заключения внешних займов для расчетов по заграничным обязательствам (Там же. Л. 153—154).
- 22 Представление В. Н. Коковцова в Комитет финансов «О кассовой политике Государственного банка», не позднее 2/15 апреля 1907 г.: Там же. Л. 135—136. В связи с этим Коковцов считал теперь вполне правомерным использовать часть золотого запаса Государственного банка для нужд Государственного казначейства в случае ухудшения торгового баланса и невозможности заключения внешнего займа.
- 23 Там же. Л. 122.
- 24 Записка П. Х. Шванебаха 9/22 марта 1907 г.: Там же. Л. 49.
- 25 Записка С. Ю. Витте 3/16 апреля 1907 г.: РГИА. Л. 104—105. См. также: Сидоров А. Л. Финансовое положение России в годы первой мировой войны. М., 1960. С. 20.
- 26 Глинский Б. Б. Пролог русско-японской войны: Материалы из архива гр. С. Ю. Витте. Пг., 1916 (ранее печаталось в «Историческом вестнике» за 1915 г.).
- 27 Наши дни. 1905. 27 января.
- 28 Владивосток. 1905. 20 марта. Печатание серии продолжалось в № 14—21 с 14 апреля по 22 мая 1905 г. В своей брошюре «Лиходеи бюрократического самовластья как непосредственные виновники первой русско-японской войны» (СПб., 1906) Ф. А. Львов, представлявший себя в качестве предшественника «безобразовцев» в концессионном деле на Дальнем Востоке, обманутого ими и потому с ними порвавшего, заявлял, что статьи Nemo связаны с его (Львова) открытым письмом Безобразову, написанным еще в 1903 г. Львов разоблачал политику «безобразовцев» как причину войны с Японией, уверяя при этом, что все было бы иначе, если бы приняли его план широкого привлечения на Дальний Восток американского капитала как якобы «нейтрального».
- 29 Владивосток. 1905. 8 мая.
- 30 Там же.
- 31 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 700.
- 32 Рассвет. 1905. 19 марта (1 апреля), 20 марта (2 апреля), 23 марта (5 апреля), 25 марта (7 апреля).
- 33 Рассвет. 1905. 23 марта (5 апреля).
- 34 Московские ведомости. 1905. 23 апреля (6 мая), 25 апреля (8 мая), 27 апреля (10 мая).
- 35 Русские ведомости. 1905. 18, 20, 25, 27 мая.
- 36 Рассвет. 1905. 19 (1) июня.
- 37 Там же. 1905. 18 (31) мая, 21 мая (3 июня).
- 38 См., например: Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 178—182 и др.
- 39 Рассвет. 1905. 11 (24) июня.
- 40 Polly A. Zu Russlands Revolution und Neugeburt. Leipzig, 1906.
- 41 Там же. С. 14.
- 42 Там же. С. 15.
- 43 Там же. С. 5—6.
- 44 Письмо это от 9 (22) ноября 1906 г. известно нам по копии на немецком языке в фонде Витте, озаглавленной «Открытое письмо в копии» (РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 459). Было ли оно автором где-либо напечатано и действительно ли являлось в силу этого открытым, нам неизвестно.
- 45 Там же.
- 46 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 300.
- 47 Витте С. Ю. Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 г., спасший финансовое положение России (на правах рукописи. Конфиденциально). Пг., 1913.
- 48 Представление В. Н. Коковцова в Комитет финансов «О кассовой политике Государственного банка», не позднее 2(15) апреля 1907 г.: РГИА. Ф. 587. Оп. 56. Д. 1670. Л. 136—137. Интересно, что Коковцов отклонил и предложение Витте об увеличении дисконта с целью привлечения иностранных капиталов, заявив, что «эта цель безусловно не достигается в такие моменты, когда вследствие пошатнувшегося доверия к экономической устойчивости страны даже собственные капиталы эмигрируют, несмотря на крупные потери при реализации». Коковцов утверждал, что «иностранный капитал в момент политического кризиса большое зло: он быстро отливает» и тем «приводит промышленные и торговые дела

- в полное расстройство» (Там же. Л. 139).
- 49 Толстой И. И. Дневник: 1906—1916. СПб., 1997. С. 86, 87.
- 50 Там же. С. 113.
- 51 Там же. С. 112—113.
- 52 Там же. С. 182.
- 53 А. Н. Куропаткин — С. Ю. Витте, 25 февраля 1909 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 715. Л. 1 и сл.
- 54 Витте обратился с запросами к бывшим членам русской делегации в Портсмуте с тем, чтобы найти в их ответах подтверждение своей точки зрения. Но посол в США Розен, который в Портсмуте был при Витте на второй роли, теперь заявил, что он был тогда сторонником продолжения войны, и еще добавил, что президент Рузвельт потому и предложил свое посредничество, что был «превосходно осведомлен» о критическом положении Японии (Там же. Л. 31). Впрочем, при перепечатке письма Розена на машинке, видимо для рассылки в числе прочих документов, это место было просто опущено. Витте вычеркнул его в подлиннике (Там же. Л. 9; Ср.: Л. 31).
- 55 Там же. Д. 407.
- 56 Вынужденные разъяснения графа Витте по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией. СПб., Типография Штаба Отдельного корпуса пограничной стражи. Б. д. О финансировании Витте печатания этой брошюры см.: С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. Б. д. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1004. Л. 88.
- 57 Новая Русь. 1909. 18 (31) дек.; 1909. 19 дек. (1910. 1 янв.); 1909. 20 дек. (1910. 2 янв.); 1909. 21 дек. (1910. 3 янв.); 1909. 22 дек. (1910. 4 янв.). РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 960.
- 58 Витте С. Ю. Вынужденные разъяснения по поводу отчета генерал-адъютанта Куропаткина о войне с Японией. Типография т-ва И. Д. Сытина. М., 1911.
- 59 Витте С. Ю. Воспоминания. Т. 2. С. 596—597.
- 60 Там же.
- 61 Более подробно о работе Витте над воспоминаниями см.: Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш. С. Ю. Витте—мемуарист. СПб., 1994. С. 8—9.
- 62 Толстой И. И. Дневник: 1906—1916. С. 301.
- 63 Там же. С. 238.
- 64 Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 3. С. 390—391.
- 65 Толстой И. И. Дневник: 1906—1916. С. 363.
- 67 Морской А. Исход российской революции 1905 года и правительство Носаря. М., 1911.
- 68 Во всяком случае П. Н. Миллюков, который в своей статье о Витте в энциклопедическом словаре Гранат, написанной в 1911 г., явно дает понять, что сочинения Морского инспирированы Витте, впоследствии прямо заявлял, что писал эту статью по данным, полученным от самого Витте (Падение царского режима: Стенографические отчеты допросов и показаний, данных в 1917 г. в Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства. М.; Л., 1926. Т. 6. С. 297). Любопытные сведения о происхождении «Исхода российской революции» появились в печати сейчас же после смерти Витте. Некий Константин Михайлов поместил в «Биржевых ведомостях» 5 марта 1915 г. свои воспоминания о том, как в ноябре 1908 г. он был приглашен к Витте, который вручил ему уже готовую рукопись под названием «С. Ю. Витте и Совет рабочих депутатов» и поручил ее отредактировать, так как был «ею не совсем доволен». Витте вел себя при этом как откровенный литературный заказчик. «Я поручил писание этой работы одному господину, дал ему подлинники документы, и он мне сделал эту работу», — заявил он Михайлову. «Впоследствии, — писал далее Михайлов, — она была выпущена в свет в издательстве И. Д. Сытина с многочисленными поправками и корректурами самого С. Ю., а в качестве автора стоял на этой брошюре некий А. Морской, как литератор мне совершенно неизвестный и исполнявший при С. Ю. Витте разного рода коммиссионные поручения». Заметим, кстати, что газета Рябушинского «Утро России» (7 марта 1915 г.), по-своему истолковав воспоминания Михайлова, прямо объявила Витте автором этой брошюры, «в свое время» наделавшей «большой шум».
- 69 С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. 8 июня (1911) и 19 августа 1911 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1004. Л. 6—7, 65; М. М. Федоров — С. Ю. Витте. 19 августа 1911 г.: Там же. Д. 1012.
- 70 С. Ю. Витте — Н. С. Поморину (лето 1911 г.): РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1004. Л. 60.
- 71 С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. 19 августа 1911 г.: Там же. Л. 6—7.

- ⁷² С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. 1 июня 1911 г.: Там же. Л. 63—64.
- ⁷³ С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. 27-го (6. м-ца и года): «В каком положении дело о труде, который мы думали предпринять (Рудченко?)». Там же. Л. 16—17; С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. 20 июля 1913 г.: «Ну, а что с работой Гессена — Рудченко?» (Там же. Л. 11—12).
- ⁷⁴ С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. 10 (23) июля (6. г.): Там же. Л. 109. Что касается Штейна, то речь, по видимому, идет о его брошюре о покушении на Витте, которая также не вышла в свет.
- ⁷⁵ РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 934-II.
- ⁷⁶ Там же. Д. 934-I. Вопреки указанию заголовка, оба проекта записки фактически начинаются событиями конца 1904 г.
- ⁷⁷ Там же. Д. 739. Описание этой рукописи см.: *Bumte С. Ю.* Воспоминания. Т. 2. С. 627, комментарий.
- ⁷⁸ Au seuil du 17 Octobre 1905. Historique du mouvement des esprits en Russie de 1899 au 17 Octobre 1905 par Pierre Marc. Leipzig, 1914. Этой книгой открывалась серия: *Études sur l'histoire de l'Europe orientale / Publiées par M. le Prof. Dr. Uebersberger.* Vienne.
- ⁷⁹ Князьков С. Самодержавие в его истонном смысле. СПб., 1906.
- ⁸⁰ *Études sur l'histoire de l'Europe orientale / Publiées par M. le Prof. Dr. Uebersberger.* Vienne. II. Quelques années de politique internationale. Antécédents de la guerre russo-japonaise par Pierre Marc. / Leipzig, 1914. Б. А. Романов в своей работе «Витте и концессия на р. Ялу» (в кн.: Сборник статей по русской истории, посвященный С. Ф. Платонову. Пг., 1922. С. 442—443) произвел сопоставление французского издания с русским. К этому сопоставлению мы читателя и отсылаем, добавив лишь, что в обоих изданиях было одинаковое число глав — 31, но в русском, в отличие от французского, главы не имели названий. Следует отметить, что, не располагая никакими сведениями о судьбе архива Витте и зная о рукописи «Возникновение русско-японской войны» лишь по упоминаниям о ней в «Воспоминаниях», Б. А. Романов в этой же своей работе высказал мысль о том, что и русское, и французское издания «Пролога» есть не что иное, как воспроизведение с некоторыми изменениями этой рукописи. Как видим, это предположение оказалось совер-

шенно соответствующим действительности.

- ⁸¹ С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. Не позднее 3 апреля 1914 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1004. Л. 34.
- ⁸² Пролог русско-японской войны: Материалы из архива графа С. Ю. Витте с предисловием и под редакцией Б. Б. Глинского. Пг., 1916.
- ⁸³ Новое время. 1913. 13 нояб. Беседа эта была опубликована за подписью: С. Марк.
- ⁸⁴ Там же. См. также разъяснение по поводу этой беседы Витте под названием «Маленькая справка» (Новое время. 1913. 16 нояб.). Прямым продолжением статьи «Беседа с гр. С. Ю. Витте» были статьи в «Новом времени» от 10 и 15 января 1914 г. Обе они несомненно исходили от Витте. В первой из них, названной, как и статья в номере от 16 ноября 1913 г., Витте продолжал излагать свои взгляды на железнодорожную политику Коковцова. Вторая статья «Права законодательных палат и железнодорожное строительство» была написана тем же автором, что и «Беседа с гр. С. Ю. Витте». Ссылаясь на то, что «одно высокопоставленное лицо» предоставило в его распоряжение «материалы, дающие возможность еще полнее осветить права законодательных палат в сфере железнодорожного строительства», автор статьи подробно развивал высказанную Витте еще во время ноябрьской «беседы» мысль о том, что «порядок проведения правительством железнодорожных концессий» является нарушением прав народного представительства.
- ⁸⁵ Биржевые ведомости. 1913. 18 дек.
- ⁸⁶ Там же.
- ⁸⁷ *Bumte С. Ю.* Справка о том, как был заключен внешний заем 1906 года, спасший финансовое положение России. СПб., 1913.
- ⁸⁸ *Bumte С. Ю.* Воспоминания. Т. 3. С. 251.
- ⁸⁹ С. Ю. Витте — Николаю II. Б. д.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1034. Л. 1.
- ⁹⁰ Там же. На самом же деле Витте ознакомил с содержанием своей справки не только государственных деятелей, но и кое-кого из журналистов. В частности, один из экземпляров несомненно находился у Б. Б. Глинского, который без каких бы то ни было ссылок или оговорок ввел значительную часть справки в текст своей статьи о Витте, напечатанной в 1915 г. в «Историческом вестнике».

91 День. 1914. 29 янв.

92 Там же.

93 Там же. В письме Коковцова к Витте говорилось следующее: «Приношу Вашему сиятельству глубокую мою признательность за сообщение мне составленной Вами справки об обстоятельствах заключения займа 1906 г. Она освежила в моей памяти ту отошедшую уже теперь в область прошлого пору, которая, конечно, навсегда останется памятна мне. Ничего из этой поры мною не забыто, кое-что я мог бы еще добавить и развить, и хотя моя роль в этом деле сведена к простому подписанию заранее договоренных и установленных условий (с. 32), но я довольствуюсь и этою скромною ролью. Мое самолюбие давным-давно подчинено мною величайшей скромности и я довольствуюсь даже ролью той мухи на рогах вола, которая горделиво заявляла «и мы пахали». Я благодарю судьбу и за то, что мне дано было хотя бы стоять около того великого дела, которому суждено было спасти Россию от финансового расстройства» (В. Н. Коковцов — С. Ю. Витте, не ранее 2 января 1914 г.: РГИА. Ф. 966. Оп. 2. Д. 7. Л. 1—2).

94 См.: *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Париж, 1933. С. 143. А. И. Вышнеградский, уйдя с государственной службы, стал одним из руководителей Петербургского международного банка.

95 Кстати сказать, этот упрек, сделанный Витте анонимным автором статьи в газете «День» в 1914 г., в известной мере перекликается с соответствующим местом мемуаров Коковцова. В главе третьих своих воспоминаний Коковцов обвиняет Витте в том, что тот держал в руках всю переписку по займу 1906 г. «Даже Кредитная канцелярия знала далеко не все телеграммы и письма, — читаем мы в мемуарах Коковцова, — которыми обменивался председатель Совета министров со своими заграничными корреспондентами. Многое посылалось непосредственно из Общей канцелярии, другое шло по Канцелярии Совета министров или прямо от самого гр. Витте, настолько, что впоследствии, когда я вернулся на должность министра и оставался на ней целых восемь лет, не было возможности составить полного дела о подготовке займа, и многие бумаги и телеграм-

мы так и остались в личном архиве гр. Витте» (*Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. С. 130). Как видно, Витте значительную часть этих документов взял в свой архив в подлинниках, не позаботившись о том, чтобы оставить в соответствующем делопроизводстве их копии, и тем самым оказался в начале 1914 г. в исключительноном положении — обладателя наиболее полного собрания документов, связанных с историей заключения займа 1906 г.

96 Государственный совет: Стенографические отчеты. 1913—1914 годы. Сессия девятая. СПб., 1914. Заседание 20 января 1914 г. Стб. 342—343.

97 Там же. Стб. 352.

98 Там же. Стб. 355—356.

99 Там же. Стб. 366—367.

100 *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 222, 278.

101 *Джунковский В. Ф.* Воспоминания. М., 1997. Том второй. Глава 10. 1914 г. С. 332.

102 *Коковцов В. Н.* Из моего прошлого. Т. 2. С. 269, 279.

103 Новое время. 1914. 26 марта.

104 С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. 20 апреля 1914 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1004.

105 Там же. Д. 1003.

106 День. 1914. 30 марта.

107 Там же.

108 *Anspach.* La Russie economique et l'oeuvre de M. Witte. Paris, 1904.

109 РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1003. Л. 1.

110 Там же. Л. 2—3.

111 Там же. Д. 1004. Л. 41.

112 День. 1914. 16 апр.

113 С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. 20 апреля 1914 г.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1004. Л. III.

114 Там же. Д. 942. Л. 21.

115 Новое время. 1914. 1 мая.

116 Русское слово. 1914. 2 апр.

117 Исторический вестник. 1915. № 12. С. 957. Работа И. И. Иванюкова (умершего в 1912 г.) была напечатана в двух частях: 1. К истории русско-германских таможенных договоров. Договор 1894 г. // Вестник Европы. 1914. № 7; 2. Торговый договор с Германией 1904 г. // Исторический вестник. 1915. № 2. О роли Витте в заключении этих договоров см. также: 1) *Соболев М. Н.* История русско-германского торгового договора. Пг., 1915; 2) *Копелева Ю. И.* О таможенной войне между Россией и Германией в начале 90-х годов XIX в. // Историче-

ский сборник. Труды Горьковского пед. ин-та им. М. Горького. Горький, 1956. Т. XVIII; 3) Дякин В. С. К оценке русско-германского торгового договора 1904 г. // Проблемы истории международных отношений. Л., 1972.

¹¹⁸ Русское слово. 1914. 29 апр. (12 мая).

¹¹⁹ Там же.

¹²⁰ См.: *Kokovisov V. Out of my Past.* London, 1935. P. 430—431.

¹²¹ С. Ю. Витте — Н. С. Поморину. Б. д.: РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 1004. Л. 106.

¹²² *Kokovisov V. Out of my Past.* С. 431.

¹²³ Семенников В. П. Монархия перед крушением. М.; Л., 1927. P. 99—100.

Глава 2

ПРОТИВ ВОЙНЫ С ГЕРМАНИЕЙ. ПОСЛЕДНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ШАГИ

Лето 1914 г. Витте проводил за границей. Вместе с женой, внуком и его гувернером, прибалтийским немцем, Витте отдыхал на курорте в Зальцширфе. И здесь отставной премьер-министр ни на минуту не прекращал своей публицистической деятельности. В июле несколько дней у него провел корреспондент «Русского слова» Илья Троцкий. Он был гостем Витте и директора курорта графа Хюльзен-Хезлера. И. Троцкий был посажен за один стол с Витте и ежедневно совершал с ним длительные прогулки. День за днем Витте пересказывал петербургскому журналисту содержание уже написанных к тому времени воспоминаний, не стесняясь в выражениях по адресу не только П. А. Столыпина или В. Н. Коковцова, но и самого царя. Витте поразил И. Троцкого, когда в присутствии приехавшего навестить его директора Публичной библиотеки А. И. Брауде прямо заявил: «Драма России кроется в том, что нашу могущественную империю возглавляет монарх с мировоззрением рядового обывателя и духовным багажом пехотного полкового командира».¹

Витте пользовался особым вниманием директора курорта графа Хюльзен-Хезлера и благодаря его заботам в «руководящих берлинских, франкфуртских и кельнских газетах спорадически появлялись заметки, напоминавшие читателям о пребывании в Зальцширфе столь именитого гостя». Это способствовало «материальному успеху курорта, особенно того отеля, в котором жила семья графа Витте». По вечерам «в отеле трудно было найти свободное место», «каждый старался занять стол поближе к столу Витте». Впрочем, интерес к Витте проявляла не только публика, проводившая время на курорте. Политическая обстановка в Европе накалялась, в печати уже обсуждался вопрос об обострении отношений между Австро-Венгрией и Сербией и о предстоящем визите в Петербург французского президента Пуанкаре, и Троцкий стал свидетелем того, что к Витте стали проявлять интерес в

германском Министерстве иностранных дел. Вероятно, там знали о намеках, которые он делал весной по поводу своего предстоящего возвращения к власти, о его надеждах то ли возглавить Министерство иностранных дел, то ли вести торговые переговоры с Германией. Но одновременно, — и этого не могли не заметить в Германии, — он выступил с предостережением против войны с ней. В отличие от П. Н. Дурново, который сделал это в известной служебной записке, Витте прибегнул к публичности. В апреле 1914 г. в «Vossische Zeitung» появилось его интервью с сочувственным отзывом о попытках Распутина предотвратить войну. Распутин откликнулся в «Петербургской газете» похвалой Витте («он говорил очень разумно, потому сам он разумный»).² Всеу этому в Берлине не могли не придавать значения.

В один из вечеров директор курорта устроил концерт в честь Витте. Во время концерта И. Троцкий и Витте сидели за столом только вдвоем. М. И. Витте уехала в Париж на свидание со своей дочерью. К концу вечера Витте вызвали к телефону. Как только Троцкий остался один, его пригласили к столу давнишнего знакомого сенатора Филиппа Хайнекена, президента крупнейшей пароходной компании в Бремене — Северо-Германского Ллойда. Ф. Хейнекен просил представить его Витте. «Вы этим окажете большую услугу и своей родине, и Германии», — заявил он И. Троцкому. Встреча Ф. Хайнекена с Витте состоялась на следующий день и продолжалась около двух часов. «О чем посланец кайзера беседовал с графом Витте, он не обмолвился ни словом. С лицом, пылающим от возбуждения, — писал Троцкий, — и внутренне взволнованный, сенатор буквально захлебывался словами, не скрывая восхищения от знакомства с портсмутским героем».³ Остался доволен свиданием и Витте. «Вы меня познакомили с очень содержательным и политически дальновидным немцем, — сказал он Троцкому. — Очевидно, кайзер разборчив в подборе советников. Он не сделал попытки ввести меня в заблуждение насчет официального характера его миссии. Вскоре после разговора с Витте Ф. Хайнекен покинул курорт, а накануне отъезда «вел длительную беседу по телефону с Вильгельмштрассе».⁴

Как сообщал через несколько лет И. Троцкий, Витте был целиком поглощен желанием предотвратить войну. Два тезиса, на которых он особенно настаивал, состояли в том, что «Европа обескровит себя и разорит, все европейское золото уплывает за океан», а «Россия первая очутится под колесом истории». Американскую тему Витте, по словам Троцкого, развивал и перед Хейнекеном.⁵

По дороге в Россию Витте чуть ли не со слезами на глазах делился своими опасениями по поводу того, что война приведет к революции сначала в Германии, а потом в России. Приехав на родину, он не упускал случая высказаться о нелепости войны вообще и особенно войны с Германией для России. Нельзя не признать, что он находил для своей критики правительственной политики военного времени наиболее уязвимые ее места. Так, по поводу манифеста вел. кн. Николая Николаевича 1 августа 1914 г., обращенного к полякам, акта, действительно вызвавшего

впоследствии нарекая министров,⁶ он разыграл перед А. В. Румановым сцену, которую тот так описал в своих воспоминаниях.

«Витте расхаживает по своему огромному кабинету:

— Ничего не понимаю. Или я стар стал, или мир с ума сошел! Представляю себе так: я — спаси Господь (и Витте крестится широким крестом), — умер. Ну, меня похоронили. Вдруг приходят и стучат в крышку гроба: граф, вставайте.

— В чем дело? — спросил бы я.

— Война.

— Как война, у кого с кем?

— Между Англией и Германией.

— Ну, — подумал бы я, — давно пора. Без войны это кончиться не могло.

— Франция вошла в войну.

— Вот, подумал бы я, сумасшедшие, до чего темперамент довел. Все не могут не думать о реванше. Дорого за это заплатят.

— Россия вошла в войну.

— Как Россия? При чем тут Россия, из-за чего России воевать с Германией?

— Из-за Сербии и Польши.

— Сербия? Бог с ней, из-за этой чепухи мы воевать не стали бы, а Польша? Неужели наши болваны пошли на войну для того, чтобы уничтожить, наконец, Польшу?

— Нет, граф, для восстановления Польши, Россия объявила, что воюет, чтобы освободить поляков.

— Кладите меня немедленно обратно в могилу! В таком бедламе жить не хочу...».⁷

«Все как в угаре... Разве отдают себе отчет, что значит вести такую войну?» — говорил он Руманову в другой раз, предсказывая взлет цен и исчезновение золотой валюты. Держа в руках золотой пятирублевик, произнес: «Смотрите, смотрите на него внимательно: больше никогда не увидите! Вот, что значит эта война...». Категорически отказывался поддержать закон против немецких предприятий, видя в нем угрозу принципу неприкосновенности собственности («„Они“ уговаривают меня: граф, признайте, что дважды два пять. Ненадолго признайте, только на время войны. А потом дважды два опять будет четыре. Нет, — отвечаю, — никак согласиться не могу. Если на время войны признаю, что дважды два пять, то после войны дважды два будут сапогами всмятку...»»).⁸

Французскому послу М. Палеологу Витте заявил, что считает войну «безумной» и «нелепой авантюрой», которую необходимо поскорее ликвидировать. Президент Франции Пуанкаре писал о «некоторых русских из школы Витте», которые, «конечно, очень непрочь были бы присвоить себе Константинополь и не продолжать затем войны против Германии и Австрии».⁹ 13 октября 1914 г. Витте обратился с письмом к вел. кн. Константину Константиновичу по поводу гибели на войне его сына. Письмо содержало недвусмысленное предложение прекратить войну с Германией. Способов к этому Витте не касался, оставляя неясным, сепаратный или иной мир имел он в виду. Но соблюдение лояль-

ности по отношению к союзникам, по крайней мере к Англии, никак не входило в его планы. «Не ведет ли Англия нас на поводе и не приведет ли в такое положение, которое затем потребует от нашего потомства массы жертв, чтобы избавиться от нового друга?» — вопрошал Витте.¹⁰

Но, может быть, Витте был в то время лишь отстраненным от дел отставным сановником, предававшимся оппозиционным разговорам и сочинительству ничего не значащих бумаг? Нам представляется, что считать так было бы неверно (хотя нельзя и игнорировать его опальное положение). Пост председателя Комитета финансов приобрел с началом войны особое значение в связи с проблемой кредитования военных расходов. Мало того, как раз в те самые дни середины октября 1914 г., когда было написано письмо вел. кн. Константину Константиновичу, Витте получил поручение отправиться в Америку, чтобы открыть для России американский денежный рынок. На сей раз в качестве условия поездки он выдвинул перед царем требование не только уравнивания в правах евреев и заключения на этой основе торгового соглашения с США, разорванного в 1912 г., но и проведения законодательных мер для «улучшения социальных и экономических условий трудящихся классов».¹¹ Это был, по-видимому, такой момент, когда в борьбе за возвращение к власти или по крайней мере за дискредитацию своих противников, которую возобновил Витте с началом войны,¹² перед ним забрезжил некоторый успех. Слова о том, что война таит в себе угрозу революции, в устах портсмутского спасителя самодержавия должны были звучать достаточно веско...

Нам неизвестно, кого именно имел в виду С. П. Мельгунов, утверждавший, что Витте в своей активности в пользу прекращения войны не был одинок в рядах правившей бюрократии. Однако без какой-либо влиятельной поддержки или надежд на нее вряд ли он отважился бы 3 ноября (н. ст.), т. е. почти одновременно с письмом вел. кн. Константину Константиновичу и визитом в американское посольство, обратиться с письмом к известному берлинскому банкиру Роберту Мендельсону, в банке которого он хранил часть средств. Судя по проекту мендельсоновского ответа, Витте просил, чтобы Мендельсон перевел его депо в Швейцарию, и выражал надежду на прекращение войны между Россией и Германией в самом близком будущем.¹³ Мендельсон, давний контрагент русского Министерства финансов, был с Витте в столь коротких отношениях, что тревога о судьбе депо была нелепа. Смысл письма Витте в Берлине усмотрели в другом. К тому же туда дошли через Стокгольм частные сведения о том, что влияние Витте в Петрограде растет и о нем говорят как о возможном преемнике Барка на посту министра финансов. Исходя из этого, рейхсканцлер Бетман-Гольвег поручил директору пароходной компании «Гамбург-Америка» Баллину найти к Витте ход.¹⁴ Баллин решил использовать Иосифа Мельника, сотрудника «Vossische Zeitung», известного уже читателю как одного из литературных агентов Витте. Как явствует из письма Баллина Бетман-Гольвегу, Мельник с давних пор снабжал за плату

компанию «Гамбург-Америка» сведениями о России («в течение многих лет состоит у нас на содержании»)¹⁵.

Еще до этого письма Мендельсон прислал на утверждение статс-секретарю ведомства иностранных дел Ягову свой ответ Витте. Отправленный после утверждения Яговым, ответ поддерживал мысль Витте о близости мира и содержал заверения в сохранности его вклада.¹⁶

Продолжились ли переговоры через Мельника, осталось нам неизвестным. Что же касается Мендельсона, то во французской публикации, которой мы здесь пользуемся, представлены два полученных им от Витте письма.¹⁷ Их содержание дает основание считать, что в последние недели жизни Витте (он умер 28 февраля 1915 г.) напряженная политическая борьба, которую он вел, не прекращая, со времени своей отставки в 1906 г., достигла особой остроты.

Витте недвусмысленно объявлял себя противником войны с Германией. «Что до меня лично, то я очень сожалею об этом огромном несчастье, которое произошло, — писал он в одном из двух известных нам писем Мендельсону (недатированном), — это ад на земле, и если бы я был у власти, этот ад, вероятно, не имел бы места. Если я лишен в настоящее время возможности действовать, то это делает мало чести тем, которые формально объявляли эту войну, заранее подготовленную вашими самыми яркими врагами за морем. Я вижу единственный способ приблизиться к миру, это откровенное объяснение двух императоров и такие предложения, которые могли бы дать России и Франции удовлетворение и полные гарантии на будущее. Но нельзя дать войне затянуться, нужно действовать быстро и энергично. В завязывании переговоров могли бы помочь фамильные связи».¹⁸

Как видим, антианглийская направленность письма роднит его с письмом Витте вел. кн. Константину Константиновичу. Она дополнена здесь ясно выраженным намерением не рвать союза с Францией. Очевиден и призыв к Германии проявить инициативу. Что же касается жалоб Витте на свое безвластное положение, то вряд ли мог он, с другой стороны, употреблять столь решительные выражения, не имея чьей-то сильной поддержки.

Подтверждение тому мы усматриваем в другом его письме Мендельсону. «Принято решение, — писал он 25 января (7 февраля) 1915 г., — о том, чтобы, когда наступит момент мирной конференции, просить меня принять в ней участие в качестве делегата. Я не смогу принять это назначение до тех пор, пока любой и каждый будет иметь возможность критиковать мои пацифистские взгляды, говоря, что мое поведение объясняется личной заинтересованностью». «Если вы считаете, что мое участие в конференции может быть полезным, — обращался Витте не столько, конечно, к Мендельсону, сколько к германскому правительству, — вы должны действовать таким образом, чтобы устранить те условия, которые заставляют меня решиться на отказ от этого предложения». Требование Витте состояло в том, чтобы вклады его неназванного друга и его детей (очевидно, речь шла о дочери и зяте) были переведены на имя его жены в какой-либо перво-

классный банк Копенгагена или Стокгольма. Ягов, узнав об этом условии Витте, выдвинул идею предложить перевод его ценностей в Швецию или в Данию не на имя жены, а на имя какого-либо доверенного лица. Мендельсон тоже считал, что перевод денег на имя жены Витте выглядел бы как очень уж явное германское домогательство благоволения петроградского сановника.¹⁹ Но через несколько дней смерть Витте положила конец берлинским проектам. Оба его письма были пересланы в Берлин через посредство шведской миссии в Германии. Даже если допустить, что содержание их не было русским властям известно — из письма 25 января (7 февраля) можно заключить, что оба письма были отправлены из Петрограда с дипломатическим курьером, возможно, шведским, — вряд ли мог Витте написать их безо всяких оснований.²⁰ Ведь перед самой войной он чуть не пострадал за свои выступления в германской печати при посредстве Мельника.²¹ Остается предположить, что Витте достиг перед смертью каких-то успехов, добившись весьма влиятельной поддержки своих миротворческих проектов. Известный отклик Николая II на его смерть дает основания утверждать, что активность Витте не была угодна царю, но вместе с тем в нем может быть отмечено и другое: очевидно, давно отставленный премьер причинял царю большие неудобства и трудности. Впрочем, взаимная неприязнь Витте и Николая была столь давнего происхождения, что царь мог испытать светлое чувство при известии о смерти Витте и независимо от его последних шагов и действий.

Витте умер 28 февраля 1915 г. после непродолжительной болезни. По одним сведениям, причиной смерти стали воспаление среднего уха и вызванный этим менингит, по другим — рак предстательной железы.²² Похороны состоялись 2 марта в Александро-Невской лавре. Отпевание совершил епископ Гдовский Вениамин в сослужении десяти протоиереев. На похоронах присутствовала масса народу, в том числе Совет министров в полном составе.²³

Сообщение о смерти Витте Николай II воспринял как благую весть. Ни один из его министров не доставлял ему столько беспокойства, не раздражал его так непокорностью и стремлением навязать свою волю. Теперь уже император при желании мог и не исполнять последнюю просьбу своего неверного слуги без опасения, что это вызовет неприятную для двора реакцию в печати или обществе.

В своем завещательном послании к Николаю II (оно написано в Петербурге, но не датировано) Витте униженно просил императора позаботиться о будущем его семьи, прежде всего внука.

«Эти строки дойдут до Вас, государь, писал Витте, — когда я буду на том свете. Припадаю к стопам Вашим с загробным молением. Как бы ни судили современники о настоящем, беспристрастная история внесет в свои скрижали великие дела Ваши на пользу Богом вверенного Вашему величеству народа. В Ваше царствование Россия получила прочную денежную систему, в Ваше царствование расцвела отечественная промышленность и железнодорожное строительство, в Ваше царствование с народа сняты многие тяготы: уничтожены выкупные платежи и круговая пору-

ка и проч. и проч. Но что русский народ не забудет, покуда будет жить, это то, что император Николай II призвал народ свой к совместным законодательным трудам.

Это Ваша бессмертная заслуга перед русским народом и человечеством. Историки, возвеличивая Ваши деяния, упомянут о Ваших сотрудниках, в числе коих был Витте, которого в воздаяние заслуг его перед Вами и родиною Вы возвели в графское достоинство. Передайте, всемилостивейший государь, мой графский титул любимейшему внуку моему Льву Кирилловичу Нарышкину: пусть он именуется Нарышкин граф Витте. Я не стану утруждать Вас объяснением семейных моих отношений, я заявляю только, что любил этого моего внука, как только дед может любить своего внука. За такую милость я буду постоянно молить на том свете Всевышнего о Вашем и благополучии Ваших близких.

Будьте счастливы, государь. Да хранит Вас Христос! Ваш бывший всегда и во все времена верный слуга граф Витте — ныне Ваш богомолец».²⁴

Едва ли Николая II тронули строки этого искусно составленного послания, в котором Витте подарил ему все свои свершения, которыми так гордился. Царь был озабочен не столько будущей судьбой наследников Витте, сколько тем, чтобы получить в свое распоряжение бумаги покойного. Сразу же после смерти Витте его кабинет в Петербурге был опечатан, а на вилле Нарышкиных в Биаррице произведен обыск. Искали в первую очередь рукопись воспоминаний. Однако она предусмотрительно была положена Витте на хранение в один из французских банков и покоилась там до конца николаевского царствования.²⁵

Хотя о существовании мемуаров Витте стало широко известно сразу же после его смерти, прошло более пяти лет, прежде чем они увидели свет. В конце 1920 г. выяснилось, что рукописи в берлинском издательстве «Слово». Член его правления и одновременно редактор эмигрантской газеты «Руль» И. В. Гессен, подготовлявший издание мемуаров, стал помещать в этой газете отрывки из них, а спустя некоторое время, в 1921 г., вышел из печати первый том «Воспоминаний».

Впоследствии в своих собственных воспоминаниях И. В. Гессен рассказал о встрече с М. И. Витте в Копенгагене, в скромной гостинице, где она жила «с красавицей дочерью Верою Нарышкиной, усыновленной Сергеем Юльевичем, и ее двумя детьми — сыном, которому посвящены воспоминания деда, и дочерью, с гувернанткой и прислугой». «Неизменным гостем, — писал далее Гессен, — был бывший дворцовый комендант Воейков, свитский генерал, в штатском костюме выглядевший переодетым фельдфебелем и капризно томившийся бездельем. Матильда Ивановна обрадовалась моему приезду: она только что получила от Маклакова из Парижа (речь идет о В. А. Маклакове, который был послом Временного правительства во Франции, — Б. А., Р. Г.) несколько десятков хранившихся там в сейфе тетрадей, содержащих мемуарные записи, которые Витте делал урывками во время заграничных пребываний». «Показывая груды тетрадей, — продолжал Гессен, — графиня возбужденно всплеснула руками: „Зна-

ете ли Вы, что когда Сергей Юльевич в 1905 г. был в Америке, Шифф (Витте упоминает о нем, говоря об являвшейся к нему в Нью-Йорке еврейской депутации), предлагал миллион долларов за продажу авторских прав. Я напому теперь Шиффу об этом". Теперь, конечно, после того как революция дерзко сорвала все покровы с бюрократических тайн, о такой фантастической цифре речи никак не могло быть, но предприимчивая графиня, неохотно с этим согласившаяся, сама отправилась в Америку (помнится, она рассказывала — на американском военном судне) и при содействии Шиффа продала авторские права за сумму, много менее значительную, издательской фирме, которая (как затем и крупнейшее берлинское издательство) воспользовалась текстом, приготовленным на основании тщательной работы над рукописями для русского издания пасынком моим, молодым историком (С. И. Штейном — Б. А., Р. Г.). Текст этот не вызвал никаких возражений со стороны М. И. Витте, но из-за моих "вступительных замечаний" у нас произошли горячие схватки. Хотя замечания и начинаются с утверждения, что „гр. Витте в ряду немногих наших выдающихся государственных деятелей занимает бесспорно наиболее видное место“, но указание на его двойственную роль выводило графиню из себя, и мне стоило большого труда отстоять эту основную черту его деятельности, поступившись лишь объяснительными подробностями».²⁶

¹ YIVO, Коллекция И. Троцкого. Статья шестая. И. Троцкий описал свои встречи с Витте в воспоминаниях в виде семи статей. Пятьдесят лет спустя после встречи с Витте И. Троцкий опубликовал их в «Новом русском слове».

² Семенников В. П. Романовы и германские влияния во время мировой войны. Л., 1929. С. 30—31.

³ YIVO, Коллекция И. Троцкого. Последняя статья.

⁴ Там же.

⁵ Дни. (Берлин). 1924. 27 июля.

⁶ Ганелин Р. Ш., Флоринский М. Ф. Российская государственность и первая мировая война // Февральская революция: От новых источников к новому осмыслению. Сб. статей. М., 1997. С. 22—23; Бахтурина А. Ю. Воззвание к полякам 1 августа 1914 г. и его авторы // Вопросы истории. 1998. № 8. С. 132—136.

⁷ Руманов Аркадий. Штрихи к портретам: Витте, Распутин и другие // Время и мы. New York, 1987. № 95. С. 219.

⁸ Там же. С. 219—220.

⁹ Нотович Ф. И. Дипломатическая борьба в годы первой мировой войны, М.: Л., 1947. С. 371—372.

¹⁰ Кони А. Ф. На жизненном пути. Л., 1929. Т. 5. С. 287. Письмо Витте, по-видимому, обращалось в Петрограде в списках, один из которых, сохранившийся Кони, и послужил ему, по нашему предположению, для опубликования письма в виде приложения к своим воспоминаниям.

¹¹ Подробнее см.: 1) Ганелин Р. Ш. Россия и США: 1914—1917. Л., 1969. С. 12—14; 2) Grayson B. L. Russian-American relations in world war I. New York, 1979. P. 48.

¹² Он, в частности, решил опубликовать свой всеподданнейший доклад Александру III в 1894 г., в котором рекомендовал строительство главного военного порта на Мурмане, а не в Либаве, как предлагали начальник Главного штаба ген. Н. Н. Обручев и управляющий Морским министерством адм. Н. М. Чихачев. Хотя рассказ об этом и предшествовавшей докладу поездке Витте на Мурман составил специальную главу его воспоминаний, в ней не упомянуто, о том, что мысль о предпочтительности Мурманского высказывалась и до Витте (Витте С. Ю. Воспоминания. М., 1960. Т. 1. С. 391—403. Гл. 17.

О моей поездке на Мурманское побережье. С. 546. Примеч. 90). В докладе Витте высказал предположение, что в случае войны, в которой Германия, по-видимому, явится противницей России, русский флот в Либаве будет заперт и парализован. С другой стороны, утверждал он, незамерзающий порт на Мурманском побережье, связанный железной дорогой с внутренними районами, облегчил бы связь России с Англией и английским флотом. В то время, когда Витте писал «Воспоминания», состав противоположных лагерей в предстоящей войне, очевидно, казался Витте менее определенным, чем в 1894 г., когда ему удалось почти предугадать события. И в «Воспоминаниях» он увлекся по существу посторонней для этого сюжета, но зато важной лично для него мыслью: если бы Николай II его послушался и создал базу на Мурмане, то не залезли бы в Порт-Артур... В 1910—1912 гг. Витте все еще был поглощен политической борьбой вокруг причин русско-японской войны и поражения в ней русской армии, а не размышлениями о будущей войне. Зато когда мировая война 1914 г. началась, Витте предпринял попытку извлечь политический капитал из своего предвидения 90-х годов. Сохранившийся у него доклад Александру III был подготовлен к печати под заглавием: «Из архива гр. С. Ю. Витте. Либава или Мурман». Во введении и заключении, которыми был снабжен доклад, о Витте говорилось в третьем лице, но смысл их сводился к тому, что все случилось, как он и предполагал, т. е. Либава заперта, а на Мурмане базы нет (РГИА. Ф. 560. Оп. 26. Д. 39. Л. 1—14). Публикация должна была появиться в журнале «Исторический вестник», но была задержана военной цензурой. Тогда Витте, уже от первого лица, обратился с протестом к морскому министру И. К. Григоровичу. Но Григорович отклонил протест, сославшись на то, что «до окончания войны невозможно сделать окончательного вывода о роли того или другого военного порта во время войны» (И. К. Григорович — С. Ю. Витте. 19 декабря 1914 г.: РГИА. Ф. 540. Оп. 1. Д. 976. Л. 48). Это была, конечно, слабая отговорка, так как по существу не могло быть надежды на то, что Либава сыграет свою роль в войне, а Мурманск мож-

но было использовать только при наличии железной дороги, к строительству которой приступили лишь после того, как началась война, а Витте требовал этого еще в 1894 г.

Но так или иначе, опубликование доклада было запрещено, и попытка Витте уколоть Николая II в печати сорвалась. Ему пришлось довольствоваться заседанием Общества ревнителей истории, на котором в его присутствии был прочитан текст доклада. Заседание это было для Витте неудачным, так как его оппоненты, которых было около 10, говорили лишь о том, что в докладе Витте был неправильно выбран пункт для устройства порта на Мурмане, и называли более удачные, чем выбранная им Екатерининская гавань. Витте разослал также текст приготовленной для «Исторического вестника» публикации различным учреждениям и частным лицам. Текст доклада Витте был опубликован уже в советское время председателем Общества ревнителей истории К. М. Соколовским в вышедшем под его редакцией сборнике Общества «Прошлое и настоящее» (Л., 1924. Вып. 1. С. 26—39).

¹³ Проект письма Мендельсона Витте, не позже 26 декабря 1914 г. (н. ст.), см.: *L'Allemagne et les problemes de la paix pendant la premiere guerre mondiale*. Paris, 1962. Т. 1. Р. 39. В вышеуказанной французской публикации трофейных германских документов письма Витте Мендельсону, которое было бы датировано 3 ноября 1914 г., нет. Из двух имеющихся писем Витте Мендельсону одно недатированное, но оно не содержит просьбы о переводе средств и, по-видимому, относится к более позднему времени.

¹⁴ *L'Allemagne et les problemes de la paix...* Р. 37.

¹⁵ А. Баллин — Т. Бетман-Гольвегу. 28 декабря 1914 г. См.: *L'Allemagne et les problemes de la paix...* Р. 40.

¹⁶ Э. Мендельсон — Г. фон Ягову. 26 декабря 1914 г.: *Ibid.* Р. 38—39.

¹⁷ Мендельсон получил их вопреки своей уверенности в том, что Витте после его утвержденного Яговым ответа на письмо от 3 ноября больше ему писать не станет (*Ibid.* Р. 38). *Ibid.* Р. 64.

¹⁹ Э. Мендельсон — Г. фон Ягову. 16 февраля 1915 г.: *Ibid.* Р. 63.

²⁰ Отметим, что у Мендельсона хранились также деньги царской семьи.

²¹ *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* С. Ю. Витте — мемуарист. СПб, 1994. С. 86—87.

²² *Толстой И. И.* Дневник: 1906—1916. СПб., 1997. С. 610—612.

²³ Там же.

²⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1204. Л. 7—7 об.

²⁵ Подробнее см.: *Витенберг Б. М.* К истории личного архива С. Ю. Витте // ВИД. Л., 1985. Т. 17. С. 260.

²⁶ *Гессен И. В.* Из воспоминаний // Новый журнал. 1943. С. 326—327. Об издании воспоминаний С. Ю. Витте подробнее см.: *Ананьич Б. В., Ганелин Р. Ш.* 1) С. Ю. Витте — мемуарист; 2) Переписка об американском издании воспоминаний С. Ю. Витте / Вступ. ст., перевод, подгот. и печ. Б. В. Ананьича, Р. Ш. Ганелина // *Russian Studies*. Ежеквартальник русской филологии и культуры. СПб., 1995. Т. 1. С. 236—244.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Среди российских государственных деятелей царствования Александра III и Николая II Витте несомненно принадлежит первое место. Все значительные преобразования в экономике и политической жизни России этих лет так или иначе связаны с его именем. Природный ум, здравый смысл, жажда деятельности, отсутствие сословных предрассудков, готовность отказаться от прежних взглядов и убеждений, если жизнь демонстрировала их несостоятельность, обеспечили Витте успешную карьеру, вначале в сфере делового предпринимательства, а затем и на государственном поприще. Никто из современников не обвинял Витте в пристрастии к обогащению, но почти все отмечали его стремление к власти. Витте легко расстался со службой на Юго-Западных железных дорогах и не был озабочен связанными с этим финансовыми потерями. Но он не мыслил себя отрешенным от власти, и отставка в 1906 г. стала для него тяжелым испытанием.

Официальный Петербург встретил Витте настороженно и неприязненно. Его ум и талант очень скоро получили общее признание, но для петербургского общества он так и остался чиновником, лишенным петербургского лоска, с непрезентабельной внешностью, грубыми манерами и южным говором. Его активное поведение, настойчивость и даже бесцеремонность в действиях при достижении поставленной цели коробили и раздражали Николая II. Личность Витте подавляла императора, и он поспешил избавиться от своего премьер-министра, как только пошло на убыль революционное движение и миновала угроза финансового банкротства.

Взгляды Витте претерпели удивительную эволюцию. К моменту вступления в большую политику Витте был убежденным славянофилом и сторонником самобытного пути развития русской государственности, противником превращения русского крестьянина в раба машинного производства.

Он воспитывался и начал свою служебную карьеру в окружении людей, критически относившихся к реформам 60-х—70-х годов. Именно в этой среде на славянофильской основе вызревала идеология «народного самодержавия». Она предусматривала осо-

бый путь развития российской государственности и отвергала западные ценности, в частности парламентаризм и другие формы представительных учреждений. Реформы 60-х годов хотя и не затронули основы самодержавной власти, заложили основы для формирования системы государственного управления. Идеология «народного самодержавия» поставила барьер для всякого рода инициативы в этой области. В результате Россия вступила в XX век при самодержавной форме правления, без объединенного правительства, без какого бы то ни было представительного учреждения, с сохранившейся почти без изменений сословной организацией общества.

Сторонники реформ 60-х годов связывали успех экономических преобразований в России с переменами в области государственного управления. Идеологи «народного самодержавия» считали российскую форму правления совершенной, надеялись, что развитие национальной промышленности за счет внутренних ресурсов обеспечит России положение великой державы, позволит ей сохранить влияние в Европе, откроет возможности для экономического продвижения в Азии. Витте суждено было стать одним из проводников нового курса. Однако столкнувшись с реальной политикой, Витте начал постепенно расставаться со славянофильскими иллюзиями. В самом начале своей бюрократической карьеры он находился под влиянием М. Н. Каткова и К. П. Победоносцева, но вскоре, как и И. А. Вышнеградский, стал отходить от программы своих кумиров и подвергся за это резкой критике со стороны последователей ее сторонников, таких, например, как крестник М. Н. Каткова, известный физиолог и публицист, чиновник Министерства финансов в 1887—1888 гг. И. Ф. Цион.

Он выступил с рядом брошюр, направленных против политики Витте и Вышнеградского и обвинил их, в особенности Витте, в приверженности к казарменному социализму.¹ Отступничество Витте прежде всего состояло в том, что он очень скоро отказался от идеи поддержки дворянства как первого сословия в России. Витте был убежденным сторонником общинного землевладения, но, столкнувшись с реальной действительностью, превратился в столь же убежденного его противника. Он начал выступать за создание условий для свободного передвижения крестьян, за проведение паспортной реформы и отмену круговой поруки. Витте очень скоро убедился, что Россия не может развивать свою экономику, опираясь только на внутренние ресурсы, и стал активным сторонником неограниченного привлечения в страну иностранных капиталов, как в форме инвестиций, так и займов. Еще в начале 1880-х годов Витте познакомился с теорией известного немецкого экономиста, сторонника протекционизма Фридриха Листа и объявил себя его последователем. Примечательно, что сочинение, в котором Лист наиболее полно изложил свои взгляды — «Национальная система политической экономии», написанное в 1841 г., было переведено в России только в 1891 г., т. е. два года спустя после того, как Витте издал в Киеве свою книгу «Национальная экономия и Фридрих Лист» и познакомил русского читателя с его теорией. Через 23 года последовало второе издание

этой книги под названием «По поводу национализма. Национальная экономия и Фридрих Лист», осуществленное Витте уже в Петербурге.

Витте начинал свою деятельность в сфере частного предпринимательства и отстаивал его интересы, до тех пор пока не оказался на государственной службе. С этого времени использование государственных хозяйств и капиталов стало основой экономической «системы» Витте. Он превратил Государственный банк в орудие Министерства финансов и, наряду с Особенной канцелярией по кредитной части, в орган контроля над банковскими структурами империи, поощрил выкуп в казну частных железнодорожных обществ, ввел государственную монополию на продажу спиртных напитков. В результате проведенных реформ Витте сумел не только обеспечить аккумуляцию внутренних резервов и приток иностранных капиталов, но и искусно использовал через Русско-Китайский банк французские капиталы как «нейтральные» для финансирования экономической экспансии России на Дальнем Востоке.

Витте надеялся с помощью государственной поддержки и иностранных капиталов стимулировать ускоренное промышленное развитие России с тем, чтобы в течение двух пятилетий она могла догнать более развитые в экономическом отношении страны Запада. В его политике конца 1890-х годов видны элементы планирования. Она действительно приобрела вид достаточно продуманной и организованной системы. Для развивавшейся промышленности правительство впрок готовило рынки на Дальнем и Среднем Востоке, по инициативе Витте для «развития коммерческого образования в России» были созданы политехнические институты. До 1894 г. в России было всего 8 коммерческих училищ, а с 1894 по 1902 г. их было учреждено 147. Государственный контроль над предпринимательством сочетался в политике Витте с поддержкой общественных организаций российской буржуазии.

Товарищ председателя Совета съездов представителей промышленности и торговли В. В. Жуковский, выступая в марте 1915 г. в Императорском русском техническом обществе на заседании, посвященном памяти Витте, назвал его «творцом в России государственного капитализма». В. В. Жуковский был убежден, что если бы Витте стоял не во главе государственного хозяйства, а «во главе хозяйства частного, то это был бы, несомненно, исключительный директор-распорядитель... гений дивиденда... американский организатор крупного капитализма». Однако и с государственным хозяйством, «государственным сундуком» Витте обращался как с хозяйством частным и «как гениальный директор-распорядитель во главе... государственного хозяйства» он оказывал влияние на всякое частное хозяйство. В. В. Жуковский видел основную заслугу Витте в том, что тот «призывал торгово-промышленный класс ко всякого рода интеллектуальной работе... допускал торгово-промышленные организации, поддерживал их внутреннюю жизнь и клал тем самым основание для выработки классового самосознания, обобщающего не только уровень своих интересов, но и некоторые общегосударственные

взгляды в этом классовом русском капитализме». До Витте, до его деятельности, по мнению Жуковского, существовало «колоссальное расхождение между сферами русской интеллигенции и сферами русской практической жизни». Хотя это расхождение преодолеть не удалось и «русская интеллектуальная жизнь стоит довольно далеко от жизни деловой и обратно — жизнь деловая не проникается жизнью интеллектуальной», — рассуждал Жуковский, — тем не менее в эпоху именно Витте началось некоторое взаимодействие и проникновение этих двух сфер», в частности благодаря экономической публицистике и экономическим съездам. Жуковский называл Витте созидателем и основателем «новой экономической России», хотя допускал, что Витте сам ясно не сознавал, «что такое он сделал, какую страну выковал ударами своего творческого кулака».²

Витте понимал, что успешное экономическое развитие России невозможно и без радикальной реформы сельского хозяйства. Однако попытка Витте еще в конце 1898 г. поставить вопрос о проведении крестьянской реформы была провалена Министерством внутренних дел. В 1902 г. Витте возглавил «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Оно подготовило проект крестьянской реформы, а в 1905 г. своеобразная ее программа была опубликована в брошюре С. Ю. Витте «Записка по крестьянскому делу». Однако в том же 1905 г. император распорядился закрыть «Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности». Витте был отстранен от участия в разработке крестьянского вопроса, а судьба реформы окончательно передана в Министерство внутренних дел.

Нерешенность крестьянского вопроса в перспективе обрекала экономическую «систему» Витте на неудачу. Однако первый серьезный удар по ней нанес мировой экономический кризис 1900—1903 гг. Промышленность и банковские структуры России оказались в тяжелом положении. Правительство, часто по настоянию иностранных инвесторов, пыталось оказывать поддержку терпевшим бедствие крупным предприятиям, но безуспешно. Резко сократилась возможность получения иностранных займов. Экономическая экспансия в Маньчжурии и Персии была связана с огромными государственными расходами и требовала военного обеспечения, в частности создания флота на Тихом океане, строительства новых стратегических железных дорог. Надежды на то, что на рынках Дальнего и Среднего Востока на смену казенным капиталам придет окрепшая частная инициатива, оказались неоправданными, да этот процесс и не мог быть краткосрочным, а политика государственного вмешательства сдерживала частную инициативу и лишала ее необходимой свободы. Экономические преобразования Витте дали мощный толчок развитию промышленности и железнодорожного строительства в России, однако уровень производительных сил все еще оставался не настолько высоким, чтобы обеспечивать расходы, связанные с ускоренной индустриализацией страны. К концу 1902 г. возможности налогового пресса тоже были использованы до предела. Между тем политика так называемого «мирного» экономического проникно-

вения на рынки Китая, Персии, Монголии и Кореи привела к обострению отношений с Англией и Японией. Поражение в войне с Японией и начавшаяся в России революция поставили на грань катастрофы золотое денежное обращение. Золотую валюту удалось спасти ценой увеличения государственного долга и политических уступок партнерам по антигерманскому блоку.

Как реформатор Витте вновь появился на политической сцене в разгар революции 1905 г. Убежденный сторонник самодержавной формы правления, Витте уже к началу 1900-х годов начал понимать неизбежность конституционных преобразований. Революция 1905 г. подтолкнула реформаторский процесс. С января 1905 г. по апрель 1906 г. в стране были проведены реформы, к которым политические лидеры России на всем протяжении XIX в. не всегда даже решались открыто призывать. Витте оказался в центре этих реформ. С его именем связана подготовка манифеста 17 октября 1905 г., выработка Основных законов, образование Совета министров как первого в России объединенного правительства. С октября 1905 г. по апрель 1906 г. Витте участвует в создании новой, на этот раз политической «системы». Россия делает свои первые шаги на пути к парламентаризму, в стране возникают легальные политические партии. Скоротечность преобразований в системе государственного управления и революционная атмосфера, в которой они происходили, наложили отпечаток на состав и характер Государственной думы и на ее взаимоотношения с правительством. Уже в день созыва Думы Николай II решил, что необходимо распустить ее при первой же возможности. К весне 1906 г. апогей революционного движения миновал. Витте был больше не нужен Николаю II, и ему пришлось накануне открытия Государственной думы уйти в отставку.

Созданная в октябре 1905 г. при участии Витте политическая «система» могла бы сохраниться при условии известных уступок со стороны власти. Образование правительства, ответственного перед Думой, многопартийного, состоящего из так называемых «общественных» деятелей, или однопартийного, например кадетского, должно было способствовать политической стабилизации в стране. Однако Николай II не намерен был и дальше уступать требованиям либеральной оппозиции. Он надеялся добиться политической стабильности в стране с помощью испытанного в истории российского реформаторства приема — путем ограничения уже дарованных свобод. Сохранение правительства, назначаемого императором и ответственного только перед ним, неизбежно должно было привести к разгону не желавшей сотрудничать с правительством Думы и к изменению закона о выборах. Для осуществления своих намерений Николаю II нужен был энергичный и решительный государственный деятель. Царь остановил свой выбор на П. А. Столыпине. Витте своими реформами задержал развитие революции. Столыпин должен был возглавить «попятное движение». Ему Витте вынужден был уступить политическую сцену, а остаток своих дней посвятить сочинению мемуаров и публицистической деятельности. Теперь Витте мог продолжать сражение со своими противниками только в стенах Государствен-

ного совета или на страницах газет и разного рода инспирированных изданий, публикуя свои воспоминания или очерки под чужими именами или псевдонимами. Он прибегал к услугам не только российских, но и западных журналистов, готовых служить ему своим пером и талантом. До последнего дня своей жизни отставной и опальный Витте не складывал оружия и постоянно использовал печать для безжалостной критики правительственного курса П. А. Столыпина, а затем и В. Н. Коковцова.

Витте уже почти шесть лет как находился в могиле, когда были изданы его воспоминания. В них он представил императорскую Россию без прикрас, такой, какой она виделась ему в канун Первой мировой войны. Он не пощадил ни петербургское общество, ни своих императоров, которым служил верой и правдой, а часто и тех, кто в разное время сотрудничал с ним и выполнял его порою деликатные литературные поручения, как, например, И. И. Колышко. Ни одни воспоминания политических деятелей России XIX—XX вв. не вызывали такого числа откликов обиженных современников, как воспоминания Витте. Но что бы ни писали о нем оскорбленные оппоненты, продолжая полемику с покойным, никто из них не мог отрицать, что Витте принадлежит особое место в ряду российских государственных деятелей последних двух царствований. «Родись Витте американцем, — писал И. И. Колышко, для которого воспоминания Витте оказались ящиком Пандоры, — он стал бы миллиардером; в диких прериях собрал бы неисчислимые стада; в Калифорнии — открыл бы золотую жилу; среди индейцев — стал бы вождем; среди разбойников — атаманом. И это не потому, что голова его была полна проектов, что сердце кипело мужеством, что хотелось подвига, — в голове его был часовой механизм организатора, овечье сердце вспухало от страха и жадности земных благ, мстительности и интриганства, а хотелось ему только первоисточника всех наслаждений — власти. Вот именно этот подход к власти, как к тучному коровьему вымени и делал его у власти дикарем... Дикарем он ворвался на российский Олимп и дикарем его покинул».³

Колышко был газетчиком со всеми свойствами, присущими этой профессии, среди которых хлесткость оценок и выражений стояла едва ли не на первом месте. С его характеристикой Витте может быть сопоставлена другая, принадлежащая человеку иного круга и, пожалуй, противоположного склада, который был, прежде всего, политическим мыслителем на основе глубоких знаний в области социальных наук. Речь идет о статье, которой откликнулся на смерть Витте П. Б. Струве. Мы ссылались уже на его оценку реформаторской роли и деятельности Витте как премьер-министра, которому не удалось осуществление принципов манифеста 17 октября. Видя причину этого в приверженности Витте «старому абсолютному порядку», Струве подчеркивал, что он был «гениальным администратором-практиком» этого порядка. Уникальная одаренность, «политическая гениальность» Витте была главной темой и той общей оценки его личности, которую дал Струве. «Часто история выбирает своим орудием если не первого попавшегося человека, то просто того из многих, которые были

„под рукой“, — писал Струве. — Витте совсем не принадлежал к таким случайным людям истории: его значение связано с размерами его личности, есть его собственное, а не заимствованное значение».

Мало кого «в истории русского управления» Струве готов был поставить рядом с Витте, а выше его — одного Сперанского. «Но и то не по личной даровитости, которую Витте превосходил всех русских государственных деятелей, облеченных властью, начиная с Александровской эпохи и кончая нашими днями», — писал Струве, настаивая на том, что Витте «не обладал никакими знаниями, был, вопреки довольно распространенному мнению, попросту говоря, необразованным человеком». «Экономический „гений“ Витте следует искать не в плохих трактатах по политической экономии, написанных чужими руками, — утверждал Струве, — а в государственном творчестве, свободном от пут доктрин и с какой-то державной легкостью разрешавшем трудности, перед которыми останавливались мудрецы и знатоки. Способность Витте понимать самые трудные государственные вопросы, находить самые разумные решения в запутанных областях управления, выбирать нужных людей определялась гениальной интуицией рожденного государственного деятеля и администратора, а вовсе не опытом и не каким-либо „знанием“. Его тяготение к науке и ученым, его широко либеральная оценка высшего образования, памятником которой навсегда останутся политехнические институты, были выражением гениального инстинкта и пиетета к науке человека, который сам всегда стоял вне науки и был ей глубоко чужд».⁴

Сравнивая Витте по «гибкости и приспособляемости» с Гладстоном, Бисмарком, Чемберленом и Победоносцевым, «изменявшими свои взгляды и соответственно этому переходившими на новые пути», Струве отмечал, что он был «по своей натуре беспринципен и безыдеен», в нем не было «ни грана идеализма, и в его гибкости была изрядная доля цинизма». «Один из творцов конституционной России, сам Витте был совершенно лишен всякого чувства права», — писал Струве. Подчеркивая исключительный характер одаренности Витте, Струве видел в нем «человека, отмеченного государственным призванием», перед которым стояли, однако, непреодолимые препятствия, связанные с тогдашним состоянием российского общества.

Сам же Витте, как можно полагать, представлял себе это в более простом виде. Как известно, он любил при каждом удобном случае подчеркивать разницу между двумя государями, которым ему приходилось служить, восхваляя отца в укор сыну. Пиетет, с которым он относился к памяти Александра III, был показным, но лишь до некоторой степени; в воспоминаниях он прибегал к теории о двух умах — «уме рассудка» и «уме сердца», из коих Александр III был-де силен вторым, а первый — «ум рассудка» — был у него «небольшой». «Сравнительно небольшим», или «ординарным», было, по словам Витте, и его образование. Витте не мог написать иначе: слишком известны были эти особенности царя, да и чувство, которое Витте питал по отношению к Алек-

сандру III, не было лишено искренности. Сильная и властная личность демонстрировавшего уверенность в себе самодержца импонировала Витте, за Александром III он был со всеми своими замыслами и осуществленными мерами, как за каменной стеной. Читатель знаком уже со многими обстоятельствами напряженных отношений между Витте и Николаем II. В воспоминаниях Витте позволил себе отзывы об этом царе, никак не совместимые со своими верноподданническими убеждениями, сомневаться в которых не приходится. Существует одно высказывание Витте, которое до некоторой степени объясняет его отношение к Николаю II в известном соответствии с теорией о двух умах, примененной в воспоминаниях к Александру III. «Говоря как-то о государе, — записал А. В. Руманов, — Витте задумчиво заметил: „От властителя не требуется, чтобы он был умен или непременно силен. Требуется, чтобы он был удачлив. Властитель должен быть *felix*...“».⁵ Между тем Николай II, родившийся в день святого Иова, сам говорил, что много раз применял к себе следующую его фразу: «Стоит мне только предчувствовать какую-нибудь опасность, как она осуществляется, и все несчастья, которых я боюсь, обрушиваются на меня».⁶ Исследователь царствования Николая II Б. А. Романов определял эту «основную черту» не жизни, а характера царя, как «мистическую покорность судьбе и уверенность в собственном неудачничестве».⁷ Требованиям, которые Витте, убежденный сторонник монархии и действительный ее защитник, предъявлял к личности царя, это, разумеется, не только не соответствовало, но и решительно противоречило.

Произнося эти слова, он, в сущности, говорил об одной из причин собственного жизненного краха, имея в виду, что при ином характере Николая II и он был бы более удачлив в своих начинаниях.

¹ Цион И. Ф. 1) Итоги финансового управления И. А. Вышнеградского. Париж, 1892; 2) M. Witte et les finances russes. Paris, 1895; 3) Les finances russes et l'épargne française. Paris, 1895; 4) Куда временщик Витте ведет Россию? Париж, 1896; 5) С. Ю. Витте и его проекты злостного банкротства. Париж, 1896.

² РГИА. Ф. 32. Оп. 1. Д. 146. Л. 10—11.

³ Баян. Великий распад... Глава XIV. № 9. С. 1—2.

⁴ Струве П. Б. Граф С. Ю. Витте: Опыт характеристики // Струве Петр. Скорее за дело! М., 1991. С. 15.

⁵ Руманов А. Штрихи к портретам: Витте, Распутин и другие // Время и мы. New York, 1987. № 95. С. 218.

⁶ Палеолог М. Императорская Россия в эпоху Великой войны // Историк и современник. Берлин, 1922. Т. 1. С. 142—143.

⁷ Красная летопись. 1924. № 1 (10). С. 267.

ПРИЛОЖЕНИЕ*

I

Из *Hanotaux, Gabriel. Carnets (1907—1925). Paris, 1982. P. 27—29.*

Габриэль Аното. Записные книжки.

<...> 24 ноября 1907 г. Завтрак у Рафаловича с Витте. Это было первое мое длительное свидание с ним. Присутствовал Жюль Рош.¹ У меня сложилось впечатление, что Витте прибыл в Париж с определенной целью: прощупать возможное сближение с Германией. Он намекнул также на свои связи с принцем Виктором-Наполеоном.² Его влияние значительно возросло и круг знакомств расширился с тех пор, как я его видел в Петербурге и в Париже десять лет назад.³ Он всегда преклонялся перед Рувье.⁴ В его жизни есть три обстоятельства, которые оказали и оказывают на него влияние — русско-японская война с Портсмутским миром, русская конституция и, наконец, вечная угроза быть убитым («Я никогда не уверен в завтрашнем дне»). Он не отказался, между тем, от больших амбиций и, поскольку я видел его в момент, когда новая Дума проявилась как реакционная, в нем было нетрудно обнаружить внимательного наблюдателя событий. Различие между ним и Извольским было весьма очевидно. Извольский похвалялся тем, что он «либерал»; Витте же судил очень строго обо всех парламентских попытках в России. Витте отрекался от своего детища — конституции — и говорил, что он создал ее по принуждению и против своей воли. Он также настроен явно антианглийски и антиамерикански. Он сказал мне, в частности, что у него в руках письма Рузвельта,⁵ с помощью которых можно поссорить навсегда Америку и Японию.⁶ Я сказал ему, что надо хорошенько подумать, прежде чем решиться на это, и что следует принимать во внимание, прежде всего, интересы своей страны. Он меня весьма внимательно расспрашивал о положении дел во Франции. По-видимому, он наводил справки. Рош высказал много излишнего пессимизма. Я пошел против течения и показал нашу действительную силу, продолжающую су-

* Публикация и перевод С. К. Лебедева.

ществовать несмотря на наши внутренние трудности. Немногие из иностранцев понимают это. Витте отметил чрезвычайную важность разделения церкви и государства; он и Рош долго распространялись о необходимости религии «для народа». Православный и атеист вступились за католическую церковь.⁷

Значение этой личности неоспоримо. Но я думаю, что он во всех смыслах слова «выдохся». Крупный, неповоротливый, грузный, с головой мужика, но высокий и сильный, он дышит с трудом и постоянно курит с короткой одышкой неисправного локомотива. Он спрашивал меня о Гамбетте, его смерти и пр. Я рассказал ему о Леони Леон,⁸ отметив что Гамбетта бесконечно уважал свою подругу как судью и советчицу в его действиях. По этому поводу он высказал мне тонкие соображения об истинном влиянии женщин. Справедливые и сентиментальные, эти его высказывания сделали для меня яснее его душевную природу.

А ведь распознать ее просто, когда речь идет о финансистах и дипломатах, у которых умы приправлены рассолом амбиций, а сердца ожесточены трудом всей жизни.

¹ Рош Жюль (Jules Roche) (1841—1923), французский министр торговли (1890—1892), считался специалистом в финансовых вопросах. [Примечания французских издателей.]

² Виктор-Наполеон Бонапарт (1862—1926), сын принца Наполеона и внук короля Жерома, звавшийся принцем Виктором, обосновался в Брюсселе, где в 1910 г. вступил в брак с принцессой Клементиной Бельгийской.

³ Аното тогда был французским министром иностранных дел, а Витте — министром финансов России.

⁴ Рувье Морис (1842—1911), несколько раз был министром финансов Франции; глава кабинета в январе 1905 г.,

он принял портфель министра иностранных дел после отставки Делькассе в июне 1905 г. и сохранял его до падения своего правительства в марте 1906 г.

⁵ Рузвельт Теодор (1858—1919), президент Соединенных Штатов с 1901 по 1908 гг.

⁶ Т. Рузвельт был в 1905 г. выбран посредником в русско-японском конфликте.

⁷ Ж. Рош в 1905 г. голосовал против разделения церкви и государства.

⁸ Леон Леони (Léonie Léon) была советницей Гамбетты.

II

Из *Propper S. M. v. Was nicht in die Zeitung kam. Erinnerungen des Chefredakteurs der «Birschewyja Wedomosti».* Frankfurt a. M., 1929. S. 165—173, 273—286.

С. М. Проппер. Что не вошло в газету. Воспоминания главного редактора «Биржевых ведомостей».¹

Случайно я находился в кабинете Витте (в это время директор Департамента железнодорожных дел Министерства финансов), когда ему доставили императорский указ о назначении его управляющим Министерством путей сообщения. За два дня до этого мы говорили о выпуске второй чрезвычайной лотереи. Витте был руководителем комитета помощи (голодающим) под председа-

тельством наследника престола. План первой лотереи был разработан мной. Заседания были строго секретными.

Я находился у Витте несколько минут, и мы собирались приступить к работе, когда в комнату ворвался дежурный служащий, высоко держа голубой конверт. Надпись большими буквами «Его превосходительству управляющему Министерством путей сообщения Сергею Юльевичу Витте», которую можно было прочесть издали, уже обозначала новый пост адресата. Факт назначения министром для Витте также был неожиданностью. Это превосходило его самые смелые ожидания, которые не шли дальше назначения товарищем министра.

Я видел, как Витте побледнел, он хотел подняться со своего места, его члены отказывались служить, и он должен был, глубоко вздохнув, опуститься на стул. Дрожащей рукой он взял письмо и долго не открывал конверт. Я хотел поздравить. Движением руки — говорить он еще не мог — он попросил меня подождать, подошел к иконе в углу комнаты, перекрестился с глубоким поклоном (Витте был очень религиозен), вновь приблизился к столу, перекрестил надпись на конверте перед тем как вскрыть его, долго читал отношение министра двора с указом императора, прикрыл на некоторое время глаза рукой, и вновь подняв их искрящимися от счастья, он сказал все еще дрожащим от волнения голосом:

— А сейчас Вы можете меня поздравить. Я назначен управляющим Министерством путей сообщения.

По русскому обычаю мы трижды поцеловались.

Между тем в комнате собрались высшие чины департамента. Здесь были оба вице-директора Романов и Ягубов, члены Тарифного комитета Ковалевский и Максимов, секретари Зельманов и Циглер фон Шафгаузен, все — сотрудники Витте еще со времени, когда он был управляющим Юго-Западных железных дорог. Поздравления, объятия, оживленное обсуждение планов на будущее и трудных задач, предстоявших новому министру. Был февраль 1892 г.

Вечером следующего дня я был приглашен новым министром посетить его в кабинете на Фонтанке. У министра путей сообщения была самая красивая служебная квартира по сравнению с квартирами всех его коллег. Это был дворец, который был пристроен к зданию министерства и имел собственный выход в великолепный Юсуповский сад. Мы провели чуть не целую ночь в горячей беседе, ходя по огромной комнате со сводчатым потолком и роскошными фресками, вступали в длинные коридоры, странствовали по блестящим покоям, выходили в сад. Ночь была сухой, безветренной и, несмотря на февраль, почти теплой. Все время Витте развивал свою программу преодоления железнодорожной нужды, помощи голодающему населению, своевременного снабжения голодающих районов посевным зерном. Господа губернаторы о последнем совсем не думали, и оставалось лишь несколько недель, чтобы можно было перевезти грузы от железнодорожных станций в деревню. С приходом оттепели, когда замерзшая земля превратится в грязь, неделями нельзя будет и

думать о гужевом транспорте; деревенские жители будут отрезаны от всякого сообщения с железнодорожными станциями, пока солнце вновь не просушит грязь и сельские дороги вновь не станут проезжими.

Среди многих практических идей, которые Витте развивал в этой беседе, были две, заслуживавшие особого внимания. Одна относилась к специальной сфере нового министра — эксплуатации железных дорог. Если до сих пор железнодорожная служба направляла свое главное внимание на пунктуальность пассажирского движения и наивозможно точное выдерживание расписания пассажирских поездов, то теперь должны были вводиться особые расписания для товарного движения в голодающие районы, которым должно было быть подчинено пассажирское движение, а не наоборот, как было прежде. Расписания, говорил Витте, тайком разработал еще мой Департамент железнодорожных дел Министерства финансов. Сегодня они были просмотрены и проверены в моем министерстве и завтра вводятся телеграфной директивой.

Другой идеей Витте — при известных взглядах монарха несколько смелой для новоназначенного министра — было привлечение известной ему еще со времен Юго-Западных дорог организации еврейских хлеботорговцев для обеспечения голодающих областей посевным зерном.

— Они знают, как вытащить застрявшую телегу из грязи, и я с ними установлю такой порядок определения цены, чтобы транспортные расходы входили в цену товара, существующую не в Одессе, Киеве или Либаве, а в месте назначения, с ограниченным сроком поставок и высокими штрафами с поставщиков за его нарушение. Остается лишь очень мало времени. Цена — к этому нужно быть готовыми — будет, пожалуй, значительно выше. Нужно еще в Министерстве внутренних дел получить кучу разрешений на пребывание и передвижение еврейского персонала; в худшем случае я обращусь в Комитет помощи (голодающим) под председательством наследника. «Вы можете себе представить, — добавил Витте, смеясь, — выражения лиц полицейских начальников Бугульмы, Чистополя или Уральска, когда прибудет бердичевская гвардия. Но без шуток, я уверен, что только евреи с их невероятной энергией смогут вовремя доставить семенное зерно к месту назначения».

В то время С. Ю. Витте еще не был антисемитом, каким он стал позже. Предпринятая акция удалась, а затребованные торговцами цены оказались даже ниже рассчитанных губернскими правлениями.

Уже смеркалось, когда наш разговор перешел на другие, более интимные темы. Витте сообщил мне о своем намерении жениться во второй раз (разрядка здесь и далее — в тексте оригинала. — С. Л.). Прошел год после смерти его первой жены. Он тяжело переносил одиночество.

Я знал, что говорили в петербургском обществе о предполагавшейся женитьбе Витте и догадывался о его переживаниях в предвидении тех испытаний, которые предстоят ему в связи с

этим браком. Я невольно покачал головой, и на моем лице, должно быть, ясно отразились мои мысли. Сергей Юльевич придвинул мне кресло и, сев напротив меня, стал говорить с необычной для него страстностью: «Прежде всего, я люблю эту женщину. Это мое личное дело, и я имею на это право. Сейчас, когда я достиг того, к чему стремился, когда я еще был начальником станции, я хочу, чтобы у меня была своя семья. С моим характером и известным Вам моим отрицанием существующих в обществе условностей мне ни одна женщина из высших сфер, к которым вынужден принадлежать министр, не может предложить того, что я ищу. Вы знаете, каким несчастливым был мой первый брак. Я представляю себе трудности, с которыми столкнусь, я их преодолею.

Пока же мне нужны, — закончил Витте свою речь — деньги для женитьбы». Он назвал сумму в 30 000 рублей, которую потребовал теперешний муж его жены в качестве отступного за согласие на развод. Я очень хорошо понимал, зачем Витте мне все это рассказывал, но не мог отреагировать на намек. Моя газета еще не имела тех тиражей и того положения, которого достигла позднее. Как человек тонкого рассудка, Витте понял меня и перешел к другим темам.²

Но кто была волшебница, которой удалось вывести из равновесия этого здорового, хладнокровного и волевого человека?

Во второй половине 1870-х и в начале 80-х годов большой любовью в кругах петербургской молодой интеллигенции пользовался трактир Нурока на углу Вознесенского и Екатерининского проспектов. Учащуюся молодежь притягивала не только относительно дешевизна, хорошее приготовление и разнообразие блюд, но, главным образом, прелестные дочери хозяина, которые попеременно сидели в кассе и охотно болтали с юными гостями. Все три сестры сделали замечательную карьеру. Одна из них вышла замуж за молодого инженера Быховца, который только что закончил курс в Институте путей сообщения и руководил впоследствии строительством Сибирской железной дороги; другая — за сына богатого золотопромышленника Хотимского; третья была в первом браке замужем за мелким чиновником Лисаневичем, от которого имела дочь. Госпожа Лисаневич вскоре привлекла внимание петербургского *beau monde* своей красотой, умом и особым талантом вести беседу. Петербургский свет усердно искал ее общества. Через десять—пятнадцать лет признанного владычества в мире веселящегося Петербурга Матильда Ивановна начала чувствовать, что настало время упрочить свое положение, пока молодость еще не совсем прошла и ее личное обаяние еще не поблекло. В этот критический для нее период в петербургском чиновном мире всплыла новая, в высшей степени интересная фигура в лице одного еще молодого вдовца, провинциала по происхождению и прошлому, который сделал необычайно быструю карьеру и явно шел навстречу еще большей. Итак, это был человек, которого стоило бы покорить. Ее добрый друг, директор Горного департамента статский советник Скальковский, которого боялись все его знакомые за злой язык и едкие шутки, взял на себя по-

средничество. В один из субботних вечеров, когда светские дамы Петербурга почитали долгом выставить на обозрение свои туалеты в ложах бельэтажа французского Михайловского театра, Скальковский в антракте представил госпоже Лисаневич тогда сорокадвухлетнего Витте. Он увидел ее и покорился навсегда. Это впечатление определило всю его последующую жизнь. Старания Витте приобрести благосклонность женщины, которая его околдовала, были напрасными. Как Евгения Монтихо (Eugénie Montijo),³ Матильда Ивановна сказала Сергею Юльевичу, что путь в ее альков ведет через алтарь. Прошло немного времени, и Витте капитулировал. Но до алтаря еще нужно было преодолеть небольшие затруднения. Госпожа Лисаневич была замужем; нужно было прежде всего осуществить развод. Процесс стоил денег, а у Витте их не было. Супруг требовал крупную отступную сумму и, кроме того, казенное место с содержанием по меньшей мере в 3000 рублей ежегодно. Последнее для Витте было бы устроить нетрудно, но где найти требуемые 30 000 рублей? В течение всей своей деятельности, занимая высокооплачиваемые посты, он не сумел отложить подобную сумму. Из затруднения помогло выйти одно лицо, которое уже давно интриговало петербургское общество, господин Гравенгоф, урожденный Фридрих, из балтийского местечка Gravenhof. Этой загадочной фигуре, которая в конце 1880-х годов появилась на петербургском горизонте и после нескольких лет ближайшей дружбы с домом Витте столь же внезапно исчезла из виду, посвящена следующая глава.

Госпожа Лисаневич после стремительно проведенного бракоразводного процесса стала госпожой Витте. Ее дочь от первого брака Витте удочерил и любил как собственного ребенка. Со своей сестрой, госпожой Быховец, госпожа Витте поддерживала дружественные отношения, со второй сестрой, госпожой Хотимской и ее мужем, которые не желали отречься от веры отцов и оставались верными еврею, госпожа Витте прервала все сношения...

При посещениях Департамента железнодорожных дел в первое время моего знакомства с Витте я всегда находил в его приемной загадочную фигуру, которая, должно быть, обитала там чуть ли не постоянно, поскольку я ее видел всегда, в какой бы час дня или вечера я ни приходил к Витте. Однажды я застал врасплох этого человека подслушивающим у двери, когда я выходил из кабинета Витте. Я обратился за справкой к моему другу Ягубову, вице-директору департамента. Тот не мог дать ясного ответа. Он знал лишь, что эта персона известна под именем Гравенгофа, что он должен быть корреспондентом какого-то крупного органа, кем-то был горячо рекомендован Витте и, очевидно, с ним близок. Коллеги относились к Гравенгофу весьма холодно и старались быть с ним чрезвычайно осторожными. Гравенгоф очень интересовался частной жизнью каждого из высоких чинов департамента и имел повадки полицейского шпика.

Позднее я встречал Гравенгофа также в передних директоров крупных банков и промышленных предприятий. Он и там выглядел столь же необычно и таинственно, выступая, правда, уже в

качестве «друга» Витте. В банках мне сообщили, что Гравенгоф был корреспондентом берлинской «Reichskorrespondenz», издававшейся Веселитским-Божидаровичем, и предъявил рекомендательные письма от русского посла в Берлине графа Павла Шувалова, а равно от берлинских банкиров Министерства финансов, господ Мендельсон и К°.

Сам Веселитский-Божидарович был чрезвычайно интересной личностью. Урожденный серб из Герцеговины, потомок сербского воеводы и, по его словам, претендент на боснийско-герцеговинский трон, Божидарович одним из первых поднял в 1875 г. знамя восстания в Герцеговине, сражался бок о бок с русским подполковником Монтеверде (капитаном Петровым) против турок и затем организовал партизанскую войну против австрийской оккупационной армии. После кровавого подавления борьбы за свободу своей страны Веселитский-Божидарович направился в Берлин, Париж и Лондон, чтобы протестовать против порабощения своего народа, прибыл на некоторое время в Петербург (он, как многие южные славяне, в совершенстве владел русским языком) и играл здесь довольно большую роль в кругах фрондирующей славянофильской партии. Возвратясь в Берлин, он основал там «Reichskorrespondenz», специально предназначенный для газет информационный орган, в подражание или скорее в противовес венской «Politische Correspondenz». Основной материал состоял из сообщений из Петербурга и славянских балканских центров. Газета субсидировалась Министерством финансов и Министерством иностранных дел России. Веселитский имел доступ в русское посольство и его охотно принимал граф Павел Шувалов. С Гравенгофом Веселитский-Божидарович познакомился через протоиерея берлинской посольской церкви Мальцева, который позже об этом немало сожалел, как он рассказывал мне в Бад-Наугейме. Протоиерей Мальцев был крестным отцом Гравенгофа или, вернее, Фридриха. Снабженный рекомендательными письмами графа Шувалова, которые ему Веселитский добыл как своему петербургскому корреспонденту и представителю, а также письмами самого Веселитского разным высокопоставленным лицам (среди них государственному контролеру Т. И. Филиппову и его товарищу Васильеву), Гравенгоф прибыл в Петербург. Тайный советник Филиппов принял его холодно и сдержанно. Васильев ввел его в славянофильские круги. Во время Александра III все, стремившиеся сделать карьеру, искали случая подчеркнуть преданность русской православной церкви. Считалось обязательным посещать церковь не только по большим праздникам, но и по воскресеньям. Во многих министерствах строго контролировали, исполняют ли служащие религиозный долг. В русскую церковь ходили не только православные, но также чиновники католического или лютеранского исповедания. Гравенгоф был один из усерднейших в посещении церкви. Его можно было видеть каждый праздник и воскресенье в Казанском соборе в первых рядах молящихся. Вскоре, однако, стали замечать, что Гравенгоф имел какие-то отношения с тайной полицией. Бросалось в глаза, что он интересовался частной жизнью финан-

сового мира, журналистов, высшего и среднего чиновничества различных министерств.

К этому времени телеграфное бюро Вольфа пожелало иметь собственного корреспондента в Петербурге, который был бы вхож в министерства иностранных дел и финансов. Русский посол граф Шувалов, к которому в этой связи обратилось бюро Вольфа, рекомендовал Гравенгофа. Вскоре после этого Гравенгофу удалось вступить в загадочные отношения с преемником Каткова по изданию «Московских ведомостей» господином Петровским. Ради декорации Гравенгоф, хотя он был не очень-то силен в русском языке, стал официальным корреспондентом «Московских ведомостей». В действительности он больше представлял в разных ведомствах личные интересы господина Петровского, которые часто были весьма деликатного свойства и по большей части вращались вокруг денежных вопросов. Петровский представил Гравенгофа своему тайному партнеру по аренде «Московских ведомостей» (газета была собственностью Московского университета), главе Главного управления по делам печати, тайному советнику Феоктистову. Через руки Гравенгофа проходили все денежные дела обоих деловых друзей. От него не было никаких секретов, и он крепко держал Феоктистова в своих руках.

Я нарочно вхожу в эти многочисленные детали, поскольку тем самым лучше всего может быть представлена картина коммерческой деятельности чиновников времени Александра III.

Постепенно Гравенгоф стал постоянным гостем во всех департаментах министерств финансов, иностранных и внутренних дел и путей сообщения; его принимали неохотно, но боялись; только в Военное министерство он не получил доступа. Он все реже показывался в передней Витте, много разъезжал, заходил по вечерам и ночью в модные рестораны, театры и места увеселений в намерении встретить там людей, которые ему нужны или позднее могли быть нужны. Сочинение своих «публицистических» работ он переложил на молодого чиновника Министерства внутренних дел А. А. Палтова, который быстро понял, что ему открывается легчайший путь к обеспеченной служебной карьере.

Скоро в банках и деловом мире разузнали, что Гравенгоф был удобной фигурой для извлечения нужной информации из того или иного учреждения и для устройства деликатных дел нелегальным путем. У Гравенгофа для каждого подобного поручения был особый тариф, повышавшийся по мере того, как улучшалось его материальное положение. Его дела начали идти особенно хорошо, когда директор департамента Витте стал министром.

Что общего было между такой личностью как Гравенгоф и восходящей звездой на петербургском чиновном горизонте, господином Витте?

Чтобы провести развод госпожи Матильды Лисаневич и сделать ее своей женой, Витте нуждался, как уже говорилось, в 30 000 рублей. Гравенгоф добыл их ему. Он нашел эту сумму у директора Русского банка для внешней торговли Френкеля, который сразу понял, что такое вложение капитала могло оказаться со временем весьма прибыльным.

Гравенгоф стал лучшим, преданнейшим другом будущей госпожи Витте.

Есть старая поговорка: «Маленькие услуги питают большую дружбу». Витте, до второй женитьбы пренебрегавший светскими нравами, после своего назначения управляющим Министерством путей сообщения совершенно упустил из виду, что он обязан нанести в связи с этим визиты коллегам-министрам и, как это было принято в то время, в министерском фраке и с орденом. Немалым было его удивление, когда на следующее утро после назначения слуга подал ему шитый золотом министерский фрак. Что же произошло? Оказалось, что тот же «друг Гравенгоф» накануне зашел на квартиру Витте, взял у слуги фрачный костюм хозяина, заехал к первому портному Петербурга Тедеско и, заплатив за это значительную сумму, добился, чтобы министерский фрак был готов к следующему утру. Результатом стала его большая дружба не только с мадам, но и с господином Витте. После свадьбы Гравенгоф стал ежедневным посетителем молодой пары, совершенным другом дома, охотно выполняющим каждое поручение. Везде, где супружеская пара Витте показывалась публично, вскоре можно было видеть и Гравенгофа, который делал все возможное, чтобы подчеркнуть и сделать заметной всем свою близость.

Уже через несколько недель после своего назначения на пост министра путей сообщения Витте был весьма разочарован. Ощущение власти, которого годами искало его воспаленное самолюбие, не приходило. На каждом шагу он видел, что он по рукам связан необходимостью во всех делах и намечавшихся реформах заручаться согласием министра финансов, который не хотел выходить за рамки бюджета и отказывал в каждом новом ассигновании. Витте понимал, что в России собственно министерская власть принадлежала министру финансов, в руках которого была движущая сила всех министерств — злосчастные деньги. Намерение Витте включить Департамент железнодорожных дел, который он прежде возглавлял, в Министерство путей сообщения министр финансов отклонил, однако без этого департамента Министерство путей сообщения имело лишь видимость существования. Витте меньше интересовали технические вопросы, он был силен в тарифах, комбинациях вокруг железнодорожных обществ, разработке новых линий — во всех делах, которые должны были представляться для окончательного решения в Министерство финансов. Все его помыслы обратились к Министерству финансов.

Неожиданно открылись новые перспективы. Заболел министр финансов и ушел в длительный отпуск. На Витте было возложено представление всеподданнейших докладов по Министерству финансов. Его доклады нравятся императору. Они лишены звонких фраз, просты и хорошо понятны императору и в некоторых случаях сопровождаются простейшими разъяснениями Витте. Доверие императора к нему заметно растет, и перед ним замаячил, хотя еще в неопределенном отдалении, портфель министра финансов. Это был бы следующий, важный шаг к осуществлению его планов. Витте по поручению императора отправился на Вол-

гу, в область, охваченную холерой, и провел там мероприятия для подавления эпидемии. Благодаря его энергии удалось парализовать эпидемию. Там Витте узнал, что министр финансов Вышнеградский полностью выздоровел и намеревается вскоре вновь приступить к работе. Витте разыскивает Вышнеградского в Крыму и спешит в столицу, чтобы представить императору доклад о своей миссии.

В «Московских ведомостях» появляется сенсационная корреспонденция из Петербурга: по мнению лиц, которые видели Вышнеградского в последнее время, тот был неизлечимо болен и страдает явно выраженным параличом головного мозга. В связи с этим дальнейшее пребывание Вышнеградского во главе Министерства финансов невозможно. Тяжело больному, не контролирующему свои действия человеку нельзя вновь передавать столь ответственный пост, как руководство Министерством финансов.

Духовный отец корреспонденции — Гравенгоф. Исполнитель — Палтов, при негласном благословении Феоктистова; инициатор — *cui prodest?**

Вышнеградский получает отставку милостивым императорским рескриптом и живет еще четыре года в полном здравии и ясном уме. Витте назначается управляющим Министерством финансов с пожалованием чина тайного советника. Министром путей сообщения становится господин Кривошеин, пост секретаря Министерства путей сообщения получает «заслуженный» Палтов.

Гравенгоф становится сватом. У Витте была приемная дочь от первой жены, сирота, которая жила в его доме. В Министерстве финансов служил молодой чиновник, сын киевского профессора Меринга, одного из богатейших домовладельцев Киева. Гравенгоф посредничает в замужестве. В качестве приданого Меринг получает пост вице-директора Кредитной канцелярии, через которую проходили все финансовые операции государства, утверждение акционерных обществ, разрешение новых привилегий для уже существующих компаний, кредитные операции Государственного, Дворянского, а также Крестьянского поземельного банка.

Меринг становится закадычным другом Гравенгофа; секретарем нового министра путей сообщения и его доверенным лицом стал Палтов, который должен благодарить за свой пост Гравенгофа. Гравенгоф напал наконец на золотую жилу. К ее эксплуатации должны быть привлечены новые силы.

Витте в юности, как бедный студент Одесского университета, был домашним учителем сыновей главы богатого одесского банкирского дома Рафалович и К°. Со старшими сыновьями он был на ты, они были его университетскими коллегами, к младшему, своему ученику Артемию Федоровичу, он был особенно привязан. Последний незадолго до назначения Витте (одесская фирма за несколько лет перед этим должна была прекратить платежи)

* кому выгодно — прим. перев.

учредил небольшую банкирскую контору в Петербурге на Невском проспекте. Гравенгоф побудил генерального директора Русского банка для внешней торговли, Френкеля, того самого, который уже инвестировал 30 000 рублей в дело Витте, принять Рафаловича к себе в банк в качестве содиректора. Рафалович как новоиспеченный член правления и второй директор Русского банка начинает ежедневно посещать Витте, чтобы информировать министра о событиях на бирже. Генеральный директор банка Френкель, представленный им министру, вскоре находит также доступ на частную квартиру министра, становится там *persona gratissima* и усердным советником госпожи Витте в ее «маленьких» коммерческих делах. В книгах Русского банка появляется новый счет: *Gravenhof conto separato*. Почему Гравенгоф и почему *separato*?...

Для Витте всегда существовал кто-то, кто мог стать для него опасным, не занимая никакого административного положения, но будучи вхож к императору. Таким лицом был князь Мещерский, издатель «Гражданина». Князь имел доступ к императору, часто посылал ему записки по вопросам, интересовавшим того. Привлечь на свою сторону князя Мещерского было не очень трудно. Князь питал особенную слабость к всевозможным субсидиям и непредвиденным доходам. Просьба князя о субсидии на открытие собственной типографии легко прошла в Министерстве финансов, министр путей сообщения издал распоряжение, по которому новой типографии князя Мещерского должны были передаваться все печатные заказы казенных железных дорог, включая билеты. Работы оплачивались по фантастическим ценам, которые на 150 000 рублей в год превышали обычные расценки.

Для установления добрых отношений с влиятельным членом Комитета финансов, государственным секретарем Сольским, министр финансов назначил его племянника, и позднее наследника, маленького, неприглядно сложенного господина Сольского, в обход всех его начальников, директором Государственного банка.

Таково было положение вещей, когда граф Витте, имевший поручение создать под своим председательством кабинет министров, 18 октября через «Телеграфное агентство» поставил в известность главных редакторов петербургских газет, что он приглашает их на следующий день, 19 октября, к себе на совещание. Заседание редакторов, проведенное вечером того же дня, решительнейшим образом высказалось против возможности оказать доверие графу Витте в его новой роли. За исключением редактора относительно новой газеты «Слово», инженера Перцова, все присутствовавшие настаивали на том, что враждебное отношение к Витте следует подтвердить совместным заявлением. Редактор «Нашей жизни», профессор Ходский предложил, чтобы все газеты на первой странице завтрашнего номера поместили одинаковое заявление, которое выразит недоверие министерской политике графа Витте. Однако скоро стало известно, что наборщики, как и печатники, еще не кончили забастовку, и нельзя было ска-

зять, когда газеты выйдут вновь. Мысль о коллективном выступлении газет должна была отпасть. Вся жизнь страны была нарушена всеобщей забастовкой, в которой участвовали чиновничество, суды и, наконец, даже полиция; остановились железные дороги и трамваи, почта, телеграф, водопровод, освещение, были закрыты школы, фабрики, рудники, торговые предприятия, одним словом, приостановилась вся жизнь страны. По общему мнению, подобные события не могли повториться без того, чтобы страна не была ввергнута в анархию и всеобщий хаос. Витте сумел представить манифест об учреждении Думы в столь эластичной форме, что она совершенно не давала гарантии, что это действительно будет шаг вперед по сравнению с отвергнутым всеми проектом виттевского предшественника, министра Булыгина. Закон о проведении выборов остался тем же. В тактике графа Витте склонить императора не издавать манифест или, если он уже хотел это сделать, объявить реформу в манифесте в чрезвычайно осторожных словах, ни в малейшей степени не связывающих императора, видели предательство графа по отношению к обещаниям, которые он дал столь щедрым образом представителям общественности, и среди них также редакторам газет, совещавшимся с ним до 17 октября. О конституции, об ответственном перед Государственной думой и Государственным советом министерстве в документе о Государственной думе также не было упоминания. И поэтому у Витте была полная возможность впоследствии оказаться на хорошем счету у императора, поскольку именно он, Витте, убеждал императора не подписывать манифест, который бы слишком связал его, и давал ему возможность позднее изменить или совсем отменить реформы, «дарованные» при исключительных обстоятельствах. Позднее оказалось, что собрание редакторов справедливо приписало Витте подобную тактику. Через несколько лет, когда он после ухода с поста председателя Совета министров и не совсем добровольного пребывания за границей вернулся в Россию, граф Витте, оставшийся постоянным членом Государственного совета, присоединился к реакционной группе, которая была образована Дурново, бывшим министром внутренних дел в кабинете Витте, и открыто боролся не только с решениями Думы, но и против самого ее существования. Чтобы вновь добиться власти, он не испугался в последующие годы лично и через жену вступить в связь с кругом Распутина—Вырубовой.

Особенно остро на упомянутом заседании выступили редакторы вновь созданных газет. Приводились удивительные примеры, как у Витте расходятся слова и дела. После длительных, затянувшихся до поздней ночи дебатов собрание пришло к единому гласному решению, что политика графа Витте должна считаться двусмысленной и что к ней можно относиться лишь с недоверием. Это решение должно было быть на другой день сообщено графу Витте специально уполномоченным для этого лицом. Из редакторов, присутствовавших в собрании, старейшим по стажу был владелец «Биржевых ведомостей» С. М. Проппер. Я не мог и не должен был

отказаться, сколь бы мучительно это мне ни было, принимая во внимание прежние добрые отношения с Витте в то время, когда он еще был министром финансов.

Резолюция требовала:

1) выразить недоверие новому главе кабинета;
2) отставки генерала Трепова, который как генерал-губернатор Петербурга заявил в прокламации, что «он не будет жалеть патронов»;

3) вывода войск из дворов, соседних с типографиями и фабриками, где они были размещены по распоряжению генерала Трепова; рабочие заявили, что при выполнении этого требования они возьмут на себя защиту своих мест работы.

Витте отказался засвидетельствовать почтение приглашенным представителям общественного мнения; это был светский промах. В Петербурге к таким вещам относились весьма педантично. Редакторам, собравшимся в кабинете премьер-министра, не самим Витте, но его секретарем было предложено перейти в зал приемов. Присутствовавшие еще больше почувствовали, что с ними обращаются бесцеремонно, когда Витте не пригласил их сесть, но вел разговор стоя.

Витте не привык держать политические речи экспромтом. Его монотонный голос еще более электризовал уже и без того чересчур нервную атмосферу. Витте ни минуты не подумал, что присутствовавшие уже знали от посвященных тайную историю его переговоров с императором, и с его стороны было большой ошибкой обратиться к собравшимся с требованием не только поддержать его, но и оказать ему доверие. Если бы граф Витте удовлетворялся просьбой к представителям прессы помочь правительству выйти из критического положения, вызванного всеобщей забастовкой, и судить о нем (Витте) по его последующим делам, то это, возможно, — я повторяю: возможно, дало бы шанс заявить об отказе от поддержки его политики в менее категоричной форме. Витте закончил свою чуть конфузливую речь требованием оказать ему доверие. Слова: «Мы не доверяем Вашему министерству» были логическим ответом. За этим последовало изложение других требований резолюции.

Содержание переговоров Витте с редакторами политической прессы 19 октября 1905 г. принадлежит истории. Отчет об этих переговорах был напечатан во всех петербургских газетах в одном из первых номеров после возвращения Витте к власти. Витте в своих мемуарах признал отчет «Биржевых ведомостей» правдивым. Его резкие личные выпады против автора этих строк я здесь опускаю. Ведь его мемуары полны неосновательных поношений всех современников, с которыми он когда-либо входил в соприкосновение.

Когда все попрощались, Витте попросил меня побыть еще минуту. Он был весьма обескуражен и хотел от меня узнать, почему вся политическая пресса высказалась столь категорически против него, и все речи, за исключением редактора «Слова» Перцова, были направлены против его политики. Особенно его удивило мое выступление. Я прямо сказал ему, что мое выступление было

поручено мне собранием редакторов, а также чистосердечно сообщил причину враждебного ему настроения прессы и не скрыл, что он не может рассчитывать на изменение такой позиции прессы. Витте обратился ко мне с просьбой убедить моих коллег по перу не отягощать ему задачу успокоения страны личной полемикой и поддержать его политику в моей газете. Первое я мог обещать и сделал, второе же должен был решительно отвергнуть. Тогда Витте попросил меня по меньшей мере чаще его посещать. Я был принужден ему объяснить — чтобы не поставить его или самого себя в ложное положение — что могу сделать следующий визит к нему лишь на следующий день после его отставки.

Это я также исполнил...

Прошли годы с 19 октября 1905 г. За день до открытия Государственной думы премьер Витте был смнен своим старым врагом, бывшим министром внутренних дел Горемыкиным. Монарх по совету последнего распустил Думу по окончании короткой сессии, но одновременно дал отставку Горемыкину и назначил председателем Совета министров министра внутренних дел Столыпина. Депутаты, принадлежавшие к конституционно-демократической партии (кадеты), удалились в Выборг, в Финляндии, выпустили там воззвание, в котором они призывали русский народ к прекращению уплаты налогов и непризнанию правительственных органов. Суд приговорил каждого из подписавших воззвание к трем месяцам тюрьмы и лишил их активного и пассивного избирательного права. Выборы во Вторую Думу дали большинство радикальнейшей оппозиции, в которой кадетскую партию можно было бы считать умеренной. Столыпин распорядился арестовать социал-демократических депутатов и распустил также и Вторую Думу (она называлась «Думой народного гнева»). Избирательный закон был изменен так, что в новую Думу в качестве депутатов попали в большинстве своем духовные лица и крестьяне; правительственная машина работала на всех парах, чтобы провести своих кандидатов и создала послушную «октябристскую» Думу. Против редакторов крупных петербургских газет, в том числе и автора этих строк, велись процессы по обвинению в попытке свержения существующего государственно-го строя и были наложены наказания от двух месяцев тюрьмы до года крепости. В стране господствовало чрезвычайное положение, тысячи получили «столыпинский галстук». Черносотенный «Союз русского народа» (почетное членство в нем царь принял для своего сына) терроризировал интеллигенцию, которой он от имени «черной каморры» выносил один за другим смертные приговоры и во многих случаях приводил в исполнение. Свобода прессы стала пустым словом. Реакция праздновала триумф, железный кулак Столыпина разбил революционное движение, и прежняя кладбищенская атмосфера вновь воцарилась в России. Урожаи были блестящими, и государственный кошелек наполнялся растущими доходами от водочной монополии. Мнимое спокойствие внутри страны дало министру иностранных дел Извольскому возможность проводить активную внешнюю политику, в итоге малоудачную. В вопросе включения Боснии и Герцеговины

в Австро-Венгрию он должен был оказаться в проигрыше. Император Вильгельм имел повод отчеканить слова о «блестящей обороне и секундантской верности Австро-Венгрии» Германии. Уснувшая в России ненависть к немцам вспыхнула вновь. На Балканах началось мощное движение, направленное против Австрии и Турции. Извольский покинул свой пост и был заменен зятем Столыпина Сазоновым. Третья Дума завершила свою сессию без малейшей помехи. Несмотря на избирательные ограничения и мощный натиск правительственных органов выборы в Четвертую Думу дали усиление оппозиционного элемента. Столыпин начал свою выдающуюся земельную реформу, которая должна была создать вместо общинного землевладения частную собственность крестьянина и тем самым — новый, верный императору слой населения. После убийства Столыпина в Киеве, которое, как теперь установлено, произошло при пассивном одобрении тайной полиции, последовало назначение министра финансов Коковцова премьером. Коковцов мог позволить себе заявить на заседании Думы: «Слава Богу, у нас нет парламента», а министр внутренних дел Макаров рискнул, бросая вызов всей стране, при обсуждении массового расстрела бастующих рабочих на Ленских золотых приисках, заявить в Думе: «Так было всегда и так всегда будет». Укрошенная Дума, избранная при режиме Столыпина и руководимая его доверенными людьми, начала медленно склоняться к оппозиции новым властителям, и вновь начался натиск на правительство.

Граф Витте, который провел целые годы по большей части за границей или в своем имении под Сочи на Кавказском побережье, думал, что пришел час, когда он вновь может появиться на политической арене. В его белом доме на Каменноостровском проспекте вновь открылись двери и начались визиты высокопоставленных сановников, как состоявших, так и не состоявших на службе, и в некоторые дни эти визиты были весьма многочисленными. Все, что в свое время играло роль в политике и сейчас было заморожено, вновь было здесь представлено. От общих знакомых я знал, что Витте не стесняется обливать меня грязью, но я знал, что он с такой же ненавистью относился ко всему свету. Витте для меня умер, его выпады оставляли меня безучастным, мои сотрудники знали, что я не пропущу в газете никаких нападок на Витте, на его имя было наложено табу.

Однажды утром я был в редакции, просматривая материал для вечернего выпуска газеты, когда услышал голос графа Витте по телефону:

— С. М., это Вы?

Я сухо подтвердил.

— В газете «День» появилась направленная против меня подлая заметка. (Последовала длинная тирада, полная разнообразных злобных эпитетов в адрес газеты и ее редактора). Для меня очень важно, чтобы ответ и опровержение последовало еще в сегодняшнем вечернем номере «Биржевых ведомостей». Я надеюсь, что Вы это сделаете.

— Если заметка будет в моих руках не позже 12-ти, скажем, в половине первого, я выполню Ваше желание. Но прошу быть сдержанным в выражениях.

— Тогда, возможно, будет лучше, если опровержение будет исходить не от меня, но от редакции.

— Хорошо, я посмотрю, что можно сделать, прошу только во всяком случае поспешить.

Заметка была напечатана. Через несколько дней последовала присылка новой, затем просьба больного Витте посетить его, он сгорает от желания поговорить со мной. Я начал вновь время от времени его посещать, не часто, раз в два—три месяца. Пребывание у Витте было всем, чем угодно, только не удовольствием. Было очень тяжело выслушивать его вечные нападки на всех и каждого. Он был отравлен и готов бороться со всем миром. Иногда удавалось направить его вновь в спокойное русло, и тогда он был бесценным источником сведений обо всех событиях за кулисами правительственной машины. В хорошем настроении, которое, к сожалению, появлялось редко, он выкапывал из своего сверхбогатого архива секретнейшие документы времени своей прежней деятельности. У него была любимая поза: стоять перед портретом Александра III и задумчиво смотреть на него. Александр III был для него алтарем, на который он молитвенно взирал. Он никогда не упускал случая заявить, что, по его убеждению, самодержавие является идеальной формой правления для России, но не при таком монархе, каким был император Николай II. Витте уверял, что пока жив Николай II, его песня как государственного деятеля была спета; от этого императора он не может ожидать никакого нового назначения ни послом, чему он был бы рад более всего, ни министром. Со страхом он всегда ждал начала Нового года. Граф Витте принадлежал к членам Государственного совета, получившим назначение еще до его реформы. К избранным членам император добавлял определенное число старых сановников из числа назначенных членов Государственного совета, которые должны были участвовать в текущей сессии. Неназначение было средством наказания упрямцев. Такие были. У Витте был адский страх, что император вычеркнет его имя из списка активных членов Государственного совета. Опасения Витте, однако, всегда оказывались беспочвенными. Правда, император откладывал назначение до последней минуты, но все же каждый год назначал графа участвовать в заседаниях. Император блестяще умел держать Витте на пороге, и, по-видимому, ему доставляло удовольствие наслаждаться страхами и пустыми надеждами Витте. Русским банком для внешней торговли графу Витте был предложен пост председателя правления с содержанием в 200 000 рублей. Как статс-секретарь и член Государственного совета по назначению, он мог принять этот пост лишь с согласия императора. На соответствующее прошение император повелел сказать графу через министра двора, что он не может разрешить Витте поступить на частную службу, так как, возможно, Витте ему еще понадобится. Император был, очевидно, обеспокоен тем, что Витте после своего ухода с государственной службы еще при жизни мог опубликовать из своего тайного архива многое, обнародование чего императору было бы

неприятно. Витте часто указывал на этот архив, правда, спешил добавить, что он хорошо спрятан за границей и находится в сейфе на другое имя.

Расхождения в наших взглядах на внутреннее положение еще более обострились. Мои визиты становились все реже и реже и полностью прекратились в 1911 и 1912 гг. На Балканах бурлило, и, по моим сведениям, война славянских государств и Греции против Турции была неизбежна. В одной подписанной мной полным именем статье о предстоящей войне на Балканах я обосновал утверждение, что она потянет за собой мировую войну, которая будет популярна во всех странах и у всех народов, но принесет человечеству гибельную нищету. Статья привлекла большое внимание также в иностранной прессе, которая комментировала ее, отчасти соглашаясь, отчасти полемизируя со мной. Престарелый князь Мещерский, издатель «Гражданина», извошел желчью и требовал, чтобы меня преследовали по суду за подстрекательство масс.

Вновь телефонный звонок графа Витте и его чрезвычайно признательные слова. Я на них не реагировал, я не без основания предполагал, что Витте надеялся вновь достигнуть власти. Я слышал от коллег, что он и у них пустил в ход все свои средства, очевидно, чтобы обеспечить себе хорошую прессу. Чувствовалось, что мы вновь стоим накануне правительственного кризиса и что дни кабинета Коковцова были сочтены. Кризис, однако, не разразился. Коковцову вновь удалось его уладить.

Прошел год с небольшим. В Государственном совете Витте образовал новую группу. К ней принадлежали все главные реакционеры. В Думе и Государственном совете начались дебаты по государственному бюджету. Граф Витте выступил в Государственном совете с пламенной речью против финансовой политики Коковцова. В страстных словах он пояснил, какие изменения претерпела реформа водочной монополии при Коковцове. В то время как главной целью финансовой администрации Витте было препятствовать пьянству народа, водочная монополия при Коковцове приняла постыдный характер систематического спаивания народа. Россия — большой кабак под высоким покровительством министра финансов. Водочная монополия стала основой государственных доходов; на ней покоится весь бюджет, ежегодное увеличение этого дьявольского источника доходов составляет сотни миллионов, крестьянство нищает, травится бутылкой водки, поданной ему везде и всюду, нравственность падает, преступность растет необычайно, а министр финансов потирает руки при составлении бюджета с прогрессивно растущими суммами дохода от продажи водки. Речь была веской, представленная картина — правдивой. Всем было ясно, что положение Коковцова поколеблено и вопрос лишь в том, кто будет его преемником. Витте пустил в ход все средства, вывел на бой все свои силы. Здесь и Распутин, для которого граф уже был «хороший человек», и Вырубова, подруга императрицы, и аристократический посредник князь Андронников, и старый князь Мещерский. Коковцов действительно получает отставку, но премьером становится не Витте, но вновь его старый противник Горемыкин, а министром финансов —

Барк. Винная монополия вообще отменяется, декретируется запрет всех алкогольных напитков.

Разразилась мировая война. Влияние клики Распутина растет необычайно. Неудачи на театре военных действий после победоносного продвижения армий вначале беспокоят народные массы. Дума высказывается против Горемыкина. Пропасть между народом и правительством увеличивается.

Немалым было мое удивление, когда моя жена позвонила мне в редакцию. Граф Витте, которого я уже давным-давно не видел, явился с визитом, желает меня видеть, хотел бы поговорить. Я пообещал скоро прийти. Редакционное здание было лишь через несколько домов от моей квартиры. Я нашел Витте за беседой с моей женой. Присутствовали мой сын и одна из дочерей. Витте говорил напористо, постоянно обращаясь к моей жене, набрасывая картину за картиной. Он сомневался в любой возможности победоносного выхода из войны, предрекал поражение за поражением, расстройство финансов, внутренний раздор и смуты невероятного масштаба, революцию, крушение династии и анархию, если вскоре не будет заключен мир. Его слова были прорицаниями Кассандры.

Когда он ушел, мои родственники спросили меня, что было целью этого визита и трагических возвещений. Я знал, что Витте не имел обыкновения делать что-либо без определенной цели. Мне было ясно, что предстоит его новое определение на службу, и что он вновь надеется выступить «спасителем России». На этот раз Витте, может быть, добился бы своей цели, так как он созрел за годы изгнания, немилости и всеобщей к нему ненависти. Распутин был бы для него, насколько я знал Витте, лишь инструментом для достижения власти, и Витте был бы первым, кто устранил бы этого злого гения России. Всеобщий мир был бы, конечно, установлен годами раньше и значительно сократил бы народам, прежде всего России, их страдания...

Такой я хочу сохранить память о Витте.

Два дня спустя Витте вдруг тяжело заболел и еще через три скончался. Я был на погребении его тела и искренне молился за упокой души великого человека.

Он умер неразгаданным. Его мемуары, написанные за много лет до смерти, не дают ответа на вопрос, что было в них правдой. Пройдут годы, документы истории окажутся в руках новых людей. Может быть, тогда найдется ключ к человеческой загадке Витте.

¹ С. Ю. Витте в своих мемуарах характеризовал С. М. Проппера как развязного субъекта. «Вечно шлялся по моим передним, когда я был министром финансов, выпрашивал казенные объявления, различные льготы и,

наконец, выпросил у меня коммерции советника», — писал он о Проппере (*Витте С. Ю. Воспоминания*. М., 1960. Т. 3. С. 61). Сам Проппер в приводимом здесь отрывке в таком же духе писал о Д. А. Гравенгофе.

Сообщаемые им сведения не во всем точны, в их изложении он склонен к некоторой вульгаризации, но нельзя не признать, что многие из закулисных сторон жизни министерских сфер были ему хорошо известны.

² Ср. сведения о женитьбе Витте, занесенные в дневник государст-

ственным контролером Т. И. Филипповым (*Vitte С. Ю.* Воспоминания. М., 1960. Т. I. С. 536—537 (примечания)).

³ Монтихо Евгения-Мария (1826—1920), испанская графиня Теба; с 1853 г. супруга императора Наполеона III.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ВИ	— Вопросы истории
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ИА	— Исторический архив
ИЗ	— Исторические записки
ЛГУ	— Ленинградский государственный университет
ОР ИРЛИ	— Отдел рукописей Института русской литературы (С.-Петербург)
ОР РГБ	— Отдел рукописей Российской государственной библиотеки
ОР РНБ	— Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки
РГАЛИ	— Российский государственный архив литературы и искусства
РГИА	— Российский государственный исторический архив
ЦГИА СПб.	— Центральный государственный исторический архив в С.-Петербурге
BD	— British documents on the origins of the War: 1898—1914. London
DDF	— Documents diplomatiques français 1871—1914. Ser. 1—3. Paris
GP	— Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette: 1871—1914. Berlin

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН*

- Абаза А. А. 41
 Абаза А. М. 128, 129, 132, 362
 Авелан Ф. К. 189
Авенар Э. 198
 Адлерберг А. В. 19, 33
 Азеф Е. 136
 Айзенберг Л. М. 155, 156, 160, 160, 279, 297
 Акимов М. Г. 271, 273, 307, 308, 311, 342, 344, 369, 372
 Аксаков И. С. 13, 15, 18, 29, 30, 33, 38, 105
 Аксаков К. С. 38, 105
 Александр I 307
 Александр II 15, 17, 19, 22, 28, 37, 41, 42, 56, 61, 105, 111, 120, 121, 178, 337
 Александр III 3, 10, 19, 20, 25, 27, 32, 35, 37—39, 42, 43, 45, 46, 54, 55, 56, 58—60, 63, 74, 77, 121, 134, 143, 223, 235, 337, 368, 391, 392, 394, 400, 401, 408, 409, 417
 Александр Михайлович, вел. кн. 73, 130, 131, 145, 146, 155, 157, 165, 167, 170, 226, 228
 Александра Федоровна 264, 265, 267, 284, 350, 351, 361
 Алексеев Е. И. 189
 Алексеев А. С. 171
 Алексей Александрович, вел. кн. 175, 189
Ананьич Б. В. 35, 60, 61, 80, 82, 122, 202, 203, 227, 294, 346, 380, 393
Ананьич Н. И. 61
 Андреев В. 297
 Андрей Владимирович, вел. кн. 298
 Андронников М. М. 223, 338, 419
 Анна Иоанновна 105
 Аното Г. (Hanotaux Gabriel Carnets) 402
 Анспах А. А. (Anspach) 373, 374, 382
 Анспах А. Ф. 373
 Антоний, митрополит Петербургский 155
 Антонович А. Я. 39, 88
Анфимов А. М. 63
- Аракчеев А. А. 204
- Бабушкин И. В. 269
 Балашов И. П. 129
 Баллин А. 392
 Балмашев С. В. 113
 Баранов Э. Т. 13
 Барк П. Л. 374, 375, 377, 387, 419
 Барятинский А. И. 9, 10—12, 15
Бахтурина А. Ю. 391
 Безобразов А. М. 128—132, 157, 354, 355, 357
 Безобразов В. А. 239
 Бенкендорф П. К. 219
 Бенкендорф А. К. 333
Бернацкий М. В. 72, 80
 Бернштейн Г. (Bernstein H.) 192, 196—198, 203
 Бетман-Гольвег Т. 387, 392
 Бирилев А. А. 189, 238, 240, 271, 272
 Бисмарк О. 40, 67, 112, 196, 210, 400
 Блиох И. С. 13, 47
 Бобринский А. А. 145, 161, 168, 186, 199, 201
- Бовыкин В. И.* 98
 Богданович А. В. 144, 159
 Богучарская Э. В. 36
 Богучарский В. Я. 31, 34, 36
 Богушевич Ю. М. 27, 28
 Бомпар М. 360
Бондаревская Т. П. 294
 Бонзон А. 312
 Бороздин К. А. 31
 Брандт А. А. 186, 201
 Брауде А. И. 384
 Буадефр Р. 56
 Будберг А. А. 167, 220, 221, 223, 244, 263
 Будоковский 289, 290
Буковецкий А. И. 80
 Булыгин А. Г. 124, 163, 167, 169, 170, 174—177, 183, 188, 200, 208, 413

* Составлен Е. А. Правиловой.

Бунге Н. Х. 26, 39—44, 49, 50, 55, 56,
58, 61, 70, 71, 77, 80, 82, 95, 96, 98,
100, 110, 112, 150
Бурцев В. Л. 205, 226
Быховец 244, 406, 407
Бьюкенен Дж. 7

Ватацци Э. 186
Ведерников В. В. 61
Величко К. И. 362
Вениамин, епископ Гдовский 389
Вердер Б. 19, 33
Веселитский-Божидарович Г. С. 27, 408
Вессель Н. Х. 39
Виктор-Наполеон 402, 403
Виленкин Г. А. 97, 192, 193, 316, 331
Вильгельм II 137, 166—168, 187, 199,
210, 321, 327, 359, 416
Винавер М. М. 280, 294, 295
Виттенберг Б. М. 393
Витте Иоганн-Фридрих-Вильгельм 8
Витте Ю. Ф. (Христоф-Генрих-Георг-
Юлиус) 8, 9
Витчевский В. 63
Владимир Александрович, вел. кн. 141,
142, 155, 328, 360
Воейков В. Н. 390
Вонлярлярский В. М. 128—132, 157
Воронович В. 31
Воронцов М. С. 9
Воронцов-Дашков И. И. 17, 20, 22, 23,
25, 26, 28, 29, 32, 34, 35, 37, 41, 95,
99, 112, 130, 281, 282, 300
Вуич Н. И. 132, 218, 219, 221, 225, 227,
241, 251, 255, 285, 298
Вуич Э. И. 200
Вучетич М. 15
Вырубова А. А. 413, 419
Вышнеградский И. А. 13, 14, 37, 44—56,
58—62, 68, 70—72, 77, 80, 85, 370,
382, 395, 401, 411
Вяземский Л. Д. 22

Ганелин Р. Ш. 35, 60, 122, 200, 201, 203,
227, 295—298, 346, 380, 391, 393
Гардинг Ч. 326, 333
Гарин Н. П. 258
Гартман Л. Н. 22
Гейден А. Ф. 189, 201, 304, 337
Герард Н. Н. 154, 160, 281
Герасимов А. В. 258, 284, 296, 298, 346
Гессе П. П. 140, 172
Гессен И. В. 34, 138, 139, 145, 158, 159,
161, 200, 236, 238, 280, 366, 381, 390,
393
Гейфтер М. Я. 80
Гиндин И. Ф. 62, 79, 81, 82, 99
Гинцбург Д. Г. 279, 294, 295, 360
Гирс Н. К. 19, 44, 226
Глазов В. Г. 160, 164, 166, 183, 187
Глинский Б. Б. 354, 367, 368, 375, 379,
381
Голике Р. А. 249

Голицын Г. С. 73
Головин А. Ф. 235
Гольдмерштейн Л. М. 367
Гольштейн А. В. 36
Горемыкин И. Л. 58, 98, 100, 102, 104—
109, 120, 122, 129, 134, 138, 142, 185,
186, 199, 207, 217, 218, 220, 221, 223,
244, 274, 306—309, 339, 341, 351, 375,
377, 415, 419
Горн 70
Горчаков А. М. 196
Готингер Ж. 321
Готье Ю. В. 60
Гравенгоф Д. А. 407—412, 420
Градовский А. Д. 105, 171, 172
Грей Э. 325, 333
Грибоедов А. С. 158
Григорович И. 392
Грингмут В. А. 52, 53, 62, 172—175, 190,
200, 201, 356
Гриппенберг О.-Ф. К. 165
Грузенберг О. О. 34, 285, 297
Грюнвальд К. 80
Губонин П. И. 47
Гудович В. В. 168
Гурко В. И. (Gurko V.) 79, 82, 110, 114—
116, 123, 133, 138, 154, 158, 159, 186,
201, 228, 235, 240, 255, 259, 267, 268,
277, 294, 296, 297, 309, 339—341, 343,
346
Гурлянд И. Я. 227, 279, 281, 282
Гурович М. И. 135, 286
Гурьев А. Н. 201, 202, 337, 356, 357,
361, 362
Гучков А. И. 235, 236, 259, 260, 263, 264,
306, 338, 364, 365
Гюббенет А. Я. 51—53

Давыдов Л. Ф. 351
Данилевский Н. Я. 39
Дедюлин В. А. 259
Дейч А. 25
Делькассе Т. 174
Делянов И. Д. 40, 53
Демидов кн. Сан-Дonato П. П. 28
Демчинский Н. А. 14
Дервиз П. Г., фон 47, 61
Джунковский В. Ф. 372, 382
Диллон Э. (Dillon E.) 191, 192, 202, 287,
326, 333, 336, 338, 360
Дмитриев Ф. 15
Дмитриев-Мамонов В. А. 288, 367
Докко Чой 82
Долгорукая Е. М. (кн. Юрьевская) 19,
22, 33, 37
Долгорукая Е. П. 8
Долгоруков С. Г. 10
Доризон Л. 321
Дорлиак Л. Ф. 319
Дорошевич В. М. 336
Достоевский Ф. М. 18, 280

- Драгоманов М. П. 21, 23—25, 27, 30, 35, 122
 Драчевский Д. В. 283
 Дрентельн А. Р. 25
 Дрю 162
 Дубасов Ф. В. 267, 268, 272, 295, 360
 Дубенцов Б. Б. 79
 Дубровин А. И. 266, 271, 284, 290, 297, 298
 Дудаков С. Ю. 15
 Дурново И. Н. 52, 57, 59, 73, 92, 93, 95, 99, 100, 108, 113
 Дурново П. Н. 113, 119, 136, 163, 235, 236, 238, 242, 246, 249, 255, 256, 257, 260, 262, 264, 267, 268, 271—274, 285, 286, 290—292, 299, 305, 306, 308, 309, 311, 339—344, 369, 385, 413
 Дьяков А. (*Незлобин-Житель*) 35
 Дякин В. С. 82, 310, 382
 Екатерина II 38
 Емелях Л. И. 123
 Ермолов А. С. 63, 111, 134, 140, 142, 154, 163, 167—170, 172—174, 177, 198, 200
 Ефрон И. А. 366
 Жиро Р. 80
 Жуковский В. В. 47, 396, 397
 Жюль-Жак 313
 Зайончковский П. А. 33, 35, 61, 62, 80
 Захарова Л. Г. 62, 122
 Зелигман И. 97, 192, 193
 Зернов Д. С. 186
 Зиновьев А. Д. 168
 Зиновьев И. А. 44
 Зограф 22
 Зубатов С. В. 31, 111, 135, 158
 Иван IV 105
 Иваненко А. 13
 Ивановский А. Ф. 176
 Иванюков И. И. 375, 382
 Игнатьев А. П. 121, 155, 208, 209, 216, 217, 222, 227, 271, 288, 302
 Игнатьев Н. П. 11, 26, 29, 33, 38
 Извольский А. П. 350, 402, 416
 Изгоев А. С. 297
 Икскуль фон Гильденбандт И. А. 146, 178—181, 201, 258, 295, 304
 Ито, маркиз 192
 Кавелин К. Д. 112
 Каляев И. П. 168
 Камышанский П. К. 286
 Канда Акинори 60—62
 Канкрин Е. Ф. 61
 Карамзин Н. М. 39
 Кардо-Сысоев В. В. 27
 Карлейль Т. 40
 Кассель Э. 193
 Кассини А. П. 193
 Катков М. Н. 10, 13, 25, 29, 38—44, 48, 50, 52, 56, 60, 61, 62, 67, 70, 96, 102, 113, 395, 409
 Кауфман А. А. 250, 251, 279, 281, 282
 Кауфман И. И. 351, 352, 378
 Кауфман П. М. 343
 Каханов М. С. 103
 Кельнер В. Е. 4, 203
 Кизеветтер А. А. 228
 Киреев А. А. 121, 124
 Киришбаум В. Ф. 249
 Клейгельс Н. В. 129
 Клейнмихель М. 34
 Клемансо Ж. 329
 Клементина Бельгийская 403
 Клопов А. А. 166, 175, 199, 200
 Ключевский В. О. 145, 305, 306
 Клячко Л. М. (Львов) 158, 226, 356
 Князьков С. А. 311, 368, 381
 Кобеко Д. Ф. 90, 109, 155, 208, 234, 249
 Ковалевский В. И. 68, 84, 404
 Ковалевский М. М. 197, 309, 310, 366
 Кокочков В. Н. 88, 138, 140, 142, 146, 158—160, 165, 167, 171, 172, 174, 175, 177, 180, 181, 188, 195, 199, 200—202, 206—208, 210, 222, 227, 232, 240, 244, 258, 259, 293, 296, 302, 303, 313—321, 323—325, 329—334, 336, 351—354, 359, 360, 368—379, 381—384, 399, 416, 418, 419
 Кокорев В. А. 47
 Кокошкин Ф. Ф. 235
 Кольшко И. И. (Баян) 14, 16, 46, 47, 60—63, 88, 98, 135, 137, 138, 158, 226, 356—358, 362, 366, 399, 401
 Комаров В. В. 273, 274, 336
 Комиссаров М. С. 284, 286, 291, 298
 Комура 192, 196
 Кони А. Ф. 273, 391
 Конкевич А. Е. 355
 Константин Константинович, вел. кн. 155, 386—388
 Копелева Ю. И. 382
 Кораблев Ю. И. 294
 Корелин А. П. 79
 Коркунов Н. М. 171
 Корнева Н. М. 63
 Кортэзи 191
 Корф Н. А. 267
 Коцебу Г. Е. 11
 Кочубей В. С. 167
 Кошелев А. И. 30
 Крамер Мария-Елена-Луиза 10
 Кривошеин А. В. 116, 185, 226, 244, 288, 289, 339, 344, 411
 Кромвель О. 194
 Кроненберг Л. Л. 47
 Крыжановский С. Е. 141, 159, 176, 188, 200, 201, 214, 215, 227, 259, 301, 346
 Кузнецов О. В. 15
 Кузьмин-Караваев В. Д. 211, 244
 Кулишер М. И. 294, 295

- Куломзин А. Н. 26, 29, 35, 70, 79, 108, 122, 177, 178, 180, 181, 201
 Курино 190
 Куропаткин А. Н. 76, 82, 89, 98, 100, 109, 164, 198, 200, 361, 362, 380
 Кутлер Н. Н. 9, 107, 111, 115, 116, 234, 240, 250, 251, 272, 276, 277, 278, 288, 289, 301, 302, 303, 306
Лаверычев В. Я. 61, 62, 123
Лазаревский Н. И. 296
 Ламздорф В. Н. 132, 177, 188, 190, 200, 238, 240, 320, 321, 325, 326, 327, 328, 333, 334
 Лангерке Мейер Дж., фон 187
Лауэ, фон Теодор см. von Laue Th. H.
Лебедев С. К. 402
 Левинсон А. 193
Лемке В. М. 30, 36
Лемке М. К. 22, 24, 25, 30—32, 34—36
 Леруа-Болье А. 360
 Лесков Н. 191
 Лесман А. М. 249
 Линевиц Н. П. 187, 190, 287, 361
 Лисаневич (Витте) М. И. 54, 59, 79, 161, 198, 243, 244, 350, 372, 384, 385, 389, 390, 406, 407, 409, 410
 Лисаневич Д. С. 54, 406
 Лист Ф. 67, 395
 Литвинов-Фалинский В. П. 254
Лихоманов А. В. 346
 Лихунчжан 78
 Лобанов-Ростовский А. Б. 77
 Лобко П. Л. 167, 210, 216, 222, 227, 239
 Лопухин А. А. 115, 134, 135, 140, 148, 158, 159, 160, 186, 200, 201, 282—286, 289, 297, 298
 Лорис-Меликов М. Т. 19, 38, 60, 171, 205
 Львов Г. Е. 235
 Львов Е. Д. 330
 Львов Ф. А. 379
 Любимов Д. Н. 124
Любимов С. В. 15
 Людовик XVI 204, 308
 Мазера А. 321
 Макаров Н. А. 286, 289, 290, 416
 Маклаков В. А. 159, 254, 255, 267, 296, 390
 Максимов В. В. 14, 80, 404
 Малешевский Б. Ф. 14, 88, 332, 351, 352, 378
 Мальшинский А. П. 21, 23—26, 31
 Манасевич-Мануйлов И. Ф. 290, 299
 Манасеин Н. А. 40
 Мануйлов А. А. 273
 Манухин С. С. 167, 169, 178—181, 201, 238, 255, 256, 273
Манфред А. З. 62, 80
Марголис Ю. Д. 158
 Мария Федоровна 18, 53, 144, 145, 168, 172, 224, 298, 350
 Маркс К. 105, 122
 Матюнин Н. Г. 129
 Медников Е. П. 286
 Мекк К. К., фон 47
 Меллер-Закомельский А. Н. 269
 Мельгунов С. П. 24, 387
 Мельник И. (Josef Melnik) 349, 350, 374, 378, 387—389
 Менделеев Д. И. 62, 68
 Менделеев П. П. 133, 155, 158, 160, 191, 232, 243, 251, 273, 295—297, 310, 311, 340, 341, 346
 Мендельсон 316, 317, 323, 377, 387—389, 392
 Меньшиков М. О. 280, 282, 287, 289, 293, 294, 366, 374, 376
 Меньшиков А. 31, 36
 Меринг М. Ф. 13, 88
 Меттерних П. 333
 Мец Н. 34
 Мешерский В. П. 14, 40, 46, 54, 56, 57, 89, 135, 137, 139, 158, 199, 224, 233, 366, 372, 377, 412, 418, 419
 Мигулин П. П. 244, 245
 Милоков П. Н. 9, 236, 280, 294, 380
 Милотин Д. А. 17, 19, 33
 Мин Г. А. 233, 255
Мироненко К. Н. 226
Миронова И. А. 122
 Михаил Александрович, вел. кн. 141, 145, 146, 155, 158
 Михаил Федорович Романов 105, 110
 Михаил Черниговский кн. 8
 Михайлов К. 380
 Михайловский В. Г. 201
 Михайловский Н. К. 105
 Монтихо Е.-М. 420
 Морган Джон П. 192, 195
 Мордвинов И. Л. 115, 116
 Морской А. см. Штейн В. И., фон
 Мосолов А. А. 211, 213, 223, 227, 228, 350, 378
 Муравьев М. Н. 58, 81, 129, 130, 207
 Муравьев Н. В. 119, 136, 142, 145, 148, 160, 167, 207
Мурзана М. 159, 198, 199, 201
 Муромцев С. А. 235
 Набоков Д. Н. 40
 Наполеон 194
 Наполеон III 420
Нардова В. А. 63
Нарочницкий А. Л. 82
 Нарышкин А. А. 121
 Нарышкин Л. К. 390
 Нарышкина-Витте В. С. 4, 244, 390
Неведенский С. 61
 Нелидов А. И. 89, 190, 328
 Немешаев К. С. 239, 240, 342
 Нецлин Э. 173, 174, 234, 312—314, 319, 321, 328

- Николаев П. Н. 43
 Николай А. П. 40
 Николай I 28, 105
 Николай II 3, 7, 69, 73—76, 78, 79, 89, 96, 98, 101, 108, 114, 119, 120, 122, 123, 130—132, 134—138, 140—142, 153, 158, 161, 163, 165—169, 171, 173, 174, 176, 181—183, 186, 187, 189, 190, 194, 196, 199—201, 204, 205, 211, 212, 214, 216, 217, 218, 222—225, 227, 236, 238, 245, 247, 249, 256, 258, 265, 266, 268—273, 276, 282, 283, 286, 288, 297, 298, 305—308, 316, 319, 321, 326, 333, 336—338, 340, 342, 349, 351, 359, 361, 364, 369, 372, 374, 376, 377, 381, 389, 390, 392, 394, 397, 398, 401, 414, 417
 Николай Александрович, вел. кн. 77
 Николай Михайлович, вел. кн. 280
 Николай Николаевич, вел. кн. 13, 213, 220, 221, 223, 224, 239, 306, 385
 Новосельский Н. А. 39
 Нольде Б. Э. 15
 Нольде Э. Ю. 15, 132, 140, 167—170, 174, 175, 183, 187, 199—201, 241, 246, 247
 Нордау М. 40
 Нотович Ф. И. 391
 Обнинский В. 122
 Оболенский Александр Д. 158
 Оболенский Алексей Д. 114, 116, 118, 133, 134, 137, 142, 143, 158, 167, 168, 175, 200, 219, 221, 225, 227, 235, 238, 241, 242, 249, 260, 261, 272, 289, 311, 340, 342
 Оболенский Н. Д. 134, 159
 Обручев Н. Н. 56, 391
 Ольденбург С. С. 224, 227, 228
 Ольденбургский П. А. 146
 Орлов А. А. 271
 Орлов В. Н. 15, 121, 124, 218, 219, 221
 Островский А. В. 228
 Островский М. Н. 26, 53
 Пазухин А. Д. 56, 57
 Пален К. И. 215, 303, 306, 307, 308, 341
 Палеолог М. 386, 401
 Палтов А. А. 409, 411
 Пантелеев Л. Ф. 355
 Пашковский Я. И. 23, 34, 35
 Перкинс Дж. 192, 195
 Першин П. Н. 63
 Петр I 10, 63
 Петражицкий Л. И. 236
 Петровский С. А. 45, 48, 49, 51—53, 61, 62
 Петрункевич И. И. 137, 139, 159, 174, 235, 252
 Пиперс Г. И. 376, 377
 Пихно Д. И. 14, 45
 Плеве В. К. 41, 55, 73, 78, 95, 113—121, 123, 131, 132, 135—138, 140, 158, 184, 198, 337, 357
 Плессе Э. Д. 132
 Победоносцев К. П. 25, 26, 29, 35, 37—43, 56—59, 67, 89, 94—96, 98, 100, 102, 103, 108, 113, 121, 122, 134, 140, 144, 147, 148, 152, 157, 172, 173, 199, 208, 209, 222, 395, 400
 Погребинский А. П. 61
 Подгоричани-Петрович М. А. 292
 Полли А. (Polly A.) 357—359, 379
 Половцов А. А. 80, 81, 209, 215, 226—228, 256, 296, 301, 303, 310
 Поляков С. С. 47, 61
 Поморин Н. С. 366, 367, 373, 374, 376, 380, 381, 383
 Посников А. С. 186
 Проппер С. М. 280, 403, 413, 420
 Пуанкаре Р. 328, 384, 386
 Путилов А. И. 107, 115, 176, 232
 Путятин М. С. 172
 Пушкин А. С. 121
 Пятницкий 290
 Раевский Г. М. 43
 Распутин Г. 7, 346, 372, 385, 391, 413, 419
 Рафалович А. Г. 70, 84, 97, 328, 334, 402, 411
 Рафалович А. Ф. 411, 412
 Рачковский П. И. 31, 284, 285, 286, 289, 290, 298, 339
 Редигер А. Ф. 189, 219, 238, 240, 266, 269
 Рейтерн М. X. 43, 69, 71
 Ремнев А. В. 158
 Ренненкампп П. К. 269
 Репин И. Я. 191
 Риттих А. А. 250
 Рихтер О. Б. 59, 140, 220, 221, 222, 271
 Рихтер О. О. 271
 Родичев Ф. И. 265
 Рождественский З. П. 190, 325
 Романов Б. А. 3, 80—82, 157, 158, 190, 200, 202, 239, 294, 295, 326, 330, 331, 332
 Ротшильд 72, 193
 Ротштейн А. Ю. 88
 Рош Ж. 402, 403
 Рубл Блер 4
 Рувье М. 174, 234, 314, 320, 321, 328, 402, 403
 Рудченко И. Я. (Билик) 25, 366, 367, 381
 Руз Роберт 4
 Руз Рут 4
 Рузвельт Т. 187, 192—197, 202, 402, 403
 Руманов А. В. 21, 310, 345, 346, 366, 367, 375, 377, 386, 391, 401
 Рут Э. 202
 Рутковский М. В. 84, 97
 Рухлов С. В. 288, 289, 369
 Рыбаченок И. С. 98
 Рыдзевский К. Н. 161
 Рябушинский П. П. 380
 Сабуров А. А. 155, 206, 227, 264, 265

Сабуров П. А. 179, 180, 352, 378
 Савич Н. В. 292
 Садиков П. А. 34
 Сазонов Г. П. 416
 Саломон А. П. 304
 Салтыков-Щедрин М. Е. 20
 Самарин Ф. Д. 176, 298
 Самарин Ю. Ф. 10, 11, 15, 18, 30, 105
 Саррѣн М. 328
 Сафонов М. М. 228
 Свешников М. С. 105
 Святополк-Мирская Е. А. 139, 159, 160, 198
 Святополк-Мирский П. Д. 137—145, 153, 154, 156—159, 161, 162, 167, 168, 175, 184, 186, 226
 Семенников В. П. 377, 383, 391
 Сенчакова Л. Т. 36
 Сергей Александрович, вел. кн. 110, 138, 141, 144—146, 163, 168, 186, 200
 Сидельников С. М. 311
 Сидоров А. Л. 3, 80, 200—202, 318, 331, 332, 379
 Симонова М. С. 61, 98, 99, 123, 124, 296
 Сипагин Д. С. 52, 109—112, 114, 140, 199
 Скальковский А. А. 54
 Скальковский К. А. 54, 406, 407
 Скандраков А. С. 31
 Скляров Л. Ф. 98
 Слепнев И. Н. 15, 16
 Слиозберг Г. Б. 294, 295
 Смирнов Н. П. 40, 61
 Смолей Жорж 191
 Соболев М. Н. 382
 Соколовский К. М. 392
 Соллогуб В. У. 270—272
 Соловьев Вл. 134, 191
 Соловьев Ю. Б. 60, 80, 99, 295
 Соловьева А. М. 61
 Сольский Д. М. 74, 117, 137, 140, 141, 142, 165, 167, 170, 174, 176, 187, 188, 204—209, 211—216, 227, 240, 259, 301, 302, 304, 311, 412
 Спасский-Одынец А. А. 239, 240, 267, 273, 274, 280—282, 287, 295—298, 335, 336, 338, 346
 Сперанский М. М. 170, 400
 Спиридонова М. А. 13, 88
 Спичаков Л. А. 28, 35
 Спринг-Райс 176, 195, 326
 Стахович М. А. 133, 134, 235
 Степанов В. Л. 61, 82
 Степанов С. 79
 Степанский А. Д. 310
 Стечкин Н. Я. 31, 32
 Стишинский А. А. 73, 114, 216, 222, 227, 265, 274, 288, 302, 303, 307
 Столыпин А. А. 137, 224
 Столыпин П. А. 156, 196, 197, 202, 235, 266, 297, 360, 363—365, 368, 384, 398, 399, 415, 416
 Строганов С. Г. 38

Струве П. Б. 109, 345, 346, 399—401
 Струков А. П. 115, 116, 344
 Субботин Д. И. 270
 Суворин А. А. 366
 Суворин А. С. 15, 25, 26, 30, 33, 34, 36, 63, 131, 136, 137, 143, 144, 158, 279—282, 287, 289, 293, 377
 Суворин М. А. 233, 373
 Сухотин Н. Н. 270
 Сытин И. Д. 367

Таганцев Н. С. 264, 306, 310
 Танеев А. С. 167, 369
 Тарле Е. В. 124, 233, 238
 Татищев А. А. 54
 Татищев С. С. 81, 84, 97, 337
 Твардовская В. А. 60, 61
 Тимашев С. И. 313, 315, 316, 322, 323, 330, 331, 332, 351, 352, 378
 Тимирязев В. И. 84, 239, 240, 265, 272, 288, 364, 365
 Тихомиров Л. А. 172, 173, 175, 366
 Толстая Л. И. 294
 Толстой Д. А. 43, 55—57, 143, 279
 Толстой И. И. 232, 235—243, 248, 251, 255, 256, 267, 268, 273, 279, 294—297, 306, 311, 339, 341—346, 360, 361, 364, 378, 380, 393
 Толстой Л. Н. 134
 Томара Л. П. 101
 Трепов А. Ф. 176
 Трепов В. Ф. 339, 343
 Трепов Д. Ф. 138, 144, 163, 176, 185—188, 199, 206, 217, 218, 222, 228, 233, 244, 249, 250, 255—259, 265, 272, 287, 313, 336—339, 343, 414
 Трепов Ф. Ф. 101
 Троцкий И. 384, 385
 Трубецкая О. Н. 159, 200
 Трубецкой Е. Н. 235, 236
 Трубецкой Е. С. 366
 Трубецкой П. 145
 Трубецкой С. Н. 145, 168, 175, 200
 Туган-Барановский М. 61
 Тудоряну Н. 203
 Тьер 254

Уилсон Т. (Willson, Thomas) 378
 Ульман Э. 321
 Уоллес Дональд Маккензи 191
 Уортман Ричард 4
 Урусов С. Д. 235, 284—286
 Утин Я. И. 54, 370, 376
 Ухтомский Э. Э. 355
 Ушаков М. А. 223, 228

Фадеев А. М. 8
 Фадеев Р. А. 8—11, 15, 17—20, 22, 25—33, 35, 37, 41, 60, 62
 Фадеева Е. А. 9
 Федоров М. М. 311, 366, 380
 Феоктистов Е. М. 33, 52, 409, 411
 Филиппов Т. И. 408, 420

Философов Д. А. 239, 240, 241, 243, 289,
311, 342, 351, 352
Флоринский М. Ф. 391
Франц Фердинанд 350
Фредерикс В. Б. 172, 231, 216, 219, 220,
222, 223, 228, 238, 240, 350, 351
Фриш Э. В. 140, 142, 148, 154, 165, 167,
169, 183, 264, 309, 311
Фрумкин Я. Д. 158
Фурсенко А. А. 80

Хайнекен Ф. 385
Халтурин С. 28
Харитонов П. А. 205, 304
Хаяси 192
Хилков М. И. 227
Ходский Л. В. 366, 412
Холщевников И. В. 287
Хомяков А. С. 18, 105
Хрусталева-Носарь Г. С. 254, 255, 268,
280, 281
Хэдман 191
Хэймсон Леопольд 4
Хюльзен-Хезлер 384

Цион И. Ф. 40, 63, 395, 401
Цитович П. П. 28, 31, 85, 107

Черменский Е. Д. 176, 200, 226, 227
Чернуха В. Г. 15, 63
Чернышев И. В. 98, 99, 123
Чихачев Н. М. 11, 12, 15, 80, 109, 215,
216, 391
Чичерин Б. Н. 60, 105, 184

Шабуневич А. 14
Шарапов С. Ф. 25
Шафиров П. П. 10
Шафирова М. П. 10
Швансбах П. Х. 63, 98, 317, 318, 352,
354, 378, 379
Шебалдин Ю. Н. 86, 98
Шебалов А. В. 296
Шепелев Л. Е. 61, 62, 79, 80, 123
Шервашидзе Г. Д. 137
Шереметев С. Д. 175
Шидловский Н. В. 109, 175

Шипов Д. Н. 122, 140, 159, 235, 236, 259,
260, 261, 263, 264, 294, 296, 306, 314
Шипов И. П. 70, 115, 116, 239, 240, 246,
247, 316—318, 323, 328, 329, 331, 334,
342, 351
Шифф Я. 193, 194, 202, 391
Шишкин И. 191
Шишманов И. Д. 35
Шкот П. П. 285
Штейн С. И. 391
Штейн В. И., фон 196, 365, 367, 380, 381
Штерн Ф. М. 12
Штраус О. 193
Шувалов П. А. 196
Шувалов П. П. 10, 21, 23, 24, 30—34, 36
Шумилов М. М. 294

Шербина М. П. 158
Щетинина Г. И. 61

Эдуард VII 333, 350
Эйхельман О. О. 306
Эммонс Теренс 4

Юрьевская Е. А. 19
Юрьевская О. А. 19
Юрьевский Г. А. 19
Юхт А. И. 122

Ягов Г., фон 388, 392
Яковлев А. Ф. 98
Янжул И. И. 298
Ярошенко Н. 191

Beal K. Howard 202, 203
Churchill R. P. 333
Grayson B. L. 391
Kennan George Frost 62
Laue Th. H., von 79, 81
Lee S. 333
Lieven D. 158
Marks Steven 82
Robbins R. G. Jr. 63
Thorson B. Winston 202

ОГЛАВЛЕНИЕ

От авторов	3
----------------------	---

Часть I. В поисках национальной идеи

Глава 1. Молодые годы. Тифлис и Одесса. На службе в Обществе Юго-западных железных дорог	7
Глава 2. Витте в «Святой дружине»: «Антихрист», «Вольтман», «Свободный мыслитель»?	17
Глава 3. И. А. Вышнеградский, С. Ю. Витте и новый курс в правительственной политике. Конец 1880-х годов	37

Часть II. Министр финансов

Глава 1. Первые шаги на пути модернизации национальной промышленности. Строительство Сибирской магистрали	67
Глава 2. Государственное хозяйство как основа укрепления национальной экономики. «Система» С. Ю. Витте	83
Глава 3. Конфликт с И. Л. Горемыкиным. Самодержавие и земство. Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности	100

Часть III. Председатель Комитета министров

Глава 1. Отставка с поста министра финансов. Указ 12 декабря 1904 г.	127
Глава 2. После 9 января 1905 г. На Портсмутской конференции	161
Глава 3. На пути к 17 октября 1905 г.	204

Часть IV. Первый председатель Совета министров России

Глава 1. Революция и реформы. Премьер, царь, кабинет	231
Глава 2. Реформа Государственного совета. Основные законы	300
Глава 3. Международный заем 1906 г.	312
Глава 4. Премьер и печать. Падение кабинета С. Ю. Витте	335

Часть V. В отставке

Глава 1. Публицистическая деятельность	349
Глава 2. Против войны с Германией. Последние политические шаги . .	384
Заключение	394
Приложение	402
Список сокращений	421
Указатель имен	422

Борис Васильевич Ананьич
Рафаил Шоломович Ганелин
СЕРГЕЙ ЮЛЬЕВИЧ ВИТТЕ
И ЕГО ВРЕМЯ

*Утверждено к печати
С.-Петербургским филиалом
Института российской истории
Российской Академии наук*

Редактор издательства *И. П. Палкина*
Художник *Ю. П. Амбросов*
Технический редактор *Н. Ф. Соколова*
Корректоры *Т. О. Розанова, К. С. Сапунова*
Компьютерная верстка *Л. В. Соловьевой*

Издательство «Дмитрий Буланин»
ЛР № 061824 от 11.03.98 г.

Сдано в набор 10.03.99. Подписано к печати 30.04.99.
Формат 60 × 90¹/₁₆. Гарнитура Таймс. Бумага офсетная.
Печать офсетная. Печ. л. 27. Уч.-изд. л. 28.
Доп. тираж 700. Заказ № 3157

Отпечатано с оригинал-макета
в Академической типографии «Наука» РАН
199034, Санкт-Петербург, 9 линия, 12

Заказы присылать по адресу:

«ДМИТРИЙ БУЛАНИН»
199034, С.-Петербург
наб. Макарова, 4
Институт русской литературы
(Пушкинский Дом)
Российской Академии наук
Телефон: (812) 2351586
Телефакс: (812) 3461633
E-mail: bulanina@nevsky.net